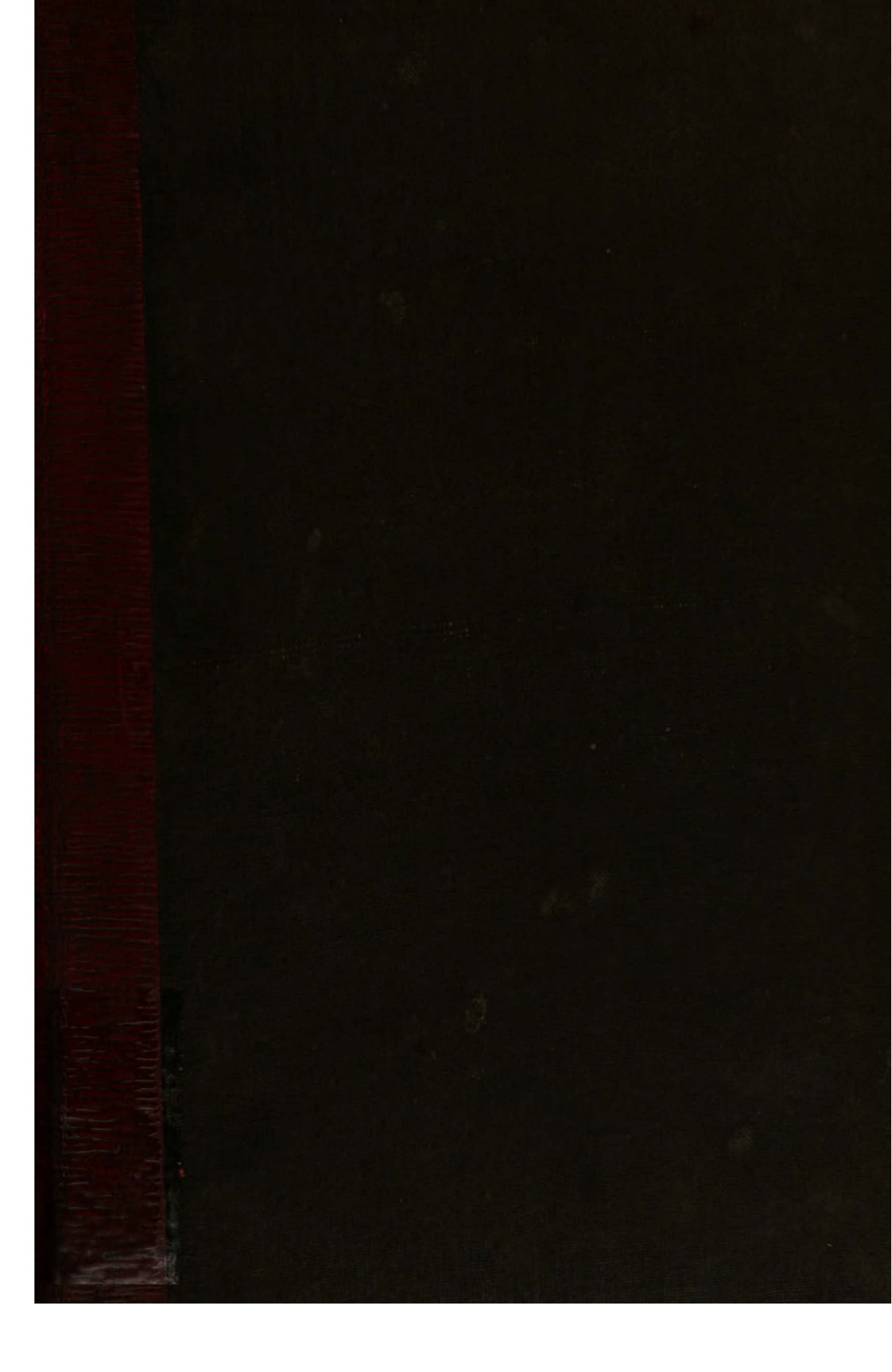
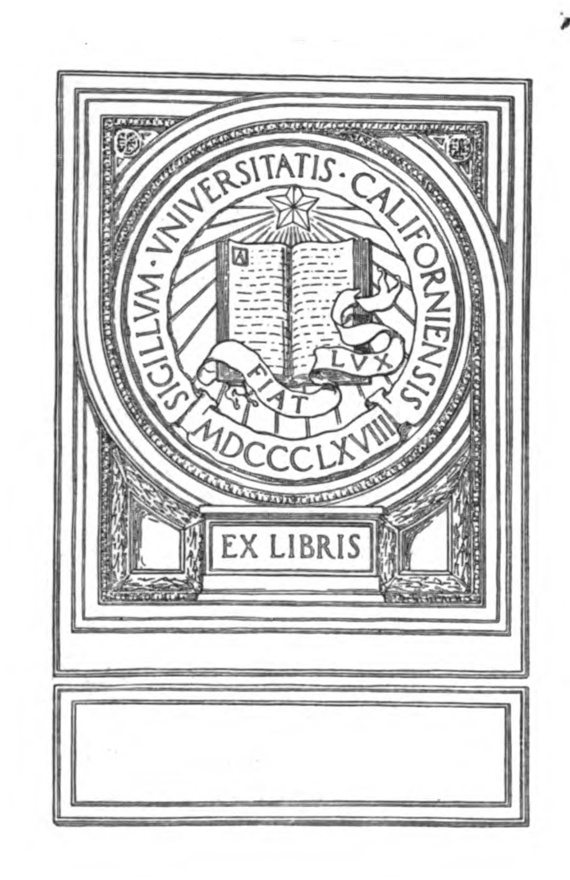
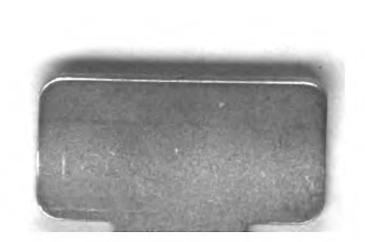



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS



Годъ VIII-й. № 10-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

ОКТЯБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Годъ VIII-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

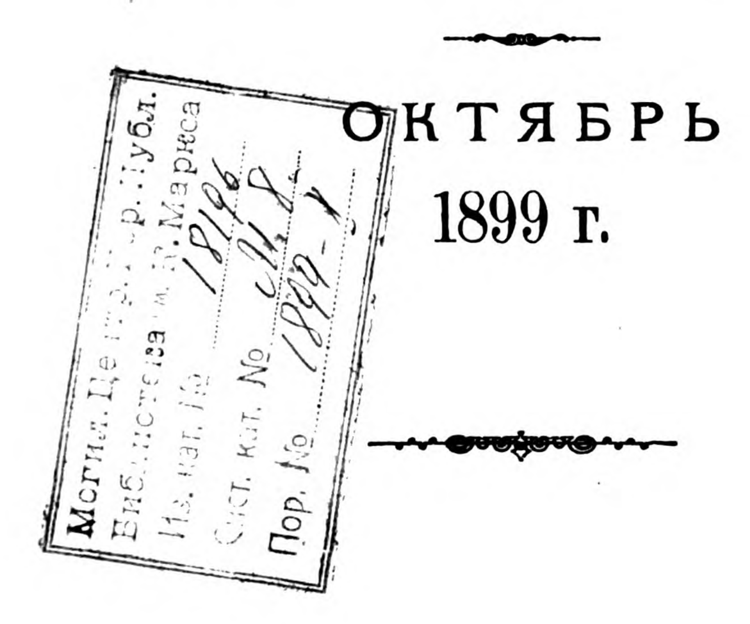
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1899 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1899.

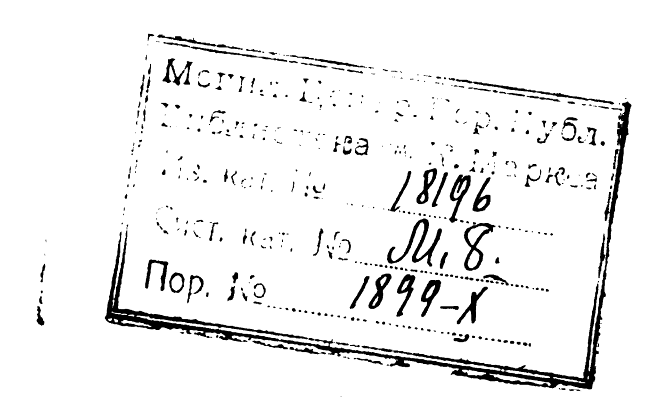
Дозволено цензурою 24-го сентября 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

(Исторія и современное состояніе).

(*Окончаніе* *).

Проф. Г. Челпанова.

Статья 2-я.

Исторія вопроса о локализаціи умственныхъ способностей указала намъ на существованіе зависимости физіологическихъ ученій отъ опредѣленныхъ психологическихъ теорій. Недостатки психологическихъ воззрѣній отражались на физіологическихъ построеніяхъ. На это могутъ, пожалуй, замѣтить, что связь между физіологіей и психологіей не можетъ считаться необходимой, и что собственно физіологія должна совершенно эмансипироваться отъ психологіи, если желаетъ стать на вполнѣ научную точку зрѣнія. Но мнѣ кажется, что такое требованіе совершенно невозможно, потому что по самому существу дѣла физіологія въ ученіи о локализаціи умственныхъ способностей не можетъ отрѣшиться отъ психологіи, но только въ своихъ построеніяхъ она должна исходить не отъ популярныхъ психологическихъ воззрѣній, а отъ научныхъ.

Можно легко показать, что и современныя ученія о локализаціи умственныхъ способностей находятся подъ вліяніемъ психологическихъ теорій. Какъ я указывалъ въ прошлой статьѣ, въ современной психологіи теорія «способностей» покинута, и вмѣсто нея признается, что наша умственная жизнь складывается изъ отдѣльныхъ элементовъ, именно «представленій». Это ученіе отражается, какъ мы увидимъ ниже, на современныхъ физіологическихъ ученіяхъ.

Мы видѣли, что существуютъ два противоположныхъ ученія по вопросу о локализаціи умственныхъ способностей: ученія Галля и Флуранса. Галль утверждалъ, что мозгъ въ различныхъ своихъ частяхъ имѣетъ различныя назначенія. Флурансъ, въ противоположность ему, доказывалъ, что мозгъ во всѣхъ своихъ частяхъ имѣетъ однородную функцію.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Современной физіологіи предоставлено было рѣшить, кто изъ нихъ былъ правъ.

Для рѣшенія этого вопроса современная наука имѣетъ огромный запасъ данныхъ, которыя, повидимому, приводятъ прежде всего къ признанію, что ученіе Флуранса неправильно.

Мы должны придавать особенное значеніе всѣмъ этимъ фактамъ потому, что они, хотя часто относятся къ различнымъ областямъ знанія, часто получаются при помощи различныхъ методовъ изслѣдованія, но, тѣмъ не менѣе, приводятъ къ тождественнымъ выводамъ. Если наука, идя различными путями, приходитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, то это, разумѣется, доказываетъ бо̀льшую достовѣрность добытыхъ результатовъ. Что же это за факты? Разсмотримъ ихъ по порядку.

Въ 60-хъ годахъ была изучена одна форма нервной болѣзни, которая называется *афазіей*. Болѣзнь заключается въ слѣдующемъ: больной утрачиваетъ способность говорить, т. е. собственно произносить слова. У него языкъ и голосовые органы находятся въ полной цѣлости; нервы, связанные съ ними, иннервируются вполнѣ нормально, но, тѣмъ не менѣе, больной не можетъ говорить. Такой больной, о которомъ впервые заговорили въ литературѣ, могъ произносить только одно слово «tan». Его, напримѣръ, спрашиваютъ: «какъ васъ зовутъ?» Онъ отвѣчаетъ—«tan». «Сколько вамъ лѣтъ?» Онъ отвѣчаетъ: «tan». «Гдѣ вы родились». Тотъ же отвѣтъ. Но не слѣдуетъ думать, что онъ не понимаетъ того, о чемъ его спрашиваютъ. Онъ прекрасно понимаетъ и даже можетъ дать на вопросы правильные отвѣты, если попросить его написать ихъ. Онъ можетъ написать и какъ его зовутъ, и сколько ему лѣтъ, и гдѣ онъ родился. Онъ всѣ слова понимаетъ, но только произнести ихъ не въ состояніи.

Врачи предполагали, что такой недостатокъ рѣчи происходитъ вслѣдствіе того, что какая нибудь часть мозга у такихъ больныхъ повреждена. И, дѣйствительно, когда послѣ смерти многихъ изъ такихъ больныхъ производили вскрытія и изслѣдовали мозгъ, то оказывалось, что у всѣхъ у нихъ въ такъ называемой третьей лобной извилинѣ (лѣваго полушарія) находились поврежденія. Изъ этого для врачей сдѣлалось яснымъ, что есть одна опредѣленная часть мозга, дѣятельность которой связана съ способностью рѣчи. Поэтому они эту третью лобную извилину назвали «центромъ» рѣчи.

Англійскій врачъ Джэксонъ замѣтилъ, что у всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя при жизни страдали параличемъ конечностей, вскрытія послѣ смерти показывали, что въ ихъ мозгу въ той части темянной доли, которая находится возлѣ такъ называемой Роландовой бороздки, находится поврежденіе. Изъ этого онъ могъ сдѣлать заключеніе, что функція этой части корки головного мозга состоитъ въ томъ, чтобы производить движенія конечностей.

Факты такого рода дѣлали несомнѣннымъ то, что взглядъ Флуранса совершенно неправиленъ, потому что извѣстныя функціи принадлежатъ только опредѣленнымъ частямъ мозга.

Въ началѣ 70-хъ годовъ вопросъ о значеніи той или другой части мозга подвергается экспериментальному изслѣдованію, потому что былъ найденъ способъ такъ называемаго *электрическаго раздраженія* поверхности мозга. Дѣло въ томъ, что до 1870 года ученые думали, что мозгъ человѣка и животныхъ совершенно не возбудимъ. Когда мозгъ животныхъ подвергали механическому разрушенію или возбуждали посредствомъ электричества, то совсѣмъ не замѣчали, чтобы животное обнаруживало какіе нибудь признаки боли или вообще производило бы какія нибудь движенія, которыя указывали бы на то, что животное что либо ощущаетъ. Но вотъ двумъ нѣмецкимъ ученымъ, *Фритче* и *Гитцигу*, около 1870 года удалось показать, что мозгъ далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ невозбудимъ. Электрическое возбужденіе въ той или другой области головного мозга вызываетъ сокращеніе какой нибудь части тѣла.

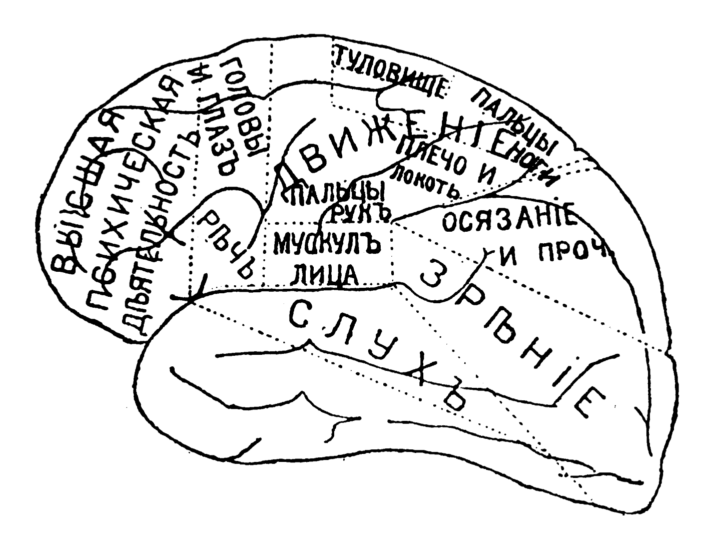
Значеніе этого метода можно легко понять, если принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. Отъ поверхности нашего тѣла и отъ мускуловъ идутъ нервныя нити или нервныя пути къ спинному и головному мозгу. Анатомы доказываютъ, что эти нервныя нити доходятъ до поверхности головного мозга. Мы знаемъ, что мускулы наши приходятъ въ состояніе сокращенія вслѣдствіе того, что по нервамъ, съ которыми они связаны, проходитъ нервное возбужденіе. Зная это, легко понять, что̀ произойдетъ, если мы станемъ возбуждать при помощи электрическаго тока какую нибудь часть поверхности головного мозга; именно, токъ будетъ идти къ тѣмъ частямъ поверхности нашего организма и къ тѣмъ мускуламъ, нервы которыхъ оканчиваются въ той части поверхности мозга, которую мы въ данный моментъ возбуждаемъ. Физіологи, производя опыты такого рода надъ животными, нашли, что вслѣдствіе указанныхъ возбужденій приходятъ въ состояніе сокращенія тѣ или другіе мускулы, смотря по тому, какую часть мозга мы возбуждаемъ.

Послѣ многочисленныхъ изслѣдованій физіологи нашли, что двигательныя функціи локализуются въ такъ называемой темянной долѣ; если мы прикладываемъ электроды къ той части поверхности мозга, которая на рисункѣ обозначена словами «плечо» и «локоть», то въ движеніе приходятъ именно эти части; если мы прикладываемъ электроды къ той части, которая на рис. обозначена словами «мускулы лица», то въ движеніе приходятъ мускулы лица и т. д. Ясное доказательство, что той или другой части поверхности мозга принадлежатъ та или другая опредѣленная функція.

Другой методъ изслѣдованія функцій мозга состоитъ въ такъ называемой *экстирпаціи*, т. е. въ удаленіи или срѣзываніи отдѣльныхъ

*

частей корки мозга. Физіологъ производитъ опыты эти приблизительно слѣдующимъ образомъ. Онъ наркотизируетъ, напримѣръ, собаку и, когда она находится въ состояніи полнаго наркоза, снимаетъ часть черепа, а затѣмъ вырѣзываетъ желаемую часть мозга, напримѣръ, ту часть, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ движеніе правую переднюю лапу, и затѣмъ, когда собака проснется отъ наркоза, онъ начинаетъ наблюдать, какое произошло съ ней измѣненіе. Онъ замѣчаетъ, что собака при движеніи начинаетъ ступать правой лапой съ большой осторожностью. Когда къ ней обращаются съ требованіемъ подать лапу, она подаетъ лѣвую, и если физіологъ настойчиво проситъ правую лапу, то умное животное, хотя и понимаетъ чего отъ него хотятъ, но подаетъ все-таки лѣвую лапу. Если ей бросаютъ



кость, то она принимается ее обгладывать, но при этомъ совсѣмъ не пользуется правой лапой, а пускаетъ въ ходъ исключительно лѣвую. Если бросаютъ хлѣбъ подъ шкапъ, подъ который не пролѣзаетъ ея голова, то она, чтобы достать хлѣбъ, пускаетъ въ ходъ только лѣвую лапу. Однимъ словомъ, изъ всего поведенія животнаго ясно, что оно, будучи лишено извѣстной части мозга, утрачиваетъ способность приводить въ движеніе правую переднюю лапу.

Еще важнѣе для насъ представляется опытъ съ обезьяной, такъ какъ ея мозгъ по своему строенію напоминаетъ мозгъ человѣка. У обезьяны вырѣзываютъ ту же часть мозга, что и у только что приведенной собаки, и тотчасъ же послѣ операціи можно замѣтить, что правая рука обезьяны перестаетъ подчиняться ея волѣ: она парализована. Она теперь, поднимаясь по перекладинамъ рѣшетки, пользуется одной только лѣвой рукой. Если ей даютъ фрукты, то она протягиваетъ лѣвую руку. Если ей даютъ орѣхи, то она прячетъ ихъ про запасъ за щеку; если ей даютъ такое количество ихъ, что ротъ ея переполняется,

то она беретъ ихъ въ лѣвую руку. Если ей продолжаютъ ихъ давать, то она, наконецъ, беретъ ихъ лѣвой ногой и все-таки не примѣняетъ правой руки. Когда она желаетъ воспользоваться орѣхами, спрятанными за щекой, то она выдавливаетъ ихъ рукой и даже съ правой стороны пользуется для выдавливанія ихъ не правой рукой, какъ это дѣлаютъ здоровыя обезьяны, а лѣвой. Словомъ, очевидно, что правая рука у такой обезьяны парализована.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно видѣть, что для двигательной функціи существуетъ совершенно опредѣленный участокъ мозга *).

Такіе же опредѣленные участки существуютъ для *ощущеній*: зрѣнія, слуха, осязанія и т. д. Въ этой области особенно важны опыты нѣмецкаго физіолога *Мунка*. Онъ удалялъ, напримѣръ, у собаки часть затылочной доли, которая на рис. обозначена словомъ «зрѣніе», и тогда онъ замѣчалъ, что у собаки наступала полная слѣпота, хотя глазъ, сѣтчатка и зрительный нервъ находились въ полной сохранности. Если онъ въ этой области вырѣзывалъ только центральную часть, то получалось весьма своеобразное явленіе, которое онъ назвалъ «душевной слѣпотой» (Seelenblindheit). Оно состоитъ въ томъ, что хотя собака сохраняетъ способность ощущать свѣтъ и цвѣтъ, но не понимаетъ ихъ значенія. Она не способна понимать назначенія предметовъ. Такъ, напримѣръ, она видитъ палку, но не обнаруживаетъ никакого страха, какъ это дѣлаетъ нормальная собака. Несомнѣнно, что она ее «видитъ», но только она не «понимаетъ», что это такое. Она забыла ея назначеніе. Но если дать ей вновь почувствовать, что это такое, то на будущее время она при видѣ палки вновь начинаетъ обнаруживать признаки боязни.

Мункъ даетъ объясненіе этого явленія, которое заслуживаетъ вниманія; именно, онъ принимаетъ существованіе мозговыхъ клѣтокъ двухъ сортовъ. Съ одной стороны клѣтки для *ощущеній*, съ другой стороны клѣтки для *памяти* (Erinnerungszellen). Въ этихъ клѣткахъ, по его мнѣнію, сохраняются воспринятыя впечатлѣнія, представленія. Въ клѣткахъ же перваго рода представленія не сохраняются, ихъ назначеніе просто *ощущать*. Отсюда, по мнѣнію Мунка, понятно, что если мы вырѣжемъ тотъ центръ, который вызываетъ душевную слѣпоту, то мы уничтожаемъ именно тѣ клѣтки, въ которыхъ сохраняются клѣтки воспоминаній. Оттого и происходитъ, что животное забываетъ назначеніе предмета.

Но, какъ я только что сказалъ, собака можетъ вновь научиться понимать значеніе предметовъ. Это оказывается возможнымъ потому, что выше названныя клѣтки ощущеній могутъ взять на себя функціи запоминанія. Онѣ могутъ сдѣлаться резервуаромъ или хранилищемъ представленій.

---

*) *Goltz.* Ueber die moderne Phrenologie. Deutsche Rundschau. 1885 г.

Благодаря методу экстирпаціи и электрическихъ раздраженій оказалось возможнымъ составить довольно подробную карту функцій головного мозга. Образецъ такой карты можно видѣть на приложенномъ рисункѣ, гдѣ указано, какая функція принадлежитъ той или другой части мозга (см. рис.).

Но самые цѣнные результаты получились изъ *патологіи*, или изъ болѣзней мозга. Это, такъ сказать, эксперименты, которые производитъ сама природа. Врачъ наблюдаетъ надъ душевно-или нервно-больнымъ, надъ тѣми недостатками, которые обнаруживаются въ его психической сферѣ, и затѣмъ послѣ смерти вскрываетъ его мозгъ и старается опредѣлить, какая часть мозга поражена или находится въ болѣзненномъ состояніи. Тогда для него становится яснымъ, что пораженная часть мозга и несетъ на себѣ тѣ функціи, которыя отсутствовали у больного.

Изъ многочисленныхъ данныхъ, которыя, доставляетъ медицина, я для иллюстраціи приведу только нѣсколько примѣровъ изъ *болѣзней рѣчи* или ненормальныхъ состояній, связанныхъ съ способностью рѣчи.

Одинъ случай такого рода я привелъ выше. Это именно больной, который прекрасно *слышитъ* слова, *понимаетъ* ихъ значеніе, *пишетъ* и *видитъ*, но только не можетъ произносить словъ. Такая форма болѣзни называется *афазіей*.

Другая форма—это *глухота къ словамъ*. Больная, о которой я сейчасъ скажу, вполнѣ хорошо видитъ, вполнѣ хорошо говоритъ, слышитъ разные звуки, но совсѣмъ не понимаетъ значенія словъ, ею слышимыхъ. Профессоръ Вернике обращается къ ней: «Здравствуйте, какъ поживаете?» — Благодарю васъ, хорошо, — отвѣчаетъ она. «Сколько вамъ лѣтъ?» спрашиваетъ онъ дальше.—Благодарю, не дурно.—«Который вамъ годъ?»—Вы хотите спросить, какъ меня зовутъ, какъ я слышу?—«Я хотѣлъ узнать, сколько вамъ лѣтъ?»—Право, я не знаю, какъ я слыхала его зовутъ.—«Дайте мнѣ вашу руку».—Право я не знаю, какъ я слыхала его зовутъ.—и т. д.

И такъ, больные этого типа, сохраняя способность слышать вообще, утрачиваютъ способность понимать смыслъ словъ, ими слышимыхъ.

У больныхъ третьяго типа утрачивается способность писать слова. Эта болѣзнь называется *аграфіей*. Такъ, напр., одинъ больной вмѣсто «царскій флотскій офицеръ» пишетъ «Царвденддъ, флотсденддъ, офоренденддъ» при полной сохранности всѣхъ остальныхъ способностей. Больной или больная могутъ продолжать такъ же хорошо играть, какъ и раньше, чертить геометрическія фигуры, рисовать, шить, вязать и пр. Словомъ, той рукой, которая не можетъ начертить ни одной буквы, исполняются самыя тонкія работы.

Четвертая форма—это потеря способности читать или *алексія*. Вотъ случай Шарко. «Одинъ французскій негоціантъ 35 лѣтъ, читавшій и писавшій очень хорошо по французски, однажды отправился вмѣстѣ со своими пріятелями на охоту за лисицами. Вдругъ онъ видитъ на-

половину спрятавшуюся лисицу, стрѣляетъ и убиваетъ ее наповалъ; къ несчастью оказалось, что онъ убилъ не лисицу, а прекрасную собаку одного изъ своихъ товарищей. Тотъ былъ глубоко огорченъ, плакалъ, и это страшно потрясло негоціанта. Однако послѣ завтрака охота еще продолжалась. Близко около негоціанта пробѣгаетъ заяцъ, онъ въ него стрѣляетъ, убиваетъ его также на повалъ, но затѣмъ самъ падаетъ на землю съ восклицаніемъ, что у него параличъ правой стороны и затѣмъ теряетъ сознаніе. Черезъ нѣкоторое время, когда онъ оправился, онъ совершенно хорошо говорилъ, выражалъ свои мысли, отвѣчалъ на вопросы писалъ свое имя, свой адресъ, даже могъ написать длинное письмо безъ ороографическихъ ошибокъ; но одно странно: свое письмо, вообще все, чтобы онъ ни написалъ, онъ не могъ перечесть. Точно также онъ не могъ прочитать ни одной строчки, ни одного слова, ни одной буквы изъ написаннаго или напечатаннаго». Вотъ примѣръ чистой *словесной слѣпоты* *).

Психіатры послѣ наблюденія при жизни больного такихъ недостатковъ рѣчи стараются послѣ смерти его сдѣлать вскрытіе, чтобы открыть, съ какими частями мозга связана способность рѣчи. Изъ многочисленныхъ наблюденій они пришли къ необходимости признать четыре особыхъ центра: одинъ спеціальный центръ для слуховыхъ образовъ словъ, другой центръ для зрительныхъ образовъ, третій для двигательныхъ образовъ пишущей руки, четвертый для двигательныхъ образовъ голосового аппарата. Болѣзненное состояніе одного изъ этихъ органовъ при сохранности другихъ или разрушеніе путей между однимъ центромъ и другимъ, производитъ ту или другую форму разстройства рѣчи.

Изслѣдованія психіатровъ, произведенныя указаннымъ способымъ, частью подтвердили результаты, найденные экспериментальнымъ путемъ, частью поставили новыя задачи для эксперимента.

Четвертый способъ изслѣдованія функцій мозга это *эмбріологическій*, который въ рукахъ Флексига привелъ къ наиболѣе плодотворнымъ результатамъ.

Сущность этого метода заключается въ томъ, что анатомъ изучаетъ строеніе мозга на различныхъ стадіяхъ его развитія, начиная съ зародышеваго состоянія, и старается прослѣдить послѣдовательное появленіе тѣхъ или другихъ центровъ, и изъ этого онъ стремится опредѣлить ихъ назначеніе. Слѣдуя этому методу, Флексигъ нашелъ, что на самой ранней ступени развитія появляются совершенно опредѣленные участки, которые онъ называетъ центрами *ощущеній*. Это именно центры, которые прежде были открыты при помощи экспериментальныхъ пріемовъ. Центры: *зрительный*, *слуховой*, *осязательно-двигатель-*

---

*) См. *Корниловъ*. О человѣческой рѣчи. «Вопросы Философіи и Психологіи». №№ 20 и 21.

ный, *обонятельный*. Эти центры образуютъ какъ бы островки между собой, такъ какъ первоначально, по мнѣнію Флексига, между ними не существуетъ проводящихъ путей. Эти проводящіе пути являются впослѣдствіи. По мнѣнію Флексига, это вполнѣ понятно: въ утробной жизни ребенокъ можетъ имѣть ощущенія, не связанныя другъ съ другомъ, оттого у него и центры для ощущеній не связаны другъ съ другомъ. Впослѣдствіе, когда наступаетъ тотъ періодъ жизни, въ который ощущенія *ассоціируются* другъ съ другомъ, между центрами ощущеній появляются проводящіе пути, которые и служатъ для ассоціаціи ощущеній. Потому Флексигъ и называетъ ихъ *ассоціативными центрами*, и этому открытію Флексига многіе физіологи придаютъ особенное значеніе *).

Есть еще *анатомо-гистологическій* методъ, но я его подвергать разсмотрѣнію не буду.

Тѣхъ фактовъ, которыя я привелъ, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что ученіе Флуранса должно быть признано совершенно несостоятельнымъ. Но есть физіологи, которые думаютъ, что общераспространенныя теоріи грѣшатъ недостаткомъ, который приближаетъ ихъ къ френологіи Галля, почему они и самое ученіе о локализаціи умственныхъ способностей называютъ просто «современной френологіей» **).

Ошибка заключается въ томъ, что предполагается существованіе *строго опредѣленныхъ участковъ мозга*, въ которыхъ локализуются тѣ или другіе функціи. Между тѣмъ какъ существуетъ очень много данныхъ, которыя противорѣчатъ такой строго опредѣленной локализаціи. Больше всѣхъ для выясненія этого вопроса сдѣлалъ нѣмецкій физіологъ *Гольцъ*, который самъ произвелъ очень много экспериментовъ для изученія вопроса о локализаціи умственныхъ способностей.

Онъ находитъ, что существуютъ многочисленные случаи, когда явленія афазіи связываются съ пораженіемъ не третьей лобной доли, какъ это обыкновенно принято думать, но съ другими частями мозга, а этого разумѣется не могло бы быть, если бы существовала строго опредѣленная локализація. Такъ же неубѣдительны, по мнѣнію Гольца, и экспериментальныя данныя. Принято думать, что функціи движенія имѣютъ строго опредѣленную локализацію, между тѣмъ, Гольцъ замѣтилъ, что, когда удаляется та часть мозга, которая по общепринятымъ теоріямъ, заправляетъ движеніями правой лапы собаки, то замѣчается

---

*) См. его книгу Gehirn und Seele. 2-е изд. 1896 г. а также рѣчь на всемірномъ конгрессѣ психологовъ въ Мюнхенѣ въ сборникѣ Dritter internationaler Congress für Psychologie München. 1896 стр. 49—68.

**) Терминъ «френологія», въ ироническомъ смыслѣ, по отношенію къ современнымъ ученіямъ о локализаціи умственныхъ способностей употребляли не только философы, какъ это можно было бы подумать на основаніи словъ Флексига (Gehirn und Seele стр. 12), но и физіологи, напр., Гольцъ. См. его вышеприведенную статью: «О современной френологіи».

не только ослабленіе движенія правой лапы, но также и лѣвой. Кромѣ того, замѣчается ослабленіе не только движенія, но и способности зрѣнія, центръ котораго находится очень далеко отъ центра движенія. Такого явленія не могло бы быть, если бы существовало строго опредѣленное разграниченіе отдѣльныхъ участковъ мозга по ихъ функціямъ *).

Но особенный интересъ представляютъ изслѣдованія того же Гольца надъ собакой безъ мозга (Hund ohne Gehirn) или, вѣрнѣе сказать, надъ собакой безъ мозговыхъ полушарій. Эти изслѣдованія показываютъ, что обыкновенное ученіе о локализаціи умственныхъ способностей не можетъ считаться вполнѣ правильнымъ.

Ему удалось вырѣзать у собаки мозговыя полушарія безъ опасности для жизни послѣдней. Собака эта безъ мозга жила 18 мѣсяцевъ, послѣ чего ее убили, чтобы изслѣдовать состояніе остававшихся у нея частей мозга.

Нужно было думать, что у этой собаки, у которой нѣтъ мозговыхъ полушарій, у которой нѣтъ, слѣдовательно, различныхъ «центровъ» ощущеній, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. под., не можетъ быть и ощущеній. Но въ дѣйствительности оказалось, что всѣ эти ощущенія у нея сохранились. Она не была слѣпой, потому что она реагировала на сильный свѣтъ. Она не была глухой, потому что реагировала на рѣзкіе звуки. Она имѣла ощущенія вкуса, потому что, напр., не ѣла мяса, облитаго растворомъ хинина. Животное, которое не имѣло никакихъ двигательныхъ центровъ, совершало вполнѣ хорошо различныя движенія.

Въ этой статьѣ Гольцъ между прочимъ указываетъ на изслѣдованія русскаго ученаго, г. Малиновскаго, которое приводитъ къ удивительнымъ результатамъ, если держаться общепринятыхъ ученій о локализаціи психическихъ способностей.

Г. Малиновскій ввелъ въ лѣвое полушаріе собаки особые микробы, которые производятъ гніеніе. Разумѣется, тотчасъ началось гніеніе указаннаго полушарія. Собака начала обнаруживать слабость въ движеніяхъ правыхъ конечностей. По мѣрѣ развитія болѣзни, слабость возрастала все больше и больше. Кончилось тѣмъ, что вся правая половина животнаго оказалась парализованной. Тогда изслѣдователь вскрылъ черепъ животнаго и удалилъ всю ту двигательную область полушарій, которая подверглась гніенію. Какъ только онъ это сдѣлалъ, собака уже на другой день послѣ операціи вновь пріобрѣла способность ходить почти такъ же, какъ и нормальная.

Какъ можно было бы объяснить этотъ удивительный фактъ, я не стану разбирать. Для насъ важно въ данномъ случаѣ замѣтить, что, хотя въ указанномъ случаѣ такъ называемые двигательные центры были удалены, однако способность движенія совсѣмъ не утрачивалась.

---

*) Ук. ст. стр. 270, 276.

Въ той же статьѣ Гольцъ описываетъ слѣдующій случай. На лугу, напр., пасется быкъ, о которомъ говорятъ, что онъ отличается отъ другихъ быковъ только тѣмъ, что онъ злой. Другихъ особенностей за нимъ не замѣчается. Въ извѣстное время его приводятъ на бойню, и мясникъ замѣчаетъ, что убить его при помощи удара топора труднѣе, нежели обыкновеннаго быка. Послѣ вскрытія черепа оказывается, что у него вмѣсто мозга находится «камень», какъ говорится въ старинныхъ преданіяхъ. На самомъ же дѣлѣ мозговыя полушарія вытѣснены костной опухолью. Вся полость черепа заполнена костной массой, такъ что оставалась только очень незначительная часть мозговыхъ полушарій, тѣмъ не менѣе психическія способности, повидимому, мало уклонялись отъ нормальныхъ.

Этотъ случай никакъ не можетъ быть приведенъ въ согласіе съ общепринятыми взглядами на функціи мозга. Гольцъ въ этой статьѣ приходитъ къ тому выводу, что и тѣ части мозга, которыя не входятъ въ составъ мозговыхъ полушарій, должны быть приняты въ соображеніе, когда дѣло идетъ о психическихъ функціяхъ мозга *).

Кромѣ того Гольцъ, возражая противъ современныхъ френологическихъ ученій, обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что у животныхъ, у которыхъ удалена какая-нибудь небольшая часть мозга, *только въ первое время послѣ операціи* утрачиваются нѣкоторыя психическія функціи, но спустя мѣсяцъ приблизительно послѣ операціи, эти функціи вновь возвращаются.

Предполагаютъ, что это происходитъ оттого, что другія сосѣднія части мозга берутъ на себя функцію удаленной части мозга. Онѣ, такъ сказать, становятся *замѣстителями* утраченныхъ частей мозга. «Но, если это такъ, возражаетъ Гольцъ, если однѣ части мозга могутъ видоизмѣнять свои функціи и брать на себя функціи другихъ частей мозга, то ясно, что не можетъ быть рѣчи о строгой разграниченности мозговыхъ функцій. Вѣдь если какой-нибудь камешекъ изъ мозговой мозаики выпалъ, то другой камешекъ не можетъ его замѣстить, по истинному смыслу современной френологіи».

Наконецъ, противъ того положенія, что въ томъ или другомъ процессѣ, напр., въ зрѣніи или въ слухѣ принимаетъ участіе только *одинъ* или другой участокъ мозга, можно возразить, что оно представляется совсѣмъ невѣроятнымъ. Это положеніе, какъ мы видѣли, доказывается тѣмъ, что съ уничтоженіемъ извѣстныхъ частей мозга уничтожаются и соотвѣтствующія функціи.

Вундтъ замѣчаетъ **), что это разсужденіе такъ же невѣроятно, какъ если-бы кто нибудь сказалъ, что движенія какой нибудь сложной машины находятся въ зависимости отъ движенія и цѣлости того или

---

*) Статья Hund ohne Gehirn помѣщена въ Pflüger's Archiv f. d. Physiologie B. LI. 1891 г.

**) Wundt. Gehirn u. Seele. (Его Essays).

другого колесца, потому что разрушеніе этого колесца влечетъ за собою остановку движенія всей машины. Скорѣе можно думать, что въ томъ или другомъ умственномъ процессѣ принимаютъ участіе многочисленные мозговые участки, между прочимъ и тотъ, которому приписывается эта функція, а тогда разумѣется понятно, что уничтоженіе этого участка можетъ повлечь за собою и уничтоженіе соотвѣтствующей функціи.

Вотъ вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ очеркъ современныхъ ученій о локализаціи умственныхъ способностей. Изъ нихъ слѣдуетъ съ неопровержимой ясностью одно, что ни ученіе Флуранса объ однородности мозга, ни противоположное ученіе о томъ, что существуютъ строго опредѣленныя области мозга съ опредѣленными функціями не можетъ быть признано истиннымъ.

Я, разумѣется, очень далекъ отъ желанія подвергать критикѣ физіологическія ученія. Для меня эти ученія представляютъ интересъ только лишь въ отношеніи къ вопросу о природѣ психическихъ явленій.

Мы видѣли, что френологія считается наукой осмѣянной, изгнанной, но, изгнанная изъ однѣхъ дверей, она проникаетъ къ намъ въ другія. Если физіологи въ настоящее время не считаютъ болѣе возможнымъ искать отдѣльные органы для отдѣльныхъ «способностей», за то они находятъ отдѣльные органы для отдѣльныхъ *представленій*, изъ которыхъ складывается вся наша умственная жизнь. Къ такому разсужденію они приходятъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ анатомо-физіологическаго характера.

Въ настоящее время анатомы признаютъ, что вся наша нервная система составляется изъ отдѣльныхъ элементовъ или единицъ, которыя называются *нейронами* *). Соединеніе этихъ нейроновъ другъ съ другомъ даетъ намъ всю нашу нервную систему. Можно себѣ представить, что при усовершенствованныхъ пріемахъ анатомическаго изслѣдованія можно было бы всю нервную систему разложить на отдѣльные элементы, нейроны, число которыхъ, разумѣется, насчитывается милліардами. Нейронъ представляетъ изъ себя нервную клѣтку съ отростками двухъ родовъ. Одинъ отростокъ тонкій и длинный, называемый *осево-цилиндрическимъ*; другіе отростки короткіе и толстые; ихъ называютъ *протоплазматическими*. Соединеніе одного отростка съ другимъ происходитъ такимъ образомъ, что осево-цилиндрическій отростокъ одного приходитъ въ соприкосновеніе съ протоплазматическимъ отросткомъ другого. Въ послѣднее время найдено также, что отростки могутъ то удлиняться, то укорачиваться и такимъ образомъ между ними связь устанавливается и нарушается.

Таковы анатомическія единицы. Какія же психическія *единицы* имъ соотвѣтствуютъ? Для многихъ казалось въ высокой мѣрѣ вѣроятнымъ, что такія психилогическія единицы суть *представленія*, при чемъ каж-

*) См. подробности въ «Научной Хроники», февраль «М. Б.», 1897 г. *Ред.*

дому нейрону соотвѣтствуетъ одно представленіе; что нейронъ является какъ бы резервуаромъ, въ которомъ, такъ сказать, хранится представленіе.

При такихъ условіяхъ легко понять, какъ совершается такой процессъ, какъ процессъ *ассоціаціи* двухъ представленій. Положимъ, я въ рукахъ держу мѣлъ, который имѣетъ извѣстный цвѣтъ и извѣстную тяжесть. Мѣлъ есть представленіе, сложенное изъ двухъ представленій, которыя мы обозначимъ черезъ A и B. Предположимъ, что представленіе A принадлежитъ нейрону *a*, представленіе B принадлежитъ нейрону *в*. Теперь понятно, что если представленіе A соединяется съ представленіемъ B, то это происходитъ отъ того, что нейронъ *a* вступаетъ въ соединеніе съ нейрономъ *в*. Если случается, что мы не можемъ вспомнить какого нибудь представленія, находящагося въ ассоціативной связи съ другимъ, то это происходитъ оттого, что не устанавливается связи между нейронами, соотвѣтствующими этимъ представленіямъ. Если у кого нибудь является блестящая мысль, благодаря которой устанавливается соединеніе между однимъ представленіемъ и другимъ, то это происходитъ вслѣдствіе того, что между соотвѣтствующими имъ нейронами устанавливается ассоціативная связь. Такимъ образомъ различные психическіе процессы могутъ быть объяснены при помощи процесса соединенія и разъединенія нейроновъ.

«Въ новѣйшее время, говоритъ проф. *Бехтеревъ* *), Дювалемъ было высказано предположеніе, что концевыя развѣтвленія нейроновъ способны къ амебоиднымъ движеніямъ, благодаря чему они могутъ удлиняться и укорачиваться. Сходственную гипотезу высказалъ нѣсколько ранѣе Rabl Rückhardt, допускавшій движеніе протоплазменныхъ отростковъ. ...Если-бы предположеніе объ амебоидныхъ движеніяхъ подтвердилось, то мы получили бы возможность объяснить наиболѣе простымъ способомъ вліяніе привычки и упражненія на отправленія нервной системы, вліяніе возбуждающихъ и угнетающихъ средствъ на нервную систему, а равно и многихъ другихъ фактовъ изъ области физіологіи и патологіи нервной системы».

«Ramon y Cajal считаетъ возможнымъ образованіе новыхъ соединеній, благодаря удлиненію отростковъ, но не временнаго, а болѣе постояннаго».

«По теоріи Рюккарда,—говоритъ Азулэ,—пирамидальная клѣтка есть вмѣстилище опредѣленнаго количества и опредѣленнаго рода представленій, сумма которыхъ есть память. Эти представленія должны быть накоплены въ молекулахъ клѣточной протоплазмы; слѣдовательно, эта протоплазма обладаетъ памятью. Если всѣ наши умственныя дѣятельности связаны съ подвижными комбинаціями представленій (съ ассоціаціями идей) или съ образами, накопленными въ протоплазмѣ раз-

*) Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи. 1896. № 1.

личныхъ клѣтокъ, то въ ткани нервной системы долженъ быть пунктъ, въ которомъ эта подвижность производится».

Въ этой ткани есть одинъ пунктъ особенной важности, это именно тотъ пунктъ, въ которомъ отростки нейроновъ соединяются другъ съ другомъ.

«Какимъ образомъ можетъ происходить эта подвижность комбинацій? Достаточно предположить, что протоплазматическій отростокъ прерывается въ этомъ пунктѣ, когда комбинація не имѣетъ мѣста, и вновь сростается, когда комбинація имѣетъ мѣсто; и это происходитъ посредствомъ амебоиднаго движенія конца протоплазматическаго отростка». Такимъ образомъ можно объяснить процессъ мышленія вообще. «Такъ, напр., какая-нибудь геніальная комбинація соотвѣтствуетъ быстрой игрѣ разрыва и соединенія протоплазматическихъ отростковъ нѣсколькихъ нервныхъ клѣтокъ. Мысль лѣнивая и бѣдная соотвѣтствуетъ медленной игрѣ этихъ явленій въ протоплазматическихъ отросткахъ. Сонъ съ сновидѣніями, гипнотизмъ, различныя патологическія состоянія, можетъ быть, суть не что иное, какъ частичные параличи скоропроходящіе или продолжительные амебоиднаго движенія протоплазматическихъ отростковъ» *).

Нѣсколько труднымъ съ этой точки зрѣнія является рѣшеніе вопроса, какое количество представленій принадлежитъ каждому нейрону или нервной клѣткѣ, и какъ мы должны принять, всѣ ли нервныя клѣтки заняты представленіями, или же есть и клѣтки, свободныя отъ представленій. У нѣкоторыхъ физіологовъ встрѣчаемъ замѣчанія, что *каждая клѣтка служитъ для одного представленія* **), а зная количество клѣтокъ, мы даже можемъ опредѣлить, есть ли у насъ клѣтки въ мозгу, свободныя отъ представленій. По вычисленію Мейнерта, у насъ въ мозгу имѣется около 600 милліоновъ клѣтокъ. По вычисленію же психіатра Ковалевскаго, у насъ въ теченіе жизни можетъ перебывать около 40 милліоновъ представленій. Слѣдовательно, выходитъ, что у насъ очень много клѣтокъ, которыя совершенно остаются безъ всякихъ представленій.

У насъ имѣются данныя, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ физіологовъ, дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что представленія располагаются въ мозгу, если такъ можно выразиться, послойно. На это указываютъ явленія такъ называемой частной *амнезіи* или потери памяти. Извѣстно, что при нѣкоторыхъ нервныхъ разстройствахъ происходитъ забвеніе словъ, при чемъ эта утрата словъ по большей части идетъ въ опредѣленномъ, послѣдовательномъ порядкѣ, такъ напримѣръ, больной забываетъ прежде всего имена собственныя, затѣмъ имена существительныя вообще, глаголы и т. д. Проч-

---

*) *Azoulay.* «Psychologie histologique et texture du système nerveux. Année psychologique». 1895. Vol. II.

**) Напр., *Ковалевскій.* «Основы механизма душевной дѣятельности».

нѣе всего держатся междометія. Такъ какъ по предположенію отдѣльныя части рѣчи выпадаютъ потому, что клѣтки, въ которыхъ онѣ локализуются, перестаютъ дѣйствовать, то изъ этого дѣлается яснымъ, что отдѣльныя части рѣчи локализуются въ отдѣльныхъ частяхъ мозга, что онѣ прикрѣплены, такъ сказать, къ совершенно опредѣленной группѣ клѣтокъ, и въ этомъ смыслѣ можно говорить, что представленіе локализуется въ тѣхъ или другихъ частяхъ мозга; можно даже сказать, что къ той или другой клѣткѣ прикрѣплено то или другое представленіе.

Но всѣ эти разсужденія лишены всякаго научнаго основанія. Они совершенно произвольны, и самый простой психологическій анализъ можетъ намъ показать неосновательность всѣхъ этихъ физіологическихъ построеній.

Въ самомъ дѣлѣ, какія у насъ основанія утверждать, что каждая клѣтка служитъ для одного представленія? Рѣшительно никакихъ. Мы можемъ признать, что въ мозгу главная дѣятельность приходится на долю клѣтокъ. Мы можемъ назвать ихъ анатомическими единицами, но не имѣемъ никакого права утверждать, что каждая клѣтка служитъ для одного представленія. Если существуютъ анатомическія единицы, то изъ этого не слѣдуетъ, что существуютъ психологическія единицы, отличающіяся такою же опредѣленностью, какъ и анатомическія. Мысль, что каждое представленіе связывается съ одной нервной клѣткой, вызываетъ чрезвычайно большія трудности, если мы пожелаемъ провести ее послѣдовательно; напр., можемъ ли мы сказать, какое представленіе простое и соотвѣтствуетъ одному нейрону и какое представленіе сложное и соотвѣтствуетъ множеству нейроновъ? Напр., представленіе звѣзднаго неба, есть одно представленіе или множество? Представленіе шахматной доски—одно представленіе или множество? и т. п. *).

«Абсурдность френологической гипотезы,—говоритъ Вундтъ,—уменьшается только въ очень незначительной степени, если мы примемъ, какъ это дѣлаетъ новѣйшее направленіе мозговой локализаціи, что каждое представленіе прикрѣплено къ одной мозговой клѣткѣ, такъ что возбужденіе этой клѣтки вызываетъ непосредственно соотвѣтствующія представленія». Вундтъ, разумѣется, этого взгляда совсѣмъ не признаетъ. «Подобно тому, какъ одна палочка сѣтчатки или одно волокно зрительнаго нерва не можетъ быть резервуаромъ для отдѣльнаго представленія, напр., дома или даннаго человѣческаго лица, точно такимъ же образомъ имъ не можетъ быть одна клѣтка такъ называемаго зрительнаго центра.

«Нужно только разсмотрѣть слѣдствія этого положенія, чтобы понять его внутреннюю невозможность. Нашего знакомаго, съ которымъ мы встрѣчаемся ежедневно, мы видѣли въ самыхъ различныхъ поло-

*) *Остроумовъ.* «О методахъ физіологической психологіи».

женіяхъ, слѣдовательно, такъ мы должны думать, мы отводимъ для него въ нашемъ мозгу не одну клѣтку, но цѣлый рядъ ихъ. Если мы его видимъ въ какомъ-нибудь уже знакомомъ намъ видѣ, то мы пользуемся клѣткой, которая уже у насъ имѣется. Если же онъ является передъ нами въ какомъ-нибудь новомъ видѣ, напр., въ новой шляпѣ на головѣ, то это новое представленіе мы должны помѣстить въ какую-нибудь запасную клѣтку. Если, напр., далѣе мы узнали какое-либо новое иностранное слово, то мы его помѣщаемъ въ какую-нибудь клѣтку центральнаго органа рѣчи. Если мы то же самое слово слышимъ съ какимъ-нибудь новымъ оттѣнкомъ въ произношеніи, то для этой модификаціи необходима уже новая клѣтка и т. д. до безконечности» *).

Если кто нибудь привязываетъ представленіе къ нейрону, то онъ совершенно неправильно понимаетъ, что̀ такое представленіе съ точки зрѣнія психологической.

Ему кажется, что представленіе есть какая-то *вещь*, которая можетъ гдѣ-то помѣщаться. Ему кажется, что представленіе есть какая-то матеріальная вещь, но такъ какъ представленіе, какъ нѣчто психическое, протяженностью не обладающее, не можетъ занимать пространства, то о немъ нельзя сказать, что оно помѣщается гдѣ-нибудь въ пространствѣ, нельзя сказать, что оно помѣщается въ какой-нибудь клѣткѣ или, что оно какъ бы прикрѣплено къ ней.

Представленіе вовсе не есть вещь, а есть, такъ сказать, *процессъ*. Вещью мы называемъ то, что обладаетъ извѣстнымъ постоянствомъ. Напр., кусокъ камня сегодня представляетъ изъ себя почти то же самое, что и вчера. Представленіе и въ этомъ смыслѣ не можетъ быть названо вещью, потому что въ дѣйствительности оно есть нѣчто измѣняющееся, есть то, что мы можемъ назвать процессомъ, а о процессѣ, при томъ не матеріальномъ, разумѣется, нельзя сказать, что онъ совершается *гдѣ-нибудь* въ пространствѣ, а можно только лишь сказать, что онъ совершается *одновременно* съ какимъ-нибудь физіологическимъ процессомъ.

Мы теперь можемъ отвѣтить на вопросъ, какъ нужно понимать терминъ *локализаціи умственныхъ способностей*. Именно, подъ этимъ нельзя понимать, что будто какія-то представленія размѣщаются въ какихъ-то клѣткахъ; мы можемъ только сказать, что представленіе это психологическій *процессъ*, который совершается въ то время, когда въ мозгу совершаются тѣ или другіе физіологическіе процессы. Замѣтьте, я говорю о совпаденіи во *времени* между этими двумя процессами, считая, что было бы нелѣпо говорить о пространственномъ положеніи представленій, такъ какъ эти послѣднія не имѣютъ ничего общаго съ пространствомъ.

*) *Wundt*. Vorlesungen über die Menschen—und Thierseele изд. 3-е. Русск. пер. лекц. 30-я.

Далѣе, я считаю нужнымъ замѣтить, что у насъ, опять-таки съ психологической точки зрѣнія, не имѣется никакихъ основаній утверждать, что одно представленіе должно быть связано съ дѣятельностью *одной* клѣтки. Всего вѣроятнѣй, что процессу простого представленія соотвѣтствуетъ одновременная дѣятельность чрезвычайно большого количества клѣтокъ, такъ какъ почти каждое представленіе обладаетъ сложнымъ характеромъ и состоитъ изъ множества разнороднѣйшихъ ощущеній, принадлежащихъ къ области различныхъ органовъ чувствъ. Напр., одно слово, которое принято считать однимъ представленіемъ на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ такихъ элементовъ, какъ слуховой образъ, двигательный образъ произношенія, часто зрительный образъ и т. д. Можемъ ли мы говорить при такихъ условіяхъ, что одному представленію соотвѣтствуетъ только одна клѣтка? Во всякомъ случаѣ мы объ этомъ ничего опредѣленнаго не знаемъ, даже никакой опредѣленной гипотезы по этому вопросу построить не можемъ.

Отсюда ясно, какъ неправы тѣ, которые предлагаютъ психологію замѣнить физіологіей мозга. Не правы они потому, что то, что мы знаемъ въ области психологіи, отличается несравненно бо̀льшей опредѣленностью, чѣмъ то, что мы знаемъ относительно физіологической основы нашихъ представленій. Напр., возьмемъ ассоціацію двухъ представленій А и В. Роза состоитъ изъ представленій А=извѣстнаго цвѣта и В=извѣстнаго запаха. Здѣсь для насъ все ясно: и содержаніе представленій А и В, и самая связь между ними. Но разсмотрите, что соотвѣтствуетъ имъ съ точки зрѣнія физіологической? какая-то связь между какими-то нервными элементами. Въ лучшемъ случаѣ мы объ этомъ можемъ составить только лишь какую нибудь гипотезу. Слѣдовательно ассоціація съ точки зрѣнія психологической есть *фактъ*, а съ точки зрѣнія физіологической только лишь *гипотеза*. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о возможности замѣны психологіи физіологіей мозга?

Я хочу иллюстрировать это положеніе однимъ любопытнымъ случаемъ. Недавно между вѣнскимъ анатомомъ *Штриккеромъ* и психологомъ *Штумфомъ* возникъ такого рода споръ. По поводу одной теоріи Штриккеръ упрекнулъ Штумфа въ томъ, что, «должно быть, когда онъ писалъ свою теорію, то не имѣлъ совершенно яснаго представленія относительно строенія мозговой коры», а Штумфъ для возраженія Штриккеру беретъ ту же самую книгу его, въ которой содержится это возраженіе и тамъ находитъ слѣдующія выраженія: «Совершенно не наше дѣло доказывать, говорилъ Штриккеръ, извѣстны ли намъ эти нервные пути или нѣтъ. *Ассоціація* есть несомнѣнный фактъ». «Это положеніе относительно ассоціаціи представленій совсѣмъ не есть *гипотеза*. Выраженіе «ассоціація» перешло также въ физіологію и здѣсь оно опирается только на *гипотезу*», говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи *). Эти показанія для насъ въ высшей степени цѣнны,

*) *Логика* (русск. пер. 1899 г. стр. 689).

потому что принадлежатъ анатому и противъ его воли, такъ сказать, показываютъ, что и анатомъ долженъ признать, что психологическіе *факты*, извѣстные намъ изъ внутренняго опыта, оказываются болѣе достовѣрными, чѣмъ тѣ *гипотезы*, которыя мы можемъ предлагать по поводу физіологическихъ процессовъ, соотвѣтствующихъ психологическимъ.

Отсюда ясно, какъ не правы тѣ, которые говорятъ, что «собственно психологія, какъ таковая, обречена на полное безплодіе; если мы хотимъ раскрыть законы психологической жизни, то мы должны изучить строенія и функціи нашего мозга». Въ дѣйствительности, происходитъ какъ разъ наоборотъ. Анатомъ, приступая къ изученію функцій мозга, идетъ отъ психологическихъ данныхъ, а не наоборотъ. Какимъ образомъ психіатръ могъ бы опредѣлить локализацію афазіи, если бы онъ не исходилъ отъ психологическаго анализа самого факта; какъ онъ вообще могъ бы говорить объ афазіи, если бы не изслѣдовалъ явленій афазіи съ точки зрѣнія внутренняго опыта?

Наиболѣе выдающіеся философы держатся этого взгляда. Когда *Огюстъ Контъ*, отвергая законность психологіи на основаніи внутренняго опыта, требовалъ вернуться къ френологіи Галля, то Д. С. Милль *) заявилъ, что «законы психологической жизни не могутъ быть выводимы изъ физіологическихъ законовъ нашей нервной организаціи, а потому за всякимъ дѣйствительнымъ знаніемъ послѣдовательности психическихъ явленій впредь (если не всегда, то несомнѣнно еще долгое время) будутъ обращаться къ ихъ прямому изученію путемъ наблюденія и опыта. Такъ какъ такимъ образомъ порядокъ нашихъ психическихъ явленій приходится изучать на нихъ самихъ, а не выводить изъ законовъ какихъ либо общихъ явленій, то существуетъ слѣдовательно отдѣльная и особая наука о духѣ»... «Мнѣ кажется, говоритъ онъ далѣе, что было бы серьезной ошибкой отказъ отъ психологическаго анализа и *попытка построить ученіе о духѣ исключительно на основаніи тѣхъ данныхъ, какія въ настоящее время доставляетъ физіологія*. Какъ бы ни была несовершенна наука о духѣ, я безъ колебанія утверждаю, что она значительно болѣе подвинута впередъ, чѣмъ соотвѣтствующая ей часть физіологіи, и отвергать ее во имя этой послѣдней кажется мнѣ нарушеніемъ истинныхъ правилъ индуктивной философіи».

Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современной психологіи, *Вундтъ*, говоритъ слѣдующее: «Нужно подумать о той важной помощи, которую психологическій анализъ нашихъ ощущеній оказываетъ физіологическому изслѣдованію нашихъ органовъ чувствъ и о тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ о физіологическомъ субстратѣ сложнѣйшихъ психическихъ процессовъ въ сравненіи съ относительно обстоятельнымъ познаніемъ, которое намъ доставляетъ внут-

*) См. «Stumpf. Tonpsychologie». 1883. B. I, стр. 92—3.

реннее воспріятіе въ этихъ процессахъ. Въ общемъ дѣло складывается такимъ образомъ, что именно тамъ, гдѣ физіологія въ настоящее время стоитъ передъ неразрѣшимой проблемой, тамъ психологія оказываетъ ей руководящія услуги» *).

Чтобы вы не подумали, что только философы понимають такимъ образомъ отношеніе между психологическимъ наблюденіемъ и анатомо-физіологическими условіями мысли, я укажу вамъ, что даже въ медицинѣ, гдѣ въ послѣднее время возникали споры относительно роли анатомическаго изслѣдованія для психопатологіи, нѣкоторые психіатры высказывались противъ этого. *Флексигъ* утверждалъ, что психіатрія не будетъ прогрессировать до тѣхъ поръ, пока не воспользуется въ болѣе широкихъ размѣрахъ анатоміей мозга, чѣмъ это она дѣлала до сихъ поръ. Въ отвѣтъ на это психіатръ *Ниссль* сдѣлалъ цѣлый рядъ возраженій **). По его мнѣнію, ни одинъ психіатръ не можетъ сказать, что тѣ несовершенныя анатомическія изслѣдованія мозга, какія мы въ настоящее время имѣемъ, оказали пользу клинической психіатріи. Онъ находитъ, что собственныя работы Флексига и въ особенности его выводы не представляютъ изъ себя «естественно научнаго наблюденія, но являются догматизмомъ спекулятивно анатомической области»... «Онъ не привелъ ни одного доказательства того, что его ассоціативныя волокна имѣютъ что нибудь общее съ тѣмъ, что мы называемъ ассоціацией»... «Анатомія мозга есть отрасль анатомическихъ наукъ. Анатомія мозга, какъ таковая, не имѣетъ ничего общаго съ психіатріей. Психіатрія обязана своимъ развитіемъ врачамъ, которые никогда не работали въ области анатоміи мозга».

Одинъ анатомъ по поводу огромныхъ успѣховъ анатоміи мозга въ послѣднее время высказалъ надежду, что не далеко то время, когда наши познанія строенія мозга будутъ такъ велики, что мы будемъ въ состояніи построить такую колосальную модель мозга, въ которой каждая нить, каждое волокно, каждая клѣточка будутъ представлены особо. Такая модель будетъ изъ себя представлять точную копію мозга, его, такъ сказать, фотографію.

Съ своей стороны я считаю нужнымъ замѣтить, что если даже наши знанія строенія мозга достигнутъ той степени, о которой говоритъ анатомъ, то все таки психологія не сдѣлается излишней, потому что, чтобы говорить о назначеніи той или другой части мозга, нужно знать психологическіе факты изъ внутренняго опыта.

---

*) Philosophische Studien. B. X. H. I. Ср. *Риль*. Теорія науки и метафизика стр. 247. *Sigwart*. Logik. B. II. стр. 519, 569.

**) Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie, 1898. N. 2. Статья «Psychiatrie und Hirnanatomie».

ИЗЪ ЗАБЫТОЙ ТЕТРАДИ.

I.

Ни въ чемъ очарованья нѣтъ!
Безкровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья.
И тѣ, кто размышлять привыкъ,
Не покорятся вновь обману:
Имъ каждый звукъ веселья—дикъ,
Имъ каждый день наноситъ рану...

— Спѣшимъ, о братья! жизнь—одна.
Пускай же призракомъ мгновеннымъ,
Крылатымъ сномъ мелькнетъ она,
Но сномъ прекраснымъ, незабвеннымъ!
Не бойтесь смерти! Смерти ночь
Страшнѣе ль жизни бездыханной?
Впередъ, отъ злыхъ кошмаровъ прочь!
Впередъ—къ землѣ обѣтованной!
Спѣшимъ, друзья!..

Но кличъ добра
Слѣпцы встрѣчаютъ злобнымъ смѣхомъ,
Подъ сѣнью тьмы и топора
Отдавшись суетнымъ потѣхамъ:
„Безумцы, нужны цѣпи вамъ!“
И бьютъ безумцевъ, бьютъ нещадно...

А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ.

II.

Одолѣли думы мрачныя:
Гибнуть страшно, жить—страшнѣй!
Отъ своей болящей совѣсти,
Отъ насмѣшливыхъ друзей

Убѣжать бы невидимкою
Въ лѣсъ дремучій и глухой,
Гдѣ людей отъ вѣка не было
Съ ихъ немолчною враждой;
Убѣжать бы въ горы, съ облакомъ.
Поровняться бы сѣдымъ,
Безъ стыда все горе выплакать
Великанамъ вѣковымъ.
Имъ сказать бы: „Братья гордые,
Научите, какъ стоять
Подъ грозою, въ ночи темныя,
Не робѣть и не дрожать!"

VAE VICTIS.

(Изъ Ч. Николини).

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
Всѣ ваши неправды, всю нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно насъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль.
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодны были людскія сердца,
Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!
Оно содрогнется, узнавъ, какъ томили
Тебя въ чужедальнихъ снѣгахъ,
Какъ нашу любовь, милый другъ, умертвили
Во мракѣ разлуки, въ цѣпяхъ!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
„Зачѣмъ, о, зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?"
Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
Но также и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И страстнаго, громкаго слова проклятья
Позору въ лицо не швырнутъ!..

---

* * *

Если честно вы храните
Идеалы юныхъ лѣтъ,
Если весело стоите
Подъ грозой утратъ и бѣдъ;

Если каждый мигъ готовы
За свою отчизну-мать
И вѣнецъ принять терновый,
И всю сердца кровь отдать,—

Ни вражды, ни раздѣленій
Я межъ васъ не признаю,
Братскій даръ благословеній
Всѣмъ равно отъ сердца шлю.

Въ дни томленья на чужбинѣ,
Въ ночь бѣды въ краю родномъ
Пусть вамъ будетъ, какъ до-нынѣ,
Вѣра юныхъ дней—щитомъ!

П. Я.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

XIV.

Рысакъ, взбивая копытами свѣже-выпавшій рыхлый снѣгъ, мчалъ сани, пофыркивая и храпя.

Мельгуновъ распахнулъ шинель и жадно подставлялъ вѣтру горѣвшее лицо.

Въ отвратительномъ настроеніи духа ѣхалъ онъ въ пріютъ. Только по дорогѣ вспомнилъ онъ, что нынче день рожденія акушерки.

Вздыхая, совсѣмъ удрученный предстоящей тратой, онъ вошелъ въ посудный магазинъ Кузнецова и выбралъ столовый сервизъ. На праздникахъ Анна Васильевна замѣтила у него новый сервизъ отъ Корнилова и дулась цѣлую недѣлю, пока онъ не обѣщалъ ей подарить такой же. Но у Кузнецова посуда была легче и стоила дешевле.

„Скажу, что другого такого же не нашелъ“.

Закупивъ вина и конфектъ, онъ велѣлъ везти себя на Срѣтенку.

Они сошлись вскорѣ послѣ того, какъ Лизавета Николаевна выгнала Мельгунова изъ своей спальной. Хорошенькая курсистка-акушерка, поповна изъ провинціи, давно обратила на себя вниманіе Мельгунова. Наголодавшись въ бѣдной и большой семьѣ, она была практична по природѣ, пошла на курсы, чтобы имѣть хлѣбъ, безъ всякихъ иныхъ „идей“, и твердо рѣшила не пропасть, благо здорова и хороша собой. За ней ухаживали всѣ профессора, въ томъ числѣ и Сивушинъ, который тогда еще не былъ женатъ. А она знала, что его можно довести до женитьбы.

И все то разсчитала практичная молодая поповна, кромѣ одного, что при первомъ поцѣлуѣ Мельгунова, въ памятный вечеръ, когда

---

*) См. «Міръ Божій» № 9, сентябрь.

онъ, послѣ катанья, завезъ ее въ ресторанъ,—она сама увлечется и потеряетъ голову.

Да, это былъ ударъ здоровой животной страсти, безъ иллюзій, безъ поэзіи, безъ тѣни чего-либо одухотворяющаго въ ихъ отношеніяхъ, основанныхъ на примитивной чувственности.

Очнувшись, Анна Васильевна плакала цѣлую недѣлю. „Бѣлугой ревѣла",—вульгарно, по обыкновенію, выражалась она, вспоминая впослѣдствіи объ этой страничкѣ романа.

И какихъ только сценъ не устраивала она увлеченному Мельгунову!.. Она проклинала день своего рожденія и его—(искусителя!..), вспоминала строгаго батюшку и колотушки матушки и сестрицъ, которымъ нельзя на глаза показаться... плакалась на будущій позоръ, оплакивала даже утраченнаго въ перспективѣ мужа и честный вѣнецъ...

— И гдѣ были глаза мои?—вопила она своимъ густымъ контральто, словно не замѣчая подвоховъ „искусителя", которому давно надоѣла эта канитель и который жаждалъ спокойной и правильной связи.

— И Сивушинъ обѣщалъ жениться... И Круторогοвъ предлагалъ обезпечить... А я, дура, польстилась на женатаго...

Она замолчала только, когда Мельгуновъ привезъ ей на три тысячи именныхъ билетовъ и устроилъ ее на квартирѣ.

Какъ-то разъ она заикнулась было о разводѣ, но Мельгуновъ такъ вспылилъ, далъ ей такой суровый отпоръ, что она совсѣмъ растерялась.

— Я не могу идти на такой скандалъ,—объяснялъ онъ,—я дорожу своей репутаціей и карьерой.

Вначалѣ она было повѣрила, но скоро у нея раскрылись глаза. Онъ не могъ разстаться съ своей ненаглядной Лизанькой, и только!.. Она была совсѣмъ глупенькая,—эта красивая акушерка, но она насквозь видѣла умнаго и хитраго Мельгунова. Много изъ-за Лизаветы Николаевны было у нихъ стычекъ, послѣ которыхъ у Мельгунова долго звенѣло въ ушахъ.

— Опять о женѣ затосковалъ?—злобно усмѣхается она бывало, замѣтивъ, что Павелъ Васильевичъ хандритъ.—Ступай къ ней, ступай... сдѣлай одолженіе!.. Я не люблю, когда дуются... А вотъ она тебя турнетъ, эта недотрога-царевна... Лизанька твоя ненаглядная... Вѣдь она тебя ни на эстолько не любитъ...

И она на своихъ пухлыхъ, крупныхъ пальцахъ показывала сконфуженному Мельгунову, какъ мало цѣнитъ его—его собственная жена.

— Я тебя просилъ, кажется, не поминать о моей женѣ,—надменно замѣчалъ Мельгуновъ, съ брезгливостью барина, снисходящаго до прислуги.

А она этого только и ждала, чтобы разразиться.

— Ахъ скажите!.. Фоны какіе!.. Я тебя „проси-илъ"... Скажите, фря какая эта Лизанька!... И обругать-то ея нельзя... Я „проси-илъ"...—басомъ раздраженно передразнивала она и стекла дребезжали отъ ея раскатистаго голоска.—Ну такъ и убирайся къ своей королевнѣ, ко мнѣ дорогу забудь... Ступай же!.. Ступай-ай!..—вопила она и за плечи выталкивала сконфуженнаго и раздраженнаго профессора.

„О, Господи, какъ много значитъ въ женщинѣ воспитаніе!.."—сокрушенно думалъ Мельгуновъ.

И ему было досадно, что эта женщина угадывала то, въ чемъ онъ самому себѣ не хотѣлъ сознаться...

Его при этомъ шокировала разнузданность Анны Васильевны и онъ давалъ себѣ слово сдѣлать ее „шелковой".

Она плакала два дня, громко трубя въ платокъ и поджидая звонка. Онъ выдерживалъ характеръ.

Къ третьимъ суткамъ она, дѣйствительно, смирялась, на его звонокъ выбѣгала отворять сама и бросалась ему на шею. Иногда для примиренья онъ дарилъ ей какую-нибудь хозяйственную вещь: мороженицу (онъ самъ очень любилъ мороженое), машинку для варки яицъ, вазу для фруктовъ и т. д. Она никогда не благодарила за подарки. Это было ея характерной особенностью. Увидавъ покупку, она тотчасъ забывала о нѣжностяхъ, съ дѣловитымъ видомъ развязывала бумагу и, поджавъ губы, начинала разглядывать со всѣхъ сторонъ подарокъ, оцѣнивая его, критикуя; сосредоточенно морщила брови и искала какого-нибудь изъяна, не довѣряя ни магазину, ни Мельгунову.

Если осмотръ ее удовлетворялъ, она дѣлалась веселой. Въ противномъ случаѣ она дулась.

Онъ требовалъ, чтобъ она всегда встрѣчала его въ корсетѣ, принаряженная, въ чистомъ бѣльѣ,—вообще былъ требователенъ и придирчивъ.

Она не понимала его и раздражалась.

— Что это, Пашенька, въ самомъ дѣлѣ?.. Подумаешь, ты въ гости пріѣхалъ,—сердилась она.—Весело это развѣ по сту разъ на день одѣвайся, да раздѣвайся?.. Да еще корсетъ?..

Но онъ былъ непреклоненъ.

За то она блаженствовала, когда почувствовала себя матерью. Она не выходила изъ блузъ и понемногу опускалась, увѣренная, что теперь держитъ его крѣпко. Онъ, правда, очень любилъ дѣтей и внесъ на обоихъ въ банкъ по тысячѣ рублей „на зубокъ". Но чуткая Анна Васильевна не даромъ ненавидѣла Шуру. Она знала, что никогда ея дѣти не будутъ такъ дороги Мельгунову, какъ этотъ его законный сынокъ, — дитя ненавистной „недотроги"...

Мельгуновъ незамѣтно привязался къ Аннѣ Васильевнѣ, цѣня въ ней здоровую, сильную и красивую женщину. Поэтому онъ искренно испугался, когда акушерка потребовала, чтобъ ее познакомили съ Лизаветой Николаевной.

— Зачѣмъ тебѣ?..—недоумѣвалъ онъ, страшно боясь, что жена догадается.

А жена уже знала отъ Сивушина, что у профессора есть помощница „за первый сортъ"...

Мстительный старикъ, не простившій Мельгунову его „побѣды", злорадно говорилъ его женѣ:

— Вы бы съ ней познакомились, Лизавета Николаевна. Бабочка—вотъ!..

Онъ чмокнулъ кончики своихъ пальцевъ.

„Тѣмъ лучше!.."—подумала Лизавета Николаевна.

Сивушинъ не давалъ прохода, между прочимъ, и Аннѣ Васильевнѣ.

— Что же это васъ патронъ съ супругой своей не познакомитъ?.. Или гнушается, либо стыдится?—ехидничалъ онъ втихомолку отъ Мельгунова.

Кончилось тѣмъ, что Лизавета Николаевна пригласила, по желанію мужа, Анну Васильевну на званый обѣдъ.

Увидавъ ихъ рядомъ, Лизавета Николаевна поняла все. Она даже вздрогнула, какъ будто они обнялись на ея глазахъ. Парочка была на подборъ. Красота да и только.

Она тотчасъ, впрочемъ, овладѣла собой. Сама она черезъ минуту не могла бы сказать, отчего ей было больно, чего ей стало жаль?.. Развѣ такъ не въ сто разъ лучше?

Она обласкала эту красивую, глупенькую женщину и вела себя съ такимъ тактомъ, что всѣмъ замазала ротъ, всѣхъ сбила съ толку.

„Охъ, да и ловкая же баба",—думалъ Сивушинъ.

На одну только секунду, знакомя обѣихъ женщинъ, Мельгуновъ поддался злобному чувству, увидавъ блѣдность жены.

„Ты меня отвергла,—казалось говорили его глаза,—какъ видишь, я съумѣлъ утѣшиться"...

Въ слѣдующую минуту онъ страшно испугался и отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы Лиза не догадалась. „Пусть приревнуетъ... это не бѣда... Это даже хорошо... Лишь бы не догадалась"...

Онъ былъ чопоренъ съ Анной Васильевной и игралъ въ полнѣйшее равнодушіе. Акушерка, сбитая съ толку любезностью соперницы, сробѣла.

„Ну, пронеслась бѣда!.."—облегченно думалъ Мельгуновъ.

Но на другой день онъ имѣлъ неосторожность спросить Анну Васильевну:

— Ну? Что скажешь?

При этомъ тонъ его звучалъ самодовольствомъ, а въ глазахъ вспыхнула искра, которую Анна Васильевна поймала.

Ноздри ея зловѣще раздулись.

— Что говорить!.. Свѣтская дама... Всякаго займетъ, всякому угодитъ... Скажетъ слово, точно рублемъ подаритъ...

Въ ея чудныхъ глазахъ сверкнула угроза.

Но Мельгуновъ часто глупѣлъ, когда рѣчь заходила объ его женѣ, сынѣ, объ его обстановкѣ и всѣхъ вообще сокровищахъ этого прирожденнаго „буржуя". Какъ это ни странно, но ему страстно хотѣлось, чтобы жена очаровала Анну Васильевну.

— Не правда ли, какъ умна?

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Анна Васильевна завопила не своимъ голосомъ, подняла кулаки и всѣмъ пышнымъ торсомъ подалась впередъ на ошеломленнаго профессора.

— Умна-а?.. Умна-а?.. Пошелъ вопъ!.. Пошелъ... Пошелъ .. Ступай къ умнымъ... сту-па-ай...

— Анюта... Кухарка услышитъ... Бога ради...

— Сту-па-ай!.. — истерически вопила акушерка, толкая въ спину Мельгунова. И чтобъ ноги твоей здѣсь не было. Слышишь?.. И дорогу забудь...

Онъ сконфуженно поймалъ ея руку.

— Сумасшедшая женщина!.. Ты меня по лицу задѣла...

— И не такъ еще задѣну... И уходи ты... Здѣсь только глупыя живутъ... Ступай... сту-па-ай...—И вдругъ она упала на первый стулъ и истерично разрыдалась.

„Безсовѣстный"...—разслыхалъ Мельгуновъ.—Какъ жены труситъ... Не взглянетъ, не подойдетъ... стыдится видно... Охъ, Господи!.."

Ему стало жаль ее.

— Анюточка .. Да пойми ты, что нельзя иначе... Я это нарочно...

Она обвила его руками и прижалась къ нему плача.

— Охъ, Пашенька!.. Не любишь ты меня... Богъ тебѣ судья!..

Конечно, Мельгуновъ остался и постарался ее увѣрить въ своей любви.

Да. Но это было давно. Тогда еще Анна Васильевна любила и ревновала искренно, боясь охлажденія Мельгунова... Она, положимъ, ревновала и сейчасъ, но уже изъ-за другихъ побужденій, завидуя правамъ законной жены, ея обезпеченности, правамъ Шуры, тѣмъ деньгамъ, которыя при другихъ, счастливыхъ условіяхъ, могли бы очутиться въ ея собственномъ карманѣ... Въ Аннѣ Васильевнѣ скоро проснулась самка, жадно защищавшая интересы своихъ дѣ-

теньшей, и весь тотъ колоритъ влюбленности, которымъ было скрашено начало ихъ связи, исчезалъ постепенно, а къ концу года ихъ отношенія совсѣмъ испортились. Устроивъ ей выгодное и доходное дѣло съ этимъ пріютомъ для секретныхъ и давъ ей практику въ богатыхъ купеческихъ домахъ, Мельгуновъ не желалъ больше тратиться на ея содержаніе.—„Я тебѣ далъ ходъ, зарабатывай, не лѣнись“,—говорилъ онъ.

Но съ годами она жирѣла, дѣлалась неподвижной, работала халатно и тяготилась всякимъ трудомъ, не дававшимъ крупнаго дохода. Прижимистость Мельгунова огорчала ее и давала поводъ къ частымъ ссорамъ. Она указывала на растущіе расходы въ лицѣ дѣтей, а онъ отвѣчалъ одно: „я коплю на нихъ же, на нашихъ ребятъ...“

Она ему вѣрила. Она спала и видѣла, какъ вытянуть у него лишнюю сотню, которую тихонько несла въ сберегательную кассу. Она инстинктомъ чувствовала, что онъ въ послѣднее время сталъ къ ней равнодушенъ, какъ къ женщинѣ, — и всѣ силы ея ума были теперь направлены на то, чтобъ обезпечить себя и дѣтей про черный день, на случай разрыва. Она догадывалась, что стоитъ только Лизанькѣ поманить Мельгунова пальцемъ, и онъ живо броситъ, если не ребятъ, то ее... Одна была надежда, что та не поманитъ... Нагрѣть, прижать, обобрать — вотъ были теперь руководящіе принципы ея отношеній къ Мельгунову.

А эта алчность ея сильно его охлаждала. Какъ это ни странно, а онъ самъ скупой,—не любилъ въ другихъ видѣть этотъ недостатокъ. Себя онъ считалъ только бережливымъ, а ее укорялъ въ скопидомствѣ самомъ безсмысленномъ. Дѣйствительно, хозяйкой она была очень плохой. Чтобъ не тратиться на починку какой-нибудь хорошей, цѣнной вещи,—она готова была совсѣмъ запустить ее и испортить. Она цѣнила только деньги.

XV.

— Подожди меня,—сказалъ Мельгуновъ извозчику,—я дольше часа не пробуду...

Въ послѣднее время онъ рѣдко засиживался въ пріютѣ и лихача не отпускалъ.

Анна Васильевна тоже была не въ духѣ.

У нея вчера ушла нянька, дѣти шумѣли, приходилось самой съ ними возиться.

Сама она растрепанная, въ старомъ шерстяномъ капотѣ, безъ корсета— была какая-то расплывшаяся и неинтересная. Къ ней не шло, когда она сердилась. На щекахъ выступали какія-то неровныя пятна, лицо краснѣло и лоснилось.

— Попудрись, пожалуйста, — сказалъ онъ, послѣ обычныхъ поздравленій, поцѣловавъ ее въ щеку. (Руки у нея онъ никогда не цѣловалъ, онъ былъ брезгливъ). — И почему ты нынче такая распустеха? Фи!..

Она обидѣлась.

— Ахъ, Пашенька!.. До того ли мнѣ?.. Всю ночь съ Соней не спала... Что это такое?.. — нарочно дѣланно удивилась она, увидавъ ящикъ отъ Кузнецова въ углу передней.

— Сервизъ, который ты желала...

Онъ снялъ шинель и повѣсилъ ее на вѣшалку. Въ передней и столовой пахло пирогомъ изъ кухни. Мельгуновъ повелъ ноздрями. Онъ былъ голоденъ.

— Аксинья!..—взволнованно крикнула акушерка.

Мельгуновъ зналъ, что она не успокоится, пока не переглядитъ все, до послѣдней тарелочки, и потому самъ помогалъ кухаркѣ вынуть сервизъ и разставить его на столѣ въ гостиной.

Анна Васильевна вся погрузилась въ осмотръ. Поджавъ губы и насупившись, она взвѣшивала на рукѣ фаянсъ, сдувала соломинки съ посуды, разсматривала узоръ, щурилась на края, нѣтъ ли гдѣ ущерба, искала на оборотѣ брака.

— Ну что ты безпокоишься?..—наконецъ не вытерпѣлъ онъ.— Неужели ты думаешь, я тебѣ привезу дешевку?

— Кузнецовскій, — отвѣтила она тономъ упрека, бережно ставя въ сторону послѣдній салатникъ.

— Ну такъ что жъ?

— А у васъ отъ Корнилова.

Онъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты чудная!.. Да когда нѣтъ у Корнилова такого товара больше?..

Она примолкла, насупившись, и угрюмо глядѣла на конфекты и вино, которое онъ вынималъ изъ кулька.

— А что же супружница твоя не пожаловала? — спросила она рѣзко.

Мельгуновъ ниже наклонился надъ кулькомъ, почувствовавъ, что краснѣетъ.

— Она больна... просила тебя поздравить, — совралъ онъ и вдругъ поднялъ на нее сердитые глаза.—И хорошо, что не пріѣхала... Развѣ въ такомъ видѣ можно гостей встрѣчать?

Онъ былъ увѣренъ, что она спала отлично ночь и что все это только предлогъ, чтобъ распускаться, ничего болѣе. Никогда ея неряшливость не казалась ему такой противной, какъ въ эту минуту.

Словно угадавъ его мысли, она вспыхнула:

— Что за видъ такой?.. Скажите пожалуйста!.. Подумаешь,—

королеву встрѣчать!.. Твоя Лизавета Николаевнъ трехъ прислугъ имѣетъ, такъ ей и горя мало!..

— Сама виновата... Отчего у тебя прислуга не живетъ? Оттого, что ты ругаешься съ ними, какъ торговка... поставить себя не умѣешь...

— И вовсе не потому, а народъ ничего нестоющій... Только и требуютъ прибавки...

— Лучше было прибавить, чѣмъ безъ няньки остаться...

— Да откуда я прибавлю?—зычнымъ басомъ крякнула она.— Самъ, небось, знаешь мои доходы...

Мельгуновъ нахмурился. Онъ платилъ нянькѣ самъ три рубля, остальные два должна была доплачивать Анна Васильевна. Прислуга безпрестанно мѣнялась и Мельгуновъ подозрѣвалъ, что этихъ двухъ рублей акушерка все-таки не платила. Теперь Анна Васильевна очевидно била на то, чтобъ онъ взялъ на себя одного весь расходъ на няньку. Это безцеремонное залѣзаніе въ его карманъ сильно его раздражало. Какъ скупой человѣкъ, онъ больше всего обращалъ вниманье на мелочи. Бросить двадцать рублей на подарокъ ему было легче, чѣмъ затратить лишнихъ рубль-два...

Прежде чѣмъ пройти въ дѣтскую, Мельгуновъ погрѣлъ руки у желѣзной печки.

— Развѣ Соня больна?—спросилъ онъ тревожно.

— Кто ее знаетъ? Все куксится... Не спала я съ ней всю ночь... Топерь голова болитъ... все тѣло разломило...

Онъ промолчалъ. Тактика ея была ему понятна. Она не успокоится, пока онъ не дастъ ей няньки.

Въ дѣтской ему бросился въ голову спертый воздухъ. Фортки видно не открывали съ утра.

Хорошенькія дѣтки возились на коврѣ, строя изъ кирпичиковъ башню. Когда отворилась дверь, мальчикъ сосредоточенно и осторожно клалъ послѣдній кирпичикъ наверхъ. Дѣвочка, открывъ ротикъ, не дыша почти, ждала когда накренившаяся постройка рухнетъ... Половица скрипнула подъ шагами входившихъ. Башня упала.

Дѣвочка, радостно смѣясь, захлопала въ ладоши и отодвинулась. Кирпичикъ все-таки упалъ ей на ножку. Она его сбросила и оглянулась.

Мальчикъ первый увидалъ Мельгунова, не посмотрѣлъ даже на разсыпавшуюся башню и живо вскочилъ на ноги.

— Дядя... дядинька!—радостно закричалъ онъ, подбѣгая къ отцу и беря его за руку.

Во избѣжаніе толковъ, Мельгуновъ позволялъ ребятамъ называть себя „крестнымъ“ и дядей, только.

Какъ всегда бываетъ, мальчикъ, котораго любили меньше,

былъ ласковъ и нѣженъ. Дѣвочка, принимая, какъ должное, всѣ ласки и баловства, росла эгоисткой.

Она и сейчасъ издали протянула ручонку и, исподлобья глядя, сказала съ капризной ноткой въ голосѣ:—Саляляк...

Это означало шоколадъ.

Мельгуновъ пошарилъ въ карманѣ и, улыбаясь, вытащилъ надломанную плитку шоколада въ пять копѣекъ.

Дѣвочка быстро вскочила на ноги. Блистая глазенками, дѣти окружили отца и ждали, поднявъ головки.

Онъ морщась, съ усиліемъ отломилъ два кусочка и подалъ ихъ дѣтямъ.

— Видишь, какой добрый дядя,—внушилъ онъ дочери, цѣлуя ея щечки.—Вы оба должны любить дядю...

Но, дѣвочка очевидно была другого мнѣнія объ его добротѣ. Она быстро положила лакомство въ ротъ и еще не прожевавъ его, повторила, протягивая ручку:—Саляляк...

— Будетъ, Соничка, будетъ,—увѣрялъ Мельгуновъ.

— Жара нѣтъ, — продолжалъ Мельгуновъ, заботливо потрогавъ голову Сони. А должно быть, послѣдніе зубки идутъ, оттого и не спитъ...

— Оттого ли, отъ другого ли, только силъ моихъ больше нѣту съ ней, — сердито огрызнулась Анна Васильевна, спуская дѣвочку на коверъ.—Отродясь такого озорного ребенка не видала...

Она знала о слабости Мельгунова къ этой дѣвочкѣ и долю своего раздраженія противъ отца переносила сейчасъ на ребенка. Сама она больше любила сына.

Мельгуновъ посадилъ Соню къ себѣ на колѣни. Она вся перепачкалась шоколадомъ, но онъ не могъ отказать ей въ поцѣлуѣ, когда она протянула ему губки.

— Отчего она у тебя всегда такая грязная?—спросилъ онъ съ плохо скрытымъ раздраженіемъ, оглядывая бѣлье ребенка.—И башмачки худые?.. Вѣдь я на дняхъ привезъ новые... Почему же она въ старыхъ?.. Хочешь, чтобъ опять ногу занозила, или простудилась?.. Вонъ, дыра какая!.. Дай сейчасъ новые башмаки!

— Грязная?—передразнила Анна Васильевна.—Мнѣ что ли прикажешь бѣлье на нихъ стирать? Самъ знаешь, безъ няньки сижу...

— Дай башмаки...

— Сейчасъ принесу...

Она вышла, хлопнувъ дверью, раздосадованная тѣмъ, что онъ такъ ловко уличилъ ее. Щеки ея такъ и лоснились.

Соня, увидавъ новыя желтыя туфельки, захлопала въ ладоши и звонко засмѣялась.

— О, прелесть моя! — въ восторгѣ прошепталъ Мельгуновъ,

горячо цѣлуя личико ребенка.—Какъ рано, однако, въ этихъ дѣвочкахъ просыпается женщина!.. Вѣдь она уже кокетка у насъ... Замѣчаешь, Анюта?—мягко спросилъ онъ мать. Что-то теплое и свѣтлое прошло по его душѣ отъ смѣха дѣвочки, согрѣло ее и растопило всю злобу.

Потомъ онъ усталъ. Измученный новыми, странными отношеніями къ женѣ, выбитый окончательно изъ колеи, онъ искалъ хоть тутъ,—у Анны Васильевны, покоя и готовъ былъ на многое закрыть глаза.

Соню спустили на полъ. Она застучала новыми, твердыми подошвами. Этотъ звукъ и нарядный видъ обуви приводили ее въ восторгъ. Она весело лопотала, хлопала ручонками и подымала передъ братомъ ножку въ черномъ чулкѣ.

Глядя на дѣтей, Мельгуновъ совсѣмъ отошелъ.

— Будешь завтракать?—сурово спросила его Анна Васильевна у двери.

— Коли покормишь,—пошутилъ онъ и взялъ ее за локоть.

Но она фыркнула носомъ и вышла.

Онъ усмѣхнулся въ бороду.

За столомъ, наливая ей и себѣ водки, онъ сказалъ:

— Я тебѣ завтра пришлю прислугу...

Она ждала насупившись.

— И самъ буду платить за нее... Твое здоровье, Анюточка...

Она чокнулась съ Мельгуновымъ и широко улыбнулась, показавъ чудесные зубы.

— Тебѣ съ визигой, или съ грибами?—ласково спросила она, разрѣзая сочный пирогъ. Онъ протянулъ тарелку и повелъ ноздрями.

— Съ тѣмъ и съ другимъ, дорогая хозяюшка!.. Ужъ и мастерица же ты пироги печь!.. Такъ слюнки и текутъ!..

За ѣдой они оба пришли въ хорошее настроеніе. Они любили покушать. Для Анны Васильевны это было лучшимъ удовольствіемъ въ жизни. Мельгуновъ, накладывая себѣ на тарелку зернистой икры, расписывалъ добродѣтели будущей няньки, рекомендованной больничнымъ швейцаромъ. Вдова, никто къ ней не ходитъ, не пьетъ, жила въ хорошихъ домахъ.

— Только ужъ ты, Анюта, пожалуйста, осторожнѣе при ней.

— То-есть, что такое?

Она вскинула на него свои глаза Юноны, огромные, красивые, но немного тупые.

— Да вотъ на „ты“ не говори со мной, и вообще...

— О, Господи!.. Стѣсненье какое!..

— Я тебя очень прошу,—подчеркнулъ онъ,—я вовсе не желаю сплетенъ. И потомъ оставь съ ней эти манеры твои кричать, да пошвыривать...

Она встала, чтобъ налить ему вина.

— Охъ, Пашенька, избавь!.. Ну ее!.. Что это я подъ тридцать лѣтъ въ угоду нянькѣ ломать себя буду?

Онъ ласково сжалъ ея локоть.

— Не ей въ угоду, Анюточка, а мнѣ. Я дорожу такой женщиной. Ты уходишь на практику, либо въ гости. Сердце мое болитъ за дѣтей... А съ ней я буду за нихъ спокоенъ.

Она опять насупилась.

Онъ поморщился и вынулъ часы.

— Ѣдешь?—равнодушно спросила она.

— Да... у меня больная есть... Серьезный случай...

Въ дѣтской онъ поцѣловалъ мальчика, потомъ поднялъ съ полу черноглазую Соню и высоко подкинулъ ее на воздухъ. Она весело ахнула и заразительно засмѣялась.

— Хорошѣетъ какъ!—сказалъ онъ, любуясь дѣвочкой и цѣлуя ее на обѣ щечки.—Вся въ маму, красавица будетъ.

Онъ перевелъ глаза на Анну Васильевну. Она тихо и гордо улыбалась, стоя рядомъ.

„Сама знаю, что красавица“,—говорила ея улыбка.

Передъ отъѣздомъ онъ наскоро заглянулъ къ секретной, вскользь осмотрѣлъ ее, торопясь на практику. И здѣсь его поразилъ тяжелый запахъ. Онъ велѣлъ провѣтрить комнату и перемѣнить бѣлье на больной. Безъ жуткаго чувства онъ никогда не входилъ въ эту комнату для секретныхъ. Здѣсь недавно умерла одна дѣвушка отъ родильной горячки и этотъ случай могъ дорого обойтись какъ ему, такъ и Аннѣ Васильевнѣ. Исторія съ купчихой Сомовой, которой акушерка занесла заразу, зловѣщія фразы Сивушина вспоминались ему постоянно. Положимъ, онъ не поскупился на дезинфекцію всего пріюта, но при неряшливости Анны Васильевны можно было ожидать всего дурного. Хорошее его настроеніе исчезло подъ вліяніемъ старой тревоги. Вѣдь стоитъ только какому-нибудь врачу копнуть весь „домашній соръ“ этого пріюта, какъ раскроются такія дѣла... А враговъ и завистниковъ у него не мало...

— Вамъ лучше?—спросилъ онъ у больной.—Лихорадка прошла?

— Лучше,—отвѣтила она.

Это была интеллигентная дѣвушка, съ нервнымъ, измученнымъ лицомъ.

„Ну, Слава Богу“,—подумалъ Мельгуновъ,—„это была молочная лихорадка... Авось тутъ все сойдетъ благополучно“...

— Бѣлье перемѣните, — предостерегающе повторилъ онъ, взглянувъ на свою помощницу.

Она молча поправляла подушки секретной. Когда она наклонилась надъ нею, блуза ея опять распахнулась.

Мельгуновъ покраснѣлъ и быстро взглянулъ на больную. У той тоже слабо вспыхнули щеки, когда она встрѣтила сконфуженный взглядъ профессора.

Онъ вышелъ совершенно взбѣшенный.

— Да застегнись ты хорошенько!—шипѣлъ онъ, плотно придворяя дверь.—Ходитъ голая... Что о тебѣ... о насъ что подумаютъ? Барышня видѣла...

— А я плевать хотѣла, видѣла она, или нѣтъ.

Его покоробило отъ ея тона. Никакъ онъ не могъ привыкнуть къ ея вульгарности.

— И что ты кричишь на меня?.. Что за тиранство такое пошло?.. Вотъ новости!..

Мельгуновъ быстро открылъ дверь пріюта. И здѣсь спертый, отвратительный воздухъ бросился ему въ голову. Онъ даже поблѣднѣлъ.

Двѣ крестьянки, уже оправившіяся отъ родовъ, сидѣли на койкахъ. Одна кормила пищавшаго малютку, завернутаго въ какія-то зловонныя тряпки. Другая рылась въ узелкѣ, вмѣщавшемъ ея имущество, и при входѣ господъ испуганно сунула его подъ подушку.

Въ углу стонала третья, уже немолодая женщина.

— Ты давно?--спросилъ ее Мельгуновъ, наклоняясь.

Она застонала еще громче и устремила на доктора воспаленный взглядъ. Щеки ея ввалились. На лбу выступилъ клейкій потъ. Глаза были обведены черными кругами. Видно было, что она сильно страдаетъ.

— Баринъ, батюшка... Умираю... Душа съ тѣломъ разстается.

Профессоръ пощупалъ пульсъ крестьянки. Анна Васильевна стояла сзади, вся пылая отъ сдержаннаго гнѣва, раздувъ ноздри.

— Я васъ спрашиваю, давно она поступила? — оффиціально спросилъ ее Мельгуновъ.

— Да вотъ вчера... Какъ вы уѣхали...

Его глаза стали круглыми.

— Сутки?.. Это первый у тебя?..

— Третій... батюшка... баринъ... Охъ!.. Видно смертынька моя подошла!..

— Это странно,—произнесъ Мельгуновъ.

Онъ вдругъ почувствовалъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго довѣрія къ его помощницѣ, и сталъ быстро снимать пиджакъ и разстегивать маншеты...

Больная испуганно глядѣла, какъ онъ, не поправляя засученныхъ по-локоть рукавовъ рубашки, взялъ свой пиджакъ и пошелъ къ дверямъ.

Акушерка нагнала его въ корридорѣ.

— Случай очень опасный,—обернулся онъ къ ней.—Придется

оперировать, если къ пяти часамъ не будетъ результатовъ... Хорошо, что я взглянулъ... Вотъ послѣ этого и полагайся на тебя!..

Она шла за нимъ въ спальную, недовѣрчиво улыбаясь. У нея была слабость считать себя непогрѣшимой акушеркой.

— Я увѣрена, что и такъ сойдетъ, — сказала она, подавая ему полотенце.

Онъ зорко и пристально посмотрѣлъ на нее, точно видѣлъ въ первый разъ эту женщину, съ которой прожилъ почти шесть лѣтъ.

— Мнѣ теперь все равно, въ чемъ ты увѣрена,—возразилъ онъ ледянымъ тономъ, густо мыля свои прекрасныя руки, за которыми ухаживалъ всегда такъ тщательно.—Я знаю одно, что тебѣ довѣрять нельзя, и сообразно съ этимъ буду дѣйствовать...

Ноздри ея дрогнули.

— Это какъ же понимать?

Лицо его вдругъ приняло суровое, оффиціальное выраженіе.

— Ну-съ, Анна Васильевна, потрудитесь меня выслушать и запомнить,—заговорилъ онъ, тщательно чистя свои миндалевидные ногти.—Случай этотъ опасный... Извольте быть при больной безсмѣнно, пока я не вернусь... Если пульсъ будетъ падать, пошлите за мной на домъ...

— А дѣти-то съ кѣмъ же?

— Позовите кухарку... Можете и безъ обѣда день посидѣть... Часа черезъ четыре я вернусь... Чтобъ все было чисто, комнаты провѣтрены!.. Чтобъ я этого не видалъ больше! — Онъ ухватилъ ее за складки блузы на груди и слегка потрясъ. Старая матерія затрещала подъ его пальцами.

Она отшатнулась и измѣнилась въ лицѣ.

— Вы должны сами прежде всего быть чистой.

Она обидѣлась и голосъ ея дрогнулъ.

— Ахъ, скажите!.. Какая забота.

Но онъ уже озлился. Глаза его сверкнули, когда надѣвая пиджакъ, онъ увидѣлъ ея упрямое выраженіе.

— Я сказалъ, и чтобъ было!—крикнулъ онъ и стукнулъ кулакомъ по комоду.—Изъ-за тебя я подъ судъ угодить не желаю, и репутацію свою не допущу замарать... Или забыла исторію съ Сомовой?.. Такъ я не забылъ...

— Да чего ты кричишь-то?—пробовала она защититься. Никогда раньше онъ такъ съ ней не обращался и у нея губы теперь дрожали отъ обиды.

Но онъ уже вышелъ изъ себя. Все его годами копившееся противъ нея глухое, безсознательно зрѣвшее раздраженіе разомъ получило исходъ.

— Я тебѣ, глупой бабѣ, тридцать тысячь разъ говорилъ, что у меня есть враги, которые только случая ждутъ... Ну, да что

съ тобой толковать!.. Объявляю тебѣ разъ навсегда, что при первомъ упущеніи, при первой пакости, вродѣ нынѣшней,—я самъ закрою твой пріютъ...

Она всплеснула руками, пораженная.

— Вотъ какъ!..

— Самъ... да... самъ... Такъ и знай!.. Поѣду въ медицинскую управу и донесу... И у тебя завтра же отнимутъ право практики...

— А дѣти-то какже? На улицѣ останутся?..

Онъ былъ уже въ передней, гдѣ надѣвалъ шинель.

— Буду вамъ шестьсотъ рублей выдавать въ годъ на содержаніе... Съ голода не помрете...

Анна Васильевна при этой перспективѣ даже похолодѣла отъ ужаса. Она ужъ не кричала, не спорила, не защищалась. Она какъ-то сразу почувствовала, что для своей карьеры онъ безъ колебанья, дѣйствительно, пожертвуетъ и дѣтьми, и ею, и ей стало жутко. Какъ онъ ее увидалъ нынче въ первый разъ съ другой и совсѣмъ неожиданной стороны, такъ и она поняла сейчасъ только вполнѣ ясно, что съ нимъ надо быть насторожѣ, потому что тамъ, гдѣ разойдутся ихъ интересы, этотъ самый, еще недавно влюбленный, Пашенька будетъ безпощаденъ...

— Подлецъ ты, подлецъ!—меланхолически и горько сказала она ему на прощанье.

Но онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это неожиданное обращенье.

— Черезъ часъ у тебя будетъ новая прислуга,—сказалъ онъ, выходя — а ты приведи весь домъ въ порядокъ и не отлучайся отъ больной.

Онъ уѣхалъ, а Анна Васильевна все еще стояла въ темной передней, прислонясь къ стѣнѣ, безсильно уронивъ голову. Она понимала, что жизнь ломается, и жгучія слезы о прошломъ загорались въ ея глазахъ.

XVI.

Лизавета Николаевна уже съ часъ сидѣла въ квартирѣ госпожи Шмидтъ, въ комнатѣ Клименко. Ни его, ни пѣвицы не было дома. Кухарка ходила на ципочкахъ, чтобъ не разбудить маленькаго, который долго блажилъ и, наконецъ намучившись, заснулъ съ соской во рту. А Соня сидѣла въ кухнѣ, на сундукѣ Матрены, одѣтая въ теплый платокъ кухарки, и грызла кусокъ сахару.

— Развѣ у него есть уроки?—удивилась Мельгунова, когда кухарка объявила ей, что Клименко ушелъ съ утра.

— Стало-быть есть. То все дома сидѣлъ, а теперь только къ обѣду приходитъ. Вы дождитесь хотя хозяйку. Она тоже на урокахъ. Только къ четыремъ она безпремѣнно вернется.

„На моихъ урокахъ“, — болѣзненно подумала Лизавета Николаевна.

Она разсѣянно поцѣловала блѣдное личико Сони и ушла въ комнату Клименки.

Тамъ было холодно. Она оглядѣлась внимательно. Все попрежнему, какъ въ тотъ первый, единственный разъ, когда она была тутъ. Но онъ самъ? Онъ, шедшій ей такъ радостно и довѣрчиво навстрѣчу, съ жаждой дружбы и духовной близости,— тотъ ли онъ теперь?

„Я свободенъ до четырехъ... я буду ждать васъ каждый день...“

Она вспомнила его глаза, когда онъ говорилъ ей это.

„Почему я не пришла раньше“?—укоряла она себя.

Да... Она вспомнила. Онъ сказалъ тогда: „приходите къ „намъ“... И ей было досадно... Онъ говоритъ „мы“, значитъ онъ не одинокъ... И довольно съ него!..“—Такъ разсуждала она мѣсяцъ назадъ, гоня желанье его видѣть, потомъ она забыла въ работѣ...

Въ комнатѣ стало словно еще холоднѣе. Лизавета Николаевна прошлась по скрипѣвшимъ половицамъ, чтобъ согрѣться, но шаги ея отдались какъ-то глухо и тоскливо. Она опять сѣла въ этой подавляющей тишинѣ.

Что убило въ ней тотъ свѣтлый порывъ жизни и радости, что вчера такъ ярко вспыхнулъ въ ея душѣ, а по дорогѣ сюда загорѣлся было вновь?.. Почему ей казалось, что онъ ждетъ ее? Что онъ непремѣнно дома? Что этотъ день не пропадетъ даромъ?

„У него уроки, онъ не бѣдствуетъ, и слава Богу... конечно, это хорошо... я рада...“—увѣряла она себя, но ей было грустно.

Между ними стали другіе интересы, новыя лица... А тогда онъ ждалъ ее цѣлый мѣсяцъ, каждый день, каждый часъ... Онъ лежалъ тутъ больной, одинокій... Что онъ думаетъ о ней теперь?.. Нашелъ ли онъ въ другомъ мѣстѣ симпатіи, которыхъ жаждалъ?.. Вѣдь эта госпожа Шмидтъ, если онъ заинтересованъ въ ней, какъ въ женщинѣ,—не можетъ быть ему другомъ, по своему развитію... Между нимъ и Лизаветой Николаевной какъ-будто возникало что-то, такое хорошее, свѣтлое... Потомъ онъ пересталъ ждать...

Жгучая тоска вдругъ охватила Лизавету Николаевну. Она не могла сидѣть, она опять вскочила и начала метаться въ тѣсномъ пространствѣ комнатки.

И ей вдругъ стало ясно, что въ людскихъ отношеніяхъ бываютъ моменты, которые упустивъ разъ, уже не вернешь... Собственное одиночество показалось ей сейчасъ еще болѣе жуткимъ... Моментъ прошелъ... И неужели не вернется?..

„Какъ я глупа!..“—съ горечью думала она.—„На что я надѣялась?.. Развѣ есть что-нибудь прочное въ людскихъ чувствахъ?..“

Часы пробили два. Она удивленно подняла голову. Какъ она задумалась!.. Какъ давно она здѣсь сидитъ!.. Обидно уйти теперь... Скоро, впрочемъ, вернется госпожа Шмидтъ, и они будутъ втроемъ... Что-то невыносимо горькое и враждебное поднялось въ ея сердцѣ.

Или уйти?..

Но Клименко уже стоялъ на порогѣ и глядѣлъ на нее, нервно пощипывая свою бородку.

Прошла минута.

Половица скрипнула подъ его ногой. Лизавета Николаевна открыла лицо и радостно ахнула.

— Наконецъ-то!—сказала она и встала съ загорѣвшимися щеками.—Я ужъ и не думала васъ увидѣть!..

— Нельзя сказать, чтобъ вы стремились меня видѣть,—ѣдко усмѣхнулся онъ.—Ну здравствуйте, „знатная дама!..“

— Опять?—упрекнула Лизавета Николаевна и сама чувствовала, что лицо ея такъ и сіяетъ...

— Какъ вы задумались, однако!.. Я все стоялъ и смотрѣлъ... Интересно бы знать, о чемъ вы задумались?

Онъ зорко глядѣлъ на нее, все не выпуская ея рукъ, какъ бы стараясь угадать, что встало между ними за этотъ мѣсяцъ, что убыло въ ея душѣ, въ ея отношеніяхъ къ нему, какіе новые элементы вошли въ ея жизнь?..

„Та же ли ты, что прежде?..“ спрашивали его глаза.

„А ты?..“ отвѣтилъ ея взглядъ.

Онъ очень измѣнился и возмужалъ. Теперь онъ не казался уже ребенкомъ, цвѣтущимъ и добрымъ, какъ еще недавно. Онъ даже подурнѣлъ. Нѣжный румянецъ смѣнился болѣзненной желтизной, щеки впали, въ сверкавшихъ лихорадочно глазахъ было что-то скорбное и суровое, что раньше проглядывало рѣдко, въ минуты спора, въ минуты оживленія. Изъ-за ребенка теперь окончательно выглянулъ фанатикъ, кое-что пережившій, но уже много думавшій, и готовый грудью защищать то, во что увѣровалъ.

На щекахъ его курчавилась темная бородка. Онъ отпустилъ ее только недавно. Самый голосъ его, всегда мягкій и нѣжный, какъ у женщины—теперь пріобрѣлъ новыя интонаціи, сталъ какъ-будто рѣзкимъ.

— Ваше здоровье?—спросила Лизавета Николаевна, замѣтивъ его худобу.

— Благодарю васъ... Я совсѣмъ здоровъ,—сухо кинулъ онъ ей, выходя въ кухню.

Но тамъ онъ тотчасъ же закашлялъ и ей стало жаль его.

— Ну будетъ вамъ хлопотать!.. Сядьте,—ласково остановила она его, когда отъ поданнаго самовара онъ кинулся было опять въ кухню.—Я такъ хотѣла видѣть васъ, такъ много есть, что сказать вамъ...

— Не вѣрю,—желчно отвѣтилъ онъ.—Все это ваша свѣтская любезность, не больше...

Онъ отвернулся къ комоду, доставая чай изъ верхняго ящика.

Она тихонько и радостно засмѣялась.

Онъ не можетъ простить ей ея равнодушія, онъ хочетъ наказать ее своей холодностью... какъ это хорошо!..

Все также тихонько улыбаясь, она глядѣла, какъ онъ хлопоталъ, хозяйничая... Чай въ бумажкѣ, изъ которой выглядывалъ свинецъ,—сахаръ въ коробкѣ, разнокалиберная посуда, съ полустершимся рисункомъ,—чайникъ съ обломаннымъ носикомъ, старенькая, подштопанная, но чистая скатерть... Дешевая лампа, которую онъ самъ зажегъ... Господи, какъ хорошо!.. Какъ она была бы счастлива въ такой скромной комнаткѣ!.. Какъ тяжело вернуться въ высокія палаты, сѣсть на рѣзной дубовый стулъ, съ высокой спинкой, такой тяжелый, тяжелый!.. разливать чай передъ серебрянымъ самоваромъ, видѣть всю эту показную роскошь... Ахъ, зачѣмъ она не бѣдная курсисточка!.. Какое счастье быть молодымъ, свободнымъ,—съ цѣлой жизнью впереди!..

— Неужели вы давно здѣсь?—спросилъ онъ, заваривая чай.

Его взглядъ, острый какъ булавка, пронизывалъ ее, казалось, насквозь. О чемъ она опять задумалась?

Лизавета Николаевна очнулась со вздохомъ.

— Давно... А теперь я скоро уйду... Такъ жаль!..

— Какой вздоръ!—вспыхнулъ онъ и глаза его сверкнули.—Еще пущу ли я васъ уйти?—попробовалъ онъ отшутиться.—Пеняйте на себя, если опоздаете къ семейному обѣду и заставите поголодать господина-супруга... Вы меня визитами не баловали... И глупъ я буду, если не задержу васъ...

„Какой странный задоръ звучитъ въ его голосѣ! Отчего?.. Что сдѣлалъ ему „господинъ—супругъ?“

Лизавета Николаевна съ удивленьемъ всмотрѣлась въ лицо Клименко, но онъ отвернулся и крикнулъ въ дверь:

— Матрена, дайте чистый ножъ, пожалуйста!

— Пустите меня хозяйничать,—предложила Лизавета Николаевна, садясь за самоваръ.

Она понемногу успѣла выспросить, какъ жилъ онъ въ это время? Нѣтъ. Урока у него и до сихъ поръ не имѣется, но это пустяки, говорилъ онъ.

Въ молодости не бываетъ привычекъ. Можно совсѣмъ не обѣдать, жить на чаю... До катарра желудка еще далеко... Вотъ у

отца, дѣйствительно, совѣстно было просить... Онъ живетъ въ глуши, въ Волыни, жалкими уроками... Вѣдь его, за прошлыя увлеченія, ни на какую службу не принимаютъ... Но и это пустяки!.. Онъ заработаетъ и отдастъ отцу... Есть интересы важнѣе... Вотъ, напримѣръ...

Онъ поглядѣлъ на нее пристально и жестко.

— Напримѣръ, я рѣшалъ цѣлый мѣсяцъ вопросъ: почему не идетъ къ бѣдному студенту богатая дама?.. А вѣдь, говорятъ, въ свѣтѣ считается обязательнымъ отдать визитъ?..

Она весело разсмѣялась.

— Ну вотъ я и пришла... А вы не рады... Ну, улыбнитесь же мнѣ, голубчикъ!..

Она на мгновенье нѣжно коснулась его руки.

— А-га!.. Теперь „улыбнитесь?..“ Вы ни во что ставите этотъ мѣсяцъ?.. Цѣлый мѣсяцъ ожиданья?.. Что я долженъ былъ о васъ думать?.. Первыя двѣ недѣли, отъ часу до четырехъ я сидѣлъ безвыходно... Потомъ озлился и бросилъ ждать...

— Ну простите,—тихо сказала она, съ виноватымъ лицомъ.

Онъ вспыхнулъ, хотѣлъ сказать что-то, губы его дрогнули, но вмѣсто отвѣта онъ взялъ ея руки въ свои и крѣпко сжалъ ихъ, глядя въ ея глаза. Что-то опять загоралось въ его взглядѣ, какъ тогда, на Новый Годъ.

— Вы не сердитесь на меня, Алексѣй Иванычъ... Знаете?.. Я въ одиночку переживала такіе трудные дни... У меня ужъ натура такая... все втихомолку продумаю, выстрадаю... Это была такая ломка старыхъ догмъ... Ну!.. Довольно объ этомъ... Я теперь съ вами... Мнѣ хорошо... Вотъ пришла подѣлиться радостью...

— Вотъ какъ!..

— Да... но это потомъ... Я тутъ билась надъ одной задачей... не легкой... И вышла побѣдительницей изъ всѣхъ осложненій... Но говорите мнѣ о себѣ еще... И... не надо такъ глядѣть!.. Улыбнитесь...

— Я, кажется, разучился улыбаться,—отвѣтилъ онъ задумчиво.

Она наклонилась къ нему, полная участія, женственно мягкая, боясь отнять свои руки, чтобъ не спугнуть его настроенія.

— Почему разучились?

— Жизнь вдругъ показалась такой трудной и сложной,—говорилъ онъ своимъ нѣжнымъ голосомъ,—а собственныя силы такими маленькими... Начинаешь бояться за себя... Вѣдь только здѣсь, сейчасъ—я могу строить планы, вѣрить въ себя... мечтать о чемъ-то... на что-то надѣяться... Стремиться, словомъ, къ тому, что выше уровня... выше этой жизни... А кончу?.. Тогда что?.. Мало ли нашихъ засосала провинція? А вдругъ и я опущусь, измельчаю?.. и помирюсь на маломъ?.. Мнѣ жутко, Лизавета Ни-

колаевна... Иногда на меня нападаетъ малодушіе... Страхъ—что ли?—передъ жизнью... Она кажется мнѣ... гигантскимъ осьминогомъ... Знаете?.. чудовище съ щупальцами... Одно изъ нихъ—славолюбіе, другое—любовь къ женщинѣ, третье—семья, родные, напримѣръ... Одного захватитъ однимъ... другого другимъ... и засосетъ... и ужъ не выпуститъ... А у меня, въ душѣ, оказывается много этихъ... „ахиллесовыхъ пятъ"... Да, представьте!.. Я не зналъ раньше за собой такихъ тонкостей... Оказывается, я и Вагнера музыку люблю безумно и лишиться ея мнѣ будетъ тяжело, и прославиться я не прочь,—Герострата подчасъ ношу въ сердцѣ... (усмѣхнулся Клименко), и эстетикъ-то я... и...—онъ запнулся на мгновенье—мало ли какіе у меня еще запросы и желанья!.. Того гляди, захватитъ тебя осьминогъ—и не вырваться!.. Лучше бъ ужъ кончить, какъ Андреевскій...

— Кто это—Андреевскій?..—спросила Лизавета Николаевна, которая слушала внимательно, не проронивъ словечка.

— Это мой землякъ, другъ дѣтства... Онъ тоже волынецъ... на третьемъ курсѣ былъ...

— Гдѣ же онъ теперь?.,

— Въ Вяткѣ... И повѣрьте, онъ вернется оттуда болѣе цѣльнымъ и юнымъ, чѣмъ мы, которые разбредемся по Россіи, по медвѣжьимъ угламъ... Ахъ, да что говорить о жизни!.. Даже здѣсь, въ университетѣ, мы мельчаемъ, мы измѣняемъ себѣ. Развѣ на четвертомъ курсѣ мы тѣ же, что на второмъ? Является равнодушіе какое-то, одни въ науку уходятъ, какъ за китайскую стѣну, другіе устаютъ и тупѣютъ отъ нужды, третьи—просто пошлѣютъ, отъ соприкосновенья съ другой средой... Знаете?.. Иногда я хотѣлъ бы остаться вѣчнымъ студентомъ...

Онъ улыбнулся ей мягко, въ первый разъ.

— Какъ вы измѣнились!—прошептала она.

— Да, я тоже пережилъ нелегкіе дни. Тутъ были исторіи... Жаль товарищей... И вотъ что обидно,—я считалъ себя сильнѣе. Въ первый разъ я испугался за свою свободу, пожалѣлъ о томъ, что могло бы быть, но чего не будетъ, потому что—очередь за мною... Я это знаю... Какъ бы вамъ это сказать?.. Въ первый разъ я отдѣлилъ себя, свое я отъ всего завѣтнаго, чѣмъ жилъ до сихъ поръ... Ахъ!.. Вы меня не поймете!.. Это былъ такой странный разладъ въ моей душѣ!.. такой неожиданный... Я весь такъ мучительно раздвоился... Точно горячка какая-то... Зачѣмъ вы не пришли раньше?.. Мнѣ надо было васъ видѣть... Я чуть не написалъ вамъ... Вѣдь во всемъ этомъ разладѣ были вы виноваты...

Она поднялась:—Я?!..

Онъ самъ словно испугался чего-то, когда увидѣлъ, что она измѣнилась въ лицѣ.

— Впрочемъ, нѣтъ!.. Я говорю глупости... Не слушайте меня... И не сердитесь, пожалуйста... Вы рѣшительно ни въ чемъ не виноваты... Сядьте!..—Онъ робко, тихонько взялъ ея захолодѣвшую руку и поднесъ къ своимъ глазамъ, къ горячему лбу.

Они вдругъ замолчали и сидѣли, какъ зачарованные. Было такъ тихо въ маленькой комнаткѣ, что Лизавета Николаевна слышала слабое тиканье своихъ крошечныхъ часиковъ на груди. Она чувствовала трепетъ его вѣкъ на своихъ пальцахъ. Онъ, держа ея руку, чувствовалъ, какъ неровно бьется ея пульсъ.

Вдругъ стукнуло что-то въ передней. Оба вздрогнули. Клименко всталъ, сдвинувъ брови, и вплотную притворилъ свою дверь.

— Что такое?..—спросила Лизавета Николаевна.

— Моя хозяйка вернулась,—отвѣтилъ онъ хмуро.

Въ дверь стукнули.

— Къ вамъ можно?—весело прозвучалъ грудной голосъ.

Глаза Клименко вдругъ стали злыми.

— Войдите,—крикнулъ онъ довольно сухо.

Марья Васильевна вошла и растерялась. Она, очевидно, никакъ не ожидала встрѣчи съ Мельгуновой. Она была такая красивая, здоровая и свѣжая съ мороза, что на нее было пріятно глядѣть.

— Ахъ, душечка!.. Вы?.. Здравствуйте... Вотъ ужъ не ожидала!..

Глаза ея какъ-то забѣгали. Въ лицѣ и тонѣ было что-то фальшивое, непріятное. Она совсѣмъ не умѣла притворяться.

„Что она противъ меня имѣетъ?..“ про себя удивилась Мельгунова.

Пѣвица быстро заговорила, часто ахая и разсыпаясь въ благодарностяхъ... Она такъ обязана Лизаветѣ Николаевнѣ, такъ обязана!.. Съ ея легкой руки ей повезло счастье... Она еще одинъ частный урокъ получила...

— А Настя какъ справляется съ музыкой?

Пѣвица махнула рукой.

— Ну... это—горемыка!.. Кажется, скоро броситъ уроки... Все плачетъ, на голову жалуется... „Поздно, говоритъ, счастье мнѣ улыбнулось... Калѣка я, конченный человѣкъ“... Хочетъ опять въ клинику проситься...

Пѣвица все стояла, очевидно дожидаясь, что и ей предложатъ чаю. Глаза ея также виновато бѣгали по комнатѣ. Клименко, опустивъ голову, нервно наигрывалъ пальцами по столу и все хмурился. Мельгуновой стало неловко. Вышла маленькая пауза. Вдругъ онъ точно очнулся.

— Садитесь... Что же вы стоите?.. Не хотите ли чаю?

Но Марья Васильевна точно только этого и ждала. Она вся встрепенулась и выпрямилась.

— Благодарю васъ... Я лучше въ другой разъ... Знаете пословицу? Незваный гость хуже татарина?.. Ну вотъ такъ и я...

Она нервно усмѣхнулась. Потемнѣвшіе глаза кинули на Клименко какой-то враждебный взглядъ.

— До свиданья, Лизавета Николаевна,—почти вызывающе сказала она, надменно кивнула головой и вышла, съ видомъ оперной королевы.

„Что это значитъ?"—отражался вопросъ на лицѣ Мельгуновой.

Клименко гнѣвно передернулъ плечами.

— Я, можетъ, скоро съѣду отсюда, —сказалъ Клименко, понижая голосъ.—Ребята мѣшаютъ заниматься... А главное, товарищи... Здѣсь неудобно...

Она покраснѣла и оглянулась на дверь.

Пробило пять часовъ. Сумерки уже совсѣмъ сгустились.

— Мнѣ пора идти,—сказала она, вставая.

Онъ быстро удержалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... Подождите... Я все говорилъ о себѣ одномъ... Ужъ очень много наболѣло!.. А о васъ не знаю ничего... Вы говорили, что работали надъ чѣмъ-то... чего-то добивались?... Чего же? Скажите?

Она взглянула на него и встрѣтилась съ его взглядомъ, полнымъ участія.

— Права—трудиться...

Онъ прикусилъ губы.

— И что же?.. Это очень интересно...

Онъ присѣлъ подлѣ. Они оба въ эту минуту забыли о томъ, что ихъ подслушиваютъ.

Она разсказала ему, какъ работала, надъ чѣмъ работала. Здѣсь она никому не стоитъ на дорогѣ... Ея мужъ никому не довѣрилъ бы этого труда... Здѣсь работы на полгода почти. Такъ много нужно перевести, привести въ порядокъ...

Онъ слушалъ, опустивъ глаза.

— А плата?.. Вы, конечно, не за столъ и квартиру помогаете писать г. Мельгунову?..—спросилъ онъ рѣзко.

— Вотъ я васъ хотѣла спросить... Сколько можно взять въ мѣсяцъ за такую работу?.. Вы навѣрно слыхали о такихъ... секретарскихъ занятіяхъ?..

Онъ нервно засмѣялся.

— О, меня, пожалуйста, не спрашивайте!.. Я разорилъ бы господина профессора, еслибъ взялся за такое дѣло... Я противъ всякой эксплоатаціи.

Она взглянула на Клименко съ упрекомъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? Неужели вы не понимаете, что

я счастлива хоть что-нибудь заработать и имѣть свой грошъ. Я возьму двадцать пять въ мѣсяцъ...

Онъ опять засмѣялся, уже совсѣмъ зло на этотъ разъ.

— Совсѣмъ задаромъ хотите трудиться!.. И бережете же вы, однако, карманъ г. профессора!

Она отвернулась огорченная и стала надѣвать шапочку.

— Я думала, что вы за меня порадуетесь...—Голосъ ея невольно дрогнулъ.

Въ одну секунду онъ былъ около нея и взволнованно заглянулъ въ ея лицо.

— Простите... простите... я васъ обидѣлъ... Это невольно... Постарайтесь меня понять и не сердитесь...

Вдругъ за стѣной что-то охнуло, грохнуло, словно кто съ размаха кинулся на постель. Послышалось заглушенное рыданіе.

У Клименко вырвался жестъ отчаянія.

— Вы уходите? Пойдемте, я васъ провожу... здѣсь нельзя говорить...

Онъ торопливо помогъ одѣться гостьѣ и вышелъ за ней, накинувъ пальто.

— Нѣтъ, нѣтъ!..—испуганно остановила она его у дверей.— Застегнитесь... Вы кашляете...

Онъ просіялъ отъ этой заботы.

— Мнѣ тепло отъ вашей заботы,—сказалъ онъ, благодарно заглянувъ ей въ лицо.—Спасибо вамъ, голубушка!..

Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

Въ ту же секунду распахнулась дверь кухни. Марья Васильевна показалась на порогѣ заплаканная, красная, съ сбившимися волосами.

Она успѣла замѣтить его поцѣлуй.

— Никакъ уходите?—крикнула она.—А какъ же обѣдъ?

Выпрямившись, онъ быстро застегивалъ пуговицы пальто.

— Пожалуйста, не ждите меня. Я черезъ часъ вернусь, тогда поѣмъ холодное...

Онъ откинулъ крючокъ и пропустилъ Лизавету Николаевну впередъ.

Но та оглянулась.

— До свиданья, Марья Васильевна.

Молодая женщина кивнула головой, какъ Маргарита Наваррская, и хлопнула дверью.

Они шли молча нѣсколько шаговъ.

— А знаете?.. Все это очень странно,—заговорила Мельгунова.—Мнѣ кажется, что...

— Да, да,—перебилъ онъ,—вы угадали... Ахъ, это такая тяжелая исторія! Клянусь вамъ, я не подавалъ ей ни малѣйшаго

повода... Я только жалѣлъ ее... И я знаю, что если я съѣду теперь, покину ее, она съ горя кинется во всѣ тяжкія и потеряетъ уроки... Впрочемъ, рано или поздно, этимъ кончится...

Совсѣмъ стемнѣло. Было хорошо; морозило только слегка, дышалось такъ вольно.

— Когда мы увидимся?.. — спросилъ Клименко. -- Неужели опять вы исчезнете на цѣлый мѣсяцъ?

Она засмѣялась совсѣмъ радостно.

— Отъ васъ зависитъ видѣться каждый день.

И она разсказала ему, что предлагаетъ урокъ, что будетъ очень рада, если онъ возьмется, плата тридцать рублей и начинать надо завтра.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ. Въ сумеркахъ она все-таки разглядѣла, что лицо его блѣдно.

„Отчего?..“ — непріятно удивилась она.

— Хорошо,—наконецъ сказалъ онъ.—Я приду завтра въ семь...

Голосъ его звучалъ глухо.

Ей стало досадно.

— Вы, кажется, не рады?.. А я думала, что это такъ хорошо... быть вмѣстѣ?.. Если вамъ непріятно почему-либо, — вдругъ поспѣшила она, но онъ уже перебилъ ее, все также странно глядя ей въ глаза:

— Я согласенъ. Благодарю васъ... Васъ, Лизавета Николаевна,— подчеркнулъ онъ,—я, конечно, радъ видѣть всегда...

Она опустила голову и молча они пошли рядомъ. Черезъ минуту онъ предложилъ ей руку, она оперлась на нее безсознательно. Нѣкоторое время они шли молча.

— А вы тоже очень измѣнились,—заговорилъ первый Клименко.—Можно подумать, что вы болѣли.

— Да, я утомилась. Мнѣ такъ хотѣлось скорѣе одолѣть эту брошюру, обезпечить себѣ независимость.

— Какую? Денежную? Да стоитъ ли объ этомъ говорить?— воскликнулъ онъ горячо.—Развѣ это для васъ? Когда у васъ есть задача шире?

— А именно?..

— Вырвать свою свободу, уйти.

Она грустно посмотрѣла въ его молодое лицо.

— Это видно, что у васъ не было дѣтей. Меня пойметъ каждая мать, но не вы.

— Возьмите сына, украдите его. Законъ на сторонѣ того, кто съумѣлъ это умно сдѣлать...

Въ ея глазахъ сверкнули слезы. Онъ ихъ не видѣлъ.

— Шура не пойдетъ ко мнѣ. Онъ любитъ отца. Я если уйду, то въ гувернантки. Впрочемъ, разводку никто не возьметъ къ

дѣтямъ. Что же остается?.. Мѣсто въ конторѣ или на желѣзной дорогѣ на тридцать рублей?.. Это если посчастливится найти... Вѣдь вы, сами знаете, какая битва идетъ за мѣста!.. Или должность приказчицы въ магазинѣ за двадцать пять рублей?.. Алексѣй Иванычъ, да вѣдь это нищета!.. Что же я могу предложить сыну? Отдавъ Марьѣ Васильевнѣ и Настѣ мои уроки, я знала, что дѣлаю... Я отрѣзала себѣ всякій путь къ новой жизни... Не знаю, что дальше?.. А пока... я ничего впереди не вижу. Не дразните же меня... Не говорите мнѣ о томъ, что невозможно!..

— А курсы медицинскіе?.. Вы забыли о нихъ?.. Какъ вамъ легко было бы подготовиться и сдать экзаменъ!.. Вѣдь это новая жизнь впереди...—вырвалось у него со страстью.

Она даже вѣки прижмурила, такъ ей стало больно отъ этого тона, отъ этихъ словъ.

— Поздно...

Онъ остановился, какъ вкопанный.

— Почему?

— Знаете вы, сколько мнѣ лѣтъ?.. Тридцать пять... А на курсы принимаютъ только до тридцати пяти лѣтъ... Вѣдь надо же не меньше года на подготовку?

Онъ закусилъ губы. Очевидно, ему было не легко разстаться съ этой мечтой.

Они не замѣтили, какъ дошли до переулка, гдѣ жили Мельгуновы. Ихъ обогналъ лихачъ. Красивая лошадь, прикрытая синей сѣткой, храпя, бѣжала и изъ подъ копытъ ея летѣли комья снѣга.

Сѣдокъ въ шинели съ бобрами и въ высокой мѣховой шапкѣ оглянулся на нихъ, встрепенулся весь какъ-то и остановилъ извозчика.

— Вашъ мужъ, — сказалъ Клименко, первый узнавшій профессора, и въ эти два слова онъ съумѣлъ вложить всю силу своей антипатіи къ Мельгунову.

Она поняла. Рука ея невольно потянулась изъ-подъ рукава Клименко, но онъ придержалъ ее локтемъ и что-то злое мелькнуло въ его лицѣ.

Лизавета Николаевна тотчасъ разсердилась на себя. „Съ какой стати?.. Я какъ будто испугалась мужа“...

Спокойно глядѣла она, какъ Мельгуновъ вылѣзъ изъ саней и подходилъ къ нимъ, поправляя плечомъ сползавшую шинель.

Клименко измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ эту красивую фигуру.

„Какъ хорошъ!.. Какая женщина останется равнодушной къ такой красотѣ?“

Взоры Клименко и Мельгунова встрѣтились и сверкнули.

Лизавета Николаевна представила ихъ другъ другу и при этомъ совершенно естественнымъ жестомъ высвободила свою руку.

Мельгуновъ жадно, быстро переводилъ свой взоръ съ спокойнаго лица жены на взволнованное лицо студента.

— Вы порѣшили?—спросилъ онъ и опять машинально повелъ плечомъ, поправляя шинель.

— Да, завтра къ семи часамъ Алексѣй Иванычъ будетъ у насъ.

Они медленно подходили всѣ къ дому, Лизавета Николаевна немного впереди, оба мужчины рядомъ сзади.

— Очень радъ,—сказалъ Мельгуновъ.—Я, видите ли, дорожу успѣхами сына... Онъ всегда шелъ первымъ... хотѣлось бы, чтобъ и дальше было такъ. Тутъ у него вышли недавно нѣкоторыя осложненія... Вамъ говорила жена? Но теперь я буду спокоенъ за него... Вы, надѣюсь, меня понимаете, мои чувства?..

Мельгуновъ говорилъ въ замѣтномъ возбужденіи, которое ничѣмъ, казалось, не оправдывалось.

— Теперь я спокоенъ за сына,—повторилъ онъ вѣско.—Выборъ Лизаветы Николаевны не можетъ быть плохъ.

И его тонъ прозвучалъ такъ странно, что Лизавета Николаевна невольно оглянулась на Клименко.

У того дрогнули вѣки, но онъ не поднялъ глазъ, когда отвѣтилъ глухо:

— Довѣріе вашей супруги я постараюсь оправдать...

Онъ откланялся и быстро-быстро пошелъ назадъ.

Она хотѣла окликнуть его, догнать, пожать ему руку, но сзади шелъ мужъ и упорно смотрѣлъ въ ея спину. Она это чувствовала и ежилась.

„Подъ руку ходитъ съ мальчишкой“,—волновался Мельгуновъ.—„Счастье еще, что никого не встрѣтили!.. Какая безтактность!..“

Но онъ ничего не сказалъ женѣ. Пообѣдавъ наскоро, онъ уѣхалъ въ пріютъ.

Вернулся онъ поздно, удрученный тяжелой ссорой съ Анной Васильевной, измученный операціей.

Крестьянка въ пріютѣ умерла подъ ножомъ.

XVI.

Клименко приходилъ каждый день въ качествѣ репетитора. Изъ своей комнаты, черезъ открытую дверь, Лизавета Николаевна, сидя за шитьемъ, или книгой, могла видѣть его профиль и голову Шуры, слышала ихъ голоса.

— Отчего вы съ нами не сидите? — спросилъ ее разъ Клименко. — Намъ веселѣе работать, наконецъ, вы мнѣ поможете. Вамъ ближе знать способности вашего сына.

Она перешла тогда въ классную. Эти часы стали лучшими въ ея жизни. Она ждала ихъ весь день, какъ и онъ, скучая въ праздники. Свѣтлая, чистая привязанность Клименки, которую она чувствовала въ каждомъ его ласкающимъ взглядѣ, въ каждомъ бережномъ вопросѣ, въ мягкомъ звукѣ голоса,—молодила ее, согрѣвала ея словно озябшую въ одиночествѣ душу. Жизнь вдругъ получила краски, блескъ, стала такъ полна и хороша!.. Какъ отрадно было вечеромъ сидѣть въ этой, высокой свѣтлой комнатѣ, такъ гигіенично обставленной!.. Видѣть эти два дорогія юныя лица, близко склоняющіяся надъ столомъ, озаренныя свѣтомъ висячей лампы!

Она сама всегда сидѣла въ тѣни. Ей было такъ лучше глядѣть и думать.

Каждый день Лизавета Николаевна приглашала Клименко къ чаю и холодной закускѣ, которая у Мельгуновыхъ замѣняла ужинъ. Шура выпивалъ свой стаканъ, съ слипающимися глазами, и уходилъ спать, а они засиживались иногда до полночи, читая, дѣлясь впечатлѣніями прочитаннаго и пережитаго, горячо споря. Спорить приходилось часто. Клименко былъ нетерпимъ и одностороненъ. Онъ какъ будто игнорировалъ, что Лизавета Николаевна прожила тридцать-пять лѣтъ до знакомства съ нимъ, и говорилъ съ ней иногда такимъ тономъ, точно она вчера родилась и ничего *своего*, выстраданнаго и надуманнаго, у нея не можетъ быть за душой. Но этотъ деспотизмъ не раздражалъ ее, а только смѣшилъ, и еще чаще трогалъ той искренностью, тѣмъ жаромъ увлеченья, жаромъ души, какой она за всѣмъ этимъ видѣла.

У нея были любимцы между писателями и поэтами, далекими отъ гражданской скорби. Она цѣнила ихъ за талантъ, за тѣ звучавшія въ ихъ лирѣ струны, въ отвѣтъ которымъ вибрировала ея сложная душа.

Онъ однимъ мановеніемъ руки стиралъ ихъ въ прахъ.

— Собственно говоря, какое они имѣютъ общественное значеніе?.. — спрашивалъ онъ, всегда, пощипывая бородку. Онъ не признавалъ ничего изъ живописи, литературы и театра, что не имѣло прямого отношенія къ народу, не могло его интересовать, или быть для него доступнымъ.

— А Вагнеръ?..—ловила его Лизавета Николаевна. — Вотъ ужъ кто не для массъ, не для народа... Онъ самъ—Uebermensch Нитше—и его только избранные могутъ понять...

Тутъ онъ всегда конфузился.

— Да, это моя слабость, — огорченно соглашался онъ. —

Чувствую, что я непослѣдователенъ, но ничего не могу съ собой сдѣлать... Знаете? Я всегда боялся, что эстетика погубитъ меня...

Онъ страстно любилъ музыку вообще. Лизавета Николаевна по его просьбѣ, послѣ долгихъ лѣтъ, впервые сѣла за рояль какъ-то разъ, когда Мельгуновъ уѣхалъ на практику, и играла весь вечеръ Шопена и Шумана.

Когда онъ уходилъ въ этотъ вечеръ, она взглянула въ его вдохновенно горѣвшіе глаза, въ блѣдное измученное, но счастливое лицо и поняла, что за эти нѣсколько часовъ, въ невидимыя узы, которыми она—сама того не зная—опутала эту пылкую душу, вплелись новыя нити, яркія и нѣжныя, какъ шелкъ, но которыя, пожалуй, крѣпче цѣпей. Это была эстетика, которой онъ такъ боялся.

— Почему-то мнѣ кажется, что вы хорошо поете,—сказалъ онъ какъ-то разъ вечеромъ.—Меня еще въ первый разъ, когда вы говорили о Норѣ—помните?—поразила красота вашего голоса.

Она спѣла нѣсколько романсовъ Чайковскаго, малороссійскія пѣсенки и совсѣмъ очаровала его. Впечатлительная, поэтичная душа хохла, въ жилахъ котораго текла и польская кровь (по матери), была подкуплена этимъ груднымъ, дѣйствительно, чудеснымъ голосомъ. Ему хотѣлось плакать отъ счастья, когда онъ ее слушалъ.

— Отчего вы не на сценѣ?—воскликнулъ онъ.—Съ такимъ талантомъ!.. Какъ вамъ не стыдно?

Ея глаза сверкнули и насмѣшка прозвучала въ ласкавомъ вопросѣ, когда она сказала, неподражаемо копируя Клименко:

— Собственно говоря, какое эта дѣятельность имѣла бы „общественное значеніе"?

Онъ невольно расхохотался.

Нерѣдко Мельгуновъ заставалъ еще репетитора, вернувшись изъ засѣданія, съ практики, либо покончивъ пріемъ. Онъ входилъ всегда почти незамѣтно, мягкой, неслышной походкой, надѣясь что-нибудь подслушать, что-нибудь открыть, увѣренный, что тутъ „не совсѣмъ чисто"... Конечно, его Лиза была святая женщина... (У всѣхъ буржуа жены—святыя)... Но чортъ и горами качаетъ.. И надо держать ухо востро...

Онъ садился за столъ и просилъ чаю съ самой любезной улыбкой. Онъ былъ необычайно предупредителенъ съ Клименко и ласковъ съ женой, даже слишкомъ ласковъ. Онъ ласкалъ ее взглядомъ, голосомъ, этими бархатными нотками, которыя такъ обволакивали женскую душу... „Гляди,—казалось, говорилъ онъ студенту,—какъ я ее люблю, какъ мы хорошо и согласно живемъ"...

Его обращеніе дѣйствовало на Лизавету Николаевну болѣзненно. Брови ея хмурились, что-то нервное, почти враждебное проскальзывало въ ея жестахъ, въ голосѣ, во взглядѣ.

Съ приходомъ Мельгунова оживленіе собесѣдниковъ падало разомъ, разговоръ не клеился. Казалось, въ теплой комнатѣ открыли на морозъ фортку и всѣмъ стало холодно. Особенно мѣнялась при мужѣ Лизавета Николаевна. Это была уже какая-то другая женщина—веселая, либо раздраженная, дававшая банальные отвѣты.

Клименко, — какъ это ни странно,—владѣлъ собой лучше, хотя какая-то органическая непобѣдимая антипатія закипала въ немъ при видѣ Мельгунова. Все было ему въ немъ ненавистно: и образъ мыслей презрительно-самодовольнаго буржуа, сверху внизъ глядящаго на эту глупую, увлекающуюся молодежь, которая тѣшитъ себя необычными мечтами объ иномъ строѣ жизни, основанномъ на какой-то утопической справедливости... И его манера говорить, растягивая слова, и корректные, сдержанные жесты его прекрасныхъ рукъ, и эти самыя руки, съ отточенными миндалевидными ногтями... Клименко выдавали только его глаза, его взгляды, острые, какъ булавки, которыми онъ пронизывалъ Мельгунова.

И странно!.. О чемъ бы они ни говорили,—о женскомъ ли вопросѣ, о стачкахъ ли рабочихъ заграницей, о новыхъ выборахъ въ германскомъ рейхстагѣ, о волненіяхъ молодежи, о марксизмѣ,—такъ и чуялось, что все оскорбительное, все пренебрежительное въ рѣчахъ Мельгунова относилось не къ обществу, не къ отвлеченнымъ идеямъ, не къ далекой и чужой массѣ людей, а вотъ именно къ этимъ двумъ, сидящимъ передъ нимъ людямъ, къ этимъ двумъ союзникамъ и единовѣрцамъ,—людямъ другого лагеря, непримиримымъ, не согласнымъ ни на какіе компромиссы.

Несмотря на сдержанность Клименки, на любезность Мельгунова, разговоръ всегда обострялся. Лизавета Николаевна по большой части молчала, съ виду усталая, равнодушная, занятая, казалось, однимъ хозяйствомъ. Но это молчаніе ея еще больше раздражало Мельгунова. Оно какъ бы подчеркивало солидарность этихъ двухъ людей и презрѣніе жены къ взглядамъ ея мужа. Еслибъ она кипятилась, сердилась и спорила—даже поддерживая Клименко—ему все-таки было бы легче.

Послѣ такого вечера каждый разъ вставали изъ-за стола и расходились всѣ измученные, взвинченные, напряженные... Клименко, пожимая на прощанье руку хозяйки, казалось, обнималъ ее всю горячимъ взглядомъ, казалось говорилъ:

„Я знаю, что вы со мной за-одно“...

„Простите, я не виновата“... говорили ея глаза въ отвѣтъ.

Мельгуновъ всегда пережидалъ студента, съ миной любезнаго хозяина стоя у вѣшалки, чтобъ не дать имъ обмѣняться прощальнымъ привѣтствіемъ, какими-нибудь интимными словами...

Но онъ ловилъ эти взгляды и страдалъ отъ ревности и безсилія. Онъ больше не дѣлалъ сценъ женѣ, напуганный послѣднимъ разговоромъ.

Переводъ англійской брошюры подвигался быстро. Лизавета Николаевна какъ-то разъ сказала мужу, что надѣется кончить всю работу къ лѣту, т. е. перевести еще одну французскую статью, которая значилась въ спискѣ, и сдѣлать всѣ выноски изъ имѣвшагося подъ рукой матеріала, необходимыя для его статьи.

— Тебѣ это будетъ стоить рублей сто, или около того, по разсчету двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ... Впрочемъ, постараюсь кончить скорѣе...

— Зачѣмъ? Не спѣши... такъ лучше!—хотѣлъ сказать Мельгуновъ, но сдержался во-время. Онъ зналъ, что пока Лиза работаетъ въ его кабинетѣ, онъ можетъ спать спокойно.

Клименко держался совсѣмъ другого взгляда. Съ первой минуты, когда онъ узналъ, надъ чѣмъ трудится Лизавета Николаевна, его охватила какая-то жгучая, необъяснимая тревога. Но, какъ человѣкъ рѣшительный и строгій къ себѣ, онъ скоро пожелалъ уяснить себѣ это чувство и не остановился передъ выводомъ. Да, онъ ревновалъ ее къ мужу, ревновалъ мучительно къ этому прошлому, въ которомъ ему самому не было мѣста,— ревновалъ къ этой работѣ, невольно воскресавшей это прошлое, безсознательно все-таки сближавшей этихъ теперь совсѣмъ чужихъ людей... Онъ ждалъ ее тогда цѣлый мѣсяцъ, счастливый вспыхнувшимъ такъ властно новымъ чувствомъ, страдая въ то же время отъ разлада, который любовь внесла въ его жизнь аскета,— онъ ждалъ ее... А она забыла о немъ, работая надъ этой статьей. Этого перваго впечатлѣнія онъ не могъ забыть и постоянно возвращался къ нему, огорчая своего друга неожиданными, казалось, рѣзкостями. Онъ тотчасъ спохватывался и смиренно просилъ прощенія, но она огорчалась и душа ея отъ его насмѣшекъ сжималась, какъ нѣжная мимоза отъ прикосновенія грубой руки.

Дружба эта, отъ которой она ждала столько радостей и свѣта, уже показала свои терніи.

Мельгуновъ, возвращаясь къ обѣду, нерѣдко заставалъ жену въ кабинетѣ за работой. Лампа озаряла ея блѣдное, исхудавшее лицо. Въ каминѣ пылалъ огонь. Петръ разводилъ его всегда къ возвращенію хозяина.

Мельгуновъ садился у камина и глядѣлъ на жену.

— Сейчасъ кончу,—говорила она, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ и непріятно волнуясь.

— Пожалуйста, не торопись,—возражалъ онъ.—Я еще не голоденъ.. Такъ хорошо посумерничать и погрѣться... Нынче сыро...

Иногда, захваченная работой, она забывала объ его присутствіи. Онъ сидѣлъ недвижно, прислушиваясь къ скрипу ея пера, къ шелесту книги, къ ея дыханію... Каминъ потухалъ. Тѣни пробѣгали по красивому, такъ печально склонившемуся лицу; уголья, вспыхивая, зажигали блики въ влажныхъ глазахъ... Онъ вспоминалъ далекіе дни, когда задумалъ эту книгу, когда былъ любимъ... Онъ силился понять, какъ ушло это чувство?.. ушло незамѣтно, понемногу, какъ тепло уходитъ изъ дома, гдѣ настежъ раскрыли зимою окна... Ему было грустно... Почему онъ не удержалъ любви этой женщины? Вѣдь когда-то все было въ его рукахъ!... По лицу его пробѣгалъ трепетъ... Юность, волшебная, не повторяющаяся греза счастья, гдѣ вы? Гдѣ минуты вдохновенія, которое умѣла будить таинственная нимфа Эгерія?.. Куда ушли силы души?.. Жизнь суровая и безпощадная развѣяла золотые сны, убила свѣтлые порывы, смяла и растоптала цвѣты счастья... Впереди старость, безъ иллюзій, безъ симпатій... съ холодными радостями честолюбца... Да, если въ его жизни были свѣтъ и красота, они въ прошломъ,—они уже позади...

Странныя это были минуты!.. Много горечи было въ этомъ настроеніи, но онъ дорожилъ имъ.

Лизавета Николаевна вставала, прятала книги, тушила лампу и выходила изъ комнаты, унося съ собой это Богъ вѣсть откуда налетѣвшее настроеніе, какъ уходящее лѣто уноситъ свое тепло и очарованіе. Проходя, она задѣвала его платьемъ. Это легкое прикосновеніе будило въ немъ искру, заглохшую, казалось, подъ соромъ и пылью жизни, вызывало трепетъ его души. Развѣ не въ ней—этой теперь чужой женщинѣ—было все его прошлое, юность, счастье, мечты, которыя не сбылись?..

Теперь Мельгуновъ уже не вышучивалъ себя, не пробовалъ бороться. Онъ зналъ, что любитъ жену съ мученьемъ, болѣзненно, какъ любятъ только въ его годы, и безъ всякой надежды на взаимность... Пусть такъ!.. Жизнь все рѣшила за нихъ. Онъ самъ, въ слѣпомъ отчаяніи—надѣясь излѣчиться и найти забвеніе своей связью съ другой женщиной—какъ бы углубилъ бездну, ихъ раздѣлившую... Возврата нѣтъ... Пусть!..

Но только подъ однимъ условіемъ. Въ сердцѣ Лизы не должно быть иной привязанности, кромѣ Шуры. Въ прошломъ она любила мужа, будущее должно принадлежать сыну... Это былъ единственный соперникъ, передъ которымъ Мельгуновъ соглашался отступить...

Разъ какъ-то Мельгуновъ, вернувшись передъ обѣдомъ, неслышно прокрался въ кабинетъ и наклонился надъ плечомъ жены, которая продолжала писать. Онъ стоялъ такъ съ полминуты у

письменнаго стола, впивая въ себя запахъ ея волосъ и ея тѣла, боясь шевельнутся... Какъ много напоминалъ ему этотъ запахъ!..

Но она почувствовала его за собой, повела глазами въ его сторону и испуганно ахнула.

— Какъ можно такъ подкрадываться?.. Ну, что за манера?..

— Прости, Лиза, я боялся мѣшать...

Онъ присѣлъ подлѣ въ кресла...

— А не можешь ли ты и меня посвятить въ курсъ дѣла?— спросилъ онъ такъ, чтобъ что-нибудь сказать и имѣть предлогъ сидѣть въ этой комнатѣ.

Ея глаза вспыхнули.

Наконецъ-то!.. Она давно ждала этой просьбы и терзалась, что мужъ какъ бы стоитъ въ сторонѣ. Неужели онъ навсегда отказался отъ своей книги? Тогда на что же ему ея работа? Не милостыня ли это, которую онъ ей бросаетъ, какъ утѣшеніе? Сколько разъ она хотѣла поставить ему ребромъ этотъ вопросъ, и если подозрѣнія ея подтвердятся, то бросить ему въ лицо эту тетрадку и искать заработка въ другомъ мѣстѣ, инымъ путемъ. Она оживленно встала и начала, перелистывая тетради и книги, объяснять ему планъ своей работы... Онъ слушалъ, заинтересованный, пристыженный ея добросовѣстностью, удивленный тѣмъ знаніемъ дѣла, которое она выказала. Ихъ пальцы встрѣчались, ихъ лица, наклоняясь надъ столомъ, касались другъ друга, ея волосы щекотали его щеки, она этого не замѣчала, равнодушная къ нему, увлеченная своей задачей... А онъ любовался блескомъ ея глазъ, давно невиданнымъ румянцемъ и оживленіемъ и думалъ, волнуясь ея близостью: „Какъ я былъ глупъ, что такъ долго сторонился отъ ея работы!.. Вотъ несомнѣнно почва для нашего, хотя бы духовнаго сближенья... О милая, старая тетрадка!..“

— Ну что? Много написала. Далеко подвинулось? — черезъ два дня спрашивалъ онъ, уже безъ стѣсненія, какъ свой человѣкъ, входя въ кабинетъ.

— Сегодня вечеромъ я свободенъ,—говорилъ онъ иногда женѣ за обѣдомъ.—Почитай мнѣ все сначала, чтобъ я могъ себѣ сразу выяснить главную суть... Вѣдь важно усвоить сначала старое, тогда, можетъ быть, я начну писать...—И она охотно шла въ кабинетъ и читала ему, сидя у стола. А онъ, полулежа на тахтѣ, слушалъ жадно, наслаждаясь присутствіомъ жены, ихъ возникавшей близостью... И его, дѣйствительно, понемногу захватывалъ интересъ этой будущей книги, ихъ общаго дѣтища...

Съ виду ихъ отношенія не оставляли желать ничего лучшаго. Лизавета Николаевна часто совѣтовалась съ мужемъ, нетерпѣливо поджидала его звонка, если затруднялась въ чемъ-нибудь, и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ всегда съ радостью шелъ ей навстрѣчу.

Все было бы хорошо, еслибъ не Клименко. Онъ ревновалъ. Въ тѣ вечера, когда онъ, между двумя задачами, какъ бы вскользь спрашивалъ Лизавету Николаевну: „будемъ мы нынче читать?..“, а она отвѣчала, избѣгая его взгляда: — „Нѣтъ, извините, нынче мнѣ некогда...“—дружбы ихъ словно не бывало. Онъ вставалъ холодный и замкнутый, отказывался отъ чая и уходилъ, даже не коснувшись руки Лизаветы Николаевны.

Она огорчалась и страдала.

Какъ-то разъ, когда Мельгуновъ вернулся съ практики и зашелъ въ кабинетъ, жена его встала изъ-за стола счастливая, сіяющая.

— Я кончила переводъ брошюры... Вотъ она!

— Такъ скоро? — удивился Мельгуновъ, хотя сердце его ёкнуло.—Но вѣдь это подвигъ...

Она радостно засмѣялась.

— О, да!.. Для меня... Я почти не знала языка, когда взялась за нее... Вечеромъ надо ее съ тобой прочесть...

— Не хочешь ли напечатать ее?—предложилъ онъ.—Вѣдь ея нигдѣ нѣтъ на русскомъ языкѣ. Всякій книгопродавецъ ее охотно купитъ... Хочешь, я тебѣ это устрою?

Ея свѣтлыя глаза стали большими и наивными, какъ у ребенка.

— Неужели?.. О, какъ это хорошо!

Весь день она сіяла. Даже для Мельгунова у нея нашлись добрыя улыбки и дружескія интонаціи. Никто, глядя на нее теперь, не далъ бы ей даже тридцати лѣтъ.

Когда пришелъ Клименко, она протянула ему обѣ руки и сказала:

— Поздравьте меня!..

Онъ, хмурясь, узналъ объ окончаніи брошюры, о томъ что вечеромъ мужъ ея прослушаетъ переводъ, о предложеніи Мельгунова.

— Скажите, что вы рады за меня...—просила она такъ настойчиво и нѣжно.

Онъ поглядѣлъ на нее, приподнявъ брови, пощипывая бородку... Ему стало жаль отравлять ей настроеніе... Вѣдь для нея такъ много связано съ этимъ успѣхомъ!..

— Вотъ область труда, на которую и вы имѣете со всѣми одинаковое право,—изрекъ онъ сквозь зубы, тономъ премьера въ парламентѣ.

Этотъ счастливый день кончился печально для Лизаветы Николаевны и неожиданно улетѣла вся радость ея успѣха. Случилось это такъ.

Вечеромъ Лизавета Николаевна читала мужу свой переводъ,

Случайно, въ этотъ вечеръ онъ былъ свободенъ. Но даже, еслибъ у него были дѣла, онъ бросилъ бы ихъ, сказавшись больнымъ... Поджидая, пока уйдетъ Клименко и Шура ляжетъ спать, онъ ме-

тался по кабинету и его била лихорадка. Въ эти десять дней ихъ сближенія съ женой, въ темныхъ, самыхъ темныхъ уголкахъ его души незримо родилась надежда — кончить книгу. Чѣмъ больше онъ о ней думалъ, тѣмъ ярче разгоралась въ немъ надежда. Онъ мечталъ приблизить и вернуть себѣ жену этой общностью работы... Развѣ она уже не привыкла къ нему, благодаря старой тетрадкѣ, свершившей это чудо?.. А когда книга выйдетъ въ свѣтъ и о немъ заговорятъ, она увидитъ, что напрасно ставила на немъ крестъ, что онъ еще чего-нибудь да стòитъ!.. Несомнѣнно, жена еще вѣритъ въ его способности... Надо оправдать эти надежды во что бы то ни стало!.. Слишкомъ дорогой призъ впереди... Да и этому самонадѣянному ничтожеству, этому студенту хорошо утереть носъ!..

Онъ разсѣянно пилъ чай и все смотрѣлъ на часы. Онъ рѣшилъ—рискнуть и выиграть.

Она пришла, волнуясь въ свою очередь. Можетъ быть, переводъ никуда не годится?..

Онъ слушалъ ее, неслышно ступая по ковру, и мягко исправлялъ вкравшіяся кое-гдѣ неточности. Но въ общемъ переводъ былъ превосходенъ. Онъ сдѣлалъ бы честь любому спеціалисту. Этимъ Лизавета Николаевна была обязана тому, что всю жизнь интересовалась медициной и слѣдила за всѣмъ, чтò печаталось въ медицинскихъ журналахъ.

— Превосходно,—сказалъ Мельгуновъ, когда она кончила и захолодѣвшими отъ волненія пальцами коснулась своихъ пылающихъ щекъ. — Мнѣ остается только расцѣловать твои золотыя ручки.

Онъ взялъ изъ рукъ ея тетрадку и крѣпко прижался губами къ ея ладонямъ.

Она была очень счастлива въ эту минуту, но губы его были слишкомъ горячи, прикосновеніе слишкомъ жадно.

— Ты напрасно волновалась, Лизанька. Клянусь тебѣ, самый строгій критикъ сказалъ бы то же, что я. Такую работу почетно издать въ свѣтъ...

Она встала, собираясь уйти. Въ глазахъ ея отразилось чувство внезапно охватившей ее тревоги...

— Къ лѣту я все кончу,—сказала она, избѣгая его взгляда.— Тамъ еще осталась французская статья Шарко! Она значится въ спискѣ, надо ее найти, она завалялась гдѣ-то. Въ книжныхъ шкафахъ ея нѣтъ,—говорила она торопливо, бѣгая глазами по комнатѣ.—Но это уже пустяки для меня. Я свое сдѣлаю,—очередь будетъ за тобой...

Онъ вдругъ заступилъ ей дорогу, какъ бы нечаянно.

— Лѣтомъ я возьму отпускъ, — говорилъ онъ медленно, по-

степенно блѣднѣя и не сводя глазъ съ лица жены, — и кончу книгу, если...

— Если что?—спросила она еле слышно.

— Если ты не бросишь меня...

Она отодвинулась невольно подъ его взглядомъ. Въ ту же секунду въ лицѣ ея мелькнуло испуганное выраженіе беззащитнаго, растерявшагося ребенка, надъ которымъ занесена тяжелая рука.

— Лиза... — горячо вырвалось у него какимъ-то разбитымъ звукомъ, полнымъ отчаянія.

Передъ ней былъ словно незнакомый, новый человѣкъ. Она взглянула въ это лицо, дышавшее неподдѣльнымъ волненіемъ, прекрасное въ эту минуту отъ преобразившаго его рѣдкаго подъема душевныхъ силъ,—и сразу какъ-то. безповоротно поняла все.

Ея вѣки прижмурились невольно.

— Выслушай меня, не уходи, — говорилъ онъ, стоя передъ ней и (она это чувствовала) дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я, сознаюсь, виноватъ передъ тобой... Безмѣрно виноватъ въ прошломъ... Но Боже мой!.. Вѣдь я ни минуты не переставалъ любить тебя... Ты оскорбила меня слишкомъ больно... Постой, постой!.. Я ничего не прошу, ни на что не надѣюсь... Ты можешь жить спокойно рядомъ... Я былъ глупецъ тогда предъ Рождествомъ... Боже мой!..—Онъ всплеснулъ руками.—На что я надѣялся?.. Развѣ такія женщины, какъ ты, прощаютъ?.. Я голову потерялъ тогда... Слишкомъ испугался, что ты хочешь уйти... Мнѣ стыдно вспомнить... Клянусь тебѣ, никогда больше... Хотя... еслибъ ты сказала слово, нѣтъ, кажется, жертвы...

Какъ во снѣ она провела рукой по лицу и двинулась къ двери. Но онъ опять сталъ по дорогѣ. Его била лихорадка.

— Нѣтъ... нѣтъ... Подожди!.. Я знаю, что все кончено... Неужели ты не вѣришь въ мою порядочность?.. Объ одномъ прошу: не уходи... Ты мнѣ нужна... Не скандала боюсь... нѣтъ!.. я просто не могу безъ тебя остаться... Вотъ теперь... Ты ждешь, чтобъ я кончилъ книгу?.. И если... я окажусь ниже твоихъ ожиданій... ты разочаруешься уже окончательно?.. и не простишь мнѣ?.. И мнѣ жутко, Лиза... Помоги же мнѣ... Пойми... мнѣ не легко стряхнуть съ себя пыль этихъ послѣднихъ лѣтъ... (Его голосъ дрогнулъ). Кажется... нѣтъ уголка въ моей душѣ... куда бы не проникла эта пыль... Подъ ней, Лиза, все тускнѣетъ... все гаснетъ... Я погибъ... если ты бросишь меня теперь... и уже окончательно .. Все въ твоихъ рукахъ...

Блѣдная, какъ и онъ, она вскинула на него свои рѣсницы. безъ звука шевельнулись ея дрожащія губы.

Онъ испуганно перебилъ ее.

— Если не для меня, то для Шуры... Чѣмъ онъ виноватъ? Мы

оба нужны ему... Лиза... Вспомни надпись: „моей нимфѣ Эгеріи..." Ты ею была... Ты ею и осталась... Такъ не бросай же насъ...

Онъ подчеркнулъ невольно это „насъ", какъ бы давая ей понять, что, уйдя, она потеряетъ сына навсегда, что онъ и ребенка научитъ ненависти и злобѣ.

Но этотъ ходъ былъ уже лишнимъ. Она и такъ была какъ бы раздавлена его признаніемъ.

Онъ это понялъ и отступилъ, давая ей дорогу.

Она вышла, какъ-то съежившись вся, словно разомъ ставшая такой маленькой, такой несчастной...

Мельгуновъ облегченно, шумно вздохнулъ, и по лицу его разлилось выраженіе покоя и торжества...

Наконецъ-то!..

Уйдетъ ли она теперь съ легкимъ сердцемъ? Наврядъ ли... Онъ зналъ, что дѣлалъ, поднимая этотъ вопросъ... Довольно съ него и этой побѣды!.. Онъ не погонится за большимъ, чтобъ не потерять того, что выигралъ нынче...

А. Вербицкая.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ.

(Страничка изъ исторіи науки).

Приватъ-доцента кіевскаго университета **Н. Н. Володкевича.**

(*Окончаніе*) *).

Выясненіе начала алхиміи было бы не полно, если бы мы оставили безъ разсмотрѣнія тотъ мистицизмъ и символизмъ, которымъ окружали алхимики свои изслѣдованія и который проникалъ всѣ ихъ сочиненія. Это важная сторона алхимическихъ ученій, и само дальнѣйшее развитіе алхиміи будетъ непонятно, если не обратить вниманія на мистическую сторону ея начала.

Дѣло превращенія искусственными средствами одного вида вещества въ другой, отнятіе прежнихъ свойствъ и сообщеніе новыхъ, казалось весьма труднымъ. Природа совершаетъ эти превращенія, это облагороживаніе металловъ въ нѣдрахъ земли, таинственнымъ и медленнымъ путемъ; алхимики ставили своей задачей произвести это превращеніе искусственными средствами и притомъ въ короткое время, и, конечно, это была нелегкая задача; передъ нею силы и искусство человѣка казались слишкомъ ничтожны. Неудивительно поэтому, что тамъ, гдѣ естественныя силы, повидимому, отказывались служить, прибѣгали къ силамъ сверхъестественнымъ; отсюда возникновеніе таинственныхъ формулъ, обрядовъ и заклинаній.

Такое направленіе сохранялось въ видѣ традиціи обрядовъ древняго Египта, затѣмъ оно развивалось подъ вліяніемъ мистицизма халдейскихъ и гностическихъ ученій. Самое происхожденіе алхиміи по этимъ мистическимъ преданіямъ—божественное; языческіе писатели считали ея основателемъ древнеегипетскаго бога Тота, эллинизированнаго затѣмъ подъ названіемъ Гермеса Трисмегиста; христіанскіе писатели объясняли происхожденіе алхиміи слѣдующимъ мѣстомъ изъ книги Бытія (глава VI): «тогда сыны Божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены, какую кто избралъ», и дальше: «въ то время были на землѣ исполины, особенно съ тѣхъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

поръ, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ. Это сильные, издревле славные люди». Въ апокрифической книгѣ Еноха расказывается, что именно эти сыны Божіи, т. е. падшіе ангелы, открыли смертнымъ тайныя знанія и научили ихъ всѣмъ искусствамъ: «они научили своихъ женъ волшебству, свойствамъ корней и деревьевъ, магическимъ знакамъ, искусству наблюдать звѣзды; они ихъ научили употребленію браслетовъ и украшеній, искусству красить себѣ брови, употребленію драгоцѣнныхъ камней, и такимъ образомъ въ люди вошла порча нравовъ»; возмездіемъ за проявившуюся въ людяхъ безнравственность явился затѣмъ всемірный потопъ. Въ этихъ словахъ апокрифической книги алхимики видѣли подтвержденіе преданій относительно нечеловѣческаго происхожденія алхиміи: тайныя искусства—изготовленіе браслетовъ, драгоцѣнныхъ камней, искусство красить,—этимъ именно и занимались алхимики.

И такъ, по тому и другому преданію происхожденіе алхиміи нечеловѣческое. Поэтому дѣло это великое, ars magna, дѣло священное, ars sacra. Не всякій способенъ заниматься имъ; вотъ что говорится въ одномъ отрывкѣ, суть котораго высказывается потомъ и у Гебера, и у другихъ арабовъ: «Тотъ, кто занимается изученіемъ дѣла, долженъ прежде всего любить Бога и людей, быть умѣреннымъ и безкорыстнымъ; онъ долженъ стоять далеко отъ всякаго обмана и всякой лжи, отъ всякаго дурнаго поступка, отъ чувства зависти; онъ долженъ быть искреннимъ и вѣрнымъ сыномъ Единосущной Троицы. Кто не имѣетъ этихъ хорошихъ качествъ, угодныхъ Богу, или кто не потщится пріобрѣсть ихъ, тотъ обманется, желая достигнуть недостижимаго; онъ только повредитъ самому себѣ». Если таковы должны быть качества адепта, если адепты—люди высшіе и лучшіе, если ихъ дѣло такъ высоко и такъ священно, то нельзя его профанировать, дѣлать доступнымъ всѣмъ; только достойные могутъ имъ заниматься, и не должны они его разглашать, но, напротивъ, заниматься втайнѣ. «Клянусь тебѣ, мой почтенный посвященный, клянусь блаженной Троицей, что я ничего никому не открылъ изъ тайнъ науки, разоблаченныхъ ею для тайниковъ души моей; все, что я знаю по внушенію Бога, все это безъ утайки я изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ, дополняя мысли древнихъ собственными размышленіями. И ты самъ приступай къ этимъ писаніямъ въ духѣ благочестія и мудрости, если мы сказали что-либо ошибочное, по невѣдѣнію, а не преднамѣренно, исправь наше заблужденіе къ твоей собственной выгодѣ», и т. д.

Это стремленіе къ таинственности имѣло и другія причины, кромѣ сознанія важности дѣла. Во-первыхъ, такова была традиція науки древняго Египта, открытой для посвященныхъ только, а не для массы; во-вторыхъ, послѣ того, какъ римская власть распространилась и надъ Египтомъ, алхимики стали подвергаться преслѣдованіямъ, наряду съ колдунами и чародѣями, вслѣдствіе этого алхиміей занимались только

втайнѣ и, кромѣ того, адепты облекали свои мысли въ образный языкъ, разобраться въ которомъ составляетъ въ настоящее время не легкую задачу. Впослѣдствіи такой образный и символическій языкъ вошелъ уже и въ обычай.

Къ тому же, алхимики, чувствуя всю трудность поставленной цѣли, невольно склонялись въ сторону мистицизма, искали себѣ помощи въ таинственныхъ символическихъ формулахъ. Здѣсь въ особенности сказались вліянія халдейскія и гностическія.

Нѣкоторые символы и изрѣченія пріобрѣли большую извѣстность; въ нихъ видѣли особый, таинственный смыслъ, и часто приводили въ манускриптахъ. У Пэмандра приведенъ мистическій гимнъ Гермеса: «вселенная, внимай моимъ словамъ; земля, раскройся; водныя бездны, раскройтесь. Деревья, не шумите, — я хочу хвалить Господа, Всеединаго. Небеса, раскройтесь, и вѣтры, замолчите; пусть всѣ мои силы восхвалять Всеединаго». И этотъ гимнъ имѣетъ въ виду единство матеріи. Менѣе понятно изрѣченіе такъ называемой изумрудной таблицы: «вверху небесное, внизу земное; мужескимъ и женскимъ началомъ совершается дѣло». Здѣсь сказывается вліяніе гностиковъ, въ философіи которыхъ придавалось большое значеніе мужескому и женскому началу. Въ сочиненіи Псевдодемокрита приведено изрѣченіе его учителя, мидійца Останеса, скрывавшее въ себѣ, будто бы, глубочайшую тайну: «природа наслаждается природой; природа побѣждаетъ природу; природа торжествуетъ надъ природой». По всей вѣроятности, здѣсь намекается на превращенія вещества.

Многія изъ этихъ изрѣченій, напримѣръ, подобныя вышеприведеннымъ, болѣе или менѣе ясно намекаютъ на философскіе взгляды алхимиковъ и имѣютъ поэтому извѣстный смыслъ; нельзя того же сказать о множествѣ другихъ мистическихъ изрѣченій и таинственныхъ формулъ и словъ, часто встрѣчающихся въ алхимическихъ трактатахъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и гораздо болѣе поздняго періода. Во многихъ случаяхъ этотъ мистическій балластъ бытъ заимствованъ алхимиками у восточныхъ народовъ. Таково напримѣръ знаменитое слово «азотъ»; оно состоитъ изъ буквы А, т. е. первой буквы почти всѣхъ алфавитовъ, и изъ послѣднихъ буквъ алфавитовъ латинскаго z, зетъ, греческаго омега и еврейскаго тофъ. У Порапельса есть цѣлый трактатъ кабаллистическаго содержанія, подъ названіемъ: «Azoth, sive de ligno et linea vitae». Еще большую извѣстность пріобрѣло слово abracadabra. Это слово писали въ такомъ видѣ:

a b r a c a d a b r a
b r a c a d a b r
r a c a d a b
a c a d a
c a d
a

и носили въ видѣ амулета. Четыре первыя буквы—начальныя буквы еврейскихъ словъ: авъ, бенъ, рухъ, акодешъ, что значитъ: Отецъ, Сынъ, Духъ Святой; три среднія—начальныя буквы греческихъ словъ: σωτηρία ἀπὸ θόζης—спасеніе отъ вѣры. Такимъ образомъ, значеніе этого мистическаго слова будто бы таково: спасеніе достигается вѣрой въ Отца, Сына и Святого Духа.

Большое значеніе придавалось числамъ, въ чемъ сказалось вліяніе пиѳагорейцевъ, а также евреевъ, египтянъ и халдеевъ. Такъ, значеніе числа 4 выясняется въ каббалѣ такими сопоставленіями: 4 элемента, 4 добрыхъ ангела, 4 времени года, 4 небесныхъ двери, 4 страны свѣта, 4 ангела хранителя, 4 райскихъ рѣки, 4 главныхъ вѣтра. У египтянъ число четыре тоже играло важную роль. Зосима Панополитанскій проводитъ параллель между 4 окрасками и 4 странами свѣта: сѣверъ означаетъ окраску въ черный цвѣтъ, западъ—окраску въ бѣлый цвѣтъ, югъ—окраску въ фіолетовый цвѣтъ, наконецъ, востокъ—окраску въ желтый цвѣтъ. Число 6 имѣло большую важность въ Халдеѣ, гдѣ система счисленія была шестеричная; отсюда идетъ дѣленіе года на 360 дней (и 5 отдѣльно стоящихъ), т. е. на 12 мѣсяцевъ по 30 дней, сутокъ—на 24 часа, часа—на 60 минутъ, минуты—на 60 секундъ, круга—на 360 градусовъ и т. д. Для числа 7 тоже приводится много аналогій: 7 планетъ, 7 металловъ, 7 цвѣтовъ, 7 небесъ, 7 дней недѣли, 7 мудрецовъ, 7 чудесъ свѣта. И въ христіанскую эпоху эти числа обращали на себя большое вниманіе; въ апокалипсисѣ числа 7 и 6 часто упоминаются.

Этимъ можно закончить вопросъ о происхожденіи алхиміи. Теперь остается вкратцѣ разсмотрѣть тѣ вопросы, которые въ различное время служили цѣлью алхимическихъ изысканій, сообщить вкратцѣ о ея историческомъ развитіи и познакомиться съ дѣятельностью нѣкоторыхъ выдающихся алхимиковъ.

Въ первые вѣка нашей эры алхимики были сосредоточены въ Александріи и другихъ городахъ Египта. Ихъ имена намъ извѣстны по дошедшимъ до насъ манускриптамъ, найденнымъ, по большей части, въ древнихъ гробницахъ. О самихъ авторахъ этихъ рукописей ничего неизвѣстно; по всей вѣроятности, даже имена ихъ не настоящія, а псевдонимы. Это обстоятельство объясняется тѣми преслѣдованіями, которымъ подвергались алхимики во времена римскаго владычества, особенно при Діоклетіанѣ.

Въ этихъ рукописяхъ, образцы изложенія которыхъ приведены выше, трактуется, на ряду съ различными мистическими взглядами, главнымъ образомъ, объ окраскѣ металловъ и даже тканей. Уже упомянуто, почему придавалось такое значеніе этой операціи: самая наука называлась тогда искусствомъ окраски. Такъ какъ измѣненіе цвѣта приближало по виду металлъ къ золоту или серебру, то искусство окраски металловъ считалось также искусствомъ производить золото или серебро,

отсюда и названіе науки χρυσοποιία. Это измѣненіе цвѣта могло быть или поверхностнымъ, какъ, напримѣръ, окраска мѣди ртутью, или болѣе внутреннимъ, какъ, напримѣръ, полученіе изъ мѣди и цинка сплава цвѣта золота. Въ особенности стала развиваться впослѣдствіи мысль, что, подобно тому, какъ человѣкъ рождается отъ человѣка, левъ отъ льва, и т. д., такъ и золото происходитъ отъ золота, путемъ таинственныхъ процессовъ; поэтому, для осуществленія превращенія нужно прибавить золото, которое играетъ какъ бы роль зародыша, и при помощи котораго остальной неблагородный металлъ превращается въ золото и такимъ образомъ «природа торжествуетъ надъ природой». Алхимикъ въ своей лабораторіи пытается подражать совершающемуся въ природѣ; въ нѣдрахъ земли металлы зарождаются, зрѣютъ и множатся подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ планетъ; постигнуть эту тайну ставитъ своей задачей алхимикъ. Сопоставленіе металловъ и планетъ привело, между прочимъ, къ тому, что металлы стали означать знаками соотвѣтствующихъ планетъ; такимъ образомъ родилась идея о химическихъ знакахъ и символахъ, не только не отвергнутая, но даже разработанная въ новѣйшее время, съ тою разницею, что теперь знакомъ элемента служитъ не произвольная фигура, а одна или двѣ начальныхъ буквы его латинскаго названія (напр., боръ означается B, borium, барій—Ba, barium, водородъ H, hydrogenium).

Многіе приборы, вошедшіе затѣмъ въ химическую практику, были изобрѣтены уже въ это первое время алхиміи.

Что касается содержаніи дошедшихъ до насъ рукописей первыхъ временъ алхиміи, то оно весьма разнообразно. На ряду съ различными мистическими разсужденіями очень много говорится объ окрашиваніи металловъ, что и считалось ступенью въ приближеніи конечной цѣли—искусственнаго полученія золота; т. е. приготовленіи сплавовъ, напр., низкопробнаго золота (диплозисъ Моисея, Евгенія), азема, склеиваніи или сплавленіи золотыхъ пластинокъ между собою; о приготовленіи различныхъ препаратовъ, напр., киновари изъ ртути и сѣры, а также о полученіи ртути изъ киновари; о полученіи различныхъ окисей, сѣрнистыхъ и хлористыхъ металловъ; всѣ такія операціи сводились къ конечной цѣли—искусственному полученію золота, а не имѣли цѣны сами по себѣ; описывались различные естественные продукты и ихъ свойства, также приборы (особенно у Зосимы). Сообщается цѣлый рядъ практическихъ пріемовъ: очищенія золота, серебра, золоченія, серебренія, закалки желѣза, приготовленія стекла, окраски его (полученія искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней), пріемовъ пробирнаго искусства и проч. Первые алхимики, о которыхъ сохранились историческія свѣдѣнія, были Синезій, епископъ Птолемаидскій, Зосима Панополитанскій и др.

Въ V вѣкѣ произошло паденіе Западной Римской Имперіи, всякія научныя занятія прекратились на Западѣ, такъ какъ западные на-

роды занимались въ это время болѣе настоятельнымъ дѣломъ—выработкой новыхъ основъ гражданственности на развалинахъ древняго Рима. Въ то же время на востокѣ были заняты изслѣдованіемъ теологическихъ вопросовъ и изощрялись въ безплодныхъ словопреніяхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе причинъ, препятствовавшихъ занятіямъ науками, въ томъ числѣ и алхиміей, среди европейскихъ народовъ; достаточно напомнить, что время было таково, что, повидимому, самое воспоминаніе цивилизаціи древняго міра должно было исчезнуть. Всѣмъ извѣстно, что это наслѣдіе было спасено отъ забвенія арабами. Эти завоеватели, такъ внезапно появившіеся на аренѣ исторіи, такъ внезапно возлюбившіе науку и разрабатывавшіе всѣ ея отрасли съ такой любовью, почти также внезапно сошли съ исторической сцены; они, такъ сказать, взяли на временное сбереженіе науку классической древности и, затѣмъ, не только сохранивъ, но даже пріумноживъ ее, передали западнымъ европейцамъ, а сами отступили на задній планъ.

Знаменитѣйшимъ изъ арабскихъ алхимиковъ былъ врачъ Абу-Мусса-Джафаръ-ал-Сифи, котораго его переводчики передѣлали въ Гебера; онъ жилъ въ VIII в. Его вліяніе въ теченіе среднихъ вѣковъ было громадно; объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и самыя его прозвища: «Philosophus perspicacissimus, rex Arabum, magister magistrorum». Онъ придавалъ большое значеніе наблюдательному методу. «Наблюдай и записывай», говорилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Ему принадлежитъ много важныхъ открытій: имъ впервые получена азотная кислота, царская водка (названная такъ потому, что растворяетъ золото, царя всѣхъ металловъ). Сѣрная кислота, ѣдкое кали. Ему же принадлежитъ и первая химическая теорія, по которой всѣ металлы состоятъ изъ ртути и сѣры, но не обыкновенныхъ ртути и сѣры, а элементовъ болѣе тонкой природы; ртуть—носитель металличности, сѣра—измѣняемости; такимъ образомъ, элементы сдѣлались носителями и химическихъ свойствъ. Облагораживаніе металловъ состоитъ въ отнятіи сѣрнаго начала и сообщеніи ртутнаго. Въ лицѣ Гебера мы видимъ настоящаго естествоиспытателя; самый языкъ его сочиненій гораздо яснѣе и точнѣе.

Европейцы познакомились съ арабской наукой во время крестовыхъ походовъ. Но еще раньше, уже VIII в., начинаетъ проявляться стремленіе ихъ къ просвѣщенію. Едва только создалась болѣе сильная политическая власть на западѣ, какъ мы видимъ признаки пробуждающейся умственной дѣятельности: Карлъ Великій уже въ 781 году хлопочетъ объ устройствѣ школъ при монастыряхъ и о поднятіи умственнаго ценза духовенства; его другъ и сотрудникъ Алькуинъ работаетъ надъ составленіемъ учебниковъ. Видимымъ знакомъ этого стремленія европейцевъ къ просвѣщенію было основаніе университетовъ; около 1200 года получили начало университеты въ Парижѣ, Оксфордѣ, Кэмбриджѣ; въ 1224 г. въ Неаполѣ, затѣмъ въ Салерно, Болоньѣ, Падуѣ.

Наконецъ, рѣшающее значеніе для европейскаго просвѣщенія имѣло знакомство съ арабской культурой, послѣ крестовыхъ походовъ.

Уже въ XIII в. мы находимъ людей, занимавшихся науками и пріобрѣвшихъ своими познаніями громкую славу. Это были нѣмецъ Альбертъ, графъ изъ Больштедта, прозванный Великимъ, впослѣдствіи епископъ въ Регенсбургѣ, англичанинъ Рожеръ Бэконъ, монахъ францисканскаго ордена, испанецъ Раймундъ Люлль и французъ Арнольдъ Виллановансній. Ихъ вліяніе на умы современниковъ и даже позднѣйшихъ поколѣній было громадно. Альбертъ былъ прозванъ Великимъ, и Тритгеймъ, писатель XV в., отзывается о немъ, что онъ былъ magnus in magia naturali, major in philosophia, maximus in theologia *); Рожеръ Бэконъ былъ прозванъ doctor mirabilis, Раймундъ Люлль—doctor illuminatissimus. О всѣхъ ихъ сохранилось много чудесныхъ разсказовъ, но ни объ одномъ столько, какъ объ Альбертѣ Великомъ. Онъ родился въ 1193 году и происходилъ изъ графской фамиліи Больштедтовъ. Будучи наслѣдникомъ титула, онъ тѣмъ не менѣе предпочелъ духовную карьеру и поступилъ въ орденъ доминиканцевъ, незадолго передъ тѣмъ основанный св. Доминикомъ. Это былъ болѣе, чѣмъ многосторонне образованный человѣкъ,—онъ зналъ въ совершенствѣ всѣ науки, извѣстныя въ то время.

Доминиканскій орденъ отличался тогда своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, а Альбертъ Великій и ученикъ его Ѳома Аквинскій были лучшими его украшеніями. По порученію ордена, Альбертъ читалъ съ громаднымъ успѣхомъ лекціи въ парижскомъ университетѣ, и въ этомъ городѣ до сихъ поръ сохранилась память о его пребываніи, въ названіи place Maubert (mont Albert, по словопроизводству нѣкоторыхъ писателей). Не меньшимъ успѣхомъ пользовались его лекціи и въ Кёльнѣ, въ доминиканскомъ университетѣ. Не менѣе чѣмъ ученостью, Альбертъ выдавался также и своими нравственными достоинствами. Будучи назначенъ епископомъ Регенсбурга, онъ продолжалъ вести столь простой образъ жизни, что даже не перемѣнилъ своей монашеской обуви, за что и былъ прозванъ «лаптемъ». Свою епископію онъ обходилъ всегда пѣшкомъ; на себя ничего не тратилъ, а всѣ доходы употреблялъ на добрыя дѣла. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ подобный человѣкъ производить на умы современниковъ. Разсказывали, что имъ былъ устроенъ автоматъ въ видѣ дѣвушки чудной красоты, который могъ даже говорить; когда въ отсутствіе Альберта, къ нему зашелъ Ѳома Аквинскій, и автоматъ привѣтствовалъ его словами «salve, salve», то Ѳома, въ ужасѣ, разбилъ автоматъ, принявъ его за произведеніе дьявольскаго искусства. Разсказывали также, какъ Альбертъ принималъ, однажды, зимою Вильгельма Голландскаго, приказавши пригото-

*) Великъ въ естествознаніи, еще выше въ философіи, недосягаемо великъ въ богословіи.

вить столъ въ саду, покрытомъ снѣгомъ, съ деревьями, лишенными листьевъ, но едва гости вошли въ садъ, какъ снѣгъ исчезъ, деревья покрылись листьями, птицы запѣли и зима смѣнилась весною на все то время, пока гости пребывали въ саду. Какъ алхимикъ, Альбертъ не создалъ новыхъ теорій, но былъ послѣдователемъ Гебера. Онъ умеръ въ 1280 году.

О Рожерѣ Бэконѣ сказано было нѣсколько словъ въ самомъ началѣ нашего очерка. Онъ родился въ 1214 г. и имѣлъ несчастіе поступить во францисканскій орденъ, самый невѣжественный изъ всѣхъ, вслѣдствіе чего и подвергся впослѣдствіи гоненіямъ за свою ученость со стороны ордена. Рожеръ Бэконъ въ особенности замѣчателенъ, какъ проповѣдникъ экспериментальнаго метода, и какъ физикъ. Ему приписываютъ, между прочимъ, изобрѣтеніе пороха. И его алхимическіе взгляды не отличаются отъ геберовскихъ; о философскомъ камнѣ онъ говоритъ, какъ о чемъ-то имѣвшемся въ его рукахъ, и приписываетъ ему способность превращать въ золото количество металла, превышающее количество препарата въ милліонъ и болѣе разъ (millies millia et ultra).

Но въ особенности замѣчательна жизнь Раймунда Люлля. Онъ родился въ 1235 г. на островѣ Майоркѣ и происходилъ изъ благороднаго семейства. До 30-лѣтняго возраста онъ состоялъ при дворѣ Іакова Аррагонскаго, когда съ нимъ случилось событіе, повліявшее на всю его дальнѣйшую жизнь. Именно—онъ влюбился въ одну знатную дѣвушку, и неотступно преслѣдовалъ ее своей любовью, до такой степени, что однажды вслѣдъ за нею въѣхалъ въ церковь верхомъ на лошади. Дѣвушка всячески старалась прекратить его ухаживанія, но напрасно; наконецъ, она назначила ему свиданіе и здѣсь показала ему свою грудь, обезображенную страшной неизлѣчимой раной. Это такъ подѣйствовало на Раймунда Люлля, что онъ увидѣлъ въ своемъ приключеніи перстъ Божій и рѣшилъ сдѣлаться монахомъ. Въ теченіе всей своей долгой жизни онъ проявлялъ постоянно такую же пылкость и страстность. Онъ изъѣздилъ всю Европу, посѣтилъ Сирію, Палестину, Арменію и, возвратившись въ Парижъ, воодушевился идеей обращенія мусульманъ въ христіанство. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Алжиръ и тамъ былъ побитъ камнями въ 1315 г., какъ разсказываютъ нѣкоторые. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ живъ еще въ 1332 г. (такъ онъ пишетъ самъ въ одномъ приписываемомъ ему сочиненіи), и находился въ Лондонѣ, гдѣ съ успѣхомъ занимался опытами превращенія металловъ. Его бродячая жизнь, полная приключеній, чудесныя разсказы о его алхимическихъ опытахъ, пылкій, образный языкъ его сочиненій доставили ему громкую славу. Онъ считался безспорнымъ адептомъ (отъ adipiscor, достигаю; адептъ—т. е. достигшій тайны превращенія металловъ); онъ самъ утверждаетъ въ своихъ трактатахъ (всего ему приписываютъ до 500 сочиненій), что ему извѣстно приготовле

ніе философскаго камня: «mare tingerem, si mercurius esset», восклицаетъ онъ.

Послѣднимъ изъ замѣчательныхъ алхимиковъ, заключившимъ періодъ развитія собственно алхиміи у европейскихъ народовъ, былъ Василій Валентинъ, жившій въ XV вѣкѣ. Василію Валентину принадлежитъ нѣсколько важныхъ открытій, особенно соляной кислоты и сурьмы. Его алхимическія сочиненія пользовались большимъ уваженіемъ и онъ былъ даже прозванъ Великимъ. Теорію Гебера объ элементахъ онъ измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что прибавилъ третій элементъ—соль, носитель огнепостоянства. Его сочиненія замѣчательны по своему мистицизму; ихъ слогъ непонятный, преднамѣренно темный. Онъ любитъ выражаться загадками и символами; почти каждый отрывокъ онъ заключаетъ обращеніемъ къ Богу. Въ своемъ сочиненіи «De magno lapide antiquorum philosophorum» онъ излагаетъ превращеніе металла въ видѣ 12 «ключей, которые открываютъ двери къ приготовленію философскаго камня и къ неизслѣдуемому источнику полнаго здоровья».

У послѣдующихъ алхимиковъ слогъ дѣлается все болѣе и болѣе образнымъ и потому неяснымъ; въ особенности этому содѣйствовало вліяніе символизма Раймунда Люлля и мистицизма Василія Валентина. Между тѣмъ, все болѣе и болѣе утверждается въ умахъ алхимиковъ представленіе о такъ-называемомъ философскомъ камнѣ или камнѣ мудрыхъ. Когда впервые возникло понятіе объ этомъ препаратѣ, необходимомъ для операціи превращенія, рѣшить невозможно на основаніи имѣющихся данныхъ,—во всякомъ случаѣ очень давно. Уже у первыхъ алхимиковъ встрѣчаемъ упоминанія о философскомъ камнѣ; напр., у Маріи еврейки: «Не прикасайся твоими руками къ философскому камню—ты не нашего племени, не племени Авраама». Останесъ говоритъ у Зосимы: «Иди къ Нильскому потоку: ты тамъ найдешь камень, имѣющій душу; возьми его, разсѣки на двое, вложи руку внутрь и вынь сердце, потому что его душа въ его сердцѣ». Тотъ же Зосима выражается еще болѣе загадочно: «Возьми этотъ камень, который не есть камень, эту драгоцѣнную вещь, которая не имѣетъ стоимости, эту вещь многоформенную, которая не имѣетъ формы, это неизвѣстное, которое всѣмъ извѣстно». У Гебера понятіе о философскомъ камнѣ принимаетъ видъ вполнѣ опредѣленнаго ученія; онъ называетъ его медициной (medicina) или средствомъ и различаетъ три его порядка. Есть вещества, которыя, какъ уже сообщалось выше, придаютъ нѣкоторымъ металламъ цвѣтъ и подобіе золота, но ихъ дѣйствіе не полно,—съ ихъ помощью получаются вещества, только похожія на золото; такія средства—ртуть; соединеніе мышьяка Геберъ называетъ медициной третьяго порядка; но должна же быть медицина высшаго порядка, которая производитъ не подобіе превращенія, а полное превращеніе; это и есть философскій камень. Всѣ усилія алхимиковъ и направлялись къ полученію этого препарата. Многіе утверждали, что онъ былъ полученъ ими, и

сообщали поразительныя свѣдѣнія о его чудодѣйственной силѣ. По Рожеру Бэкону 1 ч. философскаго камня превращаетъ въ золото болѣе милліона частей неблагороднаго металла, но онъ далеко отсталъ отъ Раймунда Люлля, который въ своемъ «Testamentum» такъ описываетъ дѣйствіе этого препарата: «Теперь мы приступаемъ къ проэкціи: возьми кусочекъ этой драгоцѣнной медицины величиной съ горошину. Брось его на тысячу унцовъ ртути, и вся она превратится въ красный порошокъ. Возьми одинъ унцъ этого послѣдняго на тысячу ртути, и вся она превратится въ медицину. Одинъ унцъ послѣдней, брошенный въ тысячу унцовъ новой ртути,—превратитъ ее въ медицину равнымъ образомъ. Наконецъ, одинъ унцъ этой медицины брось еще разъ на тысячу унцовъ ртути и вся она превратится въ золото, которое будетъ лучше, чѣмъ природное». По этому описанію выходитъ, что медицина Раймунда Люлля превращаетъ въ золото количество металла, въ четыре тысячи билліоновъ разъ превышающее вѣсъ медицины. Конечно, подобныя свидѣтельства возбуждали рвеніе алхимиковъ къ новымъ и новымъ поискамъ, которымъ все также суждено было оставаться безплодными. Для того, чтобы совершилось превращеніе подъ вліяніемъ философскаго камня, надо было имѣть первую матерію, materiiam primam; ее видѣли во всевозможныхъ веществахъ—ртути, мышьякѣ, соли, воздухѣ и т. п. Что такое первая матерія, а также философскій камень, очень часто сообщали подъ видомъ загадки. Древнѣйшая приписывается Сивиллѣ (также Гермесу и Агатодемону):

Во мнѣ девять буквъ, четыре слога—пойми меня;
Три первыхъ слога имѣютъ по двѣ буквы каждый,
Остальной слогъ—остальныя буквы; и пять согласныхъ,
Черезъ меня ты получишь мудрость.

На эту загадку было придумано много отвѣтовъ: ἀρ-σε-νι-κόν (мышьякъ), κα-σί-τη-ρος (олово, собственно κασσίτηρος), Θε-ὸς Σωτήρ (Богъ Спаситель), Ζο-ῆς βυ-θός (бездна жизни), и прочее. Василій Валентинъ далъ такое опредѣленіе философскаго камня: Visitando interiora terrae rectificandoque, invenies occultum lapidem ueram (вмѣсто veram) medicinam: изслѣдуя земли, послѣ очищеніи, получишь тайный камень, истинную медицину; первыя буквы этихъ девяти словъ составляютъ слово: vitriolum—купоросъ. Какъ видимъ, собственная загадка Василія Валентина стоитъ въ связи съ сивиллиной загадкой, такъ какъ слово содержитъ тоже 9 буквъ. Другая загадка Василія Валентина также указываетъ на 9 буквъ.

Такимъ образомъ, скрывали тайну философскаго камня подъ намѣренно нелѣпыми выраженіями или даже прямо подъ видомъ загадки, aenigma. Но и въ случаѣ вѣрнаго пониманія загаданнаго слова, напр., vitriolum Василія Валентина, все-таки авторъ оставался правъ, когда опыты съ указаннымъ имъ веществомъ не приводили къ желаемому результату; въ такомъ случаѣ авторъ отвѣтилъ бы, что онъ подразу-

мѣвалъ подъ vitriolum не обыкновенный купоросъ, желѣзный или мѣдный, а совершенно иное вещество,—сладкой, летучей, маслообразной природы,—какъ выражается о немъ Василій Валентинъ въ другомъ мѣстѣ,—подобно тому какъ Геберъ подъ ртутью и сѣрой подразумѣваетъ не обыкновенную ртуть и сѣру, а другія вещества, болѣе тонкой природы. Неудивительно поэтому, что всякій описывалъ философскій камень по-своему: одни утверждали, что это камень, другіе—что жидкость, третьи—что металлическое тѣло. Указанія на то, что превращающее вещество, позднѣйшая медицина, есть жидкость, встрѣчаются тоже у первыхъ алхимиковъ. Послѣ арабовъ эта жидкость стала называться «элексиръ»; одни производятъ это названіе отъ арабскаго el kesir, что равносильно по значенію эссенціи, другіе—отъ латинскаго elixare, и въ такомъ случаѣ это слово означаетъ продуктъ, полученный кипяченіемъ. Когда, такимъ образомъ, философскій камень сталъ считаться также и жидкостью, ему начали приписывать способность вылѣчивать всѣ болѣзни и служить къ продолженію человѣческой жизни; такимъ путемъ появилось представленіе о панацеѣ и о жизненномъ элексирѣ. Своимъ возникновеніемъ это представленіе обязано символическому языку алхимиковъ; металлы стали сравнивать съ живымъ существомъ; его превращеніе въ землю или ржавчину—со смертью; выдѣленіе оттуда въ металлическомъ видѣ—съ воскресеніемъ. Отсюда уже недалеко до уподобленіи болѣзни неблагороднымъ свойствамъ металла—его малой твердости, малому блеску, легкой измѣняемости на воздухѣ; облагораживаніе металла стали сравнивать съ выздоровленіемъ. Геберъ говоритъ, что «готовъ вылѣчить неблагородные металлы», т. е. превратить ихъ въ золото. Но если философскій камень или вообще медицина (средство) вылѣчиваетъ металлы, то отчего ему не вылѣчивать больного человѣка? Вотъ панацея (πᾶν—все, ἄχος—лѣкарство, всеобщее лѣкарство); если же панацея вылѣчиваетъ всѣ болѣзни, то естественно, что она способна продолжить и человѣческую жизнь; вотъ представленіе о жизненномъ элексирѣ. Понятія о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ впослѣдствіи то отожествлялись, то раздѣлялись. Раймундъ Люлль видѣлъ панацею и жизненный элексиръ въ винномъ спиртѣ, который онъ называлъ consolatio ultima corporis humani (послѣднее утѣшеніе человѣческаго тѣла); это вещество носило также названіе aqua vitae, сохранившееся до сихъ поръ во французскомъ языкѣ—eau de vie, водка *).

*) Съ панацеей и жизненнымъ элексиромъ стоитъ въ связи медицинскій препаратъ, называемый tinctura. Это слово происходитъ отъ латинскаго tingere, красить, и означаетъ настой, водный или спиртовой, какого-нибудь цѣлебнаго вещества, независимо отъ того, окрашенъ онъ или нѣтъ. Выше упоминалось о значеніи, придаваемомъ алхимиками окраскѣ; превращеніе металловъ стали называть χρῶσις, въ переводѣ на латинскій языкъ—tinctura; этимъ именемъ стали называть также и самое окрашивающее, т. е. превращающее средство. Когда облагораживаніе металла

Еще позже такой же символизмъ породилъ представленіе о homunculus'ѣ, или искусственно полученномъ человѣкѣ. Металлы часто уподоблялись людямъ: у Зосимы, напримѣръ читаемъ: «...ибо жрецъ,— мѣдный человѣкъ, котораго ты видишь сидящимъ у источника, перемѣняетъ свою природу и превращается въ серебренаго человѣка, а этотъ, если ты хочешь, можетъ превратиться въ человѣка золотого». Такія аллегоріи, выражающія превращеніе металловъ, были поняты затѣмъ буквально. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта дикая мысль искусственнаго приготовленія, фабрикаціи человѣка химическими средствами, зародилась въ разгоряченномъ мозгу Парацельза. Близко къ этой мысли стоитъ утвержденіе о возможности возстановленія растенія изъ его золы—такъ наз. палингенезисъ.

Какъ ни страннымъ кажется все это легковѣріе, не надо забывать, что таковъ былъ духъ времени. Это былъ тотъ вѣкъ, когда съ забавной серьезностью разрѣшали различные схоластическіе нелѣпые и безцѣльные вопросы,—тотъ вѣкъ, который такъ зло осмѣянъ Эразмомъ Роттердамскимъ въ его «Похвалѣ глупости». Безплодныя словопренія замѣняли науку; науки тогда не было, потому что не было фактовъ, не было метода, не было опредѣленныхъ научныхъ цѣлей. Наука занималась не фактами, а словами; разсмотрѣнію подвергались не факты или явленія, а тѣ или другія сочетанія словъ. При такомъ состояніи науки, умъ человѣческій, и безъ того склонный по всему сверхъестественному, съ особенной жадностью бросался на преслѣдованіе чудесной цѣли, раскалявшей къ тому же воображеніе призракомъ богатства, могущества, безболѣзненной и долгой жизни—всего того, что всегда такъ высоко цѣнилось человѣкомъ. Но и этого недостаточно для объясненія упорства алхимиковъ въ ихъ изысканіяхъ: должно замѣтить, что ихъ знаніе было, пожалуй, болѣе научно, чѣмъ многія другія, потому что оно имѣло въ основаніи широкую философскую теорію; оно было освящено авторитетомъ многихъ знаменитыхъ мыслителей; его начало терялось въ глубочайшей древности; наконецъ, оно не было и поверхностно или безплодно; въ своихъ изслѣдованіяхъ алхимики собрали много важныхъ фактовъ, открыли много веществъ, имѣющихъ и большое значеніе въ жизни, и обладающихъ поразительными свойствами; самыя превращенія вещества не могли не казаться чудесными; разъѣдающія кислоты, взрывчатыя вещества, цѣлебныя средства и яды, твердыя вещества, превращающіяся въ газы, и газы, сгущающіеся въ твердыя вещества, безцвѣтныя жидкости, при смѣшеніи образующія краску,—все это поражало воображеніе, побуждало къ новымъ изысканіямъ и укрѣпляя

уподобили выздоровленію больного человѣка, то, по аналогіи съ тинктурой, сообщающей металлу неблагородному, больному, новыя благородныя свойства, стали называть тинктурой и средство, возвращающее больному человѣку здоровье.

мысль о могуществѣ химическихъ операцій, до болѣзненности привязывало умъ къ недостижимой, заманчивой цѣли. Вотъ, напримѣръ, поучительная исторія Бернардо, графа Тревизо.

Онъ родился въ Падуѣ въ 1406 году. Съ четырнадцатилѣтняго возраста имъ овладѣла страсть къ алхимическимъ опытамъ. Первая книга, прочитанная имъ, было сочиненіе Рузеса; онъ началъ работать, думая увеличить свое богатство, но черезъ 4 года безплодныхъ опытовъ достигъ только того, что истратилъ 800 экю. Тогда онъ обратился къ Геберу, и, слѣдуя ему въ производствѣ своихъ опытовъ, истратилъ еще 2.000 экю. Неудачи его не охлаждали; онъ сталъ читать Архелая, Рупесциссу, Сакробоско, и, вступивъ въ сообщество съ однимъ монахомъ, работалъ съ нимъ еще 3 года. Они подвергали тридцатикратной перегонкѣ винный спиртъ и имъ удалось только истратить 300 экю. Въ продолженіе слѣдующихъ 12 лѣтъ Бернардъ безплодно растворялъ, кристаллизовалъ и выгонялъ обыкновенную соль, нашатырь, различные купоросы и квасцы, пробовалъ даже опыты надъ экскрементами человѣка и животныхъ; результатъ опытовъ выразился потерей еще 6.000 экю. Наконецъ, обезкураженный, онъ сталъ молить Бога открыть ему тайны герметической науки; съ однимъ чиновникомъ изъ своего города онъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ очищалъ поваренную соль и не замѣтилъ въ ней послѣ этого никакихъ новыхъ свойствъ. Ему было тогда 48 лѣтъ; онъ былъ еще въ цвѣтѣ силъ и потому отправился путешествовать, сначала по Франціи. Здѣсь онъ сошелся съ однимъ монахомъ и работалъ съ нимъ надъ куриными яйцами и кальцинированіемъ пѣтуховъ; послѣ 8 лѣтъ усидчивой работы онъ научился дѣлать химическія печи и перегонять ѣдкія кислоты. Съ однимъ протонотаріемъ онъ въ теченіе 14 мѣсяцевъ перегонялъ купоросъ съ уксусомъ и въ концѣ концовъ схватилъ лихорадку. Наконецъ, онъ услышалъ, что духовникъ императора Фридриха III владѣетъ тайной философскаго камня; сейчасъ же Бернардъ летитъ въ Германію и въ результатѣ его поѣздки является новая трата въ 200 экю. Ему было уже 57 лѣтъ; въ такіе годы пора быть благоразумнымъ и Бернардъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ не занимался алхимическими опытами. Но вскорѣ его страсть возгорѣлась съ новой силой и онъ отправился путешествовать: былъ въ Римѣ, Испаніи, Турціи, Греціи, Египтѣ, Берберіи, на островѣ Родосѣ, Палестинѣ, Персіи... всюду онъ встрѣчалъ алхимиковъ и работалъ съ ними; издержавши на эти опыты 1.300 экю, онъ долженъ былъ продать свое недвижимое имущество. Онъ достигъ къ этому времени 62-лѣтняго возраста; обѣднѣвши, онъ отправился на островъ Родосъ, чтобы скрыть тамъ свое несчастіе. Но, сойдясь еще съ однимъ монахомъ, онъ не устоялъ и снова принялся за опыты, для чего занялъ 8.000 флориновъ у одного негоціанта, которому было неизвѣстно его матеріальное положеніе. Три года прошли въ опытахъ надъ раствореніемъ золота,

серебра и сублимата, и 8.000 флориновъ исчезли. Оставшись безъ всякихъ средствъ, Бернардъ начинаетъ читать всѣхъ знаменитыхъ авторовъ, и въ изученіи ихъ проводитъ еще 8 лѣтъ; наконецъ, 73 лѣтъ отъ роду, онъ находитъ тайну философскаго камня, выдѣливши все то, въ чемъ всѣ автора согласны между собою, и все то, въ чемъ они несогласны. Но какъ же онъ самъ изложилъ эту тайну въ своемъ сочиненіи? Философскій камень получается «смѣшеніемъ ртути съ созрѣвшимъ золотомъ»; но какую взять ртуть и какъ довести золото до зрѣлости—этого онъ не объяснилъ. Во всякомъ случаѣ онъ утѣшился, открывши тайну и не имѣя возможности провѣрить ее на опытѣ, и умеръ вполнѣ счастливый на 75 году жизни.

Однако мечтатели, подобные графу Тревизо, постепенно дѣлались исключеніемъ; постоянная неудача въ достиженіи великой тайны не могла, наконецъ, не образумить людей. XV вѣкъ въ исторіи Европы является поворотнымъ пунктомъ: постепенно проникали въ общество новыя вѣянія. Начало XV вѣка отмѣчено основаніемъ многихъ новыхъ университетовъ; вслѣдствіе этого наука изъ монастырей вышла на болѣе широкій просторъ. Это имѣло важный результатъ въ томъ отношеніи, что въ рукахъ свѣтскихъ людей наука дѣлается болѣе самостоятельной, болѣе независимой; затѣмъ такое направленіе продолжало только усиливаться. Въ XV вѣкѣ произошли такія событія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія, паденіе Византіи, открытіе Америки; не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ важныхъ моментахъ: они достаточно извѣстны. Результатомъ пробужденія мысли была реформація, узаконившая свободное, независимое изслѣдованіе, поставившая фактъ и разумъ на мѣсто авторитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для химіи, такъ же какъ и для другихъ наукъ, вслѣдствіе измѣнившихся общихъ условій, съ начала XVI вѣка открылись новые пути. Прежде всего, вмѣсто прежнихъ алхимическихъ фантазій, была поставлена новая, реальная цѣль для изслѣдованія—именно, приготовленіе лѣкарствъ для лѣченія отъ болѣзней; этимъ открылся новый періодъ въ развитіи химіи. Съ трудомъ освобождается химія отъ алхимическихъ тенденцій въ этотъ періодъ, но постепенно задача приготовленія философскаго камня отступаетъ на задній планъ; начинаютъ наблюдать факты, придавая цѣну самому факту, а не считая его чѣмъ-то побочнымъ и второстепеннымъ; самый языкъ дѣлается менѣе туманнымъ и болѣе точнымъ. Еще позже, въ концѣ XVII вѣка, появляется Робертъ Бойль, nobilis anglus, освобождающій химію отъ этого служебнаго положенія по отношенію къ медицинѣ и ставящій для нея самостоятельную цѣль—изученіе состава веществъ; опытный методъ, защитникомъ котораго явился еще Францискъ Бэконъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ (и сознаніе значенія котораго никогда не исчезало окончательно—вспомнимъ Гебера, Р. Бэкона), все болѣе и болѣе проникаетъ въ науку; однако, алхимическія стремленія и символическій языкъ еще долго не исче-

заютъ окончательно. Но они остаются теперь на долю уже не людей науки, а авантюристовъ и шарлатановъ; въ ихъ рукахъ алхимія дѣйствительно низводится на степень астрологіи или магіи, потому что все возвышенное и научное, что было въ алхиміи, они оставляютъ безъ вниманія и предаются только мистическому и чудесному. Наука дѣлается для нихъ не цѣлью, а средствомъ.

Я считаю свою задачу оконченною: мы оставляемъ алхимію въ тотъ моментъ, когда она выходитъ на широкій путь опытнаго изслѣдованія Подведемъ же итоги всему вышеизложенному.

Мы прослѣдили алхимію съ самыхъ ея началъ; мы выяснили возникновеніе алхимическихъ стремленій, указавши на тѣ факты и тѣ теоріи, которые легли въ ихъ основаніи; до извѣстной степени мы уяснили элементъ мистицизма, усвоеннаго алхиміей и впослѣдствіи заслонившаго въ глазахъ не спеціалиста то существенное, что придавало ей научность и жизненность, что не позволяло ей спуститься на степень магіи, что сдѣлало ее истинной родоначальницей современной химіи, въ которую алхимія преобразовывалась постепенно, безъ всякаго разрыва въ ходѣ химической мысли: я имѣю въ виду ея теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что алхимическіе взгляды имѣли въ основѣ гипотезу единства матеріи, а этой гипотезѣ нельзя отказать въ большей вѣроятности съ философской точки зрѣнія. Во всей вселенной мы видимъ переходъ отъ простого къ сложному, отъ единаго къ многообразному: какъ вся солнечная система развилась изъ туманной однообразной массы, такъ далѣе весь животный и растительный міръ имѣетъ въ основѣ одну, быть можетъ общую, клѣточку; такъ, наконецъ, въ основѣ нашей гражданственности лежитъ такая же соціальная клѣточка—семья; этотъ законъ постепеннаго усложненія, происхожденія множества изъ единства, подтверждается всѣми явленіями, наблюдаемыми въ неодушевленномъ и даже одушевленномъ мірѣ и вполнѣ ему отвѣчаетъ и представленіе о единствѣ матеріи. Но и теоретическія разсужденія, основанныя на химическихъ фактахъ, ему не противорѣчатъ, хотя разсмотрѣніе этого вопроса уже далеко выходитъ за предѣлы поставленной мною задачи.

Вмѣстѣ съ алхимиками, быть можетъ, придется признать единство матеріи; вмѣстѣ съ Гераклитомъ раздѣлить убѣжденіе, что все течетъ, все движется, все измѣняется—и въ этомъ жизнь; вмѣстѣ съ Демокритомъ допустить, что вещество состоитъ изъ атомовъ; вмѣстѣ съ Эмпедокломъ признать инертную матерію и одушевляющій ее принципъ—энергію; вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ сказать, что числа и отношенія выражаютъ законы природы. Итакъ, проживши 2.000 лѣтъ, человѣчество не далеко ушло впередъ отъ очень старыхъ взглядовъ, взятыхъ въ ихъ общей формѣ, и, быть можетъ, эти-то широкія положенія, которыя инстинктивно прозрѣвало еще древнее человѣчество, и окажутся единственнымъ конечнымъ пріобрѣтеніемъ всей умственной жизни всего

человѣчества. Пройдетъ немного времени и наши теоріи вещества и силъ рухнутъ передъ напоромъ новыхъ фактовъ; симптомы уже замѣчаются со всѣхъ сторонъ. Уже теперь химія не вмѣщаетъ въ рамки своихъ теорій всѣ вновь открываемые факты; то же и въ физикѣ. Современныя теоріи падутъ, какъ пали всѣ предшествовавшія, и какъ падутъ всѣ послѣдующія; послѣдняго слова наука никогда не скажетъ, потому что мы никогда не узнаемъ всей истины, никогда не откроемъ покрывала Изиды. Наша теорія—не истина, а только орудіе къ достиженію истины; истина для насъ — только фактъ. Только фактъ остается—теоріи проходятъ. Какъ математикъ вводитъ въ свои исчисленія безконечно малыя величины, т. е. фикцію, и съ помощью этой фикціи достигаетъ реальныхъ результатовъ, такъ изслѣдователь природы при помощи фикцій—теорій достигаетъ познанія факта, единственной доступной намъ истины. Исторія наукъ о природѣ приводитъ насъ къ этому выводу объ ограниченности человѣческаго знанія и о служебномъ значеніи теорій; повидимому, приходится согласиться съ этимъ выводомъ и отказаться отъ всеобъемлющихъ и непреложныхъ, вѣчныхъ теорій, а напротивъ, смотрѣть на всякую теорію лишь какъ на ступень къ послѣдующей, лучшей. Усвоивши такую точку зрѣнія, мы не можемъ упрекать алхимиковъ за несбыточность ихъ стремленій; ихъ дѣятельность—необходимое звено въ развитіи научныхъ знаній. Человѣчество движется впередъ только путемъ ошибокъ и уклоненій въ сторону: въ насъ заложено могучее, не уничтожаемое стремленіе къ свѣту, но «нашъ путь къ свѣту лежитъ черезъ мракъ».

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Пер. съ французскаго **Т. Богдановичъ**.

(*Продолженіе* *).

Глава II.

Искусство.

§ 1.

Если такова природа, каково же должно быть искусство? Несомнѣнно оно должно быть нѣчто очень великое и въ то же время очень скромное,—великое по отношенію къ намъ, скромное по отношенію къ ней. Если жизнь, радости и законы красоты въ матерьяльномъ божьемъ мірѣ составляютъ такую же священную часть творенія, какъ добродѣтель въ мірѣ духовномъ, то человѣкъ, изучающій эти законы, вызывающій эти радости и сохраняющій эту жизнь — художникъ, исполняетъ одну изъ величайшихъ задачъ человѣчества. Онъ стоитъ между природой и нами. Онъ ея истолкователь, пѣвецъ и лѣтописецъ. Всѣ мы спѣшимъ постоянно къ своимъ различнымъ цѣлямъ—въ канцелярію, къ своему крокету, въ государственный совѣтъ, а его цѣль—остановить насъ и сказать: Посмотри на этотъ камешекъ, на эти жилки, посмотри на эту былинку травы: она зоветъ тебя; посмотри на этотъ мускулъ, посмотри на это небо... Развѣ вы думаете, что это безполезно?

«Кто, среди всей этой болтливой толпы можетъ припомнить одно изъ очертаній цѣпи громадныхъ бѣлыхъ горъ, поднимавшихся вчера въ полдень надъ горизонтомъ. Одинъ говоритъ, что небо казалось дождливымъ, другой — вѣтренымъ, третій — жаркимъ; но кто видѣлъ узкій лучъ, упавшій съ юга и озарявшій вершины этихъ горъ, пока онѣ не разстаяли и не разсыпались пылью голубого дождя?..» Художникъ видѣлъ его. Онъ удержалъ насъ передъ нимъ или по меньшей мѣрѣ удержалъ его для насъ. Этотъ человѣкъ творитъ чудеса. «Онъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1899 г.

приказываетъ росѣ не высыхать и радугѣ—не исчезать... Онъ облекаетъ въ плоть и кровь вещи, не имѣющія измѣренія и дѣлаетъ безсмертными вещи, живущія одно мгновеніе». Онъ неусыпно наблюдаетъ природу; онъ пробуждаетъ въ насъ восхищеніе, онъ улавливаетъ самые неуловимые законы, онъ даритъ намъ самыя живыя радости; онъ раскрываетъ передъ нами тайны эстетики, связывающія насъ съ предметами заоблачнаго и земного міра,—и далѣе, онъ показываетъ намъ, какъ все это понималось въ его время и въ его странѣ и оставляетъ намъ самое вѣрное свидѣтельство этого. «Великія націи пишутъ свою автобіографію въ трехъ книгахъ: въ книгѣ дѣлъ, въ книгѣ словъ и и въ книгѣ искусствъ. Ни одну изъ этихъ книгъ нельзя понять, не прочитавъ двухъ остальныхъ. Но изъ всѣхъ трехъ только послѣдняя заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Дѣла какой-нибудь націи могутъ увѣнчиваться успѣхомъ благодаря счастью; ея слова могутъ оказывать могущественное вліяніе благодаря геніальности лишь нѣкоторыхъ ея сыновъ, но ея искусство можетъ стать славнымъ только благодаря одаренности, благодаря сочувствію всего народа». Итакъ для насъ искусство всегда поучительно.

Но, являясь исполненнымъ величія въ отношеніи къ намъ, искусство въ то же время и по той же причинѣ играетъ самую скромную роль въ отношеніи природы. По отношенію къ ней «искусство всегда остается поклоненіемъ»... Если весь матерьяльный міръ созданъ именно съ эстетической цѣлью, если всякій вечеръ облака расписываются фресками, чтобы плѣнять наши взоры, когда они устремляются вверхъ, и каждое утро цвѣты разрисовываются акварелью, чтобы плѣнять ихъ, когда они опускается внизъ, то ясно, что источникъ всей красоты таится въ природѣ.

Не въ грезахъ воображенія, не въ идеалахъ, внушенныхъ традиціей, а въ ней одной надо искать высшій типъ, высшій образецъ красоты. Онъ въ самомъ ничтожномъ листочкѣ, который вѣтеръ срываетъ съ дерева, въ маленькомъ камешкѣ, скатившемся съ горы, въ гибкой тростинкѣ, склоняющейся надъ прудомъ... Въ каждомъ изъ этихъ предметовъ глаза художника умѣютъ открыть черты, сдѣланныя рукою Высшаго Художника. Ни одно изъ своихъ созданій Онъ не забылъ отмѣтить печатью красоты.

Пусть разсѣянный и озабоченный прохожій не замѣчаетъ красоты мертваго листка, тронутаго лучомъ солнца у дверей картинной галлереи, а, войдя въ галлерею, восхищается изображеніемъ того же листка тронутаго кистью въ тысячу разъ болѣе слабою какого-нибудь венеціанца. Пусть, замѣтивъ это, онъ почувствуетъ удивленіе и даже неловкость при мысли, что искусство заставило его любоваться вещью, которою онъ не подумалъ бы любоваться въ дѣйствительности! И пусть, наконецъ, если человѣкъ этотъ какой-нибудь Паскаль, его разсужденіе вызоветъ самыя странныя пренія о природѣ и объ искусствѣ.

Все это доказываетъ только, что можно быть великимъ логикомъ и очень плохимъ художникомъ. Художникъ,—тотъ не прошелъ бы равнодушно мимо листка, тронутаго лучомъ солнца; онъ увидѣлъ бы его, онъ посмотрѣлъ бы на него; онъ полюбилъ бы его пятна, его морщины и игру свѣта на немъ; и еслибы за плечомъ у него былъ ящикъ съ красками онъ, быть можетъ, срисовалъ бы его; и заинтересованный этой ничтожной вещицей, которой пренебрегъ Паскаль, онъ, забылъ бы войти въ ту галлерею, гдѣ Паскаль считаетъ своимъ долгомъ восхищаться. Истинный художникъ всегда предпочиталъ отблески свѣта, скользящіе по большему каналу Венеціи, тѣмъ отблескамъ, которые спятъ на картинахъ Каналето, и тѣла нищихъ, сожженныя солнцемъ Севильи, онъ предпочиталъ тѣмъ, которыя окрасила въ черный цвѣтъ кисть Мурильо. «Всякое здоровое искусство есть выраженіе удовольствія, полученнаго отъ реальной вещи, которая всегда лучше искусства... Вы думаете, можетъ быть, что гнѣздо птицы, нарисованное Вильямомъ Гентомъ, прекраснѣе настоящаго птичьяго гнѣзда? И дѣйствительно, за одно мы платимъ большія деньги, а на другое едва-едва взглянемъ, и едва ли постараемся сберечь. Но *лучше было бы для насъ, чтобы погибли всѣ картины міра, чѣмъ чтобы птицы перестали вить гнѣзда!..*» Да, листокъ и гнѣздо, вѣточка и камень, жемчужина и волна, все въ природѣ исполнено красоты.

Безполезно даже искать ее въ рѣдкихъ явленіяхъ и въ случайныхъ эффектахъ. Безполезно подстерегать необычайные закаты солнца и разыскивать по горамъ цвѣтокъ исчезающаго вида.

«Красоту, любовь къ которой Богъ вложилъ въ наши души, эту красоту онъ далъ вещамъ будничнаго міра, самымъ привычнымъ для людскихъ глазъ. Да, небольшой холмикъ, спокойная гладь воды, легкій туманъ и солнечный лучъ—вещи самыя простыя, самыя привычныя и самыя милыя, которыя вы можете видѣть ежедневно лѣтнимъ вечеромъ на берегу тысячи тысячъ рѣчекъ, посреди пологихъ холмовъ вашей старой родины. Любите ихъ и смотрите на нихъ открытыми глазами! Амазонка и Индъ, Анды и Кавказъ не дадутъ вамъ ничего лучшаго».

Идеалисты ошибались устремляясь все дальше и дальше, все выше и выше отыскивать таинственную формулу, написанную въ каждомъ листочкѣ вокругъ насъ, какъ судьба написана въ линіяхъ каждой руки. Классики искали ее въ невозможномъ,—романтики въ исключительномъ. А она заключена въ простомъ и привычномъ, и даже можно, по словамъ Рёскина, смѣло сказать «что чѣмъ вещи обыденнѣе, тѣмъ онѣ красивѣе».

Но только вещи, существующія въ природѣ, а не сдѣланныя человѣкомъ, самыя обыденныя вещи, созданныя ею, но не самыя необычайныя, созданныя садовникомъ, самыя распространенныя горныя породы, но не самыя геніальныя сооруженія каменьщика, настоящія скалы, а не искусственныя горки, озера, а не бассейны, тучи, а не

дымъ, мхи, а не ковры. Конечно, могутъ сохраниться остатки природы, а слѣдовательно, остатки красоты въ растеніяхъ, превращенныхъ въ шпалеры, въ деревѣ, подстриженномъ для сбора плодовъ или листьевъ, въ полѣ, удобренномъ суперфосфатами, въ каналѣ, проведенномъ для орошенія. Но это лишь остатки, слабыя напоминанія о великой обезображенной природѣ. Мы можемъ все-таки любить ихъ, какъ мы любимъ даже поблекшія, даже испорченныя и искаженныя черты когда-то дорогого лица. Но мы не можемъ видѣть въ нихъ типа и идеала красоты. Онъ заключается исключительно въ дѣвственной природѣ, потому что природа остается дѣйствительно сама собой, только пока никто къ ней не прикасается и ничто не оскверняетъ

«Замѣтьте одну особенность въ характерѣ небеснаго пейзажа, которая отличаетъ его отъ всякаго пейзажа земли: облака, недоступныя воздѣйствію человѣка, всегда группируются согласно законамъ красоты. Ни въ какомъ иномъ пейзажѣ вы не можете быть въ этомъ увѣрены. Именно ту скалу, отъ которой зависитъ красота горнаго пейзажа, взрываетъ содержатель дорогъ, или превращаетъ въ каменоломню промышленникъ; а если это одна изъ тѣхъ лужаекъ, которыя природа нарочно разсѣяла среди своихъ мрачныхъ лѣсовъ, убравъ ее самыми нѣжными своими травами, то на ней навѣрно примется пахать или строить земледѣлецъ. Но облака, хотя мы и можемъ закрыть ихъ дымомъ и отравить ядомъ, все-таки не могутъ быть превращены въ каменоломни или послужить фундаментомъ для зданій, и они всегда великолѣпны»...

Передъ ними, передъ этими независимыми и дѣвственными волнами, передъ этими глубокими долинами, гдѣ воды, травы, соки, свѣтъ и тѣни дѣлаютъ все, что хотятъ, художникъ испытывалъ самыя жгучія радости жизни. «Чистая любовь къ природѣ всегда ограничивалась у меня любовью къ дикой природѣ, т. е. къ пейзажамъ совершенно естественнымъ, а главнымъ образомъ, къ мѣстностямъ, оживленнымъ присутствіемъ рѣки или моря. Она питалась сознаніемъ свободы, самобытной и нетронутой мощи природы...» Все, что приближается къ этому, приближается къ красотѣ, все, что удаляется отъ этого, приближается къ безобразію.

Изъ такого понятія о красотѣ естественно вытекаетъ отношеніе художника къ природѣ, а то или другое отношеніе къ природѣ составляетъ основной вопросъ искусства. Всѣ техническіе пріемы художника, употребляющаго краски и толченыя кости, и скульптора, мнущаго глину, всѣ философскія построенія эстетиковъ, жестикулирующихъ на каѳедрѣ, сводятся къ вопросу: какое установить отношеніе къ природѣ? И различные отвѣты на этотъ вопросъ порождаютъ всѣ различія школъ, сектъ, группъ и мастерскихъ. Если откинуть всю ненужную болтовню, то вопросъ, возникающій въ полѣ передъ свидѣтелями красотъ природы, явится въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ возникаетъ въ залѣ суда передъ свидѣтелями преступленій людей:—скажу ли я правду? скажу ли

я всю правду? скажу ли я одну только правду?—спрашиваетъ себя пейзажистъ, сидя подъ своимъ зонтикомъ, скульпторъ съ рѣзцомъ въ рукѣ, портретистъ, обходя со всѣхъ сторонъ свою модель. Нарисую ли я этотъ дубъ такимъ, какъ онъ мнѣ представляется въ цѣломъ, ничего не прибавляя, не измѣняя его общаго вида, но сливая его листву и откинувъ нѣкоторыя вѣтки, которыя представляются мнѣ излишними,—иными словами: *скажу ли я правду?* Нарисую ли я его во всѣхъ деталяхъ, выписывая съ одинаковой тщательностью даже тѣ части, которыя мнѣ меньше всего нравятся,—иными словами: *скажу ли я всю правду?* Не прибавлю ли я къ тому образу, который даетъ мнѣ этотъ дубъ, всѣ улучшенія, всѣ украшенія, всѣ другія представленія о дубѣ, какія у меня есть,—иными словами: *скажу ли я одну только правду?* Смотря по принятому имъ рѣшенію, художникъ будетъ эклектикомъ, реалистомъ или идеалистомъ. Онъ окажется послѣдователемъ одной изъ трехъ крупныхъ теорій, къ которымъ сводятся всѣ теоріи искусства: теоріи выбора, теоріи буквальнаго воспроизведенія, и теоріи идеализаціи.

Если мы опредѣлили красоту, какъ «печать Бога на его твореньяхъ» даже на самыхъ ничтожныхъ, если мы утверждали, что вся природа исполнена красоты, то мы, конечно, не можемъ присоединиться къ теоріи выбора и еще менѣе къ теоріи идеализаціи. Выбирать!—Кто на это осмѣлится?

«Пусть молодой художникъ не довѣряетъ стремленію къ выбору: это стремленіе, по меньшей мѣрѣ, дерзкое, но въ большинствѣ случаевъ низкое и пошлое: оно мѣшаетъ прогрессу, унижаетъ всякую силу, ободряетъ ничтожества, поощряетъ пристрастія... Ничего хорошаго не нарисуетъ тотъ, кто не желаетъ рисовать все, что придется! Когда хорошій художникъ отказывается отъ чего-нибудь, значитъ онъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ этому, но не значитъ, что онъ пренебрегетъ чѣмъ-нибудь; когда онъ останавливается, значитъ, онъ сытъ, но не значитъ, что природа предлагаетъ ему плохую пищу. Я видѣлъ человѣка съ тонкимъ вкусомъ, стоявшаго въ теченіе четверти часа, разсматривая канальчики, проведенные дождемъ въ кучѣ золы... Совершенное искусство наблюдаетъ и отражаетъ природу въ цѣломъ. Несовершенное искусство презираетъ, отбрасываетъ или предпочитаетъ»...

Слѣдовательно, по выраженію, создавшему прерафаэлизмъ, «художникъ долженъ идти къ природѣ въ простотѣ сердца, ничего не отбрасывая, ничего не презирая, ничего не выбирая».

А также, само собой разумѣется, ничего не идеализируя. Выборъ— это дерзость, идеализація—кощунство. Это неслыханная, невѣроятная претензія узкаго ума, не могущаго постичь красоту, разсѣянную въ природѣ и пытающагося творить на основаніи своего жалкаго воображенія. Воображеніе не должно ничего творить: его роль, если хотите, сводится къ тому, чтобы «постигать истину, собирать истину, возстановлять истину». Оно никогда не должно замѣнять истину или приба-

влять что-нибудь къ ней. «Ошибочно думать, что его функція—ложь и что его задача—показывать вещи не такими, каковы онѣ въ дѣйствительности». Для чего лгать, когда дѣйствительность такъ прекрасна? Какое типичное лицо, составленное изъ общихъ чертъ, заимствованныхъ у различныхъ прекрасныхъ лицъ, какая академическая фигура, какая статуя дѣвушки можетъ сравниться съ живыми дѣтьми человѣческими, которымъ солнце сгустило краски, и вѣтеръ растрепалъ волосы? «Никакая греческая богиня не была вполовину такъ прекрасна, какъ молодая англичанка чистой крови!» Великіе старые мастера помѣщали на своихъ картинахъ, считавшихся плодомъ воображенія,—въ какомъ-нибудь *Раѣ* или *Воскресеніи*,—простые портреты своихъ патроновъ и своихъ слугъ, своихъ любовницъ и своихъ кредиторовъ; и это была «не ошибка, а истинный источникъ ихъ величія и ихъ превосходства; они были такъ велики и такъ скромны, что въ каждомъ изъ окружающихъ ихъ лицъ они видѣли нѣчто высшее, чего достичь и замѣнить не способно было ихъ воображеніе!»

А что касается тѣхъ странъ воображенія, гдѣ мы никогда не были, и тѣхъ созданій вѣры, которыхъ мы никогда не видѣли, то къ чему и рисовать ихъ? Когда великіе художники пытались сдѣлать это, они всегда оказывались не на высотѣ своего таланта. «Истинно великое въ христіанскомъ искусствѣ ограничивается исключительно тѣмъ, что въ немъ есть человѣческаго, и даже восторгъ искупленныхъ душъ, входящихъ *celestamente ballando* *) въ райскія врата у Анжелико, списанъ имъ съ земного хотя и чистаго веселья флорентинокъ». Никогда «творенье не можетъ вообразить ничего, выше творенья», и ему безполезно пытаться сдѣлать это и не подобаетъ желать этого. Не понимать красоты ласточки и воображать, что можешь вложить ее въ серафима—какое безуміе!

«Если вы не способны созерцать крылья птицъ, которыя Богъ позволилъ вамъ видѣть и ощупывать, тѣмъ менѣе можете вы созерцать и рисовать воображаемыя крылья ангеловъ, которыхъ вы не можете видѣть. Узнайте сначала эту жизнь, не отрицая другой, но твердо помня, что прежде всего вы должны имѣть дѣло съ тѣмъ міромъ, гдѣ вы теперь находитесь». И, главное, не пытайтесь подъ видомъ идеализма или мистицизма поучать природу и «исправлять созданія Бога»!

Остается примкнуть къ теоріи реализма. Мы бы это и сдѣлали, еслибы реализмъ, какъ его понимаютъ современныя школы, состоялъ въ подражаніи природѣ и преклоненіи передъ ней. Но вмѣсто того, чтобы восхищаться природой и стремиться къ ней, реалистическая школа, быть можетъ, болѣе рѣшительно, чѣмъ всѣ остальныя школы, гнала ее и болѣе дерзко осмѣивала. Вмѣсто того, чтобы стремиться воспроизводить то, что есть въ мірѣ оригинальнаго и естественнаго, она занимается изображеніемъ того, что въ немъ есть искусственнаго

*) Блаженно ликуя.

и поддѣльнаго. Надо обнаружить софизмъ этой школы, которая, опираясь на правильный принципъ,—а именно на тотъ принципъ, что природа во много разъ превосходитъ человѣческое воображеніе,—сдѣлала изъ него путемъ самаго удивительнаго злоупотребленья словами странный выводъ, что все созданное людьми: фабрики, тротуары, локомотивы, извощики, велосипеды, трактиры и желѣзнодорожныя насыпи—все это называется природой и подъ этимъ именемъ должно быть предложено нашему вниманію и нашему восхищенію. Эти удивительные поклонники реальности, начинаютъ съ того, что искусственно фабрикуютъ по своему вкусу какой-нибудь безобразный предметъ, противорѣчающій всѣмъ естественнымъ законамъ, и потомъ принимаются убѣждать насъ, что предметъ этотъ прекрасенъ, именно потому, что реаленъ; такимъ образомъ имъ одновременно не хватаетъ точности въ аргументаціи,—такъ какъ въ этомъ смыслѣ нельзя противопоставлять реальность искусственности,—и любви къ этой реальности, которую они искажаютъ, прежде чѣмъ воспроизводить.

Они выдумываютъ высокую, какъ печная труба, шляпу и тотчасъ же изображаютъ ее на полотнѣ или въ бронзѣ и говорятъ намъ: это красиво, потому что это природа! Они входятъ въ трактиръ, дѣлаютъ опись разноцвѣтнымъ бутылкамъ, пропитываются накуреннымъ воздухомъ, разсматриваютъ потускнѣвшія грявныя стекла, потомъ рисуютъ дѣвушку-служанку среди этихъ печальныхъ аттрибутовъ ложной цивилизаціи и говорятъ намъ: это красиво, потому что это природа! Они находятъ въ больницѣ пораженное анестезіей, безчувственное лицо, прибѣгаютъ къ возбудительнымъ средствамъ, вызываютъ съ помощью фарадизаціи улыбку у человѣка страдающаго, выраженіе гнѣва у человѣка спокойнаго, изучаютъ такимъ образомъ каждое движеніе мускуловъ, и объявляютъ намъ, что нашли, наконецъ, «естественное и жизненное», между тѣмъ какъ они должны были бы сказать, что съ великимъ трудомъ нашли искусственное и мертвое! И еще того лучше: они ищутъ природу въ театрѣ, при свѣтѣ не солнца, а газовыхъ рожковъ, освѣщающихъ не голое тѣло, а трико, трико людей, ступающихъ не по землѣ, а по доскамъ, осѣненныхъ не облаками, а раскрашеннымъ газомъ, не идущихъ босыми, свободными ногами, а выдѣлывающихъ пируэты ногами, обезображенными танцами, и танцами, разученными не въ ригахъ, вмѣстѣ со старшими подъ звуки свирѣли, а какими нибудь пиччикато. Вотъ природа,—говорятъ они,—природа захваченная врасплохъ, и вотъ красота! Но если это природа, то что же такое искусственность? Если это земля, то что же такое почва, на которой растетъ великій кормилецъ—хлѣбъ и утѣшители—цвѣты? Если это небо, то что же такое этотъ сводъ, откуда падаютъ плодотворные дожди и согрѣвающіе лучи? Чтобы вновь найти ихъ, откроемъ окна; нѣтъ, лучше выйдемъ изъ театра, гдѣ реалисты ищутъ моделей для своихъ фигуръ, минуемъ укрѣпленія,

откуда они берутъ свои пейзажи, возвратимся туда, гдѣ электричество не скользитъ еще по землѣ, гдѣ плѣнный воздухъ неноситъ телеграммъ, но свободный и сильный гонитъ тучи, туда, гдѣ «дѣвушки танцуютъ при свѣтѣ солнца, а не газовыхъ рожковъ, побуждаемыя любовью и весельемъ, а не деньгами и нуждой!» Вотъ гдѣ природа и вотъ гдѣ красота.

Пластическая красота фигуръ, такъ же какъ живописная красота пейзажей,—это само собой разумѣется, такъ какъ, если мы говоримъ, что человѣческое тѣло, какимъ его создала природа, исполнено красоты, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что тѣ типы, какіе обыкновенно выбираютъ реалисты, представляютъ природу и приближаются къ красотѣ. Вотъ толстый избиратель или мелкій чиновникъ, сидитъ на террассѣ кафе и привычнымъ жестомъ подымаетъ кружку пива или рюмку какой-нибудь настойки. Его станъ согнутъ подъ тяжестью наслѣдственныхъ болѣзней, обезображенъ принадлежностями современнаго костюма, истощенъ страстями и пороками нашего времени; мускулы атрофированы отъ долгаго бездѣйствія; кожа блѣдна и безцвѣтна подъ ненужнымъ бѣльемъ; руки дрожатъ отъ алкоголизма... Это ли человѣкъ природы? И если есть въ мірѣ искусственный человѣкъ, то не его ли мы видимъ? И можно ли назвать настоящей женщиной—морфинистку, подведенную или накрашенную? Развѣ природа сдѣлала руки современныхъ рабочихъ, покрыла мозолями ладони кожевника, и водяными опухолями пальцы рѣзчика по металлу? Развѣ лицо, освѣщенное лампой Эдиссона, имѣетъ естественную окраску? Какой же будетъ въ такомъ случаѣ не естественный, реальный свѣтъ? Свѣтъ солнца, конечно!.. И на какомъ же основаніи въ такомъ случаѣ реалисты называютъ освѣщеніе романтиковъ или Геберта фальшивымъ; на своихъ картинахъ они вѣдь допускаютъ освѣщеніе театра или фабрики, и въ то же время нѣтъ такихъ искусственныхъ эффектовъ Геберта или Геннера, которые нельзя было бы получить съ помощью различныхъ комбинацій газа и электричества. А когда они въ больничныхъ картинахъ, на которыя они такъ щедры, показываютъ намъ, что дѣлается съ кожей и мускулами подъ вліяніемъ электричества, или когда они обсыпаютъ мукой лицо клоуна и переносятъ его на свои полотна, увѣряя насъ, что все это реальная жизнь, развѣ они слѣдуютъ теоріи реализма и развѣ они уважаютъ природу, подъ знаменемъ которой они выступаютъ? Нѣтъ. Человѣкъ природы, естественное и истинно-прекрасное существо—это стройное и радостное созданье могучей руки Горшечника, лѣпившаго человѣческую глину, а не та каррикатура въ которую его превратили истинныя или ложныя требованія цивилизаціи. Это человѣкъ первобытныхъ временъ, прямой, какъ свободный тополь, а не человѣкъ эпохи паровыхъ машинъ, извращенный ложнымъ воспитаніемъ. Это Аполлонъ Сиракузскій, а не избиратель Гладстона. Это

человѣкъ сдѣланный природой, а не *self-made-man* (сдѣланный самимъ собой).

И такъ, красота находится не въ идеалѣ, не въ извращенной природѣ, которую воспроизводятъ реалисты, она въ естественной природѣ, и если намъ трудно найти теперь эту природу, если окружающія насъ человѣческія лица запятнаны «видимой и неизгладимой печатью непобѣжденнаго грѣха», въ такомъ случаѣ обратимся, но не къ грёзѣ, а къ дѣйствительности, только къ дѣйствительности прошедшей, къ воспоминанію о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда человѣкъ сильный, чистый, свѣтлый и довѣрчивый бродилъ среди великолѣпныхъ картинъ природы, которыя ему некогда было уничтожать или оскорблять. Платонъ, быть можетъ, близокъ къ истинѣ! Сегодняшній идеалъ есть, быть можетъ, лишь воспоминаніе о нѣкогда бывшей дѣйствительности... Будемъ благоговѣйно хранить воспоминаніе объ этой прекрасной вещи, которая не стала менѣе реальной, оттого что относится къ области прошлаго. Будемъ уважать оставшіеся намъ памятники. «Прекрасная вещь существуетъ одинъ моментъ въ качествѣ дѣйствительности. Она существуетъ вѣчно въ качествѣ памятника. На ея славу и на ея мудрость народы должны съ полнымъ довѣріемъ полагаться во вѣки вѣковъ: прекрасное есть вѣчный законъ!»

На вопросъ: Что должно дѣлать искусство и что показывать намъ? мы отвѣчаемъ: Природу, такую, какая она есть и человѣка такого, какимъ онъ былъ. Найти путь къ естественной природѣ не трудно: это путь, ведущій къ долинамъ, еще пощаженнымъ промышленностью и къ морямъ, которыя она не въ состояніи осквернить. Для скульптора и и живописца, рисующаго человѣческія фигуры, представляется болѣе трудная задача—реставрировать человѣка эпохи до порока, до неэстетичнаго труда, но онъ долженъ по меньшей мѣрѣ упорно стремиться къ этой дѣйствительности и ни къ чему другому кромѣ этой дѣйствительности. Не нужно ничего обобщать, ничего прибавлять, ничего украшать, но можно стереть съ лица человѣка печать паденья, которую наложила на него искусственность нашего времени. Не надо выдумывать ничего, стоящаго внѣ дѣйствительности, но можно снять бремя, наложенное на дѣйствительность цивилизаціей и страданьями. Это не значитъ уничтожать реальную дѣйствительность; наоборотъ, это значитъ возстановлять истинный текстъ, уничтожая позднѣйшія вставки.

«И замѣтьте, что эта работа не должна быть работой воображенія. Мы потерпѣли кораблекрушеніе и всѣ разбиты, но то немногое, съ помощью чего мы можемъ возстановить самихъ себя, должно быть взято изъ старыхъ, выкинутыхъ на берегъ обломковъ, какъ бы они ни были переломаны и засыпаны пескомъ,—а не съ этого пустыннаго острова гордости, о который разбились сначала демоны, а потомъ мы!.. Первымъ принципомъ нашего пластическаго искуства, — живописи или ваянія,—должно быть возможно болѣе близкое сходство съ природой.»

§ 2.

Съ природой, да, но какъ смотрѣть на нее? съ помощью глазъ или съ помощью рентгеновскихъ лучей? Съ природой,—но какъ ощупывать ее? Руками или скальпелемъ? Съ природой,—но какъ наблюдать ее? Созерцая годами, какъ аѳонскій или альпійскій отшельникъ, или хронофотографически въ двѣ тысячныхъ секунды, какъ изучаетъ какой нибудь ученикъ Майбриджа или Марея, который появляется, фотографируетъ и исчезаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Надо различать эти вещи; слова такъ податливы въ эстетикѣ и термины такъ плохо установлены, что, говоря о необходимости углубленія въ природу, рискуешь попасть въ фотографы, въ анатомы, въ геологи или въ водолазы. Между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ людей не видѣлъ и не способенъ видѣть природу эстетически, такъ же какъ спрятанный въ кулисахъ пожарный не можетъ судить о впечатлѣніи, какое производитъ опера. Онъ видитъ прямо тѣ предметы, какіе нужно видѣть сбоку и оглушенный одной частью звуковъ не можетъ охватить цѣлаго. Онъ увидитъ нѣчто только въ тотъ день, когда театръ загорится. Онъ будетъ намъ нуженъ и лучше насъ онъ будетъ знать, почему театръ горитъ, ту изнанку вещей и,—если дѣло идетъ объ ученомъ передъ лицомъ природы, — тѣ глубокія содраганія человѣческаго механизма, въ которомъ обитаетъ наша душа, тѣхъ земель и морей, которыя насъ носятъ... но въ тотъ день уже не будетъ искусства и спектакль будетъ оконченъ... Но пока онъ длится, на него надо смотрѣть не въ качествѣ ученаго, а въ качествѣ зрителя, съ глазами здороваго человѣка и съ сердцемъ влюбленнаго, который стремится лишь любоваться.

«Въ первую половину своей жизни Тернеръ бывалъ иногда въ хорошемъ настроеніи и показывалъ людямъ то, что дѣлалъ. Однажды онъ рисовалъ портъ Плимутъ и нѣсколько судовъ, видныхъ противъ солнца мили за двѣ разстояія. Окончивъ рисунокъ, онъ показываетъ его морскому офицеру, и тотъ съ удивленіемъ разсматриваетъ его и съ понятнымъ негодованіемъ замѣчаетъ, что у линейныхъ кораблей нѣтъ пушечныхъ люковъ». Нѣтъ,—отвѣчаетъ Тернеръ,—конечно, нѣтъ. Если вы войдете на Эджекумбскій холмъ на закатѣ и будете смотрѣть на корабли противъ солнца, вы увидите, что пушечныхъ люковъ нельзя замѣтить.—Ну, хорошо,—говоритъ офицеръ, все еще полный негодованія, — но вы вѣдь *знаете*, что люки тамъ есть! — Да, — говоритъ Тернеръ,—положимъ, я знаю, но моя задача рисовать *то, что я вижу, а не то, что я знаю*».

То, что вижу, а не то, что знаю, то, что чувствую, а не то, что понимаю,—вотъ въ чемъ заключается эстетическая правда въ противоположность правдѣ научной, и эту правду должно возможно полнѣе выражать искусство, а для этого возможно лучше воспринять ее. Ува-

жаютъ ли намѣренья природы ученые, воображающіе, что они показываютъ художникамъ вещи, каковы они есть на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, они противорѣчатъ имъ, такъ какъ природа часто имѣетъ намѣреніе показывать намъ вещи именно не такими, какія они на самомъ дѣлѣ. Изображать молюсковъ, которыхъ она прячетъ въ глубинѣ темныхъ водъ, кости, которыя она прячетъ внутри непрозрачныхъ тѣлъ, движенія, которыя она скрадываетъ быстротой, съ какой они совершаются, однимъ словомъ показывать въ каждой вещи именно то, что она хотѣла скрыть отъ нашихъ глазъ—это вовсе не значитъ слѣдовать ея намѣреньямъ и хранить ей вѣрность, напротивъ, это значитъ измѣнять ей. Но всякая измѣна влечетъ за собой возмездіе, и природа во всей своей красотѣ не дается художнику, который обращается къ ней безъ уваженія и разоблачаетъ ее безъ любви. Она отдается тому, кто ее любитъ. Она отдавалась грекамъ и они смотрѣли на нее, какъ она жила и дѣйствовала, краснѣла, блѣднѣла и трепетала передъ ними въ своей пластической чистотѣ... Греки смотрѣли на нее среди дня, на вольномъ воздухѣ, подъ голубымъ небомъ Аттики, согласно ея желанію, такъ, какъ она хочетъ, чтобъ на нее смотрѣли—и они восприняли ея красоту. Наблюденіе нагой природы—это наука жизни.

Ученые эпохи возрожденія смотрѣли на нее нескромными глазами изслѣдователей. Они обнажали мускулы и анатомировали человѣческое тѣло. Они рылись въ тѣлахъ ночью, при свѣтѣ факела, воткнутаго въ средину внутренностей. Эта наука могилъ. Къ чему она привела? Увеличенные, напряженные мускулы, фигуры, съ которыхъ точно содрана кожа на картинахъ Мантенья, фигуры точно вырѣзанныя изъ стали, на гравюрахъ Дюрера, связки веревокъ вмѣсто сухожилій, ядра вмѣсто мускуловъ. «Посмотрите *Миѳологію пороковъ*, Мантенья, въ Луврѣ, эту отталкивающую анатомію подъ видомъ женщинъ и дѣтей! Посмотрите въ музеѣ Брери въ Миланѣ, ракурсъ подъ названіемъ Христосъ—анатомическій этюдъ мертваго тѣла—грубаго, отвратительного, съ ступнями ногъ, обращенными къ зрителю. Это характерная иллюстрація безумія всѣхъ этихъ Палладжуола, Кастаньо, Мантенья, Винчи, Микель-Анджело — великихъ художниковъ, осквернившихъ свои произведенія этой проклятой наукой».

Это возрожденіе, главнымъ грѣхомъ котораго была вовсе не страсть къ наслажденію и безпечность, какъ утверждаютъ мистики но напротивъ наука; возрожденіе, которое грѣшило вовсе не избыткомъ жизни и любви, но напротивъ избыткомъ честолюбія, сухости и безобразія. Тамъ, гдѣ есть любовь не можетъ быть научнаго изслѣдованія и педантичнаго перечня подробностей. Что любятъ, то не подвергаютъ вивисекціи. Эльза спрашивала у Лоэнгрина о его имени, а не о количествѣ его кожныхъ мускуловъ и не о формѣ остистыхъ отростковъ. Но и то, что она спрашивала было также лишнее: Лоэнгринъ исчезъ... Въ этомъ вѣчная казнь духа научнаго изслѣдованія смѣняющаго лю-

бовь. Она ожидаетъ всѣхъ нашихъ изслѣдователей: нашихъ анатомовъ, нашихъ химиковъ, нашихъ электро-физіологовъ, нашихъ хроно-фотографовъ и нашихъ математиковъ. Ученый думаетъ подстеречь движеніе,—онъ его останавливаетъ; думаетъ овладѣть свѣтомъ,—и гаситъ его; думаетъ схватить жизнь мускула,—и убиваетъ его.

Но, что убиваетъ буква науки, то воскрешаетъ духъ искусства. А духъ искусства это простая любовь, наивное и страстное восхищеніе, довольствующееся тѣмъ, что видятъ глаза, не желая ни проникать внутрь, ни украшать. Говоря, что «всякое великое искусство есть восторженное преклоненіе», Рёскинъ хочетъ сказать, что художникъ долженъ не только съ любовью стремиться къ природѣ, но онъ долженъ приступать къ ней съ уваженіемъ, долженъ уважать не только ея формы и краски, но и ея общій планъ и во всемъ существующемъ, во всѣхъ видахъ искусства—ея цѣль и намѣреніе. Онъ не допускаетъ, чтобы художникъ располагалъ и комбинировалъ ее иначе, чѣмъ она сама себя располагаетъ и комбинируетъ. Онъ съ величайшей осторожностью употребляетъ «опасно-благородное» слово созданіе. Онъ съ отвращеніемъ отказывается отъ обобщенія; онъ недовѣряетъ всякому синтезу. Если онъ допускаетъ, что въ картинѣ есть руководящая линія, главная масса свѣта, господствующая фигура, то онъ сейчасъ же прибавляетъ, что «законъ этотъ, какъ вы увидите, проявляется главнымъ образомъ въ плохихъ картинахъ». Когда онъ говоритъ о гармоніи, можно подумать, что онъ пишетъ трактатъ объ ядахъ. Если онъ признаетъ группировку фигуръ, то всѣ законы ея онъ выводитъ изъ группировки, наблюдаемой въ растительномъ царствѣ, онъ позволяетъ, чтобы одна вещь находилась въ отношеніи подчиненія къ другой, такъ какъ онъ замѣтилъ, что во всякомъ сложномъ листѣ, т. е. листѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ листочковъ, напоминающихъ или повторяющихъ его,—эти листочки не такъ симетричны, какъ главный листъ, какая-нибудь часть въ нихъ всегда меньше остальныхъ; такимъ образомъ одинъ изъ элементовъ подчиненной красоты во всякомъ деревѣ заключается въ признаніи собственнаго смиренія и покорности. Въ скульптурѣ также господствуютъ законы пейзажа, и имъ же подчиняется глиптика. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы въ скульптурномъ произведеніи издали видны были простыя и чистыя очертанія и слегка волнистая поверхность; великолѣпная смѣна плановъ, незамѣтно сливающихся другъ съ другомъ, какъ въ природѣ видимые въ отдаленіи холмы, освѣщенные косыми лучами солнца, или какъ округлые плоды или извилистые листья, на которыхъ не найдешь ни одного плоскаго мѣстечка, никакой черной дыры, никакой глубокой впадины, на что такъ щедры художники-декаденты. Изгибы статуй должны подражать изгибамъ тѣлъ, а не одеждъ, не плоскимъ поверхностямъ сдѣланнымъ человѣкомъ, но округлымъ тѣламъ, созданнымъ Богомъ.

Эта нить Аріадны должна быть нашей путеводительницей даже въ

архитектурѣ, такъ какъ послѣ пейзажной живописи архитектура больше всѣхъ искусствъ напоминаетъ природу. Рёскинъ любилъ архитектуру больше чѣмъ скульптуру, больше чѣмъ портретную живопись, больше чѣмъ все то, что напоминаетъ намъ человѣка.

И такъ какъ во всей архитектурѣ готическій стиль полнѣе и вѣрнѣе всѣхъ воспроизводитъ изгибы вѣтвей, листьевъ, стеблей и цвѣтовъ то онъ ставилъ готику несравненно выше романскаго, византійскаго, мавританскаго стиля и стиля Возрожденія. Во всѣхъ разсужденіяхъ подъ сводами холодныхъ и мрачныхъ соборовъ, онъ остается пейзажистомъ, душа котораго проникнута вѣяньемъ скалъ, зелени, рѣкъ и солнца. Въ баптистеріяхъ*) онъ думаетъ о каменистыхъ руслахъ потоковъ, а при видѣ куполовъ онъ размышляетъ объ округленныхъ глыбахъ гранита. Горы научаютъ его постройкѣ церквей. Онъ хочетъ, чтобы въ базиликахъ камни были расположены такъ, какъ ихъ находятъ въ каменоломняхъ, въ горизонтальномъ, а не въ вертикальномъ направленіи. Глыбы мрамора должны лежать почти по горизонтальнымъ линіямъ, потому что такъ расположены слои Червина. Онъ довольно неодобрительно посматриваетъ на прямую линію, потому что въ природѣ она встрѣчается далеко не часто, и онъ готовъ былъ бы напасть на Флорентійскій, Пизанскій, Лукскій и Пистойскій соборы, за ихъ геометрическіе орнаменты, если бы онъ не вспомнилъ во время, что видѣлъ подобныя же формы у кристаловъ. Но кристалы рѣдко встрѣчаются на поверхности земли, и онъ не желаетъ, чтобы ихъ формы часто встрѣчались въ украшеніяхъ.

Его приводитъ въ негодованіе архитекторъ, который округляетъ согласно точнымъ законамъ науки изгибы своихъ трилистниковъ. Изучая романскій и византійскій стиль, онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ того момента, когда круглый сводъ приметъ стрѣльчатую форму цвѣтка. Онъ смотритъ на голыя гладкія колонны съ мучительной тревогой Тангейзера, ожидающаго, что посохъ его покроется цвѣтами... По мѣрѣ того какъ листъ греческой аканты развивается, пріобрѣтаетъ гибкость, свертывается и развертывается какъ будто въ глубинѣ долины на утренней росѣ, по мѣрѣ того какъ появляются стебли, извиваются и распускаются цвѣтами на капители, онъ начинаетъ волноваться, узнаетъ знакомыя черты природы и восклицаетъ: вотъ она! вотъ она! Въ византійскомъ стилѣ онъ восхищается «тонкостью рисунка, которой насъ учитъ природа посредствомъ листиковъ петрушки, а въ готикѣ посредствомъ листьевъ дуба и терновника». Онъ хвалитъ архитекторовъ дворца Дожей за то, что они стремились установить гармонію широкой листвы съ широкими поверхностями своихъ могучихъ стѣнъ, по примѣру природы, съ любовью взростившей полныя сочной свѣжести листья щавеля и кувшинки... Онъ требуетъ, чтобы «самый богатый расти-

*) Часовня для крещенія.

тельный орнаментъ помѣщали именно тамъ, гдѣ бы его помѣстила сама природа. Растительный орнаментъ кориноской капители прекрасенъ, потому что онъ развертывается подъ абакой: именно тамъ гдѣ заставила бы его расцвѣсть сама природа; такъ и кажется точно онъ дѣйствительно выросъ изъ корня и корень этотъ скрытъ отъ нашихъ глазъ...»

И такъ какъ въ природѣ нѣтъ ничего безцвѣтнаго или одноцвѣтнаго, то этотъ пейзажистъ-архитекторъ требуетъ, чтобы зданія были раскрашены съ верху до низу. Онъ вовсе не желаетъ, чтобы красныя или синія линіи подчеркивали соединенія каменныхъ глыбъ или канелюры колоннъ, подобно бранденбургцамъ, изображавшимъ на одеждѣ очертанія человѣческаго скелета; наоборотъ, онъ хочетъ, чтобы разнообразные яркіе цвѣта сливались и смѣнялись, какъ цвѣта какого-нибудь герба, и играли на всей поверхности зданія, какъ они играютъ въ природѣ, скрадывая, хотя и не вполнѣ скрывая строеніе внутренняго скелета большого каменнаго организма.

Прежде такимъ образомъ разукрашивали даже частные дома. Въ Венеціи, фамильные гербы раскрашивались въ присущіе имъ цвѣта, но обыкновенно, на чисто лазоревомъ фонѣ. Голубой цвѣтъ до сихъ поръ сохранился подъ гербами въ Каза Пріули и въ двухъ, трехъ дворцахъ еще не реставрированныхъ и голубой фонъ употреблялся при раскрашиваніи статуй религіознаго содержанія. Наконецъ вся рѣзьба, заглавныя буквы, карнизы, углы были или сплошь или въ значительной части покрыты золотомъ»...

Природа этого хочетъ! И не только хочетъ: она предоставляетъ намъ необходимые матерьялы для украшенія нашихъ городовъ.

«Мраморъ приготовляется ею для архитектора, какъ бумага приготовляется фабрикантомъ для акварелиста. Его цвѣта смѣшаны также какъ на палитрѣ. Въ нихъ вы найдете всѣ достоинства и всѣ оттѣнки кромѣ плохихъ. И всѣми своими прожилками и зонами, огненными пятнами и изломанными, разобщенными линіями, эти цвѣта разсказываютъ истинную повѣсть о прежнемъ политическомъ строѣ государства горъ, къ которому принадлежалъ этотъ мраморъ, о его слабыхъ сторонахъ и его могуществѣ, о его потрясеніяхъ и его процвѣтаніи отъ начала временъ».

Воспользуемся же этимъ матерьяломъ и покроемъ имъ наши жилища! Всякій разъ, когда люди это дѣлали получались образцовыя произведенія архитектуры. Они воздвигали готическіе соборы, съ разноцвѣтными порталами съ рѣзными и раскрашенными украшеніями, съ золочеными, какъ закатъ солнца, тимпанами. Венеціанскій соборъ,—какъ осенняя листва, сплошь покрытый богатыми красками, явился апогеемъ этого стиля. Наступило Возрожденіе со своими сѣрыми дворцами съ геометрическими тимпанами, съ холодной, точной и высокопарной наукой—эта зима «зима, лишенная тепла и красокъ»! Въ тотъ день, когда архитекторъ забылъ богатую формами и красками природу, онъ забылъ

красоту. Упадокъ и разложеніе, начавшіеся съ XV вѣка, зависѣли не отъ натурализма, не отъ слишкомъ рабскаго подражанія, но отъ подражанія вещамъ безобразнымъ, т. е. не натуральнымъ. Пока натурализмъ довольствовался ваяніемъ животныхъ и цвѣтовъ, онъ оставался благороднымъ. Но въ тотъ день, какъ къ этому присоединились искусственные предметы—оружіе, музыкальные инструменты, гербы, безсмысленные свитки, прострѣлянные щиты и тому подобныя нелѣпости, въ тотъ день, какъ пейзажиста смѣнилъ археологъ—почувствовалось холодное вѣяніе раскрытыхъ могилъ и смертельный уколъ циркуля, духъ классицизма и педантическаго формализма повѣялъ въ нашихъ жилищахъ и заморозилъ насъ. Лишенная корня и вершины лента замѣнила живую траву, глупая повязка соединила разбросанные цвѣты, пышныя складки одежды, раздутой воображаемой бурей, скрыли формы человѣческаго тѣла. «Казалось, точно самая душа человѣка, оторванная отъ здороваго корня и готовая пасть въ бездну порока, утрачивала представленіе о жизни всѣхъ окружающихъ предметовъ и не могла отличить колебанія могучихъ вѣтвей, исполненныхъ мускульной силы и и здоровыхъ соковъ отъ безжизненнаго колыханья болтающейся веревки. Въ этотъ день былъ подписанъ смертный приговоръ натурализму, и вмѣстѣ съ нимъ міровой архитектурѣ»...

И такъ во всѣхъ отрасляхъ искусства: живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, пойдемъ тѣмъ путемъ, какой пролагаетъ природа, и въ самыхъ мелкихъ техническихъ подробностяхъ будемъ искать ея указаній.

Прежде всего она учитъ насъ спокойствію: спокойствію въ цвѣтахъ, спокойствію главнымъ образомъ, въ движеніяхъ. Перемѣны происходящія въ ней не быстры. движенія ея не рѣзки. Дерево медленно протягиваетъ свои вѣтви къ солнцу; солнце незамѣтно прячется за горой; гора вѣками остается неподвижной. Не часто явленія природы производятъ такія превращенія, которыя радуютъ маленькихъ дѣтей въ фееріяхъ. Взрослые люди больше изумляются медленному чуду проростанія сѣмянъ или образованію выходящихъ изъ моря острововъ, созданныхъ въ миріады лѣтъ миріадами безконечно малыхъ существъ. Надо отказаться въ искусствѣ отъ изображенія шумныхъ событій, сценъ насилія, фигуръ бѣгущихъ, танцующихъ, падающихъ, борящихся и кусающихъ: картинъ битвъ, проклятій, вакханалій, пытокъ съ рѣзкими проявленіями боли, Христа, умирающаго на крестѣ. Надо отказаться отъ мертвой природы во имя живой природы и отъ умирающихъ боговъ во имя покоя. Преклоненіе наивныхъ пастуховъ передъ яслями, фонтанъ воды бьющій вверхъ къ небу, движеніе смычка по струнамъ, процессія рыцарей, вступающихъ въ храмъ, медленное шествіе пословъ по берегу канала, розы, падающія одна за другой изъ рукъ ангела, лаская тѣло играющаго Младенца-Христа... такія движенія можно изображать, такъ какъ они не оскорбляютъ нашего инстинкта непрерывности. Пастухи Лоренцо ди-Креди могутъ долго

сохранять свои спокойныя позы, монахи Монъ Сальва и синьоры Карпаччіо могутъ постоянно безъ утомленія проходить передъ нами; фигура Дюрера можетъ сидѣть, опираясь, на руку какъ карріатида и ангелъ Боттичелли вѣчно сыпать свои цвѣты.

Но не слѣдуетъ въ линіи этихъ незамѣтныхъ движеній или задумчиваго покоя вкладывать ту тревогу, которую изгнали изъ общей композиціи картинъ. Не надо судорожно сокращать члены и мять одежды этихъ покоящихся фигуръ, какъ дѣлаютъ Берненъ и Густавъ Доре. «Великій и скромный живописецъ не позволяетъ себѣ рѣзкихъ изломовъ, онъ долго работаетъ, чтобы создать линіи, изгибы которыхъ такъ постепенны, что ихъ можно замѣтить лишь послѣ внимательнаго изученія». Когда онъ берется за кисть онъ поступаетъ также. Природа учитъ насъ спойкойствію не только въ линіяхъ, но и въ смѣнѣ свѣта и тѣней. Она не слѣдутъ примѣру Сальватора Розы, Рембрандта или Риберы. Она не переноситъ рѣзкихъ эффектовъ свѣта и тѣни, освѣщенія потайными фонарями, пистолетныхъ выстрѣловъ въ погребѣ, она ненавидитъ контрасты и допускаетъ ихъ лишь въ очень смягченномъ видѣ, «дѣйствующихъ какъ неожиданность, а не какъ потрясеніе». Точно такъ же въ произведеніи искусства насъ должна плѣнять правильность оттѣнковъ, а не ихъ противопоставленіе, сила членовъ, а не ихъ усиліе, стройность ихъ формъ, а не искаженіе ихъ. Надо, чтобы сцена разыгрывающаяся на полотнѣ привлекала насъ не странностью положеній, а естественностью характеровъ. Пусть съ этими фигурами ничего не происходитъ, если линіи ихъ такъ чисты и жизнь такъ интенсивна, что эти самыя линіи и эта самая жизнь волнуютъ насъ. Пусть ихъ ноги никуда не несутъ ихъ, если они красивы въ своей неподвижности; пусть руки ихъ ничего не дѣлаютъ, если въ своихъ лѣнивыхъ пальцахъ они держатъ покоренную судьбу! Это признакъ величайшаго искусства. Сдѣлайте фигуры на вашихъ картинахъ такими прекрасными, чтобы у насъ явилось желаніе полюбить ихъ, и тогда всякое дѣйствіе, всякій жестъ всякая случайность, всякое движеніе становятся излишними: «Быть съ людьми, которыхъ любишь,—говоритъ Лябрюйеръ,—этого достаточно; мечтать, говорить съ ними, не говорить съ ними, думать о нихъ, думать о постороннихъ предметахъ, но только около нихъ, все это одинаково пріятно»...

Наблюдать природу надо съ любовью, изображать—со стараньемъ. Мы интересуемся малѣйшими подробностями, касающимися тѣхъ, кого мы любимъ, неуловимой игрой ихъ физіономіи, самой мелкой особенность ихъ чертъ: тѣнью рѣсницъ на щекѣ, очертаніемъ ногтя, бороздами, слишкомъ глубокими, увы! какія проводитъ на лбу невидимый пахарь... Природу надо изображать, обладая остротой орлинаго взгляда, тонкостью пальцевъ скрипача, терпѣніемъ и любовью Гризельды». Не такъ поступаетъ теперь надменный художникъ: онъ покрываетъ свою картину пересѣкающимися линіями, проведенными какъ попало, безъ

малѣйшаго старанія изобразить простой листочекъ или небольшую кочку, онъ пишетъ крупными мазками неопредѣленный пейзажъ, какой виденъ изъ окна поѣзда, дѣлающаго 60 верстъ въ часъ. «Наоборотъ, чѣмъ съ большой тщательностью выписываетъ онъ породы мха на выбранномъ пнѣ, породы сорной травы вокругъ камня, отмѣчая въ каждой вещи все что, въ ней есть особеннаго и характернаго: ея листокъ, ея цвѣтокъ, ея зерно, ея изломъ, ея цвѣтъ, ея внутреннее строеніе, тѣмъ болѣе совершеннымъ становится его произведеніе. Всякое смѣшеніе видовъ, всякая небрежность въ передачѣ характерныхъ чертъ, всякое искусственное и случайное сочетаніе ихъ дѣлаетъ произведеніе грубымъ, а никакъ не совершеннымъ».

И каждую вполнѣ опредѣленную, вполнѣ точную линію надо съ самаго начала проводить не кончикомъ пера или карандаша, а концомъ кисти, какъ дѣлалъ Апеллесъ и какъ проведены всѣ цвѣтныя линіи на греческихъ вазахъ. Привыкнувъ рисовать кистью, художникъ будетъ гораздо свободнѣе въ обработкѣ своей темы, такъ какъ онъ въ каждую данную минуту будетъ въ состояніи возстановить ударомъ кисти всякую линію, которую стеръ предыдущій мазокъ. Художникъ, который не носитъ на концѣ кисти свой рисунокъ, не умѣетъ рисовать. «Вы едва ли найдете рисунокъ, несомнѣнно принадлежащій одному изъ великихъ старинныхъ художниковъ—Тиціану, Веласкецу или Веронезу. Мы, современные художники, мы всегда учимся или пытаемся научиться писать картины, рисуя, а древніе учились рисовать прямо кистью или рѣзцомъ, что еще труднѣе. Съ дѣтства имъ въ руки давалась кисть и они принуждены были рисовать съ ея помощью; такимъ образомъ, когда имъ приходилось употреблять перо или карандашъ, они владѣли имъ съ легкостью кисти или съ увѣренностью гравера».

Опредѣлять—значитъ выбирать. Положимъ въ заросли кустарника извиваются и пересѣкаются милліоны линій и жилокъ, мелькаютъ разрѣзы листовъ, тѣснятся углы колючекъ и стеблей, вьются колечки прицвѣтниковъ и спирали усиковъ, и во всемъ этомъ видна красота природы; но развѣ нужно, чтобы ея основной планъ на картинѣ потонулъ въ богатствѣ подробностей. Нѣтъ. Въ природѣ есть свои характерныя черты. Искусство должно выражать ихъ: «Эти черты, какъ солдаты. Триста, сознающихъ свою силу могутъ быть сильнѣе трехъ тысячъ, менѣе увѣренныхъ въ своей цѣли». Это именно и значитъ рисовать, т. е. показывать тѣ свойства вещей, которыя Тэнъ назвалъ «необходимыми аттрибутами вещей». Но Тэнъ, какъ всѣ философы, считаетъ, что художникъ можетъ и долженъ исполнять роль указателя согласно своей собственной фантазіи, своимъ человѣческимъ склонностямъ, своему личному темпераменту. Онъ допускаетъ, что поступая такъ, художникъ возвышается надъ своимъ объектомъ и по сильному и точному выраженію Шербюлье «расчищаетъ природу». Рёскинъ ни на одинъ моментъ не допускаетъ превосходства искусства надъ при

родой. Художникъ не можетъ произвольно выбирать среди природы ту или иную линію: она ему указана условіями его зрѣнія. Онъ физически не можетъ видѣть всего въ кустарникѣ... «Истинный художникъ не только смѣло показываетъ то, что онъ видитъ, но и честно сознается въ томъ, чего не видитъ. Вы не можете нарисовать всѣ волоски брови не потому что красивѣе слить ихъ въ одно, а потому что невозможно ихъ видѣть порознь. Сколько въ нихъ волосъ—можетъ сосчитать только анатомъ, но въ какомъ видѣ они вамъ представляются—это можетъ сказать и можетъ знать только великій художникъ Карпаччіо, Тинторето, Рейнольдсъ или Веласкецъ». Развѣ хиромантикъ разсматриваетъ всѣ линіи руки, которую вы ему протягиваете? Нѣтъ, среди нихъ есть нѣсколько линій, роковыхъ линій, которыя однѣ опредѣляютъ всю судьбу.

«Схвативъ эти главныя линіи,—такъ какъ всѣхъ мы не можемъ охватить,—мы придаемъ сходство и выразительность портрету, изящество и нѣкотораго рода жизненную правду изображенію всякой вещи въ природѣ. Я говорю жизненная правда, такъ какъ эти главныя линіи передаютъ прошедшую исторію и современное состояніе каждой вещи. Въ горѣ онѣ указываютъ прежде всего какъ она создалась и образовалась, а потомъ, какъ она вывѣтривается, съ какой стороны обрушиваются на нее самыя сильныя бури. Въ деревѣ эти линіи показываютъ, какую судьбу пришлось ему пережить съ дѣтства, какъ на его дорогѣ выростали враждебныя деревья, отталкивали его въ сторону, пытались задушить его и уморить съ голоду; гдѣ и когда дружескія деревья покровительствовали ему, росли въ согласіи съ нимъ, склоняясь, когда оно склонялось; какіе вѣтры больше всего его мучили, которые изъ его отпрысковъ лучше всего идутъ и даютъ больше плодовъ. Въ волнѣ или въ облакѣ эти главныя линіи показываютъ направленіе теченія или вѣтра и тѣ измѣненія формъ, какія вода или паръ претерпѣваютъ каждую минуту, встрѣчая противоположную волну или берегъ или пронизывающій ихъ солнечный лучъ. Ничто, замѣтьте себѣ, не отличаетъ такъ людей высшаго типа, какъ ихъ умѣнье и въ жизни, и въ искусствѣ опредѣлить направленіе, какому слѣдуютъ вещи... Попробуйте всякій разъ, какъ вы смотрите на какую-нибудь вещь, замѣчать тѣ линіи, какія оказали вліяніе на ея прошлую судьбу и окажутъ вліяніе на ея будущее. Это роковыя линіи. Постарайтесь схватить ихъ, если даже при этомъ вамъ не удастся сохранить остальныя».

§ 3.

Наконецъ, природа учитъ насъ поклоняться краскамъ.

Мы говоримъ о краскахъ, а не о свѣто-тѣняхъ, что далеко не одно и то же.

«Вотъ арабская ваза, въ которой взоръ нашъ ласкаютъ однѣ только линіи; мы не найдемъ въ ней ни свѣта, ни красокъ. Вотъ лунный свѣтъ, изображенный Тернеромъ, въ немъ нѣтъ ни линій, ни цвѣтовъ. Зрительное удовольствіе доставляетъ намъ игра свѣта и тѣней, эф-

фекты освѣщенія. Наконецъ, вотъ старинная флорентійская картина: ни линіи, ни свѣтовыя эффекты не играютъ въ ней роли; но глазъ радуетъ яркость и разнообразіе красокъ.

«Принимаясь рисовать что-нибудь, вы увидите, что вамъ придется задать себѣ слѣдующіе вопросы: постараюсь ли я схватить цвѣта этого? или освѣщеніе? или линіи? Вы не можете въ равной мѣрѣ овладѣть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ.

«И хотя можно въ значительной степени согласовать съ тѣмъ свойствомъ, которое вы примете за основное, два остальныя, все же ваше рѣшеніе поставитъ васъ въ ряды одной изъ трехъ крупныхъ школъ, раздѣлившихъ между собой область искусства. Такъ, въ другого рода вопросахъ одинъ человѣкъ говоритъ: «Прежде всего я постараюсь разбогатѣть, а потомъ, если возможно, остаться честнымъ». А другой говоритъ: «Прежде всего я буду честенъ, а потомъ, если возможно, постараюсь разбогатѣть». Хотя человѣкъ разбогатѣвшій можетъ быть въ добавокъ и честнымъ, хотя человѣкъ честный можетъ стать богатымъ,—но все-таки развѣ они не принадлежатъ къ двумъ коренным образомъ различнымъ школамъ?

«И такъ, вы находите въ искусствѣ три совершенно различныя хотя и граничащія другъ съ другомъ области: область контуристовъ, клэробскюрсистовъ и колористовъ», или, чтобы дать имъ имена: школы Рафаэля, Рембрандта и Фра Анжелико: законы Рима, законы Амстердама и *законы Фьезоле.*

Природа учитъ насъ законамъ Фьезоле. Великіе художники были во всѣхъ школахъ, какъ во время церковныхъ распрей, святые были во всѣхъ толкахъ. Но контуристы должны разсматривать вещи вдали отъ солнечнаго свѣта, такъ какъ солнце заставляетъ дрожать, сливаться и расплываться линіи. Клэробскюрсисты смотрятъ на вещи въ полутьмѣ мастерской, стѣны которой они окрашиваютъ иногда въ черный цвѣтъ, чтобы собрать всю силу свѣта въ одномъ фокусѣ, чтобъ заставить вспыхнуть заревомъ тѣло, засверкать оружіе или загорѣться, какъ свѣчи, наконечники копій. Тотъ, кто смотритъ на вещи въ ясномъ свѣтѣ дня, просто, наивно, весело, какъ сама природа показываетъ намъ ихъ, тотъ увидитъ въ нихъ не черныя съ бѣлыми шахматныя доски, но совокупность разноцвѣтныхъ точекъ. *Надо смотрѣть на природу, какъ на мозаику различныхъ цвѣтовъ и воспроизводить ихъ одинъ за другимъ въ простотѣ сердца*, не обращая никакого вниманія на такъ называемые законы свѣто-тѣни. Надо подражать Анджелико и Перуджино, у которыхъ нѣтъ тѣней, нѣтъ печали, нѣтъ зла, а не Караваджіо и Эспаньолето—этимъ чернымъ рабамъ живописи. Тѣни самой по себѣ нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ свѣта самого по себѣ; есть только цвѣта болѣе темные, болѣе густые, болѣе глубокіе. И такъ, прочь все сѣрое, черное, коричневое, всю пачкотню французскихъ пейзажистовъ середины вѣка, которые «смотрятъ на природу точно въ черное зеркало!» Каждый оттѣнокъ можно сдѣлать болѣе темнымъ не при-

мѣсью болѣе темной краски, а усиленіемъ его собственнаго оттѣнка. Не говорите также объ ослабленіи какого-нибудь цвѣта подъ предлогомъ «воздушной перспективы»! Для изображенія разстоянія нѣтъ особыхъ цвѣтовъ. Совершенно несправедливо мнѣніе, будто отдаленный предметъ долженъ быть менѣе окрашенъ, чѣмъ находящійся вблизи.

«Яркій оранжевый цвѣтъ апельсина, дѣйствительно, доказываетъ, что мы видимъ апельсинъ вблизи, такъ какъ если вы посмотрите издали, апельсинъ уже не будетъ казаться вамъ такимъ яркимъ; но въ то же время яркій оранжевый цвѣтъ на небѣ служитъ признакомъ далекаго разстоянія, такъ какъ вы не можете видѣть вблизи оранжевое облако. Зеленый цвѣтъ швейцарскаго озера блѣденъ въ прозрачныхъ прибрежныхъ волнахъ, а въ шести миляхъ отъ берега онъ теменъ и густъ, какъ изумрудъ. Нелѣпо ожидать помощи отъ воздушной перспективы. Надо наблюдать впечатлѣнія природы и возможно правильнѣе возможно полнѣе воспроизводить ихъ, никогда не измѣняя цвѣтъ оттого, что онъ представляется намъ не на томъ мѣстѣ, на какомъ слѣдуетъ... Почему предполагать, что природа желаетъ, чтобы вы всегда точно знали разстояніе отъ одной вещи до другой? Она несомнѣнно хочетъ, чтобы вамъ доставляла удовольствіе ея окраска, но вовсе не считаетъ необходимымъ, чтобы вы всегда измѣряли пространства. Чтобъ это было, если бы всякій разъ, когда вы рисуете закатъ солнца, вамъ приходилось бы выражать въ *воздушной перспективѣ* 95.000.000 миль разстоянія его отъ насъ».

Не думайте, однако, что Рёскинъ—этотъ фанатическій поклонникъ краски, не наслаждается ея тонкостью и гармоничностью. Зная склонность своихъ соотечественниковъ къ кричащимъ цвѣтамъ, онъ рѣшительно предостерегаетъ ихъ противъ нее. «Если бы краски были въ двадцать разъ дороже,—говоритъ онъ,—у насъ было бы гораздо больше хорошихъ живописцевъ. Если бы я былъ лордъ-канцлеръ казначейства, я обложилъ бы пошлиной въ двадцать шиллинговъ каждый кусокъ краски и эта пошлина содѣйствовала бы больше процвѣтанію искусства чѣмъ открытіе нѣсколькихъ новыхъ школъ живописи». Взгляните на природу! «Она экономна съ красками. Потому какъ она съ ними обращается, можно подумать, что они ей очень дорого стоятъ: далеко нѣтъ. Она слегка окраситъ лепестки, только тамъ гдѣ они раскрываются навстрѣчу солнцу, но въ глубинѣ чашечки все темно и краски смягчены даже у самаго яркаго цвѣтка. Иногда природа поражаетъ своей нестерпимой скаредностью; такъ, напримѣръ, она до мелочности скупо отпускаетъ лазурь на колокольчикъ горечавки»; какъ она, мы должны относиться къ краскамъ съ любовной бережливостью.

«Живописецъ, щедро расточающій лазурь и пурпуръ и вполовину не любитъ такъ прекрасныя краски, какъ хорошій колористъ. Но онъ позволяетъ себѣ излишества и вслѣдствіе этого, по закону природы, такому же неизмѣнному, какъ законъ тяготѣнія, эти краски не доставляютъ ему такого удовольствія, какое доставляли бы, если бы онъ

употреблялъ ихъ въ меньшемъ количествѣ. Глазъ его удовлетворенъ и пресыщенъ; голубая и красная краски для него безжизненны. Напрасно старается онъ сдѣлать ихъ еще болѣе голубой, еще болѣе красной: все голубое сдѣлалось для него сѣрымъ, и становится все болѣе и болѣе сѣрымъ по мѣрѣ того, какъ онъ прибавляетъ лазури; весь пурпуръ сталъ коричневымъ и дѣлается все болѣе осеннимъ и блеклымъ, сколько онъ ни углубляетъ его. Но великій художникъ всегда строгъ и сдержанъ въ работѣ. Онъ всѣмъ сердцемъ любитъ яркіе живые цвѣта, но онъ долго не позволяетъ себѣ ничего подобнаго,—одни скромные, незамѣтные цвѣта: коричневый, сѣрый и другіе, лишенные выдающейся красоты, подъ его умѣлой рукой они всѣ пріобрѣтаютъ прелесть и только когда онъ извлекъ изъ нихъ всю силу и жизнь, какая въ нихъ есть, когда онъ въ полной мѣрѣ насладился ими,—только тогда осторожно какъ увѣнчаніе зданія, какъ послѣдній музыкальный аккордъ, онъ позволяетъ себѣ немного пурпура и лазури... и все полотно вдругъ загорается огнемъ!»

Природѣ надо подражать не только въ краскахъ, но и въ самой манерѣ творчества. «Въ картинѣ въ зависимости отъ способа работы получаются разные виды гармоніи. Есть даже особая гармонія кисти. Если вы пишете одну часть картины быстро и смѣло, а другую медленно и тщательно, обѣ части могутъ быть хороши въ отдѣльности, но онѣ не будутъ согласоваться другъ съ другомъ. Точно такъ же, если одну часть вы пишите въ жаркій лѣтній день, а другую въ сѣромъ свѣтѣ холоднаго дня, то, хотя обѣ будутъ изображать солнечный свѣтъ и каждая въ отдѣльности вполнѣ правильно, съ правильнымъ отношеніемъ тѣней—ни одна часть не будетъ напоминать дневной свѣтъ и онѣ будутъ взаимно уничтожать другъ друга». Эта ясность, эта отчетливость впечатлѣнія должна управлять всѣми подробностями работы. Никакихъ подправокъ, никакой пачкотни, никакихъ расплывчатыхъ линій, никакого размазыванья ножомъ по палитрѣ. Надо держать краски сухими и палитру чистой, чтобы виденъ былъ чистый оттѣнокъ и чтобы не почувствовать склонность къ смѣшенію цвѣтовъ. Правда Тернеръ поступалъ какъ разъ наоборотъ и его палитра, хранящаяся въ *Національной галлереѣ*, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ; но въ этомъ отношеніи Рёскинъ съ нимъ не согласенъ. Съ этой точки зрѣнія онъ отвергаетъ всѣ лаки, смолы и даже воду. Такъ въ акварели онъ порицаетъ сильное разжиженіе краски и смачиваніе изнанки. О губкѣ онъ говоритъ, какъ о чудовищѣ; мокрое пятно—его кошмаръ. Онъ отрицаетъ шероховатую бумагу, такъ какъ она впитываетъ воду. Это акварелистъ-гидрофобъ. А что же дѣлать, чтобы получить болѣе блѣдный цвѣтъ?—спросите вы. Прибавьте бѣлой краски, учитъ онъ. И такъ страхъ размазыванія приводитъ его къ гуашу. Онъ не изъ тѣхъ, кто любитъ говорить съ восхищеніемъ: это сдѣлано изъ ничего! Онъ любитъ, чтобы все было изъ чего-нибудь сдѣлано. Что касается прозрачности, то онъ о ней нисколько не заботится. «Я увѣренъ, что

самыя великія произведенія искусства должны быть сдѣланы матовыми красками. Обычай употреблять лакъ и блестящія краски въ погонѣ за блескомъ ведетъ къ тому, что мы забываемъ благородную прозрачность оттѣнковъ, получающуюся при положеніи рядомъ различныхъ красокъ. Голландская школа могла бы избѣжать послѣдовавшаго за расцвѣтомъ упадка, выразившагося въ употребленіи смолы, желтаго лака и коричневаго дерева, если бы художники принуждены были писать матовыми красками. Если у художника является желаніе тронуть какую-нибудь часть своей картины гуммилакомъ—значитъ онъ на ложной дорогѣ... Да, конечно, влажные глаза молодой дѣвушки прекрасны, но какъ бы юная красавица ни гордилась блескомъ своихъ глазъ (хотя, быть можетъ, глаза безъ блеска еще прекраснѣе), она была бы въ отчаяніи еслибы щеки ея также блестѣли; и кто изъ васъ пожелалъ бы отполировать розу?» Что же? Значитъ, надо писать фрески? Да, а еще лучше мозаику.

«Если вы рисуете стволъ березы, вы увидите на немъ, вѣроятно, ярко-бѣлые солнечные блики, далѣе вокругъ нихъ, съ освѣщенной стороны—блѣдные розовато-сѣрые тоны, еще далѣе, съ тѣневой стороны болѣе глубокіе сѣрые, вѣроятно, зеленоватые, съ отблесками разныхъ отраженныхъ цвѣтовъ и поверхъ всего густыя черныя ленты коры и коричневыя пятна мха. Наложите прежде всего розовато-сѣрую краску, оставивъ бѣлыя пятна для солнечныхъ бликовъ и для пятенъ мха, и не касаясь тѣневой стороны. Потомъ закрашивайте сѣрый съ тѣневой стороны вплоть до сѣро-розоваго освѣщенной стороны, оставляя также бѣлыя пятна для чернаго и коричневаго мха; наконецъ, составьте краски для мховъ, непремѣнно отдѣльно для каждаго пятна и наложите ихъ на оставленныя мѣста».

Примѣняя эту теорію пятенъ къ масляным краскамъ, художникъ вставляетъ въ небо листья деревьевъ и въ промежутки между готовыми листьями вписываетъ кусочки неба, но никогда не пишетъ первое поверхъ второго и второе сверху перваго. Въ этомъ заключается полное осужденье Коро и почти всѣхъ великихъ французскихъ пейзажистовъ.

Наконецъ, Рёскинъ и на палитрѣ, такъ же какъ на полотнѣ, не допускаетъ смѣшенія красокъ. Пусть смѣшиваютъ, если это необходимо двѣ краски—но не болѣе! «Вы положили красную краску и хотите получить сверхъ того пурпурную: не составляйте пурпура на палитрѣ, но возьмите немного голубой краски и проведите ею слегка по красной, такъ, чтобы сквозь нея была видна красная, такимъ образомъ вы получите пурпуръ». Еще лучше—положите яркія краски маленькими точками на другія или въ промежутки между другими и «примѣняйте принципъ простыхъ, несмѣшанныхъ красокъ до самыхъ крайнихъ его выводовъ; употреблять малѣйшія частицы красокъ лучше, чѣмъ закрашивать сплошь большія пространства. И, наконецъ, если у васъ есть время, вмѣсто того, чтобъ смѣшивать цвѣта, срисовывайте цвѣты, окрашен-

ные разноцвѣтными пятнами: наперстянку, напримѣръ, или черевичники. *И создавайте смѣшанные оттѣнки, чередуя мазки различныхъ чистыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ состоятъ смѣшанные оттѣнки*».

Не предсказалъ ли Рёскинъ этими словами, въ 1856 году, современный пуэнтилизмъ? Да, несомнѣнно; и вполнѣ понятно, что нѣкоторые выдающіеся умы нападаютъ на Рёскина, но непонятно, почему они при этомъ называютъ его «старомоднымъ». Если этимъ они хотятъ сказать, что онъ отстаиваетъ нѣкоторые вѣчные принципы, которые были истинны до насъ и останутся такими же послѣ насъ, то въ этомъ отношеніи они правы. Но если на него клевещутъ, говоря, что онъ не признавалъ, не понималъ и не предвидѣлъ новыхъ школъ живописи, то этимъ доказываютъ только, что разсуждаютъ о немъ, не прочитавъ его предварительно. Человѣкъ, писавшій въ 1843 году, что надо подражать природѣ, ничѣмъ не пренебрегая и ничего не выбирая и предвѣщавшій такимъ образомъ то, чѣмъ долженъ былъ стать реализмъ; кто въ 1846 году заявлялъ, что крайніе оттѣнки и чистые цвѣта могутъ существовать только въ видѣ точекъ, а въ 1853 г., что пейзажъ необходимо рисовать до послѣдняго штриха подъ открытымъ небомъ и предсказывавшій такимъ образомъ импрессіонизмъ,—этотъ человѣкъ всегда будетъ считаться не только однимъ изъ предвѣстниковъ, но единственнымъ предвѣстникомъ новыхъ школъ среди всѣхъ критиковъ искусства, всегда болѣе склонныхъ привѣтствовать побѣдителей, чѣмъ до битвы примыкать къ одной изъ сторонъ и выдерживать колебанія первыхъ стычекъ.

Но только... въ этомъ осторожномъ рисункѣ, въ этихъ добросовѣстныхъ и ясныхъ линіяхъ, въ этихъ опредѣленныхъ матовыхъ краскахъ, старательно накладываемыхъ точками одна за другой, въ этой честной, робкой и сухой кисти,—гдѣ же во всемъ этомъ мѣсто для широкаго размаха, для сочныхъ красокъ, для виртуозности мастера, для свободы кисти? Имъ нѣтъ мѣста и не должно быть. Свобода—вредна, виртуозность—смѣшна. Виртуозъ—это фарисей, любующійся самимъ собой, а не красотой. Войдя въ храмъ, онъ не падаетъ на колѣни передъ высшей красотой и не говоритъ, ударяя себя въ грудь: Я—безобразенъ! Нѣтъ. Онъ подымаетъ голову, онъ полнъ самодовольства; если онъ сумѣлъ сохранить хоть слабую тѣнь святости своего образца, то его и это вполнѣ удовлетворяетъ. Это фокусникъ, играющій охрой, лазурью, киноварью вмѣсто того, чтобы приносить ихъ въ дань предвѣчной природѣ и безбрежному небу. Онъ говоритъ: посмотрите на мою ловкость, на мою гибкость, на мою кисть! Онъ не скажетъ: посмотрите на нее, какъ она прекрасна, какъ она превосходитъ наше жалкое человѣческое искусство! Онъ говоритъ: посмотрите, какъ однимъ прикосновеніемъ кисти я заставляю этотъ кристаллъ вспыхнуть лучомъ свѣта! Онъ не скажетъ: посмотрите, какъ сто ударовъ кисти художника не въ силахъ изобразить безконечную тонкость этого изгиба, спокойное сіяніе этого свѣта, свѣта снѣга, серебра, лазури и ночи! Виртуозъ

отдается своимъ трелямъ и фіоритурамъ. Для чего? Чтобы прославить глубокіе голоса природы? Нѣтъ, чтобы прославить свое собственное маленькое горлышко. Онъ занимается искусствомъ для искусства. Истинный художникъ беретъ свои орудія не для того, чтобы блистать самому, но чтобы заставить восхищаться блескомъ природы; въ немъ говоритъ не смѣлость побѣдителя, а скромность влюбленнаго; онъ не хочетъ, чтобы говорили: Какъ *онъ* ловокъ!—но чтобы говорили: Какъ *она* прекрасна! Его искусство—это не искусство для искусства. Это искусство для природы и для красоты...

А въ такомъ случаѣ, что за дѣло до совершенства исполненія, до ловкости, до успѣшности даже? Лишь бы были видны усилія! Безплодныя усилія... Пусть такъ, но зато героическія! Мучительныя усилія... Пусть такъ, но зато страстныя! Влюбленные всегда неловки! Ошибки, паденія, новыя попытки и отчаяніе передъ лицомъ этой высшей красоты... Это не важно, только бы мы чувствовали насколько эта красота превышаетъ всѣ наши попытки. «Слава великой картины въ ея смиреніи и ея прелесть въ томъ, что она выражаетъ радость, съ какою великое сердце сознаетъ, что есть нѣчто лучшее, чѣмъ его искусство». Если вы не чувствуете этого, попытка можетъ считаться посредственною «и вы еще не вполнѣ насладились произведеніемъ великаго мастера, если не начали его презирать»!

«Требовать совершенства, значитъ не понимать истиннаго назначенія искусства, во первыхъ потому, что великій человѣкъ только тогда кончаетъ работать, когда дошелъ уже до того пункта, послѣ котораго начинается упадокъ, во вторыхъ потому, что несовершенство составляетъ до извѣстной степени неотъемлемое свойство всего живого. Это признакъ жизни въ смертномъ существѣ, т. е. признакъ прогресса и измѣненія. Ничто живое не можетъ быть вполнѣ совершеннымъ,— одна часть его разрушается, другая нарождается. Цвѣтокъ наперстянки одна треть котораго еще въ бутонѣ, другая вянетъ и только третья въ полномъ расцвѣтѣ,—вотъ символъ жизни въ этомъ мірѣ. И во всѣхъ живыхъ существахъ есть всегда нѣкоторыя неправильности, нѣкоторыя несовершенства, которыя служатъ не только признаками жизни, но источниками красоты. Никогда черты человѣческаго лица не бываютъ вполнѣ одинаковы съ двухъ сторонъ; никогда лопасти листа не бываютъ вполнѣ правильны, никогда вѣтка не бываетъ вполнѣ симметрична. Всѣ имѣютъ неправильности и претерпѣваютъ измѣненія, и изгонять несовершенство значитъ уничтожать выразительность, останавливать усиліе, парализовать жизнь. Можно сказать, что всѣ вещи кажутся намъ болѣе прелестными, болѣе привлекательными болѣе желанными именно вслѣдствіе своихъ недостатковъ, которыми Провидѣніе надѣлило ихъ для того, чтобы закономъ человѣческой жизни было усиліе, а закономъ человѣческаго суда—прощеніе»...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(*Окончаніе* *).

Наступила весна. Снѣгъ съ крышъ, смотрѣвшихъ въ окна школы, быстро таялъ и сбѣгалъ внизъ ледяными сосульками. Подтаявъ на солнцѣ, сосульки отрывались, съ шумомъ и дребезжаніемъ задѣвая по пути окна и трубы, летѣли онѣ внизъ, разбиваясь на тысячу кусковъ.

Когда крыша просохла, въ классѣ выставили два окошка въ томъ углу, гдѣ не стояли скамейки, и послѣ этого весна въ школѣ стала еще ощутительнѣе. Со двора доносилось чириканье воробьевъ, воркованье голубей и звонкіе голоса дѣтей. Заглушенный грохотъ колесъ на улицѣ сливался съ этими звуками.

Клочекъ неба надъ крышей все чаще и чаще смотрѣлъ совсѣмъ голубымъ, и въ большую перемѣну, когда въ классѣ раскрывали окна, вся квартира наполнялась запахомъ прѣлой земли и свѣжаго теса, привезеннаго и сложеннаго во дворѣ для какой-то починки.

Маленькія съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе разсѣянными. Забывая о тетрадяхъ и книгахъ, онѣ во время уроковъ вытягивали шеи и перегибались всѣмъ тѣломъ, чтобы слѣдить за прозрачными легкими облаками или за голубями, бѣлыя крылья которыхъ отливали розовымъ на синемъ фонѣ весенняго неба. Золотой крестъ ближней церкви и тотъ наводилъ на невольное искушеніе испробовать силу собственнаго зрѣнія, и сосѣдки, предварительно сговорившись, таращили глаза на горѣвшее въ солнцѣ золото до тѣхъ поръ, пока слезы не выступали на нихъ. Съ каждымъ днемъ улица все сильнѣе и сильнѣе притягивала дѣвочекъ, удовлетворяя ихъ любознательности и наклонности къ бродяжничеству.

Дѣвочки являлись теперь въ школу только къ молитвѣ и даже нерѣдко запаздывали. «Часы невѣрны. Мама на рынокъ поздно ушла»... сконфуженно бормотали онѣ въ свое оправданіе, но виноватый видъ, разбѣгавшіеся глаза и лица, дрожавшія сдержаннымъ весельемъ, наводили на подозрѣніе даже и довѣрчивую Вѣру Павловну.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Полянская и Иванова, двѣ самыя маленькія изъ младшаго отдѣленія, явились въ школу уже послѣ перваго урока. Чувствуя себя виноватыми, онѣ не рѣшались идти въ классъ и стояли со своими книжками въ кухнѣ, пока за ними не явились дежурныя.

По обыкновенію оказались виноватыми часы, но тонкія вѣточки вербъ съ едва распустившимися листочками предательски торчали изъ сумокъ и ясно говорили о настоящей причинѣ запаздыванья.

Дѣвочки, еще наканунѣ сговорившись между собой, бѣгали за рѣку въ паркъ. Уличенныя во лжи, онѣ такъ горько плакали и были такъ уморительны со своими испуганными виноватыми рожицами, что распекавшая ихъ Вѣра Павловна выдерживала съ трудомъ серьезный тонъ. На улицѣ было дѣйствительно хорошо и такъ тепло, что никакія прогулки не встрѣчали препятствія со стороны обуви и одежды. Въ большую перемѣну Вѣру Павловну осаждали просьбами отпустить въ булочную за покупкой забытаго завтрака, а послѣ классовъ школа пустѣла такъ поразительно быстро, что даже смутное чувство какого то разочарованія и обиды охватило Вѣру Павловну, когда она послѣ шума и оживленія вдругъ какъ то очутилась почти внезапно одна среди пустого класса, пронизаннаго пыльными лучами.

Когда сдѣлалось совсѣмъ тепло, Вѣра Павловна въ перемѣны отправляла дѣтей во дворъ, гдѣ было маленькое пространство, огороженное рѣшеткой. Когда-то здѣсь былъ разбитъ палисадникъ, но теперь тутъ на зиму складывали дрова и они такъ плотно придавили землю, что та была не въ силахъ выпустить траву и только одно уцѣлѣвшее, но сильно искривленное деревцо съ какимъ то сверхъестественнымъ усиліемъ раскрывало свои чахлыя почки.

Сюда то и приходили дѣвочки играть въ мячикъ, въ кошки-мышки и рѣзвились, насколько это было возможно при тѣснотѣ палисадника. Обыкновенно уходили во дворъ маленькія и среднія, старшія предпочитали оставаться въ классѣ и рекреаціонной и проводили свободное время въ безконечныхъ разговорахъ о предстоящихъ экзаменахъ и дальнѣйшемъ устройствѣ послѣ окончанія курса въ городской школѣ.

— Уроковъ я страхъ сколько пропустила, пожалуй, провалюсь на экзаменѣ,—не разъ говорила, пристроившись гдѣ-нибудь съ работой у открытаго окна, Маня Николаева.

— Ну что же, еще годъ въ школѣ просидишь, только и всего,—утѣшала ее которая нибудь изъ дѣвочекъ.

— Сидѣть то не приходится. Мнѣ въ этомъ году кончать обязательно нужно, того и гляди года выйдутъ и дальше никуда не примутъ...—отвѣчала Николаева и лицо ея при этомъ разговорѣ принимало еще болѣе озабоченное выраженіе, чѣмъ обыкновенно.

Вопросъ о дальнѣйшемъ устройствѣ обыкновенно возбуждалъ вниманіе всѣхъ выпускныхъ. Стоило хоть кому-нибудь затронуть этотъ жгучій вопросъ, чтобы въ немъ приняли участіе всѣ старшія. Идти

послѣ окончанія курса въ мастерскія къ портнихамъ, пальтошницамъ и бѣлошвейкамъ никому не хотѣлось, всѣ мечтали о профессіональной или, въ крайнемъ случаѣ, о патріотической школѣ.

Профессіональная куда лучше, и учатъ тамъ хорошо, и права она даетъ большія, но плата за ученіе въ ней слишкомъ высока, тамъ въ годъ берутъ за дѣвочку 50 рублей и на собственный счетъ туда изъ городскихъ школъ поступаютъ рѣдко.

Брусенцева одно время была увѣрена, что поступитъ въ профессіональную школу, но какъ разъ къ концу учебнаго года ихъ семья начала приходить въ раастройство. Отецъ сталъ кашлять и сильно прихварывать. Когда заходилъ разговоръ о дальнѣйшемъ устройствѣ дочери, онъ въ отвѣтъ теперь только хмурился и старался отмалчиваться.

— Здоровъ буду, въ профессіональную пойдешь, а только прямо тебѣ говорю, надежды на это мало. У насъ въ типографіи только и держутся до перваго кашля, а какъ закашляютъ, этой работы долго не вытягиваютъ,—сказалъ онъ какъ то надняхъ дочери и съ той поры вмѣстѣ съ тревогой за отца въ ея сердце запалъ страхъ передъ будущимъ.

— Хорошо, если въ патріотическую удастся попасть,—думала дѣвочка,—ну, а если къ портнихѣ?..

И при этой мысли въ ея воображеніи вставали невеселыя, тяжелыя картины. «Пока до работы настоящей допустятъ, чего только вытерпѣть не придется», нерѣдко съ тоской раздумывала она.

У Брусенцевой мать была въ ученьѣ у портнихи. Привезли ее изъ деревни маленькую неграмотную и отдали по контракту въ мастерскую. Мать часто разсказывала дочери о томъ, что ей пришлось вытерпѣть за время ученья:

— Синяки на рукахъ не подживали, отъ всѣхъ попадало—и отъ хозяйки, и отъ мастерицъ... До сыта никогда не кормили, спать почти что на голомъ полу приходилось.

Тетка Брусенцевой тоже у бѣлошвейки въ ученьѣ была. Поступила грамотной, а за время ученья даже читать разучилась.

— До книжекъ ли, когда постоянно въ побѣгушкахъ,—разсказывала она. — Къ тому же еще у насъ хозяйка ученыхъ не особенно и любила, какъ увидитъ за книжкой, такъ такую трепку пропишетъ... Только разсѣянность одна отъ этого чтенія на человѣка нападаетъ,—говорила она.

Всѣ эти разсказы вспоминались Брусенцевой, когда заходила рѣчь объ устройствѣ послѣ окончанія курса. И отъ одной мысли, что она можетъ очутиться среди постоянныхъ окриковъ, пинковъ и брани,—сердце тихой и кроткой дѣвочки сжималось отъ страха.

— Ты куда послѣ школы думаешь поступить?—спросила она какъ-то Маню Николаеву.

*

— Не иначе какъ къ портнихѣ въ ученье идти придется,—уныло отвѣтила та. — Да и то наврядъ ли возьмутъ. Мама ужъ у многихъ хлопотала, да не соглашаются съ больной ногой брать: бѣгать вѣдь я совсѣмъ не могу...

— А меня въ патріотическую осенью опредѣлять будутъ. Мама говоритъ, что изъ послѣдняго платить будетъ, а къ портнихѣ ужъ ни за что не отдастъ,—вмѣшалась въ разговоръ Крылова.

— Да что плата! Двѣнадцать рублей деньги большія, а ихъ все какъ нибудь сколотить можно. Дѣло не въ платѣ, а въ фартукахъ,—съ пониманіемъ дѣла вставила подоспѣвшая Ильина.—У насъ на квартирѣ сапожникъ осенью дочку свою въ эту самую патріотическую опредѣлилъ, а теперь назадъ уже изъ-за фартуковъ взялъ?...

— Какъ такъ изъ-за фартуковъ?—удивляются дѣвочки.

— Очень просто. Тамъ черезъ день чистый фартукъ требуютъ. Мать стирала, стирала и бросила. Я, говоритъ, минуты не улучу, чтобы рубашку себѣ простирнуть, а тутъ надъ фартуками цѣлыми днями прохлаждайся... Да, ежели черезъ день по фартуку... — озабоченно говоритъ Тимофѣева.

— Да и на счетъ платьевъ тамъ тоже куда какъ строго, говорятъ,—прибавляетъ кто-то.

Крылова молчитъ. Голову она опустила такъ низко, что лица почти не видно. Перебирая руками оборочку холщевого фартука, она думаетъ о томъ, какъ трудно придется матери, когда она поступитъ въ патріотическую школу. Знаетъ она, что мать сдержитъ слово, будетъ тянуться изъ послѣднихъ силъ, но ей и безъ того приходится съ каждымъ годомъ все труднѣе. Прежде она никакой посторонней работы не брала, а теперь по стиркамъ ходить стала. У отца достатки прежніе, жалованья хватаетъ на одно пропитаніе и на ученье дѣтей прирабатываетъ уже мать. А здоровье за послѣднее время у нея совсѣмъ расшаталось, стали пухнуть ноги, дышетъ она тяжело и лицо какое-то желтое...

— Ты куда опредѣляться думаешь? — спрашиваетъ между тѣмъ Ильина тонкую, высокую дѣвочку, съ кроткимъ лицомъ и задумчивымъ взглядомъ.

Лашкова отвѣчаетъ не сразу. Говоритъ она всегда очень мало и дѣвочки съ любопытствомъ ждутъ ея отвѣта.

— Никуда я не хочу, — вся вспыхнувъ отвѣчаетъ она.—Мнѣ бы воля, я бы въ монашки пошла.—Дѣвочки изумленно переглядываются. Волкова фыркаетъ.

— Вотъ придумала-то!—насмѣшливо вырывается у нея.—Тоже монашка выискалась.

За Лашкову сейчасъ же вступается Ильина.—Не всѣмъ же за прилавкомъ стоять,—язвительно замѣчаетъ она.

Мирное настроеніе нарушено и дѣвочки парами или по одиночку разсыпаются по комнатамъ.

— Самое лучшее это въ гимназію поступить. Кончишь курсъ— дѣлай, что хочешь, всѣ дороги тебѣ открыты,—продолжаетъ Бронзова начатый разговоръ и, взявъ Брусенцеву подъ руку, направляется съ нею въ кухню.

У окна остаются Маня Николаева, Лашкова и Крылова.

Николаева продолжаетъ усердно шить, низко наклонивъ надъ шитьемъ голову.

Крылова смотритъ на сконфуженную Лашкову и, подойдя къ ней, ласково притрогивается къ ея рукѣ.

— Ты съ чего это въ монашки захотѣла?—спрашиваетъ она.

— Тихо и красиво тамъ очень, — отвѣчаетъ та, а по лѣстницѣ уже слышится все приближающійся топотъ ногъ, смѣхъ и веселые возгласы.

То возвращаются со двора къ уроку младшія. Разговоры затихаютъ, старшія усаживаются на мѣста. Въ виду предстоящихъ экзаменовъ онѣ занимаются особенно усердно.

Кончается урокъ и въ перемѣну опять тѣ же игры и бѣготня во дворѣ у маленькихъ, тѣ же тревожные разговоры о дальнѣйшемъ устройствѣ среди выпускныхъ.

Родители дѣвочекъ тоже, видимо, озабочены предстоящимъ окончаніемъ курса.

Къ Вѣрѣ Павловнѣ теперь чаще чѣмъ когда-либо заходили матери справляться объ ученьѣ и поведеніи своихъ дочерей.

— Вы бы построже, строгости съ ними больше необходимо,—съ деликатной осторожностью даютъ ей свои совѣты родители, а нѣкоторые выражаютъ свое неудовольствіе по поводу отсутствія въ школѣ всякихъ наказаній въ болѣе энергичной формѣ.

Вѣра Павловна терпѣливо и осторожно отстаиваетъ свою систему воспитанія. Она больше всего боится какъ бы не спугнуть возникающее къ ней довѣріе со стороны родителей какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ или лишнимъ словомъ.

Чахоточная Лебедева, у дочери которой не проходятъ синяки отъ ея постоянныхъ колотушекъ, не кажется ей болѣе такой отвратительной съ той поры, какъ она ближе познакомилась съ этой несчастной женщиной. И синяки какъ будто стали рѣже послѣ того, какъ Вѣра Павловна мягко и осторожно поговорила съ ней.

Одну изъ выпускныхъ мать взяла изъ школы до экзамена, несмотря на всѣ убѣжденія Вѣры Павловны.

— Къ пальтошницѣ мѣсто вышло, упустить боюсь,—упрямо повторяла она въ отвѣтъ на всѣ уговоры Вѣры Павловны оставить дочь продолжать ученье.

— Да вѣдь до экзаменовъ меньше мѣсяца осталось,—убѣждала Вѣра Павловна.—Послѣ экзамена вашей дочери аттестатъ бы выдали.

— И куда же, посудите вы сами, милая барышня, намъ бѣднымъ

людямъ этотъ аттестатъ?—тономъ не то укоризны, не то добродушной насмѣшки надъ наивностью самой учительницы, отвѣтила женщина.— Дальше учить дѣвочку у насъ средствъ нѣтъ, а въ мастерство не по аттестату, а по росту и здоровью берутъ. Какъ-то вотъ надняхъ я къ хозяйкѣ заходила. Такъ и такъ говорю, дѣвочка моя учена довольно хорошо, въ старшемъ отдѣленіи сидитъ. А та мнѣ въ отвѣтъ: «Ну это, матушка, намъ все единственно, у насъ ученыя и неученыя все съ той же наметки начинаютъ. А неученыя такъ даже лучше ученыхъ утюги грѣютъ»... Такъ вотъ оно что, милая барышня. Теперь-то она у васъ можетъ быть и экзаменъ выдержитъ, а осенью ее къ той же пальтошницѣ опредѣлять придется. Иначе, куда же дѣнешь?

Вѣрѣ Павловнѣ было жаль смышленую и способную дѣвочку, но настаивать дальше она не рѣшилась, такъ какъ въ словахъ матери было много правды и ничего опредѣленнаго она ей не могла обѣщать.

Весною взяли изъ школы и Люшу Александрову.

Отецъ ея получилъ повышеніе по службѣ и мать явилась къ учительницѣ съ просьбой вернуть бумаги дѣвочки.

Ученьемъ она была недовольна.

— Моя Люша у васъ настоящей деревенщиной сдѣлалась, даже книксены дѣлать разучилась. Теперь я ее въ пансіонъ опредѣляю,— заявила она.

Передъ самой Пасхой выписали изъ больницы Настю Савину.

За болѣзнь она сильно вытянулась и ея остриженная подъ гребенку голова съ изнуреннымъ болѣзнью лицомъ жалко раскачивалась на тоненькой шеѣ. Слаба она была до такой степени, что съ трудомъ взбиралась по лѣстницѣ.

О больницѣ она разсказывала много и съ видимымъ удовольствіемъ.

— И каждый день тамъ чай въ накладку и супъ съ котлетами, и у каждаго даже самаго маленькаго и то своя отдѣльная постель. Даже по двое никогда не кладутъ,—съ восторгомъ говорила она и Татьянѣ, и дѣвочкамъ, и самой Вѣрѣ Павловнѣ.

— Жаль, что ты рано изъ больницы выписалась. Слаба ты еще очень,—сказала дѣвочкѣ Вѣра Павловна.

— Я бы и осталась, да не оставляютъ,—съ грустью проговорила дѣвочка.—Тамъ по многу никого не держатъ, какъ получше становится, такъ сейчасъ и вонъ.

— Ну а животъ у тебя больше не болитъ?—продолжала распрашивать дѣвочку Вѣра Павловна.

— Какъ не болитъ? Болитъ,—видимо, изумляясь вопросу отвѣтила та.

О Настюшкѣ съ ея животомъ Вѣра Павловна рѣшила поговорить съ докторшей.

— Какъ, опять съ животомъ!—воскликнула Дарья Ивановна.

Настюшку она уже знала въ лицо и каждый разъ морщилась при ея приближеніи.

— Въ больницѣ не вылѣчили, такъ я что же могу подѣлать? Въ болѣзни этой Савиной самое главное режимъ, правильное питаніе...

И она для очистки совѣсти совала дѣвочкѣ какіе-то порошки.

— Въ этомъ году рѣшено нѣсколько дачныхъ колоній для дѣтей открыть,—сообщила она въ видѣ утѣшенія Вѣрѣ Павловнѣ.

— Такъ ужъ вы пожалуйста Савину туда опредѣлите,—обрадовалась Вѣра Павловна.—Да вотъ и Николаеву хорошо бы пристроить... Бойцову, Парѳенову, Зеленкову... скользя глазами по классу и, невольно останавливаясь на блѣдныхъ истощенныхъ лицахъ,—перебирала она.

— Довольно, довольно...—смѣясь остановила ее докторша.—Всю школу не мѣшало бы отправить на чистый воздухъ, а дѣло въ томъ, что болѣе двухъ или трехъ дѣвочекъ изъ одной школы взять нельзя. Вы на-дняхъ объ этомъ предписаніе получите.

И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней Вѣра Павловна получила извѣщеніе объ открытіи школьныхъ дачъ.

Въ виду малыхъ денежныхъ средствъ предлагалось отправить самыхъ бѣднѣйшихъ и въ концѣ всего прилагался списокъ вещей, съ которыми должны были явиться къ отправкѣ кандидатки.

Послѣ долгихъ колебаній Вѣра Павловна остановилась, наконецъ, на трехъ дѣвочкахъ. Болѣзненныхъ и бѣдныхъ было такъ много, что выборъ представился крайне затруднительнымъ.

Настя Савина была поставлена первой кандидаткой. Второй Вѣра Павловна поставила Бойцову, зеленую отъ сильнѣйшаго малокровія дѣвочку съ вѣчной течью изъ золотушныхъ ушей. Третьей по̀ списку значилась Мухина, со старообразнымъ лицомъ и дряблой старушечьей кожей.

— Вы должны взять съ собою въ мѣшокъ или ящикъ слѣдующія вещи,—говорила Вѣра Павловна кандидаткамъ на школьныя дачи, задержавъ ихъ какъ-то послѣ окончанія уроковъ.

И, заглядывая въ списокъ, она по очереди перечисляла всѣ выставленные тамъ предметы:

— Одѣяло, подушку, двѣ простыньки, двѣ наволочки, рубашекъ. сколько у кого есть... Платьевъ не менѣе двухъ, двѣ пары чулокъ, сапогъ двѣ пары...

Три кандидатки стояли передъ нею молча и слушали очень внимательно.

Настюшка даже кивала головой и загибала пальцы, чтобы вѣрнѣе сосчитать называемыя вещи. Но пальцевъ нехватило и она бросила.

На другой же день дѣвочки, записанныя на школьную дачу, явились съ отказомъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Почему же вы не хотите ѣхать?—удивилась она.

— Вещей ужъ больно много съ собой захватить нужно. Этакъ и дома ничего не останется,—заявила Бойцева.—Подушку тамъ требуютъ, одѣяло тоже...

— Да вѣдь тебѣ и дома подушка нужна, а одѣяло тоже, навѣрное, есть,—убѣждала Вѣра Павловна.

— Подушка точно что есть, только на ней папа спитъ, онъ ни за что своей подушки не отдастъ. А одѣяломъ мы всѣ однимъ покрываемся...

— А у насъ одѣяла и совсѣмъ нѣту... Мы кой чѣмъ,—вставила Настюшка.

Третью кандидатку пугали сапоги.

— Мы лѣтомъ и совсѣмъ безъ сапогъ бѣгаемъ, а тамъ еще крѣпкіе, да по двѣ пары привозить велятъ—угрюмо заявила она.

Вѣра Павловна не знала, что предпринять. Настюшку она рѣшила собрать на дачу собственными средствами, но для остальныхъ она положительно не знала, что придумать.

Черезъ нѣсколько дней Мухина ей сообщила, что она въ школу до осени ходить не будетъ и на дачу ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ, потому что мать отдала ее на лѣто въ няньки.

— Рубль въ мѣсяцъ обѣщались давать и сапоги купить хотятъ,—съ серьезнымъ выраженіемъ на своемъ старушечьемъ личикѣ разсказывало она Вѣрѣ Павловнѣ.

— Да кого же ты няньчить будешь?—удивилась та.

— Извѣстно ребенка,—даже обидѣлась дѣвочка.

— Не ходитъ онъ еще, въ колясочкѣ только сидитъ, такъ его по бульвару катать нужно.

Бортгаузенъ тоже перестала ходить въ школу.

— Теперь у нея въ Зоологическомъ саду занятія начались и аккуратно она не можетъ ходить въ школу,—смущенно объяснила учительницѣ мать дѣвочки.

Вѣра Павловна пришла въ ужасъ.

— Вы только подумайте, чему она тамъ научиться можетъ,—почти съ отчаяніемъ вырвалось у нея. И она пространно и горячо принялась разсказывать матери про тѣ ужасы, на которые можетъ натолкнуться ея дочка.

— И для здоровья это плохо, представленіе вѣдь ночью кончается. Ученье пострадаетъ и чего только не насмотрится ваша дочь въ этомъ вертепѣ,—говорила она женщинѣ, покорно слушавшей ее съ опущенной головой.

— Все это я и сама очень хорошо понимаю,—съ грустью отвѣтила ей Бортгаузенъ, и на ея лицѣ въ эту минуту яснѣе чѣмъ когда-либо проступило выраженіе унылой покорности.—Для дѣвочки это порча одна, а иначе никакъ нельзя. За зиму мы и обносились, и задолжали кругомъ. Только лѣтними заработками и держимся.

— Какъ же такъ? Вѣдь вашъ мужъ у меня по спискамъ портнымъ значится, а вы, если я не ошибаюсь, модистка.

Улыбка горечи и какого-то презрѣнья скривила блѣдныя тонкія

губы женщины. Теперь, когда Вѣра Павловна присмотрѣлась къ блѣдному лицу Борттаузенъ, оно поразило ее своей миловидной красотой. И на лицѣ и на фигурѣ женщины лежалъ отпечатокъ какой то мягкости, а сѣрые тревожные глаза были положительно красивы, только однѣ руки порожали своей огрубѣлостью, загрубѣлыя рабочія руки какъ то мало подходили къ пушистымъ бѣлокурымъ волосамъ и тонкимъ чертамъ лица.

— Точно что онъ портнымъ значится,—отвѣчая на вопросъ Вѣры Павловны, проговорила она.—Бѣда только въ томъ, что онъ отъ настоящей работы давно отвыкъ.

И замѣтивъ, что Вѣра Павловна ждетъ объясненія, видимо не понимая ея, продолжала все тѣмъ же тихимъ голосомъ и съ той же горькой улыбкой на лицѣ:

— Какъ онъ ученье кончилъ, ему выгодная работа представилась,— на актеровъ костюмы шить предложили. Ну, онъ понятно согласился, а потомъ, когда этой работы лишился, къ настоящей ужъ не способенъ сталъ. Вотъ и пришлось по садамъ служить...

— Ну а зимой вы чѣмъ же живете?

— Да такъ, кой-чѣмъ... уклончиво отозвалась женщина.—Вотъ на масляной онъ на балаганахъ лѣшаго представлялъ, а къ Пасхѣ куколъ арлекинами одѣвалъ.

— Ну а вамъ самимъ вѣрно дѣти мѣшаютъ работать?

— Нѣтъ, дѣти ничего, съ дѣтьми бы я справилась, а только мастерство то мое самое непригодное. За модой слѣдить нужно, а я отвыкла. Пробовала работу брать, такъ только непріятности однѣ выходятъ. Принесла мнѣ какъ то одна барыня шляпку передѣлать, а потомъ какъ за работой явилась, такъ закричала, что я и шляпки шить закаялась.

— Вы, говоритъ, никакой моды не понимаете, теперь банты назадъ сажаются, а вы мнѣ съ боку поставили. Въ ремесленную жаловаться грозилась...

Женщина замолчала и вся ея фигура въ эту минуту казалась необыкновенно удрученной и жалкой при свѣтѣ яркаго весенняго солнца, смотрѣвшаго въ кухонное окно, у котораго она стояла.

— Страшно вспомнить, какъ зиму то жили,—опять начала она и въ ея словахъ было столько муки и ужаса, что страхъ, о которомъ она говорила, невольно сообщался и Вѣрѣ Павловнѣ.

— Въ домѣ зачастую сухой корки не было. Мяса въ глаза не видѣли, на одной картошкѣ сидѣли. Молоко у меня пропало, маленькій съ голоду зачахъ, молока не на что было купить... Теперь двое младшихъ чуть ли не голые въ постелѣ сидятъ. Въ подвалѣ сыро, душно, на воздухѣ теперь хорошо, и ихъ выпустить не въ чѣмъ... А вотъ вы говорите, дочку въ садъ не пускать. Она за день 30 копѣекъ заработаетъ, да и отецъ, какъ вспомнитъ, что дѣвочка его дожидается, побоится до безчувствія пьянымъ напиться...

Вѣра Павловна молчала. Говорить ей было нечего. Всѣ ужасы, о которыхъ она такъ краснорѣчиво говорила, блѣднѣли передъ картиной этой подавляющей нищеты.

— Можетъ быть и все благополучно сойдетъ. Вы только скажите отцу, чтобы онъ построже присматривалъ за дѣвочкой... Это счастье, что отецъ съ нею...—торопливо и сбивчиво говорила она, охваченная желаніемъ успокоить хоть немного бѣдную мать.—Конечно, если дѣти безъ платьевъ и безъ сапогъ сидятъ...

— Вотъ изъ-за этого самаго я и посылаю,—видимо обрадовавшись, что ее наконецъ то поняли, проговорила женщина.

— А изрѣдка, когда ей время будетъ, ужъ вы позвольте ей въ школу хоть не надолго забѣгать, а то перезабудетъ все.

Вѣра Павловна позволила дѣвочкѣ заходить въ школу.

Бортгаузенъ явилась всего разъ и Вѣра Павловна раскаялась въ данномъ ею позволеніи.

Какое то странное настроеніе охватило дѣвочекъ. Бортгаузенъ видимо возбуждала большой интересъ, ее постоянно о чемъ то распрашивали и она охотно и много разсказывала.

— Карлика съ фонаремъ представляю,—доносилось до Вѣры Павловны.

— Неужели же за то, что ты съ фонарикомъ пробѣжишь, тебѣ 30 копѣекъ платятъ?—удивился кто то изъ дѣвочекъ.

Бортгаузенъ больше не являлась, но черезъ нѣсколько дней одна изъ ученицъ сообщила Вѣрѣ Павловнѣ, что двѣ маленькія поступили въ Зоологическій садъ.

— Въ обезьяны опредѣлились,—объяснила она.

Вѣра Павловна вызвала матерей.

Къ ней пришли двѣ женщины, видомъ напоминавшія загнанныхъ лошадей конно-желѣзной дороги.

Вѣра Павловна повторила имъ почти тоже, что говорила и Бортгаузенъ, но ни въ ея голосѣ, ни въ доводахъ не было прежней убѣдительности и говорила она больше для очистки совѣсти.

Женщины выслушали ее молча.

Непрестанная непосильная работа довела ихъ до состоянія близкаго къ полному отупѣнію. Онѣ даже не пытались и возражать Вѣрѣ Павловнѣ. Дѣвочки получили заработокъ и ко всему остальному онѣ были вполнѣ равнодушны.

— Дѣвчонка по 30 копѣекъ за вечеръ достаетъ и работа самая пустяшная, а я цѣлый день за 50 копѣекъ спину гнуть должна,—вырвалось наконецъ у одной.

Другая нѣсколько разъ вяло и апатично заговаривала о томъ, что нужно Бога благодарить, если дѣвочка на сапоги заработаетъ.

Потомъ уже отъ Татьяны Вѣра Павловна узнала, что многіе родители ходили съ дѣтьми, чтобы опредѣлить ихъ въ Зоологическій садъ, но вакансій уже не было и имъ отказали.

Наконецъ наступилъ день, котораго дѣвочки ожидали со страхомъ а Вѣра Павловна съ волненіемъ,—день выпускного экзамена.

Въ этотъ день Вѣра Павловна проснулась раньше обыкновеннаго. Она открыла глаза, но тотчасъ же зажмурилась, ослѣпленная непріятнымъ рѣжущимъ свѣтомъ солнца, ударявшаго въ ярко-желтую стѣну, которая почти заслоняла окно въ ея спальнѣ.

Тревожныя мысли о предстоящемъ днѣ разогнали послѣднюю дре моту, она быстро вскочила и стала одѣваться, чтобы быть готовой къ приходу дѣвочекъ, но это ей не удалось.

Волненіе передъ экзаменомъ подняло ихъ съ постелей раньше обыкновеннаго и онѣ стали собираться въ школу гораздо раньше назначеннаго срока.

Чисто вымытыя, старательно причесанныя и принаряженныя во все лучшее, онѣ всѣ до одной имѣли поразительно жалкій растерянный видъ.

— Въ часовню, сейчасъ забѣгала, свѣчку поставила... шепчетъ Брусенцевой еще болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, Крылова.

— А я вчера къ Спасителю съ мамой ходила,—шепотомъ же сообщаетъ ей Брусенцева.—Отецъ опять нездоровъ сдѣлался, такъ мы молебенъ служили.

- А я къ Спасителю такъ и не попала,—съ сожалѣніемъ говоритъ Крылова.—Одну мама не пустила, а самой ей идти никакъ нельзя, на ноги она совсѣмъ слаба стала. Къ вечеру какъ наработается, такъ онѣ у ней до колѣнъ и отнимутся.

— Что же, къ доктору ходили?—участливо спрашиваетъ Брусенцева.

— Водили, да только докторъ сказалъ, что лекарства въ такой болѣзни мало помогаютъ. Квартиру посуше найти велѣлъ й въ прачешной работать совсѣмъ запретилъ. А квартира у насъ казенная, да и безъ работы никакъ невозможно...

Крылова умолкаетъ и сидитъ нѣсколько времени молча, опустивъ голову, удрученную недѣтскими заботами.

Приходитъ Николаева.

Наскоро поздоровавшись съ подругами, она усаживается вдали отъ нихъ на задней скамейкѣ у окна.

Вытащивъ изъ пестраго ситцеваго платка истрепанный задачникъ, она принимается его перелистывать, мысленно провѣряя свои знанія.

— Вотъ этого не знаю... Да и это тоже путаю... Ну, а если задачу на пароходы зададутъ, и совсѣмъ пропаду,—мелькаетъ въ ея головѣ и отъ этихъ тревожныхъ мыслей лицо ея принимаетъ почти страдальческое выраженіе.

По разбору она тоже слаба, да и вообще она изъ-за своей болѣзни пропустила такъ много уроковъ, что курса почти не знаетъ.

Не знаетъ курса и Ильина.

Дома ей заниматься положительно негдѣ. Уголъ у нихъ темныйи

весь заставленъ кроватью. Пробовала она на постели заниматься, но никакого толку изъ этого не вышло, только глаза разболѣлись больше обыкновеннаго.

— Миленькія, я здѣсь одной задачки сосчитать не могу,—кричитъ, показываясь въ дверяхъ Волкова.—Вчера цѣлый вечеръ надъ нею пробилась...

Дѣвочки окружаютъ Волкову.

Она вынимаетъ задачникъ и быстро-быстро перелистываетъ его, чтобы отыскать трудную задачу, но какъ разъ въ эту минуту въ классъ входитъ Лашкова съ громаднымъ букетомъ сирени.

— Цвѣты! Да какъ пахнутъ! Дай понюхать! Одну вѣточку, миленькая, подари!—раздается вокругъ Лашковой.

Но та ревниво оберегаетъ букетъ. Она принесла его для Вѣры Павловны и несогласна отдавать ни одного цвѣточка.

Волкова, оставшись одна съ задачникомъ, нѣкоторое время находится въ нерѣшимости, но потомъ быстро захлопываетъ книжку и бросается ко всѣмъ.

— Дай счастья поискать,—говоритъ она.

— Милая, пожалуйста!—подзываютъ дѣвочки.

Лашкова опускаетъ букетъ и дѣвочки, тѣсня и давя другъ друга, съ опасливой осторожностью тянутся къ свѣжимъ душистымъ цвѣтамъ.

— Нашла, нашла!—кричитъ Волкова и въ своемъ увлеченіи, забывая всякую осторожность, протягиваетъ руку къ букету, чтобы захватить счастье, но Лашкова, ловко увернувшись, бѣжитъ на встрѣчу входящей Вѣрѣ Павловнѣ.

— Что съ тобой, Бронзова?—спрашиваетъ она поздоровавшись съ дѣтьми и невольно останавливаясь на блѣдномъ растроенномъ лицѣ дѣвочки.—Экзамена боишься?

Бронзова въ отвѣтъ только жалко рыдаетъ. Съ большимъ трудомъ изъ сбивчивыхъ отрывистыхъ фразъ Вѣрѣ Павловнѣ удается понять, что къ Васенькѣ взяли француженку съ мальчикомъ и крестная отправила дѣвочку къ матери.

— Въ гимназію теперь ни за что не попасть,—всхлипывая повторяла она.

Время было идти въ Думу и дѣвочки, наскоро одѣвшись и напутствуемыя добрыми пожеланіями Татьяны, въ сопровожденіи Вѣры Павловны отправились на экзаменъ. На улицѣ свѣтило яркое весеннее солнце. Небо было совсѣмъ синѣе и въ воздухѣ еще свѣжемъ и не запыленномъ въ этотъ утренній часъ чувствовался запахъ зелени, только что распустившейся во дворахъ и садахъ, скрытыхъ за высокими наружными стѣнами каменныхъ домовъ.

Дѣвочки, уставленныя парами, торопливо сѣменили по тротуару, за ними спѣшила и Вѣра Павловна.

Маня Николаева обогнала всѣхъ на извощикѣ. Съ больной ногой она идти пѣшкомъ была не въ состояніи.

Она долго кивала подругамъ, тѣ отвѣчали ей поклонами и улыбками. Но вотъ она скрылась за поворотомъ улицы и тревожное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго и страшнаго опять захватило дѣвочекъ.

Около самой Думы изъ боковыхъ улицъ стали показываться тоже уставленные въ пары дѣвочки въ сопровожденіи учительницъ.

И какъ маленькіе ручейки впадаютъ въ большую рѣку, такъ всѣ эти отдѣльныя школы исчезали за массивной тяжелой дверью зданія Думы.

Въ передней уставленной вѣшалками было мрачно и холодно. Свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ маленькія запыленныя окна и въ этой полутьмѣ копошились раздѣваясь дѣтскія фигурки съ испуганными и растерянными лицами.

— Сюда, сюда! Всѣ платки вмѣстѣ давайте,—какимъ-то неистовымъ голосомъ выкрикивала одна изъ учительницъ.

— А у меня шляпка! Шляпку куда?—съ отчаяніемъ на лицѣ спрашивала дѣвочки съ огромной кружевной шляпой въ рукахъ.

Но о шляпѣ въ этой дѣтской толпѣ заботиться было положительно некогда. Шляпа очутилась въ рукахъ учительницы и исчезла куда-то безслѣдно къ немалому горю ея обладательницы.

— Изомнутъ, совсѣмъ изомнутъ!—прошептала она сосѣдкѣ, но та не слушала ея, поглощенная заботой о томъ, куда бы пристроить свой новый зонтикъ. Дома оставлять не хотѣлось, а здѣсь того и гляди изомнутъ.

Кое-какъ пристроивши верхнее платье, Вѣра Павловна вывела своихъ дѣвочекъ на лѣстницу. Здѣсь уже стояло нѣсколько школъ. Дѣвочки, измятыя въ тѣснотѣ передней, оправляли свои накрахмаленныя юбки, обдергивали фартуки, приглаживали растрепавшіеся волосы. Учительницы суетливо перебѣгали отъ одной группы къ другой и по обыкновенію страшно волновались.

Вѣра Павловна поднялась со своими дѣвочками на верхъ.

Въ громадной залитой солнечнымъ свѣтомъ залѣ стояли маленькіе столики съ группой стульевъ передъ каждымъ изъ нихъ.

Число столиковъ соотвѣтствовало количеству экзаменующихся школъ. За столомъ усаживались экзаменующіе, на стульяхъ помѣщались дѣти.

Вѣра Павловна отыскала свой столикъ и, размѣстивъ дѣвочекъ, присѣла около нихъ, стараясь ободрить окончательно перетрусившихъ дѣтей.

Дѣвочки сидѣли молча и неподвижно на своихъ стульяхъ, притихшія и совершенно подавленныя величіемъ окружающей обстановки. Кругомъ суетились и волновались учительницы. Вѣра Павловна видѣла возбужденныя, взволнованныя лица. Учительницы волновались не меньше, чѣмъ ихъ ученицы.

Ближайшая по столику сосѣдка Вѣры Павловны худенькая, бѣлокурая дѣвушка, съ большими растерянными глазами, даже перекрестилась украдкой, предварительно закрывшись раскрытымъ журналомъ...

Нѣкоторые столы были еще не заняты и въ залу прибывали все новыя школы. Сдержанный гулъ, съ которымъ онѣ приближались къ дверямъ, мгновенно затихалъ, едва только дѣвочки входили въ залу.

Среди пестроты платьевъ выдѣлялись двѣ группы выпускныхъ,—одна была вся розовая, а другая голубая.

Шумя накрахмаленными юбками розовыя и голубыя дѣвицы прослѣдовали къ своимъ столикамъ, сопровождаемыя одобрительными замѣчаніями дѣтей и взрослыхъ.

Затѣмъ явились экзаменаторы. Въ залѣ стало еще тише. Дѣти пропѣли молитву и экзаменъ начался.

Школу Вѣры Павловны экзаменовалъ попечитель, попавшій въ экзаменаторы въ первый разъ въ жизни.

Онъ былъ крупнымъ мяснымъ торговцемъ и слылъ за очень добраго человѣка, но непривычная роль была ему видимо очень тягостна и сильно смущала его.

Въ залѣ съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе душно. Экзаменаторъ былъ человѣкъ тучный и безпрестанно отиралъ носовымъ платкомъ вспотѣвшее лицо.

Проэкзаменовавъ двухъ дѣвочекъ, онъ изнемогъ окончательно и предложилъ Вѣрѣ Павловнѣ продолжать самой повѣрку знаній.

Экзаменъ сошелъ довольно гладко.

Дѣвочки бойко отвѣчали на привычные вопросы, а экзаменаторъ въ знакъ одобренія такъ усердно кивалъ головой, что чуть не заснулъ подъ конецъ.

Къ двѣнадцати часамъ съ дѣвочками покончили. Дѣтей отправили въ сосѣднюю залу завтракать. Для экзаменаторовъ и для учительницъ въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ тоже былъ накрытъ завтракъ. Залъ быстро опустѣлъ. Послѣ двѣнадцати должны были явиться на экзаменъ мальчики, и сторожа стали поспѣшно убирать и освѣжать его.

Ѣсть Вѣрѣ Павловнѣ совсѣмъ не хотѣлось, да и у стола съ закусками образовалась такая толпа, что пробраться туда не было почти никакой возможности.

Заручившись стаканомъ чая, Вѣра Павловна отошла къ окну.

— И я къ вамъ, здравствуйте!—услышала она за собой чей-то голосъ и, обернувшись, увидѣла пробиравшуюся къ ней Марью Михайловну.

— У васъ здѣсь просторно,—улыбаясь привѣтливой улыбкой, говорила она. И говоря это, она поставила на окошко тарелку съ кулебякой.

— Ну какъ сошелъ экзаменъ?—спросила она Вѣру Павловну, съ аппетитомъ принимаясь за ѣду.

— Ничего благополучно,—отвѣтила Вѣра Павловна.

— А кто экзаменовалъ?

— Брусовъ.

— А, знаю,— засмѣялась Марья Михайловна и по обыкновенію показала всѣ свои зубы.—Ничего не понимаетъ, а милый, очень милый. Ну а мнѣ достался Куликовъ. Тоже вродѣ Брусова ничего не понимаетъ, но придирается страшно. Устныя задачи гдѣ-то невозможныя выискалъ, записалъ ихъ на бумажку и задаетъ ихъ съ важнымъ видомъ...

— А вы бы у Ильина поэкзаменовались, — вмѣшалась въ разговоръ одна изъ близко-стоявшихъ къ нимъ учительницъ.

Все лицо говорившей было покрыто красными пятнами, а голосъ все еще дрожалъ отъ только что пережитаго волненія.

— Ну, какъ же можно Ильина съ Куликовымъ и Брусовымъ сравнивать?—укоризненно остановила ее Марья Михайловна.—Ильинъ человѣкъ знающій. На его экзаменѣ и сама всегда чему-нибудь да научишься. Отъ такого экзаменатора и замѣчаніе не обидно выслушать!

— Правда, вы совершенно правы,—поддержали Марью Михайловну и другія учительницы, съ видимымъ интересомъ прислушивавшіяся къ разговору.

— Вся бѣда въ томъ, что оцѣнка рѣдко производится знающими людьми. Насъ учительницъ не берутъ безъ высшаго образованія, а съ попечителей только имущественный цензъ спрашиваютъ. Вы только скажите мнѣ, гдѣ здѣсь справедливость?—разгорячилась пожилая учительница въ очкахъ.

Вѣра Павловна рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы выяснить вопросъ по поводу школьныхъ дѣлъ.

— Самыя бѣдныя ученицы не въ силахъ выполнить условій, необходимыхъ для зачисленія кандидаткой на школьную дачу, ни у одной изъ нихъ нѣтъ вещей, нужныхъ для отправки. Придется имъ въ городѣ оставаться...

— Что вы? Что вы?—замахала на нее руками Марья Михайловна.— Да развѣ это возможно! Радоваться нужно, что дачи наконецъ устроены. Мы деньги собираемъ, чтобы лишнихъ кандидатокъ пристроить, а вы оставлять придумали...

— Да, но если нѣтъ необходимыхъ вещей, что же дѣлать?—сконфуженно спрашивала Вѣра Павловна.

— А вы у знакомыхъ попросите, — добродушно посовѣтовала ей одна изъ учительницъ.

— Да, конечно, это всего лучше. Я троимъ такимъ образомъ по цѣлому приданому собрала,—сказала бѣлокурая учительница. Между тѣмъ толпа у стола стала по немногу рѣдѣть. Законоучители и попечители возвращались въ залу, чтобы снова начать экзаменовать. Учительницы заторопились собирать дѣвочекъ, чтобы увести ихъ домой.

Вѣра Павловна розыскала своихъ ученицъ и, съ трудомъ добравшись въ передней до верхняго платья, вышла съ дѣтьми на улицу.

Экзаменъ сошелъ благополучно, все непріятное, что тревожило и

волновало, осталось позади. Радостное ликующее настроеніе охватываетъ дѣвочекъ.

— Завра же пойду записаться въ патріотическую,—съ облегченіемъ говоритъ Крылова.

— И я тоже. И я! А я въ профессіональную! — раздается среди дѣвочекъ.

— Вѣра Павловна, а намъ можно вмѣстѣ съ маленькими на прогулки ходить?—спрашиваютъ дорогой дѣвочки.

— Конечно, можно, непремѣнно пойдемъ всѣ вмѣстѣ,—ласково улыбаясь веселымъ возбужденнымъ лицомъ, отвѣчаетъ Вѣра Павловна.

— Въ Ботаническій садъ пойдемъ, въ Зоологическій, на острова поѣдемъ,—пересчитываетъ она.

— Да, непремѣнно въ Ботаническій, тамъ дорожка такая есть, вся изъ сиреневыхъ кустовъ... — захлебываясь отъ восхищенія говоритъ Ильина.

— Ну нѣтъ, въ Зоологическомъ куда лучше, тамъ слоны въ барабаны бьютъ, обезьяны представляютъ... — почти кричитъ Волкова. И всѣ дѣвочки сбившись въ тѣсный кружокъ обступаютъ Вѣру Павловну.

— Тише вы,—смѣясь успокаиваетъ ихъ Вѣра Павловна.—Забыли, что на улицѣ кромѣ васъ народу много.

И они идутъ все дальше и дальше, и въ ушахъ прохожихъ долго еще звучатъ ихъ звонкіе радостные голоса и веселый смѣхъ.

— Мнѣ сюда свернуть нужно, — говоритъ вдругъ останавливаясь Крылова и указываетъ рукой на узкій переулокъ.

— Прощай. До завтра, — говоритъ Вѣра Павловна. — Завтра къ десяти часамъ приходи, куда нибудь погулять пойдемъ.

Одна за другой дѣвочки расходятся по переулкамъ и исчезаютъ въ воротахъ громадныхъ каменныхъ домовъ.

Послѣднею остается Бронзова.

— Скажи матери, чтобы зашла ко мнѣ,—говоритъ ей на прощанье Вѣра Павловна. — Я хочу съ ней поговорить о томъ, куда бы тебя пристроить осенью.

И какъ разъ въ эту минуту изъ за угла показываетя мать дѣвочки.

— Ну что? Какъ сошелъ экзаменъ? Выдержала ли?—съ волненіемъ спрашиваетъ она у дочери.

— Выдержала и хорошо выдержала,—отвѣчаетъ за дѣвочку Вѣра Павловна.

Мать припадаетъ къ дочери и долго молча цѣлуетъ ее.

— Ну слава Богу, слава Богу!—повторяетъ она, съ трудомъ подавляя волненіе, и не спуская тревожныхъ молящихъ глазъ съ Вѣры Павловны, прибавляетъ дрожащимъ голосомъ:—А ужъ васъ я, милая барышня, Христомъ Богомъ просить буду: не бросайте вы дѣвочку, помогите ей человѣкомъ сдѣлаться.

Вѣра Павловна обѣщаетъ сдѣлать все возможное, чтобы пристроить

дѣвочку. Въ эту минуту она почти увѣрена, что не только Бронзова, но и Николаева, и Брусенцова, и Крылова, и всѣ выпускныя будутъ устроены самымъ прекраснымъ образомъ. Ей кажется, что для каждой изъ нихъ найдется казенная вакансія. Было бы слишкомъ несправедливо отдавать этихъ дѣвочекъ, которыя такъ хотятъ учится, по мастерскимъ, въ которыхъ уничтожится все, что дала имъ школа.

Мать и дочь шли успокоенными, а Вѣра Павловна продолжала путь, съ нахлынувшими тревожными мыслями о томъ, что казенныхъ вакансій всегда не хватаетъ, и надолю ея школы врядъ ли достанется больше одной. Дома ее встрѣтила Татьяна.

— Ну слава Богу, вотъ хорошо то!—обрадовалась она, узнавъ, что экзаменъ сошелъ благополучно.—Страху то не мало тоже натерпѣлись сердечныя...—проговорила она съ ласковой улыбкой.

— А я вамъ самоварчикъ поставила. Устали вѣдь вы съ ними тоже...

И она раскачивающейся торопливой походкой направилась въ кухню.

Вѣра Павловна въ ожиданіи самовара прошла въ пріемную, но тамъ было слишкомъ душно и тѣсно, и ее потянуло въ просторный классъ.

Тамъ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалась замершая на время жизнь. Отъ оконъ тянулись косые столбы пыли, пронизанные лучами солнца. Въ душномъ воздухѣ слышался запахъ сирени отъ букета, принесеннаго утромъ Лашковой.

Вѣра Павловна распахнула окно и долго стояла, всматриваясь въ знакомую до мельчайшихъ подробностей картину.

Голубое небо надъ глубокимъ колодцемъ двора, золотой крестъ надъ невидимымъ за строеніями куполомъ, и безконечные ряды бурыхъ крышъ, съ торчащими надъ ними трубами,—все это было знакомо ей до послѣдней черточки и, не смотря на свое убожество, стало мило ей, какъ что то близкое, родное...

Учебный годъ конченъ. Еще нѣсколько разъ передъ лѣтними каникулами къ ней будутъ собираться дѣти и она со всей шумной толпой будетъ уходить куда нибудь подальше отъ сѣрыхъ скучныхъ домовъ, бурыхъ крышъ и пыльныхъ тротуаровъ, куда-нибудь, гдѣ много простора, зелени и цвѣтовъ. А потомъ она уѣдетъ изъ города на цѣлое лѣто въ тихій, тихій уголъ, чтобы тамъ отдохнуть и набраться силъ для зимней работы.

Какъ хорошо будетъ послѣ отдыха вернуться въ школу и съ новыми силами встрѣтить собравшихся дѣтей, и какой радостью наполнится ея собственная жизнь, если ей хоть сколько нибудь удастся подойти къ той большой цѣли, о которой такъ ясно и просто сказала ей Бронзова:

«Помогите ей сдѣлаться человѣкомъ».

Н. Манасеина.

Конецъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЬДИНА.

Спокойная бездна лазури
Раскрыла безбрежный просторъ
И въ морѣ, не помнящемъ бури,
Купаетъ свой синій шатеръ.
И въ морѣ, гдѣ дремлетъ пучина,
Не зная ни края, ни дна,
Высокая, синяя льдина
Блуждаетъ уныло одна.
Отдавшись на волю теченью,
Изъ царства морозовъ и вьюгъ,
Покорна слѣпому влеченью,
Плыветъ она тихо на югъ.
Ей солнце смѣется привѣтомъ,
И щедрое шлетъ ей тепло,
И яркимъ ликующимъ свѣтомъ
Цѣлуетъ нѣмое чело.
У ногъ ея волны, какъ дѣти,
Сплетаютъ игриво струи,
И стелютъ прозрачныя сѣти,
И ласки несутъ ей свои.
Но грани достигнувъ хрустальной,
Сіянье привѣтнаго дня
Даетъ ей лишь отблескъ печальный,
Лишенный живого огня.
И волнамъ, бѣгущимъ проворно
Встрѣчать ея медленный путь,
Она подставляетъ покорно
Холодную твердую грудь.
Ей трудно отдаться ихъ ласкѣ,
Но лаской отвѣтить труднѣй.
Весна сотворила, какъ въ сказкѣ,
Нежданное чудо надъ ней:
Предъ солнца улыбкой побѣдной
Спадаютъ оковы зимы,
Какъ съ узницы жалкой и блѣдной
Разбитыя цѣпи тюрьмы.

Изъ льдистаго сердца наружу
Ожившая рвется струя,
Какъ будто проспавшая стужу,
Воскресшая къ жизни змѣя.
И рвется наружу, и злится,
Въ неволѣ ей удержу нѣтъ.
Настойчиво хочетъ излиться,
Слезами излиться на свѣтъ.
Холодное сердце безсильно
Прервать ихъ поспѣшный исходъ,
И льются тѣ слезы обильно
На лоно сіяющихъ водъ.
И льются тѣ слезы, и блещутъ,
Мелькаютъ, какъ дождь голубой.
А волны такъ радостно плещутъ,
И дружной рѣзвятся гурьбой.
А волны ихъ ловятъ играя,
И весело брызжутъ въ отвѣтъ,
И вьются, безпечно ныряя
Заплаканной льдинѣ во слѣдъ.

---

* * *

Гроза пролетала надъ чащей лѣсной
При громѣ безчисленныхъ трубъ,
И вдругъ поразила громовой стрѣлой
Столѣтній, развѣсистый дубъ.
И, молча склоняя вершину свою,
Зеленый упалъ великанъ,
Какъ воинъ, сраженный въ кровавомъ бою
И павшій подъ тяжестью ранъ.
Но жизни остатокъ, покинувши стволъ,
Упрямо въ корняхъ уцѣлѣлъ,
И, скрывшись въ холодную землю, нашелъ
Защиту отъ вражескихъ стрѣлъ.
И, скоро согрѣтъ поцѣлуями дня,
Упившись росою небесъ,
Побѣгъ зеленѣя поднялся изъ пня,—
Поверженный воинъ воскресъ.
Но отпрыскъ зеленый хирѣлъ и не росъ,
Остался и тонокъ, и слабъ,
И гнулся предъ каждою прихотью грозъ,
Какъ робкій трепещущій рабъ.

Танъ.

Къ характеристикѣ экономическихъ и бытовыхъ условій жизни безработныхъ.

(«Standart of life» на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ *).

Наиболѣе характернымъ выраженіемъ нашего вѣка является современный промышленный городъ. Необычайное развитіе индустріи въ полной силѣ сказалось въ концентраціи производства и капитала въ торгово-промышленныхъ городахъ, обратившихся въ обширные фабрики, мастерскія и склады. Всасывая для обработки сырые продукты страны, города естественно привлекали и привлекаютъ къ себѣ, какъ необходимую рабочую силу, и сельскія массы. Въ связи съ увеличеніемъ численности фабричнаго класса, усиливается притокъ рабочихъ рукъ въ такихъ сферахъ труда, какъ транспортъ, домашнее услуженіе и разные городскіе промыслы. Все это обусловливало и обусловливаетъ быстрый ростъ городского населенія. Въ текущемъ столѣтіи число жителей Москвы увеличилось болѣе чѣмъ на 200%. Вліяніе указаннаго процесса на жизнь городскихъ классовъ, въ общихъ чертахъ, уже установлено соціологіей. Касаясь этого вопроса со стороны интересующей насъ темы, должно констатировать слѣдующее.

---

*) Настоящая статья составлена на основаніи матеріала, собраннаго въ 1898 г. по выработанной авторомъ программѣ, членами коммиссіи при санитарной группѣ М. О. И. Р. Техн. Общ. и сотрудниками городского попечительства о бѣдныхъ. Многія интимныя стороны жизни на Хитровомъ рынкѣ подробно выяснены гг. X. и Z., которымъ пришлось нѣсколько лѣтъ прожить въ трущобахъ Хитрова рынка. Въ печати былъ использованъ собственно статистическій матеріалъ, собранный коммиссіей по оздоровленію Хитрова рынка, главнымъ образомъ, о населеніи Хитрова рынка и санитарныхъ условіяхъ его жизни (см. «Рус. Вѣд.», «Рус. Бог.» и легкія замѣтки въ газетахъ, если не считать брошюрки А. Г. Петровскаго, написанной по личнымъ впечатлѣніямъ и во многихъ чертахъ грѣшащей противъ истины). Экономическія же и бытовыя условія жизни на Хитровомъ рынкѣ не были до сего времени изображены сколько-нибудь обстоятельно; между тѣмъ, несомнѣнно, только при этомъ могла бы быть правильно освѣщена удручающая картина Хитровки. Съ этой цѣлью и предлагается настоящая статья, написанная на основаніи только что обработаннаго *фактическаго* матеріала, накопившагося у меня, какъ у секретаря коммиссіи при санитарной группѣ М. О. И. Р. Техн. Общ. и при городскомъ попечительствѣ 2-го и 3-го уч. Мясницкой части, съ самаго начала работъ по оздоровленію Хитровки. *Авторъ.*

На ряду съ повышеніемъ уровня жизненныхъ потребностей (existenzminimum'а) значительной части городского населенія, замѣчается дифференціація трудящихся массъ, выдѣлившихъ изъ себя, съ одной стороны, кадры такъ называемыхъ «обученныхъ» (skilled) рабочихъ, относительно хорошо оплачиваемыхъ, а съ другой,—новые слои пролетаріата, въ которыхъ послѣднее мѣсто занимаетъ опустившійся до низшей степени человѣческаго существованія обездоленный людъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ lumpenproletariat'а. Причины такого расчлененія общественныхъ группъ, несомнѣнно, кроются въ соціальныхъ условіяхъ, созданныхъ концентраціей индустріи, капитала и труда. На началахъ свободной конкуренціи это развитіе совершилось такъ быстро и анархически неудержимо, что за нимъ, понятно, не могла поспѣть политика, направленная къ упорядоченію темныхъ сторонъ городской жизни и тяжелыхъ условій труда. Въ результатѣ получились разные дефекты городской жизни, присущіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скорѣе городскимъ условіямъ, чѣмъ индустріи. Особенно рельефно это представляется на квартирномъ вопросѣ большихъ городовъ.

Въ зависимости отъ ускореннаго роста городовъ и развитія городской жизни поднимается стоимость земли, и владѣніе ею становится удѣломъ немногихъ собственниковъ. Всего скорѣе насыщаются центры городовъ, гдѣ эксплоатируется каждая пядь земли, преимущественно въ торгово-промышленныхъ цѣляхъ, и дороговизна земли и помѣщеній достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. За переполненіемъ центровъ усиленно идетъ заселеніе срединнаго пояса и окраинъ, и такимъ образомъ, дальнѣйшее насыщеніе городскихъ кварталовъ совершается въ направленіи центробѣжномъ. Но растущая скученность населенія обгоняетъ процессъ децентрализаціи въ жилищахъ, тѣсно связанный съ развитіемъ городскихъ путей сообщенія, и въ результатѣ получается перенаселеніе и квартирный кризисъ. Возрастаніе квартирныхъ цѣнъ и страшное переполненіе жилищъ малообезпеченныхъ классовъ — типичныя особенности нашего времени. Въ Москвѣ живетъ до 200 тысячъ коечно-каморочнаго и ночлежнаго населенія, вынужденнаго тѣсниться всѣмъ семействомъ въ одной каморкѣ или же снимать отдѣльные углы и даже неотдѣленныя мѣста для спанья въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ лицами разнаго пола и возраста, пьяными, порочными, больными и т. п. Бѣднѣйшей части населенія приходится переполнять даже подвалы, чердаки, трущобы и др. нездоровыя помѣщенія, подобныя притонамъ Хитрова рынка, которые скорѣе можно назвать берлогами, нежели культурными жилищами XIX вѣка. Вредное вліяніе этого рода жилищъ самымъ гибельнымъ образомъ отражается на всей жизни ихъ многочисленныхъ обитателей. Не менѣе разрушительно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ работа въ нездоровыхъ и опасныхъ для жизни производствахъ, въ ночное время или же при чрезмѣрно продолжительномъ рабочемъ днѣ.

Безработица — другой страшный врагъ здороваго физическаго существованія. При неурегулированномъ положеніи многихъ городскихъ отраслей труда безработица составляетъ хроническое явленіе. Въ Москвѣ на Хитровомъ рынкѣ поденщики и чернорабочіе имѣютъ работу лишь 2—3 раза въ недѣлю и влачатъ жалкое существованіе. Борьба съ безработицей крайне затруднительна тамъ, гдѣ есть постоянный притокъ на заработки пришлаго сельскаго люда, гдѣ условія найма не упорядочены и стихійно царитъ свободная конкуренція рабочихъ рукъ на почвѣ пониженія цѣнъ. Положеніе безработныхъ становится безвыходнымъ, если имъ не приходится пользоваться взаимопомощью.

Таковы главнѣйшія изъ золъ современнаго промышленнаго города, являющіяся помѣхой для здороваго физическаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для умственнаго развитія и нравственности населенія. Вліяніе этихъ золъ на тѣ или иные городскіе классы, при разныхъ условіяхъ, конечно, не одинаковое. Худшее положеніе труда наблюдается въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя отстали въ своемъ технико-индустріанальномъ развитіи или же находятся внѣ всякой охраны рабочаго законодательства. Въ Москвѣ наибольшій процентъ инвалидовъ труда, оказавшихся при изслѣдованіи Хитрова рынка, падаетъ на ремесленныя профессіи и прислугу. Среди лицъ, обращавшихся за помощью въ московскія городскія попечительства о бѣдныхъ въ 1895—1896 гг., первое мѣсто принадлежитъ ремесленникамъ (38,2%), между тѣмъ какъ фабричные даютъ лишь 7,4%. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что «фабриканты и заводчики обязываются уже и теперь самимъ закономъ къ разнаго рода мѣропріятіямъ въ пользу рабочихъ, отъ каковыхъ обязательствъ ремесленники пока совершенно свободны» *). Благодаря этому, въ разныхъ слояхъ населенія неравномѣрно происходитъ осѣданіе элементовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на своемъ жизненномъ поприщѣ. При этомъ, во многихъ случаяхъ, рѣшающее значеніе имѣетъ личная неприспособленность человѣка или же затягивающее вліяніе окружающей среды. Въ Москвѣ пришлые на заработки крестьяне, останавливающіеся, за отсутствіемъ подходящихъ помѣщеній, на Хитровомъ рынкѣ, volens-nolens приходятъ въ соприкосновеніе съ испорченными коренными обитателями ночлежныхъ квартиръ, подвергаясь съ ихъ стороны деморализующему воздѣйствію.

Такъ или иначе, на почвѣ вышеуказанныхъ жизненныхъ условій, съ ужасающей быстротой идетъ въ Москвѣ ростъ lumpenproletariat'а, избравшаго Хитровъ рынокъ своего рода традиціоннымъ убѣжищемъ. Тамъ, гдѣ не такъ давно стояли барскіе дома, находимъ нынѣ цѣлый кварталъ съ 10-ти тысячнымъ ночлежнымъ населеніемъ, ведущимъ своеобразную жизнь. Значительное большинство этого населенія влачитъ жалкое существованіе, съ его роковыми послѣдствіями въ видѣ громаднаго процента заразной заболѣваемости, смертности и преступности.

*) «Вѣстникъ Благотворительности», 1897 г., № 4.

I.

Внѣшній видъ Хитрова рынка и его трущобъ.—Что такое Хитровъ рынокъ?—Хитровская площадь и балаганъ.—Толпа и ея представители.—Ночлежные дома.—Составъ населенія платныхъ и безплатныхъ ночлежныхъ домовъ.—Численность населенія Хитрова рынка и переполненіе ночлежныхъ квартиръ.—Пришлый сельскій людъ и коренные обитатели Хитровки. — Профессіональный составъ постояннаго ночлежнаго населенія.—Питейныя и другія торговыя заведенія.—Ночлежныя квартиры и ихъ обстановка.

Хитровъ рынокъ представляетъ главное убѣжище для бездомнаго и неимущаго городского люда и центральный рынокъ найма поденьщиковъ и чернорабочихъ *). Это густо-населенный городской кварталъ. расположенный почти въ самомъ центрѣ столицы, недалеко отъ Кремля (въ разстояніи 10—15 мин. ходьбы отъ Варварскихъ воротъ), въ мѣстности 3 участка мясницкой части, между Солянкой и Покровскимъ бульваромъ **). Собственно Хитровымъ рынкомъ называется находящаяся на небольшомъ косогорѣ довольно обширная площадь, окруженная ночлежными домами, кабаками, водогрѣйнями и др. торговыми заведеніями. Въ сѣверной части площади помѣщается громадный желѣзный навѣсъ, или такъ называемый «балаганъ» ***). Назначеніе балагана—служить убѣжищемъ отъ дождя для рабочаго люда, пребывающаго въ теченіе дня на площади рынка. На самомъ дѣлѣ балаганъ, прежде всего, является мѣстомъ для прогулокъ хитровскихъ «прынцессъ» ****). Подъ балаганомъ расположилась партія подбойщиковъ. производящихъ здѣсь свои несложныя работы. Тутъ-же пріютился и цирюльникъ, занимающій цѣлую отдѣльную скамью, гдѣ онъ стрижетъ и брѣетъ желающихъ. Подъ кровлей того-же балагана сидятъ нѣсколько торговокъ и торговцевъ, продающихъ въ розницу табакъ, спички, иголки, кисеты и т. п. мелочь. Тамъ и сямъ ютятся и хитровскіе игроки-шуллера съ картами, «ремешкомъ», «счастливчикомъ» и прочими

*) Другіе рынки труда въ Москвѣ имѣютъ спеціальное или-же чисто мѣстное назначеніе. Весною на Каланчевской улицѣ (въ трактирахъ, на постоялыхъ дворахъ и на улицѣ) происходитъ наемъ плотниковъ. На Нѣмецкомъ и Смоленскомъ рынкахъ, Сухаревой площади, близъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ нанимаются поденщики и чернорабочіе. Прислуга нанимается, главнымъ образомъ, чрезъ посредство частныхъ рекомендательныхъ конторъ. Подъ Иверской стоятъ писаря и уличные адвокаты. Слѣдуетъ также упомянуть о Драчевкѣ, какъ своего рода рынкѣ найма.

**) Среди богатыхъ кварталовъ столицы.

***) Этотъ, извѣстный въ литературѣ, «балаганъ» обошелся городу почти въ 30.000 рублей (см. отчетъ Московской городской управы о движеніи суммъ за 1897 г., стр. 394). Прошлымъ лѣтомъ, въ періодъ напряженной чистки, окраски и вообще подновленія столичныхъ зданій, и хитровскій балаганъ подвергся кардинальной переокраскѣ прочными свинцовыми бѣлилами.

****) Мѣстное прозвище падшихъ женщинъ.

азартными играми и часто шмыгають между ними ничѣмъ незанятые мѣстные «альфонсы». Вся эта разношерстная толпа шумно и оживленно ведетъ свои дѣла и дѣлишки, находясь все время подъ недремлющимъ окомъ представителей низшей полицейской власти—городовыхъ и сторожей. За право гулянья, работы, игръ и торговли подъ балаганомъ хитровцамъ приходится отплачиваться контрибуціей въ видѣ пятаковъ и гривенниковъ.

По воскресеньямъ и въ дни усиленнаго наплыва народа все пространство площади бываетъ занято толпой. По костюму, фигурѣ и физіономіи нетрудно разыскать здѣсь представителей главныхъ профессій. Возможно даже разузнать, иногда, и родъ ремесла по типичной личности работника. Такъ, можно опредѣлить сапожника и не смѣшать его съ портнымъ. Всклокоченная и нѣсколько наклоненная впередъ голова, темноватый цвѣтъ лица, приподнятыя плечи и общее выраженіе физіономіи укажутъ сапожника. Если при этомъ обратите вниманіе на фартукъ съ нагрудникомъ, на ширину руки, особенно развитой въ мякоти третьяго сустава большого пальца, и на дрянные опорки на ногахъ, то можетъ быть увѣрены, что это—«бачмарь». Также вы найдете прислугу. По платью яркаго цвѣта, бѣлому фартуку безъ нагрудника, красной съ зелеными, желтыми или черными полосами въ клѣтку шали на плечахъ, по плотно сжатымъ губамъ, по сложеннымъ на животѣ рукамъ и яркому полушалку на головѣ — узнаете кухарку; тогда какъ свѣтленькое платье, фартукъ съ нагрудникомъ и вычурнымъ бантомъ назади, не покрытая голова, выпяченная впередъ грудь и плутоватое выраженіе глазъ—укажутъ горничную. Сѣрая фигура въ сермягѣ или овчинномъ полушубкѣ, съ шапкой на головѣ въ большихъ валяныхъ сапогахъ, нерѣдко, даже въ теплую погоду или же въ деревенскихъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, изъ которой выглядываетъ какой-нибудь инструментъ, все это съ положительной ясностью говоритъ вамъ, что предъ вами представитель пришлаго сельскаго люда. А если предъ вами предстанетъ жалкій субъектъ въ истрепанномъ, съ болтающимися клочьями, платьѣ, съ скомканной, неопредѣленнаго цвѣта, фуражкой и въ худыхъ калошахъ или опоркахъ. а иногда и прямо босой, то вы не можете сомнѣваться, что имѣете дѣло съ типичнымъ «хитровцемъ», однимъ изъ коренныхъ обитателей рынка. Встрѣченный вами «стрѣлокъ» *) непремѣнно попроситъ на ночлегъ, и вы можете быть увѣрены,—взглянувъ на дырявый костюмъ, не защищающій его отъ холода и непогоды, на городской балаганъ, открытый для вѣтра и стужи, и на великое множество кабаковъ низшаго и высшаго разбора,—что получившій вашу лепту стрѣлокъ поспѣшитъ грѣться въ сосѣдній кабакъ.

Къ вечеру Хитровская площадь мало-по-малу пустѣетъ, и населеніе ея спѣшитъ заполнить мѣстные ночлежные дома.

*) Профессіональный нищій.

Всѣхъ ночлежныхъ домовъ на Хитровомъ рынкѣ пять: Кулакова, Румянцева, Бунина и Ярошенко съ 174 платными ночлежными квартирами и безплатный домъ имени бр. Ляпиныхъ. Въ четырехъ первыхъ домахъ, кромѣ ночлежныхъ квартиръ, помѣщаются также трактиры, винныя и пивныя лавки, харчевни, водогрѣйни и другіе торговыя заведенія.

Ночлежное населеніе платныхъ и безплатнаго домовъ рѣзко отличается по своему составу. Въ домѣ бр. Ляпиныхъ обитаютъ почти исключительно профессіональные нищіе; рабочій же людъ тамъ не ночуетъ. Пришлые крестьяне располагаются, главнымъ образомъ, въ ночлежныхъ домахъ Румянцева и Бунина. Въ домѣ Ярошенко живутъ поденщики, торговцы, захудалая интеллигенція, воры и проститутки. Домъ Кулакова населенъ людьми всѣхъ профессій: тутъ и поденщики, и ремесленники, и воры, и проститутки. Численность всего ночлежнаго населенія въ зимнее время простирается до 10.000 человѣкъ. Между тѣмъ, максимумъ ночлежнаго населенія, установленный полиціей для платныхъ ночлежныхъ квартиръ, составляетъ около 3.400; въ Ляпинскомъ домѣ комплектъ ночлежниковъ опредѣленъ въ 786 человѣкъ. Переполненіе ночлежныхъ домовъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ весною, послѣ Пасхи, когда на Хитровъ рынокъ прибываетъ нѣсколько тысячъ пришлаго сельскаго люда. Въ эту пору пріѣзжаютъ для найма на разныя работы рабочіе изъ Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Владимірской и др. губерній. Почти всѣ они идутъ на Хитровку только для временнаго ночлега, пока не разберутъ ихъ на работы подрядчики и разные предприниматели.

Пришлые рабочіе держатся особнякомъ—своими артелями. Тѣ, которымъ не удалось наняться на работы, возвращаются на родину. Иногда случается, что пришлый крестьянинъ запутается, пропьется и, совѣстясь вернуться домой съ пустыми руками, остается зимовать и пополняетъ, такимъ образомъ, ряды хитровцевъ, дѣлаясь нищимъ, мусорщикомъ или, въ лучшемъ случаѣ, поденщикомъ.

Коренное населеніе Хитровки составляетъ мѣстный, столичный пролетаріатъ. Одни изъ настоящихъ его представителей появились здѣсь вслѣдствіе различныхъ жизненныхъ неудачъ и несчастій, потери заработка, а также слабости характера, отсутствія воли и т. п. причинъ другіе основались тутъ добровольно, вслѣдствіе какой-то фатальной любви въ хитровской жизни; есть между ними лица, которыя выросли и воспитались на Хитровомъ рынкѣ. По своему составу коренное населеніе Хитровки чрезвычайно разнообразно: почти всѣ профессіи, начиная съ лицъ интеллигентнаго труда и духовнаго сана и кончая простыми чернорабочими, дали своихъ представителей, но преобладающій контингентъ составляютъ бывшіе отхожіе промышленники и чернорабочіе, ремесленники, прислуга, приказчики и мелкіе торговцы. Большей части

этого населенія приходится теперь заниматься черными поденными работами или же вести праздный образъ жизни. Нѣкоторая часть занимается на Хитровомъ рынкѣ разными ремеслами, мелкою торговлею и барышничествомъ и перепискою театральныхъ пьесъ. Остальные занимаются преступными промыслами: нищенствомъ, воровствомъ и т. п. Всѣ эти элементы находятся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ: днемъ они сталкиваются на площади или на работѣ, вечеромъ вмѣстѣ проводятъ время въ ночлежной средѣ и сообща наполняютъ кабаки и трактиры.

Познакомимся теперь съ обстановкою мѣстныхъ питейныхъ и другихъ торговыхъ заведеній, а затѣмъ проникнемъ въ ночлежныя трущобы Хитрова рынка.

Всѣхъ торговыхъ заведеній на Хитровкѣ 35: 4 трактира, 6 ренсковыхъ погребовъ, 4 пивныхъ лавки, 6 овощныхъ, 5 съѣстныхъ лавокъ, 8 водогрѣенъ и 2 булочныхъ.

Трактиры содержатся: въ домѣ Кулакова самимъ домовладѣльцемъ, въ домѣ Румянцева Ѳаддѣевымъ и Некрасовымъ и въ домѣ Корзинкина—Зиновьевымъ. Характерныя ихъ черты слѣдующія.

Въ Кулаковскомъ трактирѣ засѣдаютъ и пьянствуютъ хитровскіе воры, мошенники и погибшія созданія; сюда-же, какъ въ ближайшій трактиръ, приходятъ иногда пить чай плотники, устроившіе свою биржу на стрѣлкѣ переулковъ Свиньинскаго и Подколокольнаго, противъ дома Кулакова.

Въ трактирѣ Некрасова пребываютъ по большей части свободные поденщики, и торговля сравнительно тихая.

Въ трактирѣ Ѳаддѣева идетъ самая бойкая торговля, едва ли не лучше, чѣмъ у Кулакова. Два зала этого трактира почти постоянно заняты хитровскими барышниками, публика-же размѣщается только на рѣдкихъ свободныхъ столикахъ, а когда мѣстъ нѣтъ, занимаетъ двѣ слѣдующія маленькія залы. Барышники располагаются здѣсь со всѣмъ своимъ товаромъ: бѣльемъ, всевозможнымъ платьемъ и обувью. Это—настоящій Толкучій рынокъ, только въ меньшемъ масштабѣ. Сюда являются продавцы, отдаютъ барышникамъ части своего костюма и получаютъ въ замѣнъ «смѣнки» и немного денегъ въ придачу. Сюда идутъ и покупатели, выбираютъ нужное, примѣриваютъ, торгуются и купленную вещь надѣваютъ. За всякой мѣной и куплей-продажей слѣдуютъ приличные «литки» и могарычи.

Трактиръ Зиновьева (или, по здѣшнему, Гуревича)—сборище «стрѣлковъ», ночующихъ въ безплатномъ домѣ Ляпиныхъ. Сюда они являются прямо «со стрѣльбы» и пропиваютъ всю свою добычу. Главной приманкой Гуревича служитъ то, что здѣсь можно пить водку по той же цѣнѣ, какъ и въ ренсковыхъ погребахъ, *) но съ большими удоб-

*) т. е. по 15 коп. за сороковку, тогда какъ въ другихъ трактирахъ за нее берутъ 20 коп.

ствами, чѣмъ въ послѣднихъ: здѣсь и закуску даютъ, и сидѣть разрѣшается цѣлый день, что особенно важно зимой, когда до впуска въ Ляпинку дѣваться некуда; кромѣ того, здѣсь можно пить свой чай, чего въ другихъ трактирахъ не допускается. Кромѣ трехъ залъ, отведенныхъ для стрѣлковъ, въ трактирѣ Гуревича есть еще, «дворянская» зала, гдѣ собираются загулявшіе содержатели ночлежныхъ притоновъ, воры и игроки. Игроки—шулера имѣютъ свой *постоянный пріютъ въ билліардной*, гдѣ и играютъ еще въ карты, орлянку, «подъ ручку», «четъ—нечетъ» и проч.

Такимъ образомъ, хитровскіе трактирщики какъ-бы подѣлили между собой Хитровку и бойко торгуютъ, не конкурируя другъ съ другомъ, такъ какъ у каждаго есть свой спеціальный пропойца: у одного воръ, у другого—поденщикъ, у третьяго—барышникъ, у четвертаго—стрѣлокъ и игрокъ *).

Ренсковые погреба находятся въ домахъ Кулакова (2), Румянцева, Бунина, Ярошенко и Рябикина. Торговля въ нихъ производится съ 5 час. утра до 12 ч. ночи, въ будни и праздники; торгуютъ распивочно и на выносъ. Распивочная торговля въ раздробительной формѣ практикуется здѣсь въ безграничныхъ предѣлахъ: можно пить, стоя у буфета, и на 5 коп., и на 3 коп., и на всякую другую монету. О томъ, какова торговля въ ренсковыхъ погребахъ, можно судить по тому, что сами кабатчики говорятъ: нѣтъ въ Москвѣ торговли лучше, чѣмъ на Хитровкѣ.

Пивныя лавки помѣщаются въ домахъ Кулакова, Румянцева, Бунина и Рябикина. Торговля въ этихъ заведеніяхъ идетъ не особенно бойкая и поддерживается только тѣмъ, что кабатчики допускаютъ здѣсь распивать и водку. До пива хитроване не большіе охотники, и для приманки гостей приходится допускать въ пивныхъ пѣсенниковъ, гармонистовъ, а главнымъ образомъ, игры «подъ ручку» и въ карты.

Колоніальныя или овощныя лавки находятся въ домахъ Румянцева (2), Кулакова, Бунина, Ярошенко и Рябикина. Въ названныхъ лавкахъ можно найти все, что только требуется для хитровца; это въ нѣкоторомъ родѣ маленькіе универсальные магазины. Здѣсь продаются чай и сахаръ, конфекты, варенье ягоды, фрукты, соленья, жареная рыба и колбаса, мясо вареное и жареное, ветчина, свинина, масло, овощи, молоко прѣсное и кислое, мука, крупа, булочный и кондитерскій товаръ, а также лапти, веревки, молотки, кирки, гвозди, посуда, игольный, галантерейный и частью мануфактурный товаръ, канцелярскія принадлежности и пр.; но перлами такихъ кундсткамеръ

*) Образцомъ наживы трактирщиковъ можетъ служить Кулаковъ, бывшій буфетчикъ въ хитровскомъ трактирѣ «Каторга», а нынѣ домовладѣлецъ и собственникъ этого трактира, который онъ перевелъ къ себѣ, переименовавъ въ «Ново-Хитровскій». Его бывшій буфетчикъ Гусевъ состоитъ теперь управляющимъ его домомъ, гдѣ и содержитъ самъ 2 ренсковыхъ погреба и водогрѣйни.

служатъ: пресловутая «бульонка», которую полиціи и врачамъ до сихъ поръ не удается изгнать съ Хитровки, колбасные и ветчинные обрѣзки, крошки сыра, тухлыя «королевскія» сельди, загнившія сардинки и пр.

Съѣстныя лавки или харчевни имѣются: въ домѣ Румянцева—2 и въ домахъ Бунина, Ярошенко и Рябикина по 1. Все, исходящее изъ изъ этихъ лавокъ: щи, супъ, каша, картофель, мясо, рыба и пр., приготовляются изъ продуктовъ самаго низшаго качества, а продается по высокой цѣнѣ; напр., фунтъ вареннаго мяса изъ щековины (по здѣшнему «мурловины») 12—13 коп., фунтъ вареной свинины 20 коп. судачья голова отъ 5 до 7 коп., фунтъ сомовины 20 коп. Главный доходъ нѣкоторыхъ харчевенъ, напр., Зиновьева, получается отъ заздравныхъ и поминальныхъ обѣдовъ.

Всѣхъ водогрѣенъ на Хитровкѣ 8: въ д. Ярошенко 3, въ д. Румянцева 2 и въ дд. Кулакова, Бунина и Рябикина по 1. Спеціальное назначеніе водогрѣенъ—продавать кипятокъ для чая, но въ нихъ допускается и варка пищи. Кромѣ того, въ водогрѣйняхъ, расположенныхъ въ домахъ Бунина и Рябикина пьютъ чай на мѣстѣ *); въ этихъ заведеніяхъ до сихъ поръ не имѣется сколько-нибудь удовлетворительной обстановки: столиковъ, скатертей, подносовъ и фаянсовыхъ чайниковъ, и чай (прессованный) заваривается въ желѣзномъ чайникѣ. Упомянутыя водогрѣйни торгуютъ еще вареньмъ картофелемъ, продавая 4 некрупныхъ картофелины за 1 коп. Помимо этого, въ водогрѣйняхъ можно получать табачныя издѣлія и спички. Самая бойкая торговля производится въ водогрѣйняхъ «Царской» и у «Мосѣича».

Булочныя находятся въ домахъ Румянцева и Рябикина, но въ нихъ можно покупать лишь черствый хлѣбъ, за то имѣются ветчинные и колбасные обрѣзки, жареная колбаса, рыба и проч. Торговля въ этихъ заведеніяхъ невидная.

Вся торговля на Хитровомъ рынкѣ копѣечная. Копѣйка—это хитровскій рубль. За копѣйку можно купить любой изъ продуктовъ: отрѣжутъ кусокъ лимона или апельсина, дадутъ нѣсколько ягодъ загнившаго винограда, отпустятъ копчушку, салакушку, сардинку, кусокъ колбасы, сыра, ветчины, бульонки, масла, муки, чаю, сахару... Эта копѣечная торговля много прибыльнѣе иной оптовой: ¼ фун. прессованнаго чаю въ 35 коп. вгоняется въ 64 коп., а фунтъ плохого фамильнаго въ 90 коп.—почти въ 2 р. 50 к.; фунтъ сахару въ 56 кусковъ вгоняется въ 19 коп.; самыя плохія конфекты—25 коп.; колбаса, ветчина, сыръ, стоющіе недороже 10 коп. за фунтъ, при копѣечной продажѣ вгоняются въ 40—45 коп.; такіе продукты, какъ мука, крупа, горохъ, масло, продаются на копѣйку (въ фунтѣ) дороже, чѣмъ въ остальныхъ лавкахъ города. При всемъ томъ, весь товаръ на Хит-

*) Эти заведенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ переименованы въ чайныя лавки.

ровкѣ низшаго качества, или послѣ выборки, или изъ отбросовъ, часто встрѣчаются посторонпія примѣси. Обмѣръ и обвѣсъ практикуется самый безсовѣстный *).

Обратимся теперь къ ночлежнымъ квартирамъ, расположеннымъ въ 4-хъ платныхъ ночлежныхъ домахъ. Всѣ онѣ снимаются по очень высокой цѣнѣ мелкими арендаторами (съемщиками), получающими разрѣшеніе отъ полиціи. Изданныя для арендаторовъ полицейскія правила о содержаніи ночлежныхъ квартиръ de-facto совершенно игнорируются: переполняются квартиры до крайней степени, мужчины и женщины не раздѣлены и спятъ вмѣстѣ, многіе ночлежники остаются въ квартирахъ и днемъ. Санитарное состояніе ночлежныхъ помѣщеній самое отвратительное. Благодаря значительной скученности, ночлежникамъ приходится спать и на нарахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и подъ нарами, и даже посрединѣ комнаты на грязномъ полу. Воздухъ ночью страшно спертъ и наполненъ всяческими испареніями человѣческаго тѣла, сырости на полу и на стѣнахъ, отъ мокрыхъ портянокъ, валенокъ и одежды, и запахомъ водки и махорки. Вентиляціи никакой. Протапливаются квартиры рѣдко, не болѣе 2—3 разъ въ недѣлю, и сырость развивается ужасная: съ оконъ течетъ, на стѣнахъ растутъ грибки плѣсени. Чистка и мытье наръ и половъ производится рѣдко, и на полу почти постоянно замѣчается грязь и слѣды сырости, заносимые на ногахъ ночлежниковъ. Кучи тряпья, рваныхъ одѣялъ и истрепанныхъ мочальныхъ матрасовъ, служащія постелями для осѣдлой части ночлежниковъ, дополняютъ непріятное впечатлѣніе, оставляемое внѣшней обстановкой ночлежныхъ квартиръ.

Условія жизни въ такого рода жилищахъ въ гигіеническомъ отношеніи самыя невозможныя и, несмотря на всѣ принимавшіяся санитарныя мѣры, мало измѣнились къ лучшему.

II.

Внутренняя жизнь обитателей Хитрова рынка.—Ночлегъ и его неудобства.—Ночлежная среда.—Пьянство и условія его развитія—Торговля виномъ въ кабакахъ и ночлежныхъ квартирахъ.—Отравленіе алкоголемъ.—Развратъ.—Положеніе женщины.—Причины разложенія честнаго люда.—Осѣданіе на Хитровкѣ безмѣстныхъ.—Вліяніе безработицы и отвращеніе къ труду.—Засасывающее вліяніе Хитровки.—Хитрованцы-добровольцы.—Гости на Хитровкѣ.—Пища хитровцевъ: благотворительные обѣды и домашняя пища.

Не сладка жизнь рабочаго на ночлегѣ. Усталый, часто промокшій и продрогшій, является онъ въ ночлежную квартиру. Печь здѣсь въ холодное время зачастую бываетъ не топлена, и квартира обогрѣвается

*) Насколько прибыльна подобная грошовая торговля, можно судить по тому, что одинъ изъ лавочниковъ, Ивановъ, торговавшій прежде пышками, а потомъ квасомъ и хлѣбомъ, теперь имѣетъ на Хитровкѣ двѣ лавки, купилъ на родинѣ имѣніе и выстроилъ каменный домъ.

дыханіемъ ночлежниковъ. Просушивать платье и портянки приходится на собственномъ тѣлѣ. Отсюда—испаренія и смрадъ, не позволяющіе свободно дышать. Тѣснота на нарахъ страшная, и многіе вынуждены спать подъ нарами, гдѣ, хотя и холоднѣе, но нѣсколько просторнѣе. Отъ множества людей воздухъ наполняется клубами паровъ и становится крайне удушливымъ. Лампы едва горятъ и тускло освѣщаютъ едва прикрытыя лохмотьями тѣла ночлежниковъ. Изъ разныхъ угловъ раздаются то крики, то брань, то плачъ дѣтей; всюду слышится шумный бредъ пьяныхъ и больныхъ, не прерывающійся всю ночь. Особенно безпокойно тамъ, гдѣ живутъ воры: эти господа днемъ спятъ, а ночью бушуютъ. Заснуть въ такой обстановкѣ трезвому человѣку невозможно. Только въ пьяномъ видѣ, когда притупляется всякое сознаніе и силы окончательно падаютъ, можно проспать всю ночь. Но куда дѣваться бездомному? Волей-неволей онъ вынужденъ согласиться на всякую обстановку, лишь-бы не оставаться въ стужу на открытой площади. Къ несчастью, не разъ констатировались случаи, когда страшно переполненныя квартиры не могли вмѣстить всѣхъ пришедшихъ на ночлегъ, и десятки людей въ холодную пору оставались ночевать на улицѣ.

Безработный, явившійся на ночлегъ, вступаетъ въ специфическую ночлежную среду и неизбѣжно поддается ея пагубному воздѣйствію. Предъ нимъ—всѣ соблазны и пороки. Позади его осталось скорбное прошлое, а впереди—полная необезпеченность существованія. Между тѣмъ, пьяная и развращенная толпа, среди которой онъ находится, завлекающимъ образомъ дѣйствуетъ на него. Человѣкъ съ ослабленной волей необходимо втягивается въ жизнь этой толпы и легко подпадаетъ подъ вліяніе преступныхъ элементовъ, которые тутъ же опаиваютъ и эксплуатируютъ свою жертву. Пьяный онъ мало сознаетъ окружающую среду, а проспавшись, стремится опять къ вину.

Пьянство на Хитровомъ рынкѣ повальное, заразительное, развившееся до крайнихъ размѣровъ. Пьютъ всѣ: и взрослые, и старики, и дѣти; пьютъ во всякое время дня и ночи и при всякой обстановкѣ, и на волѣ, и на ночлегѣ. Пьянство, буквально, царитъ на Хитровкѣ, и для безграничнаго развитія его существуютъ самыя благопріятныя условія. Съ одной стороны рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, вызывающихъ тяготѣніе къ водкѣ, какъ-то: безвыходное положеніе и желаніе забыться, упадокъ силъ физическихъ и психическихъ, окружающая среда, отсутствіе теплой одежды и дневного пристанища... Съ другой—имѣются самыя разнообразныя средства къ полнѣйшему удовлетворенію этой потребности. Кабаки—на каждомъ шагу. Торговля виномъ ведется и въ самыхъ ночлежныхъ квартирахъ. Всѣ эти кабатчики и съемщики квартиръ главные виновники безшабашнаго пьянства на Хитровкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ городѣ нельзя найти такихъ удобствъ пить вино, какъ здѣсь: нигдѣ нельзя сидѣть цѣлый день за одной сороковкой и нигдѣ нельзя пить на 3, 4, 5 копѣекъ. Обыкно-

венно, хитровецъ, являясь въ ренсковой погребъ съ цѣлью выпивки, провозглашаетъ: «кто втроемъ? я одинъ», или «кто пополамъ?» Это значитъ, что онъ желаетъ выпить третью или вторую часть сороковки, и ему нужны компаньоны, чтобы получить вино въ запечатанной посудѣ. Если компаньоновъ не окажется, онъ подходитъ къ буфету и предъявляетъ требованіе налить ему «третинку» или «половинку», для чего употребляется посуда въ формѣ жестяныхъ кружекъ съ размѣрами «третинки» и «половинки». Услужливый виночерпій не откажетъ налить на 3, 4, 5 копѣекъ. Пить изъ запечатанной посуды предпочитаютъ потому, что въ незапечатанную, для раздробительной продажи, кабатчикъ наливаетъ иногда «сливки» *). Эти «сливки» составляютъ процентъ на процентъ барышей кабатчика. Въ ночлежныхъ притонахъ также идетъ бойкая торговля водкой, приносимой съемщиками изъ ренсковыхъ погребовъ въ четвертныхъ бутыляхъ втайнѣ отъ зрящихъ сторожей и городовыхъ. Чтобы быть на хорошемъ счету у съемщика, надо пропивать у него весь свой заработокъ: съемщикъ выручитъ въ критическій моментъ, под-часъ приметъ краденое и окажетъ большій кредитъ (пропойцѣ — отъ 5 коп. до 1 р. и болѣе, непьяницѣ же—не болѣе 20 коп.). Разсчитывая продать какъ можно больше вина, съемщики всячески поощряютъ разгулъ, ночныя оргіи и игры. Водка, которой торгуютъ съемщики, всегда бываетъ разбавлена водой, сдобрена махоркой, известью, сѣрной кислотой и т. п., что страшно подрываетъ силы и здоровье ночлежниковъ. Отравленный алкоголемъ пропойца постоянно стремится къ вину и изобрѣтаетъ всевозможные способы добыть денегъ: нищенствуетъ, продаетъ части своего костюма и, въ концѣ концовъ, остается раздѣтымъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ то же самое происходитъ съ поденщиками, мастеровыми и торговцами: извѣстное время они работаютъ, но какъ только успѣютъ скопить нѣкоторую сумму, тотчасъ же стремятся всѣ деньги пропить и гуляютъ нѣсколько дней, спуская и одежду, и обувь, и все, что имѣютъ.

На столь благопріятной почвѣ развратъ достигаетъ полнаго развитія. Самыя безобразныя сцены происходятъ открыто на глазахъ у всѣхъ, и невольными свидѣтелями ихъ являются дѣти Но, по истинѣ, ужасно положеніе пришлой женщины: она беззащитна и ничѣмъ не застрахована отъ насилія. Сожительство принимаетъ самыя отвратительныя формы...

---

*) По пріобрѣтеніи запечатанной сороковки хитровцы выходятъ за дверь къ особо отведенному мѣсту, гдѣ сидитъ «оттыкало» со штопоромъ и кружкою для питья. На должность «оттыкалы» поступаютъ самые отчаянные пропойцы; вотъ они то и собираютъ остатки недопитой водки изъ бутылокъ и кружекъ, а также и порожнюю посуду. Когда этихъ остатковъ, «сливокъ», накопится до полубутылки, «оттыкало» относитъ ихъ въ ренсковой, получая взамѣнъ запечатанную посудину или же деньги. Это—вознагражденіе «оттыкалы» за его трудъ, это—его жалованье.

На Хитровкѣ всѣ вообще предпочитаютъ жить «парами». Дѣло сводится къ простому экономическому разсчету: если самъ не добылъ ничего на дневное пропитаніе, то «баба» добудетъ; если вмѣстѣ заработали кое-что,—значитъ, можно будетъ и попьянствовать. Хитроване не любятъ, чтобы баба ѣла хлѣбъ даромъ, все равно, будь то жена или любовница. Женщину посылаютъ на работу, и она должна добывать деньги или работой, или торговлей собственнымъ тѣломъ. Въ противномъ случаѣ, любовникъ или мужъ прибѣгаетъ къ побоямъ, и женщинѣ сильно достается, тѣмъ болѣе, что на Хитровкѣ придерживаются обычая не вступаться за женщину, и бьютъ ее здѣсь нещадно.

Не трудно понять причины разложенія честнаго люда въ хитровской средѣ. Кромѣ всякихъ соблазновъ, которые онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, у него есть масса враговъ, заинтересованныхъ въ его погибели. Воры, мазурики, карманники, шуллера и разные эксплоататоры неминуемо стремятся опутать и раздѣть новичка, крадутъ у него паспортъ, деньги, инструменты, одежду. Тогда уйти изъ ночлежки ему нельзя и приходится нищенствовать или даже воровать.

Осѣданіе на Хитровкѣ безработныхъ идетъ и своимъ чередомъ. Въ большинствѣ случаевъ, оставшіеся безъ мѣста приказчикъ, служащій, писецъ и др. приходятъ на Хитровъ рынокъ въ крайности, испробовавъ всѣ способы пристроиться чрезъ своихъ знакомыхъ и товарищей, когда уже прожиты всѣ деньги, вещи заложены или распроданы, и ничего не остается, кромѣ плохой одежды. На бѣду, у неопытнаго новичка украдутъ паспортъ. Въ плохомъ костюмѣ и безъ паспорта честному человѣку первое время бываетъ стыдно глаза показать не только знакомымъ, но и вообще въ городѣ. Проходитъ нѣсколько времени. Путемъ горькаго опыта безмѣстный убѣждается, что для того, чтобы идти искать мѣсто, необходимо имѣть и приличный костюмъ, и и паспортъ съ больничной контромаркой (при томъ, гдѣ-либо прописанный) *), и рекомендацію. Всего этого у него нѣтъ; не находится и на Хитровкѣ подходящей работы, и вотъ приходится взяться за поденщину.

Въ четыре часа утра поденщику надо выходить на площадь и зорко смотрѣть, не появится ли съ какой-нибудь стороны наниматель. Когда таковой подойдетъ, его тотчасъ окружаетъ цѣлая толпа жаждущихъ работы. Въ это время человѣкъ думаетъ только объ одномъ: какъ бы попасть на работу и напрягаетъ къ тому всѣ свои усилія. Наконецъ, на работу попалъ: требуется день-деньской лопатой махать, или ломомъ ковырять, или тяжести таскать. Тяжелая физическая работа, изнуряя тѣло, утомляетъ и мозгъ. Болятъ плечи, ноютъ пальцы, ломитъ поясницу; въ то же время чувствуется боль въ головѣ, и соображеніе притупляется. Человѣкъ думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе получить разсчетъ, скорѣе добраться до ночлега, подкрѣпиться

---

*) Паспорта ночующихъ на Хитровомъ рынкѣ въ участкѣ не прописываются.

и лечь спать. Работа, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Лицо загораетъ и грубѣетъ, принимая тупое выраженіе; руки покрываются мозолями; пальцы кривѣютъ. Платье и обувь рвутся и расползаются, а на починку ихъ не хватаетъ остатковъ заработка. О новомъ платьѣ и думать нечего. Въ часы досуга, когда нѣтъ работы, приходитъ въ голову мысль о томъ, какъ бы удалиться съ Хитровки, но эта мысль сейчасъ же поглощается другой: гдѣ взять паспортъ, костюмъ... Махнетъ человѣкъ рукой, съ горя выпьетъ, напьется, да такъ и застрянетъ на Хитровкѣ.

Въ относительно лучшемъ положеніи находятся тѣ ночлежники, которымъ, по условіямъ хитровской жизни, оказалось возможнымъ заниматься какой-либо работой по своей спеціальности. Въ самомъ дѣлѣ, съ какими бы неудобствами и трудностями ни было сопряжено здѣсь производство коробокъ или фейерверковъ, въ обоихъ случаяхъ, и коробочникъ, и пиротехникъ чувствуютъ себя, нѣкоторымъ образомъ, на своемъ мѣстѣ. Но что, напр., долженъ чувствовать бывшій діаконъ, размѣшивая трехпудовой мѣшалкой въ котлѣ горячую асфальтовую массу (хотя ему лучше было бы быть пѣвчимъ), или вытаскивающій эту огненную массу ведрами какой-нибудь князь или бывшій ученикъ консерваторіи, скончившій курсъ съ медалью?

Если работа есть только въ данный моментъ, если она къ тому же и оплачивается плохо, если нельзя разсчитывать достать эту работу (самому или съ чьей-либо помощью) завтра и послѣ завтра, словомъ, если является неувѣренность въ завтрашнемъ заработкѣ, то мысль поневолѣ направляется не столько къ данному труду, сколько къ изобрѣтенію способовъ, какъ бы завтра раздобыть на хлѣбъ. Вслѣдстіе этого. работа выходитъ хуже и вселяетъ работающему нѣкоторое отвращеніе *). Можетъ случиться, что человѣкъ и радъ бы работать, работалъ бы хорошо и зналъ бы, куда сбывать произведенія своего труда, но онъ не имѣетъ необходимыхъ приспособленій, инструментовъ и т. п. Измученный непосильнымъ ручнымъ трудомъ и подорванный жалкимъ вознагражденіемъ, онъ начинаетъ питать отвращеніе къ самому труду. Затѣмъ до неохоты работать вообще, до тунеядства, одинъ только шагъ. Такое состояніе или болѣзнь—отвращеніе къ труду приходится часто наблюдать въ средѣ обитателей Хитрова рынка и можно считать почти неизлѣчимой. Этой болѣзнью страдаютъ многіе изъ числа лицъ, испытавшихъ режимъ работнаго дома.

Чтобы получить наиболѣе рельефное представленіе о засасывающемъ вліяніи Хитровки, слѣдуетъ познакомиться съ такими лицами,

---

*) Отсюда видно, какъ насущно необходимо помочь безработному въ пріисканіи соотвѣтствующей работы и оградить его интересы отъ несправедливо низкой оплаты его труда въ тѣхъ случаяхъ, когда его вынуждаетъ идти на работу, изъ-за куска хлѣба, за всякую плату, безпощадная конкуренція его же беззащитныхъ собратьевъ.

какъ князь Кур-инъ, докторъ медицины Пет-ко и художникъ Ш-е. Первый изъ нихъ—человѣкъ богатый, помѣщикъ, живетъ нѣсколько лѣтъ на Хитровкѣ, промышляя стрѣльбой. Время отъ времени къ нему пріѣзжаетъ жена и привозитъ деньги; тогда Кур-инъ пьянствуетъ и поитъ виномъ всѣхъ окружающихъ, пока полученныя деньги не будутъ пропиты. Второй, Пет-ко—при другихъ обстоятельствахъ хорошій докторъ, могъ бы имѣть обширную практику и положеніе въ обществѣ, теперь же живетъ подачками бывшихъ своихъ товарищей, валяясь пьянымъ и полуголоднымъ на грязныхъ нарахъ. Третій, Ш-е—былъ неоднократно увозимъ родными, но опять возвращался сюда, чтобы жить здѣсь и за какіе-нибудь 1—1½ руб. рисовать тушью портреты дворниковъ, съемщиковъ и др. хитровскихъ знаменитостей. Это истые любители хитровской жизни, хитрованцы-добровольцы *). Къ числу этихъ немногихъ добровольцевъ можно отнести тѣхъ московскихъ гулякъ, которые являются иногда на Хитровъ рынокъ попьянствовать, поразвлечься въ подходящей компаніи.

Появленіе гостей на Хитровкѣ—явленіе рѣдкое. Бываетъ, что къ ночлежникамъ приходятъ бывшіе ихъ товарищи по службѣ и знакомые, но настоящіе гости ходятъ, большею частью, къ простому пришлому народу, а въ остальныхъ случаяхъ гости приходятъ, едва ли не всегда, съ тою же цѣлью, съ какой посѣщаютъ, напр., зоологическій садъ. Приходятъ посмотрѣть вблизи на «индѣйское царство», полюбоваться на жизнь отверженныхъ. Держатъ себя подобные гости отчасти конфузливо, отчасти трусливо, и не успѣвъ, какъ слѣдуетъ вглядѣться въ то, что желали видѣть, спѣшатъ убраться восвояси.

Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ трудовой жизни обитателей Хитрова рынка, разсмотримъ сначала, чѣмъ питаются хитровцы.

Кто не попалъ на работу и не имѣетъ запасныхъ денегъ, тотъ идетъ обѣдать на благотворительную кухню и такъ стоитъ въ очереди 2—3 часа, въ ожиданіи впуска. Когда число заказовъ не велико, приходится оставаться безъ обѣда. Нельзя умолчать о качествѣ благотворительныхъ обѣдовъ. О столовой имени Стрекаловой говорить не приходится. Но есть на Хитровомъ рынкѣ частныя кухни-харчевни: Савостьянихи, Дурандихи, Зиновьева, принимающія заказы отъ благотворителей. Взимаютъ онѣ съ жертвователей по 10 коп. за обѣдъ, но кормятъ едва ли на 4 коп. Вотъ меню такихъ обѣдовъ. Супъ—мутная вода, щи—кислая вода, каша значится только на билетахъ, а вмѣсто нея раздаютъ ситнички цѣною по 1½ коп.; остается одинъ черный

*) О засасывающемъ вліяніи Хитровки сложилось здѣсь слѣдующее ходячее послѣсловіе. «Я уйду съ Хитровки», говоритъ кто-нибудь, «надоѣло здѣсь!»—«А ты, развѣ, не ѣлъ бульонки?»—иронически спрашиваютъ его:—«Ѣлъ. Ну, что же?»—«Ну, если, братъ, ѣлъ, то, значитъ, принялъ присягу жить здѣсь», возражаютъ ему. Дѣйствительно, рѣдко кто, вкусившій бульонки и всѣхъ прелестей хитровской жизни, уходитъ отсюда.

хлѣбъ, да и тотъ—неудовлетворительнаго качества. Если кто обѣдаетъ за деньги, то ему дадутъ щи, нѣсколько похожія на настоящія щи; если же обѣдаютъ «за здравіе» или «за упокой», то подъ именемъ щей нальютъ горячаго капустнаго разсола; въ супѣ же только съ трудомъ можно изловить ломтикъ картофеля. На рынкѣ билеты на благотворительные обѣды котируются копѣйки по двѣ, при чемъ цѣнится собственно хлѣбъ.

«Парные» ночлежники (т. е. живущіе съ женщиной), имѣющіе возможность приготовить обѣдъ дома, поступаютъ обыкновенно такъ: покупаютъ въ одной изъ хитровскихъ лавокъ на 8 — 10 коп. мясныхъ обрѣзокъ, на 3 коп. картофеля, на 1 коп. кореньевъ, луку и т. п. Все это укладывается въ жестяную банку (отъ консервовъ или конфектъ), замѣняющую кастрюлю, и отправляется въ водогрѣйку на плиту, за что берутъ 1—2 коп., и черезъ нѣсколько времени супъ готовъ. Общій расходъ на такой домашній обѣдъ для двоихъ—отъ 12 до 16 коп. на супъ и 3 коп. на хлѣбъ. Болѣе всего варятъ щи, супъ, жарятъ картофель, иногда приготовляютъ лапшу. Случается, что ночлежники жарятъ рыбу, утокъ, рябчиковъ. Эти продукты доставляются мусорщиками, находящими ихъ на задворкахъ при ресторанахъ, на что, впрочемъ, потребителями вниманія не обращается. Бульонка—обыкновенная вещь на Хитровкѣ.

Кипятокъ для чая берется въ водогрѣйняхъ. Пить свой чай можно и въ трактирѣ Гуревича, что стоитъ 2 коп. (за кипятокъ и посуду для одного человѣка), при чемъ можно сидѣть въ трактирѣ хоть цѣлый день. Обыкновенно, чай «подстрѣливается» ляпинцами въ нѣкоторыхъ столичныхъ лавкахъ, подающихъ милостыню, вмѣсто денегъ, маленькими дозами чая или сахара, и въ монастыряхъ. Если кому придется подстрѣлить сырого мяса или рыбы, тотъ у Гуревича можетъ сварить это на плитѣ за 2 коп. въ своихъ же банкахъ, которыя для того и хранятся въ уголкахъ Гуревичевой кухни.

Всѣ покупаемые хитровцами продукты—низкаго сорта, большею частью, недоброкачественны; начинку хитровскихъ пироговъ, продаваемыхъ на площади, не могутъ ѣсть даже самые невзыскательные изъ хитровцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гор—евъ.

НЕИЗДАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА *).

Переводъ съ французскаго Т. Б.

I.

Весеннимъ вечеромъ.

Жанна выходила замужъ за своего двоюроднаго брата Жака. Они знали другъ друга съ дѣтства, и любовь ихъ не была обставлена стѣснительными условностями свѣтской жизни. Воспитанные вмѣстѣ, они не подозрѣвали, что любятъ другъ друга. Правда, молодая дѣвушка, немного кокетливая, слегка заигрывала съ кузеномъ, но совершенно невинно; она находила, что онъ славный мальчикъ, и каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, она цѣловала его отъ души, не ощущая ни тѣни трепета, того трепета, который, какъ молнія, проникаетъ все наше существо.

А онъ, глядя на нее, думалъ: «Она, право, премиленькая, моя сестричка», и чувствовалъ къ ней невольную нѣжность, какую всякій молодой человѣкъ испытываетъ ко всякой хорошенькой дѣвушкѣ. Глубже онъ надъ этимъ не задумывался.

Но вотъ однажды Жанна услыхала случайно, какъ ея мать говорила теткѣ (тетѣ Альбертѣ, такъ какъ тетя Лиза осталась старой дѣвой): «Увѣряю тебя, что эти дѣти не сегодня-завтра полюбятъ другъ друга; это сейчасъ видно. Что до меня, то Жакъ именно такой зять, о какомъ я мечтала».

И въ ту же минуту Жанна почувствовала, что влюблена въ своего кузена. Теперь уже при встрѣчахъ съ нимъ она краснѣла, рука ея дрожала въ его рукѣ; она опускала глаза, встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, конфузилась, когда приходилось цѣловаться съ нимъ, и все это она продѣлывала такъ искусно, что въ концѣ-концовъ Жакъ не могъ

*) Въ августѣ появился томикъ неизданныхъ разсказовъ Гюи де-Мопассана. Большая часть ихъ вполнѣ отдѣланные и законченные; другіе представляютъ эскизы, послужившіе для романовъ Гюи де-Мопассана. Изъ нихъ мы выбрали пять болѣе характерныхъ для таланта этого автора. Весь сборникъ носитъ названіе «Le Pére Milon».

не замѣтить. Онъ догадался въ чемъ дѣло и въ порывѣ не то искренняго чувства, не то удовлетвореннаго тщеславія схватилъ свою кузину въ объятія и прошепталъ ей: «Я люблю тебя!»

Съ этой минуты начались непрерывныя нѣжности, воркованье, однимъ словомъ, всѣ милыя любовныя глупости, которыя имъ еще облегчала ихъ давнишняя близость. Въ гостиной Жакъ обнималъ свою невѣсту при трехъ старушкахъ сестрахъ: своей матери, матери Жанны и тетѣ Лизѣ. Онъ гулялъ съ ней вдвоемъ цѣлыми днями въ лѣсу, по берегу маленькой рѣчки, по влажной травѣ луговъ, усѣянныхъ полевыми цвѣтами. И они ожидали своего союза безъ напряженнаго нетерпѣнія, охваченные вѣяньемъ тихой нѣжности, вкушая тонкую прелесть мимолетныхъ ласкъ, пожатія рукъ, долгихъ страстныхъ взглядовъ, когда души точно сливаются вмѣстѣ, волнуемые еще неяснымъ желаніемъ болѣе жаркихъ объятій, ощущая на губахъ какой-то трепетъ, точно они звали, жаждали, желали и обѣщали что-то.

Иногда, проведя весь день въ этой жаркой атмосферѣ страсти, платонической нѣжности, они чувствовали къ вечеру какую-то странную усталость и оба глубоко вздыхали, сами не зная о чемъ, не понимая причины этихъ вздоховъ, исполненныхъ ожиданія.

Обѣ матери и сестра ихъ—тетя Лиза смотрѣли на эту любовь съ ласковой благосклонностью. Больше всѣхъ казалась растроганной тетя Лиза.

Это была маленькая женщина, которая мало говорила, старалась, по возможности стушеваться, никогда не производила никакого шума, появлялась только за столомъ, тотчасъ же снова исчезала въ свою комнату и постоянно сидѣла тамъ одна. Съ виду это была добродушная старушка съ мягкимъ и грустнымъ взглядомъ; въ семьѣ она какъ-то не шла въ счетъ.

Обѣ сестры—вдовы, занимавшія опредѣленное мѣсто въ свѣтѣ, смотрѣли на нее немного свысока, какъ на существо совсѣмъ незначительное. Въ обращеніи съ ней проглядывала извѣстная доза пренебрежительной снисходительности къ старой дѣвѣ. Звали ее Элиза; она родилась въ тѣ дни, когда Беранже царилъ во Франціи. Но съ тѣхъ поръ, какъ стало очевидно, что она не выйдетъ замужъ, ее переименовали изъ Элизы въ Лизу. Теперь она превратилась въ «тетю Лизу», скромную, чистенькую старушку, ужасно робкую даже въ кругу своихъ, которые любили ее или, лучше сказать, питали къ ней смѣшанное чувство привычки, состраданья и благосклоннаго равнодушія.

Дѣти никогда не прибѣгали поцѣловать ее въ ея комнату. Къ ней входила только служанка. Когда хотѣли поговорить съ ней, за ней посылали. Быть можетъ, даже не всѣ знали хорошенько, гдѣ находилась эта комната, комната, гдѣ одиноко протекала вся эта бѣдная жизнь. Ей какъ-то не было мѣста среди людей. Когда ея не было въ комнатѣ, о ней никогда не говорили, никто, вѣроятно, не думалъ о

ней. Это было одно изъ тѣхъ незамѣтныхъсозданій, которыя остаются чуждыми и неинтересными даже для близкихъ, смерть ихъ не оставляетъ пустоты въ домѣ, они не умѣютъ стать необходимыми, войти въ жизнь, въ привычки, въ чувства окружающихъ.

Она ходила всегда маленькими шажками, молчаливыми и поспѣшными, никогда не производила шума, никогда ничего не задѣвала; казалось, она сообщала предметамъ свойство не издавать ни малѣйшаго звука, ея руки были точно сдѣланы изъ ваты—такъ мягко и нѣжно прикасались онѣ ко всему.

Когда кто-нибудь произносилъ «тетя Лиза», слова эти не пробуждали никакой идеи въ умахъ слушателей. Точно говорилось «кофейникъ» или «сахарница».

Собачка Лута обладала, несомнѣнно, гораздо болѣе ярко выраженной индивидуальностью, ее постоянно поддразнивали, ее называли: «милая Лута, Луточка моя, красавица-Лутка». Ее бы, конечно оплакивали гораздо больше.

Свадьба была назначена на конецъ мая. Молодые люди не разставались больше, ихъ взоры, руки, мысли и сердца были неразлучны. Запоздавшая въ этотъ годъ весна, колеблющаяся и холодная, съ ясными заморозками по ночамъ и свѣжими утренними туманами, вдругъ буйно расцвѣла.

Нѣсколько теплыхъ, слегка пасмурныхъ дней взбудоражили всѣ соки земли, развернули листья точно по волшебству и распространили вокругъ разнѣживающій ароматъ почекъ и раннихъ цвѣтовъ.

Наконецъ, однажды въ полдень побѣдоносное солнце осушило ползущіе туманы и засіяло надъ цвѣтущей долиной. Вмѣстѣ съ нимъ свѣтлая радость охватила всю страну, проникла всюду, въ растенія, въ животныхъ, въ людей. Влюбленныя птицы порхали, трепетали крыльями, звали другъ друга. Жанна и Жакъ, съ стѣсненнымъ отъ наплыва счастья сердцемъ, болѣе чѣмъ обыкновенно взволнованные и смущенные новымъ трепетомъ, проникавшимъ въ нихъ отъ пробуждающагося лѣса, сидѣли весь день рядомъ у воротъ усадьбы, не рѣшаясь болѣе удаляться вдвоемъ, и слѣдили разсѣяннымъ взглядомъ за плавающими по пруду лебедями.

Съ наступленіемъ вечера они почувствовали себя спокойнѣе и послѣ обѣда пріютились у открытаго окна гостиной, вполголоса разговаривая между собой; при свѣтѣ лампы подъ широкимъ абажуромъ матери ихъ играли въ пикетъ, а тетя Лиза вязала чулки для бѣдныхъ.

За прудомъ тянулся вдаль высокій лѣсъ, и вдругъ среди едва опушенныхъ зеленью вѣтвей деревьевъ проглянула луна. Мало-по-малу, подымаясь все выше за деревьями, рисовавшимися на ея дискѣ, она вступила въ средину неба, гася звѣзды и проливая на землю блѣдный, меланхолическій свѣтъ, исполненный грезъ, милый всѣмъ мечтателямъ, поэтамъ и влюбленнымъ.

Молодые люди сначала смотрѣли на нее, потомъ, охваченные ласкающей прелестью этой ночи, этого призрачнаго свѣта, скользящаго по травѣ и по вѣтвямъ деревьевъ, они вышли медленными шагами и прогуливались по бѣлѣющимъ полямъ отъ дома до блестящей глади пруда.

Окончивъ положенныя четыре партіи въ пикетъ, обѣ матери стали дремать и собрались идти спать.

— Надо позвать дѣтей,—сказала одна изъ нихъ.

Другая окинула взглядомъ свѣтлую поляну, по которой тихо бродили двѣ тѣни, и отвѣтила:

— Оставь ихъ, ночь такъ хороша! Лиза подождетъ ихъ. Не правда ли, Лиза?

Старая дѣва тревожно взглянула на нее и сказала своимъ робкимъ голосомъ.

— Конечно, я подожду ихъ.

И обѣ сестры отправились въ свои спальни.

Тогда тетя Лиза тоже поднялась и, оставивъ на ручкѣ кресла начатую работу, иголки и шерсть, облокотилась на окошко и стала смотрѣть на прелестную ночь.

Влюбленные неутомимо ходили по травѣ отъ подъѣзда до пруда и отъ пруда до подъѣзда. Они перестали говорить и только пожимали другъ другу руки, точно отрѣшившись отъ самихъ себя и растворяясь въ дыханьи поэзіи, охватившей землю. Вдругъ Жанна замѣтила въ окнѣ силуэтъ старушки, освѣщенной свѣтомъ лампы.

— Посмотри-ка,—сказала она,—вонъ тетя Лиза смотритъ на насъ.

Жакъ поднялъ голову.

— Да,—подтвердилъ онъ,—тетя Лиза смотритъ на насъ.

И они продолжали мечтать, бродить и любить.

Но трава покрылась росой. Легкая дрожь прохватила ихъ.

— Вернемся,—сказала она.

Когда они вошли въ гостиную, тетя Лиза снова принялась за вязанье; она низко склонилась надъ работой и ея маленькіе пальчики слегка дрожали точно отъ сильной усталости.

Жанна подошла къ ней.

— Тетя, мы идемъ спать.

Старая дѣва подняла глаза. Они были красны, точно заплаканы. Жакъ и его невѣста не обратили на это вниманія. Но молодой челоловѣкъ замѣтилъ, что тонкія туфельки дѣвушки были совершенно мокры. Онъ встревожился и спросилъ съ нѣжностью:

— Не озябли ли твои милыя маленькія ножки?

Вдругъ пальцы тети Лизы вздрогнули такъ сильно, что работа выпала у нея изъ рукъ, клубокъ шерсти покатился по паркету, и, закрывъ лицо руками, старушка зарыдала, судорожно всхлипывая.

Молодые люди бросились къ ней. Жанна на колѣняхъ пыталась отнять ея руки отъ лица и вся потрясенная повторяла:

— Тетя Лиза, что съ тобой? Что съ тобой, тетя Лиза?..

Тогда бѣдная старушка, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, полнымъ слезъ голосомъ сказала:

— Видишь ли... видишь ли, когда онъ спросилъ тебя: «Не озябли ли... твои... милыя маленькія ножки?..» Мнѣ никогда... никто не говорилъ ничего такого... Никогда!.. никогда!..

II.

Слѣпой.

Отъ чего зависитъ обаяніе первыхъ солнечныхъ лучей? Почему, падая на землю, они наполняютъ насъ счастьемъ, радостью жизни? Ясная лазурь неба, свѣжая зелень полей, сверкающая бѣлизна домовъ, наши взоры упиваются этими яркими цвѣтами, радующими наши души. И насъ охватываетъ желаніе танцовать, желаніе бѣгать, желаніе пѣть, счастливая легкость мысли, какая-то всеохватывающая нѣжность; намъ хотѣлось бы обнять самое солнце.

Слѣпые у воротъ домовъ, безучастные подъ давленіемъ вѣчнаго мрака, хранятъ обычное спокойствіе среди этого обновленнаго веселья, и, не понимая его, они поминутно усмиряютъ своихъ собакъ, которыя такъ и прыгаютъ во всѣ стороны.

Когда на закатѣ дня они возвращаются домой объ руку съ младшимъ братомъ или съ маленькой сестренкой, и ребенокъ говоритъ имъ: «Какая сегодня чудная погода», слѣпой отвѣчаетъ: «О, я это давно замѣтилъ, не даромъ Лулу на мѣстѣ не стояла».

Я зналъ одного изъ этихъ несчастныхъ, жизнь котораго представляла собой самую жестокую пытку, какую только можно вообразить.

Это былъ крестьянинъ, сынъ нормандскаго фермера. Пока были живы отецъ и мать, о немъ еще кое-какъ заботились; онъ страдалъ только отъ своего ужаснаго недостатка, но какъ только старики умерли, началось прямо-таки невыносимое существованіе. Его взяла изъ милости сестра, и всѣ обитатели фермы смотрѣли на него, какъ на нищаго, отнимающаго хлѣбъ у другихъ. Его попрекали каждымъ кускомъ, называли бездѣльникомъ, дармоѣдомъ, и хотя зять завладѣлъ его долей наслѣдства, для него жалѣли даже похлебки и давали ровно столько, чтобъ онъ не умеръ съ голоду.

У него было блѣдное лицо и на немъ выдѣлялись, какъ двѣ бѣлыя облатки, два большихъ бѣлыхъ глаза; онъ невозмутимо переносилъ оскорбленія и былъ такъ сдержанъ, что неизвѣстно даже, чувствовалъ ли онъ ихъ. Онъ никогда не испыталъ ни малѣйшей ласки, мать была съ нимъ всегда рѣзка, она не любила его; въ деревнѣ безполезные вредны и крестьяне охотно послѣдовали бы примѣру куръ, убивающихъ своихъ уродовъ.

Проглотивъ свою похлебку, онъ садился лѣтомъ у воротъ, зимой — у печки, и уже весь вечеръ не трогался съ мѣста; онъ не дѣлалъ ни одного жеста, ни малѣйшаго движенія; только вѣки, дрожавшія отъ внутренняго страданія, опускались иногда на бѣлыя пятна его глазъ. Было ли у него когда-нибудь въ жизни ясное пониманіе, ясная мысль, ясное сознаніе? Никто не задавался этимъ вопросомъ.

Нѣсколько лѣтъ все шло тѣмъ же порядкомъ. Но его полная неспособность дѣлать что-нибудь, а можетъ быть, отчасти и его невозмутимость, вывели наконецъ изъ терпѣнія его родныхъ и онъ превратился въ посмѣшище, въ козла отпущенія, въ жертву, отданную во власть врожденной жестокости, дикаго злорадства окружавшихъ его звѣрей.

Они выдумывали всевозможныя жестокія шутки, чтобъ посмѣяться надъ его слѣпотой. Въ награду за его пропитаніе, изъ его обѣдовъ устроили забаву для сосѣдей и пытку для несчастнаго.

Крестьяне ближнихъ фермъ сходились къ нимъ точно на представленіе; изъ дома въ домъ переходилъ слухъ объ этой забавѣ, и кухня фермы была всякій день полна народа. Иногда на столъ передъ чашкой, изъ которой онъ ѣлъ супъ, сажали собаку или кошку. Животное инстинктомъ чуяло беззащитность этого человѣка, тихонько приближалось къ нему и безшумно начинало ѣсть, деликатно подлизывая похлебку, а когда случайно какой-нибудь звукъ привлекалъ вниманіе бѣдняги, оно осторожно отступало, чтобъ избѣжать удара ложкой, которой тотъ замахивался наудачу.

Тогда зрители, толпившіеся по стѣнамъ, принимались подталкивать другъ друга, хохотать, переступая съ ноги на ногу. А онъ, не говоря ни слова, снова начиналъ ѣсть правой рукой, защищая лѣвой тарелку.

Иногда ему подсовывали въ тарелку пробки, щепки, листья и всякій мусоръ, котораго онъ не замѣчалъ.

Но, наконецъ, и эти шутки надоѣли; зять, взбѣшенный необходимостью кормить его, началъ, походя, бить его, давать ему пощечины, и хохоталъ надъ безплодными стараніями того защититься отъ ударовъ или возвратить ихъ. Это была новая игра—игра въ пощечины. Работники, скотницы, служанки поминутно давали ему звонкія пощечины, вызывавшія у него только быстрое дрожаніе вѣкъ. Онъ не зналъ, куда спрятаться и сидѣлъ постоянно, вытянувъ впередъ руки, чтобъ избѣжать этихъ неожиданныхъ ударовъ.

Потомъ его стали заставлять нищенствовать. Въ базарные дни его выводили на дорогу и онъ, заслышавъ звукъ шаговъ или стукъ колесъ, протягивалъ шляпу и бормоталъ: «Подайте милостыню, Христа ради».

Но крестьянинъ чуждъ расточительности, и цѣлыми недѣлями онъ не приносилъ домой ни одного су.

Тогда на него обрушилась безудержная звѣрская ненависть окружающихъ. И вотъ какимъ образомъ онъ умеръ.

Однажды зимой, когда земля была сплошь покрыта снѣгомъ и морозъ все крѣпчалъ, зять завелъ его утромъ далеко на большую дорогу, гдѣ онъ долженъ былъ просить милостыню. Онъ оставилъ его тамъ на весь день, а вечеромъ объявилъ своимъ домашнимъ, что не нашелъ его. «Есть о чемъ заботиться,—прибавилъ онъ,—навѣрно онъ зазябъ и кто-нибудь увелъ его къ себѣ. Не пропадетъ, не таковскій! Навѣрно, завтра явится хлебать свой супъ».

На завтра онъ не явился.

Прождавъ напрасно долгіе часы, чувствуя, что умираетъ отъ холода, онъ пустился въ путь. Не различая дороги подъ покрывшей землю ледяной корой, онъ бродилъ наудачу, падая въ ямы, подымаясь, не произнося ни звука, тщетно разыскивая какое-нибудь жилье.

Мало-по-малу имъ овладѣвало оцѣпенѣніе, слабыя ноги не могли больше нести его и онъ опустился на землю посреди равнины. Больше онъ уже не вставалъ.

Бѣлые хлопья, падавшіе съ неба, засыпали его. Его окаменѣвшее тѣло исчезло подъ безостановочнымъ наплывомъ ихъ безграничной массы, и ничто не указывало мѣста, гдѣ лежалъ трупъ.

Родные его въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣлали видъ, что ищутъ его и собираютъ о немъ свѣдѣнія. Они даже плакали.

Зима стояла суровая и оттепель наступила не скоро. Наконецъ, однажды въ воскресенье, отправляясь къ обѣднѣ, крестьяне замѣтили, что большая стая вороновъ кружилась надъ равниной, спускалась дождемъ на одно мѣсто, улетала и снова возвращалась туда же.

На слѣдующую недѣлю мрачныя птицы все еще кружились тамъ же. Цѣлыя тучи ихъ застилали небо, точно они собрались сюда со всѣхъ странъ свѣта, и съ громкими криками они падали на сверкающій снѣгъ, образуя на немъ странныя пятна и упорно пытаясь разрыть его.

Одинъ изъ проходившихъ пошелъ посмотрѣть, что они тамъ роютъ и нашелъ тѣло слѣпого, уже наполовину изъѣдненое. Его блѣдные глаза исчезли, выколотые длинными прожорливыми клювами.

И всякій разъ, когда я ощущаю живую прелесть солнечнаго дня, печальная мысль и гнетущее воспоминаніе вызываютъ во мнѣ образъ этого страдальца, такого обездоленнаго въ жизни, что смерть его должна была обрадовать всѣхъ знавшихъ его.

III.

Тортъ.

Назовемъ ее мадамъ Ансеръ, чтобы кто-нибудь не узналъ ея настоящаго имени.

Это была одна изъ тѣхъ парижскихъ кометъ, которыя оставляютъ за собой огненный слѣдъ. Она писала стихи и повѣсти, обладала поэ-

тической душой и была очаровательно прекрасна. Она принимала у себя немногихъ избранныхъ, только тѣхъ, кого называютъ свѣтиломъ въ какой-нибудь области. Быть приглашеннымъ къ ней значило получить признаніе своего умственнаго превосходства; по крайней мѣрѣ, такъ смотрѣли на ея приглашенія въ свѣтѣ.

Мужъ ея игралъ роль незамѣтнаго спутника. Быть супругомъ кометы—вообще не завидная роль. У этого супруга была однако своя собственная идея—идея создать государство въ государствѣ, пріобрѣсти самостоятельно нѣкоторое значеніе,—значеніе, конечно, второстепенное; но главное сводилось къ тому, что въ тѣ дни, когда у жены бывали пріемы, къ нему тоже собирались гости; у него былъ собственный кругъ посѣтителей, которые цѣнили его, слушали и относились къ нему съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ его блистательной подругѣ.

Онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ; сельскимъ хозяйствомъ въ своей комнатѣ, конечно. Вѣдь есть же комнатные генералы,—какъ иначе назвать тѣхъ, кто рождается, живетъ и умираетъ въ кожаныхъ креслахъ военнаго министерства?—комнатные моряки,—смотри морское министерство,—комнатные колонизаторы, и т. д., и т. д. Итакъ, онъ изучилъ сельское хозяйство, но изучилъ основательно въ связи съ другими науками, съ политической экономіей, съ искусствами,—искусство подаютъ вѣдь теперь подъ разными соусами, произведеніями искусства называютъ даже ужасные желѣзнодорожные мосты. Наконецъ, онъ достигъ того, что про него стали говорить «это человѣкъ знающій». На него дѣлали ссылки въ спеціальныхъ журналахъ. Жена его добилась назначенія его въ одну изъ коммиссій при министерствѣ земледѣлія.

Эта скромная извѣстность вполнѣ удовлетворяла его.

Подъ предлогомъ сокращенія расходовъ онъ приглашалъ своихъ друзей, по тѣмъ же днямъ, когда принимала его жена, такъ что гости смѣшивались или, лучше сказать, образовали двѣ группы. Хозяйка со своей свитой художниковъ, академиковъ, министровъ занимала родъ галлереи, отдѣланной и меблированной въ стилѣ имперіи, хозяинъ со своими земледѣльцами удалялся обыкновенно въ комнату поменьше, служившую курильной, и мадамъ Ансеръ иронически называла ее сельскохозяйственнымъ салономъ.

Оба лагеря были строго разграничены. Хозяинъ дома, безъ тѣни зависти, впрочемъ, показывался иногда въ академіи и обмѣнивался дружескими рукопожатіями съ ея членами; но академія питала безграничное презрѣніе къ сельскохозяйственному салону, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ кто-нибудь изъ свѣтилъ науки, мысли или чего-нибудь другого, смѣшивался съ толпой земледѣльцевъ.

На этихъ собраніяхъ не подавалось никакого угощенія; чай, какой-нибудь тортъ—вотъ и все. Первое время супругъ выражалъ желаніе, чтобы покупалось два торта, одинъ для академіи, другой для сель-

скихъ хозяевъ; но мадамъ Ансеръ справедливо замѣтила, что такой образъ дѣйствій подчеркнетъ существованіе двухъ лагерей, двухъ отдѣльныхъ пріемовъ, двухъ партій,—и онъ не настаивалъ; такимъ образомъ подавался только одинъ тортъ; сначала имъ угощали академію, а потомъ онъ переходилъ въ сельскохозяйственный салонъ.

Въ скоромъ времени этотъ тортъ подалъ поводъ въ академіи къ самымъ любопытнымъ наблюденіямъ. Мадамъ Ансеръ никогда не разрѣзала его сама. Эта обязанность выпадала всегда на долю одного изъ знаменитыхъ гостей. Каждый исполнялъ болѣе или менѣе продолжительное время эту почетную роль: нѣкоторые мѣсяца по три, рѣдко дольше, и замѣчено было, что привилегія «разрѣзать тортъ» влекла за собой, повидимому, цѣлый рядъ другихъ преимуществъ, нѣчто вродѣ прерогативъ королевской, или, лучше сказать, вице-королевской власти.

Король говорилъ болѣе громкимъ голосомъ, принималъ явно начальническій тонъ, и хозяйка дома дарила его своей исключительной благосклонностью.

Между собой, подъ большимъ секретомъ этихъ счастливцевъ называли «фаворитами торта» и каждый разъ перемѣна фаворитовъ влекла за собой въ Академіи цѣлый переворотъ. Ножъ игралъ роль скипетра, сладкій пирогъ—эмблемы; избранныхъ всѣхъ поздравляли. Сельскіе хозяева никогда не разрѣзали торта. Супругъ былъ тоже лишенъ этой чести.

Поэты, художники, романисты поочередно рѣзали тортъ. Нѣкоторое время въ почетной должности состоялъ великій музыкантъ, его смѣнилъ посланникъ. Иногда мѣсто передъ символическимъ пирогомъ доставалось менѣе знаменитому гостю, какому-нибудь элегантному господину, принятому всюду, одному изъ тѣхъ, кого, смотря по эпохѣ называютъ — истиннымъ джельтменомъ, настоящимъ денди и т. п. Каждый изъ нихъ во время своего недолгаго царствованія выказывалъ супругу знаки особаго вниманія; потомъ когда наступалъ моментъ переворота, онъ передавалъ ножъ слѣдующему и снова смѣшивался съ толпой поклонниковъ «прекрасной мадамъ Ансеръ».

Такое положеніе вещей длилось долго; но блескъ кометы не вѣченъ. Все въ этомъ мірѣ имѣетъ конецъ. Усердіе рѣжущихъ тортъ стало какъ-будто ослабѣвать понемногу; они точно колебались, когда имъ предлагали блюдо съ пирогомъ; казалось, что этой завидной должности не такъ горячо добивались, сохраняли ее не такъ долго, гордились ею значительно меньше. Мадамъ Ансеръ все также щедро расточала свои улыбки и любезности, а разрѣзали тортъ далеко не такъ охотно. Новые посѣтители, повидимому, совсѣмъ уклонялись отъ этой чести. Ненадолго появлялись «прежніе фавориты», какъ развѣнчанные монархи, которыхъ въ моментъ междуцарствія снова призываютъ къ власти. Наконецъ, избранники стали появляться рѣдко, очень, очень рѣдко. Цѣлый мѣсяцъ, о чудо! самъ хозяинъ разрѣзалъ тортъ; потомъ

это ему повидимому, надоѣло; наконецъ, однажды вечеромъ мадамъ Ансеръ, прекрасная мадамъ Ансеръ разрѣзала его сама.

Но для нея это должно-быть оказалось слишкомъ труднымъ; и на слѣдующій разъ она такъ настойчиво уговаривала одного изъ гостей, что тотъ не рѣшился отказаться.

Однако, символъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ; гости украдкой обмѣнивались тревожными, смущенными взглядами. Разрѣзать тортъ это само по себѣ пустяки, но привилегіи, связанныя съ этимъ, приводили теперь, повидимому, въ ужасъ; какъ только появлялось блюдо съ тортомъ, академики одинъ за другимъ переходили въ сельскохозяйственный салонъ, они какъ-будто искали защиты у супруга, сохранявшаго на своемъ лицѣ неизмѣнную улыбку. И когда встревоженная хозяйка показывалась въ дверяхъ съ тортомъ въ одной рукѣ и ножикомъ въ другой, всѣ толпой окружали ея мужа, точно умоляя его о помощи.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Теперь уже никто не рѣзалъ торта; но по старой привычкѣ та, которую все еще продолжали любезно называть «прекрасная м-мъ Ансеръ» каждый вечеръ искала глазами какого-нибудь вѣрнаго поклонника, чтобы вручить ему ножъ, и каждый разъ вокругъ нея происходило то же движеніе: всеобщее поспѣшное отступленіе, прикрытое тысячью сложныхъ искусныхъ маневровъ, чтобы избѣжать предложенія, готоваго сорваться съ губъ хозяйки.

Но вотъ однажды вечеромъ ей представили совсѣмъ еще молодого юношу, невиннаго и неопытнаго. Онъ не былъ посвященъ въ тайну торта; когда на сцену появился сладкій пирогъ, когда всѣ обратились въ бѣгство, и м-мъ Ансеръ взяла изъ рукъ лакея блюдо и ножикъ, онъ спокойно остался около нея,

Быть можетъ, она подумала что тайна ему извѣстна, она улыбнулась и слегка взволнованнымъ голосомъ сказала ему:

— Вы не откажетесь, быть можетъ, разрѣзать этотъ тортъ.

Онъ поспѣшно снялъ перчатки, польщенный такой честью:

— Помилуйте! Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Со всѣхъ сторонъ, изъ укромныхъ уголковъ галлереи, изъ дверей сельскохозяйственнаго салона выглядывали любопытныя головы. Потомъ увидѣвъ, что новый гость безъ малѣйшаго колебанія принялся разрѣзать тортъ, всѣ толпой окружили его.

Старый поэтъ весельчакъ, похлопалъ по плечу неофита и шепнулъ ему на ухо:

— Браво, молодой человѣкъ!

Его разсматривали съ любопытствомъ. Даже супругъ казался изумленнымъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ былъ тоже очень удивленъ тѣмъ вниманіемъ, какимъ его вдругъ окружили, и, главное, онъ не могъ понять той особой любезности, той очевидной благосклонности, той молчаливой благодарности, какую ему выказывала хозяйка дома.

Но въ концѣ концовъ онъ кажется понялъ. Гдѣ и когда была ему открыта тайна? Это осталось неизвѣстнымъ. Но когда онъ появился слѣдующій разъ, у него былъ видъ озабоченный, даже какъ будто сконфуженный, и онъ съ безпокойствомъ оглядывался кругомъ. Настало время подавать чай. Появился лакей. М-мъ Ансеръ съ счастливой улыбкой, взяла изъ рукъ его блюдо и искала глазами своего молодого друга; но онъ скрылся такъ поспѣшно, что его нигдѣ не было видно. Тогда она отправилась въ поиски за нимъ и скоро нашла его въ глубинѣ салона «земледѣльцевъ». Взявъ подъ руку мужа, онъ съ отчаяньемъ разспрашивалъ его о средствахъ для борьбы съ филоксерой.

— Я надѣюсь,—сказала она ему ласковымъ голосомъ,—что вы не откажетесь нарѣзать этотъ тортъ?

Онъ покраснѣлъ до корней волосъ, и забормоталъ что-то, совершенно растерявшись.

Хозяину дома стало жаль его и онъ сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Милая моя, будь такъ добра, не мѣшай намъ, мы разсуждаемъ о сельскомъ хозяйствѣ. Вели же Бабтисту разрѣзать твой тортъ.

И съ этихъ поръ уже никто никогда не рѣзалъ торта м-мъ Ансеръ.

IV.

Маленькая хитрость.

— Женщины?

— Ну, что жъ—женщины?

— А то, что ни одинъ фокусникъ не съумѣетъ болѣе искусно обмануть насъ иногда даже безъ всякой цѣли, единственно ради удовольствія перехитрить насъ. Онѣ пускаются на хитрости съ невѣроятнымъ простодушіемъ, съ изумительной смѣлостью, съ непобѣдимой тонкостью. Онѣ обманываютъ съ утра до вечера и всѣ безъ исключенія даже самыя честныя, самыя искреннія, самыя разумныя.

Допустимъ, что иногда онѣ до нѣкоторой степени принуждены къ этому. Мужчина сплошь и рядомъ проявляетъ идіотское упрямство и тираническія прихоти. У себя дома мужъ поминутно выражаетъ самыя нелѣпыя требованья. Онъ мѣры не знаетъ капризамъ, и жена потакаетъ имъ, конечно, обманывая его. Она увѣряетъ его, что вещь стоитъ столько-то, потому что онъ разскричался бы, если бы она стоила дороже. И она выпутывается изъ затрудненія съ помощью такихъ простыхъ и такихъ лукавыхъ пріемовъ, что у насъ руки опускаются, когда мы случайно открываемъ ихъ. Мы восклицаемъ въ изумленіи: «Какъ могли мы не замѣтить?!»

Говорившій это былъ графъ Л., бывшій министръ имперіи, человѣкъ недюжиннаго ума по слухамъ и большой Донъ-Жуанъ.

Группа молодыхъ людей его слушала.

Онъ продолжалъ:

— Меня провела однажды скромная, маленькая буржуазка, провела мастерски и презабавно. Я вамъ разскажу этотъ случай въ поученіе.

Я былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ и имѣлъ обыкновеніе каждое утро прогуливаться пѣшкомъ по Елисейскимъ полямъ. Дѣло было въ маѣ; я ходилъ, жадно вдыхая запахъ распускающихся листьевъ.

Вскорѣ я замѣтилъ, что каждый день мнѣ на встрѣчу попадается прелестная маленькая женщина, одно изъ тѣхъ изумительно граціозныхъ созданій, которыя носятъ на себѣ печать парижскаго издѣлія. Была ли она красива? И да, и нѣтъ. Стройна? Нѣтъ, но лучше того. Талія слишкомъ тонкая, быть можетъ, плечи слишкомъ прямыя, грудь слишкомъ выпуклая; но я предпочитаю этихъ изящныхъ куколокъ величественной фигурѣ Венеры Милосской.

И потомъ у нихъ совершенно особенная походка, слегка вздрагивающая, которая сама по себѣ способна свести насъ съ ума. Мнѣ казалось, что при встрѣчахъ она поглядываетъ на меня. Но относительно этихъ женщинъ кажется все что угодно, а между тѣмъ никогда нельзя быть увѣреннымъ...

Одинъ разъ я нашелъ ее сидящей на скамейкѣ съ книгой въ рукахъ. Конечно, я поспѣшилъ сѣсть рядомъ. Пять минутъ спустя мы были друзьями. Съ этихъ поръ, встрѣчаясь, мы съ улыбкой обмѣнивались привѣтствіями, болтали. Она разсказала мнѣ, что мужъ ея чиновникъ, что жизнь ея идетъ не весело, развлеченій мало, а заботъ по горло, и тысячи разныхъ мелочей.

Я, не то случайно, не то изъ тщеславія разсказалъ ей, кто я; она очень правдоподобно разыграла удивленіе.

На другой день она пришла навѣстить меня въ министерство и стала такъ часто появляться тамъ, что швейцары замѣтили ее и, увидѣвъ ее, шепотомъ сообщали другъ другу имя, которымъ они ее окрестили: «мадамъ Лео», Лео—одно изъ моихъ именъ.

Цѣлыхъ три мѣсяца я видѣлся съ ней каждое утро и ни на минуту она не наскучила мнѣ, такъ она умѣла разнообразно и остроумно проявлять свою нѣжность. Но однажды я замѣтилъ, что взглядъ ея потускнѣлъ, и глаза постоянно наполняются еле сдерживаемыми слезами, она говорила съ трудомъ, поглощенная какой-то тайной заботой.

Я просилъ ее, умолялъ открыть мнѣ причину своей тревоги; и наконецъ, она пробормотала, дрожа всѣмъ тѣломъ: «я чувствую... я чувствую, что я... беременна». И она разрыдалась. О! я сдѣлалъ ужасную гримасу и должно быть поблѣднѣлъ, какъ обыкновенно блѣднѣютъ при подобныхъ извѣстіяхъ. Вы не можете себѣ представить, какой ударъ въ сердце производитъ такое неожиданное сообщеніе. Раньше или позже вы навѣрно это узнаете. Я пробормоталъ въ свою очередь: «Но вѣдь ты... вѣдь ты же замужемъ?»

Она отвѣтила: «Да, но мой мужъ уже два мѣсяца въ Италіи и еще не скоро вернется».

Я хотѣлъ во что бы то ни стало снять съ себя отвѣтственность. Я сказалъ: «Такъ надо сейчасъ же ѣхать къ нему». Она покраснѣла до корней волосъ: «Да... но...» Она не рѣшалась или не хотѣла продолжать. Я понялъ и деликатно передалъ ей пакетъ съ суммой, необходимой для поѣздки.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ нея письмо изъ Генуи. Потомъ на слѣдующей недѣлѣ изъ Флоренціи, изъ Ливорно, изъ Рима, изъ Неаполя. Она писала мнѣ: «Я чувствую себя хорошо, мой возлюбленный, но я ужасно подурнѣла. Я не хочу, чтобъ ты меня видѣлъ теперь, пока все это не кончится, ты разлюбишь меня. Мужъ ничего не подозрѣваетъ. Дѣла задержатъ его здѣсь еще надолго, такъ что я вернусь во Францію уже послѣ своего освобожденія».

Около восьми мѣсяцевъ спустя я получилъ изъ Венеціи лаконическую записку: «Мальчикъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ-то утромъ она неожиданно ворвалась ко мнѣ въ кабинетъ еще болѣе свѣжая и хорошенькая чѣмъ раньше и бросилась въ мои объятія.

Наша любовь возобновилась. Я оставилъ министерство; она стала являться въ мой отель на улицѣ Гренель. Часто она заговаривала со мной о ребенкѣ, но я не слушалъ ее; это меня вовсе не касалось. Отъ времени до времени я передавалъ ей круглую сумму, говоря просто: «Положи это на его имя».

Прошло еще два года; она все съ большимъ увлеченіемъ сообщала мнѣ разныя подробности о малюткѣ, «о Лео». Иногда она даже плакала: «Ты не любишь его; тебѣ не хочется его видѣть; еслибъ ты зналъ, какъ ты меня огорчаешь!»

Наконецъ, она начала такъ меня упрашивать, что я обѣщалъ ей придти на другой день на Елисейскія Поля въ то время, когда она гуляетъ тамъ съ ребенкомъ.

Но когда я собрался идти, меня остановилъ страхъ. Человѣкъ такъ глупъ и слабъ; кто знаетъ, что произойдетъ въ моемъ сердцѣ? Вдругъ я почувствую привязанность къ этому маленькому существу рожденному отъ меня! моему сыну!

Я стоялъ, готовый идти, въ шляпѣ и въ перчаткахъ. И я бросилъ перчатки на столъ, а шляпу на стулъ: «Нѣтъ, положительно, я не пойду, это будетъ гораздо умнѣе».

Дверь открылась. Вошелъ мой братъ. Онъ протянулъ мнѣ анонимное письмо, полученное утромъ: «Предупредите вашего брата, графа Л., что маленькая женщина съ улицы Кассетъ безсовѣстно обманываетъ его. Пусть онъ наведетъ объ ней справки».

Я никому не говорилъ ничего объ этой старой исторіи. Я былъ по-

раженъ и разсказалъ брату все отъ начала до конца. Я прибавилъ: «Самъ я не хочу этимъ заниматься, но я буду тебѣ очень благодаренъ, если ты разузнаешь, въ чемъ тутъ дѣло». Братъ отправился на розыски, а я между тѣмъ соображалъ. «Въ чемъ она можетъ меня обманывать? Можетъ быть, у нея есть еще любовники? Но это до меня не касается! Она молода, хороша и мила; большаго я отъ нея не требую. Повидимому, она меня любитъ и обходится мнѣ не слишкомъ дорого. Право, я тутъ ничего не понимаю».

Скоро вернулся братъ. Въ полиціи ему дали самыя благопріятныя свѣдѣнія о мужѣ. «Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на хорошемъ счету, благомыслящій, корректный, но женатый на очень красивой женщинѣ, расходы которой, повидимому, превышаютъ ихъ скромныя средства». Вотъ и все.

Братъ мой отправился къ ней на домъ, не засталъ ея и при помощи золота заставилъ консьержа разговориться. «М-мъ Д..., прекрасная женщина, мужъ ея тоже прекрасный человѣкъ, не гордые, не богатые, но щедрые».

Чтобъ сказать что-нибудь, мой братъ спросилъ:

— А сколько лѣтъ ея мальчику?

— Да у нея нѣтъ мальчика, сударь.

— Какъ, нѣтъ? а маленькій Лео?

— Нѣтъ, господинъ, вы ошибаетесь.

— Да какже? Тотъ, который родился во время ея путешествія въ Италію два года назадъ.

— Она никогда не была въ Италіи; пять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ они здѣсь живутъ, она ни разу не уѣзжала.

Крайне удивленный, мой братъ спрашивалъ и переспрашивалъ снова. Ни дѣтей, ни путешествія.

Я былъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи, и все еще не понималъ тайнаго смысла этой комедіи.

«Мнѣ хочется,—сказалъ я,—вывести это дѣло на чистую воду. Я попрошу ее придти завтра сюда. Ты примешь ее вмѣсто меня; если она меня обманула, ты передашь ей десять тысячъ франковъ, и я ее больше не увижу. По правдѣ сказать, съ меня уже довольно ея».

Повѣрите ли вы, наканунѣ меня огорчала мысль, что у меня есть ребенокъ, а теперь я былъ раздосадованъ, сконфуженъ, оскорбленъ, узнавъ, что у меня его нѣтъ. Я оказался свободнымъ, не связаннымъ никакимъ обязательствомъ, никакой заботой, и я выходилъ изъ себя отъ раздраженія.

На другой день братъ мой поджидалъ ее въ моемъ кабинетѣ. Она вошла, оживленная какъ всегда, подбѣжала къ нему съ раскрытыми объятіями и остановилась, замѣтивъ свою ошибку.

Онъ поклонился ей и сказалъ:

— Извините меня, сударыня; я нахожусь здѣсь по просьбѣ моего брата, онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ объясненій, которыя ему тяжело было бы выслушивать самому.

Устремивъ на нея пристальный взоръ, онъ заключилъ рѣзкимъ тономъ:

— Намъ извѣстно, что у васъ нѣтъ отъ него ребенка.

Послѣ первой минуты замѣшательства, она овладѣла собой, сѣла и съ улыбкой смотрѣла на своего судью.

— Да,—отвѣтила она ему,—у меня нѣтъ ребенка.

— Намъ извѣстно также, что вы никогда не были въ Италіи.

На этотъ разъ она уже откровенно разсмѣялась.

— Да, я никогда не была въ Италіи.

Совершенно ошеломленный, братъ мой продолжалъ:

— Графъ поручилъ мнѣ передать вамъ эти деньги и сказать, что между вами все кончено.

Она снова стала серьезной, спокойно положила деньги въ карманъ и наивно переспросила.

— Такъ значитъ... я не увижу больше графа.

— Нѣтъ, сударыня.

Она казалась опечаленой и проговорила спокойнымъ голосомъ.

— Жаль, я его очень любила.

Видя, что она такъ хорошо выдерживаетъ свою роль, братъ мой въ свою очередь спросилъ ее съ улыбкой:

— Послушайте, скажите же мнѣ теперь, для чего вы выдумали весь этотъ длинный, сложный обманъ—путешествіе, ребенокъ и т. д.

Она подняла на него глаза, точно недоумѣвая, какъ онъ можетъ предлагать такіе глупые вопросы:

— Да, эту маленькую хитрость! — протянула она. — Такъ неужели же вы думаете, что простенькая, незамѣтная буржуазка, вродѣ меня, могла бы удержать графа Л..., министра, вельможу, такого виднаго, богатаго и очаровательнаго человѣка безъ какой-нибудь приманки? Теперь это дѣло конченое. Тѣмъ хуже. Но въ сущности не могло же это длиться вѣчно. Все-таки цѣлыхъ три года оно мнѣ отлично удавалось. Передайте графу мой искренній привѣтъ.

Она встала но братъ мой остановилъ ее:

— А какъ же... ребенокъ? У васъ, значитъ, былъ приготовленъ какой-нибудь, чтобъ показать ему?

— Ну, конечно, ребенокъ моей сестры. Она одолжила мнѣ его. Ручаюсь, что это она васъ и предупредила.

— Прекрасно; а какже письма изъ Италіи?

Тутъ она снова опустилась на стулъ, въ припадкѣ неудержимаго смѣха.

— Ахъ, эти письма, это цѣлая поэма. Не даромъ же графъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Ну... и что же дальше.

— Дальше моя тайна. Я не хочу никого компрометировать.

И пославъ ему на прощанье насмѣшливую улыбку, она вышла безъ особаго волненья, какъ актриса, роль которой окончена.

И въ заключеніе глафъ Л., прибавилъ.

— Вотъ и вѣрьте послѣ того этимъ птичкамъ.

V.

Ивелина Самори *).

— Графиня Самори.

— Та женщина въ черномъ?

— Та самая, она носитъ трауръ по дочери, которую сама убила.

— Полноте! что вы разсказываете?

— Самую простую исторію, безъ преступленья и безъ насилій.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да такъ, пустяки. Говорятъ, что многія куртизанки родились честными женщинами; а многія честныя женщины—куртизанками, неправдали? Графиня Самори, рожденная куртизанкой имѣла дочь, рожденную честной женщиной—вотъ и все.

— Я что-то плохо понимаю.

— Могу пояснить.

— Графиня Самори одна изъ тѣхъ иностранокъ, окруженныхъ мишурнымъ блескомъ, которыя каждый годъ сотнями наводняютъ Парижъ. Какая нибудь венгерская или валахская графиня или что нибудь въ этомъ родѣ, она появилась однажды зимой въ Парижѣ, въ отелѣ на Елисейскихъ поляхъ, этомъ излюбленномъ мѣстѣ разныхъ авантюристовъ и открыла салонъ для всякаго встрѣчнаго и поперечнаго.

Я сталъ бывать тамъ. Зачѣмъ?—спросите вы. Право я и самъ не знаю, зачѣмъ. Я бывалъ тамъ, какъ всѣ мы бываемъ, потому что тамъ играютъ, потому что женщины тамъ доступны, а мужчины безчестны. Вамъ знакомъ этотъ міръ разноплеменныхъ мошенниковъ, украшенныхъ всевозможными орденами, знатныхъ, титулованныхъ, но,—за исключеніемъ шпіоновъ,—совершенно неизвѣстныхъ въ посольствахъ. Всѣ они при первомъ удобномъ случаѣ взываютъ къ чести, упоминаютъ о своихъ предкахъ, охотно разсказываютъ свою жизнь — всѣ хвастуны, плуты, негодяи, опасные, какъ ихъ карты, лживые, какъ ихъ имена, однимъ словомъ, каторжная аристократія.

Я питаю большую слабость къ этого рода людямъ. Ихъ интересно знать, любопытно слушать, они часто бываютъ умны и во всякомъ

---

*) Эскизъ романа *Ивсть*.

*

случаѣ не такъ пошлы, какъ государственные чиновники. Ихъ жен щины всегда красивы, съ легкимъ ароматомъ преступности, съ покровомъ тайны надъ ихъ жизнью, протекшей быть можетъ на половину въ исправительномъ домѣ. У нихъ обыкновенно великолѣпные глаза и невѣроятные волосы. Къ нимъ я тоже питаю слабость.

Графиня Самори—типичная представительница этихъ авантюристокъ, элегантная, вполнѣ зрѣлая, но еще красивая, очаровательница кошачьей породы, порочная до мозга костей. У нея всегда бывало весело,—играли, танцовали, ужинали... однимъ словомъ дѣлали все, что входитъ въ кругъ свѣтскихъ удовольствій.

У нея была дочь, большая, красивая, всегда сіяющая, всегда готовая веселиться, хохотать до упаду и танцовать тоже до упаду. Настоящая дочь авантюристки. Но невинная, неопытная, наивная; она не видѣла, не знала, не догадывалась ни о чемъ, происходившемъ въ родномъ домѣ.

— Почему вы знаете?

— Почему я знаю? Это всего любопытнѣе. Одинъ разъ утромъ я слышу звонокъ. Лакей докладываетъ мнѣ, что меня спрашиваетъ господинъ Боненталь. Я говорю:

— А что это за господинъ?

Мой слуга отвѣчаетъ:

— Право не знаю, сударь, можетъ быть, это лакей.

Это дѣйствительно былъ лакей, желавшій поступить ко мнѣ.

— Гдѣ вы жили?

— У графини Самори.

— А! Но мой домъ совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Я знаю, сударь, и именно поэтому я хотѣлъ бы поступить къ вамъ; надоѣла мнѣ вся эта компанія; туда поступаютъ, но тамъ не живутъ.

Мнѣ былъ нуженъ лакей и я взялъ его.

Мѣсяцъ спустя Ивелина Самори умерла и смерть ея была окружена таинственностью; вотъ подробности этой смерти, сообщенныя мнѣ Жозефомъ, а онъ узналъ ихъ отъ своей возлюбленной—горничной графини.

Какъ-то во время бала двое гостей разговаривали за дверями залы. Ивелина, утомленная танцами, прислонилась къ этой двери, чтобы отдохнуть немного. Они не замѣтили, какъ она подошла, и она услышала ихъ разговоръ.

Они говорили:

— Но кто же отецъ этой молодой дѣвушки?

— Кажется, одинъ русскій, графъ Руваловъ. Онъ не бываетъ больше у ея матери.

— А кто царитъ въ настоящій моментъ?

— А вонъ тотъ англичанинъ у окна; графиня Самори безъ ума отъ него. Но, впрочемъ, ея увлеченія длятся обыкновенно не дольше шести

недѣль. У графини, надо сознаться, нѣтъ недостатка въ друзьяхъ; всѣ они званные... и почти всѣ избранные. Это обходится не дешево, но... что дѣлать?

— Откуда у нея эта фамилія—Самори?

— Отъ единственнаго человѣка, кажется, котораго она любила— берлинскаго банкира, еврея Самуила Морри.

— Прекрасно. Очень вамъ благодаренъ. Теперь я знаю все, что мнѣ нужно и пойду прямо къ цѣли.

Какая буря развазилась въ умѣ дѣвушки, одаренной всѣми инстинктами честной женщины? Какое отчаянье охватило эту простую душу? Какія страданія погасили это безоблачное веселье, этотъ прелестный смѣхъ, эту бьющую черезъ край радость жизни? Какая борьба происходила въ этомъ юномъ сердцѣ, до тѣхъ поръ пока послѣдній приглашенный не покинулъ домъ? Этого Жозефъ не могъ мнѣ разсказать. Но въ тотъ же вечеръ Ивелина быстро вошла въ комнату матери, когда та уже ложилась спать, выслала горничную, которая осталась за дверью и, стоя, вся блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, произнесла:

— Мама, вотъ что я сейчасъ слышала въ залѣ.

И она отъ слова до слова повторила то, что я только что разсказалъ вамъ.

Графиня, пораженная изумленіемъ, не знала сначала, что отвѣтить. Потомъ она стала все отрицать, выдумала какую-то исторію, поклялась, призвала Бога въ свидѣтели.

Молодая дѣвушка удалилась смущенная, но не убѣжденная. И она стала слѣдить.

Я припоминаю перемѣну, происшедшую въ ней. Она сдѣлалась серьезной и печальной; порой она устремляла на насъ свои большіе внимательные глаза, точно хотѣла прочесть что-то въ нашихъ душахъ. Мы не понимали въ чемъ дѣло и думали, что она ищетъ мужа,—настоящаго или временнаго.

Наконецъ, однажды вечеромъ, сомнѣнія ея разсѣялись: она застигла свою мать врасплохъ. Тогда хладнокровно, какъ дѣловой человѣкъ, ставящій условія договора, она сказала:

— Мама, вотъ что я рѣшила. Мы уѣдемъ вдвоемъ въ какой-нибудь маленькій городокъ или деревню, и будемъ жить тамъ тихо и скромно. Твои драгоцѣнности представляютъ собой цѣлое состояніе. Если ты захочешь выйти замужъ за какого-нибудь честнаго человѣка, тѣмъ лучше; еще лучше, если я также выйду замужъ. Если ты не согласна на это, я лишу себя жизни.

На этотъ разъ графиня отослала спать свою дочь и запретила ей разъ навсегда возвращаться къ этому разговору, совершенно неприличному въ ея устахъ.

Ивелина отвѣтила:

— Даю тебѣ мѣсяцъ на размышленіе. Если въ теченіе мѣсяца нашъ

образъ жизни не измѣнится, я лишу себя жизни, потому что я не вижу для себя другого честнаго выхода.

И она ушла.

Къ концу мѣсяца въ отелѣ графини Самори все также танцовали и ужинали.

Тогда Ивелина сдѣлала видъ, что страдаетъ зубной болью и послала купить въ сосѣдней аптекѣ нѣсколько капель хлороформа. На другой день она повторила это. Каждый разъ, выходя изъ дома, она покупала незначительныя дозы наркотическаго средства. Она наполнила имъ цѣлую бутылочку.

Однажды утромъ ее нашли въ постелѣ уже холодную съ лицомъ покрытымъ ватой.

Гробъ ея былъ засыпанъ цвѣтами, церковь обтянута бѣлымъ. На похоронахъ присутствовала масса народу.

— И, знаете, право, еслибъ я только зналъ,—къ несчастію никогда не знаешь того, что нужно,—я, можетъ быть, женился бы на этой дѣвушкѣ. Она была удивительно красива.

— А что сталось съ матерью.

— О! Она долго плакала. Только черезъ недѣлю она начала принимать близкихъ друзей.

— Что же говорили по поводу этой смерти?

— Говорили, что испортился механизмъ усовершенствованной печки. Съ этими печками не разъ случались подобныя исторіи, такъ что въ этомъ объясненіи не было ничего невѣроятнаго.

БѢЛЫЯ РАБЫНИ.

I.

На ряду съ женскимъ конгрессомъ въ Лондонѣ это лѣто состоялся другой международный конгрессъ, именовавшійся «интернаціональнымъ конгрессомъ о торговлѣ бѣлыми рабынями» (International Congress on the white slave traffic). Уже одно названіе конгресса указываетъ на тотъ печальный, но неопровержимый фактъ, что наряду съ женщинами-профессорами, медиками и даже законодателями, въ передовыхъ и просвѣщенныхъ странахъ Европы существуютъ и женщины-рабыни въ полномъ смыслѣ этого слова, являющіяся предметомъ международной купли-продажи. Конгрессъ былъ посвященъ роковому вопросу о проституціи. Торговля бѣлыми рабынями заключается въ сманиваніи подъ различными предлогами молодыхъ дѣвушекъ въ чужія страны, гдѣ онѣ попадаютъ на «обычную дорогу». Торговля эта организована на совершенно коммерческихъ началахъ: она ведется особыми агентами, которые получаютъ опредѣленную плату за каждую дѣвушку и поставляютъ живой товаръ изъ одной европейской страны въ другую, также какъ изъ Европы — въ Южную Америку, Африку, и пр. Эмиграція въ новыя страны имѣетъ своимъ послѣдствіемъ особенное оживленіе этой торговли: гдѣ-нибудь въ Трансваалѣ или Капской колоніи появляется спросъ на европейскихъ дѣвушекъ, и тотчасъ же приводится въ движеніе цѣлая международная организація. Агенты изъ Бельгіи или Германіи отправляются въ трущобы Лондона или въ захолустныя деревушки русскаго западнаго края и увозятъ съ собою молодыхъ дѣвушекъ, пообѣщавъ имъ выгодныя мѣста прислуги или продавщицъ въ магазинахъ. Очутившись на чужбинѣ, дѣвушка узнаетъ, какая судьба её ожидаетъ. Одинокая, беззащитная, безъ денегъ и безъ друзей, не зная языка страны и чувствуя себя совершенно во власти купившаго её агента, она, послѣ непродолжительной борьбы, обыкновенно подчиняется своей участи.

Подобные факты впервые привлекли къ себѣ общественное вниманіе въ началѣ 80-хъ годовъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ существованіе такой торговли между Англіей и Бельгіей. Въ печать проникъ слухъ о томъ, что нѣсколько англійскихъ дѣвушекъ были обманомъ увлечены въ Бельгію и противъ своей воли живутъ въ одномъ изъ домовъ терпимости въ Брюсселѣ. Англичане подняли шумъ на всю

Европу. Нашелся энергичный и предпріимчивый человѣкъ, нѣкій издатель религіозно-нравственныхъ книгъ, м-ръ Дайеръ, который по собственному почину отправился въ Брюссель, розыскалъ этихъ дѣвушекъ, подняль на ноги всѣ придержащія власти, и добился возвращенія несчастныхъ соотечественницъ на родину. Оказалось, что онѣ были несовершеннолѣтнія, и агентъ, чтобы избѣгнуть законной кары, заставилъ ихъ поддѣлать свидѣтельства о рожденіи. Этимъ онъ, конечно, еще болѣе держалъ ихъ въ рукахъ. Послѣдующіе факты показали, что агенты постоянно прибѣгаютъ къ поддѣлкѣ свидѣтельствъ, представляющей для нихъ двойную выгоду.

Съ этихъ поръ факты насильственнаго увлеченія молодыхъ дѣвушекъ въ иностранные дома порока все чаще и чаще стали всплывать наружу и, наконецъ, въ этомъ году лондонская «National Vigilance Association» рѣшила созвать международный конгрессъ для выработки мѣръ борьбы съ этимъ международнымъ зломъ. Секретарь National Vigilance Association, м-ръ Кутъ, объѣздилъ главныя европейскія столицы и заручился участіемъ на конгрессѣ ихъ представителей. Между прочимъ онъ былъ и въ Петербургѣ, гдѣ, по его иниціативѣ, образовался комитетъ для выясненія этого вопроса въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской.

Организаторы конгресса, видимо, старались придать засѣданіямъ его возможно болѣе дѣловой характеръ и сосредоточить вниманіе делегатовъ только на одной сторонѣ разсматриваемаго явленія, именно на выработкѣ международныхъ мѣропріятій для борьбы съ этой торговлей и для преслѣдованія темныхъ личностей, занимающихся ею. Но это имъ совершенно не удалось. На первомъ же засѣданіи вопросъ былъ поставленъ гораздо шире и торговля бѣлыми рабынями приводилась въ связь съ государственной регламентаціей проституціи. На тѣсную связь между этой торговлей и санкціонированными закономъ домами терпимости указывали не только англійскіе делегаты, особенно подчеркивавшіе эту сторону вопроса, но и представители другихъ странъ—Швейцаріи, Голландіи, Швеціи, Америки. Даже среди французской делегаціи нашлись сторонники этихъ взглядовъ, хотя Франція, какъ извѣстно, является родоначальницей той системы «государственной регламентаціи порока» и «постыднаго покровительства разврату», противъ которой на конгрессѣ метались такіе громы. Я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ, и скажу только нѣсколько словъ о «Международной аболиціонистской федераціи», члены которой составляли несомнѣнное большинство на конгрессѣ.

Система государственной регламентаціи проституціи, которая была введена во Франціи въ 1802 г., и затѣмъ постепенно была усвоена и другими странами, была введена въ Англіи только въ 1869 году, и въ томъ же году началась усиленная агитація противъ нея. Англи-

чане увидѣли въ новомъ законѣ (Contagious disease act) оскорбленіе нравственнаго чувства націи, которое нельзя оправдать никакими соображеніями гигіены или высшей государственной пользы. Англійскія женщины выступили на защиту своихъ падшихъ сестеръ и среди нихъ сразу выдѣлилась мужественная и благородная личность Жозефины Бутлеръ, которая была настоящей піонеркой этого движенія и до сихъ поръ продолжаетъ стоять во главѣ его. Какъ бы мы ни относились къ самому аболиціонистскому движенію, какъ бы мы ни находили его узкимъ и не достигающимъ цѣли, потому что оно направлено не противъ самого зла, а только противъ одного изъ его проявленій, мы все-таки не можемъ не преклоняться передъ нравственной красотой и силой этой женщины, посвятившей свою жизнь такой трудной и неблагодарной задачѣ и выказавшей такую поразительную стойкость и выдержку въ борьбѣ. Въ 60-хъ годахъ женское движеніе въ Англіи только еще начиналось и много храбрости требовалось отъ женщины, чтобы выступить публичнымъ ораторомъ, да еще по такому щекотливому вопросу. Въ мемуарахъ м-съ Бутлеръ («Personal Reminiscences of a great crusade», 1897) встрѣчаются интересныя описанія бурныхъ митинговъ, когда защитницы падшихъ женщинъ въ буквальномъ смыслѣ слова побивались камнями; въ газетахъ писали про м-съ Бутлеръ, что «эта полоумная мегера гораздо болѣе достойна презрѣнія, чѣмъ тѣ несчастныя, за которыхъ она заступается» и т. д. Все это нисколько не смущало небольшую кучку аболиціонистовъ: они продолжали идти своей дорогой и привлекали къ себѣ все новыхъ и новыхъ сторонниковъ.

Аргументація ихъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, заключалась въ слѣдующемъ: государственная регламентація порока безнравственна, потому что она какъ бы санкціонируетъ самый порокъ, стараясь сдѣлать его безвреднымъ; кромѣ того, она несправедлива, ибо обрушивается всей своей тяжестью на женщину, которая превращается въ безправную рабыню, обязанную подчиняться извѣстнымъ санитарнымъ предписаніямъ, между тѣмъ какъ на мущину эти предписанія не распространяются. Въ этомъ заключается главное осужденіе ея. Но, независимо отъ нравственныхъ соображеній, эта «жестокая и возмутительная система» оказывается къ тому же и безполезной, такъ какъ она совершенно недостигаетъ своей цѣли: огромное большинство падшихъ женщинъ отказываются подчиняться регистраціи, результатомъ чего является развитіе тайной проституціи. Факты показали, что эти мѣры, обращающія женщинъ въ рабство, нисколько не препятствуютъ угрожающему развитію извѣстнаго рода болѣзней, и оказываются одинаково пагубными и для мужчинъ, и для женщинъ. Усиленная агитація противъ «contagious disease acts» велась въ теченіе 17 лѣтъ и, наконецъ, привела къ побѣдѣ аболиціонистовъ. Объ энергіи ихъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: за 10 лѣтъ, съ 1870—1880 г. ими

было устроено 766 митинговъ и 91 лекція; въ парламентъ было представлено 9.667 петицій съ 2.150,911 подписей. Наконецъ, въ 1886 г. эти законы были отмѣнены. Еще за нѣсколько лѣтъ до этой побѣды, движеніе приняло интернаціональный характеръ. М-съ Бутлеръ отправилась въ Европу и организовала «Международную аболиціонистскую федерацію», которая въ настоящее время имѣетъ отдѣленія почти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Члены ея играли главную роль на Лондонскомъ конгрессѣ бѣлыхъ рабынь.

II.

На конгрессѣ принимали участіе представители всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Италіи и Испаніи, и представители Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Среди делегатовъ были многія лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Однимъ изъ представителей Германіи былъ графъ Бернсторфъ, камергеръ германскаго императора; Франція прислала извѣстнаго основателя «Ligue contre la license des rues», сенатора Беранже, котораго, по его собственнымъ словамъ, соотечественники прозвали «Le pére de la pudeur»; Австрія прислала баронессу Лангенау, Швеція—королевскаго капелана Ольдерса, Россія—сенатора Сабурова и князя Волконскаго.

Передъ началомъ дѣловыхъ засѣданій, каждый день были организованы привѣтствія отъ имени духовенства. Первый день говорилъ привѣтственное слово епископъ Лондона, второй день — каноникъ Скоттъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ лондонскихъ проповѣдниковъ, третій день—д-ръ Адлеръ, главный раввинъ еврейской общины. Англія не знаетъ антисемитизма, и представитель церкви «отверженной націи» былъ приглашенъ привѣтствовать делегатовъ международнаго конгресса наряду съ другими высшими представителями церковной іерархіи.

Рѣчи большинства членовъ конгресса, въ особенности англичанъ и американцевъ, были проникнуты религіознымъ чувствомъ. Слушая, напримѣръ, рѣчи каноника Скотта и профессора Стюарта, трудно было отличить, когда говорилъ мужъ науки, и когда—духовное лицо. Каноникъ Скоттъ говорилъ съ большимъ жаромъ и тѣмъ особеннымъ краснорѣчіемъ, которое свойственно англійскимъ духовнымъ ораторомъ. Его энергичное молодое лицо напомнило мнѣ Джона Сторма изъ романа «Христіанинъ». «Въ наши дни господства пара и электричества», говорилъ онъ, «когда весь міръ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ и населеніе стягивается въ города, являющіеся нетолько центрами промышленности, но и разсадниками разврата, создаются новыя формы порока, какихъ не знало прежнее время. Порокъ расширилъ сферу своихъ операцій, порокъ сдѣлался международнымъ, и поэтому борьба съ нимъ возможна только на международной почвѣ. Пусть же и добродѣтель расширитъ сферу своихъ операцій. Создадимъ международную

организацію добродѣтели, подобно той международной организаціи порока, которая составляетъ печальный предметъ нашихъ обсужденій на этомъ конгрессѣ».

Нота, взятая каноникомъ Скоттомъ, оказалась доминирующей на конгрессѣ: всѣ разсужденія вращались въ заколдованномъ кругѣ порока и добродѣтели. Одинъ ораторъ за другимъ указывалъ, въ видѣ мѣръ борьбы съ проституціей, на необходимость «поднять нравственный уровень молодежи», «установить одинаковые нравственныя требованія для мужчинъ и для женщинъ», преслѣдовать всякія проявленія безнравственности въ арміи, и при производствѣ въ чины принимать въ соображеніе отношеніе солдатъ къ женщинамъ», и пр., и пр. Всякія такія заявленія встрѣчались громомъ рукоплесканій. Словомъ, вопросъ о проституціи все время разсматривался исключительно какъ нравственный вопросъ, и совершенно упускалась изъ вида его соціальная подкладка.

Доклады членовъ конгресса дѣлились на 2 части: первая касалась законовъ, регулирующихъ въ каждой странѣ положеніе падшихъ женщинъ, наказаній за сводничество, и пр.; вторая—учрежденій для борьбы съ проституціей и для предупрежденія ея.

Самымъ выдающимся ораторомъ конгресса былъ, безъ сомнѣнія, сенаторъ Беранже. Онъ говорилъ много разъ и не только увлекалъ своихъ слушателей, но и самъ такъ увлекался собственнымъ краснорѣчіемъ, что постоянно забывалъ о пятиминутномъ срокѣ, положенномъ для каждаго оратора, и предсѣдателю приходилось призывать его къ порядку. Но публика каждый разъ настойчиво требовала, чтобы ему дали договорить.

Въ докладѣ, представленномъ имъ отъ имени французской делегаціи, Беранже указывалъ на то, что зло, о которомъ идетъ рѣчь на этомъ конгрессѣ,—явленіе новое, котораго не существовало еще полъвѣка тому назадъ. Поэтому оно не упоминается даже въ уголовномъ законодательствѣ. Одной изъ задачъ конгресса будетъ установить фактъ существованія опредѣленнаго преступленія, заключающагося въ такъ называемой «торговлѣ бѣлыми рабынями». «Часты ли такія преступленія?—говорилъ сенаторъ Беранже.—Мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній по этому поводу. Если обращаться только къ офиціальнымъ источникамъ, то мы можемъ быть спокойны относительно Франціи, какъ, вѣроятно, и относительно другихъ странъ. Въ Парижѣ полиція не могла сообщить намъ никакихъ фактовъ относительно недавняго прошлаго. По ея словамъ, въ домахъ терпимости нѣтъ ни одной женщины, француженки или иностранки, несовершеннолѣтней или взрослой, которая была бы увлечена туда противъ ея воли, силою или хитростью. Мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, и среди полицейскихъ, и среди лицъ, занимающихся благотворительностью и близко стоящихъ къ міру падшихъ женщинъ, существуетъ убѣжде-

ніе, что такія преступленія совершаются гораздо чаще, чѣмъ кажется, и что они остаются безнаказанными, благодаря особенной трудности раскрыть ихъ».

Всѣ послѣдующіе доклады вполнѣ подтвердили слова сенатора Беранже о недостаточности свѣдѣній о размѣрахъ этой торговли. За исключеніемъ Австріи, ни одна страна не представила никакихъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу. Особенность разсматриваемаго преступленія заключается именно въ его международной организаціи; оно начинается въ одной странѣ, продолжается въ другой и завершается въ третьей; и благодаря этому часто не подходитъ подъ уголовную кару ни въ одной изъ нихъ. Въ 80-хъ годахъ, когда была обнаружена несомнѣнная преступность двухъ агентовъ, занимавшихся торговлей англійскими дѣвушками въ Бельгіи, они были арестованы и подвержены наказанію не за торговлю женщинами, а за поддѣлку ихъ бумагъ.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ м-ръ Бѣнтингъ (Англія),—что существуетъ правильно организованная торговля молодыми дѣвушками, которыя покупаются и продаются, ввозятся и вывозятся изъ портовъ и городовъ Европы. Торговля эта регулируется обычными законами спроса и предложенія и капиталисты имѣютъ своихъ агентовъ въ разныхъ странахъ, которые занимаются выискиваніемъ подходящаго матеріала. Эти странствующіе агенты посѣщаютъ наиболѣе бѣдные городскіе кварталы и деревни—въ особенности въ Австріи и Западной Россіи—и затѣмъ увозятъ свои жертвы на Востокъ и на Западъ, гдѣ онѣ погибаютъ въ домахъ порока. Одна часть этой торговли идетъ черезъ Константинополь и Портъ-Саидъ, другая имѣетъ своимъ назначеніемъ южно-американскіе порты, въ особенности Буеносъ-Айросъ. Агенты обыкновенно дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: они стараются завязать сношенія съ дѣвочками 16—18 лѣтъ, преимущественно сиротами, предлагаютъ имъ выгодныя мѣста заграницей, въ качествѣ продавщицъ въ магазинѣ или актрисъ въ мѣстной труппѣ, выставляютъ на видъ выгодныя условія, хорошее жалованье и пр. Дѣвушки, по своему легкомыслію, вѣрятъ и соглашаются. Ихъ увозятъ (изъ Англіи) въ Бельгію или Парижъ, или гораздо дальше, въ Буеносъ-Айросъ и Іоганисбургъ (Африка), и только по прибытіи на мѣсто назначенія, онѣ узнаютъ, зачѣмъ ихъ привезли сюда. У нихъ нѣтъ денегъ на возвратный путь, нѣтъ друзей; онѣ не знаютъ, какъ имъ установить сношенія съ полиціей и вообще заявить о своемъ положеніи, потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ не знаютъ языка страны. Послѣ недолгой борьбы, онѣ подчиняются своей участи».

Для иллюстраціи трудности законнаго преслѣдованія такой торговли, м-ръ Бѣнтингъ приводитъ слѣдующій случай, происходившій въ Бордо нѣсколько лѣтъ тому назадъ. «Одинъ человѣкъ, выдающій себя за нѣмца и носящій фамилію Неймана, явился въ эмиграціонную контору

въ Бордо, брать билеты въ Буэносъ-Айросъ для себя, для своей жены и двухъ дочерей. Бумаги дочерей показались подозрительными, какъ будто они были поддѣланы, и Нейманъ и его жена были арестованы. Жена его на допросѣ призналась, что они съ мужемъ занимались опредѣленной торговлей, поставляя европейскихъ дѣвушекъ въ южно-американскіе дома терпимости. Двѣ дѣвушки, которыхъ они выдавали за дочерей, были доставлены имъ ихъ постояннымъ агентомъ въ Мюнхенѣ, и стоили имъ по 30 марокъ каждая. Обѣ были увлечены обѣщаніемъ хорошихъ мѣстъ въ Женевѣ. Въ Женевѣ, гдѣ онѣ очутились вдали отъ друзей и безъ языка, имъ сказали, куда онѣ предназначаются. Нейманъ экспортировалъ такимъ образомъ сотни молодыхъ дѣвушекъ».

«Теперь, обратите вниманіе на результатъ»,—говорилъ далѣе м-ръ Бёнтингъ. «Въ данномъ случаѣ дѣвушки были остановлены во время. Нейманъ, безъ сомнѣнія, совершилъ два преступленія: онъ склонялъ несовершеннолѣтнихъ къ разврату и поддѣлалъ ихъ бумаги. Но оба преступленія были совершены не во Франціи, а въ Германіи и въ Швейцаріи, поэтому Бордосскій судъ долженъ былъ оправдать его, и онъ, по всей вѣроятности, до сихъ поръ продолжаетъ безпрепятственно свою торговлю».

Относительно Россіи сенаторъ Сабуровъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія. «Главнымъ пунктомъ экспорта женщинъ, съ ихъ согласія или путемъ обмана, является Одесса. Нѣкоторыя личности, посѣщающія наше южное побережье, давно уже обращали на себя общественное вниманіе; но только въ 1884 г. были приняты мѣры для пресѣченія ихъ дѣятельности. Былъ назначенъ особый полицейскій агентъ, которому былъ порученъ надзоръ за женскими пассажирами, отправляющимися изъ Одесскаго порта; результатомъ этого явились многочисленные аресты, и многія женщины были спасены отъ рабства, въ которое онѣ могли попасть по невѣдѣнію». Г-нъ Сабуровъ замѣчаетъ далѣе, что «по офиціальнымъ даннымъ эта торговля въ настоящее время прекратилась». Нельзя сказать того же о внутреннихъ провинціяхъ Россіи и въ особенности, о царствѣ Польскомъ. По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «лица живущіе въ Буэносъ-Айросѣ и Бразиліи, четыре раза въ годъ пріѣзжаютъ въ Россію, чтобы пополнять свой персоналъ. Главнымъ рынкомъ для ихъ торговыхъ операцій являются провинціи Варшавы, Калиша и Петрокова, а конторы ихъ агентовъ находятся въ Генуѣ, Бордо, Гаврѣ, Шербургѣ и Саутгэмптонѣ».—«Мы не беремся судить, насколько полиція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для борьбы съ этимъ зломъ»,—осторожно замѣчаетъ г. Сабуровъ. Хотя въ его докладѣ, какъ впрочемъ и въ большинствѣ другихъ докладовъ, нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ о ежегодныхъ оборотахъ этой торговли, тѣмъ не менѣе изъ приводимыхъ имъ фактовъ нельзя не заключить, что «торговля бѣлыми ра-

быиями» достигла въ нашемъ отечествѣ значительной степени процвѣтанія. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ докладѣ м-съ Фаусеттъ (Англія), которая, со словъ бывшаго русскаго консула въ Буэносъ-Айросѣ сообщила, что въ этомъ городѣ за 3 года въ домахъ терпимости было заключено около 3.000 европейскихъ женщинъ. Половина изъ нихъ были русскія, въ большинствѣ случаевъ, русскія еврейки. Вообще, огромное количество русскихъ евреекъ на международномъ рынкѣ бѣлыхъ рабынь, повидимому, является фактомъ, неподлежащимъ сомнѣнію.

Цифровыя данныя о ежегодныхъ оборотахъ торговли женщинами были сообщены на конгрессѣ только относительно Австріи. Представительница Австріи, баронесса Лангенау, составила подробный и обстоятельный докладъ о положеніи дѣлъ въ Австро-Венгріи, причемъ коснулась отдѣльно каждой провинціи. Предсѣдательствовавшій въ этотъ день профессоръ Пико, по справедливости, назвалъ ея докладъ «лучшимъ изъ всѣхъ докладовъ, представленныхъ конгрессу».

«Полиція въ Австріи имѣетъ точные списки лицъ, занимающихся торговлей женщинами,—говорила баронесса Лангенау.—Мнѣ сообщали, что въ Вѣнѣ ихъ около 180. Лица, заслуживающія полнаго довѣрія, опредѣляютъ количество дѣвушекъ и женщинъ, ежегодно увлекаемыхъ ими, равнымъ 1.500. Торговля эта въ высшей степени выгодна. Дѣвушки вербуются, по большей части, изъ Богеміи, Галиціи и Австріи, гдѣ ихъ приглашаютъ въ качествѣ прислуги или приказчицъ въ какой-нибудь городъ въ Венгріи. Ихъ не отправляютъ прямо въ Константинополь, что̀ могло бы возбудить подозрѣнія, но въ концѣ-концовъ, обходными путями, онѣ добираются до этого города. Оттуда ихъ переправляютъ въ Каиръ или Требизондъ. Онѣ почти никогда не возвращаются на родину, такъ какъ все больше и больше запутываются въ долгахъ.

«Особенно богатую поживу для агентовъ представляетъ задавленное нуждою деревенское населеніе Галиціи. Здѣсь контракты обыкновенно заключаются съ вѣдома и согласія родителей, которые и не подозрѣваютъ, какая участь ожидаетъ ихъ дочерей. Подобныя же вещи совершаются и въ другихъ провинціяхъ, напр. въ Босніи, гдѣ, впрочемъ, теперь за это дѣло взялись миссіонеры, которымъ удалось уже сдѣлать кое-что».

Въ заключеніе своего доклада, баронесса Лангенау съ грустью замѣчаетъ: «Конечно, очень важно было бы въ этомъ отношеніи разбудить общественное мнѣніе, писать въ газетахъ и журналахъ, созывать митинги. Но что̀ можно сдѣлать въ такой странѣ, какъ Австрія, гдѣ газеты цензируются полиціей, гдѣ нѣтъ настоящей свободы слова и свободы собраній? Единственная газета въ Вѣнѣ, которая рѣшается обсуждать на своихъ столбцахъ вопросы нравственности—это «Arbeiterzeitung», органъ соціалъ-демократической партіи, но ея вліяніе ограничено кругомъ читателей-рабочихъ». Баронесса Лангенау приводитъ далѣе нале-

читанное въ «Arbeiterzeitung» письмо представителя «Общества помощи женщинамъ въ Аргентинѣ», касающееся интересующаго насъ вопроса.

«Тысячи несчастныхъ родителей въ Европѣ, — говорится въ этомъ письмѣ,—томятся въ неизвѣстности относительно участи своихъ безъ вѣсти пропавшихъ дочерей. Мы можемъ сказать имъ, гдѣ онѣ, и что съ ними сталось. Онѣ въ Буэносъ-Айресѣ или Ріо-Жанейро и, хотя въ настоящее время тамъ большое европейское общество, не находится ни одного человѣка, который рѣшился бы заступиться за нихъ. Дѣвушки въ домахъ терпимости ведутъ жизнь настоящихъ рабынь: имъ не позволяютъ выходить изъ дому, не допускаютъ никакой переписки; мало-по-малу онѣ опускаются до уровня простыхъ машинъ, съ помощью которыхъ «предприниматели» наживаютъ себѣ большія состоянія. Какой же конецъ ожидаетъ ихъ? Когда здоровье ихъ будетъ окончательно подорвано такою жизнью, онѣ остаются на улицѣ, или находятъ себѣ пріютъ въ больницѣ.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки, «коммерческіе агенты» снаряжаются въ путь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернутся изъ Европы со свѣжимъ товаромъ. Если въ Европѣ не будутъ приняты какія-нибудь энергичныя мѣры для прекращенія этой постыдной торговли, то мы здѣсь уже ничего не сможемъ сдѣлать, потому что эти господа находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ полиціей. Кромѣ того, они играютъ здѣсь большую роль въ обществѣ: это—очень богатые люди, жены ихъ, разряженныя въ шелки и бриліанты, занимаютъ первыя мѣста въ свѣтѣ. Они тѣсно сплочены другъ съ другомъ, имѣютъ телеграфный шифръ и выработали себѣ удивительную организацію».

Представитель Швейцаріи, г. де-Мёронъ, сообщилъ, что швейцарскіе консулы въ морскихъ портахъ, обязанные слѣдить за движеніемъ эмигрантовъ, постоянно имѣютъ свѣдѣнія о пароходахъ, отправляющихся съ живымъ товаромъ изъ Портъ-Саида на Востокъ, но они ничего не могутъ сдѣлать, въ виду отсутствія международнаго законодательства по этому предмету.

Изъ иностранныхъ делегатовъ представитель Швейцаріи особенно рѣзко подчеркивалъ связь, существующую, по его мнѣнію, между торговлей бѣлыми рабынями и разрѣшаемыми закономъ домами терпимости. «Эти оффиціально разрѣшенные дома,—говорилъ онъ,—являются главнымъ рынкомъ для сбыта бѣлыхъ рабынь, и только благодаря имъ возможна та удивительная международная организація этой торговли, которая теперь всплываетъ наружу. Извѣстно, что поступленіе каждой новой дѣвушки въ домъ терпимости сопровождается заключеніемъ торговой сдѣлки, причемъ содержатель дома платитъ агенту, доставившему дѣвушку, опредѣленную сумму, которая во Франціи и въ Женевѣ колеблется отъ 200 до 1.000 фр.».

«Мы пытались опредѣлить цифровое значеніе этой купли-продажи въ Женевѣ,—продолжалъ г. де-Мёронъ,—и получили отъ полиціи слѣ-

дующія свѣдѣнія о 15 оффиціально разрѣшенныхъ домахъ терпимости въ Женевѣ за послѣднія 5 лѣтъ: оказывается, что 90% дѣвушекъ остаются не болѣе 140 дней въ одномъ и томъ же домѣ; поэтому, 90% обитателей ихъ обновляются 2½ раза въ годъ, и маленькая Женева заключаетъ ежегодно около 200 торговыхъ сдѣлокъ живымъ товаромъ. Если примѣнить тотъ же методъ къ Парижу, то окажется, что 8.000 оффиціально зарегистрованныхъ въ немъ несчастныхъ женщинъ служатъ предметомъ 18.000 торговыхъ сдѣлокъ въ годъ».

Обитательницы этихъ домовъ въ Женевѣ принадлежатъ къ 14 различнымъ національностямъ; только 16% изъ нихъ швейцарки. Не указываетъ ли это на необычайную энергію и предпріимчивость агентовъ, рекрутирующихъ дѣвушекъ въ чужихъ странахъ? «И мы положительно утверждаемъ,—говорилъ г. де-Мёронъ,—что это рекрутированіе почти постоянно производится съ помощью хитрости и обмана, и представляетъ собою несомнѣнные случаи торговли бѣлыми рабынями».

«Лига общественной нравственности» въ Цюрихѣ собрала біографическія свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся торговцахъ бѣлыми рабынями въ Швейцаріи. По словамъ г. де-Мёрона, «ничто не можетъ быть поучительнѣе карьеры нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые начинали съ открытія небольшого «заведенія», потомъ расширяли свои дѣла, завязывали сношенія за границей, создавали пути для международной торговли, раскидывали свои сѣти на дальній Востокъ, наживали большія состоянія и мирно заканчивали свои дни въ какой-нибудь роскошной виллѣ на берегахъ Женевскаго или Цюрихскаго озера».

Представительница Голландіи точно также заявила: «Мы въ Голландіи глубоко убѣждены, что только полная отмѣна постыдной системы регламентаціи порока и закрытіе домовъ его, положитъ конецъ торговлѣ бѣлыми рабынями и всѣмъ, связаннымъ съ нею ужасамъ». Въ такомъ же смыслѣ высказывалось огромное большинство членовъ конгресса; всѣ, безъ исключенія, англійскіе ораторы, m-lle Sainte Croix и пасторъ Comte отъ имени Франціи, Е. И. Гарднеръ отъ имени Россіи, и пр., и пр. Это настроеніе было до такой степени преобладающимъ, что никто не рѣшился выступить съ противнымъ мнѣніемъ, и только въ послѣдній день, когда дѣло дошло до голосованія резолюцій, выяснилось, что на конгрессѣ присутствовалъ очень сильный противникъ аболюціонистовъ—сенаторъ Беранже, пользовавшійся все время такимъ шумнымъ успѣхомъ. Но Беранже, очевидно, слишкомъ дорожилъ своей популярностью и предпочиталъ не высказываться по существу. А между тѣмъ, выслушать его мнѣніе было бы очень интересно. Аргументація аболиціонистовъ была очень убѣдительна, и въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы привести какіе-нибудь доводы въ пользу той системы, которую они осуждали съ такой страстностью. Но мнѣ все время казалось, что они ставятъ вопросъ слишкомъ узко и, ратуя за уничтоженіе государственной регламентаціи забываютъ, что этимъ нисколько

не разрѣшается вопросъ о проституціи вообще. Причины этой послѣдней лежатъ гораздо глубже; тотъ «спросъ на бѣлыхъ рабынь», о которомъ столько говорилось на конгрессѣ, создается не разными темными личностями, эксплуатирующими его въ свою пользу: онъ является результатомъ экономическихъ условій, благодаря которымъ множество мужчинъ не имѣютъ возможности своевременно жениться, результатомъ современной организаціи войска, обрекающаго милліоны людей на вынужденное безбрачіе. Главной же причиной проституціи въ ея современной формѣ является приниженное положеніе женщины низшихъ классовъ народа, которое является такой легкой поживой для всевозможныхъ сдѣлокъ. На конгрессѣ много говорилось о томъ, что «слѣдуетъ закрыть двери пороку», но при этомъ упускалось изъ виду, что, закрывая двери оффиціально разрѣшенныхъ домовъ порока, они нисколько не преграждаютъ доступа къ пороку, ибо изъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ нѣкоторыхъ докладахъ, явствуетъ, что регистрированныя несчастныя женщины составляютъ лишь незначительную часть «арміи порока»: въ Вѣнѣ, напр., насчитывается всего 2.400 оффиціальныхъ, между тѣмъ какъ число женщинъ, занимающихся «тайною проституціей», простирается до 30.000. Въ Берлинѣ, изъ 50.000 несчастныхъ только 4.039 были зарегистрированы въ 1890 г. Наконецъ, Лондонъ въ которомъ уже 15 лѣтъ тому назадъ была отмѣнена всякая регистрація и въ которомъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ 46.895 падшихъ женщинъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что усилія искреннихъ и благожелательныхъ друзей падшихъ женщинъ направляются не въ ту сторону, гдѣ они могли бы привести къ наибольшимъ результатамъ. Подобныя мысли хотя и не высказывались на конгрессѣ, но, вѣроятно, приходили въ голову не мнѣ одной, и одинъ изъ самыхъ пламенныхъ аболиціонистовъ, членъ парламента м-ръ Вильсонъ, въ одной изъ своихъ рѣчей счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Одинъ изъ нашихъ гостей сказалъ мнѣ вчера, что улицы Лондона ночью хуже улицъ другихъ европейскихъ столицъ. Можетъ быть, это и такъ. Но то, что̀ вы видите въ Англіи, дѣлается противъ закона, между тѣмъ какъ въ Европѣ законъ разрѣшаетъ все это». Такое соображеніе можетъ служить успокоеніемъ для нравственнаго чувства англичанъ, но, во всякомъ случаѣ, нисколько не мѣняетъ существа дѣла.

По вопросу о торговлѣ бѣлыми рабынями конгрессъ вотировалъ слѣдующія резолюціи:

«1. Въ каждой странѣ образуется національный комитетъ для борьбы съ торговлей бѣлыми рабынями. Національные комитеты въ своей совокупности образуютъ конгрессъ.

«Конгрессъ организуетъ интернаціональный комитетъ, въ который входятъ по два члена изъ каждаго національнаго комитета.

«Бюро конгресса будетъ засѣдать въ Лондонѣ.

«Конгрессъ выражаетъ желаніе:

«А. Чтобы между правительствами установилось соглашеніе:

«Установить, по возможности, наказанія одинаковой степени за склоненіе женщинъ и дѣвушекъ къ разврату, путемъ насилія, обмана, злоупотребленія властью и всякимъ другимъ способомъ. По отношенію къ лицамъ, обвиненнымъ въ этомъ преступленіи, слѣдуетъ тотчасъ же предпринять точное разслѣдованіе дѣла, если оно было совершено въ нѣсколькихъ странахъ, и путемъ международныхъ договоровъ добиться выдачи преступника.

«В. Установить соглашеніе между различными благотворительными обществами въ разныхъ странахъ и сообщать другъ другу свѣдѣнія объ эмиграціи женщинъ и мѣрахъ, принимаемыхъ для огражденія эмигрантокъ.

«С. Составить списокъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ въ каждой странѣ, готовыхъ взять на себя эту обязанность, и разослать этотъ списокъ всѣмъ правительствамъ».

Когда эти резолюціи были прочитаны, на конгрессѣ поднялся общій ропотъ. Особенно волновались англичане, которые находили, что не стоило терять три дня на разговоры, чтобы выработать такія ничтожныя пожеланія. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было прибавить къ резолюціямъ еще слѣдующее постановленіе:

«Конгрессъ заявляетъ, что вышеприведенныя резолюціи выражаютъ только тотъ минимумъ требованій, который, по его мнѣнію, можетъ быть достигнутъ теперь же».

III.

Вторая часть засѣданій конгресса, какъ я уже говорила, была посвящена описанію различныхъ благотворительныхъ учрежденій «предупреждающаго» и «спасающаго» характера (preventive and rescue work). Представители европейскихъ странъ старались перещеголять другъ друга обиліемъ и разнообразіемъ всевозможныхъ благотворительныхъ учрежденій помощи падшимъ женщинамъ. Россія, вообще, пользовалась большимъ почетомъ на конгрессѣ. Англичане, видимо, были очень довольны, что имъ удалось заручиться сочувствіемъ въ правящихъ сферахъ, и въ рѣчахъ своихъ нѣсколько разъ упоминали о томъ, что «Россія со свойственнымъ ей великодушіемъ откликнулась на призывъ», и пр. и пр. Представители великодушной націи, присутствовавшіе на конгрессѣ, чувствовали себя нѣсколько неловко во время чтенія доклада князя Волконскаго объ «общественныхъ мѣропріятіяхъ для борьбы съ проституціей». Изъ этого доклада съ полной очевидностью явствовало, что такія мѣропріятія у насъ почти совершенно отсутствуютъ. «Въ Россіи надзоръ за проститутками находится въ рукахъ полиціи,—говорилось въ докладѣ князя Волконскаго.—Полиція составляетъ списки падшихъ

женщинъ и слѣдитъ за выполненіемъ санитарныхъ правилъ. При этомъ она должна была бы также защищать дѣвушекъ отъ насилія и злоупотребленіи и помогать имъ снова выбраться на честную дорогу. Но, къ несчастію,—замѣчаетъ князь Волконскій,—такой результатъ достигается лишь весьма рѣдко, потому что всѣ предписанія, которыми руководствуется въ своей дѣятельности полиція, касаются исключительно санитарной стороны вопроса, охраны народнаго здравія. Какія бы то ни было законоположенія, ограждающія личность падшей женщины отъ злоупотребленій и притѣсненій, въ Россіи отсутствуютъ. Поэтому естественно, что и полиція совершенно не занимается защитою, и еще менѣе «спасеніемъ» (rescue) падшихъ женщинъ. Беззащитность ихъ еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное большинство этихъ женщинъ въ Россіи принадлежатъ къ самому низшему общественному слою и лишены всякаго образованія. Въ Петербургѣ, напр., 78% изъ нихъ неграмотны. Эти женщины, конечно, имѣютъ самыя смутныя представленія о своихъ правахъ, о законахъ и полицейскихъ постановленіяхъ; попавъ, даже случайно, въ «заведеніе», онѣ не знаютъ, какъ изъ него выбраться, и ихъ легко можно убѣдить, что существуетъ законъ, подъ страхомъ наказанія запрещающій имъ возвратъ на свободу».

По подлиннымъ словамъ князя Волконскаго, «дѣло спасенія падшихъ женщинъ въ Россіи находится не въ особенно благопріятныхъ условіяхъ». Въ Петербургѣ, съ его милліоннымъ населеніемъ, существуетъ всего *одно* убѣжище для раскаившихся, въ которомъ призрѣваются *22* женщины; есть также отдѣленіе для дѣвочекъ, которымъ грозитъ опасность сдѣлаться безнравственными. Въ Петербургѣ попадаются несчастныя, начиная съ 10-ти-лѣтняго возраста, но полиція не можетъ ничѣмъ помочь имъ, ибо въ убѣжищѣ слишкомъ мало мѣста. Многія женщины, которыя подписываютъ свое согласіе на занесеніе въ полицейскіе списки, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о значеніи этого акта. Большинство идутъ на это подъ давленіемъ нужды. Кромѣ Петербурга, убѣжища св. Магдалины существуютъ еще въ Ригѣ, Ревелѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ. Такимъ образомъ, на всю огромную Россію насчитывается всего 6 убѣжищъ. Кромѣ того, существуетъ еще нѣсколько убѣжищъ, устраиваемыхъ лютеранскою церковью для своей духовной паствы.

Изъ учрежденій «предохраняющаго» характера отчетъ князя Волконскаго указываетъ на возникшее въ 1897 г. петербургское «Общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ», которое ставитъ своей цѣлью устройство воскресныхъ собраній для работницъ, устройство дешевыхъ общежитій, защиту отъ дурного обращенія, подыскиваніе мѣстъ, и пр. По своей программѣ, это общество очень походитъ на заграничныя общества такого же типа.

Попеченіе о дѣтяхъ въ Россіи обстоитъ нѣсколько лучше: по отче-

тамъ «учрежденій Императрицы Маріи», въ Россіи существуетъ 365 дѣтскихъ пріютовъ на 15.000 дѣтей. Въ Императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, по отчету 1894 г.. призрѣвалось 5.444 дѣтей. Кромѣ того, существуютъ и многочисленные частные .пріюты, изъ которыхъ князь Волконскій упомянулъ только объ одномъ — о дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія въ такъ называемой «Вяземской лаврѣ» въ Петербургѣ. Но эти цифры, какъ мы сейчасъ увидимъ, не выдерживаютъ никакого сравненія съ такими же цифрами въ другихъ государствахъ.

Во Франціи «Центральное бюро благотворительныхъ учрежденій» (Bureau central des oeuvres de bienfaisance) издало перечень всѣхъ своихъ благотворительныхъ учрежденій; перечень этотъ за 1897 г. составилъ для одного Парижа томъ въ 650 страницъ мелкаго шрифта, а для провинцій — томъ въ 1.200 страницъ. Въ общемъ, во Франціи насчитывается *64.000* благотворительныхъ учрежденій. Очень значительная часть ихъ посвящена спеціально защитѣ дѣвочекъ и женщинъ. Въ одномъ Парижѣ существуетъ 191 учрежденіе такого рода.

Въ Германіи дѣло помощи падшимъ женщинамъ сосредоточено, преимущественно, въ рукахъ женскихъ обществъ. «Берлинскій женскій союзъ» (Berliner Frauenbund) имѣетъ нѣсколько убѣжищъ въ Берлинѣ, въ которыхъ дается пріютъ около 900 падшимъ женщинамъ. Протестантстская церковь въ Германіи также имѣетъ цѣлый рядъ такихъ учрежденій. Кромѣ того, въ Германіи есть отдѣленіе «Международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ» (Union Internationale des amies de la jeune fille), имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ» (Young womens christian Association), имѣющей цѣлыхъ 3.000 филіальныхъ отдѣленій въ Германіи.

«Интернаціональное общество друзей молодой дѣвушки» возникло въ 1877 году въ Швейцаріи. Въ настоящее время оно имѣетъ филіальныя отдѣленія въ 32 различныхъ странахъ. Общество это, принадлежащее къ числу «предохраняющихъ» учрежденій, имѣетъ прежде всего справочное бюро, куда молодыя дѣвушки, ищущія работу, могутъ обращаться за всякого рода свѣдѣніями. Это справочное бюро старается отвлекать молодыхъ дѣвушекъ отъ сношеній съ разными подозрительными агентами и предостерегаетъ ихъ противъ заманчивыхъ газетныхъ объявленій, которыя такъ часто служатъ причиною перваго паденія.

Съ тою же цѣлью предупрежденія опасности, общество выдѣлило изъ своей среды особую группу, которая спеціально занимается такъ называемыми «встрѣчами». Члены этой группы ежедневно дежурятъ на станціяхъ и встрѣчаютъ молодыхъ дѣвушекъ, пріѣзжающихъ изъ другихъ городовъ и не знающихъ, гдѣ имъ остановиться. Имъ предлагаютъ помѣщеніе въ спеціально устроенныхъ для этого убѣжищахъ, и затѣмъ заботятся о прiисканіи имъ мѣста. Извѣстно, что разныя

темныя личности тоже имѣютъ обыкновеніе дежурить на вокзалахъ и пристаняхъ и намѣчаютъ себѣ жертвы среди одинокихъ и неопытныхъ дѣвушекъ, пріѣзжающихъ изъ деревень. «Общество друзей» рѣшилось отвоевать у нихъ эту арену дѣятельности, и надо сказать, что они дѣйствуютъ очень удачно. Въ Швейцаріи такія «встрѣчи» организованы во всѣхъ большихъ городахъ, и количество молодыхъ дѣвушекъ, которымъ, такимъ образомъ, оказывается помощь, колеблется отъ 5 до 8.000 въ годъ. Конечно, сюда входятъ и незначительныя услуги, вродѣ одной ночи, проведенной въ убѣжищѣ. Но несомнѣнно, для многихъ и многихъ дѣвушекъ эта своевременная поддержка, оказанная въ первый-же день пріѣзда въ чужой городъ, имѣетъ рѣшающее вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь.

Таже цѣль преслѣдуется и плакатами, вывѣшиваемыми «Обществомъ друзей» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и въ вагонахъ и каютахъ 3-го класса. Въ этихъ плакатахъ, напечатанныхъ большими буквами, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, молодыя дѣвушки предупреждаются объ опасности, которая можетъ имъ угрожать, и при этомъ сообщаются адреса убѣжищъ въ ближайшемъ городѣ.

Кромѣ предохраняющихъ учрежденій, общество имѣетъ также всякаго рода убѣжища для падшихъ женщинъ, пріюты для родильницъ, и пр. По воскресеньямъ члены его устраиваютъ собранія для работницъ и прислуги.

Наряду съ протестантскимъ «Обществомъ друзей молодой дѣвушки» въ Швейцаріи существуетъ и «Католическое общество защиты молодыхъ дѣвушекъ», которое преслѣдуютъ тѣ же цѣли.

Я остановлюсь подробнѣе на нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Англіи, такъ какъ они являются типичными для подобныхъ же учрежденій въ другихъ странахъ. Одною изъ самыхъ распространенныхъ организацій «предохраняющаго» характера является «Христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ» (Young womehs christian Association). Задача этой ассоціаціи заключается въ помощи молодымъ дѣвушкамъ, какъ матеріальной, такъ и нравственной. Оно устраиваетъ дешевые общежитія и рестораны для работницъ и для интеллигентныхъ труженицъ, организуетъ всевозможныя просвѣтительныя учрежденія для работницъ: въ составъ его входятъ и справочная контора, и «Общество помощи молодымъ путешественницамъ», и общедоступныя залы для гимнастическихъ упражненій, и велосипедная школа, и религіозные митинги, и пр., и пр. Въ Лондонѣ разбросано 25 общежитій и ресторановъ «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ», въ провинціяхъ ихъ около 100, въ Шотландіи—11 и въ Ирландіи—14.

Заглянемъ въ одно изъ такихъ общежитій, при которомъ есть и ресторанъ. Въ одной изъ боковыхъ улицъ центральнаго Лондона виднѣется хорошенькое окно, въ которомъ среди горшковъ съ цвѣтами повѣшена карточка съ обозначеніемъ цѣнъ обѣда, чая и пр. Въ семь часовъ

обитательницы общежитія возвращаются домой послѣ дневной работы. Это, преимущественно, приказчицы или конторщицы въ различныхъ магазинахъ. Есть также и общежитія, и рестораны спеціально для фабричныхъ дѣвушекъ. Столовая—большая, привѣтливая комната, оклеенная свѣтлыми обоями, съ большими стѣнными зеркалами. Ею пользуются нетолько живущія, но и многія посторонція дѣвушки. Обѣдъ дается свѣжій, хорошо приготовленный, и за сравнительно очень дешевую цѣну: напр., за $2^1/_2$ пенса (12 коп.) вы получаете большую порцію супу, хлѣба и молочнаго пуддинга; за 5 пенсовъ (25 к.) къ этому прибавляется еще порція мяса съ картофелемъ.

Изъ ресторана вы по лѣстницѣ поднимаетесь въ общую гостиную — большую уютную комнату, съ комфортабельными креслами и кушетками и фотографіями на стѣнахъ. Каждый живущій въ общежитіи имѣетъ крошечную спальню, которую даже нельзя назвать комнатой— это просто чуланчикъ, въ которомъ помѣщается кровать, стулъ, комодъ и умывальникъ. Эти чуланчики (называемые cubicles) очень распространены въ лондонскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и ихъ всегда предпочитаютъ большимъ комнатамъ, въ которыхъ помѣщается нѣсколько человѣкъ. Цѣна за такой чуланчикъ колеблется отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ шил. въ недѣлю. Они освѣщаются электричествомъ и снабжены прекрасной вентиляціей. Кромѣ такихъ дешевыхъ общежитій, есть еще болѣе комфортабельныя и дорогія общежитія для интеллигентныхъ труженицъ.

Помимо общежитій, ассоціація молодыхъ женщинъ устроила еще такъ называемое «Центральное учрежденіе» (Central Institute), въ которомъ сосредоточиваются всевозможныя просвѣтительныя и увеселительныя учрежденія для его членовъ. По вечерамъ тамъ идутъ самыя разнообразныя занятія: классы кройки, шитья, классъ хорового пѣнія, кулинарные курсы. Въ гимнастическомъ залѣ дѣвушки, просидѣвшія цѣлый день надъ работой, разминаютъ свои члены шведской гимнастикой. Недавно при обществѣ образовался клубъ велосипедистокъ, которыя лѣтомъ предпринимаютъ различныя экскурсіи въ окресностяхъ Лондона. Особенной популярностью у дѣвушекъ пользуются уроки французскаго языка, музыки и бухгалтеріи. Тутъ-же образуются кружки, читающіе сообща драмы Шекспира, или изучающія исторію Англіи.

«Общество помощи путешественницамъ», состоящее при «Ассоціаціи молодыхъ женщинъ», преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ и швейцарская «Union des amies de la jeune fille». Оно имѣетъ отдѣленія въ провинціяхъ и заграницей и въ теченіе 1898 г. была оказана помощь 3.031 дѣвушкѣ, путешествовавшей по Англіи въ поискахъ за мѣстомъ. Кромѣ встрѣчъ на станціяхъ и на докахъ, общество беретъ на себя собираніе свѣдѣній о мѣстахъ, которыя предлагаются молодымъ дѣвушкамъ въ другихъ городахъ, и такимъ путемъ имъ удается сдѣлать много добра. Какъ видно уже изъ самаго названія ассоціаціи, дѣятельность

ея имѣетъ религіозный характеръ; по воскресеньямъ во всѣхъ общежитіяхъ устраиваются религіозные митинги, присутствіе на которыхъ, впрочемъ, не обязательно для живущихъ. Вообще помощь оказывается всѣмъ женщинамъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Такой же религіозностью проникнуто и другое общество, преслѣдующее аналогичныя цѣли—«Общество друзей молодыхъ дѣвушекъ» (Girls friendly Society). Это общество, примыкающее къ англиканской церкви, находится подъ покровительствомъ королевы Викторіи. Оно имѣетъ 1.330 развѣтвленій въ Англіи и 32.399 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, и ежегодно оказываетъ помощь 154.170 дѣвушкамъ.

Кромѣ того, въ Англіи существуютъ еще многочисленныя организаціи, ставящія себѣ задачей удержаніе молодыхъ дѣвушекъ на пути добродѣтели: «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ» (Girls clubs Union), «Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ», «Общество доставленія занятій молодымъ женщинамъ» и пр., и пр. Косвенно къ той же цѣли стремится и «Лига союзовъ работницъ (Women Trade unions League)» и многочисленныя «женскія поселенія» на лондонскихъ окраинахъ. Конечно, всѣ эти учрежденія оказываются недостаточными для борьбы съ проституціей, но, во всякомъ случаѣ, они намѣчаютъ пути для этой борьбы, и нѣкоторые изъ этихъ путей (напр., союзы работницъ, которые теперь только начинаютъ развиваться въ Англіи) могутъ въ будущемъ имѣть большое значеніе.

Въ Англіи существуютъ и многочисленные пріюты для спасенія падшихъ женщинъ. Эти пріюты, конечно, приносятъ большую пользу, какъ и всякія благотворительныя учрежденія, но по своему значенію ихъ, нельзя сравнивать съ учрежденіями «предохраняющаго» типа. По этому поводу нельзя не вспомнить словъ американской делегатки, миссъ Сусанны Антони, которая говорила на послѣднемъ годовомъ собраніи National Vigilance Assotiation: «Спасать отдѣльныхъ проститутокъ—это все равно, что стараться исчерпать море чайной ложкой, или собирать зерна песку на морскомъ берегу: пока вы стараетесь спасти одну изъ нихъ, общественныя условія создаютъ милліоны новыхъ проститутокъ. Поэтому соціальные реформаторы должны заносить свой топоръ къ корню дерева, а не къ отдѣльнымъ вѣткамъ его».

Л. Давыдова.

ПОЭТЕССА ИЗЪ НАРОДА.

Въ апрѣлѣ 1893 г., въ Италіи вышелъ сборникъ лирическихъ стихотвореній, озаглавленный «Судьба» (Fatalità). Одна изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсенъ содержала горячую отповѣдь тѣмъ лѣнивымъ и развращающимъ тенденціямъ, которыя въ буржуазной литературѣ Запада получили теперь такое преобладающее значеніе и вліяніе. «О сытый міръ безсовѣстныхъ буржуа, питающихся счетами и аферами, міръ упитанныхъ милліонеровъ и юныхъ кокотокъ, малокровныхъ женщинъ, посѣщающихъ мессу ради свиданія съ любовникомъ... Ты, лживый міръ, хочешь отнять у меня солнце идеала, ты, трусливый пигмей, хочешь обрѣзать мои крылья? Ты шипишь, а я летаю, ты зѣваешь, я пою. Ты лжешь, сплетничаешь, клевещешь, но я тебя презираю. Съ небесной тверди улыбаются мнѣ золотыя чары поэзіи, ты же купаешься въ грязи... Устремляя свой взоръ къ сверкающимъ звѣздамъ, я иду безоружная и одинокая,—противъ судьбы. И чѣмъ яростнѣе ты меня преслѣдуешь, тѣмъ могучѣе рвется изъ моей груди пророческое слово любви. Иди же, пошлый, сытый, невѣрующій міръ, по темному пути, въ погонѣ за деньгами и наслажденіями. Бичемъ моего страстнаго стиха казню я тебя прямо въ лицо!»

Упомянутый сборникъ принадлежалъ перу молодой поэтессы *Ады Негри*. Какъ странно сложилась судьба этой дѣвушки!

Ада Негри—дитя народа. Отецъ ея—крестьянинъ-батракъ. Мать работала на фабрикѣ, въ шерстопрядильнѣ. Дѣвочка посѣщала начальную школу въ родномъ мѣстечкѣ Лоди, недалеко отъ Милана. Когда Адѣ минуло 18 лѣтъ, она получила мѣсто сельской учительницы въ захолустной деревушкѣ Мотта-Висконти, въ Ломбардской области. Здѣсь она обучала грамотѣ 80 человѣкъ ребятишекъ и жила очень бѣдно, такъ какъ отдавала три четверти своего скромнаго жалованія больной матери. Когда, въ 1893 г., вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ стихотвореній Ады Негри, обратившій на нее всеобщее вниманье, судьба сельской учительницы быстро измѣнилась. Молодая талантливая дѣвушка была немедленно переведена въ Миланъ, въ одно изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь она преподавала въ качествѣ «professora» итальянскій языкъ и итальянскую литературу. Затѣмъ ей

выхлопотали ежегодную пенсію въ 2.000 фр. Въ 1896 г. появился второй сборникъ ея стихотвореній подъ заглавіемъ «Tempeste» (Бури). Ада Негри была теперь знаменитостью. Счастье не переставало ей улыбаться. Богатый фабрикантъ изъ Милана, синьоръ Гарланда сдѣлалъ ей предложеніе *). Скромная учительница не нашла возможнымъ отказать поклоннику ея таланта и идей. Такъ покинула Ада Негри теплыя долины, гдѣ царятъ бѣдность и горе, и вознеслась на солнечныя высоты буржуазнаго счастья. Такіе переходы изъ одного класса въ другой не проходятъ для человѣка даромъ. Вотъ почему хотѣлось бы фиксировать портретъ Ады Негри такой, какой она была въ захолустной деревушкѣ Мотта-Висконти, простой сельской учительницей!

II.

Ада Негри не знала своего отца. Онъ умеръ, одинъ, въ городскомъ госпиталѣ. Не было при немъ ни жены, ни дочери. Никто не поцѣловалъ его на вѣчный сонъ. Только сидѣлка прочла надъ нимъ молитву и закрыла ему глаза. Тѣмъ не менѣе, Ада твердо хранила память объ одинокомъ страдальцѣ. Впослѣдствіи она посѣтила больницу, гдѣ онъ скончался. Невольно образъ безвременно погибшаго крестьянина-пахаря выросъ для нея въ скорбное олицетвореніе всего класса обездоленныхъ тружениковъ, которые борются во мракѣ и умираютъ безъ свѣта. И когда дѣвушка стояла, въ печальномъ раздумьѣ, передъ койкой съ надписью № 20, уста ея шептали неслышно святую, простую молитву: «О если бы у каждаго было свое теплое гнѣздышко, гдѣ онъ могъ бы безпечно жить и спокойно умереть—въ сіяніи вѣчнаго солнца...» **).

Но безконечно дороже отца, котораго она не знала, была для нея мать, которая всѣ свои силы и всѣ свои надежды отдала на то, чтобы создать счастье своей единственной, ненаглядной дочкѣ. Въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній Ада обезсмертила образъ этой симпатичной работницы ***). Въ фабрикѣ и пыльно, и душно. Шумятъ и свистятъ машины. Подъ оглушительные звуки этой пѣсни безмолвно работаютъ тысячи блѣдныхъ, изнемогающихъ женщинъ. Среди нихъ также мать поэтессы:

Пятнадцать ужъ лѣтъ, какъ въ заботахъ о хлѣбѣ
Заводитъ она свой прядильный станокъ.
Покорно неся безталанный свой жребій
Судьбѣ непосильный оброкъ.
Бываютъ минуты: привычныя руки
Замѣтно слабѣютъ, усталость взяла...

---

*) Подробности см. у Jean *Dornis*: «La poesie contemporaine en Italie». *М. Ватсонъ* «А. Негри» и S. *Bisi-Albini* (Предисловіе къ «Fatalità». Этой статьей слѣдуетъ пользоваться осторожно).

**) Tempeste: «A l'ospedale maggiore».

***) Fatalità: «Madre operaja». Переводъ В. М. Шулятикова.

И страшный призракъ на мгновеніе встаетъ передъ неутомимой работницей:

А если внезапно недугъ неминучій
Къ постели ее прикуетъ!?
. . . .
Но, нѣтъ, невозможно. Хворать несвободно...

У работницы растетъ маленькая дочь *): она такъ умна и способна, она умѣетъ читать и писать. Она—«единая гордость неволи голодной». Она—для одинокой матери весь смыслъ жизни...

И капля за каплей она для малютки
Послѣднія силы отдастъ.
Когда жъ за машиной въ трудѣ неустанномъ
Наступитъ безсиліе старческихъ лѣтъ,
Отдастъ и мечты о покоѣ желанномъ,
Какъ нѣкогда вешній расцвѣтъ.

И Ада никогда не забывала своей дорогой матери. Когда гнетущее чувство одиночества охватывало все существо молодой учительницы, затерянной въ чужой деревушкѣ Мотта-Висконти, то только мысль о свиданіи съ матерью поддерживала въ ней бодрость и энергію. Въ первое же каникулярное лѣто она поспѣшила исполнить свою мечту. Какъ радостно забилось ея сердце, когда она на порогѣ «простой, маленькой комнатки» увидѣла вновь фигуру любимой матери! «Какъ сладко быть мнѣ здѣсь въ тиши, опять съ тобою вмѣстѣ—подъ ласки нѣжныя твои склонить головку, стать вполнѣ ребенкомъ на твоихъ колѣняхъ, всю скорбь моей души мятежной повѣдать тебѣ... О будь со мною всегда!» **). И какъ глубоко потрясена была дѣвушка, когда мать заболѣла тяжкимъ недугомъ! Какъ трогательно молилась она за ея безцѣнную жизнь! «Меня обними, неумолимое страданіе. Пусть будетъ мнѣ удѣломъ стыдъ. Изрѣжь мое молодое лицо морщинами. Оставь мнѣ однѣ слезы, но только не дай умереть моей матери» ***). И если образъ крестьянина-отца сталъ для Ады олицетвореніемъ незаслуженныхъ страданій, то фигура работницы-матери превратилась для нея навсегда въ символъ несокрушимаго духовнаго величія: «Бываютъ минуты,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ стихотвореній ****),—когда слезы подступаютъ мнѣ къ горлу и изнемогаетъ та могучая сила, что огнемъ переливается въ моихъ жилахъ. Въ такія минуты вспоминаю я тебя, дорогая мать. Какой гордой и великой кажешься мнѣ ты! Какъ ярко свѣтятся твои глаза! И тогда я чувствую, какъ мои силы удесятеряются. Тогда я становлюсь опять плотью отъ твоей плоти. Тогда я снова гордый дубъ, котораго не сломитъ ни одинъ ураганъ».

---

*) Въ подлинникѣ сказано «сынъ». Но автобіографическое значеніе этого стихотворенія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

**) Fat. «Pur vi vivedo ancor».

***) Fat. «Pietà».

****) Temp. «A te, mamma!»

Такъ сохранила эта дѣвушка изъ простого народа въ сердцѣ теплую привязанность къ тѣмъ, кто ей далъ жизнь.

Въ захолустной, лѣсной тиши деревушки Мотта-Висконти одинокая учительница такъ часто мечтала о любви. Вѣдь ей минуло только 20 лѣтъ и она была, къ тому же, поэтесса. «Услышь меня, бѣдный цвѣтокъ,—говорила она послѣдней розѣ, осыпавшейся въ ея садикѣ,—я не хочу умереть, не испытавъ любви» *).

Но за кого мочтаетъ Ада выйти замужъ? На какихъ началахъ думаетъ она построить свою собственную семейную жизнь? Какъ поступитъ она, если передъ ней предстанетъ богатый юноша, изящный салонный кавалеръ? Что скажетъ она ему, если онъ предложитъ ей свое сердце и вмѣстѣ съ нимъ свои капиталы... Она, жившая исключительно своимъ личнымъ трудомъ и свято вѣрующая въ свои идеалы, обратится къ нему съ вопросомъ **):

Но скажи: томился ль ты въ трудѣ суровомъ,
Долгими ночами отгоняя сонъ?
И какихъ завѣтовъ всемогущимъ словомъ
Твой цвѣтущій полдень свято вдохновленъ?

Ты не отвѣчаешь: такъ ступай обратно
Къ свѣтскому досугу, къ бѣшенымъ часамъ,
Къ вечерамъ и картамъ, и къ любви развратной,
Я въ обмѣнъ на злато сердце не отдамъ...
Да, когда бъ извѣдалъ ты рабочей муки!!..

Но ты не трудился, жертва наслажденій,
Золотыхъ чертоговъ хилый пустоцвѣтъ.
Жалкому потомку жалкихъ поколѣній
Лишь одно презрѣніе будетъ мой отвѣтъ!

Конечно, если этотъ представитель обезпеченнаго класса будетъ раздѣлять ея демократическіе идеалы, она готова связать съ нимъ свою жизнь... Но она поставитъ еще нѣсколько весьма серьезныхъ условій: «Пусть будетъ тотъ домъ намъ роднымъ и любимымъ, гдѣ стоны побѣжденныхъ мы слышимъ, гдѣ плачъ раздается покинутыхъ, бѣдныхъ малютокъ. Конуры несчастныхъ и сирыхъ пусть будутъ намъ брачной постелью, дѣтьми всѣ безвѣстные, всѣ горемыки!» ***). Врядъ ли, однако, кто-либо изъ претендентовъ на ея руку согласится на такія суровыя условія. Вотъ почему Ада охотнѣе всего вышла бы замужъ за простого труженика изъ народа, за крѣпкаго и вольнаго работника. «О, какъ сладко быть его возлюбленной!—ожидать его вечеромъ за скромнымъ ужиномъ! Какъ сладко отъ него, чья жизнь есть трудъ и борьба, по-

*) Fat. «Rosa appassita».
**) Fat. «Hai lavorato?» Пер. В. М. Шулятикова.
***) Temp. «Amor nuovo». Пер. Ватсонъ.

лучить поцѣлуй, какъ бѣлая лилія отъ золотистой пчелы!». [1]) Такъ мечтала Ада Негри основать свой бракъ не на принципахъ богатства и наслажденія, а на идеяхъ духовнаго родства и святости труда.

Одинокая сельская учительница въ Мотта-Висконти воображала себя часто не только женой, но также матерью. Въ какомъ же духѣ воспитала бы она своего сына? «Скажу я ему, что жизнь есть трудъ— и въ сердцѣ младенческомъ, чуткомъ, изъ правды, добра, изъ всего, что велико и свято, я скоплю сокровище. Онъ будетъ расти и крѣпнуть, стремясь къ идеалу душой, руками къ труду и сердцемъ къ Богу!» [2]). Онъ станетъ ратовать, честно и смѣло, за демократическіе принципы матери. Онъ будетъ борцомъ за права трудящагося народа.

И будетъ онъ биться перомъ и примѣромъ
За дальняго счастья блаженные дни,
И міру укажетъ онъ въ сумракѣ сѣромъ
Зарѣ нарожденной огни...
. . . .
И черные кудри борца и пророка
Украситъ лавровый вѣнокъ [3]).

Такъ превзойдетъ сынъ свою мать. «Онъ будетъ великъ, какъ я клялась себѣ великой быть и не сумѣла стать. Онъ поднимется на тѣ высокія вершины, которыхъ я достигнуть не могла» [4]).

Такъ мечтала Ада Негри воспитать въ любви къ идеалу и труду своихъ дѣтей, которыя, въ свою очередь, «продолжали бы въ грядущемъ расу непобѣдимыхъ и честныхъ борцовъ, расу воскресшихъ рабовъ, которые пожнутъ среди пѣсенъ посѣвы свободы, выращенные кровью, слезами и думами отцовъ» [5]).

III.

Въ жизни одинокой сельской учительницы бываютъ однако минуты, когда ей становилось неловко и совѣстно мечтать о личномъ счастьѣ, о блаженствѣ любви...

Ада Негри представляетъ себѣ юношу, который нашептываетъ ей на ухо страстныя признанія. Но она его невольно прерываетъ и говоритъ: «Однажды привидѣлась рать мнѣ несмѣтная много трудившихся, вынесшихъ много, привидѣлись полчища сирыхъ, голодныхъ, нуждою измученныхъ. И такъ же какъ ты, признаваясь въ любви, все твердишь мнѣ «люблю» — такъ они говорили мнѣ: «сжалься надъ нами... Будь нашей, будь нашей, хотимъ мы тебя... Пусть же вольется вся скрытая

---

1) Temp. «Operajo».
2) Fat. «Sinite parvulos, пер. Ватсонъ.
3) Fat. «Madre operaja», пер. Шулятикова.
4) Temp. «Il figlio».
5) Temp. «Operajo».

скорбь наша въ душу твою, потому что отъ насъ воспріяла ты жизнь, отъ насъ родилась ты. И пусть изъ груди твоей, страстно взволнованной, вырвутся мощнымъ и властнымъ аккордомъ—*о насъ и за насъ твои пѣсни» *).*

Несчастные труженики, гибнущіе въ непосильной борьбѣ за существованіе,—вотъ въ самомъ дѣлѣ истинные герои и настоящая любовь сельской учительницы. Поэзія Ады Негри развертываетъ печальную картину страданій обездоленнаго пролетаріата.

Вотъ умираетъ въ больницѣ мальчикъ, сынъ рабочаго. Его звонкій смѣхъ раздавался такъ странно въ угрюмомъ фабричномъ зданіи. Онъ прыгалъ, какъ бѣсенокъ, между прядильными станками и развлекалъ рабочихъ и работницъ своими гримасами и шутками. Злая чахотка бросила его на больничную койку. Теперь онъ гаснетъ. «О дайте мнѣ хоть немного солнечнаго свѣта для этого ребенка, который его никогда не видалъ», — восклицаетъ поэтесса изъ глубины сердца. «Дайте веселую, свободную жизнь лѣсовъ этому мальчику, который никогда не игралъ, который не зналъ, что такое праздникъ! О, кто отнялъ у него свѣтъ солнца, зелень полей, игры на свободѣ и безпечный смѣхъ золотого дѣтства?» **). Или вотъ бѣгаетъ среди экипажей по грязной мостовой маленькій оборванецъ, «безстыжій и наглый, и праздный». Мать на заводѣ. Отецъ въ тюрьмѣ. «Онъ одинъ на свободѣ». Что выйдетъ современемъ изъ этого юнаго бродяги:

Рабочая-ль блуза съ тобою сроднится,
Клейменая-ль куртка? Кто знаетъ,
Что лѣтъ черезъ 20 тебя ожидаетъ?
Тюрьма, мастерская, больница?

И хочется мнѣ, среди улицы жадно
Прижать тебя къ сердцу съ тоской,
И съ братской любовью промолвить, рыдая:
Я также жила безъ призора, тоскуя,
Какъ дикій цвѣтокъ на болотѣ.
Была въ мастерской моя мать на работѣ,
Мы близки ***).

Предположимъ, что изъ этого маленькаго оборванца выйдетъ не чахоточный и не каторжникъ, а сильный и прилежный работникъ. Однако, какъ ненадежна и тяжела будетъ его жизнь! Какъ легко можетъ онъ лишиться работы при современномъ перепроизводствѣ рабочей силы! Какъ быстро можетъ онъ превратиться въ нищаго. И пойдетъ онъ по мѣстечкамъ и деревушкамъ просить милостыню. Вотъ онъ стучится въ

*) Temp. «Amor nuovo». Пер. Ватсонъ.
**) Temp. «Fanciullo».
***) Fat. «Birichino di strada. Пер. Өедорова.

первое окно. «Во имя вашей любви къ вашимъ усопшимъ, не гоните меня прочь. Я ѣсть хочу. Если вы вѣрите въ Бога, то помогите мнѣ. Вѣдь я имѣю священное право на трудъ». Но окно быстро захлопнулось и блѣдный, еле передвигая ноги, съ поникшей головой, идетъ онъ дальше просить Христа ради» *).

Безсовѣстные фабриканты будутъ нагло эксплуатировать силу и время беззащитнаго труженика. Правда, цивилизація выработала для него болѣе или менѣе надежное средство протеста. Но вѣдь не каждый способенъ выдержать тяжесть стачки. Вотъ собрались на фабричномъ дворѣ забастовавшіе работники. «Они посмотрѣли другъ другу въ лицо, изможденные безсонницей и голодомъ, утомленные борьбой. Одинъ, нахмурившись, говоритъ: «Къ чему? Мы только гибнемъ». Другой глухо вторитъ: «Мои дѣти умираютъ отъ истощенія». Третій подхватываетъ: «Моя жена лежитъ въ больницѣ». Вотъ изъ толпы выходитъ молодой Геркулесъ съ мускулистыми руками и огненнымъ взоромъ: «Ни за что! Не поддадимся! Вѣдь мы не животныя, а люди». Но рабочіе посмотрѣли другъ другу въ лицо, изможденное безсонницей и голодомъ. «Къ чему? Мы только гибнемъ». И они вернулись къ работѣ, словно угрюмыя, безутѣшныя тѣни» **).

Наконецъ, сколько опасностей ожидаетъ работника на его пути! Вотъ спустилась въ шахту толпа углекоповъ. Они простились съ женами и дѣтьми, съ сіяющимъ солнцемъ и съ цвѣтущей землей. Они спустились въ царство мрака. Вдругъ раздается оглушительный трескъ. Отъ раскрывшейся лампочки произошелъ взрывъ подземныхъ газовъ. Не увидятъ работники больше ни родныхъ, ни небесной лазури. «О бѣдный народъ!»—восклицаетъ поэтесса.—«Какая польза въ томъ, что ты силенъ и прекрасенъ. Смерть для тебя спасенье. Хвала же пожару, который вмѣстѣ съ тобою уничтожаетъ твои лохмотья и твой голодъ и даритъ тебѣ взамѣнъ мирный сонъ» ***).

Бѣдныя вдовы!

«Идите же въ поле, красавицы, въ холодный вѣтеръ и въ полуденный зной. Беритесь за топоръ и заступъ! Отправляйтесь въ рисовыя поля, гдѣ солнце немилосердно жжетъ голову и кишатъ зловредныя міазмы. Переносите безропотно свою тяжкую долю во имя дѣтей, ради бѣдной хаты и куска насущнаго хлѣба!» ****).

Ада Негри благоговѣетъ, конечно, передъ геніальными мыслителями и художниками, которые подарили міру свои безсмертныя произведенія. Она еще охотнѣе готова преклониться передъ тѣми смѣлыми бойцами, которые, не смотря ни на какія гоненія, пытаются устроить на землѣ

*) Temp. «Disoccupato».
**) Temp. «Fin del sciopero».
***) Temp. «L'incendio della miniera».
****) Temp. «La vedova».

болѣе справедливый порядокъ *). Она воспѣла ихъ въ чудныхъ стихахъ **). Однажды привидѣлся ей сонъ. Гаснетъ закатъ запоздалый. На розовомъ горизонтѣ просыпается вереница фигуръ съ изможденными тѣлами, блѣдными лицами и въ терновыхъ вѣнцахъ. Кто вы? Откуда?

Мы исполины. Великое пламя
Въ насъ трепетало. Подъ лязганье стали
Съ бранною пѣснью носили мы знамя,
На полѣ битвы безъ стона мы пали.
Мы преклонялись предъ мыслью нетлѣнной,
Мысль намъ терновый вѣнокъ подарила.
Въ поискахъ вѣчныхъ за смысломъ вселенной
Наши побѣды и наша могила.
Насъ распинали, водили на пытки,
Били камнями, но мы—исполины...

Снова мнѣ грезится пышное лѣто,
Медлитъ погаснуть закатъ запоздалый.
Мчится толпа прихотливо одѣта
Свѣта вечерняго дымкою алой.
Лица сіяютъ восторгомъ пророка,
Дышатъ покоемъ нездѣшняго мира.
Ясныя очи раскрыты широко,
Смотрятъ, ликуя, въ пространство эѳира...

Но больше и глубже всего любитъ Ада Негри тѣхъ, кто кротки душой и смиренны сердцемъ.

«Это тѣ, которые должны были видѣть, какъ колосья зрѣли для другихъ и все-таки никогда не присвоивали себѣ чужого. Они упивались слезами и желчью, могучая несправедливость била ихъ по лицу и они все-таки не поднимали руки на ближняго. Они шли тернистой дорогой, безвѣстные, забытые. Они дрогли подъ стужей и изнывали подъ зноемъ. Они шли безъ крова, безъ хлѣба, безъ одежды, и они все-таки не переставали вѣрить въ Бога. Они спали на грязной соломѣ и умирали въ больницѣ, но умирали, любя!» ***).

Таковы герои сельской учительницы изъ деревушки Мотта-Висконти.

IV.

Въ поэзіи Ады Негри кристаллизованы слезы милліоновъ тружениковъ. Это не веселая пѣсня, не праздничный диѳирамбъ, а грустный плачъ надъ тяжелой долей итальянскаго пролетаріата. Чуткое ухо поэтессы уловило скорбные стоны своихъ братьевъ по происхожденію и увѣковѣчила ихъ въ своихъ демократическихъ пѣсняхъ. «Отовсюду,

*) Temp. «I grandi».
**) Fat. «I vinti». Пер. В. М. Шулятикова.
***) Temp. «I grandi».

изъ лачугъ, гдѣ обитаетъ рабочій людъ, изъ подъ мрачныхъ сводовъ фабрикъ, гдѣ, свистя, шумятъ и грохочутъ стальныя чудовища и гигантскія колеса... съ болотистыхъ рисовыхъ полей, откуда поднимаются ядовитыя испаренія—отовсюду доносится до меня плачъ, не перестающій, заунывный... словно, туча, омрачающая солнце. Эта туча закрываетъ собой для меня радость и красоту и свѣтъ зари. Я не знаю ни дерзостнаго опьяненія любви, ни восторга поцѣлуя. У меня осталось одно только—скорбь» [1]). Но Ада Негри не пессимистка. Она вышла изъ простонародной семьи, здоровой и нетронутой. Она принадлежитъ къ общественному классу, который идетъ не внизъ, а вверхъ. Въ жизни сельской учительницы изъ Мотта-Висконти бываютъ, конечно, минуты разочарованія. Въ ея поэзіи звучатъ поэтому порою нотки меланхоліи. Когда Ада Негри окидываетъ мысленно печальную судьбу, которая выпала на долю матери, которая стала ея собственнымъ удѣломъ, въ ея душѣ поднимаются мятежныя чувства, накипаетъ даже злоба. «Я плакала отъ голода и холода. Я росла среди мрака, а мое сердце изнывало отъ тоски по солнцу. Я питалась слезами и горемъ. Я страдала и проклинала. И когда я подумаю о матери, которую убила медленная болѣзнь, о потухшемъ огнѣ въ моей комнатѣ, о богатыхъ, которые ликуютъ и смѣются—тогда необузданная ненависть окрыляетъ мой стихъ» [2]). И не только несправедливый гнетъ судьбы волнуетъ мысль юной учительницы. Она страдаетъ также отъ того, что она поэтесса. «Въ нашъ угрюмый, торгашескій вѣкъ геніальность есть преступленіе» — говоритъ она [3]). «Попробуй только обнажить въ могучихъ стихахъ незажившія раны твоего сердца. Толпа засмѣется тебѣ въ лицо. Если ты, гордая своею золотою молодостью, сложишь гимнъ—любви, тебя назовутъ безумной и эксцентричной. А критики будутъ тебя преслѣдовать гнусными издѣвательствами, какъ волки преслѣдуютъ свою добычу, чтобы растерзать ее на части» [4]). Неудивительно, что молодой женщинѣ порою хочется унестись какъ можно дальше отъ пустого, холоднаго, эгоистическаго міра, уйти въ горы, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ вѣчный медъ. «Тамъ свѣтло. Туда не долетятъ звуки ненавистной земли. Здѣсь же на сердцѣ у меня лежитъ словно туча... Среди рисовыхъ полей умираетъ поэзія» [5]). Порою это меланхолическое настроеніе переходитъ даже въ острую физическую боль, завершается мыслями о самоубійствѣ, мечтами о нирванѣ. Тогда стихи Ады Негри напоминаютъ своимъ пессимистическимъ содержаніемъ поэзію Леопарди или Графа. «На землѣ люди плачутъ. Лицемѣріе торжествуетъ, свободно управляетъ міромъ

---

[1]) Fat. «Fin ch'io viva». Пер. Ватсонъ.

[2]) Fat. «Va».

[3]) Fat. «Marchio in fronte».

[4]) «Marchio in fronte».

[5]) Fat. «Portami via».

ненависть. Не уйти ли въ тихое уединеніе змѣевидныхъ водорослей. Волна—пріютъ любви. Только нирвана даетъ покой. Не спуститься ли въ подводное царство, чтобы скорѣе наступилъ конецъ» *).

Но здоровая крестьянская натура поэтессы торжествуетъ надъ этими болѣзненными настроеніями мимолетной тоски и малодушія. Ада Негри вспоминаетъ свою незабвенную мать. Она опять становится плотью отъ ея плоти. Она снова гордый дубъ, котораго не сломитъ ни одинъ ураганъ. И Ада Негри шлетъ смѣлый вызовъ «мегерѣ» бѣдности и горя **).

Вышла изъ народа я—и вотъ
Всѣ кручины подъ ноги топчу
И зарѣ на встрѣчу я иду.
Жажду я труда—онъ трижды святъ
Онъ возноситъ и равняетъ всѣхъ.
Жажду бурныхъ наслажденій рядъ,
Ласкъ безумныхъ и любви утѣхъ
Жажду славы, аромата розъ,
Блеска звѣздъ, лазурныхъ, райскихъ грёзъ.
Ты жъ, мегера, исчезай скорѣй...
Словно тѣнь на солнцѣ сгинь вдали
Сбросивъ гнетъ твой гордо я стою
Жизни пѣсню радостно пою!

Ада Негри такъ страстно любитъ эту земную жизнь, что хотѣла бы быть вѣчно юной, на крыльяхъ облетѣть всѣ пространства, испытать всѣ радости, безъ конца любить и безъ конца смѣяться. «Тебя же, смерть, я отвергаю». Она любитъ лазурь неба, сверкающій огонь, святую землю, которой солнце плодородіе даритъ, святую землю, это гигантское горнило, въ которомъ безъ устали кипитъ работа и слышенъ вѣчный гулъ и молотовъ удары. Она хотѣла бы быть безсмертной. «Во имя всего, что на землѣ родится, всего, что̀ на землѣ съ надеждою живетъ, что жадно стремится къ идеаламъ, во имя всего, что борется,—хочу, хочу я быть безсмертной» ***). И поэтесса вѣритъ всей душой, что чудная жизнь на землѣ не можетъ прекратиться. Все перевоплощается. Все переходитъ въ другія формы существованія. «Когда земля заснетъ и въ тиши сыплются поцѣлуи звѣздъ на цвѣты и словно шопотъ ангеловъ несется по безграничному пространству вздохъ любви. Знай, въ этомъ вздохѣ живетъ и мыслитъ чья-нибудь душа. Когда тучи сгустятся, шумитъ разъярившійся вѣтеръ, въ лѣсу свирѣпствуетъ ураганъ и на небѣ трепещутъ огневыя молніи — знай, въ этой страшной бурѣ стонетъ и плачетъ чья-то душа!» И пока не распадется въ дребезги наша великолѣпная планета, душа будетъ жить «въ любви лилій», въ блескѣ полдня, въ блѣдныхъ лучахъ мер-

*) Fat. «Fantasmi».
** Fat. «Buon di, Miseria». Пер. Ватсонъ.
***) Temp. «Immortale». Пер. Ватсонъ.

цающихъ звѣздъ, въ пропастяхъ моря, въ порывахъ вѣтра и въ тайнахъ мірозданія» [1]).

И если поэзія Ады Негри звучитъ въ началѣ какъ похоронный плачъ надъ темной долей страдающихъ и борющихся тружениковъ, то она постепенно переходитъ въ ликующіе аккорды въ честь безсмертной, дивной жизни, въ честь ея сіяющаго символа, красавца-солнца. «Изъ душистаго лѣса иду я въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, я, дочь крестьянина, и смѣло пою гимнъ вѣчному солнцу» [2]).

V.

Ада Негри знаетъ слишкомъ хорошо, какъ далекъ отъ идеала современный общественный строй. Вотъ почему она такъ часто любитъ заглядывать въ таинственную страну будущаго. Какъ же представляетъ себѣ сельская учительница грядущую эру?

То будетъ прежде всего царство общечеловѣческаго *міра*.

Смолкли пушки, не смѣютъ безумно и дико
Раскрывать огнедышущій зѣвъ.
Не гремитъ надъ равниной, среди стона и крика,
Боевого пэана напѣвъ
Но весь міръ это братство. Святыя стремленія
Зажигаютъ людскія сердца
И несется торжественный гимнъ примиренья
Вдоль по міру съ конца до конца [3]).

То будетъ далѣе царство безусловной *справедливости*.

«Занимается новый день — восклицаетъ поэтесса [4]). — Онъ не далекъ. Онъ дастъ, наконецъ, человѣческое достоинство тѣмъ людямъ, которые жили до сихъ поръ подъ игомъ тяжкой неправды. Онъ принесетъ міру проповѣдь не состраданія, а справедливости. Тогда не будетъ больше ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни господъ, ни рабовъ!»

То будетъ далѣе царство всеобщаго *труда*. Его герои—работники на фабрикахъ, работники на нивахъ. «Такъ впередъ же съ лопатами, машинами, заступами и топорами! Впередъ, рыцари грядущей эры! Выходите на благородное состязаніе! Мы всѣ дѣти природы. Мы всѣ—труженики» [5]).

То будетъ далѣе царство всеобщей *свободы*. «На востокѣ ужъ алѣетъ новая заря. Скоро осуществится золотая мечта. Наступитъ май свободныхъ людей и свободнаго труда» [6]). «Впередъ же, рыцари грядущей эры! Васъ ожидаетъ—свобода!»

То будетъ, наконецъ, царство всеобщаго *счастья*. «Смотри, какъ

---

[1]) Fat. «Anima».
[2]) Fat. «Largo».
[3]) Fat. «Non mi turbar». Пер. В. И. Шулятикова,
[4]) Temp. «Tciopero».
[5]) Temp. «Terra». Fat. «La machina romba».
[6]) Temp. «Tciopero».

широка грудь этихъ работниковъ, какъ они цвѣтутъ въ несокрушимомъ здоровьѣ. Въ ихъ мозгу рождаются великія мысли. Нѣтъ больше ни грусти, ни скуки!» [1]). «Жизнь похожа на вѣчную весну, оглашенную пѣніемъ птицъ, озаренную свѣтомъ солнца. То майскій праздникъ поцѣлуевъ и пѣсенъ» [2]).

Вотъ я вижу: со всѣхъ уголковъ мірозданья,
Словно взмахи безчисленныхъ крылъ,
Отовсюду несется, ликуя, дыханье
Новой жизни и счастья и силъ.
Царство розъ и надеждъ и любви благородной,
Царство дивныхъ работъ и побѣдъ,
Царство вѣры въ людей, царство мысли свободной,
Царство гордыхъ порывовъ впередъ [3]).

Такъ завершается поэзія сельской учительницы, звучавшая въ началѣ точно похоронный плачъ, перешедшая затѣмъ въ благодарственный гимнъ въ честь жизни и солнца,—величественной симфоніей на тему о будущемъ царствѣ труда и свободы.

Надѣленныя тукомъ поля и равнины
Разрыхляющій плугъ обошелъ.
Вьется дымкою паръ. Не смолкають машины,
Накалившись, клокочетъ котелъ.
И надъ царственнымъ шумомъ работы мятежной,
Кропотливой работы земли,—
Распростерла свобода въ лазури безбрежной
Бѣлоснѣжныя крылья свои [4]).

Таковъ портретъ сельской учительницы, дочери крестьянина-пахаря и фабричной работницы.

Теперь, когда Ада Негри вышла замужъ за милліонера Гарланда, когда она покинула темныя долины пролетаріатскаго горя и вознеслась на залитыя солнцемъ высоты буржуазнаго благоденствія, умолкнутъ, вѣроятно, навсегда ея смѣлыя, боевыя пѣсни.

Теперь поэтесса готовитъ къ изданію третій сборникъ «Maternità» [5]). Заглавіе этихъ новыхъ пѣсень невольно наводитъ на такое пессимистическое предположеніе. Но фигура богатой сеньоры Гарланды никогда не вытѣснитъ изъ памяти потомства симпатичный образъ простой сельской учительницы Ады Негри.

В. Фриче.

---

1) Fat. «La machina romba».
2) Temp. «Terra».
3) Temp. «Tciopero».
4) Fat. «Non mi turbar». Пер. Шулятикова.
5) Far. «Non mi turbar». Пер. Шулятикова.
6) См. T. Dornis: «La poésie contemporuine en Italie».

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. *).

(Историческій этюдъ).

I.

Постановка вопроса.—Необходимость изученія крѣпостного хозяйства.

Русской экономической исторіи XIX вѣка до сихъ поръ не очень посчастливилось. Историки-спеціалисты какъ-то чуждались этой свѣжей, живой и, во всякомъ случаѣ, полуживой исторіи. Экономисты, повидимому, всецѣло ушли въ созиданіе картины экономической современности, и притомъ рисовали ее—что болѣе чѣмъ понятно въ младенческій періодъ экономической мысли съ характеризующимъ его сліяніемъ теоретическихъ проблемъ и практическихъ вопросовъ—въ значительной мѣрѣ руководимые опредѣленными идеалами экономической политики: изобразители экономической дѣйствительности всего чаще писали подъ диктовку экономической политики. Какъ бы то ни было, славный памятникъ русской мысли—земская статистика и истолкованіе этого памятника поглощали почти все вниманіе экономистовъ, и исторія хозяйственнаго быта Россіи въ истекающемъ столѣтіи оставалась въ загонѣ.

Такъ случилось, что экономическая наука, объясняя современность на основаніи формально самыхъ точныхъ и цѣнныхъ данныхъ (земская статистика!), исторически отправлялась отъ какого-то пустого мѣста. Но «природа боится пустоты»! Неудивительно, что пустое мѣсто скоро оказалось занятымъ легендой или, по меньшей мѣрѣ, нереалистическими представленіями, свидѣтельствовавшими о какихъ-то порокахъ или обманахъ историческаго зрѣнія.

Насъ увѣряли, что до водворенія капитализма—а оно относилось къ 1861 г.—въ русской хозяйственной жизни царило какое-то «народное производство». Это «народное производство» было, если можно такъ выразиться, розовымъ пятномъ, которымъ замѣнялись отсутствовавшія реальныя и реалистическія представленія объ экономической дѣйстви-

---

*) Настоящій этюдъ представляетъ переработку доклада, читаннаго авторомъ въ декабрѣ прошлаго года въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ.

тельности. Съ другой стороны, насъ завѣряли, и на этотъ разъ мы всѣ, къ сожалѣнію, знали справедливость такихъ завѣреній, что въ прошломъ русской жизни, отдѣленномъ отъ насъ 1861 годомъ, было черное пятно—крѣпостное право. Объ этомъ пятнѣ мы знали больше, гораздо больше, чѣмъ о розовомъ. По правдѣ сказать, о розовомъ мы ничего не знали. Но мы оставались въ недоумѣніи: каково же отношеніе розоваго пятна къ черному, какъ они уживались между собой, и что такое вообще была эта чернорозовая дѣйствительность? До сихъ поръ мы пребываемъ въ этомъ недоумѣніи.

Единственнымъ выходомъ изъ того положенія, при которомъ мелькаютъ въ глазахъ какія-то пятна, но нѣтъ ясныхъ очертаній и нѣтъ того богатства красокъ и оттѣнковъ, которыми почти всегда даритъ насъ истинная дѣйствительность, является историческое изученіе, изощреніе историческаго взора.

До сихъ поръ, при изслѣдованіи исторіи крестьянъ и т. н. крестьянскаго вопроса за послѣдніе два вѣка, преимущественное вниманіе обращалось на слѣдующіе пункты: какъ росла, развивалась и крѣпла идея освобожденія крестьянъ (В. Семевскій), какъ произведена была крестьянская реформа (Иванюковъ, Семеновъ), каковъ балансъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ для крестьянскаго населенія (Янсонъ); наконецъ, даже въ отношеніи реальныхъ условій прошлаго интересъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, направлялся на то, какъ жилось крестьянину при крѣпостномъ режимѣ (Семевскій, «Крестьяне при Екатеринѣ»). Интересъ этихъ вопросовъ безспоренъ и научное выясненіе ихъ было и остается чрезвычайно важнымъ. Но ихъ разработкой не можетъ и не должно ограничиваться изслѣдованіе цѣлаго строя аграрныхъ отношеній. Этотъ строй означалъ не только извѣстный правопорядокъ, которымъ обусловливалось положеніе порабощенныхъ крестьянъ, но и извѣстную организацію производства или, еще шире, хозяйства. И даже независимо отъ какого-либо пристрастія къ т.-н. «матеріалистическимъ» или, по просту говоря, экономическимъ объясненіямъ исторіи, для пониманія происхожденія, жизни и развитія крѣпостного строя необходимо предположить извѣстное соотвѣтствіе между его юридической формой—крѣпостнымъ правопорядкомъ и его экономическимъ содержаніемъ—крѣпостнымъ хозяйствомъ. Форма существовала ради своего содержанія. Какова же была жизнь этого содержанія, какъ развивалось оно и къ чему приводило это развитіе?

Поставить этотъ вопросъ, значитъ ввести въ изслѣдованіе исторіи крестьянства недостающій основной членъ—крѣпостное хозяйство. Только изслѣдовавъ крѣпостное хозяйство, мы будемъ въ состояніи сказать, чѣмъ же опредѣлялось существованіе крѣпостного строя и почему онъ палъ.

Только въ самое послѣднее время историческая литература обогатилась работой, сознательно поставившей себѣ задачу — изслѣдовать

крѣпостное хозяйство и пролить свѣтъ на его эволюцію. Я имѣю въ виду небольшую, но чрезвычайно цѣнную брошюру князя Н. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». (Оттискъ изъ «Трудовъ Рязанской архивной коммиссіи», Рязань, 1898). Значеніе этой работы обусловливается тѣмъ, что авторъ (самъ, повидимому, помнящій крѣпостное время) сознательно и съ большимъ искусствомъ прилагаетъ къ крѣпостному хозяйству эволюціонную точку зрѣнія. Благодаря этому, онъ, оперируя надъ ограниченнымъ, но типичнымъ матеріаломъ, пришелъ къ выводамъ, которые, какъ я покажу дальше, подтверждаются болѣе обширнымъ матеріаломъ и, какъ мнѣ кажется, весьма хорошо укладываются въ цѣльную и стройную картину жизни и развитія крѣпостного хозяйства *). Даже самыя ошибки кн. Волконскаго чрезвычайно поучительны: онѣ вытекаютъ изъ въ высшей степени присущаго этому изслѣдователю плодотворнаго стремленія дать научное объясненіе интересующихъ его явленій.

II.

Эволюція крѣпостного хозяйства съ XV по XVII вѣкъ.—Смѣна вольно-договорныхъ формъ оброка и барщины принудительно-крѣпостными.—Развитіе и укрѣпленіе барщиннаго режима; основная причина этого факта. — Барщина и задолженность крестьянъ.—Теорія кн. Н. С. Волконскаго.

Принимаясь за изображеніе эволюціи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ, мы могли бы, пожалуй, съ грѣхомъ пополамъ отправляться отъ положенія вещей въ XVIII в., взявъ его за данное и не задаваясь вопросомъ, какъ и почему оно возникло. Но этому препятствуетъ одно, очень существенное обстоятельство: писатели XVIII в. въ значительной мѣрѣ разсматривали, какъ мы увидимъ дальше, нѣкоторыя типичныя формы крѣпостного режима своего времени, какъ нѣчто *новое*. Они сами, такимъ образомъ, отсылаютъ насъ къ прошлому, и намъ поневолѣ приходится заняться историческими прецедентами новѣйшаго крѣпостного хозяйства. Мы должны попытаться хотя бы схематически возсоздать процессъ развитія крѣпостного хозяйства.

Поскольку у насъ имѣются указанія источниковъ, мы можемъ сказать, что русскіе крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ **). Ни крестьяне кіевской Руси, ни крестьяне московской Руси не были землевладѣльцами: они обрабатывали чужую, частновладѣльческую или княжескую землю.

На частновладѣльческой землѣ крестьяне сидѣли первоначально, какъ настоящіе, болѣе или менѣе, вольные арендаторы. Какой характеръ имѣла эта аренда? Первоначально, повидимому, это была натуральная аренда

*) Я сошелся въ нѣкоторыхъ выводахъ съ кн. Волконскимъ, совершенно независимо отъ него и до знакомства съ его трудомъ.

**) Исключеніе представляютъ новгородскіе «своеземцы».

или, точнѣе, аренда изъ доли продукта in natura. Таковы были «изорники» Псковской судной грамоты, нормально платившіе, по общепринятому мнѣнію, 1/4 урожая землевладѣльцу (ст. 42 и 63 П. С. Гр.) «По новгородскимъ писцовымъ книгамъ 1495 и 1550 гг. обработка земли изъ извѣстной доли продукта была повсемѣстнымъ и почти единственнымъ видомъ пользованія землею въ имѣніяхъ всѣхъ названій. Половничество было также обыкновенно въ Тверскомъ княжествѣ... и до XV—XVI вѣка, вѣроятно, во всей Россіи...» (*П. А. Соколовскій*, «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ». Спб. 1878, стр. 33). Тотъ же изслѣдователь указалъ, что «въ XVI вѣкѣ въ области московскаго государства половничество повсюду исчезаетъ, громадное большинство крестьянъ платитъ землевладѣльцамъ опредѣленный оброкъ въ началѣ столѣтія преимущественно хлѣбомъ, къ концу — по большей части деньгами» (l. c., стр. 33).

Такимъ образомъ, съ XV по XVII вѣкъ крестьянско-помѣщичьи отношенія эволюціонировали такъ: издольная натуральная аренда смѣнилась натуральной же арендой въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ, которая, въ свою очередь, уступила мѣсто арендѣ денежной. Такъ представляетъ дѣло и одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей *), который на основаніи этой схемы даже приходитъ къ выводу, что «тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ» (Н. Рожковъ, l. c.). Авторъ самъ признаетъ

*) «Аренда владѣльческой земли изъ натуральнаго оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату; это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятинахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкъ денежная аренда пріобрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе... По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта—чаще всего встрѣчается норма «изъ хлѣба треть»; въ 1568 году такой порядокъ уплаты натуральнаго оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба «посполь», т. е., въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, не зависящихъ отъ урожая, напримѣръ, съ каждой обжи платятъ по 1 коробкѣ ржи, 1 четверткѣ жита (=ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, 1/2 коробкѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора, или прямо денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи. Еще ближе къ концу XVI в. въ 90-хъ годахъ, нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества. Есть признаки и того, что въ центральной Руси, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по земельному спору между Троице-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца, Костромскаго уѣзда. Это было въ 1522—1523 году. Одинъ изъ свидѣтелей-старожильцевъ, по словамъ грамоты, далъ слѣдущее показаніе: «Отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблинскую, а язъ со своимъ отцомъ, на того Степанково отца мѣсто на Понафидино *половничество*; а ужъ тому полпятидесятъ

свой выводъ «страннымъ» *), и намъ кажется, что въ основу его легло дѣйствительно странное забвеніе того факта, что денежный оброкъ въ общемъ въ разсматриваемую эпоху сочетается съ оброкомъ натуральнымъ и съ барщиной, которая именно въ это время начинаетъ развиваться и безъ появленія и упроченія которой самый процессъ стихійнаго прикрѣпленія къ землѣ и закрѣпощенія крестьянъ былъ бы непонятенъ.

Мало разработанный вопросъ о первоначальной исторіи русской земледѣльческой барщины породилъ разныя мнѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что «уже въ древнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ Московскаго государства находимъ, что *всѣ* (курсивъ автора) крестьяне были обязаны барщиной» и что «нельзя видѣть большого преувеличенія въ словахъ Герберштейна о началѣ XVI в., что поселяне работаютъ на своего господина 6 (sic!) дней въ недѣлю, седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу» («Обзоръ исторіи русскаго права», 2-е изд., стр. 136). Съ другой стороны, г. Соколовскій говоритъ, что передъ крѣпостнымъ правомъ «бар-

---

лѣтъ, а *половничаю*, господине, на монастырь». Писцовая книга Торопецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ годовъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половникомъ, но рѣдкія: очевидно, это были только пережившіе, случайно уцѣлѣвшіе остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской переварѣ въ д Головковѣ, напримѣръ, жилъ «Сидарко Кузминъ *половникъ*». Еще дольше сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники». (Н. Рожковъ, рецензія на книгу М. Дьяконова, *Журн. М—ва Нар. Просвѣщенія* 1899 г., январь, стр. 237—238).

*) Выводъ г. Рожкова противорѣчитъ всему тому, что намъ было до сихъ поръ извѣстно. (См. Бѣляевъ, «Крестьяне на Руси». Изд. 1879, стр. 88 и слѣд., Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры», I (изд. 3-е. Спб. 1898), стр. 197 и слѣд., Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. Спб. 1899, стр. 160 и слѣд. Опорой для мнѣнія г. Рожкова, — помимо чисто цифровыхъ доказательствъ, намъ неизвѣстныхъ,—могло бы служить указаніе на «землевладѣльческій кризисъ» XVI в. вслѣдствіе отлива населенія изъ центра и съ сѣвера на югъ и востокъ,—кризисъ, выражавшійся въ усиленной погонѣ землевладѣльцевъ за рабочей силой. Но этотъ кризисъ самъ, въ свою очередь, не могъ не быть вызванъ чрезмѣрной эксплуатаціей крестьянскаго населенія. Мы имѣемъ. кромѣ того, положительныя указанія на то, что «половникамъ» жилось лучше, чѣмъ рядовымъ оброчнымъ крестьянамъ. «Крестьяне тянутъ сообща и отвѣчаютъ другъ за друга въ исправности платежа. Такая отвѣтственность, конечно, была весьма тяжела. Приходилось платить не только за себя, но и за неисправныхъ членовъ общества, а нерѣдко и за пустые участки, за пустую братню или зятню долю и т. д. Такой порядокъ вызвалъ появленіе такъ называемыхъ «опричныхъ» тяглецовъ, которые расчищали пашню сами собой и платили совершенно самостоятельно, независимо отъ круговой, общинной поруки. Конечно, такой способъ веденія своего хозяйства требовалъ извѣстной доли благосостоянія отъ того, кто его велъ. Болѣе состоятельные же крестьяне нерѣдко рядились «исполу», обрабатывая землю и платя за нее половину сбора владѣльцу, а половину оставляя себѣ. Эти крестьяне назывались половниками». (*И. И. Лаппо*. «Тверской уѣздъ въ XVI в. Его населеніе и виды земельнаго надѣла». М. 1894, стр. 51).

щина составляетъ еще весьма рѣдкое исключеніе; развитіе ея принадлежитъ слѣдующему періоду» (l. c., стр. 34), а г. Лаппо на основаніи изученнаго имъ матеріала по Тверскому уѣзду указываетъ, что «извѣстія о барщинѣ въ XVI в. немногочисленны». Мнѣніе г. Владимірскаго-Буданова и лежащее въ основѣ его невѣроятное показаніе Герберштейна несомнѣнно преувеличиваютъ значеніе барщины въ XV и XVI в., но, съ другой стороны, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что уже въ XVI вѣкѣ барщинный режимъ представляетъ прочный и немаловажный элементъ русскаго аграрнаго строя. «Уже въ самыхъ древнихъ *) изъ извѣстныхъ порядныхъ къ условію объ арендѣ участка земли присоединяются обязательства, кромѣ уплаты государственныхъ сборовъ и доходовъ въ пользу землевладѣльца, дѣлать на послѣдняго всякое дѣло, т. е. нести въ его пользу барщинныя повинности, которыя иногда замѣнялись оброкомъ. Въ порядной мы имѣемъ какъ бы соединеніе двухъ договоровъ: аренды участка земли (locatio conductio rei) и найма личныхъ услугъ (locatio conductio operarum). Къ этимъ двумъ основнымъ сдѣлкамъ могли присоединяться и присоединялись другія побочныя услоія: о льготѣ, о подмогѣ, о поручительствѣ» (*М. Дьяконовъ.* «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII. в.)» Спб. 1898, стр. 132)

Вотъ образецъ условія: «...Впредь намъ Ортемью и Семену Мити за государемъ своимъ за Иваномъ въ крестьянствѣ, гдѣ онъ насъ посадилъ въ своей деревнѣ на пустомъ жеребью или на пустоши и, живучи, хоромы поставить и пашня пахати, поля огородити, пожни и луги расчищати, какъ у прочихъ жилецкихъ крестьянъ, и съ живущие пашни государевы всякое волостныя подати платити и *помѣщицкое всякое дѣло дѣлати, и пашню на него пахати*, и денежный оброкъ, чѣмъ онъ изоброчитъ, платити и со всякаго хлѣба изо ржи и изъ яри пятина давати ежегода...» (Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I Крестьянскія порядныя, Юрьевъ 1895, № 5). Тутъ мы видимъ сочетаніе всѣхъ трехъ главныхъ видовъ крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика: натуральнаго (издольнаго) оброка—пятины, оброка денежнаго и барщины, которая ни въ одной изъ собранныхъ г. Дьяконовымъ порядныхъ не является опредѣленной по своимъ размѣрамъ. Барщина въ этихъ документахъ именуется «дѣло», «издѣлье», «работа», «работное дѣло». Иногда пахота—«пашня пахати» выдѣляется особо («и на нихъ властей своихъ пашня пахать, и всякое здѣлье дѣлать» № 78, «пашня на него пахать и сѣно косить и всякое здѣлье дѣлать» № 74, тоже № 64, и «здѣлье дѣлать и пашню на монастырь пахати» № 54). Когда порядная заключается съ помѣщикомъ, то «дѣло» называется «помѣщицкимъ», «помѣщиковымъ», «боярскимъ», «дворовымъ боярскимъ» или просто «дворовымъ». Новопорядчики обя-

*) Онѣ относятся въ половинѣ XVI в. П. С.

зуются «дѣло» дѣлать «съ крестьянами» или «сусѣдями» или «съ товарищи»; это значитъ, конечно, что и старожильцы несли барщину, что о барщинѣ такимъ образомъ въ порядныхъ говорится, какъ о чемъ-то обычномъ, установившемся, какъ бы общеобязательномъ.

Слово «издѣлье» настолько ясно обозначаетъ во всѣхъ порядныхъ барщинную работу, что какъ-то странно отмѣчать разногласія ученыхъ въ толкованіи термина «издѣльное серебро». Онъ объясненъ уже въ 50-хъ годахъ Б. Н. Чичеринымъ: «Ссуды, которыя давались въ виду будущей работы, назывались *серебромъ издѣльнымъ* и сами крестьяне назывались издѣльниками» *).

Итакъ барщина, а съ нею вмѣстѣ и крѣпостное хозяйство на Руси довольно стараго происхожденія. Но это не значитъ, чтобы барщина стояла все время на одномъ мѣстѣ и чтобы у нея не было въ русскомъ аграрномъ строѣ историческаго прецедента, въ взаимодѣйствіи съ которымъ она развивалась.

Мы имѣемъ въ виду трудъ на землевладѣльцевъ земледѣльческихъ холоповъ. Заслуга указанія значенія этого фактора въ исторіи русской хозяйственной жизни принадлежитъ г. Ключевскому. Крестьянской работѣ на землевладѣльца предшествовала холопская работа, и результатомъ сближенія этихъ двухъ видовъ эксплуатаціи труда и двухъ разрядовъ земледѣльческихъ рабочихъ явился настоящій *крѣпостной*

*) «Опыты по исторіи русскаго права», М. 1858, стр. 201. Г. Сергѣевичъ пустилъ въ ходъ совершенно невѣроятное объясненіе терминовъ серебро «издѣльное» и серебро «въ пашнѣ» въ смыслѣ обозначенія просроченнаго и превратившагося въ недоимку денежнаго оброка («Русскія юридическія древности», т. I. Спб. 1890, стр. 203—204). Онъ, а вслѣдъ за нимъ и осторожный г. Дьяконовъ, который, впрочемъ, не склоняется ни къ какому опредѣленному рѣшенію, указываютъ въ подкрѣпленіе такого толкованія на духовную кн. Андрея Васильевича, на которую ссылался и г. Чичеринъ. Въ этомъ документѣ говорится о «серебрѣ издѣльномъ и ростовомъ» и о «житѣ заемномъ и оброчномъ». Г. Дьяконовъ замѣчаетъ, что «въ первомъ случаѣ противополагается серебро ростовое издѣльному, во второмъ жито заемное оброчному» (l. c., стр. 81). Противоположеній тутъ, строго говоря, никакихъ нѣтъ, а потому для заключенія, что такъ какъ понятія «ростовое» и «заемное», «конечно, тождественны», то «ихъ противоположенія» «издѣльное» и «оброчное» «могли быть (sic!) тождественны»—нѣтъ основаній. Это разсужденіе логически дефектно, и, по существу, совершенно неправильно. Жито «заемное» есть ссуда на сѣмена или на пропитаніе, жито «оброчное» есть невыплаченный натуральный оброкъ. «Издѣльное» и «оброчное» не «могли быть тождественны», потому что издѣлье и оброкъ всегда различались, никогда не смѣшивались и не отождествлялись: слово издѣлье, начиная съ XV в., имѣло и сохранило до нашихъ дней значеніе работы на помѣщина. «Пашня» есть видъ издѣлья, самый главный его видъ. «Мнѣ Ѳеткѣ съ своево крестьянсково участка съ своими товарищи, а съ его крестьяны, вмѣсте дѣло ево помѣщитцкое пашенное и гуменное и дворовое дѣлати и оброкъ его платити» (Акты изд. Дьяконовымъ, № 51). Терминъ «пашня» въ смыслѣ пахотной работы на помѣщика также какъ и слово «издѣлье» сохранился съ XV в. (а, можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени) до XIX в. «Серебро въ пашнѣ» и «серебро издѣльное»—выраженія тождественныя и имѣютъ именно тотъ смыслъ, который приписываетъ имъ г. Чичеринъ.

строй съ характеризующей его принудительной барщиной надѣленныхъ землей земледѣльцевъ. Наблюденіе, видящее въ сближеніи юридическаго положенія крестьянъ и холоповъ тотъ путь, которымъ создалось крѣпостное *право*, одинаково вѣрно и въ приложеніи къ крѣпостному *хозяйству*. Въ сущности, оно и не могло быть иначе, такъ какъ хозяйственныя функціи крѣпостного права были несомнѣнно важнѣйшимъ его содержаніемъ. Обратимся къ фактамъ.

Уже къ началу XI вѣка въ составѣ несвободнаго населенія появилась «челядь, жившая по селамъ», т. е. рабы—земледѣльцы. Г. Ключевскій предполагаетъ даже, что въ XI и XII вв. эти холопы, исполнявшіе земледѣльческій трудъ, составляли самое многочисленное, если не единственное рабочее населеніе частныхъ земельныхъ имуществъ, какъ боярскихъ, такъ и княжескихъ. «Переходъ къ сельскохозяйственной утилизаціи холопьяго труда, прежде употреблявшагося только на домашнія или торговыя услуги, былъ, безъ сомнѣнія, большимъ шагомъ впередъ для русскаго народнаго хозяйства. Но этому экономическому успѣху можно придавать и важное юридическое значеніе: онъ долженъ былъ оказать разительное вліяніе и на развитіе самого права земельной собственности... Хлѣбопашество холопскими руками, повидимому, не было первичнымъ способомъ эксплуатаціи частной земельной собственности на Руси: холопу-земледѣльцу предшествовалъ холопъ-пастухъ».

Путемъ перевода земледѣльческихъ холоповъ изъ барскаго двора въ положеніе надѣленныхъ земельнымъ участкомъ, т. е. собственнымъ хозяйствомъ, земледѣльцевъ, возникъ классъ т.-н. «холоповъ-страдниковъ» или «пахотныхъ холоповъ». Иниціатива въ созданіи этого промежуточнаго между крестьянами-арендаторами и живущею въ барскомъ дворѣ челядью класса, повидимому, принадлежала церкви. Въ вотчинахъ свѣтскихъ владѣльцевъ переходъ къ новому порядку вещей начался, по мнѣнію г. Ключевскаго, не прямо переводомъ сельскаго двороваго холопа на особый земельный участокъ, а раздачей участковъ свободнымъ поселенцамъ-крестьянамъ на условіяхъ зависимости, близкой къ холопству. Въ XV в. «пахотные холопы-страдники уже являются въ составѣ сельскаго населенія стариннымъ и значительнымъ классомъ, хозяйственный и юридическій бытъ котораго успѣлъ прочно установиться» *).

Итакъ, первичной формой барщины былъ трудъ холоповъ на владѣльческой пашнѣ. Но широкое примѣненіе рабскаго недомашняго труда въ эпоху преобладанія натуральнаго хозяйства является экономической и психологической невозможностью. Трудъ рабовъ есть едва ли не первая въ исторіи форма концентраціи рабочихъ силъ и ихъ организаціи въ крупное производство на рынокъ. Между тѣмъ данныхъ для круп-

*) *В. Ключевскій.* «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» въ «Русской Мысли» за 1886 г.

наго производства на сбытъ не существуетъ въ такія преимущественно натурально-хозяйственныя эпохи, какъ та, съ которой мы имѣемъ дѣло. Организація рабскаго труда въ широкомъ размѣрѣ требуетъ *предпринимателя*, и недоступна представителю хозяйственнаго цѣлаго, производящаго продукты прежде всего для потребленія. Для русскаго землевладѣльца XV и послѣдующихъ вѣковъ она, кромѣ того, становилась все менѣе и менѣе возможной, по мѣрѣ того, какъ государство все болѣе и болѣе запрягало этого землевладѣльца въ свое тягло, т. е. по мѣрѣ того, какъ землевладѣльческій классъ становился служилымъ и въ силу этого неизбѣжно подпадалъ абсентеизму и невозможности энергичнаго веденія хозяйства и даже наблюденія за нимъ. Съ другой стороны, то же самое положеніе служилаго класса, въ которое окончательно попали землевладѣльцы, несомнѣнно увеличивало и количественно, и качественно ихъ потребности. Они *должны* были стремиться къ повышенію эксплуатаціи труда землевладѣльцевъ. Будучи экономически и тѣмъ самымъ психологически неспособны сдѣлать это въ той формѣ, въ которой это нѣкогда сдѣлали рабовладѣльцы--сельскіе хозяева позднѣйшей римской республики, они не могли создать ничего другого, кромѣ опирающагося на барщину крѣпостного хозяйства съ его необходимой юридической формой—крѣпостнымъ правомъ. Натуральная аренда была невыгодна для землевладѣльцевъ—она давала слишкомъ незначительный прибавочный продуктъ; денежная аренда была невозможна для земледѣльцевъ—они не были въ состояніи, при преобладаніи въ странѣ натуральнаго хозяйства, реализовать въ деньгахъ такую сумму, которая могла бы быть достаточна для землевладѣльца. Такъ естественно слагался строй хозяйства, въ которомъ крѣпостной земледѣлецъ, сидѣвшій на владѣльческой землѣ, платилъ за нее своимъ трудомъ, продуктомъ и деньгами. Но значеніе этихъ трехъ формъ присвоенія землевладѣльцемъ прибавочнаго продукта было неодинаково въ XVI и XVII вв. Мы имѣемъ основаніе думать, что тенденція, характеризующая развитіе аграрнаго строя въ эту эпоху, состоитъ въ томъ, что наибольшій экономическій вѣсъ постепенно пріобрѣтаетъ барщина, тогда какъ натуральный оброкъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ.

Мы сказали, что крѣпостной строй былъ результатомъ стремленія землевладѣльцевъ къ повышенію степени эксплуатаціи земледѣльцевъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго сопоставленія. Въ XVIII в. крестьяне уже нерѣдко обрабатывали на себя и на помѣщика земли поровну *),

*) По авторитетному свидѣтельству Болотова, относящемуся, правда, по всей вѣроятности, только къ черноземному центру: «По большей части почитается за правило, чтобы крестьянинъ столько же земли пахалъ на господина, сколько онъ для себя вспахать можетъ или сколько подъ собою имѣетъ...» («Наказъ управителю или приказчику, какимъ образомъ ему править деревнями въ небытность своего господина» въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», часть XVI, Спб. 1770 г., стр. 183).

что соотвѣтствуетъ новѣйшей нормѣ арендной платѣ при арендѣ за отработки (по даннымъ Валуевской коммиссіи). По разсчету г. Соколовскаго (l. с., 40) новѣйшая отработочная аренда въ 4 или 5 разъ превосходитъ барщину въ XVI в. Даже если принять, согласно выводу г. Семевскаго («Крестьяне при Екатеринѣ», стр. 35 и 65), что въ среднемъ въ XVIII в. при барщинѣ крестьянская запашка относилась къ господской какъ 2 : 1, то всетаки, беря для сравненія данныя г. Соколовскаго, придется констатировать за два столѣтія повышеніе вдвое уровня эксплуатаціи. Этотъ выводъ не только не долженъ насъ удивлять, но, наоборотъ, лишь онъ объясняетъ намъ, ради чего совершилось закрѣпощеніе крестьянъ. Оно совершилось ради расширенія области прибавочнаго труда насчетъ области труда необходимаго.

Такимъ образомъ, перестройка аграрныхъ отношеній, превращеніе ихъ изъ вольно-договорныхъ въ принудительно-крѣпостныя означало собой коренное юридическое и хозяйственное измѣненіе оброка и барщины. Оброкъ изъ арендной платы превратился въ односторонне назначаемую владѣльческую подать, повышеніе которой могло быть теоретически безграничнымъ; барщина изъ легкихъ отработковъ сдѣлалась тяжелой повинностью. Первоначально она состояла въ обязанности отработать извѣстное пространство земли за право пользованія уступленнымъ землевладѣльцемъ участкомъ, другими словами, крестьянская барщина на первыхъ порахъ представляла изъ себя отработочную аренду, какъ оброкъ—натуральную и денежную аренду, какъ половничество—аренду издольную. Теперь она превратилась въ поднадзорный принудительный трудъ, въ отбываніе барщинныхъ дней. Послѣ того, какъ оброкъ и барщина окончательно получили принудительно-крѣпостной характеръ, дальнѣйшее повышеніе эксплуатаціи крестьянскаго труда въ рамкахъ этихъ формъ представляло лишь вопросъ голаго хозяйственнаго факта. Какъ совершалось это повышеніе, мы прослѣдимъ ниже.

Конечно, въ закрѣпощеніи крестьянъ свою роль сыграла и борьба противъ отлива крестьянъ, породившаго землевладѣльческій кризисъ конца XVI в., но и помимо отлива населенія, землевладѣльцы ростомъ своихъ потребностей были бы вынуждены стянуть крестьянство крѣпостными узами, чтобы обезпечить себѣ наивыгоднѣйшую эксплуатацію его труда. Наилучшимъ способомъ для этого была организація крѣпостного хозяйства на основѣ барщины. Съ этимъ вполнѣ согласуется тотъ фактъ, что растущей соціально-экономической силой въ XVI вѣкѣ было монастырское землевладѣніе и монастырское хозяйство, которое какъ разъ располагало всѣми средствами для наилучшей организаціи земельнаго хозяйства и которое, соотвѣтственно этому, явилось главнымъ носителемъ барщиннаго режима.

Монастырь московской Руси «былъ самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста» (С. В. Рождественскій, «Служилое земле-

владѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка». Спб. 1897, стр. 87). «Въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйскіе рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и заботами, какъ это бывало на служилыхъ земляхъ, отъ которыхъ служба государева постоянно отрывала хозяина. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи монастыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергавшагося всѣмъ тягостямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ, военной службы, отрывавшей его отъ хозяйственной дѣятельности» (ibidem).

Установленіе и укрѣпленіе барщиннаго режима находитъ себѣ, какъ мы указывали выше, общее объясненіе въ томъ, что этотъ режимъ обезпечивалъ наивысшій доходъ землевладѣльцамъ. Водвореніе барщиннаго режима облегчалось еще тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилось большинство земледѣльцевъ въ разсматриваемую эпоху. Послѣдніе были въ долговой кабалѣ у первыхъ. «Вольный и перехожій арендаторъ-крестьянинъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, т. е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря; селясь на чужой землѣ, онъ, обыкновенно, нуждался въ ссудѣ, въ подмогѣ со стороны землевладѣльца» (Ключевскій). Въ этой подмогѣ г. Ключевскій видитъ главный источникъ барщины. Оброкъ и барщина, говоритъ онъ, «выходили изъ разныхъ источниковъ: денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно рентой, платой за пользованіе чужою землей. «Издѣліе» имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду или «подмогу». За это, вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался работать на хозяина, чаще всего пахать извѣстное количество земли. Итакъ, барщина вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ (т. е. натуральнымъ?) П. С. займомъ». Это объясненіе барщины одностороннe и недостаточно, но оно, конечно, совершенно правильно выдвигаетъ одинъ изъ факторовъ развитія и укрѣпленія барщиннаго режима. Оно недостаточно, во-1-хъ, потому, что барщина надѣленныхъ землей хлѣбопашцевъ имѣла и другой источникъ, указанный самимъ г. Ключевскимъ—сажаніе холоповъ на землю; во-2-хъ, потому, что, повторяемъ, при преобладаніи натуральнаго хозяйства, барщина была вообще самымъ выгоднымъ способомъ эксплуатаціи земли и земледѣльческаго труда. Съ этими оговорками, указаніе на задолженность крестьянъ, какъ на крупный факторъ установленія барщиннаго режима *), слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ. Задолженность и, общѣе, маломочность крестьянъ дѣлала ихъ совершенно неспособными стать въ положеніе денежныхъ арендаторовъ: они не имѣли для того ни капитала, ни рынка, а даже если бы у нихъ и былъ рынокъ, то

---

*) Указаніе это еще до г. Ключевскаго сдѣлано было И. Д. Бѣляевымъ см. «Крестьяне на Руси», изд. 1879 г. стр. 39.

они были бы на немъ совершенно безсильными. Но самое главное это то, что принудительный трудъ подъ надзоромъ въ ту эпоху былъ несомнѣнно болѣе производителенъ, чѣмъ свободный. Онъ являлся болѣе производительнымъ и объективно—по абсолютной массѣ продукта—и въ особенности съ точки зрѣнія получателей прибавочнаго продукта, такъ какъ онъ гарантировалъ имъ бо̀льшее количество послѣдняго *).

Князь Н. С. Волконскій въ указанномъ изслѣдованіи выставилъ оригинальную теорію происхожденія барщины, на которой намъ нельзя не остановиться. Переходъ къ барщинѣ отъ натуральнаго оброка—аренды онъ ставитъ въ связь съ расхожденіемъ потребностей собственника земли и его домочадцевъ съ потребностями самихъ арендаторовъ «Такой способъ хозяйства, (натуральная аренда)—говоритъ онъ (l. c. 9),—могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока потребности собственника земли и его домочадцевъ не расходились сильно съ потребностями жизни самихъ арендаторовъ, пока эти потребности могли удовлетворяться тѣми же самыми произведеніями, которыя получались въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но съ той минуты, когда это условіе переставало существовать, какъ скоро потребности собственниковъ земли становились настолько отличными отъ потребностей крестьянъ-арендаторовъ, что ихъ уже не могли удовлетворить произведенія крестьянскаго хозяйства, становилось необходимымъ измѣнить самый способъ полученія дохода съ земли. Возникновеніе дворни, которая переработала бы произведенія крестьянскаго хозяйства въ предметы барскаго потребленія, должно было быть самымъ прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Этимъ путемъ вопросъ рѣшался всего проще, не сходя съ почвы натуральнаго хозяйства. Но вмѣстѣ съ возникновеніемъ такой дворни измѣнялся и спросъ на родъ произведеній крестьянскаго труда; вмѣсто вполнѣ готовыхъ произведеній, отъ нихъ потребовалось теперь только сырье, только матеріалъ, который могъ бы быть переработанъ дворней въ нужные для хозяина предметы. На приготовленіе этого сырья, притомъ того именно качества, какое требовалось, явилась надобность отдѣлить часть земли для запашки на барина, и крѣпостной трудъ сталъ прилагаться къ этой землѣ уже по указанію собственника земли. Если потребность въ такого рода запашкѣ чувствовалась подчасъ и раньше..., то теперь это станетъ правиломъ. Притомъ наличность крѣпостной зависимости рабочихъ отъ барина отольетъ этотъ способъ приложенія крестьянскаго труда въ другія формы; явится возможность для возникновенія формальной барщины».

Эта теорія, при всей своей подкупающей стройности и простотѣ, не выдерживаетъ критики. Она, очевидно, навѣяна даннымъ въ статьѣ Забѣлина «Большой бояринъ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г., январь и февраль)

---

*) Это положеніе мы докажемъ подробно для болѣе поздней эпохи. По отношенію къ XVI—XVII в. оно тогда окажется вѣрнымъ уже a fortiori.

изображеніемъ крупнаго вотчиннаго хозяйства боярина Морозова. Кн. Волконскій упускаетъ изъ виду самое главное: онъ забываетъ, что натуральный оброкъ—беря развитіе схематически—смѣнился не барщиной, а оброкомъ денежнымъ, рядомъ съ которымъ или послѣ котораго явилась барщина. Такимъ образомъ, барщина въ гораздо большей мѣрѣ есть результатъ эволюціи денежнаго оброка, чѣмъ оброка натуральнаго. Съ точки зрѣнія помѣщика она—элементъ денежнаго хозяйства, средство полученія денежнаго дохода. Это вѣрно, конечно, не абсолютно, но это, несомнѣнно, общее правило. Барщина, если не создалась, то, во всякомъ случаѣ, укрѣпилась благодаря своему денежно-хозяйственному значенію для землевладѣльческаго класса. «Перерабатывающая дворня» въ среднемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ никогда, даже въ XIX в., крупной роли не играла. И что бы она могла перерабатывать? Переработка волокнистыхъ веществъ въ XVII, XVIII и въ XIX вв. въ гораздо большей мѣрѣ составляла одну изъ формъ натуральной повинности крестьянъ, являясь, такъ сказать, домашней барщиной крестьянскаго женскаго населенія, чѣмъ сферой примѣненія рабочихъ силъ дворни. И даже то сырье, которое «переработывалось» дворней, производилось не только на господской землѣ, но на крестьянской, представляя изъ себя часть того натуральнаго оброка, который наше крестьянство не переставало уплачивать вплоть до своего освобожденія, хотя онъ все болѣе и болѣе терялъ свою хозяйственную raison d'être и свою привлекательность для помѣщиковъ. Такимъ образомъ для того, чтобы перерабатывающая дворня была занята, вовсе не было надобности въ сколько-нибудь значительномъ расширеніи барской запашки и барщиннаго труда. Это не все. Развитіе «перерабатывающей дворни», какъ массовое явленіе, если и можно предположить, то, во всякомъ, случаѣ только въ XVIII в., который характеризуется привлеченіемъ въ Россію въ значительномъ числѣ иностранныхъ ремесленниковъ, возникновеніемъ, въ связи съ этимъ, городского ремесла и развитіемъ, подъ его вліяніемъ, ремесла крѣпостного. Однако и тутъ главная роль принадлежитъ не классу дворовыхъ, а классу оброчныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, теорія кн. Волконскаго не можетъ быть принята, но, дѣйствительно, XVII в., какъ мы уже указывали выше, характеризуется расширеніемъ и укрѣпленіемъ барщиннаго режима, преслѣдующаго денежно-хозяйственную эксплуатацію крестьянскаго труда. Эта характеристика сама собой наводитъ на мысль о связи такого развитія крѣпостного хозяйства съ опредѣленной эволюціей хлѣбныхъ цѣнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «хлѣбъ въ началѣ XVII в. стоилъ въ пять разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI в. Если эти выводы заслуживаютъ довѣрія, то они очень выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго московскою землею въ смутное время» (Ключевскій, «Русскій рубль», М. 1884 г. стр. 51). Конечно, это повышеніе цѣнъ было послѣдствіемъ хозяйственнаго запу-

стѣнія страны, но оно не могло не дать толчка къ повышенной эксплуатаціи земледѣльческаго труда съ цѣлью извлеченія денежнаго дохода *). Если паденіе общей массы сельскохозяйственнаго производства вызвало, вслѣдствіе «московскаго разоренія», сильный подъемъ цѣнъ, то естественно, что усиленная эксплуатація земледѣльческаго труда послѣ смутнаго времени должна была создать противоположное движеніе цѣнъ. И мы видимъ, что въ теченіе XVII в. цѣны падаютъ—очевидно, производство постепенно расширялось и расширялось быстрѣе, чѣмъ расло населеніе и повышался спросъ на пищевыя средства **). Тѣмъ не менѣе, во второй половинѣ XVII в. хлѣбъ былъ еще въ 3½ раза дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Время послѣ смуты было эпохой энергичнаго развитія земледѣльческой культуры на основѣ барщиннаго режима, эпохой усиленія сельскохозяйственной энергіи и землевладѣльческаго аппетита помѣщичьяго класса. О развитіи земледѣльческой культуры свидѣтельствуютъ цифровыя данныя о запашкахъ помѣщиковъ (или вотчинниковъ) въ 1615 и 1627—1628 ***); о немъ достаточно ясно говоритъ содержаніе XVI и XVII главъ «Уложенія» 1649 г., вынужденныхъ считаться съ новыми распашками помѣщиковъ и вотчинниковъ и съ вполнѣ понятной почтительной бережностью относящихся къ «прибылому вотчинному строенію»; весьма характернымъ показателемъ сельскохозяйственнаго оживленія XVII в. является также примѣненіе въ земледѣліи вольнонаемнаго труда, который, несомнѣнно, не укладывался въ общую экономію эпохи;—его примѣненіе тѣмъ выразительнѣе свидѣтельствуетъ о расширеніи сельскохозяйственнаго производства ****). О ростѣ землевла-

*) Совершенно аналогичный процессъ совершался въ XVII в. въ сѣверо-восточной Германіи (Ostelbien): здѣсь за разореніемъ отъ 30-лѣтней войны послѣдовало развитіе барщиннаго режима, связанное съ растущимъ угнетеніемъ крестьянъ и умаленіемъ ихъ правъ.

**) Опять-таки значительная аналогія съ движеніемъ цѣнъ въ эпоху 30-лѣтней войны и послѣ нея: «Sein (des dreissigjährigen Krieges) Einfluss reicht über seine zeitliche Ausdehnung hinaus; solange er währte, hat er preissteigernd gewirkt; nachdem wieder Friede war, fielen die Preise rapid herab und waren niedriger als zu Beginn des Jahrhunderts». (Dr. Georg Wiebe, Zur Geschichte der Preisrevolution der XVI und XVII Jahrh. Leipzig. 1895, S. 215).

***) См. *А. Лаппо-Данилевскій*, «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій». Спб. 1890. Стр. 259 и приложеніе X, стр. 539—542.

****) Т. н. «дѣловые люди» (см. о нихъ Дьяконовъ, l. c. 287 и сл.) были иногда просто вольнонаемные рабочіе люди, на что не обратилъ вниманія г. Дьяконовъ. «Государю Борису Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и безпомощные сироты твои разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишки»—писали наемные рабочіе боярину Морозову (Забѣлинъ l. c.). Повидимому, эти вольнонаемные рабочіе люди могли быть и крѣпостными другихъ владѣльцевъ (такими были, кажется, жаловавшіеся Морозову «разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишки») и свободными. Но «дѣловыми» они назывались по своей хозяйственной функціи. У «дѣловыхъ» людей

дѣльческаго аппетита свидѣтельствуетъ прямая и самочинная колонизаторская дѣятельность землевладѣльцевъ, въ которой одинаково участвуютъ и большой бояринъ Морозовъ, и мелкіе служилые люди: эта колонизація залѣчивала хозяйственныя раны смутнаго времени и создавала въ то же время новую сельскохозяйственную культуру. Конецъ XVII и начало XVIII в. принесли Россіи крупное потрясеніе всей народной жизни: петровскую реформу. Это потрясеніе не могло пройти безслѣдно и для крѣпостного хозяйства.

Петръ Струве.

(Продолженіе слѣдуетъ).

былъ чисто отрицательный юридическій признакъ, все болѣе и болѣе терявшій свое реальное значеніе. Они—некрестьяне. Положительный же хозяйственный признакъ, отъ котораго они заимствовали свое названіе, состоялъ въ томъ, что они работали на помѣщика (или вотчинника), исполняли «дѣло» того или другого рода «Дѣловые люди», такимъ образомъ, это помѣщичьи «рабочіе»—некрестьяне. Юридическое положеніе ихъ и, въ частности, ихъ юридическое отношеніе къ работодателю могло быть самымъ различнымъ.

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава двадцать пятая.

Чтобы пробыть нѣсколько лишнихъ минутъ съ Никодимцевымъ, передъ разлукой на неопредѣленное время, Инна Николаевна пріѣхала на Николаевскій вокзалъ за полчаса до отхода курьерскаго поѣзда.

Въ томъ новомъ настроеніи, въ какомъ находилась Травинская, ее тоскливо тревожилъ отъѣздъ единственнаго человѣка, который не только любилъ и понималъ ее, но и вѣрилъ прочности ея нравственнаго обновленія, поддерживалъ въ ней вѣру въ себя и въ возможность счастливаго будущаго ихъ совмѣстной жизни.

Она знала, что съ отъѣздомъ Никодимцева ея ждетъ полное одиночество и назойливое напоминаніе о томъ, что̀ она такъ хотѣла бы забыть и чего не забывали родные и знакомые ея, мужа и Козельскихъ.

Объ этомъ прошломъ напоминали добрыя пріятельницы и родственницы, передававшія съ видомъ негодованія и участія о позорныхъ слухахъ, ходившихъ о ней.

Эти слухи особенно усилились, распространяясь далеко за предѣлы того круга, въ которомъ вращалась Инна Николаевна, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ о томъ, что она разводится съ мужемъ, чтобъ сдѣлать блестящую партію, выйдя замужъ за Никодимцева.

Ей простили бы охотно дюжину любовниковъ, но этого простить не могли и потому обливали ее грязью, разбавляя частицу правды клеветой. О ней распространяли легенду, какъ о порочной, циничной женщинѣ, насчитывая ей столько любовниковъ, сколько

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

позволяла пылкость фантазіи и степень зависти возмущенныхъ клеветницъ.

Нечего и говорить, что знавшіе и не знавшіе Травинскую— и въ особенности женщины, не отличавшіяся строгостью нравовъ,— изумлялись, что Никодимцевъ, тайный совѣтникъ Никодимцевъ и директоръ департамента, а не то, что какой-нибудь обыкновенный смертный, не заслуживпіій бы разумѣется, изумленія, — женится на „такой женщинѣ“, когда могъ бы оставаться ея любовникомъ при такомъ покладливомъ господинѣ, какъ Травинскій.

Въ томъ, что Никодимцевъ любовникъ Травинской, никто, конечно, не сомнѣвался, и объ этомъ говорили громко, съ такимъ легкимъ сердцемъ, съ какимъ говорятъ о погодѣ, и съ такою увѣренностью, точно каждый изъ говорившихъ присутствовалъ на тайныхъ свиданіяхъ.

Когда въ министерствѣ узнали, что Никодимцевъ женится, то, собравши справки о невѣстѣ, рѣшили, что директоръ департамента дѣлаетъ великую глупость, такъ какъ рискуетъ своей блестящей карьерой. По крайней мѣрѣ, когда одинъ изъ коллегъ, не долюбливавшій Никодимцева и умѣвшій разнообразить свои доклады пикантными анекдотами, сообщилъ графу Волховскому о хорошенькой барынькѣ, на которой собирается жениться Григорій Александровичъ и кстати разсказалъ о рыцарскомъ поступкѣ Никодимцева, чуть „не побившаго двухъ молодыхъ людей у Донона“, то графъ неодобрительно покачалъ головой и замѣтилъ, что директору департамента рискованно ввязываться въ исторіи, а тѣмъ болѣе жениться Богъ знаетъ на комъ, да еще на разведенной женѣ.

Инна Николаевна знала, что главнымъ источникомъ позорныхъ слуховъ былъ ея мужъ.

Озлобленнный на жену, онъ еще болѣе озлился, когда узналъ объ ея выходѣ замужъ за Никодимцева, что продешевилъ, согласившись на разводъ за пятнадцать тысячъ, и всячески поносилъ жену, всѣмъ называлъ имена ея поклонниковъ и жаловался, что, благодаря Никодимцеву, ему приказали дать разводъ и отняли дочь. Но онъ имъ еще покажетъ себя!

Войдя на вокзалъ, Инна Николаевна искала Никодимцева у билетной кассы, не нашла его тамъ и направилась въ залъ, гдѣ ожидаютъ пассажиры.

Проходя мимо столовой, среди снующихъ взадъ и впередъ пассажировъ, провожавшихъ и носильщиковъ, она вдругъ увидала мужа. Слегка выпившій, онъ шелъ навстрѣчу съ Привольскимъ, тѣмъ самымъ пріятелемъ и сослуживцемъ, который былъ мимолетнымъ увлеченіемъ Инны Николаевны послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго за ужиномъ вдвоемъ, и потомъ выгнанный ею, разсказалъ мужу объ этомъ ужинѣ и, чтобы отплатить отвергнувшей

его женщинѣ, совѣтовалъ ему не давать развода и не отдавать дочери.

При видѣ этихъ господъ, напомнившихъ молодой женщинѣ весь ужасъ недавней ея жизни и неразборчивость прежнихъ знакомствъ, она торопливо отвернулась, испытывая чувство отвращенія и гадливости къ нимъ и невольное презрѣніе къ себѣ.

Но она успѣла замѣтить, съ какою наглой усмѣшкой оба они оглядѣли ее съ ногъ до головы, и до нея долетѣли грубо-позорныя слова, которыми они довольно громко обмѣнялись по ея адресу, упомянувъ и Никодимцева.

Поблѣднѣвшая, невольно склонивъ голову, словно бы подъ тяжестью позора, торопливо прошла она въ залу и стала искать глазами Никодимцева среди публики.

Никодимцева не было.

И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что мужъ и его пріятель пришли на вокзалъ не случайно, а съ цѣлью устроить скандалъ.

Сердце ея замерло отъ ужаса и, охваченная страхомъ за Никодимцева, она бросилась назадъ, чтобъ встрѣтить его у подъѣзда и предупредить.

Но въ дверяхъ она встрѣтилась съ нимъ и чуть не вскрикнула отъ радости

— Что съ тобой Инна? Ты испугана?—тревожно спрашивалъ Никодимцевъ, пожимая невѣстѣ руку.

— Ничего, ничего...

— Но ты блѣдна, взволнованна?..

— Сейчасъ я имѣла непріятную встрѣчу... Встрѣтила мужа съ его другомъ...

— Привольскимъ?..

— Да!—проронила, краснѣя, Инна Николаевна.—Ты ихъ не видалъ?

— Не видалъ. Надѣюсь, они не осмѣлились подойти къ тебѣ?—взволнованно спросилъ Никодимцевъ, чувствуя внезапный приливъ злобы.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшила успокоить его Инна, замѣтившая, какъ гнѣвно блеснули его глаза.—Они догадались даже не поклониться мнѣ.

— То-то!—произнесъ, успокоиваясь, Никодимцевъ.

— Пойдемъ, сядемъ туда, подальше...

Они присѣли на диванчикъ въ глубинѣ зала.

— Ты меня долго ждала?

— Я только что пріѣхала...

Они торопились наговориться. Каждому изъ нихъ казалось, что надо не забыть сказать что-то особенно важное и значительное въ эти полчаса.

Слушая, какъ Никодимцевъ сообщалъ ей утѣшительныя вѣсти о ходѣ развода—адвокатъ, котораго вчера вечеромъ видѣлъ Григорій Александровичъ, сказалъ, что черезъ два мѣсяца все будетъ кончено—Инна Николаевна, все еще полная тревоги отъ встрѣчи съ мужемъ, по временамъ кидала безпокойные взгляды на двери.

И въ этомъ страхѣ она чувствовала и унизительность своего положенія, и тяжкую расплату за прошлое, и виноватость передъ Никодимцевымъ, который изъ-за нея можетъ имѣть непріятную исторію съ этими господами, которые и ей, и Григорію Александровичу были омерзительны и сами по себѣ и, главное, какъ напоминаніе...

— А ты будешь писать мнѣ часто, не правда ли?..—возбужденно и порывисто спросила Инна Никокаевна.

— Каждый день... И ты пиши... хоть нѣсколько строкъ... Ты что это все взглядываешь на двери. Инна? Опять боишься встрѣчи?.,

— Не боюсь, а непріятно!—проговорила Инна Николаевна. скрывая истинную причину своего страха.

— Надѣюсь, ты не ждешь какой-нибудь выходки съ ихъ стороны?

— Разумѣется...

— Они не осмѣлятся... И вѣдь я, съ тобой... Такъ не волнуйся, родная! — нѣжно успокоивалъ невѣсту Никодимцевъ. Но тревога Инны Николаевны сообщилась и ему, отравляя эти немногія минуты прощальнаго свиданія. И, не смотря на внѣшній спокойный видъ Никодимцева, онъ былъ нервно-возбужденъ, и самъ сталъ взглядывать на двери.

— Отсюда ты уѣдешь съ Николаемъ Ивановичемъ... Онъ обѣщалъ пріѣхать... Онъ вѣдъ пріѣдетъ?..

Въ голосѣ его звучало безпокойство.

Инна Николаевна поняла, что онъ тревожится за нее, какъ она за него.

— Папа будетъ.

— Навѣрное?

— Онъ сказалъ, непремѣнно будетъ!

Двери на перронъ открылись, и публика торопливо двинулась, по обыкновенію, спѣша и толкаясь.

У Никодимцева было мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Онъ не торопился и продолжалъ разговаривать съ Инной въ опустѣвшей залѣ. Онъ снова повторялъ, чтобы Инна писала, берегла свое здоровье, снова говорилъ о томъ, какъ она ему дорога и какъ безъ нея ему будетъ сиротливо, и словно бы дополнялъ всѣ эти слова взглядомъ, полнымъ нѣжности и любви.

— А, главное, не хандри, Инна. Не терзай себя напрасно...

— Скорѣе возвращайся, милый...

— Это не отъ меня зависитъ... Богу—Богови, Кесарю—Кесареви... Однако, пора и идти... Пожалуй, Николай Ивановичъ насъ у вагоновъ ищетъ.

Онъ поднялся, подалъ ей руку и они вышли на перронъ, направляясь къ спальному вагону. Идя съ Никодимцевымъ подъ руку, Инна испытывала пріятное горделивое чувство увѣренности, что у нея есть близкій другъ и защитникъ, и въ то же время безпокойно вглядывалась въ публику, боясь новой встрѣчи съ мужемъ и его пріятелемъ.

Какой-то военный генералъ и какъ-то статскій поклонились Никодимцеву, съ жаднымъ любопытствомъ оглядывая его даму. Инна Николаевна замѣтила эти взгляды, поняла ихъ значеніе и вспомнила, что про нее говорятъ. Ей это было все равно, но ему, любимому человѣку?..

Она взглянула на лицо Никодимцева и просвѣтлѣла—такое оно было счастливо-горделивое, точно оно говорило: „Смотрите, какъ я счастливъ, что иду со своей невѣстой!“

Носильщикъ встрѣтилъ Никодимцева у вагона и сказалъ, что вещи положены и что въ купэ ѣдетъ только одинъ пассажиръ. Подошелъ и Егоръ Ивановичъ и, почтительно снимая фуражку, доложилъ, что багажная квитанція у него и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній? А самъ искоса поглядывалъ на будущую барыню, которую уже заранѣе не взлюбилъ. Онъ находилъ, что разведенная жена не пара Григорію Александровичу; кромѣ того, и до него дошла худая молва объ Иннѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, Инна, тотъ самый Егоръ Иванычъ, про котораго я говорилъ!—сказалъ Никодимцевъ.

Егоръ Ивановичъ снова снялъ фуражку и поклонился Иннѣ Николаевнѣ, принимая самый оффиціальный видъ и какъ-то смѣшно поджимая губы и вытаращивая глаза.

Но Инна Николаевна съ такою чарующей ласковостью улыбнулась ему, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, что Егоръ Ивановичъ отошелъ, если и не окончательно побѣжденный, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебно настроенный и вынужденный признать, что невѣста очень „прельстительная“, и не мудрено, что Григорій Александровичъ „втемяшился“ въ такую до умопомраченія.

„Она его облеститъ въ лучшемъ видѣ!“ рѣшилъ Егоръ Ивановичъ и почему-то успокоился за положеніе свое и жены при Никодимцевѣ.

— Ну, что, Инна, понравился тебѣ Егоръ Ивановичъ?

— Очень...

— Онъ славный... И я радъ, что онъ тебѣ понравился... Значитъ, онъ останется у насъ...

— А онъ думалъ, что я захочу заводить новые порядки у тебя?

— Кажется...

— И Егоръ Иванычъ, вѣрно, недоволенъ твоимъ выборомъ?— улыбаясь, спросила Инна.

— Теперь будетъ доволенъ...

Онъ вошелъ въ вагонъ и, вернувшись, проговорилъ:

— Никогда я не уѣзжалъ изъ Петербурга такимъ счастливымъ, Инна...

Пробилъ второй звонокъ.

— А что же Николай Ивановичъ?—безпокойно спросилъ Никодимцевъ, втайнѣ тревожась, что Инна Николаевна можетъ снова встрѣтить и они, чего добраго, позволятъ себѣ неприличную выходку.—Обѣщалъ быть, а его нѣтъ!—прибавилъ онъ съ раздражительной ноткой въ голосѣ.

— Да ты не волнуйся, милый!.. Со мной ничего не случится... Я не изъ трусливыхъ!—сказала Инна, понимая, отчего Никодимцевъ вдругъ такъ захотѣлъ видѣть отца.—А вотъ и папа!

— Еще не опоздалъ... Простите, дорогой Григорій Александровичъ, что поздно... Задержали... Непріятный дѣловой разговоръ въ правленіи... Мнѣ такъ надоѣла эта клоака... Съ какимъ удовольствіемъ ушелъ бы я изъ нея, еслибъ не пять тысячъ!..—говорилъ Козельскій, запыхавшись и взволнованный, съ какимъ-то испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ и далеко не спокойно-великолѣпный, какимъ бывалъ всегда.

Инна сразу догадалась, что съ отцомъ случилась серьезная непріятность. „Вѣрно срочный долгъ и нѣтъ денегъ!"—подумала она и втайнѣ боялась, что отецъ обратится за ними къ Никодимцеву.

А Козельскій, пожимая руку, будущему своему зятю и задерживая ее въ своей рукѣ между тѣмъ продолжалъ возбужденнымъ тономъ:

— Еслибъ вы знали, родной, что дѣлается въ нашихъ правленіяхъ... Порядочному человѣку тамъ служить нельзя. Сейчасъ про него выдумаютъ какую-нибудь пакость... Мнѣ жаль, что я до вашего отъѣзда не поговорилъ съ вами... Но я вамъ напишу... Позволите?... И дадите добрый совѣтъ?

— Очень буду радъ... Очень радъ чѣмъ-нибудь услужить вамъ, Николай Ивановичъ!

„Вѣдь ты отецъ Инны!"—казалось, досказывало его лицо.

— Спасибо... спасибо, дорогой!—съ какою-то особенной горячностью проговорилъ Козельскій, словно бы торопясь заранѣе обязать Никодимцева своей задушевной благодарностью,—И возвращайтесь скорѣе, а то моя Инночка стоскуется!—прибавилъ Козельскій, нѣжно взглядывая на дочь.

Инна невольно покраснѣла за отца.

— Однако, пора и въ вагонъ... Сейчасъ третій звонокъ!— проговорилъ Никодимцевъ.

И онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Инны, съ которой она сдернула перчатку, облобызался съ Козельскимъ, уже оправившимся отъ волненія и принявшимъ серьезно и въ мѣру опечаленный видъ, какой полагается имѣть на проводахъ, взошелъ на площадку и глядѣлъ на невѣсту восторженно-проникновеннымъ взглядомъ.

И Инна не спускала взгляда съ Никодимцева.

— Такъ я завтра же напишу вамъ, Григорій Александровичъ. Вы въ Москвѣ не остановитесь?

— Нѣтъ. Пишите въ Приволжье. А потомъ я сообщу Иннѣ, куда писать... Мой привѣтъ Антонинѣ Сергѣевнѣ и Татьянѣ Николаевнѣ!..

— Спасибо... Онѣ жалѣютъ, что не могли проводить васъ. Жена нездорова, а Тина хандритъ...

Раздался третій звонокъ. Оберъ-кондукторъ свистнулъ и съ паровоза разнесся ревущій свистъ.

Никодимцевъ простился еще разъ съ Инной долгимъ, серьезнымъ и грустнымъ взглядомъ, поклонился Козельскому и взволнованно проговорилъ:

— Берегите Инну!

Поѣздъ тронулся.

Никодимцевъ еще разъ поклонился, взглядывая на Инну, и вошелъ въ вагонъ.

— Чудный человѣкъ Григорій Александровичъ! Какая ты счастливица, Инна, что у тебя будетъ такой мужъ. И какъ онъ тебя любитъ!—проговорилъ вдругъ Козельскій.

Инна Николаевна ничего не отвѣтила.

Прошли послѣдніе вагоны. Козельскій подалъ дочери руку, и они направились къ выходу среди толпы провожатыхъ. Козельскій нѣсколько разъ приподнималъ цилиндръ, кланяясь и отдавая поклоны знакомымъ.

— Ѣдемъ вмѣстѣ, Инна. У меня карета. Я тебя завезу домой!—сказалъ онъ, когда они вышли на подъѣздъ.

Глава двадцать шестая.

Нѣсколько минутъ отецъ и дочь ѣхали молча.

— Инночка!.. У меня къ тебѣ большая просьба! — проговорилъ наконецъ Козельскій ласковымъ, почти заискивающимъ тономъ.

— Какая, папа?

— Выручи меня... Попроси Григорія Александровича... Я понимаю, тебѣ неловко, но...

— О чемъ просить?—нетерпѣливо и сухо спросила Инна.

— Чтобы онъ не отказалъ помочь мнѣ выпутаться изъ очень непріятной исторіи въ правленіи... Чтобы онъ далъ мнѣ въ долгъ пять, шесть тысячъ и чтобы устроилъ мнѣ мѣсто... Изъ правленія я ухожу... Я самъ напишу Григорію Александровичу, но напиши и ты... Поддержи мою просьбу, Инночка... Онъ для тебя все сдѣлаетъ...

— Но, папа... Ужели ты не понимаешь, что ставишь меня въ невозможное положеніе? Ты не сердись, но я не могу исполнить твоей просьбы и умоляю тебя не просить у Григорія Александровича денегъ. И то онъ заплатилъ пятнадцать тысячъ за разводъ... Извернись какъ-нибудь!

— Ты не хочешь выручить отца!?—проговорилъ съ упрекомъ Козельскій.

„Отецъ! Хорошъ отецъ!"—подумала Инна и вспомнила, какъ онъ занималъ деньги у одного изъ ея поклонниковъ.

— Я не могу просить Григорія Александровича,—отвѣчала Инна Николаевна.

— Не можешь?.. Но понимаешь ли ты, что я нахожусь въ отчаянномъ положеніи... Ты говоришь: „извернуться!.." Я изворачивался, пока могъ, а теперь...

И Козельскій сталъ разсказывать о томъ, что ему необходимо возвратить пять тысячъ, взятыя имъ въ долгъ у еврея-подрядчика, иначе—скандалъ... Его репутація будетъ замарана. Дѣло можетъ дойти до суда... Враги его въ правленіи воспользуются случаемъ... А Никодимцеву ничего не стоитъ достать пять тысячъ...

— Но я знаю, у него денегъ нѣтъ...

— Пусть выдастъ вексель... Подъ его вексель я достану денегъ... Инна! Умоляю тебя... Другого выхода нѣтъ... Пожалѣй хоть маму, если не жалѣешь меня...

— Хорошо... Я напишу Григорію Александровичу!

— Завтра напиши...

— Завтра напишу!—холодно проговорила Инна Николаевна.

Козельскій облегченно вздохнулъ.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Инночка... Ты спасаешь меня...

Инна молчала. Отецъ понялъ, что дочь спасаетъ его безъ особеннаго участія къ нему, и про себя подумалъ о безсердечіи дѣтей, для которыхъ онъ всегда дѣлалъ все, что могъ.

„И эта, и Тина обѣ онѣ эгоистки!"—рѣшилъ онъ и почувствовалъ себя обиженнымъ.

Когда карета остановилась у подъѣзда, Козельскій сказалъ дочери, что ему надо еще заѣхать по одному дѣлу, но онъ скоро вернется...

— Такъ и скажи мамѣ, пожалуйста! И ей о моихъ дѣлахъ

ни слова!—прибавилъ онъ, и велѣлъ кучеру ѣхать на Васильевскій островъ.

Инна застала мать разстроенною, съ красными отъ слезъ глазами.

— Мамочка! Что съ тобой?

И, присаживаясь рядомъ съ матерью на маленькій красный диванчикъ, на которомъ Антонина Сергѣевна много передумала о своихъ обидахъ оставленной жены, Инна цѣловала руки и лицо матери.

— Я уѣзжала на вокзалъ, и ты была молодцомъ, а вернулась, и ты... Что случилось? Что тебя разстроило, мамочка?— съ тревожной нѣжностью въ голосѣ спрашивала Инна.

— Ничего не случилось, Инночка... Такъ... взгрустнулось одной... Нервы зашалили... Не тревожься, моя милая, ласковая дѣточка!—говорила, стараясь улыбнуться, Антонина Сергѣевна и тихо гладя своею красивой бѣлой, съ длинными пальцами, рукой закраснѣвшуюся на морозѣ щеку Инны.

Но улыбка Антонины Сергѣевны вышла грустная и какая-то безпомощная.

„Ужъ не узнала ли мама о связи отца съ Ордынцевой! Не нашла ли она какой-нибудь улики?"—подумала Инна, зная, что мать имѣла слабость, въ отсутствіе отца, посѣщать его кабинетъ и интересоваться разорванными письмами, брошенными въ корзину.

Что мать могла встревожиться за нее или за сестру, Иннѣ и не пришло въ голову. Она знала, что никакіе слухи, еслибъ они случайно и дошли до матери, почти не выѣзжавшей изъ дому, не возбудили бы въ ней сомнѣнія—до того она была увѣрена въ безупречности своихъ дочерей.

— А папа провожалъ Григорія Александровича?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Да, мама... Григорій Александровичъ тебѣ кланяется...

— Милый твой Григорій Александровичъ... Я ужъ полюбила его... А папа вернулся съ тобой?—нетерпѣливо спросила Козельская.

— Нѣтъ. Онъ поѣхалъ куда-то по дѣлу и скоро вернется...

Антонина Сергѣевна подавила вздохъ.

Инна Николаевна смотрѣла на это поблекшее, еще красивое лицо съ большими глазами, полными выраженія скорби, на эти рано посѣдѣвшіе волосы подъ кружевнымъ фаншономъ, на эту худощавую, все еще стройную фигуру въ черномъ платьѣ, и ей стало безконечно жаль мать.

Она, глядѣвшая почти старухой въ сорокъ четыре года, казалась такой одинокой, сиротливой, наивно-безпомощной и далекой отъ жизни въ своей маленькой комнатѣ, которую она со своимъ

обычнымъ мастерствомъ женщины, умѣющей свивать и любить свое гнѣздо, сдѣлала уютной, сіявшей необыкновенной чистотой и порядкомъ и нѣсколько похожей на келію монахини. Маленькій кіотъ, кровать и комодъ за низенькими ширмами, диванъ, два кресла, большой портретъ мужа, когда онъ былъ молодъ и красивъ, нѣсколько позднѣйшихъ фотографій его же и портреты дочерей, висѣвшихъ въ рамкахъ на стѣнѣ красиво расположенной группой, надъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, составляли убранство комнаты, въ которой проводила большую часть времени Антонина Сергѣевна, читая романы и терзаясь ревнивыми подозрѣніями.

И тотъ, котораго она до сихъ поръ любила съ неостывшей еще страстью женщины, почти никогда не заглядывалъ къ ней, не дѣлился впечатлѣніями, не посвѣщалъ въ свои дѣла и, ласково-предупредительный и внимательный въ тѣ немногіе часы, когда они встрѣчались въ столовой, словно бы забывалъ, какъ много она ему дала и какъ мало отъ него получила.

Почти никогда не сидѣла съ матерью и Тина. Она скучала въ ея обществѣ и не знала, о чемъ съ ней говорить. Ей смѣшна была ея „сантиментальная грусть“, и въ душѣ она осуждала мать и за ея ревность къ отцу и за то, что она, носясь со своей добродѣтелью и молчаливо страдая, совершенно напрасно отравляетъ себѣ жизнь.

„Будь мама умнѣе—она давно бы взяла отъ жизни все, что могла бы взять такая красивая женщина!“—нерѣдко говорила младшая сестра.

Инна возмущалась этими словами. Она любила и уважала мать, но сама рѣдко навѣщала ее во время замужества. Пріѣдетъ на полчаса днемъ или обѣдать, явится на журъ-фиксъ—вотъ и все. А чтобы просидѣть вечеръ вдвоемъ поговорить—это было скучно и для Инны. И о чемъ говорить съ ней? Они были чужія другъ другу, не смотря на взаимную любовь.

И, жалѣя теперь мать, Инна невольно спрашивала себя: отчего это такая хорошая и честная женщина, которую называли святой, такъ одинока со своей постоянной печалью отверженной жены? Отчего она не умѣла устроить семьи. Развѣ ихъ семья похожа на настоящую семью? Отчего она, любившая ее и сестру, не съумѣла вліять на нихъ хоть сколько-нибудь и словно бы проглядѣла ихъ души, обманываясь на ихъ счетъ не то отъ чрезмѣрной любви, не то отъ наивнаго непониманія?

И на эти вопросы, впервые затронувшіе Инну, противъ желанія подкрадывались отвѣты, обвиняющіе не одного только отца, вносившаго ложь въ семью.

И Иннѣ казалось, что мать слишкомъ отдавалась своимъ чув-

ствамъ любви и ревности и изъ-за нихъ закрывала глаза на все остальное, живя въ совершенномъ невѣдѣніи жизни,—въ какомъ-то сантиментальномъ миражѣ, безхарактерная, непрактичная, не съумѣвшая даже, не смотря на всю свою любовь къ дочерямъ, внушить имъ понятіе о долгѣ и отвращеніе къ распущенности.

„О, еслибъ мама остановила тогда отъ этого легкомысленнаго брака, развѣ у меня было бы такое ужасное прошлое?.. О, еслибъ мама знала какія у нея, святой женщины, грѣшныя дочери!?"—думала Инна, чувствуя въ то же время и любовь и жалость къ матери и понимая, что между ними нѣтъ той близости, которая позволила бы ей обнажить свою душу, какъ она обнажила ее передъ Никодимцевымъ. Тотъ понялъ и простилъ. Она пришла бы въ ужасъ и простила бы, не понимая, что въ этомъ ужасѣ виновата главнымъ образомъ она.

„И не будетъ ли виновата и она, Инна, передъ своей дочерью за свое прошлое. Съумѣетъ ли она вызвать довѣріе къ ней? Что, если она узнаетъ, когда выростетъ, какова была ея мать!?

При этой мысли Инна Николаевна вздрогнула, точно ей вдругъ сдѣлалось холодно.

— Что, Инночка, зазябла бѣдная?...—спросила Антонина Сергѣевна.

— Да, мамочка, немного...

— Ты велѣла бы самоваръ поставить... Напилась бы чаю...

— Не хочу, мамочка... Я и такъ согрѣюсь.

Нѣсколько минутъ онѣ просидѣли молча, каждая занятая своими мыслями, повѣрить которыя онѣ не рѣшались другъ другу.

Антонина Сергѣевна гордилась тѣмъ, что несетъ свой крестъ молча. Она никогда не жаловалась никому на мужа и, разумѣется, не жаловалась дочерямъ, не желая ронять его родительскаго престижа въ глазахъ дочерей, и наивно думала, что онѣ ничего не знаютъ объ его похожденіяхъ и не догадываются, какъ она несчастна.

„И не должны знать!"—подумала Антонина Сергѣевна, чувствуя въ эту минуту желаніе излить передъ Инной свое горе.

— Да, Инночка, я рада, что ты выходишь за человѣка, который значительно старше тебя!—проговорила наконецъ Антонина Сергѣевна.

— Почему?

— Потому что онъ тебя будетъ дольше любить... Ты не состаришься ранѣе мужа... А мужья не любятъ состарившихся женъ, Инночка, и часто ищутъ новыхъ привязанностей на сторонѣ... Впрочемъ, Григорій Александровичъ кажется не такой... Онъ человѣкъ долга и навѣрное никогда не станетъ обманывать тебя...

— Я въ этомъ увѣрена, мамочка... Онъ не скроетъ, если разлюбитъ меня... Да этого и скрыть нельзя... Я сама увижу...

— И что тогда?

— Я оставила бы его!—рѣшительно проговорила Инна.

— Но если ты будешь любить его?..

— Тѣмъ скорѣе я отошла бы отъ него...

— Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется, Инна... Не такъ легко... особенно если дѣти связываютъ... Надо ради дѣтей нести крестъ свой, какъ онъ ни тяжелъ...

Инна Николаевна не возражала, чтобъ не огорчить мать, высказавши ей, что эти обычныя ссылки на дѣтей кажутся и лицемѣрными и вовсе не защищающими дѣтей отъ ужаснаго вліянія семейнаго разлада. Она по себѣ и по Тинѣ знала это и безконечно рада, что дочь ея еще слишкомъ мала, чтобы на ней отразились тѣ дикія сцены, которыя бывали у ней съ мужемъ.

„Что было бы съ Леночкой, еслибъ она оставались жить съ Травинскимъ!“—въ ужасѣ подумала Инна, и радостное чувство охватило ее вслѣдъ за испугомъ при мысли, что этого не будетъ и что ее ждетъ иная жизнь съ Никодимцевымъ.

И онъ ей казался еще болѣе дорогимъ и близкимъ. И она думала въ эту минуту, что никогда не разлюбитъ его и мысленно давала себѣ клятву сдѣлать его счастливымъ.

— Расходиться, Инна, еще возможно,—продолжала Антонина Сергѣевна,—въ молодые годы, когда впереди цѣлая жизнь, но подъ старость... Къ чему?.. Зачѣмъ?—говорила Антонина Сергѣевна, словно бы оправдываясь передъ дочерью.—Надо, чтобы слишкомъ много униженій выпало на долю, да и тогда..

Антонина Сергѣевна примолкла и затѣмъ неожиданно спросила съ оживленно-раздражительной ноткой въ голосѣ:

— А ты слышала, что Ордынцевы на старости лѣтъ разошлись?..

— Слышала...

— Я только на дняхъ объ этомъ узнала случайно... Эта особа вчера мнѣ ничего объ этомъ не говорила!—прибавила Антонина Сергѣевна.

Инна знала, что мать называетъ „особами“ тѣхъ женщинъ, которыя нравятся отцу, и поняла причину разстройства матери. Еще вчера Ордынцева, пріѣзжавшая съ визитомъ, была Анной Павловной и даже милой Анной Павловной, а сегодня она уже особа. Значитъ, отецъ попался.

— Вѣрно бѣдному Ордынцеву очень тяжело было жить, если онъ уѣхалъ отъ семьи... Хороша значитъ эта... женщина... И вѣдь воображаетъ, что красавица... Подмазывается, красится и... кокетничаетъ на старости лѣтъ... Вѣдь ей за сорокъ!.. Навѣрное за сорокъ!..

— Пожалуй...

— Не пожалуй, а навѣрное!—заговорила Антонина Сергѣевна болѣе энергичнымъ тономъ, какъ только дѣло пошло о найденной любовницѣ мужа, которая такъ долго была ей неизвѣстна, и эта неизвѣстность такъ безпокоила.—Она скрываетъ свои годы... Эта взбалмошная, глупая Ольга, съ которой Тина почему-то дружитъ, какъ-то проговорилась, что ея неприличной маменькѣ сорокъ пять лѣтъ. Да оно такъ и должно быть... Ольгѣ двадцать четыре...

Инна Николаевна про себя усмѣхнулась, слушая, какъ мать, обыкновенно правдивая даже въ мелочахъ, подъ вліяніемъ ревности безбожно прибавляла года не только Ордынцевой, но и ея дочери. И, предоставляя матери прибавить сколько угодно лишнихъ лѣтъ Аннѣ Павловнѣ, Инна все-таки заступилась за Ольгу и сказала:

— Ей, мамочка, меньше... Право, меньше!

— Ты вѣчно споришь!—съ неудовольствіемъ произнесла Антонина Сергѣевна, хотя Инна очень рѣдко съ ней спорила.—Ольга моложе Тины на одинъ годъ... Я это знаю!—прибавила Козельская въ видѣ неотразимаго женскаго аргумента.

И съ бо́льшимъ оживленіемъ и въ лицѣ и въ голосѣ и съ бо́льшимъ злорадствомъ, чѣмъ можно было предполагать въ святой женщинѣ, она продолжала:

— И эта размалеванная толстуха имѣетъ претензію завлекать мужчинъ! Ты, знаешь, Инна, я не имѣю привычки злословить... Но, развѣ ты не замѣтила, какіе откровенные вырѣзы у нея на платьяхъ, когда она является къ намъ на эти дурацкіе фиксы— они положительно разстраиваютъ и безъ того мое слабое здоровье!— и съ какимъ безстыднымъ кокетствомъ она держитъ себя съ мужчинами... Думаетъ, что у нее античная шея и грудь Венеры!.. Ты развѣ не замѣтила, какъ показываетъ она свои прелести?

Инна, чтобъ не огорчать мать, покривила душой и сказала, что Ордынцева дѣйствительно открывается болѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ ея же интересахъ.

— Именно... именно, Инночка... Ты это мѣтко замѣтила... По одному тому, какъ она держитъ себя съ мужчинами въ обществѣ можно судить, какая это распущенная женщина. Не мудрено, что такой порядочный человѣкъ какъ Ордынцевъ не могъ болѣе терпѣть и бѣжалъ отъ этой проблематической особы... Вѣроятно, узналъ про ея авантюры... Я только удивляюсь вкусу ея поклонниковъ... Ухаживать за такимъ жирнымъ кускомъ мяса!..

Въ лицѣ Антонины Сергѣевны стояло презрительное выраженіе и къ этому „куску мяса“ и къ его поклонникамъ и въ то же время въ душѣ ей было завидно и больно.

Это Инна почувствовала, и ей стало обидно за мать.

— Впрочемъ, мужчины не особенно разборчивы и легко поддаются женщинамъ, которыя бросаются имъ на шею... Нужды нѣтъ, что подобныя твари вносятъ несчастіе въ чужія семьи! Бойся такихъ, Инна!—съ озлобленіемъ прибавила Антонина Сергѣевна...

У Инны болѣе не было сомнѣнія въ томъ, что мать узнала о связи отца съ Ордынцевой.

Недаромъ же она, обыкновенно не злорѣчивая и снисходительная къ людскимъ слабостямъ, когда онѣ не касались ея и семьи, съ такою несдержанностью бранила Ордынцеву и удивлялась неразборчивости ея поклонниковъ или вѣрнѣе, одного поклонника.

Въ этомъ отношеніи Антонина Сергѣевна была послѣдовательна и съ неизмѣннымъ постоянствомъ ужасалась вкусу своего мужа, какъ только узнавала объ его увлеченіи. И тогда женщина, обращавшая на себя особенное вниманіе Николая Ивановича, въ глазахъ Антонины Сергѣевны представляла собой сочетаніе всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ несовершенствъ. Она еще могла бы понять увлеченіе какой-нибудь дѣйствительно стоющей женщиной, но такъ какъ выборъ Николая Ивановича, по мнѣнію Антонины Сергѣевны, былъ всегда неудаченъ и „особа" бывала или толста до безобразія или худа, какъ скелетъ, и притомъ, зла и коварна, то, разумѣется, Антонина Сергѣевна не понимала, какъ это Ника, такой тонкій цѣнитель красоты, могъ увлечься подобной особой.

Нечего и говорить, что Антонина Сергѣевна, какъ большинство влюбленныхъ женъ, считала виноватыми „особъ", завлекавшихъ ея мужа, а его—лишь бѣдной жертвой, не устоявшей противъ безстыднаго искушенія. Не будь такихъ подлыхъ особъ, разрушающихъ семейное счастіе,—и Ника не изолгался бы въ конецъ и остался бы вѣрнымъ мужемъ.

Инна рѣшительно не находила словъ, которыя могли бы утѣшить мать, и только удивлялась, какъ она до сихъ поръ не привыкла къ этимъ постояннымъ измѣнамъ отца. Кажется, пора бы привыкнуть!

— Ты приняла бы, мамочка, валерьяна... Хочешь?.. Это успокоитъ твои нервы!—предложила Инна, увидавши, что мать снова готова расплакаться.

— Пожалуй, дай, Инночка... Капли на комодѣ...

Инна сходила за рюмкой и, приготовивъ лекарство, подала матери. Та выпила и, казалось, нѣсколько успокоилась.

— А Богъ съ ней съ этой Ордынцевой... Не стоитъ о ней говорить!—произнесла Антонина Сергѣевна.

— Конечно, не стоитъ, мамочка!

— Но, принимать ее я больше не буду... Она неприлична!

„О, еслибъ мама знала, какова была я и какова сестра!"—подумала Инна и сказала:

— Но, если Ордынцева пріѣдетъ на фиксъ. Не выгонишь же ты ее?..

— Я ее такъ приму, что она больше не явится... Надѣюсь, ни папа, ни ты, ни Тина не будете ничего имѣть противъ этого?.. Можно мнѣ не видать особъ, которыя мнѣ противны... Имѣю я хоть это право?

— Да кто жъ говоритъ, что не имѣешь... Конечно, никто изъ насъ не опечалится, если Ордынцевой не будетъ на фиксахъ... Развѣ одинъ старый адмиралъ да юный инженеръ Развозовъ...

— Ты думаешь никто больше?

— Кому же больше! — проговорила Инна, чтобъ успокоить мать и дать лишній шансъ отцу, когда онъ будетъ лгать, если мать потребуетъ объясненій.

Но, доказательства, находившіеся въ карманѣ у Антонины Сергѣевны, въ видѣ начатаго письма Николая Ивановича къ Ордынцевой, неосторожно брошеннаго въ корзину,—такъ очевидно свидѣтельствовали о винѣ мужа, что слова Инны не произвели впечатлѣнія на Козельскую и только вызвали горькую усмѣшку на ея губахъ...

„Хорошо, что хоть дѣти ничего не знаютъ!“ — подумала она, гордая мыслью, что несетъ свой крестъ молча, никому не жалуясь, и наивно увѣренная, что брань, которою она только что осыпала Ордынцеву, не выдаетъ ея ревности.

— Что-жъ ты не разсказываешь, Инна, о проводахъ Григорія Александровича!—проговорила Козельская тономъ упрека, точно не сама она все время говорила объ Ордынцевой, повидимому, не особенно интересуясь проводами Никодимцева... Много было провожавшихъ его?

— Кромѣ папы и меня, никого.

— Отчего никого?.. Развѣ у Григорія Александровича нѣтъ добрыхъ знакомыхъ, которые хотѣли бы проводить его... И наконецъ, онъ занимаетъ такое мѣсто... Ближайшіе его помощники должны были бы его провожать... Это ужъ такъ водится...

— Можетъ и водится, но Григорій Александровичъ нарочно никому не говорилъ о днѣ отъѣзда... Ему вѣрно интереснѣе было пробыть полчаса со мной, мама.

— Вотъ почему?.. Тогда это очень мило съ его стороны, Инна... Очень мило! Онъ совсѣмъ рыцарь.

— Знакомыхъ никого не видала?

— Травинскаго встрѣтила...

— Леву?

— Да.

— Что-жъ онъ очень убитъ?.. Что тамъ ни говори про него, какъ подло онъ съ тобой не поступилъ, Инна, а все-таки онъ тебя любилъ...

— Хороша любовь! И онъ былъ не убитъ, мама, а пьянъ!— рѣзко проговорила Инна Николаевна.

Ее раздражало и обижало это постоянное напоминаніе матери, что мужъ все-таки ея любилъ.

— Быть можетъ, онъ сталъ пить съ горя, что ты его бросила? Когда любятъ...

— Ахъ, мама .. Совсѣмъ ты не знаешь людей!—перебила Инна.

И, чувствуя, что можетъ наговорить матери непріятностей, она встала и, прощаясь съ матерью, проговорила, стараясь сдержать свое раздраженіе:

— Не говори мнѣ, мама, о Травинскомъ... Не напоминай о глупости, которую я сдѣлала, выйдя за него замужъ... Еслибъ ты... знала больше людей, ты остановила бы меня отъ этого брака... Прости!.. Я конечно, не обвиняю тебя... Ты вѣдь думала, что онъ меня очень любилъ... И теперь думаешь, что онъ очень любитъ... А этотъ любящій человѣкъ...

Инна во время удержалась, чтобъ не сказать матери, какими позорными словами назвалъ ее этотъ любящій человѣкъ и чувствуя приливъ жалости къ ней, стала цѣловать ее лицо и руки, и мягко и нѣжно говорила:

— Ложись-ка лучше спать, мамочка и вспомни, родная, что ты отъ жизни все-таки взяла, что могла, и была счастлива съ папой... А я молодость... прошутила и только теперь поняла, что любовь не шутка и жизнь не игрушка!—прибавила Инна.

И, улыбнувшись глазами, вышла изъ комнаты матери и прошла въ свою.

Взглянувъ на сладко спавшую Леночку, Инна Николаевна надернула на ея обнаженныя розовыя плечики одѣяло, тихо прикоснулась губами къ ея закраснѣвшимся щечкамъ и, осторожно ступая по комнатѣ, присѣла къ туалету и стала раздѣваться, думая о томъ, какъ ей тоскливо будетъ безъ Никодимцева и какъ она любитъ его.

— Можно къ тебѣ на минуту! — спросила Тина, чуть-чуть пріотворяя двери.

— Входи!

Съ распущенными золотистыми волосами, одѣтая въ капотъ изъ тонкой бѣлой шерсти съ голубыми кордельерами, слегка перехватывающими ея тонкую талію, съ открытой шеей и оголенными изъ подъ широкихъ рукавовъ бѣлыми руками на мизинцахъ которыхъ блестѣли кольца, съ крошечными красными туфельками на ногахъ, бѣлѣвшихъ сквозь ажурные шелковые чулки, вошла Тина, обворожительная и видимо сознающая свою обворожительность, — внося съ собой душистую струйку любимыхъ ею духовъ —Cherry Blossom.

Инна обернулась и глядѣла на сестру, невольно любуясь ею — такая она была интересная вся сіяющая бѣлизной хорошенькаго, дерзко-самоувѣреннаго лица, красиво посаженной, словно точеной шеи и изящныхъ рукъ свѣжая и благоухающая, стройная и гибкая, съ карими холодными глазами рыжеватой блондинки.

„И въ такомъ красивомъ тѣлѣ такая испорченная душа!“ — мелькнуло въ головѣ Инны, и она невольно вспомнила самоубійство Горскаго, и отношеніе къ этому сестры послѣ тѣхъ поцѣлуевъ, которыми она дарила влюбленнаго.

И старшая сестра въ первый разъ обратила вниманіе, что у Тины выдающійся чувственный ротъ и что, алыя, сочныя губы слишкомъ толсты, когда она ихъ не подбираетъ.

— Ты что это такъ глядишь на меня?—спросила Тина, присаживаясь на кушетку.

— Любуюсь тобой. Ты очаровательна Тина въ капотѣ.

— Кажется, не дурна! — самодовольно усмѣхнулась Тина.— Наши родители передали намъ только одно хорошее и дѣйствительно цѣнное — красоту. Ты гораздо красивѣе меня. У тебя и русалочные глаза и красивѣе формы и больше пластичности, и сложена ты лучше, и губы не такія толстыя!.. Но ты запускаешь себя... Этого не слѣдуетъ. У женщинъ вѣдь физическое обаяніе— главная сила!—съ категоричностью прибавила Тина.

— Развѣ запускаю?

— Не тренируешь себя, какъ слѣдуетъ... Мало ходишь, ѣшь много мучного и сладкаго, не берѐшь каждый день ваннъ, не обтираешься холодной водой... И оттого твое тѣло раньше потеряетъ свою упругость, ты растолстѣешь, кожа потеряетъ свѣжесть, однимъ словомъ, твой будущій супругъ будетъ огорченъ! Зачѣмъ же огорчать его и себя, если можно этого избѣгнуть?.. Надо любить свое тѣло и заботиться о немъ, особенно если оно красиво, чтобы въ сорокъ лѣтъ не сдѣлаться обойденной и не ныть, какъ ноетъ мама... Мама воображаетъ, что истинная любовь должна сохраняться даже и къ маринованнымъ женщинамъ и удивляется, что генералъ занимается авантюрами... И онъ и Ордынцева представляютъ собою отличный образецъ тренировки... Оба умѣли сохранить себя... А генералъ, видно, попался?.. На всякаго мудреца довольно простоты!—прибавила, усмѣхнувшись, Тина.

— Откуда это у тебя такія свѣдѣнія о тренировкѣ?—спросила Инна.

— Странный вопросъ! Кто-жъ этого не знаетъ?.. Можешь прочесть... Объ этомъ пишутъ книги... Я могу тебѣ дать одну французскую... Прочти и проникься... Тебѣ вѣдь стоитъ беречь свой капиталъ! — проговорила Тина, оглядывая сестру съ серьезнымъ видомъ хорошей цѣнительницы, подобно барышнику, раз-

глядывающаго статьи лошади.—Сложена ты прелестно... Даже и бедра не очень раздались, не смотря на то, что ты имѣешь ребенка...

— Да перестань, Тина... Вѣдь это цинизмъ!—замѣтила старшая сестра.

— Съ какихъ это поръ ты стала такая брезгливая?—насмѣшливо спросила Тина.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ мужа...

— И полюбила своего директора. Люби его на здоровье—хоть я и не поклонница этихъ сорокалѣтнихъ юнцовъ. Но это тѣмъ болѣе должно заставлять тебя не распускаться... Надѣюсь, ты не думаешь, что мужчины довольствуются одной душой... Тогда всѣ уродливыя женщины были бы очень счастливы... Не даромъ ихъ называютъ симпатичными... Однако, я не для болтовни бросила интересную книгу Нитцше и пришла къ тебѣ... Присядь ко мнѣ и выслушай, что я тебѣ скажу!—значительнымъ и нѣсколько безпокойнымъ тономъ проговорила молодая дѣвушка.

Инна уловила эту безпокойную нотку въ низковатомъ голосѣ Тины и, полураздѣтая, съ распущенными длинными волосами, торопливо перешла отъ туалета на кушетку.

— Разсказывай, Тина, о чемъ ты пришла говорить?—съ выраженіемъ тревоги въ голосѣ и въ лицѣ спросила старшая сестра.

— Не дѣлай только пожалуйста трагическаго лица... А то у тебя такой видъ, будто ты ждешь, что я покаюсь тебѣ въ какомъ-нибудь преступленіи! — проговорила Тина съ короткимъ, сухимъ смѣхомъ.

— Я не умѣю такъ владѣть собой, какъ ты...

— Это вы съ папой на счетъ моего равнодушія къ смерти Горскаго?.. Такъ это вы напрасно! Я не считаю себя виноватой передъ нимъ... Я предупреждала его, чтобъ онъ не разсчитывалъ на узы Гименея, а бралъ то, что ему даютъ. Другой былъ бы на верху блаженства отъ такой близости, а онъ вмѣсто того...

— Онъ любилъ тебя... И неужели тебѣ его нисколько не жаль, Тина?—возмущенно перебила старшая сестра.

— Кто это тебѣ сказалъ, что не жаль?..

— Но, ты такъ равнодушно отнеслась къ его смерти...

— А развѣ обязательно ныть?.. Особенно сильнаго горя я не чувствовала, но все-таки мнѣ жаль Горскаго... Онъ былъ хоть и глупый, но очень красивый и пылкій юноша!—прибавила Тина, словно бы щеголяя своей откровенностью.

— И только это — Инна подчеркнула слово: „это“ — тебѣ въ немъ и нравилось?

— А что тебѣ въ твоихъ любовникахъ нравилось? Душа, что ли? — съ циничной усмѣшкой спросила молодая дѣвушка. — Не

люблю я, этого лицемѣрія. Надо имѣть доблесть смотрѣть правдѣ въ глаза!

Инну покоробило отъ словъ сестры. И эти случайныя, короткія связи безъ любви и даже безъ чувственнаго увлеченія пронеслись въ ея головѣ быстрыми, отвратительными воспоминаніями.

„Она жестока, но имѣетъ право такъ говорить“ — мысленно сказала себѣ Инна.

— Не говори такъ громко... Леночка здѣсь!.. Ты права, я не смѣю задавать такихъ вопросовъ. Но, повѣрь, что я не лицемѣрю... Теперь я не та, что была прежде... Не та, увѣряю тебя, и проклинаю прошлое!—прошептала Инна.

— Надѣясь на идиллію въ будущемъ?

— Не знаю, будетъ ли идиллія... Но во всякомъ случаѣ, я буду жить иначе...

— Не буду спорить, но только скажу, что семейныя идилліи такъ же рѣдки, какъ правдивые люди... Попробуй жить праведницей, если твой темпераментъ позволитъ тебѣ быть ею съ твоимъ серьезнымъ директоромъ, и я буду радоваться, глядя на тебя... А меня оставьте такою, какая я есть... А пока слушай, Инна... По всѣмъ признакамъ, со мной случалась очень скверная вещь...

— Что такое?

— Мнѣ кажется, что я...

И она чуть слышно докончила фразу.

Старшая сестра съ ужасомъ глядѣла на Тину.

— Ну, что тутъ ужаснаго?.. Непріятная, но обыкновенная случайность и больше ничего...

— Ты, значитъ, была такъ близка съ Горскимъ?

— Нѣтъ... Это отъ спиритическаго внушенія!.. Что за привычка даже у неглупыхъ людей дѣлать глупые вопросы!..

— Прости, Тина... Я такъ поражена...

— Чѣмъ? Что у интеллигентной дѣвицы можетъ быть бебе?.. Они вѣдь полагаются только у замужнихъ дамъ и у незамужнихъ кухарокъ и горничныхъ... Меня эта глупая мораль не смущаетъ... Я слава Богу ее не боюсь! — вызывающимъ тономъ говорила чуть слышно Тина.—Меня только безпокоитъ непріятность этого положенія, если оно подтвердится... Женщины такъ уродливы въ это время, и кромѣ того, у меня нѣтъ никакого желанія быть матерью... Но люби кататься, люби и саночки возить!..

— Ты, надѣюсь, не захочешь отъ этого избавиться?—испуганно спросила Инна.

— Успокойся... не захочу... Но не потому, что считаю это недозволеннымъ, а просто потому, что это вредно для здоровья... Я ужъ читала объ этомъ... И будь я одна, я не скрывала бы этой не-

пріятности и оставила бы бебе при себѣ... Пусть говорятъ, что хотятъ... Мнѣ наплевать! Но...

— Ты боишься огорчить маму?..

— Да... Мама, чего добраго, совсѣмъ изведется отъ горя и отъ неожиданности... Она вѣдь и меня считаетъ ангеломъ...

— Ты выйдешь замужъ?..

— Не за Гобзина ли?.. Или за одного изъ нашихъ декадентовъ? Или за этихъ уродовъ, которые посѣщаютъ наши журъ-фиксы?.. Благодарю покорно. Я не собираюсь выходить замужъ, хотя бы и за сказочнаго принца... Я не хочу лишить себя свободы и имѣть сценъ съ супругомъ...

— Такъ что же ты думаешь дѣлать, Тина?..

— Уѣхать за границу, и тамъ пробыть все это время...

— А ребенокъ?

— Отдамъ его на воспитаніе...

— Но средства?

— Что-нибудь придумаю... Во всякомъ случаѣ, замужество будетъ послѣднимъ рессурсомъ.

Тина говорила такъ увѣренно, что сестра не сомнѣвалась въ томъ, что она дѣйствительно съумѣетъ найти работу и справиться съ ней.

— Но все это—впереди, а пока, если мое непріятное положеніе выяснится, надо мѣсяца черезъ два ѣхать за границу и приготовить къ этому маму... Я скажу, что ѣду изучать что нибудь. И ты помоги мнѣ убѣдить ее, что одна я тамъ не пропаду. Поможешь?

— Хорошо.

— Отецъ, конечно, согласится и будетъ посылать мнѣ рублей полтораста въ мѣсяцъ...

— Ты развѣ проживешь на эти деньги, Тина?

— Надо прожить. Отецъ и такъ крутится въ долгахъ. А на экстренные расходы у меня есть вещи... Можно ихъ продать...

— Я постараюсь тебѣ помочь... Григорій Александровичъ не откажетъ.

— Спасибо. Если понадобится—напишу.

— И пріѣду къ тебѣ, когда нужно будетъ. А то какъ ты будешь одна?

— Этого я не боюсь. Но если пріѣдешь, конечно, буду рада... И знаешь ли что?

— Что?

— Родственныя чувства во мнѣ не сильно развиты, но маму и тебя я люблю!—проговорила мягкимъ, почти нѣжнымъ тономъ молодая дѣвушка, почти никогда не выражавшая своихъ чувствъ.

Она поднялась съ дивана и, прощаясь съ Инной, спросила:

— Теперь ужасъ твой за меня прошелъ?

— Меньше сталъ.

— Вотъ видишь. А черезъ нѣсколько дней онъ и совсѣмъ пройдетъ... Ничего нѣтъ страшнаго на свѣтѣ, если умъ хорошо работаетъ.

— Но и тебя это должно тревожить, Тина, хоть ты и хочешь казаться спокойной.

— Тревожить? Пока—нѣтъ. Развѣ такъ страшно? Я сильная и здоровая. Но что это меня злитъ, что это мнѣ отвратительно— не отрицаю. А всякая непріятность дѣйствуетъ на нашу психику и, слѣдовательно, и на нашъ организмъ. Поэтому умные люди, не обращающіе вниманія на нелѣпые предразсудки, и стараются избѣгать непріятностей, то-есть, жить такими впечатлѣніями, которыя доставляли бы одни удовольствія. И если бы Горскій не былъ такой неосторожный дуракъ... Ну, ты опять дѣлаешь страшныя глаза... Прощай лучше!..

И съ этими словами Тина вышла отъ сестры и, присѣвъ къ своему письменному столу, на которомъ были разбросаны исписанные листы почтовой бумаги, снова принялась за повѣсть, которую она писала, сохраняя свои литературныя занятія втайнѣ отъ всѣхъ.

Въ этой повѣсти молодая дѣвушка выводила героиню, похожую на себя.

Глава двадцать седьмая.

Козельскій вернулся домой, какъ обѣщалъ, рано—около часу, и вмѣсто того, чтобы скорѣе, по правиламъ своей тренировки, лечь спать, сѣлъ въ кресло у письменнаго стола и, доставъ изъ бювара почтовый листокъ толстой англійской бумаги, сталъ писать къ Никодимцеву одно изъ тѣхъ убѣдительно-настойчивыхъ писемъ, на которыя онъ былъ мастеръ.

Окончивъ письмо, его превосходительство внимательно перечиталъ эти четкія, красивыя, круглыя строки, написанныя въ задушевно-родственномъ тонѣ, въ которыхъ онъ, разсказывая о неблаговидномъ веденіи дѣлъ въ правленіи, возмущающемъ его настолько, что онъ по всей вѣроятности долженъ будетъ выйти изъ директоровъ, и о внезапномъ денежномъ затрудненіи, вслѣдствіе неожиданнаго требованія долга на слово,—просилъ будущаго своего дорогого зятя не обезсудить, что обращается къ нему съ просьбой устроить, по возвращеніи изъ командировки, какое-нибудь подходящее мѣсто и помочь уплатить долгъ, если не деньгами, то бланкомъ на векселѣ, который черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ выкупленъ.

Письмо оканчивалось замѣчаніемъ, что „родство—родствомъ, а

деньги—деньгами“, чтобы Никодимцевъ не подумалъ, что тесть его подведетъ.

„Выручитъ, долженъ выручить!“—подумалъ Козельскій, окончивъ чтеніе своей эпистолы и, облегченно вздыхая, вложилъ его въ конвертъ и написалъ адресъ.

— Если мое письмо не подѣйствуетъ, письмо Инны заставитъ его исполнить мою просьбу!—успокоивалъ себя Козельскій, ужасаясь при мысли, какая можетъ выйти грязная исторія, если Никодимцевъ не выручитъ.

А исторія дѣйствительно была грязная, благодаря тому, что одинъ изъ членовъ правленія, желавшій быть распорядителемъ по хозяйственной части вмѣсто Козельскаго, поднялъ въ правленіи цѣлую исторію по поводу недобросовѣстнаго подрядчика, и правленіе настаивало, чтобы контрактъ съ нимъ былъ нарушенъ и залогъ удержанъ.

Результатомъ этого былъ визитъ къ Козельскому господина Абрамсона, который очень деликатно напомнилъ его превосходительству о письменномъ обѣщаніи насчетъ возобновленія контракта, а между тѣмъ...

Козельскій густо покраснѣлъ.

— Я постараюсь уладить это дѣло!—проговорилъ онъ.

— Я просилъ бы васъ... И если бы вы не могли устроить, то, по крайней мѣрѣ, верните пять тысячъ... такъ какъ сдѣлка не состоялась... И попрошу васъ вернуть скорѣй. Въ противномъ случаѣ, я буду вынужденъ представить ваше письмо, въ которомъ вы обѣщали о возобновленіи контракта...

— Но вы этого не сдѣлаете! — испуганно воскликнулъ Козельскій.

— Отчего не сдѣлаю?.. Я долженъ это сдѣлать и, осмѣлюсь вамъ доложить, поступлю по совѣсти. Я совѣсть имѣю... Меня хотятъ ввести въ убытки... Долженъ я ихъ вернуть или нѣтъ?. Имѣю я право получить обратно пять тысячъ, если я не получилъ того, за что заплатилъ деньги? И вы думаете я не знаю, отчего меня хотятъ прогнать?

— Оттого, что вы недобросовѣстно ведете дѣло.

— Пхе! Я веду не хуже другихъ и во всякое время готовъ исправить недосмотры. Не изъ-за этого поднялъ шумъ вашъ товарищъ, господинъ членъ правленія Оравинъ...

— Изъ-за чего же?

— Господинъ Оравинъ сказалъ мнѣ: „оттого, что вы, г. Абрамсонъ, еврей, а евреи нынче не въ модѣ и ихъ не любятъ въ правленіи... Мы хотимъ русскихъ подрядчиковъ“... Вотъ что сказалъ г. Оравинъ. Но только, хоть евреи и не въ модѣ. а я думаю, ваше превосходительство, что г. Оравинъ очень умный человѣкъ,

чтобъ говорить, извините, такія глупости... А хотятъ они передать дѣло подрядчику Иванову, который предлагаетъ за это г. Оравину десять тысячъ... Оттого евреи и не въ модѣ!—иронически усмѣхнулся г. Абрамсонъ...

Все, что могъ сдѣлать Козельскій—это уговорить Абрамсона подождать двѣ недѣли.

Или подрядъ останется за нимъ, или онъ получитъ обратно пять тысячъ.

Припоминая теперь этотъ разговоръ, бывшій вчера утромъ, и скверное положеніе въ правленіи, въ которомъ онъ очутился, не имѣя возможности защищать подрядчика противъ нападокъ Оравина, Козельскій хорошо понималъ, что весь вопросъ былъ не въ подрядѣ. а въ томъ, чтобы отстранить Козельскаго и дать Оравину, близкому пріятелю предсѣдателя, возможность нагрѣть руки. И онъ, Козельскій, первый разъ вынужденный взять взятку, рискуетъ теперь, что она будетъ обнаружена и его репутація порядочнаго человѣка подорвана изъ-за какихъ-нибудь несчастныхъ пяти тысячъ.

Такихъ маленькихъ взятокъ не прощаютъ порядочнымъ людямъ!

Возможность быть уличеннымъ особенно угнетала и стыдила Козельскаго. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ остаться порядочнымъ человѣкомъ во мнѣніи людей, которые сами берутъ крупныя коммиссіи, не прощая другимъ маленькихъ взятокъ.

Онъ и самъ считалъ свой поступокъ нечестнымъ и оправдывалъ его только тѣмъ, что деньги были нужны до зарѣза, что взялъ взятку первый разъ, и тѣмъ, что имѣлъ доброе намѣреніе возвратить ее когда-нибудь.

Ему не стыдно было браться проводить дѣла, несомнѣнно причинявшія вредъ государству, не стыдно было брать коммиссіи за хлопоты по подобнымъ дѣламъ и за устройство знакомствъ дѣльцовъ съ нужными „человѣчками“ изъ министерствъ или съ „дамами сердца“ безкорыстныхъ сановниковъ. Все это онъ считалъ однимъ изъ видовъ заработка, которымъ не гнушаются и лица высокаго положенія и который нисколько не компрометируетъ порядочнаго человѣка въ общественномъ мнѣніи.

Будь Козельскій у финансовъ, онъ, разумѣется, не обременилъ бы своей совѣсти, если бы при посредствѣ какого-нибудь молчаливаго фактотума, получалъ отъ банкировъ коммиссіи при займахъ или игралъ навѣрняка на биржѣ при конверсіяхъ и выпускахъ бумагъ,—это, по его понятіямъ, одинаковымъ съ понятіями многочисленной группы людей, занимающихся дѣлами, было бы лишь умѣньемъ умнаго человѣка воспользоваться благопріятными обстоятельствами,—умѣньемъ, которое, въ.сущности, никому не вредитъ.

Но растрата... взятка.. это что-то ужъ вовсе не порядочное,

возбуждавшее въ Козельскомъ такую же брезгливость, какъ грязное бѣлье или господинъ, который ѣстъ рыбу съ ножа.

„Раздѣлаться поскорѣй съ Абрамсономъ и... сократить расходы!“ — рѣшилъ Козельскій, одушевляемый всегда добрыми намѣреніями, когда ему приходилось плохо.

И онъ собирался было встать, чтобъ скорѣе раздѣться и лечь спать, не продѣлавъ даже передъ сномъ обычныхъ упражненій съ гирями, какъ въ двери раздался стукъ.

— Войдите! — проговорилъ Козельскій и поморщился, догадываясь, кто это стучитъ, и въ то же время недоумѣвая и нѣсколько пугаясь этому позднему визиту и бозпокойно оглядывая столъ, нѣтъ ли на немъ какихъ-нибудь компрометирующихъ документовъ.

Антонина Сергѣлвна вошла въ комнату и остановилась у дверей печальная, строгая и серьезная, какъ сама Немезида.

„Объясненіе!“ подумалъ Козельскій, соображая, какъ онъ могъ попасться, и готовый лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чтобы только успокоить святую женщину и не осложнять и безъ того сквернаго своего положенія...

И скрывая подъ напускнымъ хладнокровіемъ малодушную трусость блудливаго кота и какъ будто не догадываясь, зачѣмъ въ столь поздній часъ явилась въ кабинетъ жена, Козельскій, зѣвая, проговорилъ съ обычной своей мягкой вкрадчивостью:

— Ты еще не спишь, Тоня?.. А я только что вернулся... Былъ на Васильевскомъ островѣ у одного человѣчка... Есть одинъ срочный долгъ, который меня безпокоитъ, и я ѣздилъ устроить это дѣло .. Кажется, все уладится... Что жъ ты стоишь?.. Присаживайся, Тоня. И какъ же я усталъ сегодня! И какъ мнѣ нездоровится! Видно, годы даютъ себя знать! — унылымъ тономъ, напуская на себя видъ больного старика, прибавилъ Козельскій.

Но не смотря на усталость и недуги, его превосходительство глядѣлъ такимъ моложавымъ, такимъ представительнымъ и элегантнымъ, что жалобы его не только не вызвали участія въ Антонинѣ Сергѣевнѣ, но, напротивъ, сдѣлали лицо ея еще непреклоннѣе, взглядъ какимъ-то стальнымъ и улыбку на губахъ презрительнѣе.

Глядя на лицо Антонины Сергѣевны, можно было бы подумать, что она ненавидитъ мужа и пришла съ единственною цѣлью: убить его своимъ презрѣніемъ.

„Какъ могла она узнать?“ подумалъ Козельскій, взглядывая па Антонину Сергѣевну и тотчасъ же опуская свои бархатные, вдругъ забѣгавшіе глаза на руки съ отточенными ногтями.

По суровому виду и трагическому безмолвію жены, онъ понялъ. что дѣло серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ, что у нея есть какой-нибудь уличающій документъ — безъ документовъ она съ нѣкоторыхъ поръ

не объяснялась, испытавъ, какъ супругъ увертливъ,—и подумалъ сперва, что ею перехвачена записка Ордынцевой. Но Ордынцева осторожна и писать не любитъ, а если пишетъ, то адресуетъ въ департаментъ. А письма ея онъ благоразумно сжигаетъ.

И теряясь въ догадкахъ, Козельскій примолкъ, ожидая, давно ужъ не бывшаго, нападенія жены и, благодаря этому, уже считавшій ее святою женщиною, безмолвно мирившейся со своимъ положеніемъ вѣрнаго друга.

Прошла долгая минута молчанія.

— Николай Ивановичъ!—проговорила, наконецъ, мрачно-торжественнымъ тономъ Антонина Сергѣевна.

— Что, Тоня?

— Вы все еще будете устраивать мнѣ сюрпризы? Пора перестать. Постыдились бы дочерей, если вамъ самому не стыдно. Въ пятьдесятъ лѣтъ и такъ позориться и позорить жену и дѣтей...

— Какіе сюрпризы? Какой позоръ? Я ничего не понимаю, Тоня...

— Не понимаете?—съ презрительной усмѣшкой переспросила Антонина Сергѣевна.

— Не понимаю, Тоня!—съ необыкновенной мягкостью въ голосѣ повторилъ Козельскій.

— Не лгите, по крайней мѣрѣ... Я все теперь знаю... все ..

— Что же ты знаешь? Объясни пожалуйста.

— И хоть бы выбрали любовницу получше, а то... какой-то кусокъ сала... сорока-пяти-лѣтнюю Ордынцеву!.. Поздравляю!... Нечего сказать: эстетическій вкусъ... Я не мѣшаю вамъ, я не буду стоять на дорогѣ... Живите съ кѣмъ хотите... Разоряйтесь, входите въ долги изъ-за этой особы, но, по крайней мѣрѣ, не обманывайте... Скажите прямо, что вамъ ненавистна семья... Не ставьте меня и дочерей въ фальшивое положеніе... Мы уѣдемъ...

Знакомыя все слова стояли въ ушахъ Козельскаго. Только прибавилось болѣе злобы и презрѣнія...

Но прежде онъ умѣлъ прекращать подобныя сцены и успокоивать Антонину Сергѣевну даже самымъ отчаяннымъ враньемъ, но сопровождаемымъ увѣреніями въ любви и горячими поцѣлуями.

А теперь?

И Козельскій взглянулъ на свою постарѣвшую, поблекшую и совсѣмъ худую жену и чувствовалъ, что не можетъ успокоить ее...

Но все-таки проговорилъ, нѣсколько раздражаясь отъ необходимости лгать:

— Успокойся, Тоня... Съ Ордынцевой я не живу и на нее не разоряюсь... И, ты знаешь, что я дѣлаю для семьи все, что возможно. Въ этомъ упрекнуть меня нельзя, я думаю...

— Не живешь?..

— И не думалъ! И она мнѣ никогда не нравилась... Съ чего ты это взяла?

Антонина Сергѣевна бросила на мужа уничтожающій взглядъ и хоть знала, что онъ лжетъ, но, тѣмъ не менѣе, ей было какъ будто легче, что онъ не сознается, не смотря на то, что она допытывалась сознанія.

Но чтобы довести объясненіе до конца и показать, что она все знаетъ, Антонина Сергѣевна достала изъ кармана два клочка почтовой бумаги и, бросая ихъ на столъ, проговорила:

— Прячьте ваши неотправленныя любовныя письма, а не роняйте ихъ. Хорошо, что я подняла это произведеніе, а не одна изъ дочерей. Надѣюсь, что ваша любовница не осмѣлится больше являться сюда, пока мы не уѣдемъ... Послѣ свадьбы Инны я уѣду... Слышите?

И съ этой угрозой объ отъѣздѣ Антонина Сергѣевна вышла изъ кабинета.

Лежа въ постели, она еще поплакала и старалась увѣрить себя, что презираетъ и больше не любитъ этого развратника и обманщика. Но, засыпая, Антонина Сергѣевна уже перенесла презрѣніе свое главнымъ образомъ на Ордынцеву, какъ на главную виновницу, и рѣшила попрежнему нести крестъ свой и никуда не уѣзжать, чтобы „этотъ человѣкъ“ совсѣмъ не пропалъ въ ея отсутствіе.

Козельскій не безъ любопытства прочелъ слѣдующія строки начатой имъ записки.

„Пріѣзжай, Нита, сегодня въ пять часовъ. Подари меня свиданіемъ не въ очередь. Ты мнѣ снилась, моя желанная Юнона, и мнѣ хочется на яву видѣть тебя въ обаяніи твоей роскошной красоты и расцѣловать всю, всю, отъ макушки до твоихъ красивыхъ душистыхъ ногъ... Милая! Еслибъ ты знала, какъ сильна власть твоихъ ласкъ. . Онѣ дѣлаютъ меня молодымъ и заставляютъ забывать“...

„Однако!“ подумалъ Козельскій, прочитавъ эти строки и чувствуя себя нѣсколько глупымъ за эти „сантиментальности“, какъ онъ мысленно назвалъ начало письма.

И онъ припомнилъ, что писалъ его недѣлю тому назадъ и, недовольный началомъ, разорвалъ и бросилъ въ корзину вмѣсто того, чтобы сжечь, какъ обыкновенно онъ это дѣлалъ.

— Дуракъ! Оселъ!—съ искреннимъ одушевленіемъ выругалъ себя вслухъ Козельскій, разрывая на мелкіе кусочки уличающій документъ.

Онъ перешелъ въ свою маленькую, рядомъ съ кабинетомъ,

спальню, торопливо и раздраженно раздѣлся, легъ въ постель и затушилъ свѣчку съ поспѣшностью виноватаго человѣка, желающаго скорѣе „забыться и уснуть“.

И потягиваясь, и расправляя свое уставшее тѣло, онъ ощутилъ физическое наслажденіе отдыха и уже спокойнѣе думалъ о томъ, что сегодня былъ для него воистину несчастный день, что слѣдуетъ жечь письма и что надо повиниться женѣ и сказать ей, что записка писана не къ Ордынцевой, а къ одной кокоткѣ — кокотокъ жены легче прощаютъ!—и что надо напомнить Иннѣ, чтобы она написала завтра же, о чемъ онъ ее просилъ, Никодимцеву.

„И вообще надо покончить все это!“—внезапно рѣшилъ Козельскій, подразумѣвая подъ „этимъ“ и долги, и вѣчное лганье женѣ, и Абрамсона, и Ордынцеву и представляя себѣ, какъ хорошо и спокойно жить безъ этого мотанія за деньгами и безъ авантюръ... Довольно ихъ... И то ноги плохо слушаются.

Въ самомъ дѣлѣ Ордынцева все болѣе походитъ на тронутую грушу. И рыхла, и слишкомъ подводитъ глаза и становится однообразной... И денегъ стоитъ... Того и гляди, мужъ прекратитъ ей платежи, послѣ встрѣчи у дверей пріюта, и тогда она со всѣмъ семействомъ очутится на его шеѣ!“—неблагодарно думалъ Козельскій и, далекій теперь отъ желанія видѣть Ордынцеву „въ обаяніи ея роскошной красоты“, повернулся на бокъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завтра же вызвать ее обѣдать въ Кюба на Каменный островъ и сказать ей, что все открылось и что во имя спокойствія семьи слѣдуетъ принести въ жертву любовь и не видаться больше...

„То ли дѣло Ольга!..“—пронеслась вдругъ въ головѣ Козельскаго лѣнивая, сонная и пріятная мысль, и съ нею онъ заснулъ.

Глава двадцать восьмая.

Спутникомъ Никодимцева въ купэ былъ старый господинъ, совсѣмъ сѣдой, но крѣпкій, коренастый, съ свѣжимъ, здоровымъ, волосатымъ лицомъ и большой бородой, одѣтый въ старенькій пиджакъ и съ перчатками на рукахъ.

По обличью и костюму Никодимцевъ рѣшилъ, что этотъ господинъ не петербужецъ, а, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ провинціаловъ, которые по зимамъ наѣзжаютъ въ Петербургъ хлопотать и наводить справки по разнымъ дѣламъ и, разсчитывая пробыть недѣлю, другую, остаются мѣсяцы и, наконецъ, уѣзжаютъ, не особенно довольные петербургскими чиновниками.

Когда Никодимцевъ вошелъ въ вагонъ, старый господинъ взглянулъ на него съ тѣмъ видомъ недоброжелательства, съ какимъ обыкновенно оглядываютъ незнакомые люди другъ друга, и плотнѣе усѣлся въ свои уголъ и закрылъ глаза, словно собираясь дремать.

Никодимцевъ снялъ шубу и, фетровый котелокъ, одѣлъ мягкую темносинюю дорожную фуражку и находившійся еще подъ впечатлѣніемъ прощанія съ невѣстой, припоминалъ ея послѣднія слова, взгляды и жесты и внутренне сіялъ, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ счастьѣ, и мечталъ о томъ, какъ устроится ихъ жизнь.

Эти мысли навели его на другія—о будущемъ его служебномъ положеніи. Оно казалось ему теперь далеко не такимъ прочнымъ, какъ прежде, въ виду его неожиданной командировки и послѣ его разговора съ графомъ Волховскимъ. Графъ, очевидно, не разсчитывалъ, суля мѣсто товарища, на отказъ и, разумѣется, будетъ недоволенъ, если донесенія его не совпадутъ съ мнѣніемъ графа о томъ, что толки о голодѣ сильно преувеличены и что голода нѣтъ, а есть только недородъ.

Припоминая свой разговоръ съ графомъ и съ другими лицами, Никодимцевъ очень хорошо видѣлъ, что большинство изъ нихъ равнодушно къ тому, дѣйствительно ли голодаютъ люди или нѣтъ, и что вопросъ объ этомъ является важнымъ вопросомъ лишь по стольку, по скольку съ нимъ связаны личные интересы. Для Никодимцева ясно было, что это бѣдствіе являлось только однимъ изъ козырей въ интригахъ, и тѣ, кто признавали голодъ, и тѣ, которые не признавали, одинаково мало думали о немъ и рѣшительно не представляли себѣ, что можно въ самомъ дѣлѣ оставаться безъ пищи, такъ какъ сами обильно и вкусно каждый день завтракали и обѣдали.

И потому всѣ лица, съ которыми видѣлся передъ отъѣздомъ Никодимцевъ, старались заранѣе продиктовать ему то, что онъ долженъ написать съ мѣста.

Одни говорили:

— Вы увидите, что все раздуто, и если есть недородъ, то въ немъ виноваты распущенность, пьянство и невѣжественность крестьянъ и полное нерадѣніе земства.

Другіе, напротивъ, подсказывали:

— Вы увидите, какъ велики размѣры бѣдствія и какова мѣстная администрація. которая не знаетъ или нарочно скрываетъ положеніе.

Никодимцевъ все это выслушивалъ и отвѣчалъ, что онъ сообщитъ то, что увидитъ, и, такимъ образомъ, никого не удовлетворилъ.

„Вообще въ Петербургѣ равнодушны“ раздумывалъ Никодимцевъ, припоминая разговоры, газетныя статьи, балы и торжественные обѣды, особенно многочисленные въ ту зиму, припоминая описанія разныхъ фестивалей, бѣшеныхъ тратъ по ресторанамъ и восторговъ отъ пріѣзжихъ актрисъ.

Да и самъ онъ развѣ не былъ равнодушенъ, успокоившись на томъ, что пожертвовалъ сто рублей?.. Всѣ хороши. Всѣ спокойно ѣли и пили, всѣ съ большой охотой давали деньги на подписки юбилярамъ, актрисамъ и отлынивали, когда просили на голодающихъ. Ни для кого не было это бѣдствіе общественнымъ, кровнымъ дѣломъ и потому, что публика была равнодушна, пріученная къ равнодушію къ общественнымъ дѣламъ, и потому, что всякія попытки менѣе равнодушныхъ людей проявить самостоятельную иниціативу, встрѣчали противодѣйствіе.

И только молодежь, вродѣ Скурагина, чувствовала стыдъ и рвалась помочь и своими послѣдними деньгами, и своимъ трудомъ и ѣхала на голодъ, сама голодая, какъ ѣхала на холеру, рискуя жизнью за дѣятельную любовь къ обездоленному.

Но много ли такихъ?.. И что они могутъ сдѣлать, кромѣ того, что отдать жизнь за то, что большинство общества похоже на стадо запуганныхъ барановъ, за то, что идеалы его такъ низменны, что ограничиваются лишь собственнымъ благополучіемъ?

Чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ Никодимцевъ, тѣмъ безплоднѣе казалась вся его прошлая жизнь, и онъ удивлялся: почему это раньше онъ серьезно не задумывался надъ вопросами, которые теперь его тревожатъ, а если и задумывался, то гналъ ихъ прочь.

„Некогда было. Чиновникъ убивалъ во мнѣ человѣка. И еслибъ не любовь къ Иннѣ, то я и до сихъ поръ находился бы во снѣ и жилъ бы, какъ прежде, въ миражѣ дѣлового бездѣлья, не зная отдыха, не понимая жизни, кромѣ служебной, и не имѣя цѣлей, кромѣ честолюбивыхъ...“

И давно ли быть товарищемъ и затѣмъ получить „портфель“ — было для него высшимъ предѣломъ мечтаній.

А теперь?..

— Вы до Москвы изволите ѣхать?—обратился вдругъ къ Никодимцеву спутникъ.

— Нѣтъ, дальше.

— Вы, конечно, петербуржецъ?

— Да!—отвѣтилъ, улыбаясь, Никодимцевъ.

— Служите тамъ?

— Служу.

— На казенной службѣ?

— На казенной.

Старый господинъ присѣлъ на край скамейки и, внезапно возбуждаясь, воскликнулъ:

— Вы извините меня, милостивый государь, а у васъ въ Петербургѣ чортъ знаетъ что дѣлается! Это какая-то помойная яма!— прибавилъ старикъ.

Никодимцевъ не подалъ реплики.

Старый господинъ еще недружелюбнѣе взглянулъ на него и, закуривъ папиросу, продолжалъ:

— Прежде хоть хапали, но, по крайней мѣрѣ, не выматывали душу и не держали въ неизвѣстности... Можно—можно. Нельзя—нельзя. И поѣзжай домой, солоно или не солоно хлебавши... А теперь?.. Всѣ, видите ли, безкорыстные, если нельзя сорвать крупной коммиссіи, за справку ста рублей не берутъ, не такъ воспитаны... Всѣ, видите ли, заняты чуть не по двѣнадцати часовъ въ сутки и всѣ любезно васъ гоняютъ отъ одного Ивана Ивановича къ другому, а вѣдь Ивановъ Ивановичей въ каждомъ министерствѣ—уймы—изъ коммиссіи въ коммиссію. И это называется: ускоренное дѣлопроизводство!.. Не правда ли? у васъ теперь новый типъ изнывающаго отъ усердія чиновника! Всѣ они теперь съ университетскимъ образованіемъ и могутъ написать, что угодно, въ лучшемъ видѣ и ученое изслѣдованіе, и каверзу въ газетахъ противъ другого вѣдомства... только прикажи! У меня племянникъ въ Петербургѣ этимъ занимается и надѣется сдѣлать карьеру. Прохвостъ, я вамъ доложу, основательный... Онъ и по сыскной части служилъ, и искусство любитъ, и литературу почитаетъ, и называетъ себя истинно русскимъ человѣкомъ, и теперь славославитъ подъ разными псевдонимами свое начальство въ одномъ изъ вашихъ газетныхъ притоновъ... Разсчитываетъ получить мѣсто въ пять тысячъ! Недавно еще одна газета превозносила нынѣшнихъ господъ двадцатаго числа. Безкорыстные, трудолюбивые, знающіе... однимъ словомъ, повѣсь въ рамку и молись на нихъ... А между тѣмъ въ тотъ самый день, какъ напечатана была статья, одну вашу шишку турнули... Вы знаете, конечно, что и турнули-то потому только, что ужъ очень оказалось наглое прикрывательство! И знаете ли, что у этого шустраго мальчика около милліона состоянія?

— Слухи ходили!—отвѣтилъ Никодимцевъ, заинтересованный этимъ словоохотливымъ, раздраженнымъ старикомъ.

— Слухи!? Я не говорилъ бы, основываясь на слухахъ... Это у васъ, въ Петербургѣ, только и живутъ, что слухами... Этотъ „мальчикъ" купилъ недавно имѣніе рядомъ съ моимъ и заплатилъ чистоганчикомъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ... Надѣюсь, не выигралъ три раза подъ-рядъ по двѣсти тысячъ и не скопилъ этихъ денегъ изъ жалованья!.. Да и за женой онъ не взялъ приданаго. Я знаю ее. Она изъ нашихъ мѣстъ. А вѣдь то же считался безкорыстнымъ и готовился сіять на административномъ небосклонѣ и не даромъ былъ любимцемъ самого безкорыстнаго его высокопревосходительства! Зато, вѣроятно, его и отпустили съ миромъ... Боленъ, молъ, отъ непосильныхъ трудовъ. Получай изъ государственнаго казначейства четыре тысячи пенсіи. Деньги къ деньгамъ. Живи, Богъ съ тобой, и занимайся промышленностью... Строй

заводы... Открывай руды... А подъ судъ вѣдь только попадаютъ маленькіе воришки и изрѣдка какой-нибудь неопытный дѣйствительный статскій совѣтникъ для того, чтобы прокуроры могли время отъ времени бить себя въ грудь и вопіять о томъ, что законъ одинаково караетъ сильнаго и слабаго, богатаго и бѣднаго... Слышалъ я, на дняхъ какъ распинался у васъ одинъ прокурорчикъ, обрадованный, что на десертъ къ нему попался статскій совѣтникъ, растратившій тысячу рублей казенныхъ денегъ!.. Много цинизма обнаружилъ по поводу этого статскаго совѣтника... А тайные, видно, у васъ все ангелы добродѣтели!—все съ большимъ раздраженіемъ кидалъ слова старый господинъ, повидимому не заботившійся ни объ ихъ литературности и логической связи, и словно бы желавшій, въ лицѣ своего случайнаго спутника, уязвить насолившихъ ему чиновниковъ.

— Чѣмъ же васъ такъ огорчилъ Петербургъ? — спросилъ Никодимцевъ.

— Мазурничествомъ подъ самой изысканной и, разумѣется, законной формой... Волокитой подъ предлогомъ всесторонняго изученія выѣденнаго яйца, а въ сущности... Да вы, можетъ быть, спать хотите или вамъ не угодно слушать стараго болтуна?.. Такъ вы, пожалуйста, не церемоньтесь! — неожиданно сказалъ старый господинъ, прерывая свои филиппики.

— Я пока спать не хочу. Разсказывайте, я слушаю!—проговорилъ Никодимцевъ.

Этотъ озлобленный старикъ казался ему порядочнымъ человѣкомъ и возбуждалъ къ себѣ симпатію. И, кромѣ того, Никодимцеву было интересно слышать, какъ ругаютъ чиновниковъ. Ему, въ его положеніи директора департамента, приходилось только слышать и даже читать о себѣ комплименты. А тутъ такой болтливый и не стѣсняющійся спутникъ!

— И мнѣ что-то не спится... Отучился я хорошо спать въ Петербургѣ... И пріѣхалъ я туда, знаете ли, когда?

— Когда?

— Въ маѣ мѣсяцѣ... Я, знаете ли, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, все еще дуракъ! Вообразилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, теперь можно скоро дѣло сдѣлать... Выслушаютъ, рѣшатъ и конецъ... А вмѣсто этого, я вотъ теперь только уѣзжаю...

— По крайней мѣрѣ, хоть успѣшно кончили дѣло?

— А никакъ не кончилъ. Плюнулъ и уѣхалъ... Пусть безъ меня оно когда-нибудь кончится и, разумѣется, не въ мою пользу... Да не въ этомъ дѣло... Не это меня злитъ... Ну скажи прямо: не находимъ основанія къ удовлетворенію вашей просьбы. Правильно или неправильно рѣшеніе, но хоть есть какое-нибудь рѣшеніе. А то водили меня за носъ... Сегодня... Завтра... Обсудимъ... Сне-

семся... И, главное, вѣдь почти всѣ эти Иваны Ивановичи, отъ которыхъ зависѣло дѣло, въ принципѣ, какъ они теперь выражаются, были за меня... Въ этомъ-то и курьезъ!

Никодимцевъ зналъ хорошо эти курьезы и про себя усмѣхнулся наивности своего спутника, вѣрившаго чиновникамъ, соглашавшимся въ „принципѣ".

— А еще курьезнѣе то, что не только Иваны Ивановичи, но и сама высшая инстанція была за меня. Я имѣлъ честь быть у его превосходительства въ кабинетѣ и очарованъ былъ его любезностью. И руку подаетъ, и проситъ садиться, и предлагаетъ папиросы, и глядитъ на тебя словно бы говоритъ: „не вы, просители, для насъ, а мы, начальники, для васъ". И собственными своими ушами слышалъ,—а я не глухъ, замѣтьте—слышалъ, какъ онъ сказалъ, что вполнѣ согласенъ съ моими доводами, изложенными въ докладной запискѣ, которую онъ прочиталъ, и что рѣшитъ дѣло, какъ я прошу. И словно бы думая, что я не повѣрю, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: „да, да, да!"... Казалось бы, чего лучше? Не правда ли?.. И я ушелъ, вы догадаетесь, въ полномъ восторгѣ и прямо на телеграфъ. Телеграфирую женѣ: скоро выѣду—дѣло разрѣшится благопріятно... А черезъ недѣлю захожу въ канцелярію и тамъ мнѣ показываютъ мою докладную записку и на ней въ тотъ же самый день, когда мнѣ сказали да, стоитъ помѣтка рукой его превосходительства: „нѣтъ"... Необыкновенная самостоятельность мнѣнія. Не правда ли?..

И старый господинъ продолжалъ разсказывать о сущности своего дѣла и о тѣхъ безконечныхъ мытарствахъ, какія онъ испыталъ въ Петербургѣ, пока поѣздъ не остановился въ Любани.

Никодимцевъ вышелъ на станцію пить чай. Тамъ онъ увидалъ чиновника своего департамента Голубцова, который былъ приглашенъ Никодимцевымъ ѣхать вмѣстѣ на голодъ.

— Ну что, Михаилъ Петровичъ, наши студенты ѣдутъ?—спросилъ Никодимцевъ.

— Какъ же, всѣ ѣдутъ, Григорій Александровичъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, солиднаго и нѣсколько даже строгаго вида.

— А суточныя вы имъ выдали?

— Скурагинъ не хочетъ брать...

— Отчего?

— Говоритъ: не за что и не къ чему.

— Ну, я постараюсь его уговорить... Давайте-ка чай пить, Михаилъ Петровичъ!

Они сѣли рядомъ за столъ и спросили себѣ чаю.

— А статистическія данныя о голодныхъ губерніяхъ собрали?

— Всѣ земскіе отчеты досталъ. И нѣсколько статей изъ жур-

паловъ собралъ. Все исполнено, что вы приказали, Григорій Александровичъ!—съ нѣкоторой служебной афектаціей исполнительнаго чиновника докладывалъ молодой человѣкъ, недавно назначенный, по представленію Никодимцева, начальникомъ отдѣленія.

Никодимцевъ цѣнилъ въ немъ умѣнье работать, считалъ его способнымъ человѣкомъ и не совсѣмъ еще чиновникомъ и потому и пригласилъ съ собой.

Остальные пять человѣкъ, составлявшихъ его штабъ, были: докторъ и четыре студента. Другихъ помощниковъ, если понадобится, Никодимцевъ думалъ найти на мѣстѣ.

— Изъ Москвы завтра же выѣдемъ, Михаилъ Петровичъ!— замѣтилъ Никодимцевъ, поднимаясь.—Студенты знаютъ?

— Знаютъ. Я говорилъ.

— Такъ до свиданія, пока...

— До свиданія...

Когда Никодимцевъ вернулся въ купэ, постель его была сдѣлана, и спутникъ его уже лежалъ подъ одѣяломъ повернувшись къ нему спиной.

Легъ и Никодимцевъ, но долго не могъ заснуть.

Онъ все думалъ о своей командировкѣ и ему почему-то казалось, что съ ней предстоитъ какая-то значительная перемѣна въ его взглядахъ, настроеніи и въ образѣ жизни.

Чѣмъ дальше удалялся поѣздъ изъ Москвы, тѣмъ чаще въ вагонѣ и на станціяхъ были разговоры о голодѣ. Одни бранили начальства, другіе — земство, третьи — мужиковъ, четвертые — вообще всѣ порядки, но въ этихъ разговорахъ все-таки не слышалось ни возмущеннаго чувства, ни того участливаго интереса, которые бываютъ, когда люди чѣмъ-нибудь сильно потрясены.

Но когда поѣздъ пошелъ по N—ской губерніи, часть которой была постигнута бѣдствіемъ, Никодимцевъ почувствовалъ его, встрѣчая все чаще и чаще около станціи нищихъ съ больными, изможденными и исхудалыми лицами. На одной изъ маленькихъ станцій онъ увидалъ, какъ внесли въ вагонъ почти умирающаго человѣка, больного, какъ утверждалъ сопровождавшій его въ земскую больницу урядникъ, тифомъ. Но врачъ, ѣхавшій съ Никодимцевымъ и осмотрѣвшій старика, нашелъ, что тифа нѣтъ, а есть полное истощеніе вслѣдствіе хроническаго голоданія.

Когда, наконецъ, поѣздъ пришелъ въ N, Никодимцевъ, переодѣвшись въ гостинницѣ, тотчасъ же сдѣлалъ визиты губернатору, архіерею, предсѣдателю губернской земской управы и нѣкоторымъ другимъ губернскимъ властямъ.

Изъ разговоровъ съ этими лицами онъ убѣдился, что и здѣсь,

какъ и въ Петербургѣ, не столько интересовалъ голодъ, сколько личные счеты по поводу его.

Губернаторъ, изъ молодыхъ генераловъ, человѣкъ, слывшій за просвѣщеннаго администратора, тонкаго человѣка, не догадавшійся еще чего именно надо Никодимцеву: голода, недорода или недохватки,— отозвался о положеніи дѣлъ въ его губерніи въ уклончиво-дипломатической формѣ. Нельзя сказать, чтобы все было благополучно, но не слѣдуетъ и преувеличивать. И вслѣдъ затѣмъ началъ жаловаться на тягость своего положенія, на противодѣйствіе земства и на разнузданность печати, въ лицѣ корреспондентовъ столичной печати. И когда Никодимцевъ освѣдомился, правда ли, что его превосходительство не разрѣшаетъ частнымъ лицамъ открывать столовыя, губернаторъ отвѣтилъ, что не разрѣшаетъ онъ этого въ виду высшихъ соображеній и прежнихъ циркуляровъ.

Никодимцевъ вернулся вечеромъ въ гостинницу и сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ на слѣдующій же день въ тѣ уѣзды, гдѣ, по сообщенію предсѣдателя управы, былъ голодъ.

И въ тотъ же вечеръ губернаторъ писалъ одному своему петербургскому пріятелю, директору канцеляріи, что онъ удивляется, какъ изъ Петербурга прислали такого краснаго, который привезъ студентовъ и вѣритъ больше предсѣдателю управы, чѣмъ ему.

„Или у васъ новыя вѣянія?“—спрашивалъ онъ.

К. Станюковичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрез Корею и Манджурію).

(*Продолженіе*).

4-го октября.

Вчера мы выступили по дорогѣ, по которой не проходилъ, кажется, еще никто изъ европейцевъ, къ истокамъ Ялу, на западъ, къ деревнѣ Шодаренъ, что значитъ—западная деревня, которая отстоитъ отъ Пектусана на 180 ли, или 60 верстъ.

Прошли мы вчера мало—40 ли и ночевали въ китайскомъ охотничьемъ балаганѣ, въ которомъ печь и борова занимали половину пола; это же были и нары.

Въ балаганѣ слѣды охотниковъ: истоптанные китайскіе башмаки, клинокъ ножа. Это жилье хунгузовъ и теперь мы въ коренной ихъ сторонѣ.

Сегодня утромъ видно, съ какой кручи мы спустились въ эту яму. Въ два часа ночи я уже окликнулъ часового и велѣлъ будить, а въ четыре, еще въ полной темнотѣ, мы уже поднимались на утомительный, высокій и крутой перевалъ Тандынво-но. Зато съ него весь западъ и часть сѣверной стороны Пектусана, какъ на ладони.

Самый кратеръ Пектусансы закрытъ гигантскимъ острымъ осколкомъ скалы. Онъ угрюмо выдѣляется въ небѣ. На одной иззубринѣ фигура женщины. Она сидитъ, слегка наклонившись, и смотритъ въ озеро. Сафо или Лорелея. Въ ея позѣ, въ ней красота, страданье, нѣжность и полный контрастъ съ угрюмыми скалами; она вѣчно здѣсь въ своемъ одиночествѣ, она смотритъ въ страшное, зеленое, какъ глаза Лорелеи, озеро, она вѣчно одна въ этомъ безоблачномъ голубомъ просторѣ неба, на золотомъ фонѣ лиственничнаго лѣса. И прежде, чѣмъ отдаться дѣлу, я стою и смотрю и, кажется мнѣ, простоялъ бы такъ вѣчно, охваченный тѣмъ же чувствомъ, какимъ охвачена та, склонившаяся. Какимъ чувствомъ? Что такъ смотритъ она, что видитъ? Какую-то тайну, разгадка которой такъ и приковала ее на вѣки къ этому мѣсту.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Можетъ быть, это наказаніе за эту подсмотрѣнную тайну... Пройдутъ вѣка и кто-нибудь сниметъ проклятье и, вставъ, она принесетъ міру эту великую тайну...

Ни одно изваяніе не захватывало меня такъ, не будило всего лучшаго, что только есть во мнѣ, всѣхъ лучшихъ грезъ, всѣхъ силъ моей ушедшей молодости.

Я опять былъ молодъ, я стоялъ съ безконечной жаждой лучшей жизни, съ тоской въ груди о ней, съ живой болью сознанія, что придетъ время и жизнь людей иная будетъ, такая же чудная, безоблачная, какъ и это ароматное утро ясной осени.

И потомъ, занимаясь своей технической работой, каждый разъ, какъ взглядъ мой падалъ въ эту даль, гдѣ темная глыба скалъ, а на ней этотъ образъ красоты и загадки, я забывалъ свое дѣло и, охваченный новымъ порывомъ, смотрѣлъ туда, точно увидѣлъ вдругъ въ изображеніи искуснаго рѣзца все, что только чувствовала лучшаго моя душа въ жизни...

Это мощное, какъ природа, олицетвореніе возрожденной вѣры во все лучшее человѣческой души.

О, какъ жалѣю я, что не имѣю дара скульптора, художника кисти. Какое богатство здѣсь видовъ, тоновъ, типовъ, жилья. Все такъ ново, ни на что не похоже, и здѣсь въ этомъ первобытномъ мѣстѣ человѣчества такъ сильно чувствуется вся бездна, вся глубина, вся даль пройденнаго человѣчествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все та же связь естества этого самаго первобытнаго съ самымъ усовершенствованнымъ нашихъ дней.

Но къ дѣлу. Воображаю, съ какимъ раздраженіемъ и нетерпѣніемъ какой-нибудь терпѣливый географъ будетъ читать мой дневникъ, въ массѣ хлама выуживая нужныя для него новыя свѣдѣнія.

Извиняюсь заранѣе передъ нимъ и спѣшу сдѣлать слѣдующій докладъ относительно истоковъ притока рѣки Сунгари. Ориби-мори называется этотъ уголокъ, что значитъ—пять истоковъ. Пять истоковъ, осмотрѣнныхъ нами, и составляютъ притокъ рѣки Сунгари. Изъ нихъ два вытекаютъ изъ Пектусана двумя большими, чистыми, какъ слеза, быстрыми и неумолкаемыми каскадами.

Два другихъ текутъ изъ подножья маленькими ключиками, увеличиваясь незамѣтно по дорогѣ, безъ всякихъ видимыхъ притоковъ, сходясь здѣсь на одиннадцатой верстѣ всѣ пять вмѣстѣ въ одинъ уже порядочный, очень быстрый горный потокъ, шириной и глубиной до сажени. Пятый истокъ беретъ начало уже изъ Ченьбошана.

Интересующихся болѣе точнымъ положеніемъ этихъ истоковъ, отсылаю къ спеціально составленной картѣ всѣхъ пройденныхъ мною мѣстъ...

Что-то совершенно особенное представляетъ вся эта мѣстность притоковъ Сунгари. Съ перевала Тандынва-но мы спускаемся

по сѣверному склону Ченьбошана въ Манджурію. Лиственница и высокія могучія ели, опушенныя зеленовато-желтыми прядями, тянутся предъ нами.

Высота деревьевъ 20—25 саженей, толщина въ нѣсколько обхватовъ. Множество прекраснаго, совершенно сохранившагося отъ пожаровъ лѣса. Попадаются поляны, покрытыя первобытной, въ ростъ человѣка, травой... Иногда ели раздвинутся и увидишь вокругъ сказочный уютный уголокъ. Вотъ тамъ, между тѣсно надвинувшихся другъ на друга горъ — мирная полянка. Темныя ели съ серебряными стволами чередуются тамъ съ полянами теперь желтой травы.

Вотъ посрединѣ цѣлая клумба этихъ елей, собравшихся въ тѣсный кружокъ, а тамъ на полянѣ онѣ въ одиночку и опять собрались въ уютномъ уголкѣ, у звонкаго ручья.

Это цѣлебный ключъ горячей воды и корейцы прежде ѣздили туда купаться, лѣчась отъ ревматизма, но теперь хунгузы стали такъ несносны, что никто больше не ѣздитъ туда. На выступѣ скалы показалась вдругъ красивая козуля.

Въ томъ балаганѣ, гдѣ мы ночевали, я нашелъ рога такой козули и, чтобъ не быть хунгузомъ, я оставилъ за нихъ мексиканскій долларъ.

За однимъ изъ поворотовъ, гдѣ лѣсъ расходится и открываются первобытныя преріи травъ, мы увидѣли вдругъ у подножія горы пріютившуюся китайскую фанзу. У воротъ фанзы стояло нѣсколько китайцевъ.

Хунгузы?!

Такъ какъ тропка наша ведетъ прямо къ нимъ, то черезъ четверть часа мы къ нимъ и подъѣзжаемъ.

Насъ четверо: Н. Е., П. Н., старикъ проводникъ и я. Съ Н. Е. охотничье ружье; все остальное въ обозѣ, который ушелъ впередъ.

Всматриваемся, это нашъ переводчикъ В. В. съ тремя китайцами. Онъ отсталъ отъ обоза, чтобъ купить у нихъ картофель, который они здѣсь сѣютъ.

Но каково было мое изумленіе, когда въ трехъ китайцахъ я узналъ тѣхъ двухъ, съ которыхъ нѣсколько дней тому назадъ я снималъ фотографію и подарилъ имъ нѣсколько штукъ печеній.

— Вы же хотѣли назадъ въ Тяппай идти? — привѣтствовали насъ китайцы.

— Раздумали,—отвѣтилъ я.

Оказалось, что и фанза, гдѣ мы ночевали, ихъ. Я сказалъ имъ, что взялъ рога и что оставилъ за нихъ мексиканскій долларъ.

Старикъ разсмѣялся и весело замахалъ руками.

— Они ничего не стоятъ.

Онъ вынесъ мнѣ еще рога, а сынъ его, радостный и довольный принесъ мнѣ пару рябчиковъ.

Я хотѣлъ, чѣмъ-нибудь отблагодарить его, но деньги были въ обозѣ.

Думалъ, думалъ и отдалъ ему послѣднее смертоносное оружіе, которое носилъ при себѣ—кинжалъ съ поясомъ. Прекрасный кинжалъ изъ англійской стали.

Восторгу молодого предѣла не было. Онъ смѣялся, прижималъ кинжалъ къ сердцу, къ лицу и, сжимая въ рукахъ, трясъ его въ воздухѣ.

— Очень, очень благодаренъ,—переводилъ В. В.,—это для него, какъ для охотника, самый дорогой подарокъ.

— Вотъ что. Скажите имъ, что у насъ пропала хорошая лошадь на Пектусанѣ, пусть найдутъ и возьмутъ ее себѣ.

В. В. еще остался, а мы уѣхали и долго, долго еще въ догонку намъ смотрѣли хозяева фанзы. Когда В. В. съ купленной картошкой догналъ насъ, онъ сообщилъ, что до 40 хунгузовъ выслѣживаютъ насъ съ того времени, какъ мы выступили изъ Муссана. Теперь они уѣхали по направленію къ Тяппаю, думая, что мы возвратимся туда.

Все это сообщилъ старый китаецъ въ послѣдній моментъ разлуки съ В. В. Сообщилъ нехотя, противъ воли, какъ будто, можетъ быть, подкупленный нашей лаской. Я совершенно не вѣрю всѣмъ этимъ запугиваньямъ, но, во всякомъ случаѣ, тѣмъ лучше, если хунгузы, сбившись съ нашего слѣда, ушли въ другую сторону.

Такъ какъ сегодня мы выступили очень рано, то около 12 часовъ остановились покормить лошадей, кстати и самимъ поѣсть. Мы остановились въ долинкѣ, покрытой сплошь травой въ человѣческій ростъ. Трава сухая и, разводя костеръ, чуть было не надѣлали пожара. Загорѣлась трава, вспыхнула какъ порохъ и едва дружными усиліями потушили ее.

Къ концу завтрака подошли двое изъ тѣхъ китайцевъ, съ которыми мы только-что разговаривали: молодой и новый, тоже старикъ, но не отецъ.

Подошли и сѣли. Молодой смотритъ радостно, воодушевленно.

Бибикъ ворчитъ:

— Усѣхъ тѣхъ бродягъ стрѣлять надо, якъ собакъ. Чего вони шляются за нами?

— В. В., зачѣмъ они пришли?

— Его идетъ Шанданьонъ *), чумиза купить.

Значитъ, съ нами: что-то странно.

— Его говоритъ, что тамъ теперь хунгузъ нѣтъ, хунгузъ позади.

— Его говоритъ, дорогу знаетъ больно хорошо.

Такъ какъ старикъ нашъ Дишандари иногда сбивается, то я и не протестовалъ противъ ихъ сообщества. Да къ тому же и чисто дѣтская привязанность и радость дикаря, его взглядъ на меня, полный радости и удовольствія, слишкомъ ясно говорили о чистотѣ его намѣреній. Позавтракавъ, мы тронулись дальше, не выходя изъ лѣса: лист-

*) Китайское названіе той деревни Шадоренъ, куда и мы шли.

венница, ель, кедръ. Все тотъ же прекрасный, изумительный строевой лѣсъ, какого я никогда не видалъ, хотя видѣлъ много первобытныхъ лѣсовъ: на Уралѣ, въ Сибири, на сѣверѣ Россіи и на Кавказѣ. Никогда не думалъ, чтобъ первобытный лѣсъ могъ быть такимъ великолѣпнымъ.

Однажды мы было сбились и, еслибъ не сопровождавшіе насъ китайцы, вмѣсто Шадарена или Шанданьона, не знаю, куда и попали бы.

Когда опять мы подошли къ раздорожью, не доходя верстъ 30 до Шанданьона, китайцы стали энергично настаивать на томъ, чтобъ идти дорогой направо. И дорога лучше, и попадаются китайскія фанзы...

Дишандари отвѣчалъ на это, что той дороги онъ не знаетъ, а всегда и онъ, и всѣ корейцы ходятъ лѣвой дорогой.

Въ концѣ концовъ китайцы такъ усердно расхваливали свой путь и ругали корейскій, что я рѣшилъ идти по ихъ дорогѣ.

Тѣмъ болѣе, что Дишандари и самъ признавалъ, что его дорога для проѣзда на лошадяхъ очень плоха.

— Ну, въ такомъ случаѣ ѣдемъ...

И мы повернули на дорогу вправо. Въ четверти версты отъ поворота и наткнулись на китайскую фанзу.

— Здѣсь черезъ каждыя пять верстъ такая фанза, — сообщилъ молодой китаецъ.

Изъ фанзы выглянулъ владѣлецъ ея, такой уродъ, какого рѣдко приходится встрѣчать. Типичный орангутангъ.

Что-то было и отвратительное, и комичное въ его старомъ бабьемъ, голомъ отъ растительности лицѣ, въ его изжитомъ циничномъ насмѣшливомъ взглядѣ, рѣдкихъ зубахъ, во всей его грязной до нельзя фигурѣ. Что-то до нельзя отталкивающее. Но я всегда боюсь за свои первыя впечатлѣнія не въ пользу человѣка. Откровенно признаться, я всегда глушу ихъ въ себѣ. И на этотъ разъ я поступилъ также.

«Бѣдный охотникъ, несомнѣнно художникъ, иначе что̀ заставило бы его всю жизнь жить въ этой глухой трущобѣ. Трущоба для меня, но для него что-то такое родное, безъ чего онъ, очевидно, и жить не можетъ: ночью эта тайга шумитъ, какъ море, утромъ тихо и торжественно. Алмазное утро осени. Треснетъ вѣтка гдѣ-нибудь и эхо отдается въ лѣсу. Дятелъ стучитъ, рябчикъ шумно пронесется, хлопнетъ западня съ попавшейся бѣлкой, а то заревет злобно и дико и самъ господинъ здѣшнихъ мѣстъ, попавшійся въ капканъ тигръ»... Такъ думалъ я, и въ концѣ концовъ уговорилъ себя, и въ этой фигуркѣ урода видѣлъ уже только просто физически обиженнаго Богомъ человѣка, желающаго на лонѣ природы забыть и свое уродство, и людей,— все, кромѣ природы. Забыть и не видѣть никогда.

— Онъ женатъ?

— Нѣтъ. Вотъ онъ тоже говоритъ, что здѣсь лучшая дорога,

Я посмотрѣлъ на урода и тотъ пренебрежительно кивнулъ мнѣ головой. Потомъ онъ что-то сказалъ, махнулъ рукой и улыбнулся отвратительной улыбкой.

Мы поѣхали дальше и въ моей головѣ все сидѣлъ этотъ оригинальный старикъ-уродъ.

— В. В., какъ вы думаете: хорошій это человѣкъ и всѣ эти, что идутъ съ нами?

— Моя не знаетъ, моя думаетъ, что хорошо. Фанза есть, картошка сѣетъ, рѣдьку сѣетъ. Хунгуза нѣтъ, сказалъ, у него тоже хунгузъ была три дня назадъ и все забиралъ.

Дишандари идетъ мрачнѣе ночи.

— Онъ говоритъ, что намъ устраиваютъ западню,—шепчетъ П. Н.— надо было идти лѣвой дорогой.

Не вѣрю я этой западнѣ,—фантазія робкаго корейца она, но съ другой стороны, какъ отвѣтственный за безопасность всѣхъ находящихся со мной, я предложилъ для предосторожности ружья взять въ руки,

И солдаты неохотно взяли ружья, а Н. Е., все время не разстававшійся до сихъ поръ со своимъ винчестеромъ, сегодня, какъ нарочно, передалъ его В. В.

В. В. въ чехлѣ везетъ его за плечами.

— Ну, надо будетъ—возьму,—говоритъ Н. Е.

— Но въ тотъ моментъ, когда вы опредѣлите ваше «надо» — будетъ уже поздно. Представьте себѣ, раздастся залпъ, В. В. со страху бросается въ лѣсъ...

— Да, вѣдь, ничего же этого не будетъ.

Н. Е. говоритъ лѣнивымъ тономъ человѣка, которому за меня неловко.

— Наконецъ я, право же, не могу: и ружье вези, и отмѣчай направленіе и ситуаціи мѣстности...

Я обиженъ и молчу.

— Я возьму ружье, но тогда освободите меня отъ работы.

— Освобождаю: давайте компасъ, шагомѣръ...

Н. Е., молча, передаетъ мнѣ шагомѣръ, компасъ, беретъ у В. В. свое ружье и, обиженный, отъѣзжаетъ. Я тоже обиженъ.

«Ну, что жъ,—думаю я,—къ барометрической нивеллировкѣ и астрономическимъ работамъ пусть и эта прибавится...»

И вотъ я ѣду впередъ и веду карту. Меня смущаетъ, что, вмѣсто запада, мы все идемъ на сѣверъ.

Пройдя около двухъ верстъ, я, наконецъ, говорю, что эта дорога куда угодно, но не въ Шодаренъ.

— Дишандари, покажите рукой, гдѣ Шодаренъ?

Дишандари показываетъ теперь на юго-западъ.

— Спросите китайцевъ: такъ?

— Такъ.

— Почему же они ведутъ насъ такъ?

— А потому, что всѣ вони, разбойники, чого-нибудь удѣлывать зачнутъ съ нами,—отвѣчаетъ Бибикъ.

— Дишандари говоритъ, что онъ за эту дорогу не ручается, — шепчетъ П. Н.

Сумерки быстро надвигаются, начинается дождь какъ изъ ведра, палатокъ у насъ нѣтъ.

— Поворачивай назадъ въ фанзу.

У корейца лицо радостное, а китайцы въ отчаяніи протестуютъ.

— Черезъ пять ли впереди большая хорошая фанза.

Я почему-то не говорю о принятомъ рѣшеніи завтра идти по корейской дорогѣ.

— Завтра и пойдемъ въ ту фанзу, а сегодня назадъ.

Китайцы еще говорятъ, но я уже не слушаю.

Старикъ китаецъ что-то говоритъ и уходитъ отъ насъ, а молодой возвращается съ нами.

Уже темно, когда мы снова подходимъ къ фанзѣ отшельника-урода.

Молодой китаецъ уходитъ спрашивать разрѣшенія и затѣмъ снова возвращается, говоритъ «можно» и отворяетъ ворота.

— Заѣзжай.

Первый заѣзжаетъ Бибикъ и сворачиваетъ воротній столбъ.

— Вишь, черти чего понастроили,—ворчитъ онъ,—тоже ворота называются.

Внутреннее устройство фанзы соотвѣтствуетъ своему хозяину своимъ подозрительнымъ и таинственнымъ видомъ. Низкая, не выше аршина печь, занимая половину помѣщенія, уходитъ вглубь и въ ней горитъ огонь, неровно освѣщая темныя стѣны. Надъ огнемъ вмазанъ громадный котелъ, наполненный водой. Изъ воды идетъ паръ. Передъ печью, не обращая на насъ вниманія, сидитъ на корточкахъ хозяинъ. Огонь какъ-то странно играетъ на его лицѣ и въ плохо освѣщенной остальной фанзѣ движутся тѣни огня.

Фанза задымленная, черная, на полкахъ и на крючьяхъ лежатъ и висятъ бѣличьи кожи, ножи, родъ пистолета, китайскіе стоптанные башмаки, всякій никуда негодный хламъ, кости. Одинъ ножъ весь въ запекшейся крови и его ярко освѣщаетъ пламя.

— Вотъ самый разбойничій притонъ, какой только бываетъ въ сказкахъ,—говоритъ Бесѣдинъ.

Лицо хозяина, ярко освѣщенное огнемъ, заслуживаетъ хорошей кисти. Точно выступаютъ изъ него какія-то скрытыя, невѣдомыя намъ мысли, онъ смотритъ въ огонь и презрительная, злорадная гримаса губъ дѣлаетъ его похожимъ на дьявола.

П. Н., со словъ Дишандари, разсказываетъ исторію этого хозяина.

Онъ—бывшій капитанъ хунгузовъ. Всѣ эти фанзы ни что иное, какъ притоны хунгузскіе: всѣ хозяева ихъ жалуются, что хунгузы ихъ оби-

жаютъ, но продолжаютъ жить, и на всякій случай человѣкъ на двадцать варить въ случаѣ неожиданныхъ гостей чумизу, супъ изъ бѣлокъ, лапшу. Хозяинъ скупаетъ у хунгузовъ добычу — награбленное, кожи убитыхъ звѣрей, жень-шень и потомъ перепродаетъ ихъ. Не смотрите, что онъ нищій: у него есть и золото, и серебро, но онъ скупъ, какъ кащей. У него есть земля, которую обрабатываютъ ему исполу корейцы. Корейцы эти, какъ огня, боятся его; онъ владыка ихъ жизни; его встрѣчаютъ съ раболѣпными поклонами, онъ беретъ все, что ему понравится, не исключая и женщинъ. Это зародышъ тѣхъ вассаловъ-бароновъ, имена которыхъ такъ прославлены теперь ихъ предками. Этотъ предкомъ не будетъ, и ходъ событій, какъ осенній морозъ побиваетъ несвоевременные цвѣты, уничтожитъ и въ этомъ уголкѣ эти запоздавшіе, уже отцвѣвшіе на общечеловѣческой нивѣ цвѣты.

Какъ бы то ни было, но почтенный баронъ со всей своей сказочно-разбойничьей обстановкой навелъ на насъ нѣкоторый благодѣтельный страхъ.

Даже Н. Е. заявилъ, что здѣсь не слѣдуетъ спать, хотя, сказавъ это, легъ и моментально заснулъ.

Но остальные не легли, и я съ нашими солдатами отправился осматривать фанзу и ея дворъ.

Какъ и слѣдуетъ феодальному барону, логовище его представляло крѣпость, вполнѣ защищенную отъ пуль хунгузовъ. Маленькій дворъ и само зданіе были обнесены высокимъ, вершка въ три частоколомъ, вершина котораго саженяхъ на двухъ была заострена.

Вся крѣпость имѣла видъ круга и помѣщалась на расчищенной отъ лѣса полянкѣ, саженей пятьдесятъ въ окружности. Такимъ образомъ обезопасенные и отъ ружейной стрѣльбы, мы, при надлежащемъ караулѣ, могли быть на готовѣ, если бы хунгузы рѣшились брать насъ приступомъ...

Четыре часовыхъ гарантировали безопасность: три солдата и кореецъ. Остальные всѣ—я, Н. Е., И. А., два переводчика (китайскій и корейскій) и работникъ-кореецъ Сапаги, онъ же и разсказчикъ, сидѣли въ фанзѣ. Вѣрнѣе—то спали, то просыпались.

Что до китайцевъ,—хозяина и молодого,—эти ни на мгновеніе не уснули и все время были на сторожѣ.

Я дежурилъ до 12 часовъ, затѣмъ разбудилъ И. А. и заснулъ.

Проснувшись какъ-то, я увидѣлъ сидящаго возлѣ себя молодого китайца. Онъ смотрѣлъ на моего Маузера (карабинъ) и глаза его загадочно горѣли. Я подумалъ, что въ случаѣ опасности онъ скорѣе бы его схватилъ, чѣмъ я... Я ближе придвинулъ къ себѣ карабинъ и опять уснулъ.

Я опять проснулся. Хозяинъ-уродъ протянулъ руку къ единственной лампочкѣ, висѣвшей на стѣнѣ, и, снявъ ее, сталъ подливать въ нее масла.

Я залюбовался этой и адской, и вмѣстѣ съ тѣмъ первобытной физiономiей человѣка-звѣря-дерева, который не утратилъ еще наслажденiя отъ такого изобрѣтенiя, какъ лампа, и сознанiя, что эта лампа у него въ рукахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня мелькнула мысль, что радость его происходитъ отъ сознанiя, что, случись нападенiе и потуши они эту лампу, мы останемся въ потьмахъ. Поэтому, какъ ни берегли мы свѣчи, я зажегъ одну и поставилъ ее сзади дежурнаго.

Н. Е. проснулся и сонно бросилъ:

— Да никакого нападенiя не будетъ.

— Не будетъ,—согласился я.

— А не будетъ, такъ зачѣмъ же мы мучимъ себя?—обиженно бросилъ Н. Е.

— Еслибъ мы съ вами были одни, то и спали бы... Можно одну ночь и не поспать, завтра будемъ въ деревнѣ, въ безопасности—отоспимся...

Въ пять часовъ начало какъ будто свѣтать. Такъ какъ у лошадей не было овса, а всю ночь мы держали ихъ въ крѣпости, то теперь, подъ карауломъ четырехъ человѣкъ, стоявшихъ внутри крѣпости, выпустили ихъ на поляну пощипать мерзлой и чахлой травы.

Въ семь часовъ мы выступили, поѣвъ чумизы и двухъ рябчиковъ. И китайцы ѣли: они сварили себѣ супъ изъ бѣлокъ и чумизы.

Десять такихъ, какъ я, не съѣли бы и половины того, что съѣлъ каждый изъ нихъ.

Солдаты мастера ѣсть. Н. Е. молодецъ, но и тотъ замѣтилъ:

— Какъ они не лопнутъ? И вѣдь худые, какъ обглоданная кость.

— Они наѣдаются на три дня и потомъ могутъ сдѣлать переходъ въ триста ли,—объяснилъ намъ Дишандари,—это нехорошо, что они такъ ѣдятъ.

Когда наступилъ моментъ разсчета, то, позвавъ В. В., мы спросили хозяина, что онъ хочетъ съ насъ за чумизу и ночлегъ.

— Что дадутъ.

Мы дали за чумизу и за ночлегъ два доллара.

Для корейца это очень высокая цѣна и корейцы очень долго отказываются отъ нея, но баронъ, взявъ два доллара, перебросивъ ихъ съ руки на руку съ выраженiемъ такого презрѣнiя, которому позавидовалъ бы самъ Мефистофель, сказалъ:

— Это только? За безсонную ночь и свороченный столбъ?

— Сколько онъ хочетъ?

Но онъ отвернулся и презрительно молчалъ.

— Еще долларъ довольно?

— Это будетъ больше, чѣмъ прежнее.

Мы дали ему еще долларъ.

На этотъ разъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствiи полюбоваться деньгами и послушать ихъ звонъ, пока мы собирались.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ. Скупой рыцарь во всемъ своемъ отвра-

тительномъ великолѣпіи. Но онъ въ то же время былъ такъ типиченъ, что я не могъ не любоваться имъ и, поборя отвращеніе, предложилъ снять съ него фотографію.

— Пусть снимаетъ,—презрительно бросилъ онъ.

Я поставилъ его передъ его фанзой и снялъ его. Онъ стоялъ съ трубкой и равнодушно, съ скрытымъ злорадствомъ, слѣдилъ за мной. Онъ какъ бы говорилъ:

— Снимайте, выдумывайте всѣ ваши инструменты, но я тоже что-то такое знаю, отчего всѣ ваши выдумки и знанія исчезнутъ, какъ дымъ... Да, да... выдумывайте, пока есть время.

И еслибъ онъ былъ одинъ, онъ, вѣроятно, хохоталъ бы такъ, что проходившій гдѣ-нибудь бѣдный кореецъ, дрожа, убѣжалъ бы далеко въ лѣсъ. Съ какимъ выраженіемъ смотрѣлъ онъ на меня, когда я осматривалъ его пистонный пистолетъ съ громаднымъ дуломъ!

Молодой китаецъ завелъ меня въ сарай и показалъ на что-то громадное. Это была ручная пушка: ружье очень длинное, съ дуломъ въ кулакъ. Пять человѣкъ несутъ и стрѣляютъ изъ нея.

— Для кого же это?

— Для незваныхъ гостей...

— А если эти гости возьмутъ съ собой приготовленный для нихъ подарокъ?

Лицо старика стало серьезно, тревожно и съ подобострастной улыбкой онъ отвѣтилъ, что говоритъ о тиграхъ.

Я бы еще нѣсколько часовъ наблюдалъ этотъ, давно ушедшій въ исторію типъ, но надо было ѣхать.

Мы ѣдемъ по корейской дорогѣ налѣво.

Пораженіе обоихъ китайцевъ—хозяина и молодого—было нескрываемое.

— Скажите китайцу, чтобъ шелъ съ нами.

Онъ что-то сказалъ хозяину фанзы и, послѣ попытокъ удержать насъ, покорно пошелъ за нами.

— Что онъ сказалъ хозяину?

— Сказалъ, чтобъ передалъ его товарищу, что онъ идетъ этой дорогой.

— Почему товарищъ его не остался съ нами?

— Онъ ушелъ узнать, нѣтъ ли худыхъ людей на дорогѣ и если бы были, онъ пришелъ бы.

Это и вчера говорили намъ китайцы, но я, съ одной стороны, и вѣрилъ ему, потому что онъ смотрѣлъ на меня глазами преданной собаки, гладилъ меня рукой, и въ то же время не вѣрилъ.

— Не повѣрилъ мнѣ начальникъ,—грустно, укоризненно сказалъ онъ, когда мы пошли.

— Повѣрилъ, но эта дорога ближе къ рѣкѣ, а мнѣ надо ее осматривать.

Дорога, дѣйствительно, была отвратительна: валежникъ, бурееломъ, болото. Все хорошее было теперь назади—Пектусанъ съ скрытымъ волшебнымъ озеромъ, пейзажи горъ и уютныхъ уголковъ, нарядные лѣса, сказочная красота притоковъ Сунгари. То течетъ она среди громадныхъ скалъ и звонкимъ водопадомъ шумно летитъ внизъ, то спрячется въ высокой травѣ, оставляя щель не болѣе двухъ аршинъ. Но заглянешь въ эту щель, и волосы дыбомъ встанутъ: подъ этой щелью страшное, изъ черной скалы съ голубоватымъ просвѣтомъ подземелье, глубиною до ста футовъ, такой же ширины. Свѣтъ едва проникаетъ и тускло освѣщаетъ и темные своды, и пѣнящуюся тамъ гдѣ-то внизу грохочущую воду. Въ одномъ мѣстѣ рѣка уходитъ подъ темный, точно руками человѣческими сдѣланный сводъ. Здѣсь, въ дикихъ первобытныхъ мѣстахъ я смотрѣлъ на эти спрятанныя красоты, поражавшія тѣмъ сильнѣе своей дѣвственной первобытностью, и чувствовалъ себя снова въ обстановкѣ дѣтства, сказокъ Эмара, которымъ вѣрила когда-то фантазія. Вѣроятно, тогда, слушая сказки, такъ и рисовалось все это въ фантазіи, потому что было что-то какъ будто очень знакомое, почти родное, и въ то же время обаятельно новое, не виданное и не подозрѣваемое.

И все это было уже назади.

— Повернитесь и въ послѣдній разъ попрощайтесь съ Пектусаномъ.

Дишандари говоритъ это и П. Н. переводитъ.

Я и всѣ мы повернулись и замерли.

Бѣлый, уже весь въ снѣгу выросъ передъ нами еще разъ, и въ послѣдній, громадный, величественный, весь на виду Пектусанъ.

Засыпаны были бѣлоснѣжнымъ покровомъ всѣ выступы скалъ и надъ озеромъ каменный медвѣдь и прекрасное склоненное изваяніе.

Все торжественно и тихо, все сверкаетъ алмазами снѣга. И такъ торжественно звучитъ голосъ Дишандари:

— Сегодня мы уже не прошли бы ни на Пектусанъ, ни сюда,— всѣ проходы, перевалы занесены снѣгомъ и дороги нѣтъ ни впередъ, ни назадъ... Вотъ чего и боялся я, но у начальника большое счастье. Это вчерашній дождь тамъ снѣгомъ упалъ.

Да... счастье и большое: угадать такъ изъ Петербурга день въ день...

Мы спускаемся ближе и ближе къ рѣкѣ. Родное чернолѣсье. Запахъ осины, сырость, запахъ гніющаго уже листа и шелестъ его. Ясная, но уже глубокая осень, щемящая грусть и пустота этого лѣса. Нѣтъ жизни, нѣтъ звѣря и птицы, все умираетъ или засыпаетъ долгимъ сномъ зимы.

Дорога все хуже и хуже и В. В. страстно, горячо, но непонятно переводитъ слова китайца о томъ, какъ хороша была та дорога, по которой онъ повелъ бы.

Еще ближе къ рѣкѣ и опять прекрасный лѣсъ лучше: много ясени,

въ обхватъ до двухъ саженей, прекрасная пихта, рѣдкая, но прекрасная лиственница. Иногда гривами лиственница одна, прекрасная, стройная. А какой кедръ!

Здѣсь уже можно сплавлять по рѣкѣ этотъ лѣсъ, громадной стоимости. Въ сумерки мы подошли къ цѣли нашего путешествія,—деревнѣ Шанданьонъ, населенной почти исключительно корейцами.

Съ какимъ чувствомъ удовлетворенія увидѣли мы опять мирныя картины вечера въ деревнѣ, ометы хлѣба, кукурузы, жилье, услышали ревъ скота.

Жители никогда не видали здѣсь европейца.

Съ какимъ радушіемъ и гостепріимствомъ насъ приняли: вотъ лучшая фанза; есть курица, картофель, чумиза, рѣдька.

Вся деревня, фанзъ тридцать, разбросана версты на двѣ въ узкой долинѣ. Пять, шесть китайскихъ фанзъ—хозяева той земли, на которой живутъ корейцы. Корейцы платятъ имъ половинный урожай.

— Хунгузы есть?

— Хунгузы ушли на Пектусанъ, нѣтъ хунгузовъ.

— Обижаютъ хунгузы?

— О!

Это безнадежный, покорный вопль. Хунгузы хозяева, приходятъ и требуютъ всего: птицу, чумизу, теленка, быка, женщинъ, и все даютъ, чтобы сохранить презрѣнную жизнь.

Какое наслажденіе быть опять въ теплѣ, раздѣться, вытянуться въ кровати, перемѣнить бѣлье!

— Такъ что безопасно отъ хунгузовъ?

— Теперь вполнѣ.

— Ну, такъ сегодня караулъ корейскій: Таони и Сапаги, всѣ остальные ѣшьте и спать.

И мы уснули, какъ, кажется, никогда еще не спали.

5 октября.

Страшный грохотъ и трескъ заставилъ меня открыть глаза. Ночь темная, что-то сыпется сверху: глиняная штукатурка. Залпы выстрѣловъ?! частые, громкіе, новый и новый трескъ, какой-то злобный жужжащій, ищущій въ кого впиться свистъ. И опять залпы: то трескучіе, то глухіе—бум... бум...

Хунгузы?! Гдѣ ружье?! Гдѣ хунгузы?! Въ фанзѣ уже, перерѣзали всѣхъ и только я почему-то еще живъ? Стрѣляютъ въ бумажныя двери, стоя передъ нами? Ночь, хоть глазъ выколи. Зажечь свѣчку? Откроешь имъ все... Откроютъ и такъ... Такъ вотъ какъ это все кончается... Что жъ, какъ-нибудь, да должно же когда-нибудь кончиться... Поздно, поздно... Теперь одно мужество смерти...

Тихій голосъ Н. Е.:

— Вы живы?

— Я ищу свое ружье, нашелъ... Не зажигайте свѣчку... Ружье, кинжалъ съ вами?

— Со мной.

Какой-то шорохъ.

— Кто это?

— Я, П. Н.

— Гдѣ солдаты?

— Здѣсь.

— Всѣ?

— Бесѣдина нѣтъ.

Н. Е. поймалъ кого-то за длинные волосы:

— Кто?

Молчаніе.

— Молчитъ и только гладитъ меня по колѣну,—говоритъ Н. Е.— Что-то говоритъ.

Это Дишандари, оказывается; онъ говоритъ, что хозяинъ фанзы уже убитъ.

— Гдѣ корейцы?

— Убѣжали въ лѣсъ.

— Подползайте къ двери и сядьте по стѣнамъ,—говорю я.

Я сажусь съ лѣвой стороны двери, съ правой Н. Е.

Прорвали дырку въ бумагѣ и смотримъ.

Залпы не прекращаются, но, очевидно, стрѣляютъ сзади и мы защищены отъ выстрѣловъ капитальной стѣной. Только тамъ вверху въ соломенной крышѣ безъ потолка по временамъ какой-то блескъ и точно сыпется что-то оттуда.

— Сколько жъ ихъ стрѣляетъ?

— Охъ много,—говорилъ удрученно П, Н.,—человѣкъ двѣсти.

— Сорокъ,—поправляетъ Дишандари,—это та партія, которая уходила къ Тяньпаю: у нихъ двѣ пушки,—вотъ это свѣтлое тамъ въ крышѣ мелькаетъ,—это ядра.

— Который часъ?

На мгновеніе я зажегъ спичку: половина пятаго.

— Скоро разсвѣтъ. Только бы дня дождаться, чтобъ увидѣть что-нибудь.

Стрѣляютъ все сзади. Что съ лошадьми?

Заглядываю на мгновеніе въ дверь: при свѣтѣ костра видны лошади,—онѣ стоятъ совершенно равнодушныя ко всей этой трескотнѣ. Начиненныя бомбы изъ ружья-пушки иногда разрываются и огненными искрами тухнутъ во мракѣ.

— Сперва съ этой стороны стрѣляли, а потомъ перешли назадъ...

— Отсюда не стрѣляли; это бомбы перелетали и разрывались и казалось, что отсюда стрѣляютъ. Они въ лѣсу засѣли и оттуда палятъ.

Ночь, не видно ничего, а съ вечера на все окружающее здѣсь не

обратили вниманія. Но недалекъ и разсвѣтъ. Ахъ, дождаться бы свѣту. Плохо, если зайдутъ съ этой стороны и начнутъ стрѣлять въ бумажныя двери. Они, очевидно, ошибочно предположили, что мы заняли ту сторону фанзы, иначе кто имъ мѣшалъ зайти съ этой стороны,—лѣсъ тамъ и здѣсь.

Мнѣ холодно; я замѣчаю, что я не одѣтъ. Кто-то подаетъ мнѣ мѣховую рубаху.

Шорохъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Кто тамъ?

— Бесѣдинъ.

— Откуда вы?

— Сапаги взялъ мое ружье, бѣгалъ искать его: пропало... думалъ, это вы уже тамъ въ лѣсу завязали перестрѣлку...

— Тише... голоса...

Близко противъ насъ разговоръ: нѣсколько голосовъ.

— Что они говорятъ?

— Говорятъ, что тихо: убиты всѣ или убѣжали.

— Безъ команды, пока не увидите людей, не стрѣлять.

Голоса уже передъ нами.

— Что еще говорятъ они?

— Та,—это значитъ: стрѣляй, говорятъ.

Я быстро растворяю дверь: залпъ!

— Пробѣжалъ, пробѣжалъ! другой на четверенкахъ... вотъ, вотъ...

Н. Е. выбѣгаетъ и заглядываетъ за уголъ,—никого.

— Ну, теперь знаютъ, что мы живы и сюда не полѣзутъ, а выстрѣловъ ихъ, очевидно, не хватаетъ, чтобы прострѣлить заднюю стѣну и ранить насъ.

— Почему такъ свѣтло?

— Кажется, фанза горитъ.

Н. Е. опять выскакиваетъ и возвращается.

— Горитъ фанза сзади, но вѣтеръ въ противную сторону,—все-таки горитъ хорошо... Хотятъ при свѣтѣ горящей фанзы, сидя въ лѣсу, какъ куропатокъ, насъ разстрѣлять, когда мы выскочимъ.

И залпы прекратились,—ждутъ нашего появленія. Негодяи ничѣмъ не хотятъ рисковать. Но хоть бы увидѣть ихъ и дороже продать свою жизнь. Какая-то злоба закипаетъ и картины прошлаго ярко встаютъ въ головѣ. Ахъ скорѣе бы свѣтъ.

Свѣтаетъ! Передъ нами овражекъ; ясно, что надо перебѣжать туда и залечь.

— Готовы всѣ?

— Готовы.

— Дайте папиросы, часы, портсигаръ.

Я надѣваю сапоги, засунулъ въ нихъ часы, портсигаръ, спички и три пачки патроновъ.

Я впередъ и всѣ за мной, пригнувшись, быстро перебѣгаемъ въ оврагъ. Залпъ, но мы всѣ цѣлы... Мы сейчасъ же отвѣчаемъ залпомъ: теперь видно куда стрѣлять, — фитильные огоньки, огоньки ихъ выстрѣловъ обнаруживаютъ цѣль.

Очень скоро, впрочемъ, послѣ нашихъ залповъ выстрѣлы изъ лѣсу прекратились. Было уже настолько свѣтло, что можно было разглядѣть мѣстность.

Вскорѣ пришли В. В., китаецъ и Таони. Они всѣ сидѣли въ какой-то ямѣ. Подъ моимъ и Н. Е. прикрытіемъ стали переводить лошадей въ оврагъ.

— Двѣ лошади убиты наповалъ, двѣ ранены...

Бѣленькая лошадка, проводникъ слѣпого, убита пулей въ лобъ. Слѣпой живъ, идетъ и, по обыкновенію, тяжело стонетъ.

Когда лошади были переведены, принялись спасать вещи. Время было,—пламя уже охватило крышу.

И вещи перенесены. Свѣтло. Фанза догораетъ. Хозяинъ раненъ двумя пулями: одна въ ногу; другая въ пахъ.

У В. В. прострѣлена шуба. В. В. совершенный молодецъ: спокоенъ, какъ будто все дѣлается такъ, какъ и должно, — все предопредѣлено за много милліоновъ лѣтъ.

— Моя думалъ, больше домой не будетъ.

Онъ и китаецъ проводникъ водятъ лошадей, носятъ вещи.

— Ружье нашелъ,—кричитъ радостно Бесѣдинъ.

Немного дальше отъ ружья полушубокъ Сапаги и тутъ же китайская матерія. Сапаги, слѣдовательно, бѣжалъ отъ нихъ, они догнали его и увели. Почему онъ бѣжалъ не къ намъ въ фанзу, а мимо? Было приказано раньше всѣмъ собраться ко мнѣ. Почему не стрѣлялъ? Почему не кричалъ? Очевидно, тогда еще не стрѣляли? Стрѣлять начали, когда схватили Сапаги.

Думали, что отъ залповъ мы выскочимъ и тогда при свѣтѣ костра и горящей фанзы они перестрѣляютъ насъ.

Бѣдный хозяинъ поплатился за гостепріимство.

— Скажите ему, что онъ получитъ за всѣ убытки.

— Онъ говоритъ, что исполнилъ свой долгъ гостепріимства, денегъ не надо, лишь бы жить: онъ проситъ полѣчить его.

Полѣчить? У насъ была маленькая аптечка—хина, Иноземцевы капли, нѣсколько мудреныхъ названій, карболка, бинты.

Мы дали, объяснивъ, какъ употреблять карболку, бинты.

— Пули надо вынуть...

— Мы не доктора...

Солдаты качаютъ головами.

— Умретъ: попало въ пахъ...

Животный эгоизмъ: я думаю, какое счастье, что изъ нашихъ никто не раненъ, какое счастье, что еще восемь лошадей есть.

*

Прибѣжали корейцы изъ лѣса.

— Большое, большое счастье, всѣмъ націямъ счастье, только корейское счастье пропало, нѣтъ у корейцевъ счастья.

Дишандари говоритъ:

— Вчера у меня была лошадь, сегодня она уже мертвая лежитъ.

— Вчера нашъ хозяинъ былъ живой, здоровый и самый богатый человѣкъ въ деревнѣ; сегодня онъ умираетъ, все добро его сгорѣло и семья его самая нищая изъ всѣхъ.

Сколько естественнаго благородства, простоты въ этомъ умирающемъ. Строгое, черной бородой окаймленное честное лицо, большіе глаза. Умирающій вдругъ тихо заплакалъ. О чемъ онъ плакалъ?

О прожитой жизни, о потерянномъ богатствѣ, о тщетѣ всего земного?

Никто не знаетъ, тихо и торжественно было кругомъ.

Жена прильнула къ его ногамъ и тоже плакала слезами истиннаго горя, безъ криковъ и воплей.

Молодой сынъ, 12 лѣтъ, принявшій насъ вчера въ отсутствіи отца, посчитавшій сперва насъ за хунгузовъ, стоялъ теперь такой же блѣдный и трепещущій, какъ и вчера стоялъ передъ нами.

— Позовите его.

Онъ подошелъ ко мнѣ и напряженно вслушивался.

— Пусть скажетъ фамилію отца и свое имя. Мы сообщимъ обо всемъ китайскимъ властямъ, сюда придутъ войска. Ему съ матерью пришлемъ 300 долларовъ. Пусть уйдутъ назадъ въ Корею. Тамъ выраститъ онъ, найдетъ хорошую жену и будетъ счастливъ.

— Онъ тоинъ *)?—быстро показалъ мальчикъ на меня,—отецъ будетъ жить?

— Оконшанте не сказалъ еще свою волю. Пусть спрячетъ эти деньги, это золото; оно пригодится ему съ его матерью, пока другіе придутъ.

— Говоритъ, не надо деньги. Хунгузы узнаютъ, опять придутъ.

— Никто не видитъ, пусть онъ спрачетъ

Громкіе крики несутся по деревнѣ. Это болѣе храбрые, возвратившись, вызываютъ изъ лѣса своихъ робкихъ родственниковъ.

Иногда громко, настойчиво кто-нибудь кричитъ одно и то же имя. И вдругъ гдѣ-нибудь близко въ кустахъ раздается отвѣтъ. Очевидно, спрятавшійся все время слышалъ. И теперь отвѣчаетъ, но не идетъ. Начинаются цѣлые переговоры, пока, наконецъ, покажется еще одинъ бѣлый лебедь изъ лѣсу.

Постепенно около насъ собирается толпа. Они опять спокойны, удовлетворены, ласковы. Они узнали, что хунгузы опять уйдутъ за нами и оставятъ ихъ въ покоѣ.

Хунгузы идутъ на соединеніе съ другой партіей, которая дѣйствуетъ

*) Предсказатель.

на Ялу, чтобъ совмѣстно уничтожить насъ. Они опредѣляютъ эту партію въ 40 человѣкъ, но имъ помогаютъ временные, всѣ эти бароны, которымъ корейцы отдаютъ половину своихъ доходовъ, своихъ женщинъ. Пушки у нихъ отъ бароновъ.

Я уже убѣдился горькимъ опытомъ, что кореецъ никогда не лжетъ и, сообщая намъ, не гнетъ никакой линіи.

Не страшны въ открытомъ бою и сто китайцевъ,—это гнусныя и въ то же время робкія гіены,—но страшны они ночью, когда кругомъ глухой лѣсъ, страшны въ засадѣ въ этихъ лѣсахъ.

Оказываотся, что съ того времени, какъ мы вышли изъ Тяппая, они ловятъ насъ, но все время такъ выходило, что они получали невѣрныя свѣдѣнія. Единственный разъ, когда имъ удалось догнать и перегнать насъ, это, когда мы ночевали у скупого рыцаря. Тамъ они не рѣшились напасть и предпочли устроить засаду, въ полной увѣренности, что мы пойдемъ по ихъ дорогѣ... Свѣдѣнія о томъ, что мы свернули на корейскую дорогу, пришли къ нимъ настолько поздно, что они только къ тремъ часамъ утра успѣли подойти къ деревнѣ и такимъ образомъ почти потеряли ночь. Тѣмъ не менѣе, потерявъ терпѣніе и надежду еще разъ захватить насъ врасплохъ, они рѣшили воспользоваться оставшейся ночью и произвели нападеніе.

Огонь нашего костра, лошади и сообщники-китайцы изъ мѣстныхъ бароновъ указали имъ безошибочно нашу фанзу.

Къ счастью нашему, дорога ихъ идетъ по тому косогору,—иначе, приди они по нашей дорогѣ, пальба была бы въ наши двери.

Вѣроятно, скупой рыцарь объяснилъ имъ, что по ночамъ мы не спимъ и тѣмъ объясняется то, что они не смѣли сдѣлать нападеніе прямо на фанзу и перерѣзать и перестрѣлять насъ, пока мы еще спали.

Все это только показываетъ, какъ трусливы эти хунгузы и какая разница между ними и такими же хунгузами на Кавказѣ, гдѣ во время постройки Батумской желѣзной дороги, когда я только-что кончилъ курсъ, пятерыхъ, служившихъ на моей дистанціи десятниковъ, перестрѣляли и перерѣзали мѣстные турки. Они тоже дали нѣсколько залповъ, но затѣмъ ворвались въ балаганъ, гдѣ были десятники, и дорѣзали кто еще былъ живъ.

Точно также могли бы и должны были распорядиться и эти хунгузы, но очевидно, что и китайская храбрость недалеко ушла отъ корейской. Они хунгузы, но они ничѣмъ не хотятъ рисковать и добычу свою, тигровъ, барсовъ, медвѣдей, насъ, корейцевъ, богатыхъ китайцевъ, выслѣживаютъ и бьютъ изъ засады, устраиваютъ западни...

Во всякомъ случаѣ, характеръ врага намъ ясенъ теперь. Опасны засады и ночи. Выгода наша въ томъ, что теперь мы впереди: намъ подниматься на ближайшій косогоръ, имъ же обходить верстъ десять. Мы эту ночь все-таки спали, они нѣтъ. У насъ лошади и поперемѣнно то верхомъ, то пѣшкомъ, мы безостановочно можемъ двигаться, по

крайней мѣрѣ, вдвое дальше, чѣмъ они. Не теряя времени, наскоро поѣвъ консервовъ, мы стали собираться въ походъ. Четырьмя вьюками убавилось у насъ, да, кромѣ того, и всѣ остальныя лошади должны быть такъ облегчены, чтобъ всѣ могли сѣсть верхомъ, а Дишандари и Таонъ двое на одной лошади...

Пробовали было мы нанять вьючныхъ быковъ, но корейцы объявили, что только силой ихъ можемъ заставить.

Къ силѣ я, конечно, и не думалъ прибѣгать.

Оставалось одно: облегчить себя до послѣдней степени.

Тамъ, въ Шанданьонѣ такимъ образомъ оставили мы всѣ наши консервы, запасы, великолѣпныя постели, сумки, брезенты, оставили наши чемоданы, вещи. Я, какъ старшій, показывалъ примѣръ и летѣли прочь полушубки, сапоги, теплыя куртки, кожи, все бѣлье, лишнее платье.

Кое-что все-таки сгорѣло. Изъ инструментовъ уцѣлѣли: барометръ, шагомѣръ, компасъ.

Что дѣлать со всѣмъ оставляемымъ?

Пусть возьмутъ и сохранятъ корейцы.

— Но какъ мы сохранимъ? Придутъ хунгузы и отнимутъ.

— Тогда отдайте имъ.

— А въ огонь, щобъ проклятымъ не досталось?—говоритъ Бибикъ.

Я не могъ рѣшиться на это. Жечь прекрасныя вещи? Нѣтъ, и вещи требуютъ уваженія.

Это одна сторона, а вотъ другая.

Эти вещи задержатъ здѣсь хищниковъ, а мы въ это время далеко уйдемъ.

Въ восемь часовъ мы выступили, всѣ верхомъ, съ пятью ружьями, которое каждый, сидя верхомъ, держалъ на правомъ колѣнѣ.

Такъ какъ приходилось нѣсколько сотъ саженей пройти подъ правымъ косогоромъ, гдѣ засѣли хунгузы, то, для безопасности, я приказалъ дать два залпа, чтобы обстрѣлять и обезопасить предстоящій проходъ... Н. Е., къ которому возвратилась вновь вся безпечность русскаго человѣка, смущенно говорилъ:

— Къ чему же? Ясно, что днемъ они не нападаютъ.

Но я настоялъ и мы дали сперва одинъ залпъ, вдоль лѣса, а погодя второй. А затѣмъ, перейдя бродъ, скрылись въ лѣсахъ лѣваго берега рѣки. Все это открытое пространство мы прошли на рысяхъ,—чтобъ показать возможную быстроту нашего движенія,—въ разстояніи другъ отъ друга на десять саженъ.

Пріемъ, практиковавшійся у насъ при постройкѣ Батумской дороги, припомнившійся мнѣ теперь. Благодаря такой растянутой линіи, труднѣе засада, труднѣе сразу перебить всѣхъ.

Но когда мы вошли въ лѣсъ, то пришлось опять идти шагомъ—передъ нами извивалась узкая тропинка, вся заваленная лѣснымъ хла-

момъ вѣковъ. Къ тому же, передъ нами было нѣсколько тропинокъ, онѣ шли частью въ близъ лежащія китайскія фанзы, частью въ корейскія.

Теперь эти фанзы брошены, вокругъ зданій растетъ высокій бурьянъ, а нѣкогда раздѣланныя поля уже заростаютъ лѣсомъ и дикій звѣрь, дикій человѣкъ могутъ любоваться дѣломъ своихъ рукъ.

Дишандари запутался въ этихъ дорожкахъ, и еслибъ не три корейца, встрѣтившихся намъ, изъ которыхъ двое за двадцать долларовъ согласились вывести насъ на Ялу, то хоть назадъ возвращайся.

При этомъ они обязались не отставать отъ лошадей.

Они шли даже быстрѣе, такъ какъ иначе, какъ шагомъ—ни лошади, ни люди идти не могли.

До сколько-нибудь безопасныхъ мѣстъ намъ надо было идти слишкомъ сто верстъ, имѣя сзади шайку атаковавшихъ насъ хунгузовъ и спереди такую же, идущую на соединеніе съ первой.

Въ часъ дня мы пришли въ маленькую корейскую деревушку, уже по ту сторону Чень-бо-шаня.

Эти тоже впервые видѣли людей другой расы и сперва испугались, но потомъ очень радушно приняли насъ.

Мы сварили себѣ пять курицъ съ картофелью и капустой, чумизы, лошадямъ дали столько овса, сколько онѣ могли съѣсть, и въ три часа выступили дальше.

Здѣшніе корейцы сообщили намъ, что вчера хунгузы Ялу были въ сорока верстахъ отъ нихъ и потому сегодня на ночь они уходятъ въ горы, такъ какъ ждутъ ихъ прохода.

Передъ нами были двѣ дороги: корейская, глухая, безъ всякаго жилья, и китайская, съ баронскими фанзами по ней.

Для военнаго человѣка здѣсь, очевидно, и былъ рѣшающій моментъ кампаніи: выступить по корейской дорогѣ, пройти нѣсколько верстъ по ней и затѣмъ по компасу перейти лѣсомъ на китайскую дорогу.

Такимъ образомъ жители деревни невольно обманули бы преслѣдовавшихъ насъ, которые по китайской дорогѣ спѣшили бы обогнать насъ. Намъ же засѣсть въ засаду и перестрѣлять, какъ идущихъ съ Ялу, такъ и Пектусанскихъ.

Но такъ какъ лавры воина не мои лавры и вся забота моя, выполнивъ научныя задачи, а онѣ уже были выполнены, сберечь довѣрившихся мнѣ людей, то я, подѣлившись своими мыслями, несмотря на усиленныя просьбы Н. Е. и солдатъ, настоялъ на томъ, чтобъ безостановочно идти дальше. Но наступили сумерки и чуть замѣтную тропинку проводники очень скоро потеряли.

— У меня есть огарокъ,—пискнулъ изъ темноты И. А.

Зажгли огарокъ и дорогу нашли.

Съ огаркомъ въ рукахъ мы шли, пока онъ не догорѣлъ. Тогда корейцы зажгли березовую кору.

И вотъ при прекрасныхъ факелахъ мы идемъ, какъ днемъ. Своими спинами корейцы закрываютъ свѣтъ и сзади нашимъ преслѣдователямъ его не видно.

Да и гдѣ теперь эти преслѣдователи? Полилъ дождь, какъ изъ ведра, и увѣренные, что темной ночью, да еще въ дождь, не пройти намъ тамъ, гдѣ и днемъ съ огнемъ еще никто не ходилъ, они спятъ теперь въ замкѣ какого-нибудь своего барона.

Въ три часа ночи мы спустились въ корейско-китайскую деревню Тасnуханъ на рѣкѣ Сагибудонъ Мурри, притокъ Ялу, сдѣлавъ девятнадцатичасовой переходъ, пройдя 50 верстъ.

И лошади, и люди шатались отъ усталости. Н. Е., какъ ребенокъ, упрашивалъ нѣсколько разъ остановиться и ночевать.

— Ну, я упаду съ сѣдла,—капризно говорилъ онъ.

— Мы васъ привяжемъ.

Что до меня, я не чувствовалъ никакой усталости, но понималъ въ то же время, что безъ отдыха нельзя.

— Ну, господа воины, какая фанза въ лучшей позиціи въ военномъ отношеніи?

Я бы пригласилъ на этотъ военный совѣтъ компетентныхъ людей полюбоваться, какъ толково обсуждали три отставныхъ солдата этотъ вопросъ.

Наконецъ, была выбрана стоявшая посреди открытаго поля одинокая фанза. Мы тихо пошли къ ней, тихо разбудили хозяина, успокоили его, дали лошадямъ овса, не разводя костра, а въ фанзѣ занавѣсили ихъ сквозныя двери такъ, чтобъ свѣтъ не проникалъ наружу. Затѣмъ попросили двухъ корейцевъ въ помощь караулу и предупредили, чтобъ никто не выходилъ изъ фанзы.

Бесѣдинъ, Хаповъ, два корейца засѣли въ прикрытыхъ мѣстахъ. Бибикъ варилъ супъ, Н. Е. спалъ, я писалъ дневникъ, остальные возились съ лошадьми, кромѣ И. А., который готовилъ чай съ послѣднимъ сахаромъ, такъ какъ весь сахаръ при послѣднемъ переходѣ растаялъ.

Такимъ образомъ мы переходили совершенно на корейскую пищу.

И опять повторяю: съ этого и надо было начать, а кто хочетъ сохранить здѣсь свои привычки и вкусы, пусть лучше не ѣздитъ сюда. Истратитъ много денегъ и все-таки не сохранитъ.

6-го октября.

Въ шесть часовъ утра мы уже выступили впередъ.

Хунгузы Ялу прошли по китайской дорогѣ. Могутъ теперь на здоровье встрѣчаться и соблюдать тамъ другъ передъ другомъ всѣ китайскія церемоніи.

Проѣхали до вечера, и волшебная перемѣна. Мы ѣдемъ долиной Сагибудонъ Мурри. Ширина долины — саженъ триста всего, но куда

ни посмотришь, все это уже заселенныя и засѣянныя мѣста. Все время отсюда вплоть до Амноки на каждой четверти версты фанзы, хозяйство, прекрасный урожай.

Первобытный лѣсъ исчезъ, горы Кореи, отдѣльныя, высокія, покрытыя высохшимъ бархатомъ осени тѣснятся около рѣки...

Голубое безмятежное небо, орелъ паритъ, виноградныя лозы съ малиново-прозрачными листьями тамъ на отвѣсныхъ скалахъ.

Корейцы и китайцы работаютъ въ полѣ, громадные сытые быки лѣниво перевозятъ въ легкихъ санкахъ богатый урожай съ поля въ амбаръ. Кучи золотистой кукурузы, вороха громаднаго гоалина, въ крестахъ сложенная чумиза, овесъ, буда, яръ-буда, всевозможные бобы, красная и бѣлая рѣдька, колорябія, громадныя тыквы желтыя, красныя, красный перецъ, на канатахъ десятками рядовъ подвѣшенный табакъ, лукъ, чеснокъ, картофель, капуста.

Особенное изобиліе всего этого у богатыхъ китайскихъ фанзъ.

Передъ фанзой маленькая кумирня изъ камня, нарисованныя на бумагѣ фигуры, стопа молитвъ, особыхъ на каждый мѣсяцъ.

Передъ кумирней два столбика, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ...

Такіе же красные столбы передъ воротами. Въ эти ворота видны дворъ, внутренняя фанза съ широкими, клѣтчатой бумагой заклеенными окнами, съ красными разводами и письменами.

Крыша съ высокимъ скатомъ, окна особо, двери особо, комнаты большія. Во дворѣ и на высокой завалинкѣ у дома и вдоль стѣнъ грозди краснаго перца, табакъ—всѣхъ цвѣтовъ, кукуруза, рѣдька, тыквы, колорябія. Лица удовлетворенныя, спокойныя, благородныя.

В. В. нашего окликаютъ китайцы и онъ радостно кричитъ:

— Эта вся хорошая человѣки,—хунгузовъ нѣтъ.

Корейцы присѣдаютъ съ Дишандари и слышится ласковое:

— е... е... е.

Что значитъ: да, да, да.

Два молоденькихъ корейца, наши проводники, весело мелькаютъ впереди. Мы движемся все дальше и дальше...

Отдыхаетъ душа отъ ужасовъ жизни первобытныхъ лѣсовъ, гдѣ во мракѣ временъ свирѣпствуютъ еще разбойничьи цари, бароны, надъ жизнью и имуществомъ своего раба корейца.

Корейцы честные, благородные, умные, культурные,—ни одинъ китаецъ не умѣетъ такъ ухаживать за землей, какъ кореецъ (китайцы корейцевъ нанимаютъ пахать имъ землю), а дикій баши-бузукъ дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ и свирѣпо, какъ собратъ его, тигръ, уничтожаетъ ненавистную ему культуру.

Слѣды этого уничтоженія на каждомъ шагу—брошенныя корейскія фанзы, цѣлыя деревни.

Шайки въ 20—30 человѣкъ, для которыхъ, для всѣхъ этихъ шаекъ, роты стрѣлковъ довольно, а безъ этой роты на сотни верстъ терроризированъ край, остановлена всякая культура.

Несчастный кореецъ—рабъ китайскаго земельнаго собственника, рабъ хунгуза, выбивается какъ волъ его изъ силъ, таща общечеловѣческую культуру сюда. За это его обижаютъ, бьютъ, пытаютъ, вѣшаютъ, а онъ отвѣчаетъ врагамъ дѣтскою незлобивостью, безпредѣльнымъ терпѣніемъ, непонятной среди такихъ условій человѣчностью, гуманностью, тонкой предупредительностью. Точно не здѣсь они выросли, а воспитали ихъ въ самой гуманной школѣ, запечатлѣвъ навѣки законы высшей гуманности.

Хочется плакать за нихъ, а они жизнерадостны и утромъ послѣ нападенія они прибѣжали изъ лѣса и уже такіе же ясные, какъ то утро было. Всѣ около умирающаго, собираютъ разбросанное добро.

А эту ночь, когда мы подъѣхали къ корейской фанзѣ, хозяинъ началъ было отговариваться тѣснотой фанзы, но когда мы ему объяснили, что намъ нельзя дѣлать шума своимъ пріѣздомъ, такъ какъ за нами гонятся хунгузы, хозяинъ отвѣтилъ:

— Я думалъ объ удобствѣ высокихъ гостей, но при такихъ условіяхъ моя фанза принадлежитъ имъ, а я ихъ сторожъ.

И надо было видѣть, сколько непоказного, врожденнаго благородства было въ его словахъ.

Не было случая въ моемъ путешествіи, чтобъ кореецъ не сдержалъ своего слова.

Не устаешь, перечисляя достоинства кроткихъ людей этой націи... И всякій, кто пробудетъ съ ними, не сомнѣваюсь, полюбитъ ихъ такъ же, какъ полюбили мы.

Даже Бибикъ, все собиравшійся «сшивать» всѣхъ живущихъ здѣсь, говоритъ любовно:

— Якъ телята, тихіе.

Мирная картина окружающей долинки, радость жизни ея, золотистый тихій закатъ, высокія горы съ виноградниками, ихъ малиновымъ прозрачнымъ отливомъ, все словно вводитъ васъ въ какой-то храмъ жизни, гдѣ слышите вы безмятежный, ласкающій, знакомый напѣвъ, зовущій васъ опять радоваться, опять наслаждаться жизнью, отдыхать.

Душа отходитъ отъ пережитыхъ ужасовъ и возвращается къ новымъ ощущеніямъ.

Чувствую усталость, можно еще ѣхать, но хочется покоя, стакана чаю, хочется хоть на нѣсколько часовъ почувствовать себя не въ обязательныхъ условіяхъ труднаго похода.

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ точно запирается долина со всѣхъ сторонъ бархатными, красно-коричневыми горами, образуя правильной формы эллингъ...

Вечернія тѣни уже легли на долину, уже горитъ фіолетовымъ огнемъ рѣка и въ глубь уходитъ туда, гдѣ между бархатомъ осенней листвы почти отвѣсно виситъ громадный бѣлый щитъ,—то пашня трудолюбиваго корейца почти на отвѣсномъ косогорѣ.

Нарядный китаецъ въ своемъ костюмѣ излюбленнаго синяго цвѣта ѣдетъ верхомъ и держитъ на сѣдлѣ маленькую дочку.

Бубенцы его лошадки звенятъ въ воздухѣ, китаецъ любовно обнялъ дочь и что-то говоритъ ей. Онъ молодъ, худъ, тонкія черты лица его интеллигенты, во всей фигурѣ чувствуется мягкая изнѣженность. Мы выстрѣлили и онъ озабоченно, ласково что-то говоритъ дочери, спѣша успокоить ее...

В. В. все время говоритъ съ нимъ и сообщаетъ намъ:

— Больно хорошая человѣкъ, богатый.

У него все хорошіе люди.

— Вотъ его домъ.

Домъ нарядный, красивый, съ красными письменами, столбами и узорами.

Проѣхали еще съ полверсты и останавливаемся на ночлегъ въ деревнѣ, на половину китайской, на половину корейской.

Деревни здѣсь на каждомъ шагу, вся долина до устья—сплошное жилье. Дишандари тянетъ остановиться у его брата въ шестомъ колѣнѣ.

Братъ такой же симпатичный, какъ и Дишандари, но фанза его плоха, мала, пропиталась вся чумизой и дымомъ, который и сейчасъ пробирается сквозь щели борововъ и слѣдовательно и пола фанзы.

Все это мы уже видѣли, это, конечно, лучше, чѣмъ ночь подъ открытымъ небомъ, но В. В. увѣряетъ, что у китайцевъ будетъ намъ еще лучше.

Да и не видали еще какъ слѣдуетъ китайскаго житья-бытья.

— Такъ точне,—говоритъ Бибикъ,—у китайцевъ лучше: у нихъ все есть: и лошадямъ покой и кормъ, и хванзы лучше, и ѣда: капуста есть, картошка, лукъ, чеснокъ—все есть. И сами и стерегутъ: имъ, значитъ, конфузно, если у нихъ что пропадетъ.

Собственно говоря, отвратительное впечатлѣніе, которое произвели на меня первые китайцы—хунгузы и бароны—уже сгладилось трудолюбивымъ видомъ сегодняшней долины, трудомъ, накладывающимъ особенную печать на лица.

— Это другой китаецъ,—говоритъ Бибикъ,—съ бабой.

Баба—гарантія культуры.

Я видѣлъ, наконецъ, первую китаянку, съ трубочкой, зачесанную, какъ ихъ рисуютъ, съ уродливо маленькой ногой. Она увѣренно стоитъ у воротъ своей фанзы, окруженная нѣсколькими мужчинами и видно, что здѣсь она капитанъ своего корабля.

Но какъ много китайцевъ: изъ каждой фанзы выходитъ 7—8 взрослыхъ мужчинъ.

— Это работники—тутъ хунгузы—меньше нельзя,—объясняетъ В. В.

Уступая настояніямъ В. В., мы ночуемъ у китайцевъ.

Послѣ маленькихъ клѣточекъ корейцевъ большая помѣстительная комната обширнаго китайскаго дома, гдѣ мы ночуемъ, производитъ очень сильное впечатлѣніе.

Домъ состоитъ собственно изъ двухъ: наружнаго съ воротами посреди, затѣмъ обширный дворъ, и другой такой же, саженяхъ на восьми, домъ. Мнѣ и Н. Е. отвели большую угловую комнату въ фасадномъ домѣ. Печи такія же, какъ и у корейцевъ, но не во весь полъ и съ подъемомъ отъ полу втрое большимъ. На этомъ возвышеніи стояли два столика, высотой въ полъ аршина, съ книгами на немъ. По полкамъ стѣнъ— книги, у стѣны устроено что-то вродѣ конторки. На одной изъ полокъ стоятъ китайскія лампы, красныя китайскія толстыя свѣчи. А все къ общемъ напоминало въ этой высокой, въ темный цвѣтъ отдѣланной, комнатѣ кабинетъ стараго Фауста.

Насъ встрѣтилъ учитель, молодой съ тонкими чертами лица, кланяющійся и прижимающій къ груди руки.

Онъ сообщилъ, что хозяинъ ихъ уѣхалъ далеко по дѣламъ, а жена его, ей только 20 лѣтъ, немного испугалась и ушла ночевать къ роднымъ. Но высокимъ госгямъ будетъ доставлено все, чѣмъ они богаты.

Потомъ оказалось, что насъ приняли за кого-то вродѣ хунгузовъ и хозяинъ съ хозяйкой предпочли свалить на учителя весь трудъ пріема такихъ гостей...

Все было прекрасно и мы радовались, словно никогда ничего лучшаго не видали, словно все это принадлежитъ намъ.

— Посмотрите, какія ясли у нихъ для скота. Изъ лучшихъ они выводятъ свой скотъ и ставятъ нашихъ лошадей.

— Сами рубятъ солому и, говорятъ, сами и на водопой поведутъ.

— Посмотрите, какая у нихъ кухня, столы какіе.

— Сколько у нихъ работниковъ?

— 60. Хозяинъ нашъ лѣсомъ занимается и винокуренный заводъ имѣетъ.

— Гдѣ заводъ?

Намъ показываютъ на одинъ изъ одноэтажныхъ флигелей. Мы идемъ туда. Въ чистомъ помѣщеніи стоитъ нѣсколько котловъ, сквозь щели пола видно подвальное помѣщеніе, видны огни,—все чисто, опрятно, помѣстительно.

— Куда хозяинъ дѣваетъ выкуриваемую сулею?

— Мѣняетъ жителямъ на бобы, чумизу,—не у всякаго охота самому варить водку...

На ужинъ намъ готовится китайская лапша изъ гречневой муки, а Бесѣдинъ изъ нея же варитъ гречневыя галушки на салѣ, которыя мы будемъ ѣсть, ловя ихъ заостренной палочкой, запивая мучнистой, пахнущей саломъ и лукомъ водой, въ которой варились эти галушки.

Словомъ, сегодня мы ѣдимъ то, что всякій добрый хохолъ ѣстъ часто и съ удовольствіемъ.

А затѣмъ сонъ, всѣ вмѣстѣ въ отведенной намъ комнатѣ, съ однимъ караульнымъ въ этой же комнатѣ.

7-го октября.

Сегодня опять впередъ. Все та же долина — корейцы и китайцы. Корейцы бѣдны, китайцы богаты. Земля китайская и корейцы оттѣснены къ горамъ; тамъ вершокъ за вершкомъ отвоевываютъ они себѣ пашню у скалъ, у лѣса, кустарника. Изъ десяти снопов—четыре отдаютъ китайцамъ, пашутъ имъ пашню.

Къ шести часамъ вечера въ десяти верстахъ отъ Мауерлшаня спустились мы, наконецъ, на Амноку.

Какъ и говорилъ Дишандари, мы увидѣли здѣсь китайскія шаланды, привезшія сюда соль съ устья Амноки. Соль темная, вываренная изъ морской воды, куплена нами по 80 коп. за пудъ.

Мѣстное же населеніе соль не покупаетъ, а вымѣниваетъ на бобы.

Лодки приплываютъ сюда по высокой водѣ и уплываютъ весной съ грузомъ хлѣба, каменнаго угля, а также и тайно намытаго золота.

Каменный уголь въ десяти верстахъ, тамъ же и желѣзная руда; золото по всѣмъ оврагамъ, но съ неособенно большимъ процентомъ содержимости. Уголь черный, разсыпчатый, по виду коксъ.

Лучшаго качества уголь внизъ по Амнокѣ, въ 30 верстахъ отсюда и 30 отъ берега, тамъ же и желѣзная руда.

Мѣдные рудники прежде разрабатывались китайскимъ правительствомъ, теперь брошены. Желѣзные рудники разрабатываютъ желающіе, производство мелкое—чугуно-плавильное.

Золото добываютъ хищники, по преимуществу хунгузы, которыхъ поэтому по всей Амнокѣ много. На горахъ у нихъ всегда стоитъ часовой, который, завидѣвъ какую-нибудь интересную добычу, вызываетъ выстрѣломъ товарищей.

Тогда они бросаютъ работу, берутъ ружья и идутъ на охоту, будь то звѣрь, человѣкъ—что судьба пошлетъ.

— Не возьмутся ли китайцы отвезти насъ къ устью Амноки?

— Нѣтъ, они пріѣхали сюда, чтобъ всю зиму торговать.

— Не продадутъ ли они свои суденышки?

— Одинъ согласенъ—500 долларовъ.

— У насъ нѣтъ такихъ денегъ.

— У нихъ есть лавка, есть пшеничная мука, китайскій сахаръ, свѣчи, капуста, картошка, лапша вязиговая, пряники.

Мы покупаемъ все, конечно.

Мука 4 рубля за пудъ, сахаръ—желтый песокъ—за фунтъ 50 коп., свѣчи сальныя 50 к. за фунтъ, маленькій пряникъ, никуда негодный—26 к., каменный уголь—50 к. за пудъ.

Цѣны, какъ видите, Кюба, но качество ниже всего, что только можно себѣ представить. Неудивительно, поэтому, что при грузкѣ въ 500 пудовъ туда, и 500 обратно они зарабатываютъ на лодку до тысячи рублей.

— Спросу нѣтъ—привозимъ мало и дорого беремъ.

Приходилось, очевидно, отказаться отъ мысли ѣхать на лодкѣ. Нечего дѣлать!

— Переправляйте въ такомъ случаѣ на корейскую сторону:

Переѣхали и было уже совсѣмъ темно.

Китаецъ проводилъ насъ въ ближайшую деревню Ходянби.

Услыхавъ шумъ, быстроногіе корейцы успѣли уже съ семьями и скотомъ убраться въ лѣсъ.

Вызывали, вызывали ихъ, клялись и увѣряли, что мы мирные люди.

Сперва молчали, потомъ показался одинъ, поговорилъ, что-то вскрикнулъ и десятки бѣлыхъ корейцевъ окружили насъ и радостно закивали головами.

— Это ихъ пудни (староста) надъ 500 фанзами.

Въ дамской бѣленькой кофточкѣ, дамской шляпѣ присѣдаетъ молодой пудни и предлагаетъ цѣлыхъ пять фанзъ къ нашимъ услугамъ.

Мы беремъ одну, спрашиваемъ, есть ли овесъ, куры, яйца, солома чумиза.

Все есть, и даже рисъ. Но капусты, картофеля, лука—нѣтъ.

Супъ изъ курицы и рисовая каша съ непріятно душистымъ китайскимъ сахарнымъ пескомъ.

— Корейцы любятъ араса.

— Араса любятъ корейцевъ.

— Если бы увѣдомили старосту, вся деревня встрѣтила бы высокихъ гостей.

Высокіе гости, грязные, какъ угольщики, благодарятъ, просятъ не безпокоиться и ложатся спать.

Опасность давно миновала, но солдаты при каждомъ ночлегѣ выбираютъ фанзу съ удобной позиціей.

Даже равнодушный ко всему Хаповъ, проѣзжая сегодня днемъ мимо одной фанзы, сказалъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ хорошая позиція,—мѣсто открытое.

8-го октября.

Сегодня дневка и переговоры съ китайцами относительно дальнѣйшей поѣздки на лодкѣ.

Вся корейская деревня на этотъ день переселилась къ нашей фанзѣ и, разсѣвшись, мирно смотрятъ на насъ; нѣкоторые занимаются своимъ дѣломъ. Одинъ старикъ подтачиваетъ ножичкомъ приспособленіе для пряжи, другой кореецъ, молодой, съ греческимъ лицомъ, съ соколомъ въ рукахъ, шелъ на охоту, да такъ и простоялъ около насъ почти весь день.

Староста тутъ же производилъ обычный судъ и расправу.

Я сначала не зналъ, въ чемъ дѣло, но когда привели одного интереснаго преступника, П. Н. вызвалъ меня во дворъ.

Староста сидѣлъ на корточкахъ; такъ же сидѣлъ и обвиняемый передъ нимъ,

Обвиняемый—чистенькій нарядный кореецъ, въ безукоризненномъ бѣломъ, въ дамской шляпкѣ, изъ подъ которой сквозитъ волосяная повязка—знакъ отличія, который надѣваетъ каждый, кто имѣетъ достаточно денегъ, чтобъ купить такую повязку.

Кстати сказать, здѣсь, въ Кореѣ, съ отличіями не церемонятся,—похвальные листы «Дишандари» «заслуженный стрѣлокъ» такъ поддѣлывать стали, что въ Новокіевскѣ открылась цѣлая фабрика ихъ.

Теперь и Дишандари, и почетная повязка больше не даются, но и поддѣльные листы покупаются, и повязки носятъ всѣ.

Молодой преступникъ обвиняется въ томъ, что, выкопавъ на китайской землѣ жень-шень, лучшій продалъ, а худшій только представилъ корейскому правительству.

Этотъ худшій экземпляръ въ той землѣ, гдѣ онъ росъ, во мху, былъ завернутъ въ лубокъ и лежалъ передъ старостой.

Говорятъ, жень-шень очень похожъ на ребенка. Тотъ, который я видѣлъ, имѣлъ дѣйствительно цвѣтъ кожи, но никакого сходства дальнѣйшаго съ человѣческимъ обликомъ не было: скорѣе узловатое тѣло уродливаго бѣлаго паука, величиной съ ладонь.

Надо замѣтить, что кореецъ, обвиняемый, постоянный житель Китайской имперіи.

Староста кричалъ пискливымъ голосомъ, ругалъ его рожденнымъ отъ дѣвушки, обвинялъ его въ государственномъ преступленіи и строжайшимъ образомъ, грозя передать его губернатору на казнь, требовалъ признанія.

Послѣ долгихъ настаиваній, въ виду запирательства обвиняемаго, ему связали сзади руки выше локтей и подвѣсили къ верхней перекладинѣ. Тѣло несчастнаго уродливо перегнулось, локти поднялись, лицо побагровѣло.

Предполагалось, вѣроятно, и дальнѣйшее, но я, боясь, не въ нашу ли честь усердствуетъ власть, просилъ при мнѣ не трогать преступника.

Его сейчасъ же и отвели въ тюрьму. Онъ ушелъ съ той же странной улыбкой, съ какой выслушивалъ всѣ крики старосты и переносилъ начало пытки.

— Спросите старосту, развѣ китайская земля принадлежитъ корейскому императору?

— Но онъ кореецъ.

— Но китайскій подданный.

— У него здѣсь братъ.

— А если и китайскій императоръ требуетъ доставлять жень-шень въ казну, то какъ же быть китайскому корейцу?

Староста смѣется:

— Не надо искать жень-шень.

— Какое наказаніе за утайку жень-шеня?

— Смертная казнь, но онъ, староста, надѣется, что пыткой и розгами добьется отъ него признанія, тогда возвратитъ корень и ничего не будетъ.

— Но если онъ дѣйствительно больше не нашелъ?

— Всѣ говорятъ, что нашелъ.

— Но почему же тогда онъ продалъ другимъ?

— Больше денегъ дали.

— Зачѣмъ же корейское правительство даетъ меньше, чѣмъ стоитъ вещь?

— Правительство требуетъ отъ насъ извѣстное количество женьшеня,—откуда же намъ взять? Мы давно его стерегли съ той стороны.

Какой-то возмутительный произволъ, недомысліе, ограниченность во всемъ этомъ законѣ, на которомъ зиждется между тѣмъ одна изъ крупныхъ статей государственнаго дохода.

В. В. и П. Н. цѣлый день хлопотали на счетъ лодки и въ концѣ концовъ въ трехъ верстахъ выше нашли старое гнилое суденышко, пять саженъ длины, $1^1/_4$ ширины за 65 долларовъ. Четыре китайца предложили свои услуги матросовъ за 50 долларовъ до Иджоу, на нашихъ харчахъ.

Торговались и уже выторговали все, что могли. Оставалось отдать только деньги.

Пошли всѣ на берегъ смотрѣть нашъ корабль. Форма его такая же, въ какомъ ѣздилъ Язонъ, Одиссей, да и величина не меньше. По краямъ кругомъ площадка, а кругомъ, высокая, въ три доски ограда. Внутри четыре отдѣленія, пятое на кормѣ для матросовъ.

Корабль нашъ окрашенъ въ черный полинявшій цвѣтъ и похожъ на гробъ. Мы назвали его бабушкой. Обѣщаютъ идти по 60 верстъ въ день. Вопросъ за лошадьми—поспѣютъ ли.

Остальной день проходитъ въ заготовленіи запасовъ.

Купили старую корову за 16 долларовъ: кожу, кровь и всѣ внутренности отдать хозяину.

Ужасный способъ ихъ бойни. Заботясь получить всю кровь, они рѣжутъ скотъ по частямъ. Сперва надрѣзываютъ шею и снимаютъ съ живой часть кожи на шеѣ, постепенно добираются до артеріи и перерѣзываютъ ее. Съ полчаса уже продолжалась экзекуція надъ несчастной связанной коровой, когда позвали меня и я приказалъ дорѣзать ее.

— Говорятъ еще не вся кровь вытекла.

— Рѣжьте.

Купили чумизы, на томъ берегу у китайцевъ картофеля, капусты, массу мелочей, не видныхъ, но въ общемъ дорогихъ,— топоръ, пилу, дровъ, рогожъ (рогожи, правда, прекраснаго качества, изъ соломы, 2 аршина — долларъ). А все вмѣстѣ съ лодкой, матросами, запа-

сами до 170 долларовъ, да расходъ на лошадей, которыя нужны будутъ отъ И-джоу до Портъ-Артура, а можетъ быть, и раньше понадобятся, если бабушка не выдержитъ, прыгая на перекатахъ по острымъ камнямъ.

10-го октября.

Второй день мы плывемъ на бабушкѣ. Ночевали въ ней-же. Принесли корейскую жаровню—глиняный горшокъ, наполненный углями, закрыли верхъ циновкой и было тепло. Но не безопасно. И вчера, и сегодня мы еще во владѣніяхъ хунхузовъ и, ложась спать, съ внутренней стороны мы обложили вещами бортъ шаланды, обращенный къ китайскому берегу.

До двѣнадцати часовъ ночи сегодня было мое дежурство. До десяти свѣтила луна, а потомъ, хотя и темная была ночь, но по водѣ отлично видно.

Да и лодки у хунгузовъ не было, чтобъ переѣхать, могли бы только стрѣлять, но въ бокахъ нашей шаланды и мы понадѣлали прорѣзовъ и теперь, укрытые шаландой, могли бы много зла имъ сдѣлать.

Вчера мы проѣзжали мимо одной китайской деревушки, на которую на прошлой недѣлѣ напали хунгузы; они обложили деревню 600 долларами, каковую сумму и выплатили жители...

Они собирались послѣ этого переправиться на корейскую сторону, когда пріѣхалъ за ними нарочный изъ Шанданьона.

Районъ той партіи мы уже проѣхали, но и районовъ другихъ партій много еще, да и прежніе могутъ насъ настичь еще, такъ какъ была дневка во-первыхъ, во-вторыхъ, Амнока извилиста и по водѣ длиннѣе, хотя и скорѣе.

Восходъ солнца былъ сегодня чудный.

Солнце еще за горами, и вездѣ и на всемъ сѣрыя разсвѣтныя тѣни, только въ расщелинѣ двухъ горъ въ облакахъ горятъ лучи невидимаго еще солнца. Свѣтъ не яркій и облака переливаютъ самыми нѣжными тонами. Точно картинка въ рамкѣ этихъ горъ самаго великаго художника-природы.

А затѣмъ и на рѣкѣ показалось солнце, сверкнули лучи и засвѣтилась рѣка, отражая разноцвѣтные камни своего мелкаго дна самыми причудливыми узорами,—вотъ фіолетовый, нѣжно-зеленый, розовый и все прозрачное, съ легкой дымкой начинающагося на водѣ утра. Дикій гусь взвился и рѣжетъ воздухъ и уже исчезаетъ въ далекой синевѣ горъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки, въ коричневомъ бархатѣ горъ тонутъ здѣсь и тамъ свѣтлыя полосы убранныхъ полей хлѣбовъ. На горахъ и подъ горами жилье: фанзы, фанзы. и фанзы. И много, много, если одна больше другой на аршинъ, полтора.

Сегодня утромъ изъ сосѣдняго села пришла толпа корейцевъ; ка-

кой-то старикъ принесъ десятокъ яицъ намъ въ подарокъ и записку. Въ этой запискѣ онъ привѣтствуетъ насъ и выражаетъ сожалѣніе о томъ, что такъ опасенъ нашъ путь по Амнокѣ.

Онъ въ длинномъ бѣломъ костюмѣ; его голова повязана какимъ-то бѣлымъ полотномъ, темное лицо, черные глаза, фигура библейская.

Тутъ же и толпа китайцевъ въ круглыхъ шапочкахъ съ крылышками, какъ изображаютъ Меркурія, съ бритыми лицами, очень часто съ типичными римскими лицами.

Мы передъ ними въ нашей, классическій стиль напоминающей, шаландѣ, мы современные аргонавты, и такимъ близкимъ кажется умчавшееся время древнихъ исторій, такимъ понятнымъ и простымъ кажется все то, что̀ дѣлалось, что̀ уже потомъ покрылось живописнымъ узоромъ временъ.

Старикъ не взялъ денегъ и я очень былъ радъ этому, иначе всю картинку эту испортилъ бы этотъ долларъ.

Прощайте, друзья, мы уже огибаемъ громадную гору, уже прыгаетъ шаланда между громадными камнями бѣлаго водопада и гигантъ китаецъ, нашъ молодецъ капитанъ, всей грудью налегаетъ на свой руль и кричитъ на гребцовъ. Стоя, наклонившись, налегаютъ они на весла и летимъ мы стремительно въ какую-то невѣдомую намъ даль.

Въ порывѣ лодки, въ мужественныхъ фигурахъ моряковъ-китайцевъ—сила, удаль и безпредѣльное спокойствіе.

Сказочникъ-кореецъ, миніатюрная фигурка, робко прижался въ углу каюты и, стоя съ широко-раскрытыми глазами, только смотритъ, что изъ всего этого выйдетъ. Это самый опасный перекатъ.

Ничего, мы уже промчались мимо бѣлой пѣны, клокочущей воды, острыхъ скалъ, и рѣжетъ бабушка подъ прямымъ угломъ воду, уходя отъ новой стерегущей насъ скалы.

Много шаландъ разбилось о нее. Но уже китайцы-матросы того берега, куда направляемся мы, и гдѣ стоятъ семь такихъ шаландъ, дружно и радостно кричатъ нашему капитану:

— Хо!

Что значитъ: хорошо.

А онъ, громадный уродъ въ косѣ, уже бросилъ руль своему помощнику и, присѣвъ на корточки, тѣшится, какъ ребенокъ, свисткомъ, который я подарилъ ему.

Потомъ полѣзъ въ свою каюту, принесъ рѣдьку и даритъ мнѣ.

Что передаетъ фотографія тамъ, гдѣ все въ тонахъ, краскахъ, фигурахъ, позахъ и выраженіяхъ?

И если меня, много видѣвшаго на своемъ вѣку, захватываетъ и поражаетъ эта жизнь младенческаго періода человѣчества, то изображенная на картинахъ, въ пластикѣ, развѣ она не поразила бы и не привлекла бы ту толпу, которая наполняетъ наши выставки?

А своеобразной нѣжностью и мягкостью здѣшнихъ тоновъ, какъ

въ природѣ, такъ и въ людяхъ, достигается непередаваемая прелесть, красота, очаровоніе ощущеній. Какая-то умиротворяющая, спокойная, какъ умчавшееся время, не надоѣдающая мелодія.

Иногда завоетъ что-то китаецъ и въ двухъ-трехъ нотахъ услышишь вдругъ этотъ окружающій насъ отовсюду ласкающій мотивъ.

А то услышишь вдругъ рѣзкій отголосокъ сѣвера, гдѣ бѣлый Пектусанъ, гдѣ вѣковая желтая равнина лиственницъ оттѣняетъ нѣжно-голубое небо, гдѣ красавица рѣка сверкаетъ и грохочетъ подъ землей, какъ громъ и молнія въ небѣ, гдѣ царство хунгуза, тигра и барса.

А день ясный, осенній пригрѣлся у этихъ горъ и слушаетъ шумъ воды, пѣсенку вѣтерка и скрипъ нашего суденышка.

Мы плывемъ и въ каждой каютѣ идетъ своя работа.

Бибикъ обѣдъ готовитъ, Хаповъ спитъ послѣ дежурства, В. В. съ китайцами, П. Н. выслушиваетъ сказки корейка, Н. Е. съ инструментами наноситъ контуры рѣки, горъ, притоковъ, измѣряетъ глубину рѣки и записываетъ названіе селъ.

Я веду свой барометрическій журналъ, занимаюсь англійскимъ языкомъ, веду дневникъ, записываю сказки.

Бесѣдинъ съ Таиномъ ведутъ лошадей сухимъ путемъ, а И. А. помогаетъ Н. Е. дѣлать промѣры. Что до китайцевъ, то они гребутъ и ѣдятъ за десятерыхъ. Всю провизію нашу съѣдятъ.

Иногда мы стрѣляемъ по уткамъ, гусямъ, во надо откровенно сказать, неудачно.

Что до меня, я всегда радъ промаху,—пусть улетаетъ скорѣе жаднымъ полетомъ, говорящимъ о жаждѣ и радостяхъ жизни.

Здѣсь, приближаясь къ югу, мало знаютъ «араса» и принимаютъ насъ за японцевъ. Впрочемъ, и тѣхъ никогда не видали.

11-го октября.

Вторая ночевка на водѣ. Я, впрочемъ, ушелъ въ фанзу и въ отношеніи удобства проигралъ: ночь была теплая и спать въ шаландѣ было хорошо. Въ фанзѣ же отъ горячаго пола было душно, кусали тараканы, плакалъ ребенокъ за перегородкой, стоналъ и кашлялъ девяносто-лѣтній старикъ.

Вчера, когда мы вошли въ фанзу, онъ сидѣлъ и ѣлъ. Онъ даже не повернулся къ намъ. Старое дряблое тѣло съ сохранившимся желудкомъ. Какъ величайшій мудрецъ и философъ, нашедшій истинную суть естества, или какъ безсознательное животное, онъ сидитъ передъ своей пищей, смотритъ на нее во всѣ глаза и жадно ѣстъ.

Я думалъ, что онъ глухъ, но сегодня утромъ, услыхавъ, что внукъ (сынъ его давно умеръ) продаетъ намъ курицу, прокряхтѣлъ:

— Курицу не надо продавать.

Со мной рядомъ спали китайцы, корейцы, по обычаю, голые; ихъ бронзовыя темныя тѣла покрыты милліонами таракановъ; иногда во

снѣ они дѣлаютъ сонное движеніе — слабую попытку избавиться отъ своихъ враговъ и опять спятъ богатырскимъ сномъ въ тяжелой душной атмосферѣ.

Вечеромъ набилась полная фанза корейцевъ. Говорили о политикѣ, о текущихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ...

Я повѣрялъ прежнія свѣдѣнія. Нѣкоторая разница уже чувствуется между южнымъ и сѣвернымъ корейцемъ. Южане тѣмнѣе, глаза строже, зажигаются огоньками, рѣчь быстрая, страстная...

Но также гостепріимны и благожелательны.

— Новое время идетъ, новая цивилизація входитъ въ Корею,— что жъ, надо жить, какъ другіе живутъ. Черезъ двадцать лѣтъ не узнаютъ насъ наши дѣды.

Не сомнѣваюсь, что разъ серьезно поставится вопросъ дальнѣйшей культуры корейца, способный народъ быстро наверстаетъ пройденный культурнымъ человѣчествомъ путь.

Будетъ ли лучше имъ?

Праздный вопросъ, на который не стоитъ отвѣчать. Думаю, впрочемъ, по мягкости характера кореецъ и въ культурѣ будетъ всегда во власти другихъ.

Сегодня утромъ наблюдалъ, какъ корейцы дѣлаютъ свою прическу.

Они чешутся разъ въ мѣсяцъ. Остальное время они, проснувшись, руками приглаживаютъ кверху свою прическу, туда къ макушкѣ, гдѣ она пишкой закручена. Болѣе франтоватые смазываютъ волосы масломъ, свареннымъ съ воскомъ, кладутъ въ масло ароматныя травы, по преимуществу гвоздику.

У каждаго корейца обязательно есть маленькое зеркальце, которое продаютъ разносчики-китайцы.

Не даромъ костюмъ корейца напоминаетъ костюмъ дѣвушки. Онъ и наряды любитъ, любитъ и въ зеркальце посмотрѣться, движенія его жественны, а проходя мимо женщины, онъ и совсѣмъ превращается въ какую-то дѣвушку.

А настоящая дѣвушка? Не красива, мала. У нея очень некрасивая и неграціозная походка съ какимъ-то выворачиваніемъ впередъ себя ногъ. Такъ ходятъ и богатыя, и бѣдныя,—очевидно такъ принято, это хорошій тонъ.

Въ шесть часовъ утра свѣту нѣтъ еще, но въ просвѣтѣ будущаго дня видно далеко...

Прозрачная стальная вода рѣки усиливаетъ свѣтъ и рельефнѣе подчеркиваетъ спрятавшійся другой берегъ. У сѣрой скалы пріютилась фанза, среди коричневыхъ и сѣрыхъ тоновъ зеленыя сосны взбираются вверхъ по скалѣ.

И все такъ рельефно въ этомъ полусвѣтѣ, какъ вырисованная до мельчайшихъ деталей картинка.

А тутъ же за поворотомъ новый перекатъ съ громадными камнями, вода бурлитъ, кипитъ и бѣшено несется у громадныхъ, отвѣсно навис-

шихъ надъ рѣкой скалъ и кажется, не рѣка уже это, а скалистый берегъ моря въ разгарѣ шторма, и нѣтъ спасенья попавшему сюда кораблю.

Наша бабушка танцуетъ на волнахъ, скрипитъ и жалуется на старость, молитъ о вѣчномъ покоѣ, но желѣзный колоссъ, нашъ капитанъ, гигантскимъ рулемъ съ страшной силой загребаетъ воду и заставляетъ и бабушку, и воду повиноваться себѣ, и извивается шаланда между то спрятавшимися подъ водой, то торчащими скалами.

Совсѣмъ близко подойдетъ къ береговой скалѣ, вотъ, кажется, подхватило и несетъ насъ и нѣтъ спасенья...

— Шкирво!

Несется рѣзкій, дикій окрикъ капитана и четыре китайца, какъ мчащіяся собаки съ прижатыми ушами, всѣ стоя, всей силой налегаютъ на весла и мчится вода, мчимся мы, мчатся всѣ эти изъ бронзы вылитыя статуи, фигуры матросовъ-китаицевъ.

А какъ добродушно, радостно, по-дѣтски смѣются они, когда опасность миновала, и подмигиваютъ намъ.

Это мужественные, сильные люди и они храбрѣе собратьевъ своихъ хунгузовъ. Тѣ дѣйствуютъ ночью и въ лѣсу, прячась за деревьями, эти при свѣтѣ дня грудь съ грудью схватываются безпрестанно съ опаснымъ и свободнымъ врагомъ. Врагъ, котораго любятъ, впрочемъ, больше друга.

— Тамъ въ И-джоу,—говорятъ они,—васъ повезутъ по морю на настоящемъ парусномъ суднѣ, саженъ въ десять. Тамъ матросы не намъ чета,—тамъ всегда надъ головой смерть.

Бытовая картинка: вверхъ по рѣкѣ толпа китайцевъ-матросовъ тянетъ шаланду. Ихъ человѣкъ двадцать, но издали это какіе-то клубочки. Всѣ они изогнулись и пригнулись къ рѣкѣ, упираясь ногами, хватаясь руками за камни почвы. Вся поза ихъ, натянутая, какъ струна, бичева говоритъ о крайнемъ ихъ напряженіи. Такъ будутъ они тащиться еще сто верстъ, дѣлая въ день по 5—6 верстъ, на каждомъ перекатѣ выгружая и нагружая снова шаланду.

Неудивительно, что пудъ муки послѣ этого стоитъ 4 р., а пудъ соли 80 к.

Такихъ матросовъ хозяева нанимаютъ по 40 долларовъ въ годъ.

Поднявшись къ мѣсту назначенія, они отправятся въ лѣса и тамъ будутъ готовить лѣсъ для сплава.

Весной шаланда, нагруженная хлѣбомъ, при двухъ-трехъ матросахъ безпрепятственно спустится по рѣкѣ, а остальные матросы пойдутъ на плотахъ.

И и у нихъ есть своя «дубинушка», короткая, заунывная. Слышатся сперва повышающіеся, затѣмъ спускающіеся съ замираніемъ звуки:

— Ганги! Эйлей-лей!

— Ганги! Эйлей-лей!

Что-то покорное, безнадежно-терпѣливое.

Тяжела жизнь корейца.

Съ виду, впрочемъ, мало это замѣтно, а на разстояніи даже получается отрадное впечатлѣніе.

Дѣйствительно, пріютилась красиво и уютно маленькая фанза; поля около нея. Счастливый кореецъ самъ хозяинъ своей земли, не знаетъ никакой круговой поруки, платитъ за десятину пашни 40 к. подати, да съ каждой фанзы 30 к., довольствуется своимъ, обходится безъ денегъ, самыя ограниченныя потребности свои—соль, зеркальце, тесемки, для нарядааго платья бумажную матерію—вымѣниваетъ на чумизу, кукурузу, рисъ, и счастливъ.

Но когда подойдешь поближе, то происходитъ нѣчто подобное тому, что мы видимъ на Пектусанѣ: издали—равнина, а спустишься—милліоны скрытыхъ, какъ западня, глубочайшихъ овраговъ.

Много такихъ овраговъ у корейцевъ,—рабство (въ голодные года родители продаютъ своихъ дѣтей), хунгузы, несправедливое, жаждущее взятокъ, ищущее только предлога, чтобы схватить провинившагося и начать мотать съ него жилы—его начальство, начиная отъ ничтожнаго пудни (староста), уже облеченнаго очень большими правами (розга, легкая пытка). И это каждаго, кто только провинится или подозрѣвается только въ преступленіи. А предразсудки старины, вяжущіе корейца по рукамъ и ногамъ!

За своими предками, святыми горами, имѣющими способность оплодотворять избранныхъ женщинъ, за всѣми этими драконами, куреями, тиграми, тысяченожками съ переселенными въ нихъ человѣческими душами, со всѣми своими тоинами (предсказателями), бонзами и ворожеями, съ убѣжденіемъ, наконецъ, что все дѣло въ томъ, чтобы удачнымъ выборомъ могилы найти, какъ кладъ, свое счастье, и тогда не надо ни образованія, ни ума, ни способностей,—всѣмъ этимъ, какъ веревками, опутанъ кореецъ уже много тысячелѣтій, за всѣмъ этимъ ничего онъ не видитъ, не слышитъ и слышать не хочетъ или не можетъ уже.

Это какое-то состояніе вѣчнаго дѣтства, вѣчныхъ сказокъ, того возраста, когда дѣти вѣрятъ еще въ сказки, когда ребенокъ смотритъ на каждаго и сомнѣвается—кто передъ нимъ: такой же, какъ онъ, обыкновенный житель земли, или пришлецъ иного міра.

Надо бѣжать отъ злого человѣка, злой горы, тигра, барса, начальства, господина, надо бояться всѣхъ и вся...

И вся прелесть этой первобытной жизни сводится, въ сущности, къ заячьимъ ногамъ.

Но это уже не человѣкъ, а заяцъ.

А возьмите года невзгодъ: года эпидемій безъ докторовъ, голодные года безъ путей сообщеній.

По истинѣ, надо быть свихнувшимся человѣкомъ, чтобъ въ этой первобытной идилліи находить какую бы то ни было прелесть...

А какая грязь, какія насѣкомыя...

Я уже не говорю о положенiи людей другой расы, привыкшихъ къ кое-какимъ удобствамъ и совершенно, какъ теперь мы, лишенныхъ ихъ.

А ужасная проказа: въ деревнѣ Ходянби, въ 500 фанзъ, 7 прокаженныхъ. Они живутъ вмѣстѣ съ остальными; эти остальные пьютъ съ ними, ѣдятъ. И такъ по всей той Кореѣ, которую я прошелъ.

А сколько калѣкъ, уродовъ, какая смертность!

Спросите въ каждой деревнѣ и вездѣ вамъ скажутъ или, что то же количество, что и прежде, народу живетъ теперь на свѣтѣ, или убавляется.

Убавленiе на сѣверѣ очевидно: брошенныя фанзы, деревни, упраздненные города, теперь жалкiя деревушки—на каждомъ шагу.

Одинъ большой оригиналъ нашего времени, больной недостаточной культурностью, говоритъ:

— Я ѣду отдыхать сюда отъ тяжести нашей культуры.

На вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ. Оригиналъ такимъ и останется, но все человѣчество не живетъ жизнью оригиналовъ.

Ему нужны безопасныя, обезпечивающiя его жизнь и потребности условiя существованiя, и никто не станетъ спорить, что гдѣ-нибудь въ Бельгiи они обезпеченнѣе, чѣмъ здѣсь.

Я, по крайней мѣрѣ, спасенный чудомъ отъ дикихъ хунгузовъ, не буду спорить и думаю, что уничтожить этихъ хунгузовъ можно только съ помощью общечеловѣческой культуры, и я думаю, что примѣръ здѣшней пятитысячелѣтней культуры, выработавшей людямъ маленькiя, отупѣвшiя головы и заячьи ноги—хорошiй примѣръ.

Оставимъ всѣ эти вопросы,—они раздражаютъ только.

Заблужденiе, какъ эпидемiи, горячечный бредъ, приходятъ и уходятъ. Горячечнаго не убѣдишь, а выздоровѣвшаго убѣждать не въ чемъ. Да и безобидны эти заблужденiя: не перемѣнятся законы жизни отъ того, что тотъ или другой желалъ бы такъ или иначе повернуть жизнь. Жизнь идетъ по своимъ законамъ и людьми достаточно прожито, чтобы при желанiи нельзя было уяснить себѣ истинный смыслъ этихъ законовъ.

Часа черезъ два послѣ встрѣчи съ китайцами-бурлаками мы уже сами бурлачили, таща нашу бабушку по каменистому мелкому перекату.

Китайцы, голые, въ водѣ, мы всѣ, захвативъ веревку, тащились, пригнувшись и напрягаясь по берегу.

Часа въ три протащили саженъ сто. Несчастные китайцы посинѣли, не смотря на весь свой бронзовый цвѣтъ, и щелкали зубами, какъ волки. Чѣмъ дальше, тѣмъ ниже и мельче рѣка. Такъ будетъ еще верстъ 50 до впаденiя большой рѣки справа.

Все тѣ же горы футовъ въ пятьсотъ, отдѣльныя, частью покрытыя желтой и красной листвой кустарника, виноградника, рѣдкаго, никуда негоднаго лѣса.

Крайне только рѣдко попадаются обнаженныя скалы и по преимуществу у обрывистыхъ береговъ.

Тогда вверхъ уходятъ каменистыя террасы, поддерживаемыя точно

колоннами; цвѣтъ этихъ скалъ сѣровато-розово-красно-темный. Косые лучи солнца просвѣчиваютъ ихъ и тогда кажутся онѣ, точно своимъ цвѣтомъ окрашенныя, прозрачныя.

Сегодня пришли на ночевку въ корейскую деревню Минтоцанкари и въ первый разъ встрѣтили негостепріимное отношеніе со стороны одной корейской фанзы.

П. Н. не только не впустилъ хозяинъ, но и ругался очень энергично. Его черные глаза съ красными бѣлками метали искры, онъ не говорилъ, а кричалъ, темный, черный, взбѣшенный.

— Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ: вы всѣ прокляты, другіе народы, я до сихъ поръ васъ не видѣлъ и не хочу никогда видѣть.

— Скажите ему, что мы пришли сюда не ссориться, что мы считаемъ корейцевъ братьями и до сихъ поръ вездѣ насъ встрѣчали гостепріимно, какъ слѣдуетъ встрѣчать гостей. Когда онъ къ намъ придетъ, мы встрѣтимъ его гостепріимно. А затѣмъ, оставьте его и спросите, кто желаетъ насъ принять.

— Всѣ желаютъ, кромѣ этого; его всѣ ругаютъ и извиняются; говорятъ, что онъ сулеи выпилъ.

Пришелъ какой-то старикъ и сталъ кричать на строптиваго хозяина фанзы.

— Что онъ кричитъ?

— Онъ упрекаетъ этого хозяина, что онъ до сихъ поръ полагающихся съ него дровъ не доставилъ для школы, а гостямъ умѣетъ грубить.

Хозяинъ послѣ этого ушелъ къ себѣ и мы больше не видѣли его.

Деревушка въ восемь дворовъ, а школа есть.

Конечно, школа—это еще только звукъ пустой.

Школа и школа. Татары и корейцы тысячелѣтія обучаютъ въ своихъ школахъ, да толку мало. Чему учить и какъ учить?

— Чему учатъ въ школахъ?

— Женской грамотѣ, древнимъ словамъ, какъ почитать предковъ, небо, адъ, святыя горы.

— А знаніе, ремесло даютъ въ этихъ школахъ?

Что-то такое заговорили: бурумъ, бурумъ, бурумъ. Смѣются.

Смѣется и П. Н.

— Ничего этого, говорятъ, нѣтъ у насъ.

Я вспоминаю нашего предводителя дворянства Чеботаева, онъ то же настаиваетъ, что школа должна обучать древне-славянскому церковному пѣнію, но отнюдь не оскверняться разными ремеслами и знаніями: для какого-нибудь англичанина-туриста слова нашего Чеботаева такъ же звенятъ въ его ухѣ, какъ въ моемъ звенятъ эти безнадежно-добродушные бурумъ, бурумъ, бурумъ... Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Новый романъ Зола «Плодовитость» («La Fécondité»).—Грубая тенденціозность этого романа.—Крайняя нехудожественность пріемовъ.—Мелкая и пошлая критика Зола и его полное непониманіе общественныхъ причинъ вырожденія Франціи.—«Встрѣча», повѣсть г. Потапенко.—Интересные типы молодого поколенія, намѣчаемые авторомъ.—Произведеніе г. Михайловскаго «Изъ романа «Карьера Оладушкина».—«Маруся», разсказъ г. Короленко.

Новое произведеніе Зола, какъ и всѣ его прежнія послѣдняго періода, цѣликомъ тенденціозное, и въ этомъ отношеніи оставляетъ за флагомъ все, что имъ написано ранѣе. Если и прежде идея, которою задается авторъ, красною нитью проходила черезъ романы Зола, то во всякомъ случаѣ она болѣе или менѣе умѣло переплеталась съ художественнымъ изображеніемъ жизни. Художественность сильно страдала отъ этого, но не подавлялась окончательно, до полнаго почти уничтоженія. Въ каждомъ его романѣ, даже наименѣе удачномъ, въ родѣ «Парижъ» или «Римъ», можно было указать прекрасныя страницы, полныя яркихъ описаній жизни, отмѣтить блестящія характеристики и смѣлыя обобщенія.

Совсѣмъ не то его послѣднее произведеніе «Плодовитость», которое не столько романъ, сколько соціологическій трактатъ по вопросу, очень важному для Франціи и мало затрогивающему интересы другихъ народовъ. Это чисто французское дѣло, рѣчь идетъ все время о замѣчательномъ фактѣ вырожденія цѣлой націи, численный ростъ которой не только остановился во второй половинѣ текущаго столѣтія, но началъ падать и съ каждымъ годомъ все сильнѣе. Для Франціи возникаетъ грозный вопросъ, что дѣлать, чтобы предотвратить несомнѣнное вымираніе націи? Въ романѣ этотъ вопросъ трактуется авторомъ какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и весь романъ есть только иллюстрація различныхъ сторонъ его и разныхъ причинъ, его обусловливающихъ.

Въ сущности и романа нѣтъ никакого. Нѣтъ ни объединяющей фабулы, ни завязки, ни развязки, а рядъ грубо скомпонованныхъ отдѣльныхъ исторій, нанизанныхъ на общую тему—вырожденіе и борьба съ нимъ. Съ одной стороны въ общую кучу свалены исторіи разныхъ представителей всѣхъ классовъ и сословій, употребляющихъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ дѣтей, съ другой—имъ противопоставляется исторія добродѣтельной, здоровой и счастливой семьи, истиннаго олицетворенія плодовитости. Матье Фроманъ, счастливый мужъ и семьянинъ, является представителемъ всѣхъ здоровыхъ началъ жизни какъ частной, такъ и общественной, и устами его то и дѣло говоритъ самъ авторъ. Послѣднее обстоятельство очень важно. Оно обнаруживаетъ, помимо нехудожественности самого пріема, удивительную слабость мысли Зола и неумѣніе его разобраться въ фактахъ, подмѣченныхъ авторомъ очень вѣрно и освѣщаемыхъ каждый въ отдѣльности правильно.

Зола представляетъ самъ по себѣ очень характерное для французской буржуазіи явленіе, въ которомъ съ рѣдкой яркостью отразилось вырожденіе этого

класса и его полная неспособность къ дальнѣйшей эволюціи. Онъ видитъ зло, понимаетъ его, смѣло смотритъ ему въ глаза, но какъ только дѣлаетъ попытку къ его устраненію, сейчасъ же сказывается отсутствіе силы для борьбы съ нимъ, и Зола начинаетъ повторять банальныя мысли, даже не замѣчая ни противорѣчій, ни устарѣлости своихъ совѣтовъ. А между тѣмъ Зола—одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ умовъ Франціи, безупречный борецъ за правду, готовый доводить ее до всѣхъ логическихъ заключеній, не опасаясь никакихъ крайностей. На его примѣрѣ можно выяснить, насколько каждый изъ насъ мыслитъ не какъ самостоятельная, критически относящаяся ко всему личность, а какъ соціальная единица, всѣми фибрами существа своего связанная со средой, со своимъ классомъ, съ временемъ и мѣстомъ. Зола—представитель французской буржуазіи, правда, лучшей ея части, самой просвѣщенной и передовой, считающей въ своихъ рядахъ интеллигенцію Франціи. Эта высоко просвѣщенная буржуазія, проникнутая всецѣло принципами 89-го года, готовая на каждомъ шагу отстаивать дорогія ей права гражданина и человѣка, что она и доказала недавно въ дѣлѣ Дрейфуса,—тѣмъ не менѣе, не въ силахъ перешагнуть за тотъ магическій кругъ мысли, который создается условіями ея экономическаго быта. Зола смѣлѣе и искреннѣе другихъ, но и онъ бродитъ все время на окраинѣ круга, колеблющійся и сомнѣвающійся, но недостаточно сильный, чтобы перешагнуть за эту окраину и взглянуть на жизнь современной Франціи съ другого берега, гдѣ тотъ же вопросъ о размноженіи разсматривается пролетаріатомъ, или лучше сказать—переживается имъ.

Матье Фроманъ стоитъ на рубежѣ между обоими классами. Онъ—техникъ и очень искусный чертежникъ-механикъ, создающій проекты новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ для завода своего родственника Бошена, крупнаго капиталиста-фабриканта, на двоюродной сестрѣ котораго онъ женатъ. У него прелестная жена, здоровая и сильная, мать уже пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ живы четверо. Это обиліе дѣтей послѣ восьмилѣтняго брака вызываетъ постоянныя насмѣшки и даже укоры со стороны другихъ родственниковъ, несравненно болѣе обезпеченныхъ, чѣмъ Матье. Въ такой чрезмѣрной плодовитости они усматриваютъ крайнюю безпечность Матье и его жены, которые плодятъ «нищихъ», не задумываясь о будущности своей и своихъ дѣтей. Бошенъ и его жена, напротивъ, всю свою гордость полагаютъ въ томъ, чтобы удесятерить свое имущество и передать его единственному сыну нераздѣленнымъ, потому что для нихъ все значеніе и смыслъ жизни въ богатствѣ. Если бы у нихъ было нѣсколько дѣтей, это богатство пришлось бы дѣлить и этимъ ослабить его силу, и они твердо рѣшаются не имѣть больше дѣтей. Мать въ особенности настойчива и даже снисходительно относится къ мужу, который на сторонѣ ищетъ удовлетворенія своимъ супружескимъ инстинктамъ. Ихъ мѣщанская грубая философія, сводящая все къ низменнымъ цѣлямъ, въ основѣ которыхъ лежатъ деньги, деньги и деньги, мало смущаетъ Матье.

«Вопросъ о рождаемости дѣтей казался ему самымъ страшнымъ и грознымъ изъ всѣхъ соціальныхъ задачъ въ качествѣ основного вопроса, рѣшающаго судьбы міра и человѣчества. Прогрессъ обусловливался каждый разъ избыткомъ рождаемости. Если народы подвергались процессу умственнаго и нравственнаго развитія, вызывавшаго ростъ цивилизаціи, то потому лишь, что сами плодились и множились, разселяясь затѣмъ по лицу земли. Грядущій прогрессъ, долженствующій привести къ торжеству истины и справедливости, несомнѣнно будетъ вызванъ постоянно усиливающимся напоромъ численнаго перевѣса, порождаемаго плодовитостью неимущаго рабочаго люда. Матье не высказывалъ себѣ всего этого въ столь опредѣленной формѣ и даже нѣсколько стыдился того, что обзавелся уже четырьмя дѣтьми. Его смущали совѣты Бошеновъ, практическое благоразуміе которыхъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію,

по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія личнаго эгоизма. Противъ нихъ, однако, боролась у него вѣра въ жизнь и въ то, что возможно большее количество жизни должно повлечь за собою соотвѣтственное увеличеніе счастья. Каждое живое существо, не исключая и человѣка, родится лишь для того, чтобы создавать жизнь, передавать ее и распространять возможно болѣе въ лицѣ своихъ потомковъ».

Однако, такая упрощенная философія, основанная болѣе на инстинктѣ, чѣмъ на сознаніи своихъ общественныхъ обязанностей, начинаетъ колебаться по мѣрѣ того, какъ авторъ заставляетъ своего героя сталкиваться съ разными противниками спасительности его идеи плодовитости. На ряду съ представителями богатой высшей буржуазіи, тѣхъ же идей объ ограниченіи дѣторожденія держится и слѣдующій слой мелкой служилой буржуазіи, которая сокращеніемъ числа дѣтей думаетъ улучшить свое матеріальное положеніе. Представителемъ этого слоя является бухгалтеръ Моранжъ и его семья. Далѣе идетъ аристократія и представители умственныхъ интересовъ, литературы и искусства, которые проповѣдуютъ то же, что Бошены и Моранжи, во имя высшихъ интересовъ, находя плодовитость чѣмъ-то низменнымъ и унизительнымъ для человѣка. Сильное впечатлѣніе на бѣднягу Матье производитъ споръ на эту тему между нимъ и писателемъ Сантерромъ, моднымъ романистомъ, поставляющимъ утонченную и развратную литературу для пресытившихся и отупѣвшихъ верхнихъ слоевъ буржуазіи и родовитой аристократіи. Сантерръ, развратникъ и пессимистъ, щеголяющій своимъ мрачнымъ отношеніемъ къ жизни, которую въ сущности очень и очень одобряетъ и гдѣ можно пользуется ея благами «до-сыта», «до отвала». Его пріятель Сегенъ, богачъ, корчащій изъ себя философа во вкусѣ Нитше, тоже нападаетъ на плодовитость, какъ свойство неразвитыхъ и грубыхъ натуръ. Оба въ одинъ голосъ твердятъ, что парижане, ограничивая число дѣтей до minimum'а, поступаютъ такъ не только изъ благоразумія, но и потому, что «Парижъ хочетъ остаться самимъ собой именно потому, что онъ самый интеллигентный и наиболѣе цивилизованный городъ». «Поймите же,—пытаются они убѣдить Матье,—что цивилизація, создавая новыя наслажденія, изощряя умы и открывая имъ новыя поприща дѣятельности, благопріятствуетъ отдѣльной личности въ ущербъ племени. Чѣмъ болѣе цивилизуются народы, тѣмъ менѣе они рождаютъ дѣтей. Мы, французы, идемъ впереди другихъ народовъ, и потому пришли первые къ практической мудрости, избавляющей страну отъ безполезнаго и вреднаго избытка плодовитости. Такимъ образомъ, мы подаемъ всему цивилизованному міру высоконравственный примѣръ разсудительной сдержанности. Весь міръ, безъ сомнѣнія, будетъ слѣдовать этому примѣру, когда народы станутъ достигать каждый въ свою очередь одинаковой съ нами степени совершенства».

Такое quasi-философское обоснованіе уменьшенія дѣторожденія вызываетъ въ мысли Матье полный сумбуръ и смущаетъ его до такой степени, что онъ и самъ начинаетъ колебаться, правильно ли поступаетъ онъ и его жена, слѣдуя голосу природы и повинуясь своей любви? Не разумнѣе ли всѣ эти богатые и бѣдные буржуа, аристократы и умники, которые ставятъ себѣ цѣлью не увеличеніе человѣчества, а достиженіе возможно большей суммы наслажденій? Весь Парижъ представляется ему кипящимъ жаждой наслажденій, и онъ самъ почти готовъ отказаться отъ своей прежней чистой и здоровой семейной жизни и отдаться общему теченію. Его удерживаетъ не столько голосъ благоразумія и чести, сколько смутный страхъ предъ этой грязной волной разнузданныхъ страстей, въ которой, ему представлялось, погруженъ весь Парижъ. Нарисовавъ съ обычнымъ талантомъ картину опьяняющей парижской ночи, Зола разражается патетической тирадой противъ человѣчества, которое одно во всей природѣ нарушаетъ сознательно ея законы и губитъ несчетное количество жизней

*

безъ всякаго разумнаго основанія, единственно ради наслажденій. Вся тирада проникнута пантеистическимъ благоговѣніемъ къ силамъ природы и ея разумности. но обнаруживаетъ въ авторѣ поразительно слабое пониманіе соціальныхъ условій жизни, которыя и создаютъ эту утонченность разврата однихъ и, грубое пренебреженіе въ другихъ классахъ общества. Правильно отрицая философію, образчики которой приведены выше, Зола ничего не можетъ придумать въ отвѣтъ, кромѣ этого воззванія къ благодѣтельной матери-природѣ.

Матье, потрясенный и возбужденный, бѣжитъ къ себѣ, домой, въ уединенный уголокъ вблизи Парижа, по нашему на дачу, гдѣ онъ устроилъ свою семью, и сгоряча начинаетъ убѣждать и жену въ необходимости ограничить число дѣтей. Къ счастью для него, здоровая и чистая натура жены возмущается его разсужденіями, и Матье также быстро впадаетъ въ оптимизмъ, какъ раньше въ пессимизмъ. Зола не даетъ себѣ никакого труда обосновать эти рѣзкіе переходы въ психикѣ героя и снова воспѣваетъ гимнъ природѣ, которая въ лицѣ жены Матье, Маріанны, одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ разсудкомъ, всегда склоннымъ къ увлеченіямъ въ сторону эгоизма.

«Дѣти росли обильнѣе всего на почвѣ нужды и невѣжества. Матье находилъ, однако, теперь этотъ соціальный фактъ зависящимъ преимущественно отъ условій общественной среды, въ которой онъ происходитъ. Нужда вызывается скудоуміемъ и несправедливостью. Ошибочно было бы возлагать отвѣтственность за нее на нашу кормилицу-землю, которая, при надлежащемъ разумномъ уходѣ, могла бы прокормить и вдесятеро болѣе многочисленное населеніе. Несомнѣнно, что желательнѣе имѣть десять тысячъ счастливцевъ, чѣмъ сто тысячъ несчастливцевъ, но позволительно спросить, отчего эти сто тысячъ несчастныхъ, которыхъ признаютъ теперь лишними, не могли бы потрудиться надъ расширеніемъ жизненнаго поприща, чтобы заручиться каждому такимъ же счастьемъ, какъ и десять тысячъ привилегированныхъ, эгоистическое благополучіе которыхъ хотѣли обезпечить ограниченіемъ силы природы?»—и Матье, восторженный и умиленный, примиряется съ своей жизнью, а Зола награждаетъ его за это дюжиной дѣтей.

Но всѣ остальные персонажи романа, устроившіе себѣ жизнь наперекоръ стихіямъ, жестоко преслѣдуются авторомъ, который на каждаго изъ нихъ обрушиваетъ рядъ бѣдствій. Единственный сынъ у Бошеновъ умираетъ, семья ихъ разстраивается, у Сегена происходитъ скандалъ, въ результатѣ котораго супруги разводятся и т. д.

Только одинъ Матье процвѣтаетъ, и это одинетвенный случай у Зола, когда добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Матье бросаетъ фабрику и по авторскому велѣнію превращается изъ механика-чертежника въ заправскаго земледѣльца, удивительнымъ и непостижимымъ образомъ превращающаго пустырь въ золотое дно, гдѣ поля золотятся пшеницей, неисчислимыя стада бродятъ. никѣмъ не хранимыя, а его дюжина дѣтей плодится и множится, и подъ бокомъ развратнаго Парижа расцвѣтаетъ аркадская идиллія.

Мораль отсюда такова, что надо бросить большіе города и вернуться на лоно природы, гдѣ пусть каждый обрабатываетъ садъ свой, по старинному завѣту доктора Панглосса. Правда, есть и на солнцѣ пятна, и такимъ пятномъ является сосѣдъ Матье, прирожденный крестьянинъ Лепельеръ, который не хуже парижанъ придерживается идеи ограниченія дѣторожденія и всѣми помыслами стремится вырвать своего сына изъ деревни и пересадить его въ городъ, чтобы создать ему лучшую судьбу. Но это пятнышко авторъ легко обходитъ. Когда не будетъ городовъ, соблазняющихъ крестьянъ, некуда имъ будетъ переселяться, и все придетъ въ норму. А между тѣмъ это пятно, въ видѣ крестьянина Лепельера съ его городскими вожделѣніями, могло бы затемнить всю идиллію автора, если бы онъ обратилъ вниманіе на фактъ, вполнѣ установленный те-

перь, что именно сельскія общины во Франціи страдаютъ отъ вырожденія. Единственный приростъ Франціи даютъ большія города, именно крупные фабричные центры, безъ которыхъ Франція быстро вымерла бы. Только эти центры уравновѣшиваютъ убыль населенія въ деревняхъ, гдѣ буржуазныя тенденціи къ сокращенію дѣтей прочно укоренились и даютъ теперь блестящій результатъ въ видѣ вымиранія деревенской Франціи. Слѣдовательно, лоно природы также мало вліяетъ на нравы въ этомъ отношеніи, какъ и городской развратъ.

Противопоставленіе человѣка и природы, назойливо проводимое Зола черезъ весь романъ, доводитъ идею автора до комизма, какъ, напр., въ описаніи благополучія семьи Матье. Отъ этого вся положительная сторона романа страшно теряетъ въ глазахъ читателя. Вмѣсто умнаго и талантливаго наблюдателя, предъ нами еще одинъ утопистъ, закрывающій глаза на текущую дѣйствительность и думающій увлечь читателя миражемъ. Благодаря слабости положительной части романа, много проигрываетъ и обратная сторона, гдѣ авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла рисуетъ картины парижскихъ нравовъ. Получается невѣрное освѣщеніе и подрывается довѣріе къ автору, хотя несомнѣнно въ той части, гдѣ Зола съ свойственнымъ ему мастерствомъ выводитъ рядъ отрицательныхъ типовъ, много горькой правды, имѣющей значеніе не для одного Парижа. Избіеніе младенцевъ, практикуемое тамъ тысячью легальныхъ и нелегальныхъ способовъ, составляетъ характерную черту нравовъ современной городской жизни, на что указываетъ статистика смертности дѣтей въ большихъ городахъ всей Европы, въ томъ числѣ и нашихъ. Но впечатлѣнію отъ отрицательной части романа много мѣшаетъ нехудожественность построенія всего романа. Безчисленныя печальныя исторіи. имъ разсказываемыя, не слагаются въ общую картину жизни, какъ это мы видимъ въ другихъ произведеніяхъ Зола, напр., «Парижъ». Это послѣднее произведеніе, при всѣхъ крупныхъ недостаткахъ, даетъ превосходно нарисованную, выдержанную до мелочей картину упадка высшей французской буржуазіи. Въ «Плодовитости»—ничего подобнаго. Авторъ водитъ насъ по разнымъ притонамъ, гдѣ порокъ создалъ себѣ ремесло изъ дѣтоубійства, по альковамъ и спальнямъ, гдѣ въ тиши совершаются омерзительнѣйшія дѣла, по больницамъ и докторскимъ кабинетамъ, гдѣ науку дѣлаютъ участницей преступленія. Но все это,—не художество, а иллюстраціи къ разнымъ положеніямъ автора, которыя торчатъ, какъ шесты съ соотвѣтствующими надписями.

«Плодовитость» можетъ интересовать развѣ съ одной лишь точки зрѣнія, какъ отраженіе нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго настроенія во Франціи, гдѣ дѣйствительно вопросъ о вырожденіи является однимъ изъ самыхъ грозныхъ современныхъ вопросовъ. Зола его не разрѣшаетъ, но натискъ, съ которымъ онъ его представляетъ вниманію большой публики, несомнѣнно окажетъ свое вліяніе.

Недавно намъ приходилось говорить о романѣ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ неудачную попытку дать характеристику «второго поколѣнія» и вмѣсто характеристики даетъ рядъ каррикатуръ, хотя и съ добрыми намѣреніями. Предъ нами теперь новое произведеніе, гдѣ опять фигурируетъ молодое, тоже «второе» поколѣніе, именно въ новой повѣсти г. Потапенко «Встрѣча», печатающейся въ «Рус. Мысли». И нужно признать, что авторъ съумѣлъ намѣтить нѣсколько типовъ изъ этого поколѣнія и очень интересно намѣтить.

За г. Потапенкой утвердилось мнѣніе, какъ объ авторѣ, слишкомъ много пишущемъ и потому поверхностномъ. Намъ уже случалось говорить, насколько подобное мнѣніе слишкомъ огульно и вообще несправедливо, и насколько обвиненіе въ многои скорописаніи, развѣ только въ сравненіи съ малописаніемъ другихъ извѣстныхъ беллетристовъ, можетъ быть допустимо и то лишь до извѣстной степени На самомъ дѣлѣ авторъ, дающій одно большое произведеніе въ годъ, только у·

насъ, при извѣстной малой продуктивности русскихъ, можетъ считаться чѣмъ-то особеннымъ, изъ ряду вонъ выходящимъ. На Западѣ это считается явленіемъ общимъ, что беллетристы, какъ, напр., Зола изъ живущихъ нынѣ, даютъ ежегодно по большому тому, который никому не кажется превосходящимъ силы автора, или истощающимъ его талантъ. Если же оставить въ сторонѣ этотъ обычный упрекъ по адресу г. Потапенки,—за нимъ остается несомнѣнное и очень цѣнное для беллетриста достоинство—умѣнье затрогивать всегда живыя и жизненныя темы. Припомнимъ, хотя бы, его «Любовь» или «Смертный бой», въ которыхъ были развиты очень важные и глубоко реальные вопросы, способные волновать и вызывать живѣйшіе споры, именно вопросы о самостоятельности женщины, о ея правѣ на жизнь, какъ вполнѣ свободной личности. Въ названныхъ произведеніяхъ особую цѣнность имѣла оригинальная постановка самыхъ вопросовъ, не шаблонное развитіе ихъ и новое отношеніе къ нимъ автора.

Въ новой повѣсти г. Потапенко также оригинально и по своему обрисовываетъ современные типы молодежи. Повѣсть начинается живымъ и крайне характернымъ разговоромъ между отцомъ и сыномъ. Этотъ діалогъ сразу вводитъ насъ въ центръ вопроса объ отношеніяхъ между двумя поколѣніями, изъ которыхъ одно сходитъ со сцены, другое еще готовится вступить въ жизнь. Отецъ, именитый и важный чиновникъ, съ нѣсколько либеральнымъ оттѣнкомъ мнѣній, задѣваетъ за живое юношу-студента упрекомъ въ равнодушіи, въ безразличіи, въ холодномъ отношеніи къ жизни. Въ словахъ отца собраны тѣ общія обвиненія, которыя такъ щедро сыплются на голову современнаго поколѣнія. На ироническое замѣчаніе сына, что отъ горячихъ словъ никому не становится теплѣе, отецъ разражается дифирамбомъ въ честь старшаго поколѣнія, которое, по его словамъ, умѣло чувствовать, кипѣло и волновалось. «Въ наше время шла борьба за права человѣка въ высшемъ значеніи этого слова. Наше поколѣніе вело отчаянную борьбу, отстаивало права народа, потому что у народа тогда еще были живые враги, у которыхъ вырвали кусокъ изъ-подъ носа. Наше поколѣніе добивалось большого. очень большого, что даже и ему было не подъ силу. Наше поколѣніе, можетъ быть, заблуждалось, но оно шло на проломъ, грудью... Вотъ хоть бы твой дядя Григорій Петровичъ, вспомни-ка его судьбу, вспомни, чѣмъ онъ пожертвовалъ. Не даромъ у насъ было знамя и на этомъ знамени было написано: сѣйте разумное, доброе, вѣчное! Вотъ что такое было наше поколѣніе!» Но эта горячая тирада не оказываетъ никакого вліянія на студента, и потомъ на единѣ съ сестрой онъ поясняетъ, почему всѣ эти горячія слова ни мало его не волнуютъ.

Онъ беретъ формулярный списокъ отца, случайно попавшій ему въ руки, и холодно комментируетъ роль отца въ этой «борьбѣ», о которой тотъ такъ пылко вспоминалъ.

« — Ты понимаешь, Надя, — говоритъ онъ сестрѣ, — въ чемъ тутъ дѣло? Слова-то какія хорошія! Все самыя лучшія слова: огонь, честность, пылъ, душа, народъ, права человѣка, доброе, разумное, вѣчное... И они такъ *затаскали* эти слова, что совѣстно пользоваться ими. Они обокрали насъ... Ахъ, если я позволяю себѣ говорить такія грубыя слова, такъ, значитъ, у меня уже дошло до этого... Ты пойми, я теряюсь... Люди, на которыхъ я смотрѣлъ какъ на какихъ-то полубоговъ, вдругъ оказываются нищими, укравшими у кого-то богатыя одежды и нарядившимися въ нихъ... Отецъ... Развѣ онъ одинъ? А этотъ профессоръ съ длинными волосами, мѣтящій въ высокія сферы и сдѣлавшій своимъ конькомъ затрапезныя рѣчи... Когда подаютъ шампанское, онъ встаетъ и начинаетъ деревяннымъ голосомъ жевать бездарную жвачку и жуетъ ее полчаса. Но вотъ онъ чувствуетъ, что пора кончить, тогда онъ призываетъ на помощь два десятка честныхъ словъ, всегда готовыхъ къ его услугамъ,

возвышаетъ голосъ, выпаливаетъ ихъ съ поддѣльнымъ жаромъ, искусственно выпучиваетъ глаза въ знакъ энтузіазма и безсмысленно выкрикиваетъ: честность, трудъ, поколѣніе борцовъ, права человѣка! И бьетъ себя въ грудь и на стѣну лѣзетъ... И ему кричатъ ура, апплодируютъ, онъ всѣмъ протягиваетъ объятія въ знакъ братства народовъ... А въ то же время лазаетъ по канцеляріямъ, выхлопатываетъ себѣ разныя льготныя пенсіи и устраиваетъ свои дѣлишки... И всѣ эти господа, дружески, запросто посѣщающіе кабинетъ отца, всѣ они ѣздятъ на однихъ и тѣхъ же словахъ, всѣ они никогда ничѣмъ не рискнули, не пожертвовали, все это дѣлали за нихъ другіе, а они, въ минуту, когда требовались отъ нихъ рѣшительныя доказательства, брали отпуски и ѣхали въ Монте-Карло проигрывать прогонныя деньги... А, да что говорить! Вотъ эта тетрадь...»—и онъ беретъ формуляръ отца и читаетъ изъ него отрывки: «Вотъ: въ 1865 г. герой этой канцелярской поэмы,—будемъ такъ называть его,—кончилъ университетъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, и тогда же поступилъ на службу... Карьера пошла быстро... Въ 1871 г. онъ уже товарищъ прокурора. Но затѣмъ для пользы службы и согласно собственному желанію, его перевели въ вѣдомство министерства финансовъ. Тутъ дѣло пошло быстрѣе. Въ 1875 г. онъ уже управляетъ казенной палатой въ губернскомъ городѣ... Въ 1879 его перевели въ Петербургъ, а потомъ... потомъ онъ получаетъ свой теперешній постъ... Припомни, что было съ гордостью сказано сегодня за обѣдомъ: «въ наше время боролись за права человѣка въ высшемъ значеніи этого слова... мы вели борьбу, мы отстаивали права народа... Мы шли на проломъ, мы сѣяли разумное, вѣчное»... Вотъ какія слова. А записано это такъ: за успѣшное завершеніе податныхъ затрудненій—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Подати нужны. Безъ нихъ у государства не будетъ денегъ, и за это отличаютъ наградой. Я ничего не имѣю противъ награды,—но гдѣ же тутъ разумное, доброе, вѣчное? Мы жили въ деревнѣ въ прошломъ году, и къ намъ часто ѣздилъ становой приставъ. Онъ тоже выколачивалъ недоимки, это—его обязанность. Такъ онъ не только не говорилъ, что сѣетъ разумное, доброе, вѣчное, а напротивъ, разъ десять повторилъ мнѣ: прескверная наша обязанность, Сергѣй Валерьяновичъ! Если бы не семейство, такъ бросилъ бы и пошелъ хоть въ писцы къ мировому судьѣ. Это я понимаю. Коли обязанъ, дѣлай, но не говори красивыхъ словъ».

Эта жестокая отповѣдь дышетъ искренностью и правдой, и разочарованіе въ значеніи красивыхъ словъ, которое переживаетъ студентъ въ повѣсти г. Потапенки, обще многимъ изъ его товарищей и сверстниковъ. Въ результатѣ—та сдержанность, которую многіе принимаютъ за равнодушіе и безчувствіе, но которая говоритъ скорѣе объ извѣстной стыдливости чувства, объ опасеніи, чтобы слова и у нихъ не оказались только слова, разъ нѣтъ полной увѣренности, что за ними послѣдуетъ и дѣло. Сергѣй, по его выраженію, «борется со словами». Его мучитъ противорѣчье, которое онъ видитъ на каждомъ шагу между словами и дѣломъ, и онъ страстно мечтаетъ о жизни, въ которой слово сливалось-бы съ дѣломъ. Судьба сталкиваетъ его съ дѣвушкой незауряднаго типа, которая также пытается вырваться изъ пошлой житейской обстановки, гдѣ внѣшности отдано все и ничего нѣтъ внутри, ничего существеннаго, настоящаго, своего. Она, какъ и студентъ, желаетъ добиться чего-либо своего, во что стоило-бы вѣрить и за что стоило-бы бороться. «Насъ заставляютъ вѣрить въ людей, которые не внушаютъ вѣры, и мы должны сами, во что-бы то ни стало, отыскать для себя то, во что надо вѣрить».

Бодростью и силой вѣетъ отъ этихъ словъ, подъ которыми чувствуется горячая жажда правды, и какъ далеко это отъ разочарованія или равнодушія! Первый шагъ въ направленіи къ собственной выстраданной правдѣ уже сдѣланъ, когда люди разрушаютъ свои старыя иллюзіи и спокойно отворачиваются

отъ старыхъ «полубоговъ», какъ герой повѣсти. Авторъ очень вѣрно подмѣтилъ характерную для современнаго молодого поколѣнія черту, это недовѣріе къ пышнымъ словамъ и пылкимъ рѣчамъ, наряду съ скептическимъ отношеніемъ къ ораторамъ, нѣкогда потрясавшимъ сердца, а нынѣ вызывающимъ на лицѣ молодежи легкую улыбку скрытой насмѣшки. Въ тоже время въ повѣсти отмѣчено и иное отношеніе къ тѣмъ немногимъ истиннымъ героямъ стараго времени, которые не столько говорили, сколько дѣлали, и во всякомъ случаѣ не отдѣляли словъ отъ дѣла. Такимъ живымъ человѣкомъ является братъ отца Сергѣя, Григорій Потровичъ, который былъ «неразсчетливъ» и попалъ въ ссылку. Онъ не съумѣлъ или не пожелалъ создать себѣ карьеры, услаждая себя въ тоже время пылкими словами. Въ повѣсти онъ выступаетъ простымъ и искреннимъ человѣкомъ, много пережившимъ и потому ко многому относящимся мягко и примирительно. Сергѣй присматривается къ нему и хочетъ понять, какая сила толкала его дядю туда, гдѣ прошли его лучшіе годы. Григорій Петровичъ, какъ натура открытая и искренняя, самъ идетъ на встрѣчу этой молодежи. На первыхъ же порахъ между нимъ и Сергѣемъ происходитъ любопытное объясненіе. Дядя спрашиваетъ, какой жизненный путь намѣчаетъ себѣ юноша. Тотъ колеблется, заявляя, что и самъ не знаетъ еще, а мать замѣчаетъ, что онъ будетъ, «чѣмъ будется».

«— Чѣмъ будется! Вотъ отличное слово! — воскликнулъ Григорій Петровичъ;— я всегда былъ «чѣмъ будется». Случалось переносить много тяжелаго и горькаго. Но когда вспомнишь, то чувствуешь, что жизнь была интересна, жизнь съ внутреннимъ движеніемъ...

«— А развѣ возможна жизнь безъ внутренняго движенія? — спросилъ Сергѣй.

«— Но какъ же? Есть жизнь съ однимъ только движеніемъ по службѣ... Это жизнь петербургскаго чиновника. Она вся заключается въ этомъ заколдованномъ кругу. Петербургскій чиновникъ не служитъ для того, чтобы жить, а напротивъ—рождается для того, чтобы служить... За то его жизнь спокойная, течетъ тихо, какъ маленькій ручеекъ. А жизнь съ внутреннимъ движеніемъ всегда бываетъ полна опасностей...

«— Скажите, дядя,—спросилъ Сергѣй,—развѣ вы не любите Петербурга?

«— Напротивъ, я его предпочитаю всѣмъ нашимъ городамъ.

«— Такъ почему же вы не живете въ немъ?

«— Дядя Гриша думаетъ, что тамъ онъ приноситъ бо́льшую пользу...

«— Съ чего вы взяли, что я такъ думаю?—возразилъ Григорій Петровичъ.— Ахъ, да, это отголоски прошлаго. Да, было такое время, когда такъ думали. И всѣ, кто хотѣлъ наибольшей пользы, бѣжали въ деревню. И я раздѣлялъ это заблужденіе...

«— Заблужденіе?—спросилъ Сергѣй.

«— Да, я думаю, что это заблужденіе. Насъ даже посылали и теперь еще посылаютъ,— есть вѣдь такая версія учиться жизни у мужика. Но я достаточно наглядѣлся на него и пришелъ къ заключенію, что у него можно научиться развѣ только одному, дѣйствительно изумительному, искусству — не помирать, не ѣвши!.. А больше не чему...

«— Такъ, можетъ быть, его можно кое-чему научить?

«— И научить ничему нельзя, потому что «кому на умъ пойдетъ на желудокъ пѣть голодный»?.. Какъ я его учить буду, когда онъ ѣсть хочетъ? А онъ вѣдь никогда не бываетъ сытъ. Напихать полное брюхо какого-то мѣсива съ квасомъ еще не значитъ быть сытымъ... И до тѣхъ поръ, пока мужикъ не будетъ накормленъ, какъ слѣдуетъ, ничему толкомъ его не научишь... И если кто хочетъ ему добра, такъ долженъ смотрѣть вверхъ, вотъ сюда, въ вашъ Петербургъ. Тутъ дѣйствительно можно кое-чему научить..,

Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ Петербурга, потому что волею судебъ онъ держитъ въ рукахъ все благополучье моей родины»...

Такой простой, безъ всякихъ вычуръ и преувеличеній, взглядъ на себя и свое прошлое подкупаютъ студента, который чуствуетъ, что у этого человѣка есть своя твердая вѣра, не нуждающаяся въ громкихъ словахъ. Между этимъ представителемъ старшаго поколѣнія и юношей начинается сближеніе. Обоихъ интересуютъ общіе вопросы и объединяетъ живой интересъ къ жизни. Это обоюдное влеченіе и симпатія рѣзко подчеркиваютъ то разъединеніе, какое чувствуется между отцомъ и сыномъ, и показываютъ, что оба поколѣнія легко сходятся, если у обоихъ жизнь полна «внутренняго движенія», а не застыла у одного, какъ мертвое болото. И не можетъ быть никакой розни между старшими и младшими, если только эти старшіе не рѣшаютъ à priori, что у младшихъ нѣтъ и не можетъ быть своей жизни, своихъ стремленій, своего исканія правды. Много бы недоразумѣній устранилось, если бы со стороны старшихъ было такое же простое вдумчивое отношеніе къ младшимъ, какъ въ повѣсти отношеніе этого дяди, много претерпѣвшаго, но сохранившаго живое чутье· Поменьше такого генеральства и влюбленной самоувѣренности, со стороны старшихъ, какъ у отца Сергѣя или профессора, о которомъ юноша говоритъ сестрѣ,——вотъ что прежде всего необходимо для сближенія ихъ съ младшимъ поколѣніемъ, которое нельзя подкупить одними горячими словечками, давно уже повыдохшимися.

Таковы типы, намѣчаемые г. Потапенко въ его интересной повѣсти, и какое-бы направленіе ни придалъ авторъ ихъ дальнѣйшему развитію, теперь же можно сказать, что основныя черты имъ обрисованы вѣрно, и повѣсть читается съ большимъ интересомъ.

Сборникъ «Русскаго Богатства» начинается произведеніемъ г. Михайловскаго «Изъ романа «Карьера Оладушкина». Одна уже подпись такого извѣстнаго литератора, какъ г. Михайловскій, привлекаетъ, конечно, къ этому произведенію невольно общее вниманіе. Но если мы отвлечемся на время отъ подписи и займемся исключительно самимъ романомъ, то все время предъ нами стоитъ одинъ неотвязный вопросъ, зачѣмъ это произведеніе напечатано?

Прежде всего романъ вызываетъ чувство какъ бы неловкости своимъ архаическимъ языкомъ и литературными пріемами, отъ которыхъ мы теперь такъ основательно отвыкли, что для оцѣнки ихъ приходится возстановлять въ памяти романы добраго стараго времени, когда еще такой языкъ былъ въ употребленіи. Чтобы не быть голословными, приведемъ небольшой отрывокъ, далеко не изъ худшихъ,—описаніе комнаты въ первой главѣ.

«Можетъ быть, она (комната) назначалась для маменькина сынка, наѣзжавшаго время отъ времени изъ Петербурга для засвидѣтельствованія своей любви къ родителямъ, а кстати ужъ и для устройства своихъ финансовъ, и внезапно наполнявшаго комнату звуками гремучей сабли, шпоръ и цыганскихъ мотивовъ, блескомъ мундира, запахомъ духовъ, помады и табаку. И долго еще спустя послѣ того, какъ всѣ эти звуки и запахи уносились на свою истинную родину, въ Петербургъ, добрая маменька, пригорюнившись, сидѣла въ комнатѣ, раздумывая о своемъ миломъ Анатолѣ и тщательно оберегая его пріютъ до слѣдующаго пріѣзда. А можетъ быть, тутъ помѣщалась барская фаворитка, увезенная изъ города у мелкотравчатаго чиновника или изъ доморощенныхъ Ѳедосекъ произведенная въ Ѳедосью Егоровну; и лила здѣсь Ѳедосья потоки горькихъ слезъ, отдаваясь барскимъ ласкамъ, или, напротивъ, въ себя вливала цѣлые самовары чаю въ пріятномъ обществѣ матушки попадьи и прохожихъ богомолокъ. Можетъ быть, тутъ жилъ учитель или гувернеръ-французъ, ради прекрасныхъ глазъ котораго барыня выписала изъ Москвы синихъ птицъ,

вмѣстѣ со многими другими пріятными и полезными предметами; и жилъ себѣ коварный педагогъ припѣваючи, вплоть до той трагической минуты, когда барыня застала его въ этой самой комнатѣ съ дѣвкой Глашкой... Ахъ, какъ солоно пришлось дѣвкѣ Глашкѣ!.. Весьма, однако, возможно, что ничего этого не было: ни маменькина сынка, ни барской фаворитки, ни коварнаго педагога, а просто барину вздумалось оклеить комнату длиннохвостыми синими птицами и выкрасить полъ шашками подъ паркетъ, просто такъ, глазу на радость»... (Стр. 3).

Такими описаніями изобилуетъ романъ, и чѣмъ-то удивительно стариннымъ вѣетъ отъ нихъ.

Можетъ быть, появись онъ лѣтъ двадцать пять назадъ, онъ произвелъ бы огромное впечатлѣніе, но авторъ не съумѣлъ ввести насъ въ настроеніе тогдашняго читателя.

Это произведеніе не художественное, «und da liegt der Hund begraben». Г. Михайловскій не далъ ни одного образа, и его Оладушкинъ не живое лицо, а схема, въ которой уложены рядкомъ элементы для созданія типа. Его Оладушкина мы не видимъ, не представляемъ себѣ, не смотря на всѣ усилія, съ которыми авторъ расписываетъ его, перечисляя массу отдѣльныхъ черточекъ. Отъ этого фигура становится еще мертвѣе, еще, туманнѣе. Г. Михайловскій—не художникъ, и этого никто не въ правѣ ставить ему въ вину. Свои публицистическіе и критическіе пріемы онъ внесъ и въ свой художественный замыселъ—создать типъ ренегата, такъ сказать, безсознательнаго. Замыселъ—очень интересенъ самъ по себѣ, но онъ по плечу развѣ огромному художнику тургеневскаго пошиба, художнику, который соединилъ бы въ себѣ чуткость и пониманіе общественнаго настроенія съ глубокимъ психологическимъ анализомъ. Въ томъ же сборникѣ помѣщенъ разсказъ г. Короленко «Маруся». Съ первыхъ строкъ разсказъ захватываетъ, какъ сама, жизнь. Охваченный этимъ настроеніемъ жизни, читатель забываетъ автора и его цѣли, а слѣдитъ съ неослабѣвающимъ интересомъ за развитіемъ житейской драмы, развертывающейся передъ нимъ. Каждое лицо—образъ, и Маруся, и ея временной мужъ, бродяга и удалецъ Василій, и Тимоха, и татаре, и ссыльный полякъ, и трусливые якуты. Авторъ не расплывается въ описаніяхъ каждой ихъ черточки, но умѣетъ оттѣнить то, что составляетъ сущность каждаго изъ нихъ, бросивъ одно-два пятна свѣта такъ, что передъ нами встаетъ живое лицо, мы его видимъ, слышимъ, можно сказать—ощущаемъ его присутствіе все время. Сравнивая безсознательно эти образы съ другими, намъ извѣстными, мы говоримъ невольно: «какъ типиченъ этотъ Тимоха, истый пахарь, не знающій иной жизни, кромѣ работы около своей земли! Или эта Маруся, надломленная, но все еще упорно стремящаяся выпрямить свою жизнь, упорядочить ее во чтобы то ни стало!»

Особенно великолѣпенъ Тимоха, выписанный авторомъ во весь ростъ, съ той любовью, какую г. Короленко всегда проявляетъ къ народнымъ типамъ, въ которыхъ отпечатлѣлась вѣковая народная психологія. Тимоха—заурядный мужикъ, попавшій въ Сибирь за одно изъ безчисленныхъ дѣлъ, какія возникаютъ изъ-за земли. И здѣсь онъ тотъ же прирожденный пахарь, воюющій съ якутами изъ-за земли и радующійся, когда ему удается устроить свою полосу.

«Я смотрѣлъ на него съ новымъ интересомъ, послѣ его эпическаго разсказа о столкновеніи его земледѣльческаго, — какъ онъ выражается, — «климату» съ низшимъ міровоззрѣніемъ чуждаго «поганаго» племени. Отъ его безхитростнаго разсказа о полоскѣ, распаханной днемъ, надъ которой до зари хлопочутъ темныя фигуры полудикарей, на меня повѣяло чѣмъ-то былиннымъ, и я съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣлъ на его невзрачную фигуру... Что это за человѣкъ, думалъ я при этомъ, — герой своеобразнаго эпоса, сознательно отстаивающій высшую культуру среди низшей... Или, вѣрнѣе—автоматъ-пахарь, готовый, при всякихъ условіяхъ, куда бы ни закинула его судьба, приняться за свое нехитрое дѣло, все въ тѣхъ же нехитрыхъ формахъ?..»

Этотъ Тимоха напоминаетъ лучшія созданія г. Короленко, напр., его безсознательнаго философа-юмориста Тюлина въ разсказѣ «Рѣка играетъ».

Не менѣе хорошъ и мужъ Маруси, бродяга Василій, «ухорѣзъ», по опредѣленію Тимохи, безпокойная, удалая натура, жаждущая дѣла и сильныхъ ощущеній, какихъ не можетъ ему дать мирная степенная жизнь земледѣльца, жизнь, въ которой все размѣрено и упорядочено, чѣмъ именно она и притягиваетъ Марусю. Эта послѣдняя—какъ надломленное, искривившееся деревцо. «Вѣроятно, какой-нибудь врагъ положилъ свои личинки въ сердцевину, и ростъ дерева извратился: оно погнулось дугой, искривилось. Но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, тонкій стволъ опять выпрямился и дальнѣйшій ростъ шелъ уже безукоризненно въ прежнемъ направленіи». И она тоже добивается благообразія нарушеннаго порядка земледѣльческой жизни и выравниваетъ «свою линію».

Эти три образа выписаны на великолѣпно нарисованномъ фонѣ мѣстной жизни, гдѣ идетъ то скрытая, то явно прорывающаяся борьба не на жизнь, а на смерть между пришлымъ элементомъ, ссыльными татарами, и аборигенами края—якутами. Обѣ стороны представлены въ эпически безпристрастномъ освѣщеніи, что доводитъ картину жизни почти до иллюзіи. А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Кожинская исторія. Во время проѣзда Министра Земледѣлія черезъ Липецкъ въ августѣ этого года, одновременно съ пріѣздомъ властей къ вокзалу стали собираться толпы крестьянъ. Двое изъ нихъ держали хлѣбъ-соль. Крестьяне, въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ вопросы, заявляли твердое рѣшеніе видѣть г. министра и изложить ему свои просьбы по поводу договоровъ, заключенныхъ съ ними г. Кожинымъ, который находился тутъ же на вокзалѣ. Когда подошелъ поѣздъ и изъ поѣзда вышелъ г. министръ, крестьяне поднесли ему хлѣбъ-соль и подали свою просьбу, объясняя А. С. Ермолову, что они своей руды Кожину не сдавали, что онъ хотѣлъ у нихъ сдѣлать только развѣдки, что въ приговорѣ записаны, между прочимъ, тѣ, которые совсѣмъ при составленіи его не присутствовали, а что тѣ, кто подписывались, были-де предварительно споены. Они просили защиты его высокопревосходительства, увѣряя его, что имъ не къ кому обращаться со своими просьбами, такъ какъ поданныя ими просьбы возвращены имъ назадъ, а подававшіе подверглись карамъ. Съ вокзала г. министръ прослѣдовалъ въ гостинницу минеральныхъ водъ, куда пошли толпой и крестьянскіе ходатаи, человѣкъ болѣе 200. Толпа стояла тихо, не слышно было ни единаго громкаго слова, лишь передовые просили защиты.

Обстоятельства этого печальнаго дѣла, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», которымъ принадлежитъ честь раскрытія его, заключались въ слѣдующемъ:

Еще при Петрѣ Великомъ въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., были обнаружены залежи желѣзной руды, но до самаго послѣдняго времени никому не приходило въ голову ихъ эксплоатировать. Криворожская рудная горячка дала толчекъ къ изысканіямъ руды и въ Липецкомъ уѣсдѣ. Понятно, за это дѣло не могли взяться крестьяне, не имѣвшіе для этого ни досуга, ни денегъ, ни знаній. Уѣздный предводитель дворянства Кожинъ, предвидя большія выгоды отъ эксплоатаціи рудныхъ богатствъ, занялся заарендованіемъ рудоносной земли у крестьянъ Липецкаго у., причемъ въ ходъ пускались пріемы, недопускаемые въ сдѣлкахъ между порядочными людьми.

Г. Кожинъ, пользуясь своимъ положеніемъ, оказывалъ давленіе на крестьянъ;

въ приговоръ сельскихъ обществъ объ отдачѣ въ аренду земель были занесены подписи лицъ, не присутствовавшихъ на сходахъ, практиковалось подпаиваніе крестьянъ водкой и т. д. Въ результатѣ г. Кожинъ имѣлъ нѣсколько десятковъ десятинъ заарендованной у крестьянъ земли на условіяхъ, которыя никакъ не могутъ быть признаны выгодными для послѣднихъ. Съ каждаго пуда добытой руды, согласно заключеннымъ контрактамъ, г. Кожинъ долженъ былъ уплачивать по $^1/_4$ коп., тогда какъ въ другихъ уѣздахъ, да и въ Липецкомъ уѣздѣ, но только другими лицами, крестьянамъ предложено уже отъ 1 коп. до 2-хъ. Потеря очевидная. Вычислено, что крестьяне лишились 30.000.000 рублей, благодаря такой низкой цѣнѣ на руду.

Къ какимъ пріемамъ прибѣгалъ г. Кожинъ, чтобы заставить крестьянъ согласиться на невыгодную для нихъ сдѣлку, видно изъ фактовъ, приводимыхъ г. Волынцемъ въ статьѣ о «Липецкой рудной эпопеѣ» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Крестьяне нѣкоторыхъ селеній Липецкаго уѣзда не согласились сдать своихъ земель предводителю дворянства г. Кожину для разработки руды. Это обстоятельство повело къ непріятнымъ для нихъ послѣдствіямъ:

«*Крестьяне этихъ селъ*,—говоритъ г. Волынецъ,—*стали систематически подвергаться всяческимъ прижимкамъ и даже формальнымъ преслѣдованіямъ.* Они какъ бы несутъ наказаніе за *неповиновеніе*, имъ какъ бы дается почувствовать невыгодность и даже опасность дальнѣйшей оппозиціи (курсивъ подл.).

Прежде всего стали отказывать въ пріемѣ этихъ крестьянъ на рудокопныя работы, несмотря на то, что потребность въ рабочихъ рукахъ есть и, рабочіе выписываются изъ другихъ губерній и даже изъ-за границы.

«Лишенные заработковъ и поставленные тѣмъ въ крайне невыгодныя условія существованія, крестьяне селъ Сокольска, Студенокъ и другихъ, не сдавшихъ своихъ земель г. Кожину, рѣшили сами эксплоатировать свои минеральные залежи: они начали добывать упрощеннымъ способомъ (посредствомъ боковыхъ углубленій въ оврагахъ) руду изъ нѣдръ земли и доставлять къ компаніонамъ г. Кожина—бельгійцамъ, которые платили имъ за нее по 4 к. за пудъ. Потомъ явились агенты южныхъ металлургическихъ заводовъ и предложили крестьянамъ доставлять руду на станцію желѣзной дороги съ платою по 5 коп. за пудъ. Крестьяне начали расширять добычу руды, но «сдѣлано было распоряженіе прекратить добычу руды», каковое распоряженіе объявлено было на сходахъ, причемъ земскій начальникъ Галичъ (2-го участка Липецкаго уѣзда) отобралъ соотвѣтствующія подписки ото всѣхъ крестьянскихъ обществъ. Повинуясь распоряженію начальства, крестьяне прекратили выемку руды (хотя окружный горный инженеръ Павловъ, посѣтивъ Липецкъ, и объяснилъ крестьянамъ, что по закону они могутъ рыть руду, но должны только выбрать изъ среды себя кого-либо въ качествѣ завѣдующаго работами). Начальство, однако, не удовольствовалось этимъ и *всѣ крестьяне селъ, не сдавшихъ г. Кожину свои залежи и начавшихъ сами добывать руду, начали огульно привлекаться къ уголовной отвѣтственности за неисполненіе объявленнаго распоряженія начальства и поголовно приговариваться* (курсивъ подл.) къ 15-тирублевому штрафу или 3-хъ дневному аресту.

Г. Волынецъ приводитъ дословное прошеніе студенскихъ крестьянъ въ Липецкій уѣздный съѣздъ. По словамъ просителей, въ копіи съ рѣшенія земскаго начальника сказано, что нѣкоторые изъ нихъ при разборѣ дѣла сознались, что при разсмотрѣніи дѣла они не были; что обвиненію подверглись лица, или совершенно никогда не копавшія руды, или копавшія ее до отобранія отъ нихъ подписокъ; что, наконецъ, какъ заявляютъ трое обвиненныхъ, они «не были на судѣ, копій съ заочныхъ рѣшеній не получали», а изъ выданной товари-

щамъ ихъ копіи усматриваютъ, что надъ ними «не заочно, а въ присутствіи ихъ совершенъ приговоръ суда».

«Комментаріевъ сюда,—добавляетъ отъ себя авторъ корреспонденціи,—конечно, не требуется. Остается только добавить, что дѣла эти разсматривались въ уѣздномъ съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ г. Кожина, несмотря на обращенную къ нему просьбу губернатора не предсѣдательствовать въ этомъ засѣданіи. Если въ Липецкомъ уѣздѣ у земскихъ начальниковъ признаются виновными отсутствующія лица, и приговоры о нихъ постановляются какъ о присутствующихъ, то удивительно ли, что въ крестьянскихъ приговорахъ о сдачѣ г. Кожину земли значатся подписи лицъ, не только не участвовавшихъ въ сходахъ, постановившихъ эти приговоры, но и вовсе даже находившихся въ отлучкѣ?..»

Характерны также слѣдующія цифры: Эксплоатацію желѣзной руды въ своемъ имѣніи, въ 5.000 десятинъ, и на крестьянскихъ земляхъ г. Кожинъ продалъ бельгійской компаніи капиталистовъ за два милліона руб., причемъ имѣніе его оцѣнено въ 1.800 000 руб., а земли крестьянъ только въ 200.000. Такая странная расцѣнка наводитъ на невольныя сомнѣнія, такъ какъ установлено, что въ имѣніи г. Кожина желѣзная руда почти отсутствуетъ, тогда какъ крестьянскія земли очень богаты ихъ содержаніемъ.

Рабочіе въ каменноугольной промышленности. Пользуясь новѣйшими статистическими данными, «Русскія Вѣдом.» рисуютъ непригляднную картину жизни русскихъ горнозаводскихъ рабочихъ на Уралѣ и въ южныхъ губерніяхъ. Въ 1887 году во всей имперіи этихъ рабочихъ было 397,000, въ 1896 г.—492,000, а въ 1897 г. уже 505,500 человѣкъ, представляющихъ вмѣстѣ со своими семьями милліонную массу населенія, къ интересамъ которыхъ не можетъ безучастно относиться ни правительство, ни общество. Давно уже извѣстно, что положеніе нашихъ горно-рабочихъ и мало обезпечено, и плохо защищено въ сравненіи съ фабрично-заводскими. Однако среди этого класса рабочихъ есть группа, которая настолько рѣзко выдѣляется своими мрачными сторонами, что кажется, будто надъ головами этихъ людей какая-то злая сила нарочно сдвинула всѣ тягости суровой жизни горнорабочаго. Это рабочіе въ южно-русскихъ каменноугольныхъ предпріятіяхъ. Законодательная помощь требуется здѣсь тѣмъ сильнѣе, что сами горнопромышленники обладаютъ въ лицѣ бюро періодическихъ съѣздовъ и харьковскаго угольнаго комитета такой крѣпкой и правильной организаціей, которой могли бы позавидовать даже наши избалованные сахарозаводчики. Казалось бы, при высокихъ цѣнахъ на уголь, искусственно созданныхъ нашимъ протекціонистскимъ тарифомъ, при хорошей доходности предпріятій, обезпеченной какъ цѣнами, такъ и постоянными потребителями угля—желѣзными дорогами и металлургическими заводами, наши углепромышленники могли бы, безъ особаго для себя ущерба, подумать объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ. Горнозаводчики Юга и не перестаютъ увѣрять правительство и общество въ безконечной своей заботливости объ интересахъ и нуждахъ рудокопа, но дѣйствительность, къ сожалѣнію, не оправдываетъ этихъ увѣреній, оставляя нашъ Югъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко позади того самаго Урала, о мертвящей неподвижности котораго такъ много говорятъ въ послѣднее время.

По отчету горнаго департамента, на Уралѣ (1897 г.) при 118,922 рабочихъ было 62 больницы и 47 пріемныхъ покоевъ, тогда какъ на всемъ горнозаводскомъ Югѣ (1896 г.) съ его 62,929 рабочими — лишь 34 больницы и 13 пріемныхъ покоевъ. Не лучше врачебнаго дѣла поставлена и помощь увѣчнымъ орнорабочимъ. На всемъ Югѣ существуютъ лишь три вспомогательныхъ кассы, выдавшія 24,927 р. пособія (въ 1897 г.—82,527 рабочихъ), между тѣмъ какъ уральскіе частные заводы (81,330 рабочихъ) роздали 40,056 руб.,

не говоря уже о помощи натурой и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхованіи рабочихъ. Въ Пермскомъ округѣ горный департаментъ нашелъ у «всѣхъ заводскихъ управленій» самое гуманное отношеніе къ интересамъ рабочихъ, которые не только пользуются обязательнымъ безплатнымъ лѣченіемъ и въ случаѣ легкихъ увѣчій переводятся на менѣе тяжелыя работы, но и получаютъ пенсію, переходящую послѣ смерти рабочаго въ уменьшенномъ размѣрѣ къ его вдовѣ и дѣтямъ. На казенныхъ же заводахъ Урала существуетъ при 10.391 членовъ (всѣхъ рабочихъ 31.758) 16 горнозаводскихъ товариществъ, изъ которыхъ уплачено около 40.000 руб.; кромѣ того, со стороны казны выдано 17½ тыс. руб. пособій и пенсій. Конечно, и положеніе Уральскихъ рабочихъ далеко не обезпечено, но во всякомъ случаѣ оно несравненно лучше, чѣмъ положеніе ихъ собратьевъ на Югѣ. Но если ни медицинское дѣло, ни помощь увѣчнымъ не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи съ числомъ горнорабочихъ вообще, то еще хуже въ однихъ только угольныхъ препріятіяхъ: данныя о медицинской помощи приведены для всѣхъ предпріятій Юга, тогда какъ большинство благоустроенныхъ заводовъ принадлежитъ не къ каменноугольной, а металлургической промышленности. Между тѣмъ шахтеръ требуетъ большей внимательности къ своимъ нуждамъ, чѣмъ всѣ остальныя группы горнозаводскихъ рабочихъ. Во-первыхъ, — по свойствамъ самаго производства, которое почти исключительно совершается при помощи мускульной силы рудокопа; нѣтъ другой отрасли, гдѣ бы ручной трудъ игралъ такую важную роль въ сравненіи съ машиннымъ, какую мы встрѣчаемъ въ рудномъ дѣлѣ. Въ однихъ лишь Соединенныхъ Штатахъ производится сколько нибудь значительная разработка каменноугольныхъ пластовъ машиннымъ путемъ (въ 1896 г. — 16,17% всей добычи), въ европейскихъ же странахъ до сихъ поръ преобладаетъ ручная разработка, единственно извѣстная и нашимъ шахтамъ. Во вторыхъ,—по самой обстановкѣ труда, который происходитъ на значительной подземной глубинѣ, въ сырыхъ, темныхъ и плохо вентилируемыхъ шахтахъ и предрасполагаетъ рабочаго ко всякаго рода заболѣваніямъ. По словамъ D-r W. Ogle, завѣдующаго бюро общественнаго здравія въ Англіи, рѣдкій углекопъ избѣгаетъ ревматизма въ той или иной формѣ, катарра дыхательныхъ путей, эмфиземы легкихъ; отъ неестественнаго положенія, которое принимаетъ тѣло при нѣкоторыхъ работахъ, развивается параличъ глазныхъ мышцъ. Рабочіе малокровны и слабонервны; «на лицѣ выражается боязливость и подавленность; они ходятъ, сгорбившись и пошатываясь, и выглядятъ преждевременно состарившимися». Но если такова характеристика англійскаго шахтера, то что же долженъ представлять нашъ рудокопъ, берущійся за работу въ шахтѣ прямо отъ плуга, незнакомый съ элементарной профессіональной гигіеной и плохо огражденный отъ всѣхъ опасностей рудниковаго труда — обваловъ породы, взрывовъ газа и затопленія шахты,—грозящихъ ему или смертью, или тяжкимъ увѣчьемъ? Наши изслѣдователи говорятъ о тѣхъ же болѣзняхъ и въ особенности о воспаленіи легкихъ, какъ обычной профессіональной болѣзни рудокоповъ.

Что касается несчастныхъ случаевъ съ рабочими, то по выясненіямъ извѣстнаго инженера г. Кеппена, на 100 пострадавшихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Германія даетъ 2,97 убитыхъ, а Россія—38,2. Если опредѣлить коэффиціентъ смертности къ числу занятыхъ рабочихъ, то окажется, что за періодъ 1891—1895 гг. на 1,000 рабочихъ пришлось въ каменноугольныхъ копяхъ во Франціи—1,190, въ Саксоніи—1,290, въ Великобританіи—1,526, въ Бельгіи—1,665, въ Австріи—2,389, въ Германіи—2,450, въ Пруссіи—2,490 и въ Россіи—2,522 убитыхъ. По послѣднимъ даннымъ, коэффиціентъ этотъ въ Пруссіи (1897)—2,35, во Франціи (1897)—1,7, въ Россіи—2,4. Во всякомъ случаѣ, если мы вспомнимъ, что регистрація несчастныхъ случаевъ ведется у насъ крайне неполно и небрежно,—какъ это ясно обнаружилось, напримѣръ,

при изслѣдованіи Бертенсономъ угольной промышленности Царства Польскаго, — то мы убѣдимся, что въ Россіи коэффиціентъ убитыхъ значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ.

Относительно заработной платы и условій жизни шахтера, Россія еще болѣе удаляется отъ Западной Европы: въ Бельгіи (1897) шахтеръ зарабатывалъ въ среднемъ 4 фр. 55 сант. за день; во Франціи — 4 фр. 14 сант., въ Англіи (1897)—5 шилл. 2 пенса, или 2 р. 43 к., въ Царствѣ Польскомъ—318 р. 34 к.; что касается Донецкаго бассейна, то у насъ нѣтъ среднихъ статистическихъ данныхъ для послѣднихъ годовъ; единственная намъ извѣстная работа г. Богуцкаго, произведенная въ 1890 г. на основаніи обширнаго цифроваго матеріала, опредѣляетъ средній годовой заработокъ рудниковаго рабочаго въ 234 руб. Уже изъ этого сопоставленія видно, насколько ниже заработокъ русскаго рабочаго, не говоря о томъ, что между рабочимъ и капиталистомъ на русскихъ копяхъ постоянно трется посредникъ, въ рукахъ котораго остается иногда значительная часть заработной платы.

Самую тяжелую сторону жизни русскаго шахтера составляютъ его жилищныя условія. Нельзя безъ ужаса читать все, что писалось по этому вопросу какъ въ спеціальныхъ работахъ, такъ и въ общихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1890 г. рабочіе большей частью еще жили въ знаменитыхъ донецкихъ «землянкахъ» или «каюткахъ», вырытыхъ ими самими въ землѣ. Въ 1896 г. мы еще видимъ эти каютки въ полномъ дѣйствіи. «Воздухъ, нечистота въ такихъ помѣщеніяхъ поистинѣ ужасны даже лѣтомъ. Окна въ этихъ каюткахъ отсутствуютъ, или ихъ замѣняютъ крошечныя отверстія со вставленными кусками стекла неопредѣленной формы. Право, собачья конура даже и нехорошаго хозяина содержится гораздо чище и лучше, чѣмъ землянки». И если въ 1899 г. г. Брандтъ относитъ уже эти землянки «къ области преданія», то это не больше, какъ поэтическое выраженіе. Конечно, на крупныхъ и богатыхъ рудникахъ жилищныя условія дѣйствительно нѣсколько измѣнились къ лучшему, но обобщать этихъ единичныхъ перемѣнъ совсѣмъ нельзя; на старыхъ копяхъ и теперь еще домишки или казармы рабочихъ «немногимъ отличаются отъ землянокъ», какъ это признаетъ и авторъ «Иностранныхъ капиталовъ». Основные мотивы жизни донецкаго шахтера мало измѣнились, и если въ 1890 г. намъ говорили о «бродячей жизни, поголовномъ пьянствѣ, нищетѣ и голи—какъ характерныхъ его чертахъ», то вѣдь и въ концѣ 1898 г. одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій писало: «Въ этой отрасли промышленности властно царитъ принципъ наибольшей выгоды; жизнь рабочаго считается по цѣнѣ, ниже которой не оцѣнивалась личность даже въ эпоху патріархальныхъ отношеній добраго стараго времени... И доселѣ положеніе нашихъ каменноугольныхъ рабочихъ способно привести въ ужасъ всякаго посторонняго наблюдателя».

Своеобразный способъ борьбы съ голодомъ. Статистики Псковскаго земства открыли удивительное явленіе, господствующее въ деревняхъ, страдающихъ хроническими голодовками, и представляющее своего рода приспособленіе къ голоданію. Явленіе это, по словамъ «Курьера» носитъ названіе «лёжки». Это въ своемъ родѣ «промыселъ». Наблюдается онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хроническій недородъ, являясь обычнымъ результатомъ хозяйственной дѣятельности, нерѣдко обостряется до полнаго неурожая. Естественно, что населеніе, постоянно угрожаемое голодомъ, должно искать какого-нибудь выхода изъ такого положенія. Но ни къ чему неприспособленное, невѣжественное до дикости и въ то же время терпѣливое до аскетизма, оно въ теченіе многихъ вѣковъ не нашло лучшаго исхода, кромѣ «лёжки». Впрочемъ, «лёжка»— это тоже приспособленіе къ минимальнымъ потребностямъ, своеобразные опыты съ отученіемъ человѣка отъ пищи. Лишь только домохозяинъ замѣчаетъ, что

хлѣба при нормальномъ потребленіи ему не хватитъ до конца года, онъ распоряжается о сокращеніи потребительныхъ нормъ. Но, зная, что въ такомъ случаѣ ему трудно будетъ сохранить свое здоровье, а, главное, рабочія силы въ ихъ обычномъ объемѣ, онъ погружается въ «лёжку», т.-е. попросту говоря, укладывается на печь лежать въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. Вставая только для того, чтобы съѣсть ломоть хлѣба съ водой или истопить печь, онъ старается какъ можно меньше двигаться и больше спать. Въ такомъ состояніи человѣкъ, погруженный въ лёжку, дѣйствительно, успѣваетъ задержать всѣ физіологическіе процессы, сократить обмѣнъ веществъ до minimum'a и поэтому, безъ особаго вреда для себя уменьшить потребленіе. Не двигаясь, можетъ быть, даже совсѣмъ не думая, человѣкъ въ теченіе цѣлой зимы заботится только о томъ, чтобы меньше расходовать тепла въ организмѣ, чтобы меньше ѣсть, меньше пить, меньше двигаться, говорить, однимъ словомъ, меньше жить: этому сокращенію жизни посвящены всѣ мысли человѣка «въ лёжкѣ». Каждое лишнее движеніе, лишнее поварачиванье шеи, руки, языка должно отозваться на усиленномъ обмѣнѣ, на лишней отдачѣ тепла, а это, въ свою очередь, можетъ вызвать излишній аппетитъ, нарушить ту минимальную норму потребленія, которая одна въ состояніи довести хлѣбные запасы до новаго хлѣба. Поэтому, чтобы меньше ѣсть, нужно меньше двигаться. Даже вовсе перестать двигаться, перестать говорить, если можно, перестать дышать и думать, лучше спать, спать и спать, потому что во снѣ всѣ процессы тоже задерживаются... Въ домѣ воцаряется мракъ и тишина. По разнымъ угламъ, а больше на печкѣ и полатяхъ, кучками и въ одиночку, лежитъ вся семья. Думы всѣхъ поглощены «лёжкой», сокращеніемъ жизни. Нѣсколько разъ на дню и на всю ночь думы эти переходятъ въ сонъ... Ни звука... Только безпокойный сверчокъ, да легкій храпъ спящихъ нарушаютъ эту замогильную тишину. Наступаетъ полное смѣшеніе дня и ночи... Это и есть «лёжка».

Бѣгуны въ Олонецкой губерніи. По словамъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи открываются цѣлыя разсадники бѣгуновъ. За открытіемъ бѣгунскаго кладбища и бѣгунской пристани въ деревнѣ Мартемьяновской на-дняхъ послѣдовало открытіе новаго пристанища бѣгуновъ въ деревнѣ Лобановской, въ домѣ крестьянина Харева. По всему тому, что ему удалось видѣть въ этомъ домѣ, можно полагать, что бѣгуны въ немъ поселились издавна и жили себѣ хорошо, подъ надежнымъ прикрытіемъ. Они занимали цѣлую половину дома, состоящую изъ двухъ свѣтлыхъ и просторныхъ комнатъ, и сверхъ того еще — подполье, гдѣ ими устроены тоже двѣ вполнѣ удобныя и приспособленныя для житья комнаты. Проникнуть въ эти подпольныя комнаты можно тремя путями: со двора, изъ сѣней и изъ одной комнаты наверху, въ углу которой устроенъ небольшой люкъ съ лѣстницой о 6 ступенькахъ. Во всѣхъ комнатахъ виситъ и лежитъ по разнымъ угламъ и на нарахъ масса мужской и женской одежды; на полочкахъ и подъ лавочками насованы десятки разной величины бураковъ и бурачковъ съ разными рукодѣліями, а въ пристроенной здѣсь же, съ боку, кладовкѣ запасено такое количество разной провизіи (муки ржаной и пшеничной, крупы гречневой и просяной, масла и пр.), что его смѣло хватитъ на 5—6 человѣкъ въ продолженіе чуть ли не цѣлой нашей долгой суровой зимы. Особеннаго вниманія въ этомъ подпольномъ помѣщеніи заслуживаетъ русская печь. Дѣло въ томъ, что одна изъ досокъ фундамента, на которомъ она устроена, свободно ходитъ на шарнирѣ и такимъ образомъ скрываетъ и открываетъ собою доступъ въ «подпечникъ», гдѣ свободно могутъ схорониться въ минуту жизни трудную до полдесятка человѣкъ. Правда, въ немъ душно, темно, все время приходится лежать на голой землѣ, но зато, — спасительно: рѣдко

кому не только изъ простыхъ смертныхъ, но даже и власть имѣющихъ придетъ сразу въ голову, что тутъ рядомъ, гдѣ-то подъ печкой, лежатъ «сущіе о Христѣ братіе и сестры», творящіе про себя молитвы преподобнымъ Нифонту и Маруфу «о прогнаніи лукавыхъ человѣкъ, сирѣчь, никоніанцевъ поганыхъ», этихъ жидовъ бритыхъ, губъ жареныхъ (отъ сигаръ) и табакомъ носовъ набитыхъ». Вотъ вы вошли, посмотрѣли кругомъ, порылись въ разномъ хламѣ и ушли, а вслѣдъ за вами безшумно распахнулась доска фундамента, одинъ за другимъ выползли, изъ подпечника «рабы Божіи» и въ умиленіи затянули священный стихъ: «Слава, слава въ вышнихъ Богу и небесному Отцу, что избавилъ насъ отъ прелести и печали многоплетенныя мірскія суеты» и проч. Въ настоящемъ случаѣ творить подобныя молитвы и пѣть священныя стихи было некому, такъ какъ и самый «подпечникъ» оказался пустымъ: бѣгуны пустились наутекъ въ лѣса и въ смежные уѣзды—Пудожскій и Повѣнецкій, а также на Вологодско-Архангельскую желѣзную дорогу съ цѣлью пробраться по ней къ своимъ единомышленникамъ въ Архангельскъ, Ярославль, Москву и Казань. Говорятъ, на-дняхъ даже черезъ самый городъ Каргополь успѣло пробраться ихъ, въ возахъ съ кренделями и другой кладью, болѣе двухъ десятковъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ другими, слышно, убѣжалъ и главный ихъ наставникъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, старецъ Прохоръ. Но какъ ни хитры «рабы Божіи», какъ ни спѣшатъ они убраться по добру по-здорову изъ предѣловъ Каргопольскаго уѣзда, а все-же нѣкоторые изъ нихъ сплоховали. Такъ, помимо книгъ и всякой всячины бѣгунской, въ домѣ Харева и его однодеревенца и однофамильца Евграфа Харева задержаны были три бѣгунки—Аѳанасія, Любовь и Анна. Всѣ онѣ, какъ говоритъ газета, вполнѣ признались въ принадлежности къ бѣгунской сектѣ, заарестованы и уже отправлены впредь до разрѣшенія ихъ участи въ каргопольскую городскую тюрьму. Двѣ первыя изъ нихъ—старушки, а послѣдняя, сестра Петра Харева, въ міру—Авдотья Харева, еще молодая, 28 лѣтняя дѣвушка. Ушла она въ «скрытное» около трехъ лѣтъ тому назадъ, ушла потому, что на міру все нечисто, грѣховно, а потому будто бы и спастись на міру невозможно. «Грустную, тяжелую картину пришлось намъ наблюдать,—пишетъ корреспондентъ,—когда этой бѣгункѣ было прочитано постановленіе объ арестѣ и объ отправкѣ ее въ тюрьму. Дрогнула, поблѣднѣла вся, но ни слова, ни звука. Присутствующая при этомъ родная тетка ея, обливаясь слезами, всячески старалась уговорить ее бросить «эту пакость, эту мразь, эту язву проклятую» и пойти опять къ нимъ жить, какъ всѣ «крещенные» живутъ. Но не тутъ то было: на всѣ увѣщанія она громко говорила. — «Отстань, замолчи! Все равно не послушаюсь и отъ своей вѣры не отстану, потому что вѣра моя—единая, истинная и хорошая. Были когда-то у меня братья и тетки, мать и отецъ, но то было давно, на міру, «по плоти», а теперь нѣтъ у меня ни тетки, ни братьевъ, ни роду, ни племени: странница я, не имѣющая здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскующая. Слава Тебѣ, Господи, что привелъ мнѣ пострадать за имя Твое!..»

Такъ и не послушалась «раба Божія» Анна (Авдотья Харева) своей тетки-старушки.

Толстовская колонія въ Терской области. «Пріазовскій Край» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о послѣдователяхъ Льва Толстого, проживавшихъ въ теченіе 10 лѣтъ въ Нальчинскомъ округѣ Терской области, и весной этого года покинувшихъ колонію и разъѣхавшихся въ разныя стороны. Первоначально «толстовцы» поселились въ слободѣ Нальчикъ, административномъ центрѣ нальчикскаго округа, въ 1889 году, въ числѣ двухъ-трехъ семействъ; затѣмъ, въ слѣдующіе годы число ихъ значительно увеличилось, такъ что къ концу 1898 года всѣхъ толстовцевъ въ округѣ было уже около пятнадцати семействъ. Про-

живая первое время въ слободѣ Нальчикъ, одни изъ нихъ занимались столярнымъ ремесломъ, другіе огородничествомъ и пчеловодствомъ, третьи нанимались на поденную работу—рыли на дачѣ одного мѣстнаго землевладѣльца канавы, рубили дрова. Но эти занятія не могли принести толстовцамъ болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ, потому что столярныя издѣлія ихъ, какъ не отличавшіяся ни прочностью, ни изяществомъ отдѣлки, почти не имѣли сбыта, а огородничество и пчеловодство, въ виду крайне ограниченныхъ размѣровъ занятія ими, давали тоже очень мало дохода; что же касается поденныхъ заработковъ, то они въ слободѣ Нальчикъ носятъ скорѣе временный характеръ, нежели постоянный, оплачиваются не дороже 70 к. въ лѣтнее время и 40 к. въ зимнее, и притомъ мѣстные работодатели предпочитаютъ имѣть дѣло съ людьми, съ малыхъ лѣтъ привычными къ тяжелому труду, чѣмъ съ тѣми, которые за него принимаются впервые. Собственно говоря, толстовцы и не нуждались въ заработкахъ для поддержанія своего существованія, такъ какъ всѣ они были люди болѣе или менѣе обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи. Цѣль ихъ занятія этимъ трудомъ—пріучить себя къ черной работѣ земледѣльца, которую они находятъ единственно честной.

Причиной распаденія колоніи, съ одной стороны, послужили возникшія между толстовцами разногласія изъ-за убѣжденій, взглядовъ на жизнь, а съ другой—обстоятельства внѣшнія, не зависящія отъ самихъ толстовцевъ.

Не распространяясь о «символѣ вѣры» толстовцевъ,—говоритъ корреспондентъ «Пр. Края»,—я нахожу не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу отношенія къ нимъ населенія (рабочаго) слободы Нальчикъ и ближайшихъ окрестныхъ переселенческихъ хуторовъ, съ которыми имъ приходилось часто сталкиваться. Для нихъ также былъ непонятенъ и принципъ непротивленія злу насиліемъ, потому что они видѣли полную непримѣнимость его къ жизни. Изъ числа слобожанъ немногіе примкнули къ толстовцамъ, но зато эти немногіе увѣровали искренно и по своему старались примѣнить къ жизни принципъ непротивленія злу. Такъ, когда къ одному изъ нихъ забрались воры съ цѣлью похищенія единственной лошади и разломали плетень, окружавшій дворъ, онъ не принялъ мѣръ къ предупрежденію вторичнаго посѣщенія злоумышленниковъ и не только по ночамъ не сталъ караулить свою лошадь, но не поправилъ и плетня. «Зачѣмъ я его буду поправлять?—возражалъ онъ сосѣдямъ. — Если у меня хотѣли взять лошадь, такъ, значитъ, она имъ нужна была—не стали бы зря ломать плетня».—«Посмотримъ, что ты запоешь, когда у тебя стащатъ лошадь»,—говорили сосѣди. — «Ничего не запою, потому что люди хотятъ сдѣлать мнѣ зло, а противъ зла бороться нельзя; сказано — не противься злому, такъ и слѣдуетъ не противиться»,—отвѣчалъ толстовецъ-прозелитъ. И дѣйствительно, когда однажды воры стянули-таки у него лошадь, онъ не только не кинулся разыскивать ее, но не счелъ даже нужнымъ заявить объ этомъ полиціи или сосѣдямъ.

Русское кулачество въ Парижѣ. Русскіе предприниматели и заграницу переносятъ свои «патріархальныя» отношенія къ рабочимъ, и на этой почвѣ недавно разыгралась характерная исторія, переданная парижскимъ корреспондентомъ «С.-Петерб. Вѣдомостей».

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, разсказываютъ «С.-Петерб. Вѣд.», на набережной Сены, возлѣ Трокадеро, гдѣ ведется самая лихорадочная работа по устройству павильоновъ для будущей выставки, появилась партія какихъ-то странныхъ людей,—высокихъ, бородатыхъ, не говорящихъ ни слова по-французски, въ красныхъ рубахахъ, высокихъ сапогахъ и картузахъ. Заинтригованные французы вскорѣ узнали, что это—русскіе рабочіе (плотники, привезенные сюда подрядчикомъ для устройства павильона сибирскаго отдѣла) и въ теченіе

первой недѣли «русскіе рабочіе» составляли въ нѣкоторомъ родѣ злобу дня. Во всѣхъ газетахъ были статьи съ подробнымъ описаніемъ ихъ наружности, одежды, инструментовъ и образа жизни; во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ были изображенія, какъ русскій священникъ совершилъ молебствіе предъ началомъ работъ, какъ рабочіе пьютъ чай, работаютъ и т. д. Возлѣ мѣста работъ толпились любопытные, привѣтливо улыбались нашимъ соотечественникамъ, угощали ихъ папиросами, говорили имъ: «Amis russes!», «Alliance» и выразительно указывали пальцемъ въ сторону нѣмецкой границы.

Полюбопытствовали французы, поговорили и забыли «русскихъ рабочихъ»... Они, вѣроятно, больше и не вспомнили бы о нихъ, если бъ объ этомъ не постарался подрядчикъ, который, пользуясь полной безпомощностью рабочихъ, вздумалъ перенести на французскую почву обычные пріемы русскаго кулачества и самодурства Въ результатѣ получился громкій скандалъ, закончившійся судебнымъ процессомъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ газетахъ появилось сенсаціонное извѣстіе: русскіе плотники, работающіе по устройству сибирскаго павильона, взбунтовались (!!), отказались повиноваться архитектору, угрожали убить своего подрядчика и пріостановили работы. Полиція, вызванная администраціей для ареста «зачинщиковъ», была встрѣчена градомъ камней, чашекъ, кострюль и т. д. и принуждена была отступить. Только слѣдующему, болѣе многочисленному отряду полицейскихъ удалось, и то съ большимъ трудомъ, арестовать главнаго зачинщика, рабочаго Степана П., который и былъ отправленъ въ тюрьму.

Послѣ трехнедѣльнаго предварительнаго заключенія, П. былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ «грозилъ убить топоромъ подрядчика и оказывалъ сопротивленіе властямъ во время своего ареста, нанося побои городовымъ». Обвиняемому угрожало тюремное заключеніе отъ 6 ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ.

Въ качествѣ свидѣтелей явились архитекторъ, подрядчикъ и съ десять человѣкъ рабочихъ. На скамьѣ подсудимыхъ, между двумя жандармами, сидѣлъ П.,—крестьянинъ лѣтъ 30, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Блѣдный, исхудалый, онъ все время сидѣлъ неподвижно, не спуская мучительно-тоскливаго взгляда съ Распятія и не переставая шептать молитвы. Было что-то глубоко трагическое въ позѣ и взглядѣ этого безпомощнаго человѣка «безъ языка».

Допросъ велся при помощи присяжнаго переводчика подъ контролемъ адвоката г. Пти, прекрасно говорящаго по-русски.

— Г. П...,—обратился судья къ обвиняемому,—вы обвиняетесь въ томъ, что грозили убить вашего подрядчика, г. Соколова и даже замахнулись на него топоромъ. Признаете ли себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ!—отвѣтилъ П.—Какъ мы пріѣхали сюда изъ Россіи работать, мы все работали, жизни не жалѣючи. Мы *строго работали, сердечно работали.* Ни на какія опасности не смотрѣли. Я разъ съ трехсаженной высоты упалъ... Пока здѣсь былъ князь, насъ не очень притѣсняли, мы не жаловались. А какъ уѣхалъ князь,—и пошли новые порядки. Стали давать намъ такую пищу, что никакой песъ не сталъ бы ѣсть. *Мясо и щи—полно червей; хлѣбъ такой, что прямо топоромъ его рубить надо было.* Народъ сталъ болѣть животами, отощалъ, мочи не стало работать. А подрядчикъ кричитъ, ругается, говоритъ, что мало работаемъ. Ну, я, значитъ, не стерпѣлъ и сказалъ ему: «Ты чего кричишь? Раньше накорми, какъ слѣдуетъ, а потомъ и гони на работу. А при гнилой пищи у насъ силы нѣтъ сердечно работать». Только это я ему и сказалъ.

Призвали свидѣтеля-рабочаго.

— Угрожалъ ли П. убить подрядчика?

*

— Не слыхали мы этого. П.—человѣкъ хорошій, сердечный. Онъ, можетъ, грубость какую и сказалъ, а грозить смертью—не грозилъ.

— Находили вы въ пищѣ червей?

— Находили. На нашемъ столѣ разъ нашли, а на прочихъ столахъ больше. Народъ шибко болѣлъ.

Въ этомъ же духѣ показали и прочіе свидѣтели.

Архитектору защитникъ П. поставилъ вопросъ:

— Правда ли, что на слѣдующій день послѣ протеста П. о пищѣ, онъ, архитекторъ, прибѣжалъ въ казарму и закричалъ на П.: «Ищи, мерзавецъ, червей въ своей тарелкѣ, а въ чужія не суй своего носа!»

Архитекторъ смутился отъ этого вопроса.

— Я этого не говорилъ... — отвѣтилъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, это не къ П. относилось.

— Судья перешелъ къ слѣдующему обвиненію:

— Вы оказывали сопротивленіе полиціи?

— Никакъ нѣтъ! Какъ пришли полицейскіе, а мы ничего не знаемъ, не понимаемъ—мы и испугались и стали обороняться. Тогда они значитъ, сабли свои вытащили и на насъ, чтобы меня взять. Ну, извѣстно, товарищи сгрудились и заслонили меня,—думали, что полицейскіе хотятъ меня саблями зарубить. А я шибко испугался, думалъ: конецъ мой пришелъ—и какъ они меня взяли, хотѣлъ руку выслобонить, перекреститься хотѣлъ (и онъ истово перекрестился), а они, должно, думали, что бить ихъ хочу... А мы ихъ не трогали.

Призвали полицейскихъ.

— Билъ васъ П.?

— Бить не билъ, а сопротивленіе сильное оказывалъ.

— Когда вы его взяли, старался онъ высвободить руку?

— Да, старался. А мы ему не дали. А когда мы прошли двѣ улицы, поровнялись съ церковью, онъ сталъ показывать головой на церковь и опять сталъ рвать руку. Мы отпустили ему руку, и онъ сталъ креститься!..

Въ заключеніе г. Пти произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой нарисовалъ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, яркую картину эксплоатаціи рабочихъ. Они помѣщались въ жалкихъ и тѣсныхъ конурахъ, спали на голыхъ доскахъ, получали, сравнительно съ французскими рабочими, ничтожную плату; пища имъ выдавалась гнилая, вызвавшая повальную дезинтерію. При этотъ обращеніе администраціи и подрядчика съ рабочими было самое грубое и безцеремонное. Пока князь Тенишевъ былъ въ Парижѣ, кулацкіе аппетиты подрядчика сдерживались, а когда онъ уѣхалъ, они и перешли всякія границы. Когда же одинъ изъ рабочихъ рѣшился протестовать, подрядчикъ, чтобы отдѣлаться отъ него и дать урокъ другимъ рабочимъ, не задумываясь, взвелъ на него уголовное обвиненіе и, чтобы вѣрнѣе погубить его, не остановился даже передъ обвиненіемъ П., полуграмотнаго и религіознаго крестьянина, въ политической неблагонадежности... Ко всему этому прибавилось естественное недоразумѣніе между рабочими и полиціей, которые не имѣли возможности сговориться.

Судьи приговорили П. къ двухнедѣльному тюремному заключенію, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія, т. е. фактически дали ему свободу. Князь Тенишевъ, присутствовавшій на судѣ, благодарилъ адвоката, г. Пти за его прекрасную защиту.

Новое женское общество въ Москвѣ. Въ газетахъ сообщалось, что недавно утвержденъ уставъ новаго общества въ Москвѣ подъ названіемъ «Общества улучшенія участи женщины». Общество имѣетъ цѣлью бороться противъ разврата и связаннаго съ нимъ пьянства. Для осуществленія этихъ цѣлей общество предполагаетъ: 1) оказывать нуждающимся нравственную и матеріаль-

ную поддержку; 2) способствовать распространенію женскаго образованія и также техническихъ знаній; 3) устраивать съ особаго разрѣшенія и на основаніи уставовъ убѣжища и пріюты для падшихъ женщинъ и для малолѣтнихъ, впавшихъ въ порокъ разврата; 4) устраивать съ особаго разрѣшенія и на основаніи особыхъ уставовъ столовыя, общежитія, временныя помѣщенія, кассы взаимопомощи; 5) имѣть бюро для облегченія сношеній съ частными лицами и съ другими обществами, и для пріисканія занятій и мѣстъ; 6) открывать вечерніе курсы, воскресныя школы и мастерскія и др. Каждый членъ общества получаетъ право доводить до свѣдѣнія подлежащихъ властей объ обнаруженныхъ имъ случаяхъ преступленій противъ нравственности и жестокаго обращенія съ женщинами. Важно и то, что по уставу комитетъ общества (по донесеніи о преступленіи членомъ общества) ходатайствуетъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденнаго, такимъ образомъ, дѣла въ установленномъ порядкѣ; съ разрѣшенія подлежащей власти комитетъ, въ случаѣ необходимости дальнѣйшаго пресѣченія зла, принимаетъ потерпѣвшихъ несовершеннолѣтнихъ на попеченіе общества, помѣщая ихъ въ своихъ убѣжищахъ или у благонадежныхъ лицъ; въ случаѣ же возбужденія дѣла о совершенномъ преступленіи относительно несовершеннолѣтнихъ, комитетъ пріискиваетъ, по просьбѣ потерпѣвшаго или его родственниковъ и опекуновъ, повѣреннаго для защиты въ судѣ интересовъ потерпѣвшаго. Членскій взносъ—не менѣе 3 рублей.

Драма въ Самаркандѣ. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ ужасномъ убійствѣ г. Сморгунера. Загадочная драма, разыгравшаяся на нашей далекой окраинѣ, въ Ташкентѣ, и закончившаяся убійствомъ защитника, г. Сморгунера, принимавшаго горячее участіе въ своемъ кліентѣ, дворянинѣ Джорджикія, начинаетъ дѣлаться понятной. Молодой человѣкъ, дворянинъ Джорджикія, служилъ въ Обществѣ транспортированія кладей въ Ташкентѣ; пріѣхавъ сюда изъ Тифлиса, онъ поселился въ квартирѣ сотника Колокольцова, жившаго съ женою и дѣтьми. Тутъ же взялъ комнату тоже сотникъ А. А. Мальхановъ. Первые годы брака супруги Колокольцовы жили сносно, но Джорджикія засталъ уже нѣчто крайне мучительное для жены и дѣтей своего хозяина. Страдая чисто болѣзненною страстью къ вину, г. Колокольцовъ очень мирный человѣкъ вообще, доходилъ до жестокости подъ вліяніемъ алкоголя. Онъ билъ семейныхъ, истязалъ дѣтей, ругался и унижалъ жену, позоря ее и проклиная, хотя въ трезвомъ видѣ относился къ ней съ полнымъ уваженіемъ. Товарищи знали, какую нравственную пытку выносила беззащитная семья, но никакихъ мѣръ не принимали. Но Джорджикія, бывшій постояннымъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, вступался, говорилъ съ товарищами Колокольцова и убѣждалъ его самого прекратить такую жизнь. Въ трезвомъ, т. е. здравомъ состояніи г. Колокольцовъ каялся, но затѣмъ снова начиналось неистовство. Несчастная жена трепетала за жизнь дѣтей, за ихъ будущее, такъ какъ отецъ билъ ихъ по головѣ, и, нерѣдко, должна была сама прятаться отъ мужа. Не встрѣчая никакой защиты, г-жа Колокольцова, естественно, обратилась къ Джорджикія, и тотъ посовѣтовалъ ей уѣхать отъ мужа вмѣстѣ съ дѣтьми. Ничего романическаго между г-жею Колокольцовой и ея защитникомъ не было. Джорджикія былъ женихомъ другой, любимой имъ дѣвушки, а г-жа Колокольцова была такъ истерзана вѣчнымъ страхомъ и несчастною семейною жизнью, что даже мужъ-властелинъ не ревновалъ ее ни къ кому. За сердечную жалость къ себѣ, со стороны жильца, г-жа Колокольцова платила ему заботливостью объ его вещахъ, чинила его бѣлье, платье и т. д. Когда г-жа Колокольцова, окончательно измученная и утратившая всякую вѣру въ возможность лучшаго, рѣшилась оставить мужа, то, конечно, явился вопросъ о паспортѣ. Безъ документа нельзя жить даже въ Ташкентѣ, и Джорджикія посовѣтовалъ г-жѣ Коло-

кольцовой временно переѣхать въ нумера Александрова. Легко представить себѣ, какъ боялась г-жа Колокольцова вторженія мужа, находившагося какъ разъ въ болѣзненномъ періодѣ, какъ она надѣялась на охрану единственнаго своего защитника, какъ бы взявшаго на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Въ три часа дня, 3-го января, г. Колокольцовъ пріѣхалъ къ гостиницѣ и спросилъ: здѣсь ли остановилась барыня съ двумя дѣтьми и, получивъ утвердительный отвѣтъ, направился въ нумеръ. Въ это мгновеніе его увидѣлъ Джорджикія, бросился за револьверомъ, вернулся и, повторяя только одну фразу: «Николай Павловичъ! Николай Павловичъ!» пять разъ выстрѣлилъ въ него. Три пули нанесли г. Колокольцову легкія раны, двѣ пролетѣли мимо, но Джорджикія ничего не сознавалъ. Онъ вышелъ на улицу, повторяя: «Николай Павловичъ! Николай Павловичъ!» и сейчасъ же приказалъ везти себя въ полицію, гдѣ заявилъ, что онъ убилъ человѣка. Вотъ сущность дѣла, по которому г. Сморгунеръ, редакторъ-издатель газеты «Русск. Туркестанъ», выступилъ убѣжденнымъ и горячо сочувствующимъ защитникомъ обвиняемаго въ покушеніи на убійство отст. кол. секр. М. И. Джорджикія. Случись это дѣло здѣсь, въ столицѣ, лучшія силы нашей присяжной адвокатуры тоже безвозмездно выступили бы защищать г. Джорджикія, и судъ представителей общественной совѣсти вынесъ бы понятный приговоръ. Но на окраинахъ существуетъ коронный судъ, и отвергать фактъ преступленія никто не рѣшался. Защитникъ, г. Сморгунеръ, говорилъ о мотивахъ, о полной безпомощности жены и матери, за которую вступился молодой человѣкъ, говорилъ объ общемъ безучастіи окружающихъ и вполнѣ естественно коснулся отношенія товарищей г. Колокольцова, все знавшихъ, но знать не желавшихъ. Никто изъ свидѣтелей и даже самъ пострадавшій не набросили ни единой тѣни на отношенія г. Джорджикія къ г-жѣ Колокольцовой и ясно, до полной очевидности было, что обвиняемый дѣйствовалъ вполнѣ безкорыстно. Коронный судъ приговорилъ обвиняемаго на поселеніе въ Томскую губ., но тутъ же, единогласно, постановилъ просить о полномъ помилованіи г. Джорджикія. Такимъ образомъ, дѣло казалось оконченнымъ, но вдругъ новое осложненіе. Сослуживцы г. Колокольцова оскорбились нѣкоторыми фразами, яко бы сказанными защитникомъ, г. Сморгунеромъ, и, не провѣривъ слуховъ, рѣшились мстить за честь полка. Выразителемъ негодованія, ни на чемъ, какъ оказывается, не основаннаго, явился полковникъ Сташевскій, выстрѣломъ изъ револьвера убившій г. Сморгунера.

Общественныя запашки въ Самарской губерніи.

(ЗАМѢТКА).

Въ газетахъ много говорилось о томъ, что самарское земство въ нынѣшнюю тяжкую годину народнаго бѣдствія тормозило выдачу продовольственной ссуды населенію, разъ послѣднее не соглашалось гарантировать возвратъ ея въ будущемъ общественными запашками. Какъ бы въ оправданіе самарскаго земства за такія его дѣйствія по отношенію къ населенію, одинъ изъ кореспондентовъ «Недѣли» (въ № 25) старался доказать, что «земство и до сего времени не можетъ составить какого-либо опредѣленнаго мнѣнія объ общественныхъ запашкахъ, такъ какъ результаты, даваемые запашками, пока еще мало обслѣдованы (это послѣ 7-лѣтней-то практики!). Правда, уже теперь можно отмѣтить, что запашки въ большинствѣ случаевъ далеко не процвѣтаютъ, но что именно служитъ причиной такому явленію—неумѣлое ли примѣненіе ихъ, или что еще другое,—многіе до сего времени затрудняются сказать».

Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ введенія общественныхъ запашекъ въ Самарской губерніи въ 1892 году и потому настоящая его замѣтка можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію возникновенія запашекъ и отчасти объяснить малоуспѣшность ихъ результатовъ. Господа земскіе дѣятели обладаютъ слишкомъ короткой памятью, или намѣренно не хотятъ понять, въ чемъ именно кроется причина малоуспѣшности общественныхъ запашекъ, такъ какъ о нихъ довольно обстоятельно было высказано въ «Сельскохозяйственномъ обзорѣ за 1892 г.» (вып. II, стр. 65—69). Предъ введеніемъ общественныхъ запашекъ въ 1891—1892 г., тогдашній членъ губернской земской управы, г. Поздюнинъ, по иниціативѣ котораго были введены запашки, просилъ меня, какъ завѣдующаго статистическимъ бюро, составить записку объ исторіи введенія и ходѣ общественныхъ запашекъ въ другихъ губерніяхъ, о причинахъ ихъ успѣшности или малоуспѣшности, и въ концѣ-концовъ высказать о запашкахъ и мое личное мнѣніе. Записка мною была составлена, и передана г. Поздюнину. Многочисленными примѣрами, взятыми изъ практики другихъ земствъ и учрежденій *). мною было доказано, что вездѣ, гдѣ запашки вводились насильно, противъ воли самихъ крестьянъ, гдѣ коллективный трудъ не являлся актомъ добровольнаго соглашенія участниковъ, они не имѣли успѣха и нерѣдко вызывали со стороны крестьянъ противодѣйствіе, что предварительно слѣдуетъ пропагандировать среди населенія идею введенія запашки, убѣдить его въ ихъ пользѣ и т. д. Г. Поздюнинъ не согласился съ моей аргументаціей и отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Вы теоретикъ, не земскій дѣятель, и въ этомъ дѣлѣ мало понимаете. Если крестьяне не согласятся ввести запашку, мы заставимъ ихъ силой и добьемся, чего надо.

О запашкахъ намъ лично тогда же приходилось много бесѣдовать съ крестьянами. Въ 80 хъ годахъ текущаго столѣтія общественная запашка практиковалась въ Самарской губерніи въ 46 обществахъ исключительно для удовлетворенія нуждъ церкви или духовенства. Въ большинствѣ обществъ общественныя запашки вводились на одинъ - два года, по мѣрѣ надобности, какъ у нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ опять отмѣнялись, «впредь до новой надобности». Вводились онѣ, напр., для уплаты долга, денежнаго или хлѣбнаго, заимодавцамъ въ неурожайный годъ, почему и запашки назывались «долговыми», или вводились на 3—5 лѣтъ для образованія капитала съ цѣлью построенія церкви или школы. Разъ эти нужды удовлетворены, и запашки прекращались. При такихъ условіяхъ весьма естественно запашки не имѣли почти никакого практическаго значенія въ смыслѣ обезпеченія населенія продовольственными или сѣменными запасами. Въ Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ, вмѣсто запашки, нѣкоторыя общества практиковали денежный сборъ съ каждой мужской души, и изъ этого сбора въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ къ 1890 году образовался общественный капиталъ, простиравшійся болѣе чѣмъ до 100.000 р., но къ голодному 1891 году весь былъ израсходованъ. Общественный денежный капиталъ существовалъ и во многихъ другихъ обществахъ уѣздовъ Бугульминскаго и Бугурусланскаго, но весь былъ израсходованъ въ 1891 году. По заявленію намъ крестьянъ, «до неурожайныхъ годовъ засѣвали при общественной запашкѣ больше, а теперь не стоитъ: тревога одна міру изъ-за пустяковъ, потому что приходится выгонять на работу съ ругней, да и сѣютъ и убираютъ не во время»... Прежде мало уходили на сторону, а теперь многіе изъ крестьянъ «стали уходить съ начала весны и на все лѣто на заработки въ Уральскую область, Уфимскую и Оренбургскую губерніи, земли сдаютъ въ аренду, иногда даже и не своимъ однообщественникамъ, иногда же въ міръ. Земли такъ и ле-

*) Напр., о введеніи запашекъ удѣльнымъ вѣдомствомъ въ Симбирской губ. *Авт.*

жать впустѣ». Кто же за ушедшихъ будетъ производить общественную запашку? Затѣмъ, во многихъ обществахъ своей надѣльной земли чрезвычайно мало даже для посѣва и для себя, напр., у крестьянъ на 1/4 дарственномъ надѣлѣ и т. д. Оттого, когда члены земской управы спрашиваютъ крестьянъ: «почему не ввели общественной запашки?»—отвѣчаютъ: «земли нѣтъ».

Отсюда и проистекаетъ несочувствіе населенія къ общественнымъ запашкамъ.

Когда, въ 1891 голодномъ году, въ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о томъ, какимъ образомъ обезпечить земству правильное поступленіе отъ крестьянъ продовольственной и сѣменной ссуды, то собраніемъ, по предложенію г. Поздюнина и всей управы, было постановлено: выдавать ссуду лишь тѣмъ обществамъ, которыя обяжутся ввести у себя общественную запашку, при чемъ на каждую ревизскую мужскую душу запашки полагалось по 200 квадр. саженъ; для болѣе правильнаго и добросовѣстнаго выполненія общественной запашки предположено выбирать изъ среды самихъ же крестьянъ особыхъ смотрителей надъ запашками, которые должны получать вознагражденіе за свои труды изъ продуктовъ запашки. Такимъ образомъ весь собранный продуктъ, съ общественной запашки распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 2/6 его идетъ на вознагражденіе смотрителя запашки и посѣвъ подъ будущія запашки, 1/6 остается въ запасъ, 3/6 должны поступать въ уплату долга отъ заемщиковъ. Запашки привились преимущественно въ обществахъ многоземельныхъ крестьянъ, каковы, напр., общества Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, и плохо—въ малоземельныхъ (въ уѣздахъ Ставропольскомъ и Самарскомъ); съ другой стороны онѣ не встрѣтили особеннаго сопротивленія со стороны русско-мордовскаго населенія, но вызвали сильный отпоръ со стороны татаръ и башкиръ, что будетъ весьма понятно, если мы вспомнимъ, что въ традиціяхъ этой послѣдней части инородческаго населенія никогда прежде не было примѣровъ общественной запашки. Нѣкоторыя общества, хотя и получившія ссуду, не ввели общественной запашки по недовѣрію къ тѣмъ цѣлямъ, какихъ предполагало достигнуть земство при введеніи ихъ. Въ Елшанской вол. (Самарскаго уѣзда) крестьяне много разъ толковали на сходѣ о запашкѣ, «но до крайности боялись ввести ее»; въ Натальинской вол. (Бузулукскаго уѣзда) крестьяне «не разбери Богъ что толковали о запашкахъ»; въ Высококолковской вол. (Ставропольскаго уѣзда), когда среди крестьянъ пошли слухи о томъ, что имъ не дадутъ ссуды изъ-за отказа отъ общественной запашки, то 500 домохозяевъ взяли паспорта на сторону. Изъ такого же чувства страха не ввели запашки многія татарскія общества уѣздовъ Бузулукскаго, Самарскаго, Бугульминскаго и Ставропольскаго. Многіе изъ корреспондентовъ статистическаго бюро тогда же констатировали фактъ плохой, небрежной обработки земли подъ запашку, вслѣдствіе чего и урожай хлѣбовъ получился плохой: «крестьяне шли на работу неохотно, землю подъ яровое не подготовляли съ осени». Изъ 61 корреспондента статистическаго бюро въ 4 сѣверныхъ уѣздахъ 38 дали показанія въ 1892 году о плохомъ урожаѣ хлѣбовъ съ общественныхъ запашекъ, и въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ запашка была введена безъ сопротивленія, урожай хлѣбовъ получился ниже средняго. Таковъ былъ результатъ общественныхъ запашекъ въ первый годъ послѣ введенія ихъ земствомъ.

По постановленіямъ губернскаго земскаго собранія 1897 г. результаты общественныхъ запашекъ оказались аналогичными съ 1892 годомъ, и это весьма естественно: всякій вынужденный трудъ всегда бываетъ малопроизводителенъ. Въ 1896 году средній урожай ржи съ запашекъ получился въ 31 п. 10 ф. съ десятины, ярового 28 п. 20 ф., въ 1897 году озимаго 14 п. 26 ф., ярового 11 п. 22 ф. Въ отчетѣ о состояніи общественныхъ запашекъ въ уѣздахъ губернская земская управа касается и причинъ не введенія крестьянскими обще-

ствами запашекъ, при чемъ оказалось, что въ 26 обществахъ прекращены запашки «самовольно» или «безъ всякой причины», въ 6 обществахъ за неимѣніемъ на то земли, въ 6 обществахъ Альметьевской вол., населенной татарами, запашки не введены «по невыгодности ихъ». Но такъ какъ сама управа твердо убѣждена именно въ выгодности, то она и проситъ уѣздныя земскія управы «производить фактическій контроль общественныхъ запашекъ о своевременномъ выполненіи работъ: времени пашни, посѣва, жнитва и молотьбы и о результатѣ доставлять свѣдѣнія въ губернскую управу». Отвѣты земскихъ управъ на приглашеніе губернскаго земства вести надъ запашками неослабный контроль были резонны и просты, до такой степени просты, что они не могутъ быть поняты только наивными людьми, въ родѣ г. Поздюнина. Бузулукское земство, составнымъ элементомъ котораго является и г. Поздюнинъ, на предложеніе управы отвѣчало слѣдующее: «Для провѣрки общественной запашки по каждому обществу на мѣстѣ потребовалось бы не менѣе года, при условіи, чтобы весь составъ управы оставилъ всѣ другія дѣла, а такъ какъ сдѣлать этого нельзя, то постановленіе губернскаго земскаго собранія остается невыполнимымъ».

По мнѣнію Бугурусланской земской управы, «фактическій контроль общественныхъ запашекъ крайне обременителенъ и даже физически невыполнимъ по громадности района, занимаемаго запашками, и разбросанности ихъ въ частности». Но въ свое оправданіе управа старается выставить на видъ и положительную сторону своей дѣятельности по урегулированію общественныхъ запашекъ въ своемъ уѣздѣ: «одни общества она побуждала, другія и третьи заставляла засѣвать въ двойномъ и даже тройномъ размѣрѣ» (sic!).

И губернское, и уѣздныя земства были твердо убѣждены въ томъ, что общественныя запашки должны практиковаться лишь до тѣхъ поръ, пока не уплатятся крестьянами долги по ссудѣ съ 1891—1892 гг., а между тѣмъ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1893 г. земство оказалось сбитымъ съ своей позиціи. Этимъ распоряженіемъ вмѣнялось губернскому земству въ обязанность «весь хлѣбъ, собранный съ общественныхъ запашекъ тѣхъ обществъ, за коими числится долгъ по ссудамъ 1873 и 1880 гг., обращать на погашеніе сихъ ссудъ». Очевидно, общественнымъ запашкамъ въ Самарской губ. не предвидится и конца, и губернское земство съ этимъ, повидимому, вполнѣ примирилось. Бугурусланское земство предлагаетъ губернскому принять какія-либо радикальныя мѣры для поддержанія общественныхъ запашекъ, «ибо въ послѣднее время является опасеніе, что дѣло это можетъ совершенно упасть въ виду того, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ сомнѣваются, чтобы общественныя запашки могли по закону распространяться на долги населенія, сдѣланныя имъ ранѣе введенія запашекъ» *). И крестьянскія общества, съ своей стороны тоже увѣрены, что «съ уплатою долга по ссудамъ въ голодный 1891 г. и слѣдующіе годы прекратятся и общественныя запашки». Новоузенское земство и до сихъ поръ продолжаетъ вносить деньги за проданный хлѣбъ въ казначейство на уплату исключительно долговъ по займу 1891—1892 годовъ.

Уѣзднымъ земствамъ, повидимому, надоѣло возиться съ неблагодарнымъ дѣломъ—контроля общественныхъ запашекъ. Вмѣсто того, чтобы въ это запутанное дѣло внести какой-либо свѣтъ, губернское земство постановило возбудить предъ начальникомъ губерніи ходатайство о томъ, чтобы онъ «предложилъ г.г. земскимъ начальникамъ имѣть строгое наблюденіе за правильнымъ веденіемъ сельскими обществами означенныхъ запашекъ и о разъясненіи *всѣми*

*) Постановл. губерн. зем. собр. XXXIII очередн. сессіи 1897 г., 270.

зависящими отъ нихъ мѣрами *) крестьянамъ полезности и необходимости этихъ запашекъ».

Чего не могутъ сдѣлать уѣздныя земства, того могутъ де достигнуть земскіе начальники, облеченные болѣе широкими полномочіями. Въ такихъ мѣропріятіяхъ не нуждалось самарское губернское земство въ лучшія времена своей дѣятельности. И. Красноперовъ.

За границей.

Европейская колонизація. Колонизаціонное движеніе въ Европѣ за послѣдніе годы приняло очень широкіе размѣры и составляетъ одно изъ характерныхъ явленій оканчивающагося столѣтія. Большинство европейскихъ націй обнаруживаетъ неудержимое стремленіе къ распространенію своихъ владѣній «за моремъ», въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта и преимущественно въ тропическихъ странахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что европейскія націи обнаруживаютъ при этомъ удивительную беззастѣнчивость; въ своемъ стремленіи раздѣлить міръ между собою, онѣ совершенно не принимаютъ во вниманіе право слабыхъ и беззащитныхъ народовъ, которыхъ онѣ безъ церемоніи изгоняютъ изъ ихъ владѣній, оправдывая свои поступки тѣмъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, такъ какъ европейская цивилизація несетъ имъ такія блага, о которыхъ бѣдные невѣжественные туземцы и понятія не имѣютъ. Но главная забота европейскихъ націй въ этой погонѣ за территоріями, заключается въ томъ, чтобы предупредить другъ друга, раньше наложить руку на свободный кусокъ земли и захватить больше. Стоитъ которой нибудь изъ крупныхъ европейскихъ націй захватить участокъ земли или островъ, водрузить свой флагъ, какъ тотчасъ же является другая нація съ заявленіемъ своихъ претензій; точно коршуны слетаются всѣ на добычу и каждый торопится урвать кусочекъ. Такое характерное зрѣлище представляетъ въ настоящее время Китай, и тоже самое можно наблюдать въ Африкѣ.

Но такая стремительная колонизація отдаленныхъ странъ и заселеніе ихъ европейцами выдвигаетъ на сцену многіе очень важные вопросы. Извѣстно, что человѣкъ можетъ приспособиться къ самымъ различнымъ климатическимъ условіямъ. Мы видимъ, что люди живутъ на крайнемъ сѣверѣ и свыкаются съ полярною стужей и даже, подобно эскимосамъ, не подозрѣваютъ, что жизнь возможна при иныхъ условіяхъ. Африканскіе негры конечно также находятъ тропическій зной вполнѣ естественнымъ и не очень страдаютъ отъ него. Но что касается европейцевъ, то важный вопросъ, который теперь выдвигается на сцену, заключается въ томъ: могутъ ли они также легко приспособиться по климатическимъ условіямъ тѣхъ странъ, которыя они колонизуютъ, какъ приспособились къ нимъ мѣстные жители? Медицинскіе авторитеты высказываются на этотъ счетъ довольно неопредѣленно и далеко не единогласно, особенно въ томъ, что касается тропиковъ. Впрочемъ нѣкоторые высказываются прямо, что европеецъ никогда не можетъ акклиматизироваться въ тропикахъ; все что онъ можетъ сдѣлать—это временно сохранить свое здоровье, соблюдая всѣ предосторожности и строгія правила гигіены; но продолжительное пребываніе въ тропическомъ климатѣ для него все-таки гибельно. Объ акклиматизаціи европейской расы нечего думать и, по мнѣнію этихъ авторитетовъ, Африка никогда не сдѣлается страной, заселенной европейцами. Впрочемъ это относится также ко всѣмъ странамъ тропической зоны. Нѣкоторымъ удается

---

*) Курсивъ нашъ.

прожить 10, 15 даже двадцать лѣтъ подъ тропиками, но такіе крѣпкіе организмы составляютъ исключеніе и все-таки въ концѣ концовъ они бываютъ ослаблены и люди кажутся гораздо старше своихъ лѣтъ.

Авторъ книги «The Central of the tropics» (центръ тропиковъ) Б. Киддъ, говоритъ, что европеецъ можетъ жить въ экваторіальной Африкѣ лишь какъ проѣзжій, временно останавливаясь въ ней, и для возстановленія своихъ силъ онъ непремѣнно долженъ ѣздить въ Европу.

Другіе однако высказываютъ болѣе оптимистическіе взгляды, приводя въ доказательство статистику смертности въ англійскихъ войскахъ въ Индіи. Въ Бенгаліи, въ началѣ смертность была 77 на тысячу, а теперь всего 14. Въ Мадрасскомъ округѣ она упала съ 68 до 13, въ западной Индіи съ 78 на 9, а въ восточной Индіи со 170 до 16. Эти цифры конечно очень краснорѣчивы, но онѣ скорѣе говорятъ въ пользу улучшенія санитарныхъ условій въ войскахъ, нежели въ пользу приспособленія ихъ къ климатическимъ условіямъ, такъ какъ контингентъ войскъ въ британской Индіи по прежнему набирается въ Индіи и Англоиндійская раса еще повидимому не образовалась тамъ, и въ Индію постоянно возобновляется запасъ свѣжихъ силъ изъ Европы.

Одинъ изъ французскихъ врачей говоритъ, что самый страшный врагъ европейца въ тропикахъ — вовсе не высокая температура, которая въ сущности не можетъ дѣйствовать столь уже разрушительно на крѣпкій и здоровый организмъ — а микробъ, который мститъ европейцамъ за несчастныхъ негровъ, погибающихъ отъ жестокаго обращенія и хотя онъ дѣйствуетъ не такъ быстро, какъ европейскія пули, но разрушаетъ организмъ столь же вѣрно. Такимъ образомъ окончательное завоеваніе тропиковъ и заселеніе ихъ европейскою расою зависитъ не отъ грубой силы или стратегическаго искусства, а составляетъ дѣло европейской науки и главнымъ образомъ гигіены. Колоніальныя предпріятія очевидно должны опираться на другія основанія; не на ружья и сабли, а на подробныя изслѣдованія и знаніе патологіи и бактеріологіи колонизуемой области, такъ какъ именно микробы препятствуютъ успѣшной колонизаціи и мѣшаютъ европейцамъ утвердить свое могущество.

Въ Англіи уже поняли это и тамъ учреждена колоніальная медицинская школа, спеціально для изученія тропическихъ болѣзней. Англійскіе колоніальные врачи въ послѣднее время энергично принялись за изученіе этого вопроса и англійское правительство командируетъ спеціальныя медицинскія миссіи въ различныя мѣста тропической области, особенно извѣстныя своимъ губительнымъ климатомъ для европейцевъ.

Это новое направленіе колонизаціонной дѣятельности должно принести плоды и быть можетъ рѣшить наконецъ спорный вопросъ насчетъ возможности акклиматизаціи европейцевъ въ тропикахъ. А пока колонизація все-таки идетъ своимъ чередомъ. Черный континентъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ и европейцы въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ необыкновенную дѣятельность. Между тѣмъ постройка желѣзной дороги въ Африкѣ сопряжена бываетъ съ величайшими затрудненіями; бороться приходится не только съ климатомъ и почвой, но и съ тропическою растительностью и враждебностью туземцевъ. Зачастую случается, что работа, потребовавшая нѣсколькихъ мѣсяцевъ для своего выполненія, разрушается въ нѣсколько дней и даже часовъ ураганомъ, дождемъ, наводненіемъ, а иногда проложенный желѣзнодорожный путь становится негоднымъ вслѣдствіе растительности, которая быстро покрываетъ все полотно; травы и ползучія растенія переплетаются, образуя густой, непроницаемый коверъ, подъ которымъ совершенно исчезаютъ рельсы. Но упрямый европеецъ опять и опять расчищаетъ путь и неудержимо стремится впередъ, не обращая вниманія ни на какія препятствія, въ погоню за новыми рынками для сбыта своихъ произведеній. Для него не такъ страшны всѣ смертоносные

микробы тропиковъ, какъ паденіе цѣнъ, вызываемое конкуренціей, и связанное съ этимъ уменьшеніе прибыли. Ужасъ передъ этимъ врагомъ гонитъ его въ такія дебри, о какихъ и не мечтали никогда прежніе искатели приключеній.

Очень немногіе изъ европейцевъ имѣютъ понятіе о той страшной отвѣтственности, которая лежитъ на плечахъ главнаго строителя желѣзной дороги въ Африкѣ. Только люди съ очень крѣпкими нервами, закаленные и обладающіе чрезвычайно здоровымъ организмомъ, въ состояніи девести до благополучнаго конца такое предпріятіе. Прежде всего чувствуется постоянный недостатокъ въ хорошихъ работникахъ и волей неволей приходится обращаться къ туземцамъ, которые работаютъ плохо и неохотно. Но самое худшее—это скрытая враждебность туземцевъ, всѣми способами старающихся помѣшать постройкѣ. Европеецъ долженъ быть на сторожѣ постоянно, и хорошо, если все дѣло ограничивается только уничтоженіемъ, да порчею пути. Піонеры цивилизаціи не смущаются этими опасностями и мало-по-малу прокладываютъ дорогу черезъ степи, горы и дѣвственные лѣса чернаго континента и недалеко тотъ день, когда непрерывный рельсовый путь пройдетъ отъ Мыса Доброй Надежды сплошь до Средиземнаго моря.

Одинъ изъ американскихъ общественныхъ дѣятелей. Въ настоящее время почти во всѣхъ американскихъ иллюстрированныхъ газетахъ и «Magazines» можно найти портретъ и біографію нѣкоего мистера Джонса, мэра города Толедо, въ штатѣ Огіо. Мистеръ Джонсъ въ данную минуту одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ заваленъ приглашеніями различныхъ политическихъ партій и общественныхъ дѣятелей на банкеты, митинги и конгрессы. Его коллеги въ городскомъ муниципалитетѣ постоянно обращаются къ нему за совѣтами, организаторы конференцій просятъ его прочесть публичныя лекціи, репортеры ходатайствуютъ объ interview—однимъ словомъ, его всѣ хотятъ видѣть, говорить съ нимъ и его буквально разрываютъ на части. Его избрали мэромъ, но теперь уже поговариваютъ о томъ, чтобы избрать его губернаторомъ и даже президентомъ. Въ Бостонѣ, въ Нью-Іоркѣ, гдѣ онъ говорилъ передъ громадною аудиторіей, толпа восторженно привѣтствовала его. Но полгода тому назадъ почти никто въ Америкѣ даже не зналъ о существованіи Джонса и извѣстность его еще не переходила границъ Толедо, города съ 90.000 жителей, находящагося въ сѣверной части штата Огіо, на берегу озера Эри. Даже и тамъ онъ былъ — выражаясь политическимъ языкомъ — «новый человѣкъ». Карьера его была не только быстрая, но и совершенно неожиданная. Всего лишь два года тому назадъ онъ былъ извѣстенъ только какъ добрый хозяинъ, весьма любимый рабочими на своемъ нефтяномъ заводѣ, заботящійся объ ихъ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи. Извѣстно было только, что онъ ввелъ какія-то любопытныя нововведенія на своей фабрикѣ, но большинство смотрѣло на него какъ на очень кроткаго и добродушнаго, въ тоже время нѣсколько наивнаго человѣка.

Наступили муниципальные выборы 1897 года. На выборахъ шла борьба между партіями республиканцевъ и демократовъ, но такъ какъ обѣ партіи были равны по силѣ, то шансы раздѣлились и ни тотъ, ни другой кандидаты не одержали побѣды. Тогда рѣшили выставить третьяго кандидата, который могъ бы соединить обѣ партіи. Произнесено было имя Джонса—«добраго хозяина»; онъ былъ республиканецъ; но противоположная партія не выказала большого сопротивленія, такъ какъ его всѣ любили, и Джонсъ прошелъ на выборахъ, поддерживаемый лучшими и наиболѣе уважаемыми гражданами Толедо.

Два года управленія Джонсомъ произвели въ городѣ Толедо такія перемѣны, о какихъ и не мечтали его жители. Всѣ почтенные люди, поддерживавшіе

Джонса своими голосами, духовенство, промышленныя общества и т. д:, очень сочувственно взиравшія на тѣ нововведенія, которыя онъ предпринималъ въ интересахъ города, были поражены его необыкновенною энергіей и тѣми радикальными перемѣнами, которыя произошли въ короткій срокъ. Всѣ въ Толедо почувствовали какое-то новое вѣяніе. Джонсу удалось смягчить строгія постановленія относительно соблюденія воскреснаго дня, гуманизировать полицію и и научить ее дѣйствовать больше убѣжденіемъ и кротостью, нежели силой. Эта перемѣна въ особенности поразила всѣхъ; затѣмъ онъ позаботился также о безработныхъ, для которыхъ были устроены городскіе пріюты, гдѣ они получали квартиру и столъ въ теченіе трехъ дней, такъ какъ это считалось достаточнымъ срокомъ для пріисканія работы. Но дальнѣйшіе его планы произвели большую сенсацію въ городскомъ управленіи. Онъ заговорилъ о томъ, чтобы городъ самъ взялъ въ свои руки и электрическое освѣщеніе, и конножелѣзныя дороги и т. п, промышленныя учрежденія, устранивъ промышленныя общества и прекративъ выдачу концессій. Слова: «municipal ownership», (муниципальная собственность), стали повторяться безпрестанно; бюро городскаго мэра было постоянно переполнено разнаго рода бѣдняками, съ которыми онъ разговаривалъ съ величайшею привѣтливостью. Наконецъ, наступили выборы 1899 года. На этотъ разъ Джонсъ выступилъ передъ своими прежними избирателями съ опредѣленною программой, въ которой главными пунктами были слѣдующія: экспропріація конножелѣзныхъ дорогъ и электрическаго освѣщенія и передача ихъ въ вѣдѣніе города; восьмичасовой рабочій день; извѣстный минимумъ заработной платы (7 фр. 50 с.); организаціи помощи для безработныхъ, устройство парковъ для народа и т. д, и т. д. Избиратели Джонса пришли въ ужасъ и... выбрали другого кандидата.

Джонсъ принялъ героическое рѣшеніе, онъ объявилъ себя независимымъ кандидатомъ и назвался «республиканцемъ на манеръ Линкольна». Никто не сомнѣвался въ провалѣ Джонса, ибо противъ него были двѣ организованныя партіи, всѣ промышленныя общества, духовенство, большинство печати и все, такъ называемое, «порядочное общество». Но... за него оказался народъ, который презрѣвъ всякія преграды, налагаемыя партіями, объединился подъ независимымъ знаменемъ Джонса. Избирательная кампанія превратилась для него въ одинъ непрерывный тріумфъ. За нѣсколько дней до выборовъ по улицамъ Толедо прошлась грандіозная процессія въ 6.000 человѣкъ, объявившая своимъ кандидатомъ Джонса. Затѣмъ, когда наступили выборы, Джонсъ былъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ; республиканскій кандидатъ получилъ 4.000, кандидатъ демократовъ 3.000, а Джонсъ—16.752 голоса. Разумѣется, это произвело сенсацію; вѣсть о побѣдѣ «независимаго» кандидата распространилась по всѣмъ штатамъ союза и Джонсъ сразу сдѣлался извѣстностью, и въ газетахъ, и «magazines» появились его портреты и біографіи.

Джонсъ принадлежитъ къ категоріи людей, которыхъ англичане и американцы называютъ «Self made man». Онъ родился въ княжествѣ Уэлльскомъ (что помѣшаетъ ему когда-нибудь быть избраннымъ на постъ президента республики), но трехъ лѣтъ былъ привезенъ въ Америку, куда эмигрировали его родители, очень бѣдные и обремененные многочисленною семьею люди. Джонсу съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ пришлось извѣдать нужду и работать для куска хлѣба. Ему было восемь лѣтъ, когда онъ очутился въ Пенсильваніи, совершенно одинъ, имѣя въ карманѣ всего 15 пенсовъ и не зная ни одной души, которая могла бы придти къ нему на помощь. Мало-по-малу ему удалось пристроиться и получить постоянный заработокъ. Заработокъ этотъ съ годами увеличивался, но Джонсъ не только работалъ, но и учился. Благодаря своимъ способностямъ и смѣтливости, онъ скоро выдвинулся и добился самостоятельнаго положенія. Изучивъ нефтяное дѣло, онъ сталъ во главѣ собственнаго ке-

росиноваго завода, гдѣ и началъ примѣнять свой собственный новый способъ приготовленія керосина.

Но лишь тогда, когда онъ сталъ во главѣ собственнаго дѣла, онъ понялъ, какъ онъ самъ говоритъ, всю важность и остроту соціальнаго вопроса. До этого времени онъ работалъ только для себя и для своей семьи; онъ достигъ обезпеченнаго матеріальнаго положенія, пополнилъ свое образованіе и могъ съ чистою совѣстью назвать себя добрымъ отцомъ семейства, добрымъ гражданиномъ и христіаниномъ, не забывающимъ завѣтовъ Евангельскаго ученія и старающимся дѣлать добро. Но дальше этого онъ не шелъ и только тогда, когда онъ почувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность, какъ на хозяинѣ дѣла, когда онъ началъ ежедневно сталкиваться съ рабочими, которые просили работы и зачастую не находили ее, онъ началъ размышлять и въ душѣ его родилось сознаніе соціальнаго долга. Онъ самъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Сотни людей приходили ко мнѣ на фабрику просить работы. Скорбное выраженіе ихъ исхудалыхъ, изможденныхъ лицъ, приниженный и часто запуганный видъ, точно у побитой собаки, ихъ поникшія головы, которыя они не рѣшались поднять, чтобъ посмотрѣть на васъ, согбенныя спины, которыя, казалось, никогда не могли выпрямиться—все это производило на меня удручающее впечатлѣніе. Я сказалъ себѣ: неужели это возможно, чтобы въ мірѣ было столько людей безъ всякой работы, столько бѣдности и столько страданія!»

Джонсъ былъ благочестивымъ человѣкомъ; ему тотчасъ же вспомнилась Нагорная Проповѣдь и тѣ слова ея, которыя англичане называютъ «The Golden Rule» (золотое правило), и которыя говорятъ объ отношеніяхъ къ ближнему. Будучи всегда человѣкомъ дѣла, Джонсъ рѣшилъ прежде всего примѣнить это «золотое правило» у себя на фабрикѣ и скоро сдѣлался извѣстенъ какъ человѣкъ, руководствующійся «золотымъ правиломъ» въ промышленности.

Для начала Джонсъ прежде всего изучилъ до мельчайшихъ подробностей бытъ рабочихъ и былъ пораженъ, что многіе семейные рабочіе вынуждены были довольствоваться заработкомъ, не превышающимъ полдоллара въ день. Тогда Джонсъ установилъ у себя минимумъ заработной платы въ одинъ долларъ. Нанимавшимся къ нему рабочимъ онъ никогда не задавалъ никакого вопроса насчетъ ихъ прошлаго, политическихъ и религіозныхъ взглядовъ и т. д. Но, выдавая рабочему причитающуюся ему заработную плату, Джонсъ заворачивалъ ее въ листокъ, на которомъ былъ напечатанъ какой-нибудь благой совѣтъ и нѣсколько дружескихъ и теплыхъ словъ, проникнутыхъ братскимъ участіемъ. Кромѣ того, желая придать «золотому правилу» болѣе торжественный характеръ, онъ велѣлъ его надписать повсюду на стѣнахъ своей фабрики и объявилъ всѣмъ своимъ рабочимъ, что это правило замѣняетъ всякій договоръ и что они должны такъ и смотрѣть на него и работать на хозяина такъ же добросовѣстно, какъ они желали бы, чтобъ онъ работалъ для нихъ. Чтобы уменьшить число забастовокъ, онъ сократилъ число рабочихъ часовъ и въ то же время повысилъ заработную плату, вмѣсто того, чтобы соотвѣтственно уменьшить ее. Затѣмъ онъ постановилъ, что проработавъ полгода на фабрикѣ, рабочій получалъ право на восьмидневный отпускъ съ полнымъ сохраненіемъ содержанія. Но онъ сдѣлалъ еще одно нововведеніе: по прошествіи двухъ лѣтъ, къ Рождеству, онъ роздалъ рабочимъ маленькій дивидендъ и въ конвертъ, въ которомъ заключалась эта сумма, онъ вложилъ письмо къ рабочему, заключавшее въ себѣ, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, нѣчто вродѣ проповѣди и изложенія соціальныхъ взглядовъ автора. Эти взгляды становились все болѣе и болѣе смѣлыми, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что онъ ихъ проповѣдывалъ своимъ же рабочимъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ такомъ письмѣ онъ говоритъ что «Царство Божіе» наступитъ лишь тогда,

«когда ежедневно, для всѣхъ, будетъ Рождество (Christmas). Англосаксонцы чрезвычайно чтятъ этотъ праздникъ и Джонсъ поясняетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этими словами такой праздникъ Рождества, когда каждый человѣкъ получитъ право пользоваться самъ плодами своихъ трудовъ и никто не станетъ отнимать у него эти плоды, ни посредствомъ спекуляцій, ни посредствомъ другихъ, болѣе достойныхъ способовъ, какими располагаетъ современная промышленность». Джонсъ находитъ также, что должны исчезнуть конкуренціи и порожденныя ею соціальныя условія, которыя аналогичны войнѣ.

Конкуренціи онъ противопоставляетъ братство, «истинное братство», о которомъ онъ часто говоритъ въ своихъ рѣчахъ. Онъ всячески старается укрѣпить и развить это чувство между своими рабочими и своимъ поведеніемъ доказываетъ, что они и онъ—*братья*.

Около его фабрики находилась пустошь, которую онъ купилъ и устроилъ на ней паркъ, гдѣ собираются семьи рабочихъ, рѣзвятся и гуляютъ ихъ дѣти, и гдѣ зачастую устраиваются митинги, произносятся рѣчи и публичныя лекціи. Но Джонсъ на этомъ не остановился и началъ придумывать и устраивать увеселительныя поѣздки со своими рабочими въ окрестности города, а когда былъ готовъ его загородный домъ, то онъ отпраздновалъ новоселье вмѣстѣ со своими рабочими. Не удивительно, послѣ этого, что всѣ рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, готовы стоять за него горой и поддержали его на выборахъ!

Занявъ должность мэра, Джонсъ продолжалъ свои нововведенія и на этотъ разъ они коснулись не однихъ только рабочихъ его фабрики, а всѣхъ вообще обитателей Толедо. Онъ ставилъ себѣ правиломъ обращаться съ рабочими такъ, какъ онъ бы желалъ, чтобы стали съ нимъ обращаться въ случаѣ, если бы онъ лишился всякихъ средствъ къ существованію; поэтому то онъ и заставилъ городъ устроить даровыя бани и даровыя квартиры для рабочихъ на случай забастовки и т. п. Но замѣчательнѣе всего, что этотъ необыкновенный человѣкъ, казалось, поглощенный своею дѣятельностью, нашелъ время написать стихи «Пѣснь о промышленной свободѣ» и эта пѣснь переложена на музыку и уже сдѣлалась чѣмъ-то вродѣ народнаго гимна въ Толедо.

Новый экспериментъ въ Новой Зеландіи. Вопросъ о всеобщемъ страхованіи старости до сихъ поръ еще вызываетъ горячія пренія въ Европѣ, но у нашихъ антиподовъ-новозеландцевъ онъ недавно рѣшенъ утвердительно. Новая Зеландія—это страна всевозможныхъ соціальныхъ экспериментовъ и населеніе ея, не задумываясь и не заботясь о потрясеніи какихъ бы то ни было основъ и традицій, вводитъ самыя смѣлыя реформы въ своемъ законодательствѣ. Извѣстно, что большинство британскихъ колоній въ Австраліи представляетъ въ практическомъ отношеніи почти совершенно независимыя общины, обладаетъ отдѣльными выборными парламентами, издаетъ собственные законы и, не опасается производить разные политическіе, соціальные и экономическіе эксперименты, результаты которыхъ могутъ быть весьма интересны и поучительны для Европы. Но самая смѣлая и передовая изъ всѣхъ австралійскихъ колоній—это, безъ сомнѣнія, Новая Зеландія, насчитывающая пока не болѣе 703.000 населенія европейской расы и 40.000 маорійцевъ. Колонизація Новой Зеландіи произошла лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Представителемъ королевской власти служитъ (для формы) губернаторъ, но управляютъ страной: отвѣтственное министерство, законодательный совѣтъ и палата представителей, въ которой, какъ извѣстно, участвуютъ и женщины.

Страннымъ образомъ тотъ консервативный духъ, который обнаруживаютъ англичане въ примѣненіи къ своимъ законамъ и традиціямъ, составляющимъ для нихъ святыню, совершенно исчезаетъ въ англійскихъ австралійскихъ колоніяхъ, гдѣ они чрезвычайно охотно пробуютъ разныя нововведенія въ зако-

нодательной системѣ. Но изъ всѣхъ мѣропріятій прогрессивнаго и демократическаго характера, прошедшихъ въ новозеландскомъ парламентѣ, наибольшее вниманіе европейской печати возбудилъ законопроектъ о пенсіи старикамъ, такъ называемый «Old Age Pensions Act», согласно которому всѣ новозеландцы обоего пола, достигшіе 65-лѣтняго возраста и прожившіе въ колоніи не менѣе 25 лѣтъ, имѣютъ право на пожизненную пенсію, составляющую около 450 фр. въ годъ. Однако, пенсія эта выплачивается сполна только тѣмъ лицамъ, годовой доходъ которыхъ, изъ какого бы источника онъ не происходилъ, не превышаетъ 850 фр. Если доходъ превышаетъ эту сумму, то на каждые 25 фр. излишка вычитается 25 фр. изъ пенсіи и такимъ образомъ лица, имѣющія ежегодный доходъ въ 1300 фр. и болѣе, не имѣютъ права на государственную пенсію. Точно также не имѣютъ права на нее лица, обладающія капиталомъ (Accumulated property) въ 15.000 фр. Затѣмъ не могутъ быть пенсіонерами государства такіе люди, которые были приговорены къ тюремному заключенію не менѣе какъ на пять лѣтъ, или же совершили предусмотрѣнные закономъ проступки; не могутъ получать пенсію супруги, покинувшіе свой семейный очагъ болѣе чѣмъ на полгода. Но новый законъ, кромѣ того, требуетъ, чтобы каждый претендентъ на пенсію представилъ доказательства, что онъ пользуется хорошею репутаціей (good moral character) и что онъ въ теченіе пяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, ведетъ жизнь вполнѣ трезвую и добропорядочную. Ни китайцы, ни другія азіатскія народности не могутъ стать пенсіонерами государства, хотя бы они и были натурализованы въ Новой Зеландіи, но зато маорійцы пользуются въ этомъ отношеніи совершенно такими же правами, какъ и всѣ прочіе британскіе колонисты.

Законъ введенъ въ видѣ пробы на три года, по прошествіи которыхъ колоніальный парламентъ рѣшитъ, насколько онъ удовлетворяетъ своей цѣли и если вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, то законъ не будетъ отмѣненъ и будетъ дѣйствовать и дальше. Расходы на первый годъ вычисляются приблизительно въ 100.000 ф. стерлинговъ и парламенту придется ежегодно выдавать такую субсидію для поддержанія введенной системы пенсій.

Идея учрежденія государственной пенсіи для стариковъ возникла вслѣдствіе предубѣжденія, которое существуетъ у многихъ, противъ законовъ о бѣдности и системы благотворительности. Агитація въ пользу новаго закона, началась въ Новой Зеландіи уже года три тому назадъ и побѣда далась не легко. Большинство было противъ такого закона, но меньшинство, и въ томъ числѣ женщины, энергично содѣйствовали проведенію его въ парламентѣ. Многіе видѣли въ этомъ законѣ «замаскированную» благотворительность и поэтому отвергали его; другіе же опасались чрезмѣрнаго развитія пауперизма въ народѣ подъ вліяніемъ такого закона. Но не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ соціальнымъ экспериментомъ и что въ законопроектѣ, конечно, будутъ введены разныя поправки, чтобы сдѣлать его болѣе отвѣчающимъ своимъ цѣлямъ. Какъ бы тамъ ни было, но маленькая колонія приковываетъ къ себѣ взоры многихъ государственныхъ дѣятелей въ Европѣ, такъ какъ безстрашно выступаетъ съ нововведеніями разнаго рода и представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ лабораторіи для производства разныхъ соціальныхъ опытовъ.

Роль женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ исторіи борьбы съ алкоголизмомъ женщинамъ безспорно принадлежитъ далеко не послѣдняя роль. Всѣ государства заинтересованы борьбою съ этимъ страшнымъ зломъ, подрывающимъ народное благосостояніе и тѣсно связаннымъ съ соціальнымъ вопросомъ. Нѣкоторые изъ современныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, заявляютъ,

что «алкоголизмъ и милитаризмъ—вотъ два бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ и разлагается современное общество». Извѣстный феминистскій писатель и защитникъ правъ женщины, адвокатъ Луи Франкъ, прибавляетъ кромѣ того, что зло это, позорящее человѣчество, не будетъ побѣждено, пока мужчина не призоветъ на помощь женщину и не сдѣлаетъ ее равноправной во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ лишь при такихъ условіяхъ женщина можетъ успѣшно бороться съ алкоголизмомъ. Франкъ указываетъ, что борьба съ алкоголизмомъ привела къ серьезнымъ результатамъ лишь благодаря содѣйствію и вліянію женщинъ, въ странахъ, гдѣ феминизмъ довольно сильно развитъ; тамъ же, гдѣ роль женщинъ въ борьбѣ была не рѣзко выражена, результаты получились весьма незначительные.

Американки первыя организовали крестовый походъ въ пользу трезвости. Въ 1873 году былъ объявленъ первый походъ противъ пьянства, извѣстный подъ именемъ «Women's Whisky War» (война женщинъ противъ виски). Въ декабрѣ 1873 года состоялся первый женскій митингъ трезвости, который привелъ къ закрытію нѣсколькихъ тысячъ кабаковъ. Въ августѣ, въ слѣдующемъ году, въ Чаутаква (въ штатѣ Нью-Іоркъ) организовано было первое женское общество трезвости, подъ названіемъ «National Women's Christian Temperance Union» подъ предсѣдательствомъ выдающейся общественной дѣятельницы, миссъ Фрэнсисъ Вилляръ. Этотъ національный союзъ, извѣстный подъ иниціалами: W. C. T. U. достигъ высокой степени процвѣтанія и вліянія въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ настоящее время союзъ этотъ насчитываетъ болѣе 400.000 членовъ и въ томъ числѣ 15.366 дѣтей. Союзъ имѣетъ болѣе 10.000 филіальныхъ отдѣленій и кромѣ того къ нему примыкаютъ различные провинціальные союзы, преслѣдующіе одинаковыя цѣли. Центральный комитетъ завѣдуетъ всѣми дѣлами союза, а различные роды дѣятельности распредѣляются по департаментамъ союза.

Доказательствомъ процвѣтанія, силы и вліянія этого союза служитъ великолѣпный храмъ трезвости, возвышающійся въ центрѣ Чикаго и стоившій двѣнадцать съ половиною милліоновъ, собранныхъ по подпискѣ и только среди женщинъ. Въ этомъ храмѣ помѣщается центральное управленіе гигантской женской ассоціаціи, а свободныя части этого обширнаго зданія отдаются въ наемъ. Кромѣ этого храма союзъ выстроилъ въ Чикаго госпиталь и учредилъ ассоціацію, завѣдующую издательскою дѣятельностью союза. Штатъ служащихъ при этой ассоціаціи доходитъ до 120 человѣкъ. Ассоціація издаетъ четыре газеты и разные памфлеты, книги и брошюры, имѣющія цѣлью распространеніе идей трезвости въ народѣ. Всѣ должности въ союзѣ занимаются исключительно женщинами и мужчины принимаются лишь въ качествѣ почетныхъ членовъ.

Кромѣ этого союза въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ еще нѣсколько обществъ трезвости, въ которыхъ женщины принимаются въ качествѣ членовъ наравнѣ съ мужчинами. Къ числу такихъ смѣшанныхъ обществъ принадлежитъ католическая лига трезвости, насчитывающая 52.428 членовъ и франкмассонскій орденъ—571.900 членовъ, распредѣленныхъ по 9.967 ложамъ. Женщины принимаются въ этотъ орденъ наравнѣ съ мужчинами и пользуются одинаковыми съ ними правами и привилегіями. Въ своемъ послѣднемъ годовомъ отчетѣ президентъ этого общества, излагая свое «profession de foi» заявилъ, что считаетъ первымъ долгомъ ордена добиваться полнаго равноправія половъ.

Обратимся теперь къ Великобританіи. И тамъ пропаганда трезвости была организована по иниціативѣ одной американки Стюартъ, которая въ 1875 году высказала мысль объ учрежденіи женской лиги противъ алкоголизма. Первое собраніе женщинъ, съ цѣлью обсужденія этого вопроса происходило въ Лондонѣ, въ январѣ 1876 г. и на немъ присутствовали всего 250 человѣкъ, но тогда эта цифра казалась очень большой. Въ апрѣлѣ было опубликовано воззваніе

къ англійскимъ женщинамъ, приглащающее ихъ учредить Національный женскій союзъ противъ алкоголизма. Подъ этимъ воззваніемъ подписались: Маргарита Паркеръ и «Mother» (мать) Стюартъ, отъ имени американскихъ женщинъ. Отвѣтомъ на это воззваніе послужилъ созывъ конференціи англійскихъ женщинъ въ Нью-Кэстлѣ, въ томъ же мѣсяцѣ. На конференціи была вотирована резолюція въ пользу организаціи женскаго общества трезвости подъ названіемъ: «National British Women's Temperance Association».

Англійскія женщины со свойственною имъ энергіей взялись за дѣло и обнаружили при этомъ чрезвычайную неутомимость. Такъ, напримѣръ, Лэди Сомерсетъ въ теченіе одного только года предсѣдательствовала на 115 митингахъ трезвости и прочла 27 публичныхъ лекцій. Въ ея бюро было получено въ теченіе года ни болѣе ни менѣе какъ 2.666 писемъ и отправлено столько же отвѣтовъ; затѣмъ она организовала 350 митинговъ и дала до 4 тысячъ аудіенцій.

Національный союзъ британскихъ женщинъ въ настоящее время имѣетъ 50,000 фр. годоваго дохода. Въ 1894 году въ Англіи было уже 672 ассоціаціи трезвости и болѣе 110,000 женщинъ принимали участіе въ разнаго рода предпріятіяхъ, спеціально предназначенныхъ для борьбы съ порокомъ и пьянствомъ.

Въ Швейцаріи Голубой Крестъ, проповѣдующій идеи воздержанія, насчитываетъ среди своихъ членовъ 5,087 мужчинъ и 3,900 женщинъ. Но всего успѣшнѣе идетъ пропаганда противъ пьянства въ Скандинавскихъ странахъ. Тамъ въ этомъ крестовомъ походѣ принимаютъ участіе всѣ жизненные элементы скандинавскихъ націй. Въ Швеціи существуетъ безчисленное множество ассоціацій для борьбы съ алькоголизмомъ. Женщины поступаютъ членами въ эти ассоціаціи на совершенно равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, и теперь въ Швеціи дѣйствуетъ могущественная армія въ 111,960 женщинъ, посвятившихъ свою дѣятельность борьбѣ со зломъ, подрывающимъ здоровье націи.

Въ Норвегіи вотированы очень строгіе законы противъ пьянства и сравнительно съ прежними годами потребленіе алкоголя значительно уменьшилось, это уменьшеніе вызвано тремя причинами: 1) давленіемъ общественнаго мнѣнія; 2) вліяніемъ индивидуальной иниціативы и 3) вмѣшательствомъ женщинъ. Подъ управленіемъ и патронатомъ норвежской ассоціаціи трезвости существуютъ 868 ассоціацій. И въ этой ассоціаціи участвуютъ также дѣти; несовершеннолѣтнихъ членовъ ассоціаціи насчитываютъ уже 17,425. Кромѣ этой главной ассоціаціи въ Норвегіи есть еще много другихъ обществъ трезвости, общее число членовъ которыхъ простирается до 15,000 и половину составляютъ женщины. По послѣдней статистики число женщинъ, ведущихъ активную борьбу съ алкоголизмомъ въ Норвегіи, достигаетъ въ настоящее время 57,000.

Изъ англійскихъ колоній наибольшій успѣхъ пропаганды противъ пьянства имѣется въ Новой Зеландіи, гдѣ на ряду съ уменьшеніемъ потребленія алкоголя констатируется замѣтное улучшеніе соціальнаго положенія и увеличенія народнаго благосостоянія.

«Изъ иностранныхъ журналовъ».

«Review of Reviews».—«Athenaeum».—«North American Review».—«Fortnightly Review».—«Century».—«Revue internationale».—«Tägliche Rundschau».

«Review of Reviews» разсказываетъ любопытную исторію одного фабриканта, въ штатѣ Огіо, по имени Патерсона, очевидно большого эстетика въ душѣ. Этому фабриканту не нравился унылый видъ его фабрики въ Дайтонѣ, стоявшей среди поля, лишеннаго всякой растительности, вблизи желѣзной до-

роги и онъ рѣшилъ развести вокругъ нея прекрасный, цвѣтущій садъ, чтобы было пріятно глазамъ и чтобы фабрика такимъ образомъ измѣнила свою наводящую уныніе наружность. Сначала онъ попробовалъ было развести клумбу цвѣтовъ на фабричномъ дворѣ, противъ входа на фабрику, но цвѣты оказались такими чахлыми и такъ казались не у мѣста среди фабричныхъ строеній, что Патерсонъ очень огорчился неуспѣхомъ своей затѣи и рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ Ольмешеду, главному садовнику Чикагской выставки.

Ольмешедъ сначала подумалъ, что съ нимъ шутятъ: украшать фабрику цвѣтами ему казалось очень дико, но потомъ онъ и самъ заинтересовался идеей Патерсона и вмѣстѣ съ нимъ принялся за дѣло. Прежде всего онъ удалилъ посаженную Патерсономъ клумбу, находя что она никуда не годится и принялся устраивать все по собственному плану. Скоро лугъ передъ фабрикой узнать было нельзя; онъ весь пестрѣлъ цвѣтами, красивыми клумбами и газономъ. Два сарая, находившіеся противъ главнаго входа на фабрику, были соединены аркой, обсаженной быстро растущимъ плющемъ; такой же плющъ и дикій виноградъ покрывалъ стѣны фабричныхъ зданій, а также всѣ телеграфные и фонарные столбы. Окрестности фабрики скоро до такой степени измѣнились, что подъѣзжая къ ней можно было думать скорѣе, что подъѣзжаешь къ какому нибудь парку, нежели къ заводу. Но Патерсонъ этимъ не ограничился. Теперь уже фабрика не рѣзала больше его взоры своими голыми кирпичными закоптѣлыми стѣнами, своимъ унылымъ видомъ и подъѣзжая къ ней онъ всякій разъ испытывалъ удовольствіе. Дѣло оказалось вовсе не труднымъ и у Патерсона родилась новая идея: такъ же точно разукрасить дома своихъ фабричныхъ рабочихъ. Но для этого прежде всего нужно было конечно возбудить интересъ самихъ рабочихъ къ этому дѣлу, такъ какъ безъ ихъ содѣйствія разумѣется ничего нельзя было бы сдѣлать. Вотъ тутъ то и заключался камень преткновенія! Однако Патерсонъ не такой былъ человѣкъ, чтобы отступать и прибѣгъ къ оригинальному способу. Онъ просилъ прислать ему виды разныхъ коттеджей для рабочихъ и фермерскихъ домиковъ, окруженныхъ садами и при помощи волшебнаго фонаря показывалъ эти виды своимъ рабочимъ, объясняя имъ при этомъ, что и они могутъ быть обладателями такихъ же хорошенькихъ коттеджей, если пожелаютъ.

Патерсонъ началъ свою пропаганду въ фабричной воскресной школѣ и когда наступила весна, то онъ роздалъ дѣтямъ этой школы двѣнадцать тысячъ пакетиковъ съ сѣменами цвѣтовъ и газона. Чтобы поощрить ихъ къ садовнической дѣятельности, онъ назначилъ премію за лучшее убранство дома цвѣтами, вьющимися растеніями и устройство клумбъ и газоновъ. Мальчики и дѣвочки моложе шестнадцати лѣтъ, всѣ приняли участіе въ этомъ конкурсѣ. Объявлено было пять премій, по пяти долларовъ за лучшее декорированіе оконъ дома растеніями; за лучшій цвѣтникъ было также назначено пять премій, по десяти долларовъ каждая. Для облегченій этой работы Патерсонъ пригласилъ садовника, къ которому могли обращаться за совѣтами всѣ, служащіе у него на фабрикѣ.

Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Дѣти, поощряемыя обѣщаніемъ награды, ревностно принялись ухаживать за цвѣтами и когда дѣйствительно, благодаря ихъ стараніямъ, около каждаго домика рабочаго возникъ цвѣтникъ, вьющіяся растенія украсили крыльцо и окна, то старшіе также заинтересовались этой работой и вскорѣ къ дѣтямъ присоединились ихъ отцы и матери. Домики совершенно преобразились и видъ фабричнаго селенія совершенно измѣнился. Патерсонъ велѣлъ обсадить улицу деревьями, кустами и домики такъ привѣтливо выглядывали изъ зелени. Въ концѣ лѣта, на лугу противъ фабрики состоялась торжественная раздача премій. На этой раздачѣ присутствовало до 4000 народа, а затѣмъ состоялся праздникъ, о которомъ долго не смолкали толки въ окрестностяхъ.

—

Въ настоящее время, благодаря такому превращенію, совершенно измѣнившему внѣшній видъ, фабрика Патерсона получила прозвище: «Патерсоновскій рай», (Paterson's Paradise), между тѣмъ какъ прежде она своимъ видомъ скорѣе напоминала тюрьму.

Японская литература, какъ это видно изъ очерка напечатаннаго въ «Athenaeum», можетъ гордиться очень древнимъ происхожденіемъ, такъ какъ существовала уже 12 вѣковъ тому назадъ. Японскіе религіозные гимны и свѣтскія поэмы, записанныя учеными VIII вѣка, отличаются такою чистотою языка, ясными и опредѣленными формами и соблюденіемъ ритма, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать первобытными произведеніями. Очевидно они подвергались постепенной эволюціи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каждая эпоха вносила какое-нибудь улучшеніе, какое-нибудь усовершенствованіе языка и формы, пока, наконецъ, ученые не нашли нужнымъ записать эти поэтическія произведенія въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до нихъ. Эти ученые жили при дворѣ Нара, столицѣ Японіи, во времена ея золотого вѣка. Ученые и писатели Японіи не ограничивались только собираніемъ, записываніемъ и классифицированіемъ старинныхъ поэмъ или антологій, изъ которыхъ самая знаменитая называлась «Nanyoshi» (миріады листьевъ); они составили анналы имперіи, правда болѣе или менѣе легендарнаго характера, но въ нихъ можно было прослѣдить исторію страны вплоть до самыхъ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ, появилось на свѣтъ нѣчто вродѣ японской энциклопедіи, которая называется «Koziki», т. е. «древнія вещи». Вслѣдъ затѣмъ наступилъ періодъ политическаго застоя, ознаменовавшійся однако усиленіемъ литературной дѣятельности. Появились не только новыя поэмы, но и народился японскій романъ, однако японскіе романы того времени (800—1186) по размѣрамъ своимъ напоминаютъ скорѣе наши повѣсти и пересыпаны стихами. Знатоки японскаго языка утверждаютъ, что эти раннія произведенія японской литературы отличаются особенною безъискусственною прелестью и полны юмора; чтеніе ихъ должно доставить большое удовольствіе, не говоря уже о томъ, что историкъ извлечетъ при чтеніи этихъ древнихъ романовъ, много интересныхъ свѣдѣній и узнаетъ много любопытныхъ подробностей о жизни, нравахъ и обычаяхъ японцевъ того времени. Въ тринадцатомъ вѣкѣ и въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка обнаруживаются уже первые признаки интеллектуальнаго упадка. Весь этотъ періодъ времени ознаменовался появленіемъ одного только произведенія «Gempei-Seisuiki»—исторія кровавой борьбы двухъ семействъ, нѣчто вродѣ Гвельфовъ и Гибелиновъ Японіи.

Слѣдующіе періоды Японской исторіи, несмотря на усиленіе смутъ, всетаки обогатили литературу, если не качественно, то количественно. Къ этому времени относится «Исторія великаго Мира»—названіе ироническое, такъ какъ страну раздирали въ то время гражданскія войны. Къ этому же времени относится и развитіе японскаго театра.

Начиная съ 1603 года японская литература начинаетъ изобиловать всевозможными произведеніями въ прозѣ и стихахъ, но—по словамъ автора статьи—мы бы напрасно стали искать въ этой кучѣ что-нибудь особенно выдающееся. Но за то исторія начинаетъ принимать все болѣе и болѣе научный характеръ и число философскихъ сочиненій начинаетъ все болѣе возрастать. Наконецъ, во второй половинѣ XIX вѣка возникаетъ переводная литература; появляются въ переводѣ произведенія англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ авторовъ и вмѣстѣ съ этимъ среди японскихъ писателей развивается подражаніе иностраннымъ образцамъ.

Авторъ статьи «Athenaeum» находитъ, однако, что японскіе писатели лучше бы сдѣлали, если бы придерживались своихъ національныхъ традицій по крайней-мѣрѣ

въ этомъ отношеніи, такъ какъ романы Бакона—писателя, жившаго отъ 1767 до 1848 г. и въ особенности тотъ, который называется «Hakkenden» (восемь собакъ), отличаются такою свѣжестью и оригинальностью, какая не всегда встрѣчается и въ произведеніяхъ лучшихъ европейскихъ писателей.

Извѣстный англійскій литературный критикъ Эдмундъ Госсе приводитъ въ своей статьѣ въ «North American Review» сравненіе между современнымъ настроеніемъ англійской литературы и тѣмъ, которое существовало въ ней лѣтъ 20 тому назадъ. «Тогда, говорилъ онъ, до начала первой египетской кампаніи, наша литература носила необыкновенно мирный характеръ и воинственныя стремленія и наклонности не встрѣчали въ ней никакого поощренія. Даже въ XVIII в. замѣчалось явное отвращеніе ко всякимъ произведеніямъ, прославляющимъ буйныя и жестокія черты человѣческаго характера. Эта беллетристика, поэзія и драма требовали идиллистическаго настроенія. Даже обученіе исторіи было проникнуто такимъ настроеніемъ и вниманіе учениковъ сосредоточивалось главнымъ образомъ не на описаніи сраженій, а на внутреннемъ строѣ государственной жизни. Необыкновенныя приключенія и подвиги не занимали въ тѣ времена выдающагося мѣста въ англійской литературѣ, но во второй половинѣ нашего столѣтія произошла рѣзкая перемѣна въ этомъ отношеніи. Съ появленіемъ произведеній Стивенсона, и въ особенности Риддеръ Гаггарда, характеръ англійской литературы сильно измѣнился, наступилъ періодъ матеріалистическихъ увлеченій, и въ литературѣ начали отражаться тѣ элементы варварства, которыя теперь стали выплывать наружу во всѣхъ закоулкахъ нашей обширной имперіи. Наши непрестанныя мелкія войны стали встрѣчать сочувствіе, въ которомъ имъ прежде отказывали, и каждая маленькая война только еще сильнѣе возбуждала наши воинственные аппетиты. Въ тоже время начало развиваться, и точно потокомъ охватило всю страну, необыкновенно восторженное отношеніе ко всякаго рода атлетическимъ упражненіямъ. Пробудился интересъ къ флоту и по мѣрѣ того, какъ уменьшалась и постепенно исчезала партія мира въ странѣ, стали приноситься все большія и большія жертвы для поддержанія флота. Смѣшно читать теперь старинныя діатрибы Мэтью Арнольда противъ высшихъ классовъ; какіе же могутъ быть вопросы о высшихъ, среднихъ и низшихъ классахъ, когда варварскіе инстинкты безпрепятственно властвуютъ въ странѣ? Въ какіе-нибудь двѣнадцать лѣтъ, мы превратились въ націю, мало интересующуюся чѣмъ бы то ни было другимъ, кромѣ лучшихъ способовъ развитія мускульной силы, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи».

Эдмундъ Госсъ находитъ, что лучшимъ выразителемъ современнаго настроенія англійской литературы служитъ Рудіардъ Киплингъ. Вся его литературная дѣятельность представляетъ ничто иное, какъ постоянное прославленіе и восхваленіе физической силы, возбужденіе воинственныхъ инстинктовъ расы. Рядомъ съ Киплингомъ дѣйствуютъ въ такомъ же направленіи и другіе современные англійскіе писатели; всѣ прославляютъ физическую силу и пробуждаютъ въ молодомъ поколѣніи страсть къ атлетическимъ упражненіямъ и спорту. Напримѣръ, Джорджъ Робертсонъ въ своей «Исторіи Читраля» указываетъ какимъ образомъ молодыя люди, упражнявшіеся постоянно въ игрѣ въ мячъ и крокетъ, въ верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ въ цѣль и лазаніи по горамъ, могутъ утилизировать свою физическую силу, въ случаѣ надобности, и ради славы британскаго оружія и знамени. И большинство современныхъ англійскихъ литературныхъ произведеній, проникнуто этимъ чувствомъ. По мнѣнію Эдмунда Госса всѣ эти игры, которыми такъ увлекаются современные англичане, литературныя произведенія и разсказы объ историческихъ приключеніяхъ, которыми они всего больше зачитываются, въ настоящее время, указываютъ, что Англія готовится

къ великой международной борьбѣ. Но, такъ какъ нація не можетъ проводить всю свою жизнь съ ружьемъ въ рукѣ и за баррикадой, то Госсе надѣется, что наступитъ наконецъ, реакція, которая и придастъ другое направленіе, какъ англійской литературѣ, такъ и стремленіямъ англійской націи.

Извѣстный оріенталистъ, профессоръ Максъ Мюллеръ разсказываетъ въ «Fartnightly Review» исторію одного индусскаго государственнаго дѣятеля, который, также какъ Гладстонъ въ Англіи, былъ извѣстенъ въ Индіи подъ именемъ «великаго старца». Гауризанкара—такъ звали этого замѣчательнаго человѣка—занималъ должность перваго министра въ теченіе четырехъ поколѣній въ Бавнагаорѣ; но также какъ и Гладстонъ онъ совмѣщалъ въ себѣ мыслителя и дѣятеля. Главный интересъ его всегда былъ сосредоточенъ на великихъ проблемахъ человѣческаго существованія, однако это не мѣшало ему обращать вниманіе и заботится о мелкихъ и крупныхъ обстоятельствахъ повседневной жизни маленькаго государства, которымъ онъ долженъ былъ управлять. Многіе англійскіе государственные люди не разъ прибѣгали къ его совѣтамъ. Ему было уже 82 года, когда лордъ Рей совѣщался съ нимъ и послѣ своей бесѣды съ нимъ лордъ Рей открыто высказывалъ свое изумленіе по поводу необыкновенной ясности ума престарѣлаго индусскаго министра и по поводу мудрости его сужденій.

Гауризанкара, съ которымъ проф. Максъ Мюллеръ поддерживалъ постоянную переписку, былъ индусскимъ философомъ чистѣйшей пробы. Онъ хорошо сознавалъ всю важность возложенныхъ на него обязанностей и выполнялъ ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, ничего не упускалъ изъ виду, но духъ его постоянно устремлялся въ недосягаемыя высоты. Онъ былъ послѣдователемъ философіи Веданты, которую Максъ Мюллеръ сравниваетъ съ раннею христіанскою философіей. Маленькая провинція процвѣтала при его управленіи и народъ чувствовалъ себя счастливымъ. Не было человѣка болѣе популярнаго въ Индіи, чѣмъ великій старецъ, котораго народъ считалъ святымъ, и къ которому всякій могъ приходить за совѣтомъ и утѣшеніемъ, несмотря на его высокое положеніе.

Гауризанкара оставался на своемъ посту въ теченіе шестидесяти лѣтъ и удалился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ свою уединенную резиденцію, среди садовъ и лѣсовъ, чтобы тамъ на свободѣ предаться созерцанію и посредствомъ аскетическихъ упражненій окончательно побѣдить власть плоти надъ духомъ и отрѣшиться отъ всего того, что составляетъ жизнь. Также совмѣщеніе въ одномъ лицѣ философа-аскета и государственнаго дѣятеля въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, указываетъ, какъ много силъ еще таится въ индусской расѣ и въ древней индусской философіи.

Инспекторъ народныхъ школъ въ Торонто, мистеръ Гюгсъ, посвящаетъ въ журналѣ «Century», статью въ которой говоритъ о значеніи Диккенса въ дѣлѣ воспитанія. Авторъ находитъ, что роль Диккенса въ этомъ отношеніи была очень велика и что между философіей Фребеля и разсказами Диккенса существуетъ полнѣйшая гармонія. Диккенсъ былъ великимъ разрушителемъ и критикомъ современныхъ педагогическихъ системъ, но въ тоже время онъ былъ и великимъ воспитателемъ. Нѣтъ ни одного педагогическаго вопроса, ни одной новой педагогической системы, которую бы онъ не затронулъ въ своихъ разсказахъ. Повидимому, это былъ первый выдающійся англичанинъ, высказывавшійся въ пользу дѣтскихъ садовъ. Онъ пробуждалъ вниманіе англійскаго общества къ дѣлу воспитанія, изображая въ своихъ произведеніяхъ одинаково безпристрастно, какъ хорошіе, такъ и дурные способы воспитанія. «Только истинный мыслитель-педагогъ могъ написать такое произведеніе, какъ «Тяжелыя

времена» восклицаетъ мистеръ Гюгсъ.—Стремился ли Диккенсъ къ улучшенію воспитательныхъ системъ и къ распространенію принциповъ истинной педагогической философіи? Несомнѣнно! Онъ былъ первымъ послѣдователемъ идей Фребеля въ Англіи и это отражается въ его произведеніяхъ, такъ какъ онъ больше обращаетъ вниманіе на значеніе воспитанія въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, нежели какіе бы то ни были другіе писатели беллетристы и даже педагоги, за исключеніемъ Фребеля. Въ своихъ произведеніяхъ Диккенсъ изображаетъ 19 различныхъ школъ и первый изъ современныхъ англичанъ требуетъ учрежденія національнаго контроля въ дѣлѣ воспитанія, даже въ частныхъ школахъ, и тщательной подготовки учителей. Кромѣ того, въ его произведеніяхъ встрѣчается 14 типовъ наказанія и Диккенсъ, несомнѣнно, болѣе всякаго другого. способствовалъ проявленію и укрѣпленію гуманныхъ принциповъ въ дѣлѣ воспитанія. Заслуги Диккенса въ этомъ отношеніи очень велики, такъ какъ онъ заставилъ обратить вниманіе на эту сторону педагогическихъ системъ и принудить обращаться съ дѣтьми по-человѣчески. Почти въ каждомъ произведеніи Диккенса можно найти мысли о воспитаніи и интересъ къ педагогическимъ вопросамъ; несомнѣнно, что въ исторіи современной педагогической мысли онъ занимаетъ выдающееся мѣсто и, по мнѣнію автора статьи, вполнѣ заслуживаетъ названіе «Фребеля Англіи» потому что содѣйствовалъ своими произведеніями реформѣ англійскаго воспитанія.

«Revue Internationale» посвящаетъ статью борьбѣ за обладаніе чернымъ континентомъ, начавшейся десять лѣтъ тому назадъ и продолжающейся до сихъ поръ съ неослабѣвающею энергіей. Южная Африка тогда была раздѣлена между тремя европейскими націями: Англія занимала ея южную оконечность, гдѣ находилась Капская колонія съ ея развѣтвленіями; Португалія сохранила свои прежнія владѣнія въ Мозамбикѣ, на восточномъ берегу; Германія только что водворилась на западномъ берегу. Внутреннія области Южной Африки, однако, оставались свободными отъ европейской оккупаціи и тамъ устроились двѣ маленькія независимыя республики боеровъ: Оранжевая республика и Южно-африканская или Трансвааль. Въ остальной части громадной территоріи, заключающейся между колоніями англійской, португальской, нѣмецкой и Замбези, обитали два большихъ племени: Матабелы и Матоны, подъ управленіемъ могущественнаго вождя Лобенгулы. Англія, потерпѣвшая неудачу въ 1884 г. въ своей попыткѣ подчинить боеровъ, потеряла часть своего вліянія въ южной Африкѣ и поэтому пока еще не замышляла вступать въ борьбу съ Лобенгулой; Португалія держалась въ своихъ владѣніяхъ, не выказывая никакихъ завоевательныхъ стремленій, а Германія только что устроилась и поэтому не могла помышлять ни о какихъ новыхъ завоеваніяхъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда на сцену выступила знаменитая англійская компанія «Chartered Company», превратившая, спустя десять лѣтъ, 500.000 кв. миль африканскаго континента въ цивилизованную страну, усѣянную европейскими городами, прорѣзанную желѣзными дорогами и телеграфными и телефонными линіями. Но вмѣстѣ съ этимъ 500.000 кв. миль свободнаго пространства земли превратились въ провинцію британской имперіи.

Лобенгула уже раньше не разъ вступалъ въ сношенія съ европейцами, появившимися въ его владѣніяхъ въ качествѣ золотоискателей. Онъ даже далъ концессіи на разработку и эксплуатацію руды двумъ англичанамъ въ 1871 году, но повидимому, эти послѣдніе мало извлекли пользы изъ своихъ концессій. Однако слухи о существованіи золотоносныхъ розсыпей во владѣніяхъ Лобенгулы все укрѣплялись и алчность его сосѣдей стала пробуждаться. Одинъ агентъ германскаго правительства попробовалъ было вступить съ Лобенгулой въ переговоры, а боеры, бѣжавшіе отъ англійской цивилизаціи, подумывали

даже объ организаціи нашествія въ свободныя мѣста. Въ 1887 году одинъ географъ, по порученію президента Крюгера, составилъ карту бассейна Вааль Ривера. На этой картѣ южно-африканская республика, въ границахъ опредѣленныхъ Лондонскою конвенціей, была обозначена золотисто-желтою краской, а владѣнія Лобенгулы темно-коричневой.

Англія предупредила завоевательныя стремленія Германіи и Трансвааля и ловко обошла Лобенгулу, заключивъ съ нимъ 11-го февраля 1888 года конвенцію, на основаніи которой Лобенгула обязывался воздерживаться отъ какихъ бы то ни было сношеній и заключенія договоровъ съ иностранными правительствами и не уступать никому ни малѣйшей частицы своей территоріи или своихъ правъ безъ разрѣшенія англійскаго верховнаго комиссара въ южной Африкѣ. Спустя нѣсколько времени, въ октябрѣ того же года, Лобенгула уступилъ могущественному англійскому синдикату, во главѣ котораго находился Сесиль Родесъ, право эксплоатировать рудничныя мѣсторожденія въ его владѣніяхъ. Взамѣнъ этого синдикатъ обязывался выплачивать ему мѣсячную ренту въ 100 ф. ст. и доставить ему 1.000 ружей Мартини и 100.000 патроновъ или, по его выбору, канонерскую лодку, которая могла бы плавать по Замбезе—или же выдать ему сумму въ 500 ф. ст.

Синдикатъ, который добился такихъ привилегій, пользовался, кромѣ того, поддержкою англійскаго правительства и поэтому лордъ Кнутсфордъ, статсъ-секретарь колоній, незамедлилъ поставить на видъ негрскому королю, что такъ какъ онъ не можетъ воспрепятствовать бѣлымъ доступъ на свою территорію, то гораздо благоразумнѣе будетъ съ его стороны и выгоднѣе для него, если онъ, во избѣжаніе всякихъ споровъ и столкновеній съ разными лицами, будетъ имѣть дѣло только съ однимъ, серьезнымъ и хорошо организованнымъ промышленнымъ обществомъ, подразумѣвая подъ этимъ, конечно, новообразовавшійся англійскій синдикатъ.

Сесиль Родесъ, ставшій во главѣ этого синдиката, былъ тогда совершенно «новымъ человѣкомъ»; его имя еще не пользовалось извѣстностью, но скоро оно стало гремѣть въ финансовомъ мірѣ и въ особенности въ южной Африкѣ, гдѣ онъ сдѣлался душою всѣхъ грандіозныхъ финансовыхъ предпріятій и пріобрѣлъ славу необыкновенно ловкаго финансиста, искусно играющаго милліонами. Онъ сдѣлался главою прогрессистской партіи и въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей политики имперіализма. Его идея южно-африканской федераціи потерпѣла пораженіе въ 1896 г., однако, изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что онъ отказался отъ своего проекта. Популярность Сесиля Родеса нисколько не пострадала отъ этого неуспѣха и теперь, когда онъ снова вступаетъ на поприще политической жизни, имя его сдѣлалось лозунгомъ для одной изъ двухъ главныхъ большихъ политическихъ партій, раздѣляющихъ южную Африку. Мы присутствуемъ въ настоящее время при дуэли двухъ современныхъ дѣятелей южной Африки; одинъ, Сесиль Родесъ, служитъ олицетвореніемъ англійскаго владычества; другой—Крюгеръ, голландскаго упорства. Кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы—пока еще неизвѣстно. Недавно одинъ англійскій политикъ, говоря про Родеса, сказалъ: «Родесъ—единственный человѣкъ, который можетъ противостоять Павлу Крюгеру». Дѣйствительно, стоитъ разъ видѣть и слышать этого человѣка, чтобы убѣдиться, что онъ не откажется отъ своихъ цѣлей. Это такая непоколебимая энергія, которую ничто не останавливаетъ, никакія неудачи или препятствія. Родесъ имѣетъ массу убѣжденныхъ и горячихъ сторонниковъ, которые твердо вѣрятъ, также какъ и онъ самъ, въ осуществленіе его плановъ Къ числу его излюбленныхъ плановъ принадлежитъ, какъ извѣстно, грандіозный планъ желѣзной дороги, соединяющей непрерывнымъ образомъ мысъ Доброй Надежды съ дельтою Нила. Сесиль Родесъ увѣренъ, что реализація этого проекта про-

изойдетъ въ очень близкомъ будущемъ. Онъ прислалъ характерную въ этомъ отношеніи поздравительную телеграмму лорду Кигченеру послѣ побѣды при Атбарѣ. Телеграмма состояла изъ слѣдующихъ словъ: «Хорошія вѣсти. Жалѣю только, что вы раньше меня будете въ Угандѣ». Оба друга, на разстояніи 7.500 километровъ африканскаго материка, назначили себѣ свиданіе на берегахъ Викторіи Ньянцы, точно дѣло шло объ охотничьей прогулкѣ.

Искустный финансистъ и государственный дѣятель, отличающійся широкими взглядами, Сесиль Родесъ обладаетъ, кромѣ того, незауряднымъ ораторскимъ талантомъ. Авторъ статьи въ «Revue Internationale» слыхалъ его говорящимъ въ дѣловомъ собраніи «Chartered Company». Въ дѣйствительности же это собраніе скорѣе напоминало очень шумный и многолюдный политическій митингъ. Сесиль Родесъ обладаетъ силою убѣжденія, которая дѣйствуетъ на толпу и когда онъ говоритъ о будущности Родезіи, о величіи и грандіозности предпріятія, начатаго компаніей, то всѣ его слушатели чувствуютъ, что прежде всего онъ самъ глубоко вѣритъ въ это дѣло и въ будущность страны. Разумѣется, эта сила убѣжденія оказываетъ свое вліяніе и пріобрѣтаетъ ему сторонниковъ рѣшительно во всѣхъ слояхъ англійскаго общества.

Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ сообщаетъ въ «Tägliche Rundchau» подробности о жизни американскихъ студентокъ. Лучшими женскими университетами въ Соединенныхъ Штатахъ считаются: «Vassar College» въ Нью-Іоркѣ, Уэльслей Колледжъ въ Массачусетсѣ и «Bryn Manor University» въ Филадельфіи. Изъ числа студентокъ этихъ коллегій очень многія не стремятся къ полученію академическихъ степеней, а поступаютъ туда лишь ради самообразованія. Но есть и такія, которыя добиваются высшихъ степеней въ какой-нибудь спеціальности. Изъ 734 студентокъ, кончившихъ за послѣдніе годы курсъ въ Уэльслей Колледжъ, 540 посвятили себя педагогической дѣятельности; 134 вышли замужъ или остались безъ всякой профессіи; 12—практикующіе врачи и 20 посвятили себя духовной и миссіонерской дѣятельности. Старѣйшій женскій университетъ— это Вассаръ Колледжъ, основанный Метью Вассаромъ въ 1861 году. Этой коллегіи пришлось вынести не мало насмѣшекъ и борьбы, прежде чѣмъ она завоевала себѣ положеніе. Въ настоящее время въ коллегіи 52 профессора; изъ нихъ 40—женщинъ, а число студентокъ достигаетъ 600. Коллегія соединена съ обсерваторіей, имѣетъ прекрасную художественную галлерею, концертный залъ, музей и библіотеку болѣе чѣмъ въ 25.000 томовъ. Плата за полное содержаніе и ученіе въ коллегіи—400 долларовъ; за музыку и обученіе искусствамъ платится особо. Дѣвушка изъ коллегіи Вассара (Vassar Girl) такъ много разъ описывалась и воспѣвалась въ романахъ и стихахъ, что ея образъ можно считать типичнымъ для всѣхъ американскихъ судентокъ. Ничего въ этой дѣвушкѣ нѣтъ напоминающаго «синій чулокъ». Студентка этой коллегіи обращаетъ вниманіе на свою наружность и платье всегда бываетъ элегантно одѣта и весела. Но ея разговоръ, по словамъ автора статьи, вовсе не принадлежитъ къ особенно занимательнымъ, такъ какъ онъ всегда исключительно вращается въ сферѣ интересовъ коллегіи и лекцій.

Въ женскихъ коллегіяхъ обращается вниманіе также и на физическое воспитаніе и всевозможныя упражненія, служащія для развитія мускульной силы и ловкости. Какъ только заканчиваются лекціи, онѣ немедленно смѣняются спортомъ. Группы молодыхъ дѣвушекъ устраиваютъ тотчасъ же лаунъ-теннисъ, другія играютъ въ мячъ, третьи отправляются на своихъ велосипедахъ въ геологическую экскурсію, подъ руководствомъ своего профессора и т. д., и т. д. Каждою весной устраивается въ коллегіи большой гимнастическій праздникъ. Дѣвушки, которыя могутъ состязатьзя въ бѣгахъ съ препятствіями, въ прыж-

кахъ и т. п. выходятъ на арену и показываютъ свое искусство. Однако, эти празднества не бываютъ открытыми для публики и на нихъ не допускаются лица мужского пола за исключеніемъ учителя гимнастики и профессоровъ. Въ зимніе мѣсяцы процвѣтаетъ другого рода спортъ—катанье на конькахъ, а во время масляницы неизмѣнно устраиваются костюмированные балы и поѣздки на саняхъ.

Разумѣется, въ каждой женской коллегіи существуетъ нѣсколько студенческихъ клубовъ или ассоціацій, сгруппировавшихся ради какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей. Литературныхъ клубовъ въ коллегіи Вассара три: Шекспировскій клубъ, Диккенсовскій и клубъ греческой классической литературы. Политическіе и другіе споры обыкновенно бываютъ только въ клубахъ, имѣющихъ политическій характеръ; напримѣръ, въ клубѣ «Qui vive» и др. Но кромѣ этихъ можно насчитать еще съ дюжину другихъ клубовъ, также группирующихся около женскихъ коллегій и занимающихся не одними только политическими или литературными, но и общественными вопросами, такъ какъ существованіе такихъ клубовъ всегда составляетъ неотъемлемую принадлежность американскаго воспитанія.

Новый школьный законъ въ Цюрихѣ.

Швейцарія издавна славится образцовой постановкой школьнаго дѣла, въ особенности начальной народной школы. Многочисленные иностранцы-туристы, съѣзжающіеся со всѣхъ концовъ міра и такъ охотно посѣщающіе эту чудную страну ради ея величественныхъ горъ и живописныхъ видовъ, могли бы съ пользой заглянуть и въ эту область, представляющую много своеобразнаго и поучительнаго, чтобы видѣть, какъ съ малыхъ лѣтъ здѣсь подготовляются люди, создавшіе такой благоустроенный цвѣтущій уголокъ земли, гдѣ живется и дышится всѣмъ такъ легко и свободно, гдѣ формы, условія и обстановка жизни такъ несравненно, такъ чарующе привлекательны. Признавая народную школу главнымъ базисомъ своего благосостоянія, швейцарцы относятся къ ней съ чрезвычайнымъ, не ослабѣвающимъ вниманіемъ и заботливостью; государство, общество и частные люди одинаково считаютъ себя непосредственно заинтересованными въ процвѣтаніи школы, и никакія затраты и жертвы для нея не считаются здѣсь чрезмѣрными. При такомъ любовномъ отношеніи къ дѣлу всѣхъ слоевъ общества, начальная школа въ Швейцаріи безпрерывно совершенствуется и достигаетъ уровня, на которомъ къ ней уже и не примѣнимо обозначеніе «начальная» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно у насъ обыкновенно понимается, такъ какъ и программы и воспитательное воздѣйствіе здѣшней народной начальной школы превосходитъ не только нашу скромную дѣйствительность, но и свѣтлыя мечты о лучшей организаціи нашей народной школы въ ближайшемъ будущемъ.

Новый и крупный шагъ впередъ на пути совершенствованія начальной школы сдѣлалъ недавно Цюрихскій кантонъ, населеніе котораго, въ силу народнаго голосованія (референдума) 11-го іюня текущаго года, большинствомъ 41.371 голоса противъ 25.860 приняло новый школьный законъ, вступающій въ дѣйствіе съ 1-го мая будущаго 1900 года. По новому закону курсъ обязательной начальной народной школы продолжается восемь лѣтъ *) (по нынѣ дѣйствующему—шесть); причемъ общинамъ, если онѣ того пожелаютъ, предоставляется право дѣлать особыя постановленія, чтобы ученики послѣднихъ

---

*) Такимъ образомъ, дѣти отъ 6 лѣтъ вплоть до 14 посѣщаютъ обязательную ежедневную школу.

двухъ классовъ въ лѣтніе мѣсяцы были заняты въ школѣ лишь два раза въ недѣлю до обѣда, т. е. всего 8 часовъ въ недѣлю; зимній же семестръ обязательно продолжается не менѣе 23 недѣль съ полнымъ комплектомъ учебныхъ часовъ. Допускаемымъ уменьшеніемъ учебнаго времени въ лѣтніе мѣсяцы имѣлось въ виду сдѣлать уступку земледѣльческимъ общинамъ, гдѣ подростки лѣтомъ помогаютъ въ работѣ, но эта уступка не удовлетворила ихъ: деревенскія общины вотировали вообще противъ удлиненія учебнаго курса и только огромное большинство городского населенія спасло этотъ пунктъ.

Далѣе законъ ограничиваетъ число учениковъ, съ которыми одинъ учитель можетъ одновременно вести занятія въ классѣ, и устанавливаетъ maximum—70 человѣкъ. До сихъ поръ законный maximum былъ 100; впрочемъ, по счастливой случайности, такихъ школъ, гдѣ на одного учителя приходилось бы сто учениковъ, въ цюрихскомъ кантонѣ вовсе не оказалось; нѣтъ также школы свыше 90 учениковъ на одного учителя; въ 4-хъ только школахъ число учениковъ доходитъ отъ 80 до 90 на одного учителя и въ 14-ти школахъ колеблется между 70—80. Такимъ образомъ, устанавливаемый теперь и довольно еще высокій maximum санкціонируетъ лишь то, что само собою установилось въ жизни. Новой нормой кантонъ Цюрихъ становится въ этомъ отношеніи рядомъ съ кантонами Бернъ, Ури, Гларусъ, Фрейбургъ и Шафгаузенъ, въ то время, какъ кантоны Люцернъ, Швицъ, Солотурнъ, Ааргау, Ст Галленъ и Тургау придерживаются еще maximum'a въ 80 учениковъ; кантоны же Нидвальдъ, Цугъ, Тессинъ и Валлисъ имѣютъ maximum въ 60 учениковъ, кантоны Лозанна (Waadt) и Нойенбургъ въ 50 учениковъ.

Преподаваніе ручного труда и рукодѣлія также усиливается: для дѣвочекъ обязательно отъ IV класса и до конца VIII (нынѣ до VI) съ числомъ часовъ въ недѣлю отъ 4 до 6; для мальчиковъ ручной трудъ не обязателенъ, но признается введеніе его желательнымъ и обѣщается поддержка казны общинамъ.

Значительно расширяется безплатная выдача учебныхъ руководствъ, принадлежностей для письма и рисованія и матеріала для рукодѣлій и ручныхъ работъ. При давно введенномъ безплатномъ обученіи, безплатная выдача всѣхъ принадлежностей и матеріаловъ (которая тоже давно практиковалась, была, однако, необязательной) даетъ еще бо̀льшую возможность самымъ бѣднымъ дѣтямъ съ успѣхомъ учиться и развивать свои духовныя силы. Давнишнее опасеніе педагоговъ, что даровщина деморализируетъ учениковъ, что они привыкнутъ считать безплатно данныя имъ вещи ничего не стоющими и будутъ обращаться съ ними небрежно, опасеніе это по сдѣланнымъ наблюденіямъ въ кантонѣ Цюрихъ не оправдалось; напротивъ, достигались самые хорошіе въ воспитательномъ отношеніи результаты: ученику внушалось, что общество довѣряетъ ему свое добро и онъ долженъ оправдать это довѣріе заботливымъ отношеніемъ къ ввѣреннымъ ему вещамъ, и ученики, дѣйствительно, бережно обращаются съ ними.

Много хорошаго и гуманнаго вноситъ новый законъ въ дѣло охраны благополучія учащихся дѣтей. Но обязанности учителей и школьнаго начальства возлагается наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣти дома и внѣ дома не обременялись чрезмѣрно какими-либо посторонними работами. Родители и воспитатели, которые не выполняютъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ по отношенію къ школѣ, подвергаются штрафу въ 15 франк.. а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ предаются суду. Дѣти, покинутыя или находящіяся въ неблагопріятной (въ нравственномъ отношеніи) семейной обстановкѣ могутъ быть отобраны для помѣщенія въ спеціальныя учрежденія или въ извѣстныя учебному начальству семейства; расходы по этому пункту цюрихская республика принимаетъ на себя при участіи общинъ. Далѣе, государство принимаетъ на себя часть расходовъ общинъ по обезпеченію неимущихъ дѣтей платьемъ и пищей и по опредѣленію

слабыхъ здоровьемъ въ лѣтнія колоніи. Наконецъ, государство на свой счетъ организуетъ періодическіе врачебные осмотры школьныхъ помѣщеній и освидѣтельствованіе состоянія здоровья и физическаго развитія учащихся дѣтей.

Слѣдующій пунктъ новаго закона уничтожаетъ конфессіональныя школы или отдѣльныя школы для разныхъ вѣроисповѣданій, сохранившіяся еще, какъ наслѣдіе стараго времени, въ одной изъ цюрихскихъ общинъ. Законодатель, исходя изъ того взгляда, что школа имѣетъ своей задачей не раздѣлять людей, а, напротивъ того, смягчать противоположности и сближать между собою, устанавливаетъ, какъ основное положеніе, что въ кантонѣ не должно быть государственныхъ школъ, раздѣленныхъ по вѣроисповѣданіямъ учениковъ. Результатомъ этого законодательства будетъ то, что существующія кое-гдѣ отдѣльныя реформатскія и католическія школы объединятся, если онѣ захотятъ сохранить за собою правительственную субсидію. Въ то же время законъ, отнюдь не желая стѣснять религіозное обученіе учениковъ, составляющихъ въ той или иной школѣ меньшинство, предоставляетъ, въ свободное отъ классныхъ занятій время, школьныя помѣщенія для преподавателей закона той или иной вѣры.

Въ финансовомъ отношеніи, по новому закону. значительно увеличивается участіе государства въ расходахъ на дѣло начальнаго народнаго образованія. Государство принимаетъ на себя двѣ трети жалованья (до сихъ поръ половину) народнымъ учителямъ, т. е. изъ 1.200 франковъ, составляющихъ нормальное годовое жалованье учителя начальной школы, 800 франк. уплачиваются казной и 400 общиной; кромѣ того, всѣ прибавки за выслугу лѣтъ (чрезъ каждыя 5 лѣтъ по 100 франковъ, до 400 франковъ прибавочныхъ къ нормальному жалованью чрезъ 20 лѣтъ) казна принимаетъ всецѣло на свой счетъ; въ другихъ же *добровольныхъ* (независимо отъ выслуги лѣтъ) прибавкахъ начальнымъ учителямъ до достиженія maximum'а оклада въ 1.800 франковъ (1.200 франковъ нормальнаго жалованья и 600 франковъ прибавочныхъ) казна, сообразуясь съ экономическимъ положеніемъ данной общины, принимаетъ участіе отъ $^1/_{10}$ до $^1/_2$ суммы прибавки. Вознагражденіе учителя натурою (квартира, отопленіе и земля для огорода) сверхъ жалованья остается, попрежнему, на обязанности общинъ. Сверхъ того, въ находящихся въ неблагопріятныхъ условіяхъ общинахъ, не привлекающихъ хорошихъ учителей, казна принимаетъ на себя еще особое добавочное вознагражденіе, начиная съ 200 франковъ въ годъ съ прибавленіемъ чрезъ каждые три года по 100 франковъ (при обязательствѣ со стороны учителя оставаться еще 3 года) до достиженія 500 франковъ. Этимъ имѣется въ виду охранить маленькія. захудалыя и отдаленныя общины отъ слишкомъ частой перемѣны учителей, устремляющихся въ болѣе крупные центры. Кромѣ того, новый законъ снимаетъ съ общинъ и перекладываетъ на казну $^2/_3$ вознагражденія учительницамъ рукодѣлій (до сихъ поръ казна не принимала никакого участія въ вознагражденіи этихъ учительницъ); этимъ послѣднимъ обезпечиваются также на счетъ казны прибавки за выслугой извѣстнаго числа лѣтъ.

Особенно благодѣтельнымъ для учительскаго персонала цюрихскихъ народныхъ школъ является обезпеченіе учителей и учительницъ на случай болѣзни. По новому закону государство принимаетъ на себя всѣ издержки по временному замѣщенію учителей и учительницъ, вынужденныхъ прервать занятія въ школѣ по случаю болѣзни, призыву къ военнымъ маневрамъ или вслѣдствіе заразительной болѣзни въ семьѣ учителя. Временно исполняющіе обязанности учителя получаютъ вознагражденія отъ 20 до 30 франковъ въ недѣлю въ начальной школѣ; временные учителя классовъ ручного труда по 80 сант. въ часъ.

Наконецъ, обѣщается государственная помощь всѣмъ образовательнымъ учрежденіямъ для слабоумныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и неизлѣчимо-больныхъ

дѣтей, поскольку таковыя учрежденія не будутъ созданы самимъ государствомъ. Также для воспитанія и обученія отдѣльныхъ такихъ дѣтей государство, гдѣ въ этомъ окажется потребность, будетъ выдавать субсидію.

Въ меньшей степени, чѣмъ начальную, новый законъ задѣваетъ высшую народную школу (Sekundarschule). Она, по прежнему, остается съ трехгодичнымъ курсомъ, но законъ предлагаетъ ей въ болѣе населенныхъ центрахъ увеличить курсъ и расширить програму, причемъ казна обѣщаетъ свое участіе при возможномъ увеличеніи затратъ. Но уже однимъ расширеніемъ начальной школы оказана косвенная поддержка высшей: тѣ ученики, которые раньше, послѣ 6-ти классовъ въ начальной школѣ, переходили въ высшую народную школу, теперь будутъ еще два года оставаться въ первой, освободивъ вторую отъ болѣе слабыхъ элементовъ; этимъ высшая народная школа получаетъ возможность заново организовать свою программу, разсчитавъ ее на болѣе основательно подготовленныхъ учениковъ. Высшая народная школа получила также большое распространеніе въ Цюрихскомъ кантонѣ. Оканчивающіе нынѣшнюю 6-тилѣтнюю начальную школу, имѣя предъ собой выборъ—дополнительные курсы въ теченіе 3-хъ полугодій, по 8 часовъ въ недѣлю, или ежедневную высшую трехлѣтнюю школу обыкновенно (50%; а въ городахъ Цюрихѣ и Винтертурѣ 75%) избираютъ послѣднюю. Съ новымъ закономъ участіе казны въ расходахъ Sekundarschule увеличивается въ тѣхъ же статьяхъ, какъ и въ начальной (но общая сумма увеличенія по всѣмъ статьямъ, конечно, значительно меньше, такъ какъ начальныхъ школъ несравненно больше).

Кромѣ начальныхъ и высшихъ народныхъ школъ, въ Цюрихскомъ кантонѣ существуютъ еще необязательныя школы для продолженія образованія. Число ихъ съ 52 въ 1872 году дошло въ 1898 году до 158, расходы на нихъ со стороны государства за тотъ же срокъ увеличились съ 9-ти тысячъ на 100 тысячъ франковъ въ годъ, а число учащихся поднялось съ нѣсколькихъ сотъ въ 1872 году до 6.000 въ 1898 году (изъ нихъ 4.000 мальчиковъ и 2.000 дѣвочекъ).

Весь государственный расходный бюджетъ цюрихской республики составилъ въ 1898 году (въ круглой суммѣ) 17 милліоновъ франковъ, изъ нихъ народному образованію удѣлено 4 милліона, и изъ этой послѣдней суммы 2½ милліона потрачено на народную школу. По вступленіи съ 1-го мая 1900 года въ силу новаго школьнаго закона ежегодные расходы цюрихской государственной казны на народныя школы увеличиваются независимо отъ обычнаго ежегоднаго увеличенія по смѣтѣ, по приблизительному разсчету, на 300 тысячъ франковъ, изъ нихъ 200 тысячъ падаютъ на однѣ лишь начальныя школы. Отчасти это увеличеніе государственной помощи нѣсколько уменьшитъ расходы общинъ и облегчитъ бремя повинностей; но еще болѣе оно облегчитъ успѣшное прохожденіе продолжительнаго курса неимущимъ дѣтямъ и улучшитъ бытъ учащихъ. Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшія нововведенія въ цюрихскомъ народношкольномъ дѣлѣ по закону 11 іюня. Въ новомъ цюрихскомъ школьномъ законѣ видна та же тенденція въ дѣлѣ народнаго образованія: государство ничего не создаетъ вновь, ничего не навязываетъ, но все больше и больше расширяетъ существующее и неустанно будитъ иниціативу самихъ общинъ, подталкиваетъ ихъ не ограничиваться существующимъ, а идти впередъ, и обѣщаетъ щедрую поддержку всѣмъ благимъ начинаніямъ во имя прогресса и блага народа.

И если вспомнить, что всѣ, безъ исключенія, швейцарцы обязательно прошли очень хорошую народную школу, что въ ихъ распоряженіи масса среднихъ общеобразовательныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, что въ Швейцаріи съ ея трехмилліоннымъ населеніемъ имѣются семь университетовъ (то-есть, одинъ университетъ приходится, приблизительно, на 430 тысячъ населенія; у насъ въ Европейской Россіи 1 университетъ на 15 милліоновъ населенія; слѣ-

довательно, у насъ въ 35 разъ меньше университетовъ), если все это вспомнить, то станетъ понятнымъ, какимъ неотразимо сильнымъ орудіемъ располагаютъ швейцарцы въ борьбѣ съ жизнью и чему они главнымъ образомъ обязаны тѣмъ высокимъ уровнемъ культурности и благосостоянія, которыя здѣсь такъ ярко во всемъ сказываются и поражаютъ и радуютъ (а иногда заставляютъ даже задумываться и сравнивать) пріѣзжихъ иностранцевъ.

Н. Б—къ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. 1) О проростаніи сѣмянъ Neottia nidus avis.—2) О перевариваніи бѣлковъ насѣкомоядными растеніями. — **Физика.** 1) Искусственное образованіе шаровидной молніи.—2) Печатаніе книгъ при помощи Рентгеновскихъ лучей.—**Химія.** Процессы горѣнія въ жидкомъ воздухѣ.—**Зоологія.** Образованіе настоящаго жемчуга въ раковинахъ Meleagrina margaritifera.—**Геологія.** Землетрясенія, наблюдавшіяся въ Греціи въ 1893—1898 гг.—**Астрономическія извѣстія.**

1) **Ботаника.** *О проростаніи сѣмянъ Neottia nidus avis.* Врядъ ли какое другое явленіе въ растительномъ царствѣ говоритъ больше о жизни, чѣмъ проростаніе сѣмянъ; но ближайшее знакомство съ частностями этого процесса показываетъ намъ строгую зависимость его отъ внѣшнихъ условій, выясняетъ ходъ происходящихъ при этомъ химическихъ превращеній и, такъ сказать, автоматическій характеръ ихъ и невольно внушаетъ представленіе о механичности этого акта пробужденія жизни. Однако, обращаясь къ отдѣльнымъ случаямъ проростанія сѣмянъ, изучая его у различныхъ растеній, мы встрѣчаемъ явленія, которыя въ настоящее время могутъ быть объяснены, лишь исходя изъ свойствъ, исключительно присущихъ живымъ существамъ. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ особенности проростанія сѣмянъ встрѣчающейся и въ нашихъ лѣсахъ орхидеи Neottia nidus avis, описанное Bernard'омъ въ № 20 «Comptes rendus des séances de l'Acad. des sciences de Paris».

Neottia растетъ въ густыхъ темныхъ лѣсахъ, почва которыхъ богата гніющими остатками листьевъ; ея стебель, достигающій 6—8 вершковъ, оканчивается цвѣточной кистью; это растеніе имѣетъ вмѣсто листьевъ небольшія чешуйки и все окрашено въ буроватый цвѣтъ, какъ будто высушено; оно не содержитъ зеленаго красящаго вещества (хлорофилла) и, поэтому, подобно грибамъ, вынуждено питаться готовыми органическими веществами. Въ ея плодахъ заключено безчисленное множество мелкихъ, какъ пыль, сѣмянъ, но до сихъ поръ, несмотря на неоднократныя попытки, никому еще не удалось ихъ прорастить при обычныхъ условіяхъ влажности и температуры. Опыты Bernard'a въ этомъ направленіи также окончились неудачею, но зато наблюденія надъ проростаніемъ сѣмянъ при естественныхъ условіяхъ, въ лѣсу, разъяснили причину неудачъ. Весною, въ лѣсу Фонтенебло онъ нашелъ прошлогодній стебель Neottia съ плодами, покрытый опавшими листьями; въ плодахъ оказалось множество проросшихъ сѣмянъ на самыхъ различныхъ стадіяхъ, причемъ всѣ проростки были густо опутаны и пронизаны внутри нитями гриба. Какъ извѣстно, грибы (которые въ ботаникѣ называются плодовыми тѣлами грибовъ) и сами образованы изъ тончайшихъ нитей и выростаютъ на сплетеніяхъ нитей (на мицеліи), стелящихся въ землѣ въ видѣ самой нѣжной паутинки. Вотъ такими нитями мицелія и были пронизаны проростки Neottia. Изъ этого наблюденія Bernard заключаетъ, что для проростанія сѣмянъ Neottia необходимо присутствіе мицелія гриба. Это, на первый взглядъ, крайне невѣроятное заключеніе

не удивитъ ботаниковъ, такъ какъ уже давно извѣстны соотношенія между различными растительными организмами, подобныя наблюдающимся въ данномъ случаѣ. Извѣстный нѣмецкій ботаникъ Франкъ около 25 лѣтъ тому назадъ, занимаясь по порученію министерства земледѣлія изслѣдованіемъ условій произростанія трюфелей, замѣтилъ, что молодые кончики корней многихъ деревьевъ, какъ, напр., дуба, бука, каштана, тополя, сосны и др., покрыты густымъ войлокомъ нитей мицелія, нѣкоторыя же изъ этихъ нитей проникаютъ и внутрь корня. Проще всего было бы предположить, что грибъ въ данномъ случаѣ паразитируетъ на корняхъ дерева, однако изъ наблюденій и изслѣдованій оказалось, что грибъ не только не вредитъ деревьямъ, но, напротивъ, приноситъ имъ пользу: эти высшія растенія, повидимому, не могутъ принимать и перерабатывать органическія вещества, происходящія отъ гніенія остатковъ листьевъ, отмершихъ корней и т. д., которыми такъ богата лѣсная почва, и которыя съ величайшей легкостью утилизируются грибами. Такимъ образомъ грибъ, пріютившійся на корняхъ высшаго растенія *), доставляетъ ему переработанныя органическія (гуминовыя) вещества почвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воду и растворенныя въ ней минеральныя соли, получая отъ него взамѣнъ вещества, которыя оно образуетъ въ листьяхъ изъ углекислоты и воды при содѣйствіи солнечнаго свѣта. Соотношенія двухъ различныхъ организмовъ, соединяющихся въ одно цѣлое и пользующихся другъ другомъ для цѣлей питанія, защиты и т. д., въ наукѣ называютъ, какъ извѣстно, симбіозомъ. Симбіозъ съ грибами настолько важенъ для деревьевъ, что въ почвѣ, лишенной мицелія, отводки деревьевъ, корни которыхъ въ естественномъ состояніи снабжены микоризой, не принимаются: правда, корешки залагаются въ нихъ, но вскорѣ же останавливаются въ развитіи; съ другой стороны, сѣянцы бука или пихтъ при культурѣ въ питательныхъ растворахъ, слѣдовательно, въ отсутствіи грибныхъ нитей, имѣютъ весьма жалкій видъ и въ концѣ-концовъ отмираютъ.

По строенію мицелія грибы нельзя различить, поэтому понятно, что весьма трудно узнать, какіе именно виды грибовъ вступаютъ въ симбіозъ съ высшими растеніями; въ настоящее время однако установлено, что къ ихъ числу, кромѣ трюфеля относятся также нѣкоторые изъ самыхъ обыкновенныхъ грибовъ: груздь, мухоморъ, сыроѣшка. Обиліе этихъ грибовъ, именно въ лѣсахъ, можетъ служить лишнимъ доводомъ въ пользу предположенія, что и для гриба симбіозъ съ высшимъ растеніемъ выгоденъ. Въ симбіозъ съ грибами вступаютъ далеко не одни древесныя растенія; микориза найдена также у черники, брусники, грушанки (Pyrola), лядвенца (Lotus), болотной фіалки, эрики, у нѣкоторыхъ орхидей и др., чѣмъ объясняется, что эти виды не удается вырастить въ обыкновенной садовой землѣ. Не всегда грибныя нити разростаются вокругъ корешка, образуя его покровъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ проникаютъ внутрь корня и распространяются по его тканямъ, сплетаясь въ мелкіе клубочки внутри клѣтокъ, составляющихъ поверхностный слой или лежащихъ близъ поверхности корня, и только въ разныхъ мѣстахъ выпускаютъ наружу отростки; такая внутренняя (эндотрофная, какъ ее назвалъ Франкъ) микориза свойственна, между прочимъ, орхиднымъ и въ томъ числѣ Neottia. Но Neottia, какъ и подъельникъ (Monotropa), какъ принадлежащіе къ орхиднымъ же ладьянъ (Corallorhiza), и Epipogon, корни которыхъ также снабжены микоризой,—лишены зеленаго красящаго вещества (хлорофилла) и потому не могутъ приготовлять изъ углекислоты и воды органическія вещества. Относительно подъельника (Monotropa), достовѣрно извѣстно, что корни его не соединяются съ сосѣдними корнями другихъ растеній, изъ которыхъ бы онъ могъ высасывать органическія вещества; съ другой стороны,

*) Все это образованіе,—корень и соединенный съ нимъ войлочекъ грибныхъ нитей, носитъ названіе микоризы, данное ему Франкомъ.

самъ онъ, не содержа хлорофилла, производить ихъ также не можетъ; очевидно, что пользуясь соками, доставляемыми ему грибомъ (микоризой), онъ не отдаетъ ничего взамѣнъ,—слѣдовательно, паразитируетъ на грибѣ. Это совершенно необычный случай, мы слишкомъ привыкли видѣть, что, наоборотъ, грибъ паразитируетъ на высшемъ растеніи, но иначе нельзя толковать отношеній гриба и Monotropa тѣмъ болѣе, что всѣ показанія, будто Monotropa поселяется на корняхъ другихъ высшихъ растеній въ первыхъ стадіяхъ своего развитія и лишь позднѣе, отдѣляясь отъ нихъ, начинаетъ питаться сапрофитно (т. е. какъ гнилостное растеніе), оказались основанными на неточныхъ наблюденіяхъ и въ настоящее время опровергнуты. Что касается питанія Neottia, то мы, повидимому, имѣемъ здѣсь подобныя же отношенія: это растеніе такъ же лишено хлорофилла, такъ же не принадлежитъ къ числу паразитирующихъ на другихъ высшихъ растеніяхъ и корни его такъ же снабжены микоризой. Какъ же попадаетъ мицелій гриба въ плоды Nootlia, чтобы соединиться тамъ съ ростком? Bernard наблюдалъ слѣдующее. Весною въ лѣсу можно найти много прямо стоящихъ прошлогоднихъ стеблей Neottia съ плодами, образовавшимися въ предыдущее лѣто. Эти стебли обыкновенно бываютъ сухими и содержатъ внутри полость, происшедшую вслѣдствіе разрушенія сердцевины. Bernard изслѣдовалъ около 30 такихъ стеблей и постоянно находилъ въ нижней ихъ части, остающейся во влажной землѣ и потому не высыхающей, во внутренней полости, сплетенія грибныхъ нитей, соединяющихся съ микоризой старыхъ клѣтокъ, которую не трудно узнать. Итакъ, въ мертвыхъ стебляхъ Neottia находятся многочисленныя, но уже свободныя нити, происшедшія изъ микоризы, которыя развиваются только во влажной части вѣтви, заключенной въ землѣ; верхняя часть, возвышающаяся надъ поверхностью почвы, совершенно не содержитъ ихъ Но тотъ стебель, совершенно покрытый гніющими листьями, въ плодахъ котораго были найдены проросшія сѣмена, оставался сырымъ весь по всей своей длинѣ, и, соотвѣтственно этому, по всей длинѣ онъ оказался пронизаннымъ нитями гриба, которыя пробрались и въ содержащую сѣмена полость плода. Мы знаемъ, что у проростковъ нѣкоторыхъ чужеядныхъ растеній, какъ, напр., у павилики (Cuscuta), присоски вовсе не образуются, пока проростокъ не встрѣтитъ растенія, изъ котораго онъ впослѣдствіи можетъ высасывать питательныя вещества; далѣе у тѣхъ же орхидныхъ въ плодникѣ зачатки сѣмяпочекъ, изъ которыхъ послѣ оплодотворенія образуются сѣмена, достигаютъ окончательнаго развитія и становятся годными къ оплодотворенію лишь въ томъ случаѣ, если на рыльцѣ плодника проростетъ принесенная сюда изъ другого экземпляра плодотворная пыльца: здѣсь для развитія сѣмяпочекъ необходимо присутствіе пыльцевыхъ трубокъ, хотя бы на нѣкоторомъ разстояніи, такъ какъ пыльцевыя трубки въ это время еще не достигаютъ сѣмяпочекъ и сообщаются съ ними лишь при посредствѣ окружающихъ тканей плодника. Подобныхъ примѣровъ развитія органовъ подъ вліяніемъ особыхъ специальныхъ раздраженій въ ботаникѣ извѣстно не мало, поэтому и зависимость проростанія сѣмянъ Neottia отъ присутствія грибныхъ нитей не представляется невѣроятной.

2) *О развариваніи бѣлковъ насѣкомоядными растеніями.* Растенія, которыя ловятъ животныхъ (преимущественно насѣкомыхъ) и питаются ими, пользуются широкой извѣстностью. Спеціальныя приспособленія для этой цѣли, придающія такой своеобразный видъ, особенно экзотическимъ насѣкомояднымъ растеніямъ и этотъ необычный въ растительномъ царствѣ способъ питанія такъ поразителенъ, что не изглаживаются въ памяти тѣхъ, кому пришлось познакомится съ ними.

Правда, теперь никто уже не вѣритъ въ существованіе растеній, способныхъ поглощать крупныхъ животныхъ или даже и человѣка, но все же рас-

тенія, переваривающія животную пищу, кажутся какими-то удивительными исключеніями среди представителей того же царства живыхъ существъ. Поэтому все, касающееся этихъ растеній, всегда представляло особенный интересъ. Многимъ, конечно, извѣстно, что листья насѣкомоядныхъ растеній снабжены железками, которыя выдѣляютъ особую жидкость, служащую для перевариванія животной пищи, и что выдѣляется эта жидкость лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на листъ попадетъ маленькое животное или будетъ кусочекъ мяса или бѣлка. Пищевареніе въ желудкѣ и въ кишкахъ у животныхъ состоитъ въ томъ, что твердые и нерастворимые въ водѣ кусочки пищи превращаются дѣйствіемъ особыхъ соковъ въ растворимыя вещества. Особенность дѣйствующихъ веществъ этихъ соковъ составляетъ то свойство, что, будучи взяты въ минимальныхъ дозахъ, они способны переводить въ растворъ весьма большія количества соотвѣтствующихъ нерастворимыхъ веществъ; подобныя явленія, т. е. превращеніе одного вещества подъ вліяніемъ минимальнаго количества другого, не вступающаго съ нимъ въ химическое соединеніе, наблюдаются не только при перевариваніи пищи въ кишечникѣ, но и во многихъ другихъ случаяхъ воздѣйствія организма на нерастворимыя вещества, напр.: когда нити паразитнаго гриба проникаютъ внутрь клѣтокъ поражаемаго имъ растенія, онѣ выдѣляютъ вещество, растворяющее циллюлезную оболочку этихъ клѣтокъ; подобныя вещества и въ томъ числѣ дѣйствующія начала желудочнаго и кишечнаго сока, получили названіе неорганизованныхъ ферментовъ или энзимовъ. Каждый отдѣльный энзимъ способенъ переводить въ растворѣ (измѣняя, конечно, химическій составъ) лишь опредѣленную группу веществъ; такъ протеолитическіе энзимы (напр., пепсинъ) могутъ переводить въ растворимое состояніе только бѣлки.

Уже давно было доказано, что въ выдѣленіяхъ железъ насѣкомоядныхъ растеній находится протеолитическій энзимъ, но въ началѣ послѣдняго десятилѣтія Dubois, а затѣмъ Тишуткинъ высказали предположеніе, что этотъ энзимъ производится, въ данномъ случаѣ, не самимъ растеніемъ, а бактеріями, которыя вообще этотъ энзимъ производить могутъ и на кусочкахъ животной пищи, перевариваемой насѣкомоядными растеніями, обыкновенно находятся. Этимъ изслѣдователямъ тогда же основательно возражалъ Goebel. Недавно (въ 12-омъ номерѣ «Botanische Zeitung» нынѣшняго года) появился рефератъ работы Vines'а, который, задолго до работъ Добюа и Тишуткина, занимался изслѣдованіемъ выдѣленій железъ и содержащагося въ нихъ энзима у экзотическаго насѣкомояднаго Nepenthes и теперь подтверждаетъ показанія Гёбеля и доказываетъ, что протеолитическій экзимъ у Nepenthes обязанъ своимъ происхожденіемъ железкамъ листа, а не бактеріямъ, примѣняя для этого новый способъ устраненія бактерій при изученіи дѣйствія выдѣленій этихъ железъ. Черешки листьевъ Nepenthes расширяясь образуютъ бокаловидные органы, служащіе для ловли мелкихъ животныхъ, иногда превышающіе въ длину 30 см. и на столько широкіе, что въ нихъ свободно пройдетъ рука ребенка. Въ этихъ бокалахъ скопляется жидкость, посредствомъ которой переваривается животная пища, и которая была тщательно изслѣдована Вайнсомъ такъ же, какъ и продукты такого переваривания; среди нихъ найденъ былъ, между прочимъ, пептонъ, т. е. такое вещество, которое образуется изъ бѣлковъ подъ вліяніемъ энзима и въ кишечникѣ животныхъ, причемъ самый сокъ, выдѣляемый Nepenthes и содержащій этотъ энзимъ, оказался обладающимъ антисептическими свойствами. Такимъ образомъ, изслѣдованія Вайнса окончательно устраняютъ возраженія Дюбуа и Тишуткина.

На первый взглядъ кажется, что питаніе насѣкомоядныхъ растеній представляетъ, подобно тому, какъ и питаніе животныхъ, полную противополож-

ность съ соотвѣтствующими процессами у всѣхъ остальныхъ растеній, которыя могутъ довольствоваться углекислотой и растворами солей.

Но перевариваніе пищи еще не есть питаніе: оно служитъ только для того, чтобы перевести принятыя вещества въ такія соединенія, которыя могли бы проникнуть внутрь организма и достичь его клѣтокъ, въ которыхъ они вновь измѣняются, входя въ составъ наиболѣе важныхъ частей клѣтки—протоплазмы и ядра, т. е. превращаются въ живое вещество организованныхъ образованій; это послѣднее превращеніе собственно и слѣдуетъ считать питаніемъ. Плазма и у животнаго, и у растенія почти тожественна по химическому составу, главную ея часть образуютъ бѣлковыя вещества, слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ для своего питанія клѣтки должны получать бѣлковыя вещества. Въ дѣйствительности такъ оно и есть: всѣ живыя клѣтки питаются бѣлками, разница только въ томъ, что животныя должны получать эти бѣлки готовыми, а растенія могутъ сами себѣ ихъ приготовить изъ болѣе простыхъ соединеній (напр., зеленыя растенія изъ углекислоты, воды и минеральныхъ солей, незеленыя—изъ сахара, органическихъ кислотъ и тому подобныхъ соединеній и минеральныхъ солей). Растенія приготовляютъ обыкновенно бѣлковыя вещества, растворимыя въ водѣ или въ растворахъ солей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и имъ приходится прибѣгать къ протеолитическимъ энзимамъ, которые, какъ оказывается по новымъ изслѣдованіямъ Fermi и Buscaglioni (статья ихъ «Die proteolytischen Enzyme im Pflanzenreich» помѣщена въ №№ 1—5 V тома, II отдѣла Centralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten), широко распространены въ растеніяхъ, хотя и находятся у нихъ въ весьма малыхъ количествахъ, что легко объясняется на основаніи указанныхъ свойствъ бѣлковъ, вырабатываемыхъ растеніями. Fermi и Buscaglioni не только опредѣляли у какихъ растеній встрѣчаются протолитическіе энзимы и въ какихъ частяхъ ихъ (въ корнѣ, стеблѣ, листьяхъ, частяхъ цвѣтка, въ плодотворной пыльцѣ, въ молодыхъ образующихся органахъ, въ присоскахъ чужеядныхъ растеній, въ микоризахъ и т. д.), но так же изслѣдовали свойства этихъ энзимовъ, ихъ отношеніе къ свѣту и температурѣ, вліяніе этихъ факторовъ на ихъ образованіе въ растеніи, способность сохраняться, условія, при которыхъ они могутъ дѣйствовать на бѣлковыя вещества и т. д. Я не стану входить въ подробный разборъ этой работы; для насъ важно только то, что вообще протеолитическіе энзимы оказались въ наиболѣе энергично растущихъ частяхъ растеній, у чужеядныхъ—въ ихъ присоскахъ и подобныхъ имъ органахъ, служащихъ имъ для высасыванія соковъ организма, на которомъ они паразитируютъ, у насѣкомоядныхъ — въ органахъ залавливанія добычи, — словомъ тамъ, гдѣ можно ожидать, что растенію придется усваивать нерастворимыя бѣлковыя вещества, т. е. что протеолитическіе энзимы сопровождаютъ наиболѣе дѣятельные органы растеній, гдѣ происходитъ энергичный обмѣнъ и, слѣдовательно, есть основаніе думать, что растенія и вообще, не только въ спеціальныхъ случаяхъ питанія, пользуются этими энзимами.

Итакъ питаніе растеній по существу—относительно усваиваемыхъ веществъ, а иногда и относительно способа превращенія ихъ въ усвояемыя соединенія—одинаково съ питаніемъ животныхъ; относящіяся сюда явленія у обыкновенныхъ растеній, у насѣкомоядныхъ и у животныхъ представляютъ собой лишь частные случаи, варіаціи одного процесса, который можно назвать питаніемъ протоплазмы.

Отличіе насѣкомоядныхъ только въ томъ, что, недовольствуясь приготовленіемъ бѣлковъ изъ углекислоты и минеральныхъ веществъ, они еще прибѣгаютъ къ ловлѣ мелкихъ животныхъ, слѣдовательно, лишь въ пріемахъ добыванія пищи, а не утилизаціи ея, и потому образованіе въ нихъ протеолити-

ческаго энзима не представляетъ особаго неожиданнаго явленія и съ точки зрѣнія питанія, въ собственномъ смыслѣ, они вовсе не являются исключеніемъ.

Физика. 1) *Искусственное образованіе шаровидной молніи.* Въ CXXIX томѣ Comptes rendus Парижской Академіи Наукъ Stéphane Leduc описываетъ свои опыты, предпринятые для объясненія происхожденія шаровидной молніи. Правда, нѣчто подобное удалось уже получить Planté еще въ 1878 г. при помощи электрическаго тока весьма высокаго напряженія, но опыты Leduc'а даютъ гораздо болѣе полную картину этого замѣчательнаго явленія. Leduc поступалъ слѣдующимъ образомъ: онъ соединилъ два тонкихъ, полированныхъ металлическихъ острія съ полюсами машины Гольца и укрѣпилъ ихъ вертикально надъ чувствительнымъ слоемъ фотографической пластинки, лежавшей на металлическомъ листѣ. Разстояніе между остріями въ опытахъ достигало 5—10 см. Подъ вліяніемъ электрическаго тока, на положительномъ полюсѣ, образуется ореолъ, а на отрицательномъ—свѣтящійся шаръ, который постепенно увеличивается, пока не отдѣлится отъ острія, послѣ чего оно тотчасъ же совершенно перестаетъ свѣтиться.

Свѣтящійся шаръ направляется къ положительному полюсу, но движеніе его такъ медленно, что путь въ нѣсколько сантиметровъ онъ проходитъ отъ 1 до 4 минутъ; движется онъ не по прямому направленію, иногда уходитъ въ сторону, иногда на нѣкоторое время совсѣмъ останавливается, не рѣдко распадается на множество мелкихъ шариковъ, изъ которыхъ каждый затѣмъ уже самостоятельно продолжаетъ путь къ положительному полюсу. Какъ только шаръ достигнетъ положительнаго полюса, свѣченіе тотчасъ прекращается, какъ будто между обоими полюсами разрядъ происходитъ при посредствѣ металлическаго соединенія. На фотографической пластинкѣ, по окончаніи опыта, можно ясно видѣть и прослѣдить всѣ фазы движенія шаровидной молніи. Повидимому, эти наблюденія очень важны для объясненія явленія шаровидной молніи: чрезвычайно медленное движеніе шара, распаденіе его на мелкіе шарики—все это характерные признаки естественной шаровидной молніи. Сходство идетъ еще дальше: существуетъ рѣдкая, весьма своеобразная форма молніи въ видѣ бусъ или четокъ; особенность ея состоитъ въ томъ, что она не погасаетъ тотчасъ же, какъ обыкновенная зигзагообразная молнія, а распадается на безчисленное множество мелкихъ шариковъ, которые подобно зернамъ бусъ располагаются по пути молніи и исчезаютъ постепенно. Совершенно подобное явленіе наблюдалъ въ своихъ опытахъ и Leduc. Если, во время движенія описаннаго выше свѣтящагося шара, насыпать на пластинку порошокъ сѣры, то на пути, уже пройденномъ шаровидной молніей, образуется множество маленькихъ свѣтящихся бисеринокъ. Этимъ опытомъ, между прочимъ, доказывается уже ранѣе предполагавшаяся связь шаровидной и четковидной молніи. (Naturwiss. Wochenschrift).

2) *Печатаніе книгъ при помощи Рентгеновскихъ лучей.* Лучи Рентгена, со времени ихъ открытія, получили весьма разнообразное и интересное примѣненіе въ медицинѣ и вообще въ наукѣ; промышленность, которая до сихъ поръ, повидимому, совершенно не интересовалась ихъ существованіемъ, сдѣлала попытку новаго и крайне оригинальнаго примѣненія ихъ, мы разумѣемъ—печатаніе при помощи этихъ лучей.

Это изобрѣтеніе принадлежитъ Izambard'у. Раньше его, въ 1896 г., американскій профессоръ Elihu Thomson сдѣлалъ слѣдующій опытъ: онъ воспроизвелъ посредствомъ Рентгеновскихъ лучей отпечатокъ сразу на тридцати, сложенныхъ стопкой, листахъ фотографической бумаги. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, насколько лучи Рентгена проникаютъ сквозь чувствительные слои этой бумаги. Въ томъ же году, но раньше, аналогичный опытъ былъ произведенъ и сообщенъ Парижской Академіи Огюстомъ и Луи Люмьерами. Идея примѣненія Рентгеновскихъ лучей къ печатанію впервые была разработана

Izambard'омъ, который и получилъ патентъ на это изобрѣтеніе во Франціи и въ Америкѣ. Еще въ 1895 году онъ думалъ о примѣненіи электричества для полученія сразу большаго числа оттисковъ на спеціально приготовленной бумагѣ. Въ его аппаратѣ буквы печатались, каждая при помощи двухъ соотвѣтствующихъ другъ другу молоточковъ: одинъ находится надъ пачкой бумаги, другой подъ нею, они представляютъ собою полюсы разомкнутаго тока; при сближеніи ихъ, токъ проходитъ сквозь раздѣляющую ихъ бумагу и отпечатываетъ на всѣхъ листахъ изображеніе буквы, помѣщенной на молоточкахъ, разлагая бумагу. Въ это время, открытіе Рентгена показало ему, что нѣтъ необходимости прибѣгать къ двойной системѣ молоточковъ и, вообще, къ этому сложному механизму. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь извѣстно, что эти лучи безъ всякаго приспособленія могутъ пройти сквозь пачку бумаги. Вообще Рентгеновскіе лучи проходятъ черезъ всѣ непрозрачные для свѣта тѣла, но задерживаются металлами или веществами, содержащими въ своемъ составѣ металлы. Слѣдовательно, если на бумагѣ или на экранѣ изобразить буквы спеціальными чернилами, въ составъ которыхъ входятъ металлическіе элементы, то эти буквы будутъ непроницаемы для Рентгеновскихъ лучей. Пачка чувствительной бромосеребряной бумаги, подвергнутая вліянію этихъ лучей, не представитъ для нихъ препятствія, исключая тѣхъ мѣстъ, которыя находятся подъ изображеніями буквъ, написанныхъ непроницаемыми чернилами, которыя можно назвать «радіографическими»; такимъ образомъ можно получить текстъ, сразу отпечатанный на тысячѣ листовъ. На листѣ, который служитъ экраномъ, этотъ текстъ можетъ быть написанъ или отпечатанъ типографскимъ способомъ, или же, что проще всего, прямо написанъ при помощи пишущей машины, такъ какъ для дальнѣйшаго печатанія нужно имѣть одинъ только экземпляръ. Этотъ послѣдній способъ устраняетъ всѣ длинныя и сложныя типографскія операціи набора и распредѣленія буквъ по кассамъ. Послѣ отпечатанія, чувствительная бумага должна подвергнуться проявленію и закрѣпленію изображеній посредствомъ особыхъ растворовъ; все это, въ данномъ случаѣ, производится автоматически, причемъ бумага обрабатывается соотвѣтствующими жидкостями, при помощи машинъ съ безконечной лентой, уже примѣняемыхъ для разныхъ цѣлей и дѣйствующихъ чрезвычайно быстро. Для того, чтобы получить позитивное изображеніе текста, т. е. черными буквами на бѣломъ фонѣ, указано нѣсколько способовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Шрифтъ пишущей машины намазывается особымъ составомъ, къ которому не пристаютъ жирныя радіографическія чернила; текстъ, написанный этимъ составомъ, покрываютъ радіографическими чернилами, буквы остаются бѣлыми на фонѣ этихъ чернилъ и при дѣйствіи Рентгеновскихъ лучей только онѣ эти лучи и пропускаютъ, такъ что на чувствительной фотографической бумагѣ текстъ выходитъ чернымъ. Составовъ, къ которымъ не пристаютъ жирныя чернила, есть нѣсколько, напр., сахарная вода, глицеринъ, гумми. Если хотятъ печатать на обѣихъ сторонахъ бумаги сразу, то для этого достаточно нанести на нее чувствительный слой съ обѣихъ сторонъ полосками такъ, чтобы строчки одной стороны соотвѣтствовали промежуткамъ между строчками на другой. Чтобъ приготовить двойной экранъ для такого печатанія, вторую страницу пишутъ на оборотной сторонѣ и между строчками первой, или же можно ихъ написать отдѣльно и затѣмъ соотвѣтствующимъ образомъ склеить, т. е. такъ, чтобы строчки не пришлись одна противъ другой.

Выгоды такого печатанія, помимо того что всѣ листы изготовляются одновременно, слѣдующія. Существующія пишущія машины могутъ дать весьма правильный и при извѣстномъ вниманіи совершенно безошибочный текстъ; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ наборомъ устраняются и ошибки, происходящія отъ неправильнаго распредѣленія буквъ по кассамъ, далѣе здѣсь не нужна пере-

борка набранныхъ литеръ послѣ корректуры, не говоря уже о непредвидѣнныхъ замедленіяхъ, которыя могутъ произойти отъ того, что полоса, столбецъ или цѣлая страница выпадетъ въ послѣдній моментъ. При печатаніи посредствомъ Рентгеновскихъ лучей ничего подобнаго, конечно, нельзя опасаться. Верстка здѣсь чрезвычайно проста; тотъ, кому это поручается, склеиваеть въ желаемомъ порядкѣ листы текста пишущей машины, затѣмъ онъ помѣщаетъ на оборотной сторонѣ соотвѣтствующія страницы, обращая вниманіе на то, чтобы строчки одной стороны пришлись въ промежуткахъ другой. Также не представитъ затрудненій и обозначеніе страницъ. Можно печатать и нѣсколько пачекъ съ разными текстами одновременно, помѣщая ихъ полукругомъ передъ аппаратомъ, производящимъ лучи Рентгена. Если нужно отпечатать листы слишкомъ большихъ размѣровъ, можно примѣнить нѣсколько Круксовыхъ трубокъ, отдѣливъ ихъ другъ отъ друга металлическими экранами. Наиболѣе интересное примѣненіе Рентгеновскихъ лучей къ печатанію представляетъ собою печатаніе въ закрытыхъ конвертахъ важныхъ дипломатическихъ бумагъ, плановъ мобилизаціи, конфиденціальныхъ циркуляровъ, вообще всѣхъ тѣхъ документовъ, которые считаются секретными, но въ дѣйствительности не составляютъ тайны, такъ какъ печатаніе ихъ поручается третьему лицу. Съ помощью же новаго способа можно сдѣлать такъ, что эти документы будутъ извѣстны только лицамъ непосредственно заинтересованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно начальствующему лицу въ своемъ кабинетѣ написать бумагу перомъ или на пишущей машинѣ радіографическими чернилами, затѣмъ помѣстить ее, не складывая, въ конвертъ и запечатать на одномъ изъ угловъ. Онъ посылаетъ эту бумагу съ соотвѣтствующими инструкціями въ учрежденіе, назначенное спеціально для разсылки бумагъ. Тамъ имѣются приготовленными листы чувствительной бумаги опредѣленнаго формата, изъ которыхъ каждый заключенъ въ запечатанный конвертъ. На пачку такихъ конвертовъ помѣщаютъ, не вскрывая, конвертъ, полученный отъ начальствующаго лица и подвергнувъ все это дѣйствію Рентгеновскихъ лучей, получаютъ нужное число экземпляровъ присланной бумаги. Вся эта операція можетъ быть произведена весьма быстро и притомъ безъ участія рабочихъ, все время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лица, завѣдывающаго печатаніемъ, которое знаетъ свою отвѣтственность. Оригиналъ бумаги можетъ быть затѣмъ отосланъ обратно, оставаясь все время запечатаннымъ такъ же, какъ и воспроизведенные съ него «оттиски», если можно такъ выразиться. Затѣмъ конверты отправляются по назначенію и получателю остается только проявить заключающуюся въ конвертѣ бумагу, что возьметъ гораздо меньше времени, чѣмъ дешифрированіе депеши. Такъ какъ бумагу необходимо проявить, чтобы прочесть буквы, то всякая нескромность становится невозможной или, по крайней мѣрѣ, о ней можно сейчасъ же узнать по виду бумаги.

Для воспроизведенія рисунковъ помощью Рентгеновскихъ лучей существуетъ два способа.

Первый состоитъ въ томъ, что рисунокъ копируютъ особою жидкостью перомъ или кистью и затѣмъ, копію покрываютъ жирными металлическими чернилами; такимъ образомъ получается рисунокъ бѣлыми чернилами по темному полю, дающій позитивные отпечатки. Другой способъ состоитъ въ томъ, что на экранъ сначала наносится слой массы, содержащій металлическія частицы, на которомъ рисунокъ выскабливаютъ остріемъ иглы, и такимъ образомъ, получаютъ негативный экранъ.

Въ этомъ случаѣ, рисовальщикъ самъ воспроизводитъ оригиналъ того самаго рисунка, который будетъ отпечатанъ. Эти способы примѣнимы также и для полученія художественныхъ изображеній, причемъ, второй изъ нихъ представляетъ большія преимущества. Онъ даетъ всѣ эффекты гравюры на мѣди, но требуетъ гораздо меньше труда потому, что вмѣсто твердой мѣдной пластинки,

здѣсь приходится имѣть дѣло съ тѣсто-образной массой. Кромѣ того этотъ способъ можетъ дать также и всѣ эффекты литографіи, потому что при печатаніи можно получить не только черныя черты, толстыя и тонкія, но также и черты сѣраго цвѣта различныхъ оттѣнковъ. Эти различія зависятъ отъ того, насколько глубоко нанесены штрихи въ металлической массѣ: густота тона пропорціональна большей или меньшей толщинѣ металлическаго слоя, черезъ который должны пройти Рентгеновскіе лучи Такимъ образомъ, на одномъ и томъ же рисункѣ можно скомбинировать полутоны, получаемые растушевкой и рѣзкія черты офорта или гравюры. Итакъ, мы видимъ, что этотъ способъ даетъ совершенно новыя средства для воспроизведенія художественныхъ эффектовъ, потому что врядъ-ли можно думать, чтобы какой-нибудь изъ существующихъ способовъ давалъ бы возможность получить подобные результаты.

Печатаніе посредствомъ Рентгеновскихъ лучей пока еще дѣло будущаго, но, и въ настоящее время, безъ тѣхъ усовершенствованій, которыя имѣетъ въ виду и подготовляетъ изобрѣтатель его, оно можетъ оказать важныя услуги во многихъ случаяхъ. При печатаніи газетъ, напримѣръ, можно исполнить въ часъ ту работу, которая теперь требуетъ 6-ти или 7-ми часовъ. Прибавленія, въ которыхъ печатаются послѣднія новости, доставляющія въ среднемъ работы часа на $1^1/_2$, могутъ быть отпечатаны посредствомъ Рентгеновскихъ лучей и притомъ съ меньшимъ персоналомъ рабочихъ въ теченіи $^1/_4$ часа или 20-ти минутъ. Разумѣется, и во множествѣ другихъ случаяхъ, когда требуется получить быстро большое число экземпляровъ, этотъ способъ печатанія можетъ оказать большія услуги. Издатели книгъ, музыкальныхъ произведеній не будутъ принуждены сохранять для новыхъ предстоящихъ изданій доски стереотипа, представляющія громадныя массы металла, лежащаго безъ употребленія, другими словами, мертвый капиталъ. Несомнѣнно, они охотно замѣнятъ ихъ простыми экранами, покрытыми радіографической массой, которые легко сохраняются, занимаютъ мало мѣста, всегда готовы къ употребленію и представляютъ, сами по себѣ, незначительную цѣнность.

Въ заключеніе авторъ этой замѣтки, помѣщенной въ «Revue Scientifique», справедливо обращаетъ вниманіе специалистовъ, на весьма желательныя и возможныя усовершенствованія: во-первыхъ, чувствительная бромо-серебряная бумага очень дорога и, такъ называемыя, радіографическія чернила съ практической точки зрѣнія могли-бы быть лучше, во-вторыхъ, отпечатки промываются и высушиваются, и абсолютно, необходимо найти способъ производить эти операціи почти моментально..

Во всякомъ случаѣ новый способъ печатанія, какъ это думаетъ и самъ изобрѣтатель его, Izambard, не предназначается къ тому, чтобы совершенно вытѣснить существующій способъ, но долженъ служить его дополненіемъ для достиженія бо̀льшей быстроты печатанія, къ чему навѣрно должно привести цѣлесообразное соединеніе обоихъ способовъ. (R. Scientifique).

Химія. *Процессы горѣнія въ жидкомъ воздухѣ.* Статья К. Linde, въ которой описаны эти явленія, помѣщена въ Sitzungsber d. Münchener Akademie d. Wiss. 1899, стр. 65. Какъ извѣстно, при сжиженіи атмосфернаго воздуха кислородъ и азотъ сгущаются одновременно, и получающаяся жидкость имѣетъ тотъ же составъ, какъ и атмосферный воздухъ; но когда начинается испареніе этой жидкости, то составъ ея мѣняется, такъ какъ азотъ испаряется въ большихъ количествахъ, чѣмъ кислородъ, вслѣдствіе чего жидкость постепенно обогащается кислородомъ. Произведенныя въ этомъ отношеніи количественныя опредѣленія показали, что при атмосферномъ давленіи вначалѣ испаряется 92% азота и 8% кислорода, и, что когда испарится около 70% всей жидкости, остатокъ ея состоитъ приблизительно изъ равныхъ количествъ кисло-

рода и азота. При меньшемъ давленіи, раздѣленіе происходитъ еще скорѣе и продукты испаренія содержатъ больше азота, а при болѣе высокомъ, наоборотъ. Соотвѣтственно этому, если приблизить тлѣющую лучину къ поверхности такой жидкости, то, пока продукты испаренія содержатъ преимущественно азотъ, она гаснетъ; при продолжающимся же испареніи и при погруженіи въ жидкость,—вспыхиваетъ (несмотря на то, что температура жидкаго воздуха не превышаетъ—180°).

Если смѣшать горючее вещество (напр., угольный порошокъ) съ жидкимъ воздухомъ, то при воспламененіи такая смѣсь сгораетъ такъ же быстро и энергично, какъ и обыкновенный черный порохъ, и, если воспламененіе вызывается ударомъ, происходитъ взрывъ. Этотъ фактъ особенно поразителенъ, такъ какъ явленіе происходитъ при такой низкой температурѣ. Авторъ дополняетъ эти наблюденія слѣдующими опытами. Если мельчайшій порошокъ кремезема (трепелъ) или пробковаго угля напитать нефтью настолько, чтобы онъ могъ принять еще достаточное количество жидкаго кислорода, то такая смѣсь, свободно лежащая, взрываетъ при воспламененіи. Патроны, наполненные ею, передаютъ взрывъ другимъ такимъ же патронамъ на разстояніи 25 см., тогда какъ взрывчатая желатина *) дѣйствуетъ такимъ образомъ лишь на 15 см.

Быстроту горѣнія и измѣненія объема, сопровождающія его, опыты даютъ возможность выразить въ цифрахъ, получаемыхъ при помощи особаго прибора (Brisanzmesser). Этотъ приборъ представляетъ собой стальной пріемникъ, въ которомъ производится взрывъ испытываемыхъ патроновъ, посредствомъ пистоновъ изъ гремучей ртути; получаемое при этомъ измѣненія давленія отмѣчаются особымъ индикаторомъ на барабанѣ, обтянутомъ бумагой, который вращается со скоростью приблизительно 330 сант. въ секунду. Хотя аппаратъ и не даетъ абсолютно вѣрнаго опредѣленія времени, однако, относительная продолжительность горѣнія опредѣляется весьма точно. Изъ числа изслѣдованныхъ до сихъ поръ веществъ, взрывчатая желатина занимала первое мѣсто; однако при употребленіи смѣси нефти и богатой кислородомъ жидкости, которая получается изъ сгущеннаго воздуха, происходитъ такія увеличенія давленія и объема, по которымъ указанная смѣсь далеко превосходитъ взрывчатую желатину. «Повидимому, говоритъ авторъ, сгораніе подобной смѣси, несмотря на ея температуру менѣе чѣмъ въ—180° Ц. происходитъ скорѣе, чѣмъ сгораніе какихъ-либо до сихъ поръ извѣстныхъ твердыхъ или жидкихъ веществъ». (Naturwissenschaftlihe Rundschau).

Зоологія. *Образованіе настоящаго жемчуга въ раковинахъ Meleagrina margaritifira.* Въ Comptes rendus Парижской Академіи Léon Dignet, посланный съ научными цѣлями въ Калифорнійскій заливъ, сообщаетъ свои наблюденія, которыя должны существенно измѣнить господствующее представленіе относительно образованія жемчуга. Онъ считаетъ ошибочнымъ соединять подъ однимъ названіемъ настоящій жемчугъ (perles fines) и известковыя образованія, происходящія у моллюсковъ изъ выдѣленія железъ мантіи,—руководствуясь при этомъ способомъ ихъ происхожденія. У жемчужницъ, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ моллюсковъ, по большей части встрѣчаются своеобразныя отложенія извести двухъ видовъ, которыя слѣдуетъ строго различать. Одни изъ нихъ происходятъ изъ особаго выдѣленія железъ мантіи, задача которыхъ при нормальныхъ условіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы доставлять известь для утолщенія и увеличенія размѣровъ раковины соотвѣтственно росту моллюсковъ. Это отдѣленіе, отлагаясь на инородныя тѣла въ видѣ слоевъ перламутра, можетъ

*) Вещество, которое нѣмцы называютъ Sprenggelatine, представляетъ смѣсь нитроглицерина и пироксилина съ небольшимъ количествомъ камфоры и слѣдовательно ничего общаго съ желатиной не имѣетъ.

произвести образованія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе правильной сферической формы, называемыя искателями жемчуга «перламутровыми жемчужинами (perles de nacre)». Многочисленныя изслѣдованія относительно образованія жемчуга до сихъ поръ и производились только надъ этимъ видомъ отложеній перламутроваго вещества; но и по внѣшнему виду они рѣзко отличаются отъ настоящаго жемчуга: перламутровый жемчугъ лишь въ слабой степени обнаруживаетъ радужный оттѣнокъ, который французы называютъ «orient», и по своему блеску скорѣе приближается къ перламутру раковины, изъ котораго онъ и происходитъ; короче сказать, онъ представляетъ собой случайное образованіе, происходящее на поверхности тѣла моллюска (но внутри раковины, конечно) вслѣдствіе нормальной дѣятельности соотвѣтствующихъ органовъ.

Напротивъ, настоящій жемчугъ есть дѣйствительно болѣзненное, происходящее внутри тѣла животнаго отложеніе извести, которое можетъ появиться вслѣдствіе особыхъ процессовъ (подобно известковымъ капсуламъ трихинъ у высшихъ животныхъ) въ любомъ мѣстѣ тѣла моллюска, однако, исключая наружной части мантіи.

Настоящій жемчугъ никогда не образуется сразу изъ выдѣляемаго железками вещества, какъ перламутровый жемчугъ; онъ развивается медленно, и развитіе его сопровождается обмѣномъ веществъ въ извѣстной послѣдовательности. Сначала появляется только маленькая полость или вѣрнѣе пузырекъ, наполненный жидкостью, въ которой растворенныя органическія вещества постепенно уплотняются, затѣмъ пріобрѣтаютъ и сохраняютъ въ теченіе нѣкотораго времени, консистенцію слизи или студени и, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ пропитаться известью, превращаются въ вещество, подобное конхіолину (органическое вещество раковины). По окончанію этого уплотненія вся масса образующейся жемчужины раздѣляется на болѣе или менѣе правильные концетрическіе слои, причемъ на границахъ ихъ остаются промежутки, въ которыхъ впослѣдствіи и отлагается кристаллическій осадокъ (углекислой) извести. Одновременно съ раздѣленіемъ органическаго остова жемчужины на слои въ него проникаетъ и растворъ извести, доставляемый соками организма. Слоистость можно вызвать и искусственно, погружая въ крѣпкій спиртъ будущую жемчужину, когда она еще находится въ состояніи слизи или студени и когда оплотнѣніе еще далеко не окончено.

Въ этихъ обстоятельствахъ можно непосредственно наблюдать, какъ шарикъ раздѣляется на множество концентрическихъ слоевъ, предварительно нѣсколько уменьшившись въ объемѣ; слои можно различать до тѣхъ поръ, пока масса не сдѣлается мутной вслѣдствіе полной потери воды. Пропитываніе известью также происходитъ постепенно. Сначала появляется подобіе инкрустаціи въ промежуткахъ между слоями органическаго вещества, гдѣ отлагаются кристаллики извести; эти слои становятся все тоньше и образуютъ только подстилку для кристаллическаго осадка, который ростетъ на счетъ известковыхъ соединеній, доставляемыхъ соками организма. Если провести разрѣзъ черезъ середину жемчужины, въ которой отложеніе извести уже окончилось, то можно видѣть, что она образована болѣе или менѣе тонкими, правильно отложенными, одинъ на другомъ слоями плотнаго кристаллическаго осадка, которые раздѣлены чрезвычайно тонкими прослойками конхіолина. Средину этой системы слоевъ занимаетъ небольшая полость, въ которой, нерѣдко содержится органическое вещество или кристаллъ извести. Въ подобныхъ полостяхъ Philippi и Küchenmeister нашли остатки организмовъ, вѣроятно, поразитовъ, которые, внутри моллюска, вызывали разстройства, послужившія исходнымъ пунктомъ образованія жемчужины.

Во все время своего развитія, жемчужина остается заключенной въ пузырькѣ, оболочка котораго служитъ какъ бы производящимъ слоемъ жемчу-

жины; эта оболочка во время выдѣленія извести истощается и разрушается, такъ что, по окончаніе развитія, жемчужина бываетъ покрыта только тоненькой пленкой, которая разрывается при малѣйшемъ усиліи моллюска, вслѣдствіе чего жемчужина и выталкивается наружу.

Итакъ, настоящій жемчугъ не представляетъ собою, какъ предполагали до сихъ поръ простаго отложенія перламутроваго вещества, доставляемаго железками, но есть продуктъ физіологической дѣятельности, имѣющей цѣлью удалить изъ организма паразита или иную какую-либо причину раздраженія. (Naturwissenschaftlihe Wochenschrift).

Геологія. *Землетрясенія, наблюдавшіяся въ Греціи въ 1893—1898 г.* Предварительное сообщеніе Eginitis'а. напечатанное въ Comptes rendus Парижской Академіи, содержитъ слѣдующія свѣдѣнія. За указанный періодъ времени во всей Греціи наблюдалось 3.187 землетрясеній; слѣдовательно, въ среднемъ въ годъ 531. Общее число, вѣроятно, должно быть, еще болѣе значительно, если бы съ самаго начала было столько же наблюдателей, какъ и въ концѣ этого періода; тѣмъ не менѣе число замѣченныхъ въ послѣдніе годы землетрясеній оказывается меньше, чѣмъ въ первые; по отдѣльнымъ годамъ землетрясенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1893—876	землетрясеній	1896—508	землетрясеній
1894—659	»	1897—237	»
1895—491	»	1898—416	»

Судя по этой таблицѣ, можно предположить, что сейсмическая дѣятельность періодически усиливается и ослабѣваетъ; годы 1893 и 1894, по видимому, принадлежатъ къ періоду болѣе частыхъ и сильныхъ землетрясеній, во время котораго наблюдались сильныя колебанія почвы на островѣ Занте, въ Ѳивахъ и Локридѣ въ Греціи, а за предѣлами ея въ Константинополѣ и Сициліи, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Эта часть земной коры, которая испытала значительныя дислокаціи и геологическія превращенія, содержитъ повидимому большую сѣть трещинъ и постоянно подвергается смѣщеніямъ, которыя время отъ времени сказываются въ видѣ землетрясеній.

Землетрясенія наблюдались, особенно часто, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и декабрѣ; максимумъ въ 395 землетрясеній приходится на май; минимумъ въ 154 землетрясеній на октябрь. Сейсмическая дѣятельность возрастаетъ постепенно съ начала года до мая, затѣмъ падаетъ до октября; на сентябрь и декабрь приходятся максимумы второго порядка, изъ которыхъ послѣдній особенно ясно выраженъ. По временамъ года землетрясенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на зиму приходится 755, на весну—1.077, на лѣто—767 и на осень—588. Итакъ, максимумъ приходится на весну, минимумъ на осень; два остальныя времени года почти не представляютъ различія. Эти данныя значительно уклоняются отъ свѣдѣній, добытыхъ статистикой, по которымъ землетрясенія чаще приходятся въ болѣе холодное время года, чѣмъ въ болѣе теплое; это противорѣчіе предостерегаетъ отъ обобщенія результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ въ ограниченной области; кромѣ того статистика показываетъ, что максимумы и минимумы, вычисленные для цѣлаго ряда лѣтъ, не имѣютъ значенія для каждаго отдѣльнаго года и не всегда приходятся на тотъ же самый мѣсяцъ или на то же самое время года.

Ночью наблюдалось 1.833, днемъ 1.354 землетрясенія; по часамъ максимумъ (347 землетрясеній) приходится на утро между 4-мя и 6-ю часами, минимумъ также на утро между 8-ью и 10-ю часами. Эти статистическія данныя также уклоняются отъ собранныхъ раньше, по крайней мѣрѣ, относительно часового максимума и минимума. Весьма сомнительно, чтобы въ дѣйствительности большее число землетрясеній приходилось на ночь (что было бы крайне

трудно объяснить). тѣмъ болѣе, что, при дневномъ движеніи, слабыя колебанія почвы трудно замѣтить; впрочемъ, пока это остается еще открытымъ вопросомъ.

Соотвѣтственно фазамъ луны, максимумъ землетрясеній приходится на полнолуніе, минимумъ на новолуніе; этотъ результатъ также не соотвѣтствуетъ прежнимъ наблюденіямъ, въ особенности выводамъ Perrey, по которымъ должна существовать тѣсная зависимость между положеніемъ луны и количествомъ землетрясеній, такъ какъ землетрясенія будто бы происходятъ подъ вліяніемъ приливовъ огненно-жидкой массы внутри земли, образующихся подъ вліяніемъ притяженія луны. Соотвѣтственно этому представленію, максимумъ землетрясеній долженъ приходиться на новолуніе. Также и съ положеніемъ луны на ея орбитѣ, число землетрясеній не имѣетъ никакой связи; во время перигея ихъ было 558; во время апогея 603; разница между обѣими цифрами слишкомъ невелика, впрочемъ, въ 3-хъ изъ 6 ти годовъ наблюденія максимумъ приходится на перигей, а въ 3-хъ другихъ на апогей.

Землетрясенія чаще бываютъ во время афелія, чѣмъ перигелія земли. Трудно показать, чтобы причина этого явленія заключалась въ разстояніи нашей планеты отъ солнца. Во всякомъ случаѣ это явленіе, если оно не совершенно случайно и не обусловлено иными причинами, говоритъ не въ пользу того, что близость къ солнцу благопріятствуетъ землетрясеніямъ; эти наблюденія въ связи съ указанными отношеніями числа землетрясеній по фазамъ луны показываютъ, что гипотеза приливовъ расплавленной массы внутри земли совершенно не обоснована.

Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Новые астрономическіе объективы Zeiss'a. Въ маленькомъ городкѣ Веймарскаго вел.-герцогства есть два замѣчательныхъ завода: стеклолитейный заводъ Шотта и оптико-механическія мастерскія Цейсса. Интересна организація предпріятій и необыкновенный ихъ ростъ. Zeiss'a собственно давно уже не существуетъ—его имя осталось только въ названіи фирмы, — все въ рукахъ товарищества, во главѣ котораго стоитъ проф. Abbe со своими достойными сотрудниками: проф. Czapski, Dr. Pulfrich, Dr. Harting, Dr. Pauly и др. Здѣсь главными руководителями являются люди талантливые съ большими научными знаніями, они не мирятся съ рутиной, и своими теоретическими изслѣдованіями, массой новыхъ и новыхъ опытовъ идутъ все впередъ и впередъ. Въ мастерскихъ Zeiss'a изготовляется только то, что придумано, конструировано лицами, принадлежащими фирмѣ, что особенно хорошо удалось. А каковы произведенія фирмы, объ этомъ, вѣроятно, приходилось слышать многимъ. Достаточно вспомнить удивительные фотографическія объективы Zeiss'a, его теле-бинокли, прекрасные микроскопы, различные физическіе приборы изящной конструкціи. Тоже самое и у Schott'a. Онъ самъ—докторъ философіи, имѣетъ и въ числѣ помощниковъ, кромѣ хорошихъ практиковъ, нѣсколько лицъ съ университетскимъ образованіемъ, извѣстныхъ своими научными трудами. Еще недавно іенское оптическое стекло считалось неудовлетворительнымъ, измѣняющимся отъ времени, но масса опытовъ и изслѣдованій устранили недостатки и теперь, по признанію знаменитыхъ оптиковъ, шлифующихъ объективы: Рейфельдера, Штейнгеля, Мерца а также проф. Фогеля въ Потсдамѣ, производившаго спеціальныя изслѣдованія различныхъ сортовъ стекла передъ заказомъ большого объектива, оно лучшее въ мірѣ, превосходящее не только англійское но и французское стекло

Mantuis (Feil) своей однородностью, не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи сортовъ.

Одной изъ замѣчательныхъ новинокъ въ мастерскихъ Zeiss'а явились астрономическіе объективы, которыхъ прежде не шлифовали совсѣмъ. Объективы эти, изготовляемые изъ іенскаго стекла по системѣ Pauly изъ двухъ линзъ, но безъ *секундарнаго спектра (безъ окраски)*, обратили вниманіе всего міра. Спеціальныя изслѣдованія показали въ числахъ ихъ несомнѣнное преимущество передъ прежними. Такъ проф. Wolf опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій 8-дюймоваго объектива Pauly, присланнаго на испытаніе въ астрофическую обсерваторію на горѣ Königstuhe въ Гейдельбергѣ.

Интересно сопоставленіе Wolf'а его изслѣдованій ахроматизма въ объективѣ Pauly съ произведенными раньше другими учеными изслѣдованіями трехъ знаменитыхъ объективовъ Фраунгофера, Грубба и Кларка:

Длина волны.		Fraunhofer.	Grubb.	Clark.	Pauly.
B	690	— 19	+ 10	0	+ 2
C	660	— 30	— 19	— 35	— 2
D	590	— 65	— 51	— 65	— 3
E-b	520	— 28	— 57	— 42	— 0
F	486	∓ 0	∓ 0	∓ 0	± 0
G	434	+ 92	+ 203	+ 209	+ 53
—	410	+ 362	+ 342	+ 328	+ 116

Числа въ табличкѣ—*стотысячныя* доли средняго фокуснаго разстоянія и представляютъ разстоянія фокусовъ различныхъ цвѣтовъ отъ фокуса свѣтлоголубыхъ лучей (486 *F*), причемъ положительное направленіе считалось по ходу лучей. Сравненіе это наглядно показываетъ, что объективъ Pauly неизмѣримо выше трехъ другихъ. Практически дѣйствительно можно принять, что въ немъ всѣ лучи сходятся въ одной плоскости. Поразителенъ видъ самого спектра звѣзды. Онъ на всемъ протяженіи отъ фраунгоферовой линіи *B* и почти до *G* является линейнымъ, тогда какъ въ другихъ объективахъ это неравной ширины размытая полоска съ двумя тонкими перехватами.

При наблюденіи двойныхъ звѣздъ, несмотря на вѣтряную погоду и неспокойный воздухъ, объективъ Pauly отчетливо раздѣлилъ такія тѣсныя пары, какъ

η Coronae	съ разстоян. въ	0,4″	и компонентами	5	и 6	величины	
μ Bootis	»	0,9″	»	7	» 8	»	
1 Coronae	»	0,8″	»	6	» 7	»	
γ Coronae	»	0,4″	»	4	» 7	»	
λ Cassiopejae	»	0,6″	»	6	» 6	»	
μ Cygni	»	2,9″	»	4	» 5	»	
ξ Herculis	»	0,5″	»	3	» 7	»	съ трудомъ *)
OΣ 338	»	0,7″	»	6½	» 6½	»	
Σ 2695	»	0,9″	»	6	» 8	»	

Предѣломъ силы объектива явились звѣзды ξ Bootis (0,2″, 4—4) и 52 Arietis, которыя казались только удлиненными. Замѣчательно, что увеличеніе при этомъ употреблялось въ 825 разъ, котораго не выдерживаютъ и значительно большія трубы.

Диффракціонныя кольца вокругъ были вполнѣ круглы.

---

*) Извѣстно, что большая разность въ блескѣ составляющихъ чрезвычайно затрудняетъ дѣленіе пары.

Удивительно прекраснымъ оказался видъ, совершенно лишенныхъ окраски, лунныхъ горъ и солнечныхъ пятенъ, въ которыхъ были замѣтны необыкновенныя подробности.

Громадное практическое значеніе объективовъ Pauly и заключается въ этой чистотѣ изображеній и большей свѣтосилѣ.

Персеиды въ 1899 г. Число метеоровъ, наблюдавшихся въ нынѣшнемъ году, были не такъ значительны, какъ прежде. Очевидно, земля встрѣтила менѣе густую часть роя. Четырьмя наблюдателями на юрьевской обсерваторіи за три дня наблюденій: 9, 10 и 12 августа нов. стиля (наблюденія распредѣлились неравномѣрно) нанесено на карту 256, изъ которыхъ 87 общихъ. Нѣкоторые метеоры, очевидно, принадлежали другимъ потокамъ, а не къ потоку Персеидъ, и въ обработку не вошли. Такъ какъ наблюденія падающихъ звѣздъ вообще мало точны, то весьма важнымъ является одновременное наблюденіе *одной и той же* части неба многими наблюдателями. Результаты, полученные изъ среднихъ данныхъ, являются гораздо надежнѣе, согласнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если каждый метеоръ наносится однимъ наблюдателемъ, хотя общее число метеоровъ и будетъ меньше. При обработкѣ наблюденій Персеидъ нынѣшняго года, вполнѣ опредѣленно выступило это преимущество. Когда метеоры были разбиты на группы, которымъ были даны различные вѣса въ зависимости отъ числа наблюдателей и ихъ опытности, то для площади радіаціи получились различные размѣры въ каждой группѣ. Для болѣе точныхъ наблюденій, она была сравнительно незначительна, метеоры сходились гораздо согласнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. На этотъ разъ не было даже никакого логическаго основанія выдѣлять отдѣльные пучки, и, какъ конечный результатъ, принятъ для для каждой группы одинъ только радіантъ:

	α	δ	
9 авг.	50,0°	55,0°	
10 авг.	44,5°	57,0°	для группы съ большимъ вѣсомъ
»	46,0°	56,0°	» » » среднимъ »
»	48,0°	48,0°	—это наиболѣе сгущенное мѣсто въ большой площади пересѣченій метеоровъ, наблюдаемыхъ съ малой точностью
12 авг,	46,0°	54,0°.	

Нѣсколько иные результаты получаются изъ наблюденій г-жи Фрейберъ въ Петербургѣ. При замѣчательномъ схожденіи метеоровъ для 10 августа радіантъ оказывается:

$$\alpha = 36{,}3°, \ \delta = 55{,}5°$$

и для 11-го августа:

$$\alpha = 36{,}0°, \ \delta = 55{,}0°$$

Съ января по апрѣль нынѣшняго года г-жей ф.-*Приттвицъ* въ Берлинѣ произведенъ длинный рядъ опредѣленій *Яркости Марса* съ помощью фотометра Цёльнера. Инструментъ давалъ изображеніе планеты въ видѣ точки, причемъ поставленная на пути лучей пластинка голубого стекла превращала красный цвѣтъ въ бѣлый. Принявъ во вниманіе измѣненіе разстоянія планеты отъ солнца и земли и вліяніе фазъ, г-жа Prittwitz для средней яркости Марса получила число «—1,87», т. е. Марсъ оказывается на 2,87 зв. величины ярче, чѣмъ нормальная звѣзда 1-й величины. Проф. Müller въ Потсдамѣ раньше нашелъ для яркости Марса значеніе «—1,79» зв. велич.

Во время изверженія Этны, 19-го іюля (нов. ст.) нынѣшняго года обсерваторія, стоящая на этой горѣ, подверглась серьезной опасности, но, по счастью, все-таки уцѣлѣла. Проф. Riссо, директоръ обсерваторій въ гор. Катанѣ и на горѣ Этнѣ, сообщаетъ, что огромные клубы дыма, перемѣшаннаго съ камнями, пепломъ и шлаками, поднимались изъ главнаго кратера на громадную высоту, на 350 метровъ выше, чѣмъ стоитъ обсерваторія и всего только въ 1.000 метрахъ разстоянія отъ послѣдней При обратномъ паденіи камни глубоко входили въ песокъ, 30 штукъ упали на крышу обсерваторіи, и пробили ее, причемъ 5 изъ этихъ 30 дыръ оказались больше 30 сантиметровъ, но инструменты, по счастью, не были задѣты, не произошло и воспламененія.

Меценаты гг. Warner и Swasey, въ Соед. Шт. рѣшили подарить Западному университету (Westen Reserve University) вполнѣ обставленную астрономическую обсерваторію съ 10-дюймовымъ рефракторомъ. Г-нъ Ant. Dey, съ другой стороны, подарилъ Паркскому колледжу (Park College, Parkville Mo.) обсерваторію съ 8-дюймовымъ рефракторомъ и также вполнѣ обставленную. Ея директоромъ назначенъ профессоръ Mattoon.

Октября 9-го можетъ быть наблюдаемо *покрытіе звѣзды 4.3 величины*—*к' Тельца*. Для Москвы это явленіе произойдетъ въ 11 час. 33,1 минуты, въ 12 час. 39,0 минутъ звѣзда опять выйдетъ изъ-за диска луны.

Обращаемъ вниманіе читателей на *потокъ Оріонидъ* — 6-го октября и потокъ *Леонидъ*—3-го ноября ст. ст. Послѣдній можетъ быть очень эффектенъ. Наиболѣе вѣроятное время встрѣчи земли съ главной массой роя во вторую половину ночи съ 3-го на 4-е ноября.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Октябрь. 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Ельцова. «Въ чужомъ гнѣздѣ».—*Эркманъ-Шатріанъ.* «Гаспаръ Фиксъ».—*М. Ватсонъ.* «Джозуэ Кардуччи».

К. Ельцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Очень рѣдко появляются теперь большія произведенія новыхъ авторовъ въ области беллетристики, и уже по этому одному романъ г-жи Ельцовой невольно привлекаетъ вниманіе. Печатался онъ въ 97-мъ году въ журналѣ «Новое Слово» редакціи г-на Кривенко и к°, но специфически-народническаго ничего въ немъ нѣтъ. Скорѣе напротивъ. Беллетристика журналовъ этого направленія пріучила читателя къ нарочитой тенденціозности, чего въ романѣ г-жи Ельцовой нѣтъ и слѣда и что можно бы поставить автору даже въ заслугу, если бы... Но тутъ намъ пришлось бы поставить такъ много «если-бы», что мы ограничимся лишь самымъ главнымъ: если бы его романъ былъ художественнымъ произведеніемъ, а не шаблоннымъ дамскимъ твореніемъ, въ которомъ «онъ» и «она» тянутъ любовную канитель на протяженіи двадцати-пяти печатныхъ листовъ. Авторъ, съ удивительнымъ искусствомъ, дѣлаетъ изъ пустого увлеченія своей героини длиннѣйшую романическую интригу, къ которой припутываетъ массу ни къ чему ненужныхъ пустяковъ, лицъ, никому не интересныхъ, и тысячи бездѣльныхъ разговоровъ, яко-бы психологически-важныхъ. Зато тамъ, гдѣ, по ходу дѣла, мы въ правѣ ждать описанія дѣйствія, авторъ ограничивается скромной чертой, подъ которой (или за которой) мы можемъ понимать что̀ угодно, смотря по личному настроенію.

Въ чемъ же, однако, заключается романъ «Въ чужомъ гнѣздѣ»? Прежде всего надо замѣтить, что интригующее заглавіе такъ и остается до конца загадкой, ибо ни чужое, ни свое гнѣздо не играютъ въ романѣ никакой роли. Дѣло все время идетъ не о созданіи своего, или разрушенія чужого гнѣзда, а о томъ, какъ образованная дѣвица, только-что окончившая высшіе курсы, влюбляется въ человѣка, меньше всего подходящаго къ ней и складомъ ума, и душевнымъ настроеніемъ. Образованная дѣвица, какъ то ей и полагается по штату русскихъ бытописателей, имѣетъ умъ высокій и строй души повышенный, не чужда мечтаніямъ о дѣятельности на почвѣ общественной и интересуется разными предметами, имѣющими малое и весьма далекое отношеніе къ обыденной жизни. И вдругъ съ ней происходитъ такой пассажъ неожиданный, но вообще возможный и въ дѣйствительности встрѣчающійся. Она влюбляется самымъ обыкновеннымъ и скоропалительнымъ образомъ въ свѣтскаго льва и признаннаго сердцеѣда, который и при встрѣчѣ съ ней лихо и быстро одерживаетъ побѣду и съѣдаетъ ея сердце, не давая себѣ даже труда хорошенько

его разсмаковать и разглядѣть, чѣмъ оно отличается отъ всякихъ прочихъ имъ скушанныхъ сердецъ. Въ заключеніе герой вполнѣ вѣрно и справедливо рѣшаетъ, что всѣ женщины, такъ легкомысленно отдававшія ему свою особу, по части сердечной одинаковы и отличаются развѣ тѣмъ, что одна ломается при этомъ меньше, другая больше. И романъ кончается тѣмъ, что герой уѣзжаетъ на отдыхъ къ себѣ въ деревню, чтобы тамъ набраться новыхъ силъ для новыхъ побѣдъ, а героиня утѣшаетъ себя надеждой, что опытъ, добытый ею сравнительно дешево, послужитъ ей на пользу въ будущемъ. Выводъ, или мораль, таковъ,—молодыя дѣвицы, хотя бы и окончившія высшіе курсы, не застрахованы отъ увлеченій и потому имъ надлежитъ быть осторожными такъ же какъ и не получившимъ высшаго образованія. Если прибавить, что романъ до тошноты растянутъ безконечной болтовней автора, то полная характеристика творенія г-жи Ельцовой закончена.

Въ общемъ это произведеніе очень незрѣлое, въ немъ много наивности и почти дѣтскаго непониманія жизни. Какъ первый опытъ, это произведеніе все-таки заслуживаетъ вниманія. Мѣстами въ немъ попадаются недурныя описанія, хотя и чисто внѣшняго характера. Есть несомнѣнное умѣнье владѣть формой, языкъ легкій и простой. Можетъ быть, со временемъ авторъ дополнитъ эти положительныя стороны своего творчества болѣе существеннымъ содержаніемъ. Но пока рѣшительно ничего нельзя сказать о его романѣ, кромѣ сказаннаго. Авторъ напечаталъ еще небольшой разсказикъ изъ эпохи крѣпостного быта, скорѣе, очеркъ или воспоминаніе, въ духѣ разсказовъ Кохановской или Марка Вовчка. Въ романѣ тоже сильно замѣтно подражаніе Толстому во внѣшней манерѣ. Образцы, какъ видимъ, все хорошіе, но они лишаютъ автора оригинальности, что для г-жи Ельцовой плохой признакъ.

Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. Разсказъ. Пер. съ франц. З. Джунковской. Изд. т-ва «Знаніе». Ред. Д. Протопопова. Спб. 1899 г. Ц. 65 к. Въ нашемъ журналѣ уже говорилось о произведеніяхъ этихъ двухъ когда-то очень популярныхъ беллетристовъ, по поводу выхода дешеваго общаго собранія ихъ романовъ и повѣстей въ изданіи Павленкова (см. «М. Б.», библ. отд. сент. 1898 г.). Повѣсть «Гаспаръ Фиксъ» принадлежитъ къ тому же циклу полуисторическихъ разсказовъ, въ которыхъ авторы изложили въ популярной формѣ и въ извѣстномъ освѣщеніи исторію Францію послѣ 89 г. Въ повѣсти взята эпоха Луи-Филиппа, переворотъ 48 г. и установленіе бонапартовскаго режима. Съ обычными для Эркмана-Шатріана пріемами, въ живой и мѣстами очень яркой формѣ изложена исторія роста современной буржуазіи, представителемъ которой взятъ простой крестьянинъ Гаспаръ Фиксъ, незамѣтно, но неудержимо захватывающій въ руки экономическое положеніе цѣлаго округа. Вначалѣ это просто сильный и ловкій хищникъ, устраивающій небольшую пивоварню и постоялый дворъ, при помощи которыхъ онъ всякими правдами и неправдами выбивается на поверхность и становится замѣтной величиной. Но эти успѣхи его на поприщѣ экономической борьбы довольно скромны, хотя для Фикса они и значительны. Настоящій его подъемъ и ростъ его значенія, какъ все подчиняющей экомической силы, начинается съ того момента, когда Фиксъ постигаетъ силу политики и прибѣгаетъ къ ней, какъ могущественному орудію именно въ экономической борьбѣ. При Луи Филиппѣ онъ соединяется съ крупной земельно-промышленной аристократіей, всѣмъ своимъ вліяніемъ и неослабной энергіей поддерживаетъ депутатовъ, составляющихъ партію большинства, съ Гизо во главѣ. Знаменитая фраза послѣдняго «обогащайтесь» становится его лозунгомъ. Но въ этотъ періодъ онъ все еще идетъ на помочахъ аристократіи и католической церкви, одобряющихъ его, какъ вѣрнаго и сильнаго союзника, которому за то и перепадаютъ куски. Наступленіе февральскихъ дней застаетъ его врасплохъ. Однако, онъ быстро оріентируется, разомъ и смѣло

присоединяется къ республикѣ и, ловко пользуясь промахами и бездарностью истинныхъ демократовъ, подготовляетъ почву для бонапартизма, въ которомъ инстинктивно чувствуетъ своего величайшаго помощника. И дѣйствительно, съ воцареніемъ Луи Бонапарта начинается окончательная метаморфоза Гаспара Фикса. Онъ развертывается во всю, уничтожаетъ старую земельную аристократію, подчиняетъ себѣ церковь и создаетъ царство всесильнаго золотого тельца. «Деньги, деньги и деньги»—таковъ его единственный лозунгъ. Все подчиняется ему—политика, наука, религія. Фиксъ становится милліонэромъ, воротилой на биржѣ, спекулянтомъ и учредителемъ массы предпріятій. Онъ депутатъ, сенаторъ, мечтаетъ о графскомъ титулѣ,—предъ нами типъ современнаго буржуа, создающаго и направляющаго политику, покоряющаго дикія страны, открывающаго новые рынки и властно и презрительно управляющаго Франціей. Форма правленія, принципы для него ничто, потому что онъ постигъ великую тайну современности,—кто овладѣлъ экономическимъ полемъ борьбы, тотъ владыка міра. Онъ же несомнѣнно владѣетъ ключемъ современнаго хозяйства—капиталомъ, и потому также превосходно устраивается при новой республикѣ, какъ при королевскомъ и императорскомъ режимѣ. Даже лучше, ибо прежде король или императоръ и дорого стоили, и подчасъ были очень требовательны. Съ ними, какъ ни какъ, приходилось считаться. Современная же французская республика—вотъ истинное царство Гаспара Фикса, гдѣ онъ пишетъ законы, самъ ихъ выполняетъ и за все это очень дешево платитъ.

Герой повѣсти Эркмана-Шатріана не доживаетъ до этого расцвѣта и умираетъ наканунѣ гибели бонапартовскаго режима. Но какъ типъ, онъ вполнѣ законченъ. Повѣсть написана нѣсколько схематична, кромѣ Гаспара, остальные персонажи не художественны и дѣланны, ихъ назначеніе—только оттѣнить разныя стороны главнаго героя. Благодаря сжатости изложенія, все вниманіе сосредоточено на Гаспарѣ, который подавляетъ все остальное и выростаетъ въ эпическую фигуру титаническаго борца за личное благо, понимаемое въ самомъ узкомъ значеніи. Въ сравненіи съ нимъ, представители противоположнаго міровоззрѣнія благородные демократы, въ родѣ талантливаго доктора Лорана, слишкомъ ничтожны и подчасъ смѣшны своимъ благородствомъ тамъ, гдѣ требуется дѣйствовать, а не разводить умныя и высокія рѣчи. Это составляетъ крупный недостатокъ повѣсти, которая много выиграла бы, если бы жизненная перспектива была лучше выдержана и реальнѣе представлена. Тѣмъ не менѣе, повѣсть заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ очень хорошая и общедоступная иллюстрація къ исторіи Франціи во второй половинѣ текущаго вѣка. Переводъ хорошъ и все изданіе выдержано во всѣхъ отношеніяхъ.

М. Ватсонъ. Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ Д. Кардуччи. Спб. 1899 г. Ц. 40 к. Въ свое время мы отмѣтили появленіе 1-го выпуска «Итальянской библіотеки». Настоящій очеркъ представляетъ слѣдующій нумеръ этой интересно задуманной серіи брошюръ. Новая итальянская литература такъ мало знакома русской публикѣ, что можно только пожелать предпріятію г-жи Ватсонъ возможно бо́льшаго успѣха. Въ частности о Кардуччи можно сказать, что, несмотря на переводы отдѣльныхъ его стихотвореній, изрѣдка попадавшіеся въ журнальной прессѣ, едва ли многіе у насъ имѣли о немъ какое бы то ни было общее представленіе. Этюдъ о немъ г-жи Ватсонъ составленъ съ присущею ей серьезностью и тщательностью. Считаясь, однако, съ указанной неподготовленностью русскаго читателя, по нашему мнѣнію, желательна была бы бо́льшая полнота историческихъ данныхъ о той средѣ, въ которой жилъ и писалъ Кардуччи. Въ его богатой литературной дѣятельности отражается вся исторія итальянскаго общества, начиная отъ великой эпохи Гарибальди до нашихъ дней, и г-жа Ватсонъ едва ли въ правѣ предполагать у своихъ читателей основательное знакомство съ этой исторіей. Мы думаемъ также,

что въ интересахъ читателей слѣдовало бы, хотя въ общихъ чертахъ, изобразить картину итальянской литературы за послѣднія 50 лѣтъ, дабы такимъ образомъ яснѣе выступила роль самого Кардуччи. Тѣ бѣглыя указанія, которыми ограничивается г-жа Ватсонъ, намъ представляются недостаточными въ этомъ отношеніи. При этомъ надо добавить, что авторъ разсматриваетъ Кардуччи почти исключительно какъ поэта, касаясь только слегка его публицистики и научныхъ работъ. Но и при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ нельзя не признать за даннымъ очеркомъ значительнаго интереса. Крупная фигура поэта-гражданина достаточно рельефно вырисовывается изъ образцовъ его стихотвореній, передаваемыхъ большею частью въ стихотворныхъ же переводахъ. Переводы эти, если и не особенно блестящи по формѣ, то, во всякомъ случаѣ, гладко и правильно передаютъ содержаніе подлинника. Отмѣтимъ только одинъ промахъ противъ стихосложенія, котораго бы слѣдовало безусловно избѣжать: два раза (стр. 23 и 48) г жа Ватсонъ употребляетъ семистопные ямбы часто даже безъ цезуры—размѣръ, не допустимый ни въ одной просодіи.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Д'Оссонвиль. «Нужда, порокъ и благотворительность». — *Н. Барсовъ.* «Нѣсколько изслѣдованій».

Графъ Д'Оссонвиль. Нужда, порокъ и благотворительность. Перев. съ франц. Б. К. Ордина. Спб. 1899 г. Графъ Д'Оссонвиль—потомокъ доблестнаго Лафайета, но мужество его знаменитаго предка выродилось у него въ одну лишь смѣлость говорить трюизмы. Съ напыщенной серьезностью вѣщаетъ онъ истины, которыя давно уже стали достояніемъ самыхъ вульгарныхъ умовъ. Вся авторская скромность не мѣшаетъ ему не только признавать за собою, но и выдвигать на видъ свое достоинство: мужество имѣть свое мнѣніе. Книга испещрена подобными заявленіями автора: «я знаю, что смѣлость моихъ словъ такъ велика»... «быть можетъ, затрогиваніе подобныхъ вопросовъ покажется слишкомъ смѣлымъ, но оно необходимо»... «такъ какъ никогда не рано высказать смѣлую и парадоксальную мысль, то я и прошу позволенія объясниться»... «такъ какъ я въ смѣломъ настроеніи духа, то и пойду до конца въ изложеніи моей мысли»,—или въ формѣ вопросительной: «не будетъ ли слишкомъ смѣло съ моей стороны сказать?» и т. под.

Что же это за мысли, высказывая которыя, авторъ призываетъ «смѣлое настроеніе духа»? «Среди этихъ подлаживаній,—говоритъ онъ на стр. 5,—среди этихъ заблужденій и колебаній почти нѣтъ никого, кто бы посмотрѣлъ въ лицо этому вымышленному страху и кто бы мужественно произнесъ хотя бы такую, напримѣръ, рѣчь». Далѣе авторъ беретъ на себя рѣчь подобнаго мужественнаго оратора и въ пространномъ изложеніи заявляетъ, что соціальное неравенство не условно, что оно есть явленіе постоянное, ибо оно лежитъ въ природѣ вещей, забывая, что на ту же природу вещей ссылался еще Аристотель въ оправданіе рабства. Но особенную оригинальность выказываетъ графъ д'Оссонвиль тогда, когда онъ взываетъ къ гуманнымъ чувствамъ своихъ соотечественниковъ. Упоминая о существующемъ въ Парижѣ «Убѣжищѣ для матерей» (Asile maternel), онъ спѣшитъ оправдать названіе этого благотворительнаго учрежденія, глубокомысленно замѣчая: «Въ самомъ дѣлѣ, на этихъ незамужнихъ женщинъ, послѣ рожденія ими дѣтей, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на настоящихъ матерей» (стр. 85). Онъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы души падшихъ женщинъ постигало полное нравственное помраченіе. «Если у нѣкоторыхъ натуръ, совѣсть тупѣетъ и засыпаетъ, то все же я не думаю, чтобы она совер-

шенно умирала» (стр. 101). Однако, высказавъ столь смѣлую и новую мысль, авторъ считаетъ не лишнимъ подкрѣпить ее ссылкою на Лекура. Болѣе рѣшительно остерегаетъ онъ читателей отъ мнѣнія, что «преступникъ—существо настолько отличное отъ насъ, такое ненормальное, такое чудовищное, что подъ грубою корою его испорченности не шевелится больше никакого человѣческаго чувства» (стр. 227). И въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ примѣръ, какъ одинъ преступникъ выразилъ искреннюю благодарность своему защитнику на судѣ.

Но особенно неподражаемъ бываетъ гр. д'Оссонвиль, когда онъ съ полной серьезностью высказываетъ истины, въ родѣ того, что если что-либо дѣлаешь, то слѣдуетъ дѣлать хорошо. «Если слѣдуетъ благотворить, то надо это дѣлать хорошо» (стр. 284). Иногда въ своей страсти къ подобнымъ обобщеніямъ авторъ достигаетъ истиннаго глубокомыслія. Говоря о положеніи несчастныхъ женщинъ, онъ заключаетъ: «если въ началѣ нельзя было избѣжать зла, всегда возможно было нѣчто сравнительно лучшее того, что было, а лучшее въ подобномъ существованіи не есть ли болѣе похвально, чѣмъ хорошее въ другихъ условіяхъ?» (стр. 97). Авторъ называетъ это «философскими» разсужденіями. «Не продолжая этихъ философскихъ разсужденій, я замѣчу»... переходитъ онъ къ дальнѣйшему изложенію.

Въ своихъ банальностяхъ авторъ, по крайней мѣрѣ, не измѣняетъ самъ себѣ, чего никакъ нельзя сказать о немъ, когда онъ пускается въ область болѣе серьезныхъ обобщеній. На стр. 161-й онъ разсматриваетъ фактъ возрастанія числа преступленій и касается вопроса о причинахъ этого явленія. «Объясненія такого возрастанія,—пишетъ онъ,—надо искать въ причинахъ моральнаго свойства, потому что *однѣ лишь моральныя причины объясняютъ великія явленія человѣческой жизни*, и невозможно уклониться отъ неизбѣжности ихъ исканія». Какъ бы въ подтвержденіе столь категорически высказанной мысли всего черезъ нѣсколько страницъ, авторъ пишетъ: «Передъ нами неумолимая статистика, которая не допускаетъ въ данномъ случаѣ никакой иллюзіи Вліяніе бѣдности на совершеніе преступленій написано въ ней большими буквами. Годы, отмѣченные въ исторіи экономической жизни Франціи, какъ годы неурожайные—всегда ознаменовывались увеличеніемъ числа преступленій противъ чужой собственности» (стр. 169). Ниже (стр. 227) авторъ дѣлаетъ уже ссылку на этотъ фактъ. «Нищета остается, главнымъ образомъ, какъ мы это видѣли, основною причиною преступности», а еще далѣе пишетъ: «надо же сознаться, при вполнѣ ясномъ освѣщеніи вопроса фактами, что положеніе рабочихъ и занимающихся ручною работою, въ частности, прежде всего зависитъ отъ тѣхъ общихъ съ экономической точки зрѣнія условій, при которыхъ происходитъ промышленная работа народа, а что законодательство тутъ ничего не значитъ» (стр. 278). Въ виду всего сказаннаго, зачѣмъ же было на стр. 161-й тревожить «моральныя причины»?

Но графъ д'Оссонвиль строитъ свои выводы не только на основаніи матеріаловъ науки и статистики, но и на основаніи непосредственнаго наблюденія и житейскаго опыта. «Очень полезно иногда вступать въ бесѣды со швейцаромъ», говоритъ онъ на стр. 70-й. И поговоривъ со швейцаромъ о послѣдствіяхъ брака для бѣдныхъ людей, онъ идетъ на одинъ изъ парижскихъ бульваровъ, куда приглашаетъ слѣдовать за собою и читателя, чтобы слѣдить за молодыми парочками, дальнѣйшей судьбѣ которыхъ онъ такъ соболѣзнуетъ. Мало того, авторъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе помѣститься въ одной изъ клѣткообразныхъ повозокъ, называемыхъ на жаргонѣ парижскаго простонародья «курятникомъ», которыя три раза въ день собираютъ по камерамъ задержанныхъ лицъ и отвозятъ ихъ въ префектуру. Изъ описанія этой поѣздки мы узнаемъ, что въ «курятникѣ» было довольно тѣсновато, что у автора

длинныя ноги, а сосѣди у него были довольно противны. «Но чѣмъ-нибудь да приходится платить за пріобрѣтеніе опыта», самодовольно замѣчаетъ авторъ. Далѣе слѣдуетъ не лишенное интереса описаніе парижскихъ мѣстъ заключенія. Авторъ дѣлаетъ указанія о необходимости нѣкоторыхъ улучшеній, но въ заключеніе приходитъ къ оптимистическоту выводу, что «префектура полиціи всегда стремится, когда ее предоставляютъ ей самой, къ тому, чтобы все дѣлать хорошо» (стр. 223).

Не будемъ приводить мнѣній автора о вредѣ безразборчивой подачи милостыни, о необходимости организаціи частной и общественной благотворительности,—все это стало уже общимъ мѣстомъ. Мы не считаемъ признакомъ особаго мужества, какъ это кажется автору, произносить имя благотворительности, безъ сопровожденія его бранью. Но съ другой стороны, мы отказываемся и видѣть въ нищетѣ лишь почву для упражненія въ добродѣтели достаточныхъ классовъ и примѣненія различныхъ благотворительныхъ опытовъ. Насколько серьезно относится самъ авторъ къ благотворительности и ея роли въ общественной жизни, наглядно показываетъ меланхолическое заключеніе главы объ «Общественной благотворительности». Говоря объ объединеніи въ дѣлѣ благотворительности всѣхъ благонамѣренныхъ людей, авторъ заканчиваетъ словами: «Скажутъ, это мечты. Хочу думать, что нѣтъ. Какъ бы то ни было, но развѣ нельзя позволить помечтать тѣмъ, кто въ сердцѣ своемъ носитъ пламенную любовь къ Франціи и глубоко сожалѣетъ о страданіяхъ нѣкоторыхъ изъ ея сыновъ, если бы даже мечты эти послужили только къ нѣкоторому утѣшенію въ печальной дѣйствительности!» Не далеко же простираются мечты графа д'Оссонвиля!

Весь доходъ съ разсматриваемаго изданія поступаетъ полностью въ пользу С.-Петербургскаго дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ. И надо признать, что цѣна его—1 руб. за прекрасно изданный томъ въ 368 стр.— весьма умѣренна. Однако, цѣль изданія врядъ ли оправдываетъ его выборъ. Нуждающіяся образованныя женщины ничего не потеряютъ, если въ пользу ихъ будутъ издаваться серьезныя работы по вопросамъ благотворительности, которыхъ существуетъ не мало, а не образцы той высокопарной болтовни о серьезныхъ проблемахъ современности, какую находимъ мы въ книгѣ графа д'Оссонвиля. Читающая же публика, несомнѣнно, выиграетъ.

Проф. Н. И. Барсовъ. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 1899. Настоящій сборникъ статей проф. Н. И. Барсова представляетъ собою продолженіе изданныхъ имъ въ 1879 г. «Историческихъ и критическихъ опытовъ». Содержаніе его такъ же, какъ и содержаніе «опытовъ», довольно разнообразно. Наряду со статьями, посвященными вопросамъ проповѣдничества (гомилетики): «Къ ученію о существѣ или природѣ христіанской литургійной проповѣди», «О возможныхъ улучшеніяхъ въ современной нашей проповѣди» и «О преподаваніи гомилетики въ семинаріяхъ», мы находимъ статьи, посвященныя историко-литературному изслѣдованію нѣкоторыхъ выдающихся произведеній всемірной литературы, изслѣдованія историческія («Кто былъ виновникомъ прекращенія опричины при царѣ Иванѣ IV» и «Существовала ли въ Россіи инквизиція?»), воспоминанія и некрологи (объ И. А. Гончаровѣ, Н. А. Вышнеградскомъ и И. Т. Осининѣ) и, наконецъ, статьи публицистическія: «Вопросъ о религіозности русскаго народа въ современной печати», «Ю. Ѳ. Самаринъ въ 50-хъ годахъ» и др. Болѣе общій интересъ представляютъ статьи историко-литературныя и публицистическія. Первыя изъ нихъ, посвященныя вопросу о литературномъ происхожденіи «Декамерона» Боккачіо и 20-ой главы романа Вольтера: «Цадигъ» имѣютъ, по утвержденію автора, нѣкоторое значеніе для науки, являясь историко-литературнымъ открытіемъ. Сопоставляя XX-ую главу романа «Цадигъ», заключающую въ себѣ ученіе Воль-

*

тера о Провидѣніи, съ древне-французскимъ текстомъ VIII-ой главы стараго, распространеннаго въ теченіе XIV—XVI вѣка латинскаго сочиненія «Gesta Romanorum» («Римскія дѣянія»), авторъ приходитъ къ заключенію, что первое есть ничто иное, какъ буквальное повтореніе этой VIII-ой главы—настоящій плагіатъ во всемъ значеніи этого слова. Что касается сочиненія Боккачіо «Декамеронъ», то проф. Н. И. Барсовъ устанавливаетъ тѣсное генетическое соотношеніе между этимъ произведеніемъ и сочиненіемъ «Пиръ десяти дѣвъ» Меѳодія, епископа Тирскаго (III в.). При сопоставленіи оказывается, что не только внѣшняя форма сочиненія Боккачіо, но и весь складъ и тонъ рѣчи, даже отдѣльныя описанія, картины природы, а также во многихъ мѣстахъ фразеологія «Декамерона», очевидно, заимствована у автора «Пира десяти дѣвъ», имѣвшаго цѣлью своей защиту христіанскаго цѣломудрія и дѣвства. Авторъ утверждаетъ, что въ «Декамеронѣ» великій итальянскій поэтъ преднамѣренно имитируетъ или, точнѣе говоря, пародируетъ «Пиръ» Меѳодія. Поставивъ своей задачей содѣйствовать возрожденію античнаго строя житейскаго быта и отношеній двухъ половъ въ смыслѣ эротически-эстетическаго наслажденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждый, можетъ быть, цѣли дискредитировать церковную мораль, скомпрометированную безнравственностью ея представителей, тогдашняго католическаго клира, Боккачіо прибѣгъ къ сильнѣйшему оружію своего *таланта*,—сатирѣ и юмору и, подражая «Пиру» Меѳодія, превзошелъ оригиналъ въ степени художественности.

Въ одной изъ наиболѣе интересныхъ статей сборника: «Вопросъ о религіозности русскаго народа въ нашей современной печати», проф. Н. Барсовъ сопоставляетъ и разбираетъ мнѣнія по этому поводу, высказанныя тремя крупными дѣятелями нашей литературы: Ѳ. М. Достоевскимъ, А. Д. Градовскимъ и К. Д. Кавелинымъ. Самъ онъ лично всецѣло примыкаетъ къ образу мыслей перваго изъ нихъ, т. е. убѣжденію, что «одною изъ существенныхъ чертъ русскаго національнаго генія служитъ его (т. е. генія?) православная религіозность, глубокое проникновеніе христіанскими началами жизни» (стр. 125). Это увлеченіе Достоевскимъ не даетъ автору возможности замѣтить въ его утвержденіяхъ явныхъ противорѣчій. Такъ, онъ приводитъ мнѣніе Достоевскаго, что «наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго своего слоя, вся какъ одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое единеніе, какого нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть. Это болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ—организмъ». Всего черезъ нѣсколько страницъ приводится другая цитата изъ Достоевскаго: «Настоящихъ совершенныхъ христіанъ очень мало; но почемъ же вы знаете, сколько именно ихъ нужно, чтобы не умиралъ идеалъ христіанства въ народѣ». Симпатіи автора сказываются и въ неустойчивой, противорѣчивой оцѣнкѣ значенія К. Д. Кавелина. По поводу «Письма К. Д. Кавелина Ѳ. М. Достоевскому» авторъ говоритъ, что письмо это «есть послѣднее сконцентрированное выраженіе идей русскихъ западниковъ, о которыхъ съ полной справедливостью можно сказать, что они не знаютъ русскаго народа и судятъ о немъ, никогда не видавъ вблизи его жизни и нравовъ, не давая себѣ труда ознакомиться даже съ памятниками его духовнаго творчества, записанными и изданными уже много лѣтъ тому назадъ» (138 стр.). Однако, всего черезъ двѣ страницы онъ называетъ Кавелина «свѣдущимъ и компетентнымъ публицистомъ», которому болѣе чѣмъ кому либо другому прилично рѣшать литературные и научные вопросы.

Если вышеприведенныя мнѣнія съ трудомъ поддаются примиренію, то еще въ большемъ противорѣчіи находятся сужденія автора, высказываемыя имъ о характерѣ русскаго двоевѣрія въ разбираемой статьѣ и въ статьѣ, помѣщенной ниже подъ заглавіемъ: «Элементы западничества въ русской народной словесности». «Указывали,—говоритъ онъ въ первой изъ нихъ,—и доселѣ указываютъ

на существованіе въ древней Руси и существующіе, будто бы, доселѣ остатки двоевѣрія въ русскомъ народѣ, т. е. на сознательное признаніе народомъ нѣкоторыхъ пунктовъ теоретическаго (?) міровоззрѣнія древняго язычества и исполненіе его обрядовъ. Относительно древняго двоевѣрія мы думаемъ, что оно имѣло уже въ то время характеръ не общерусскій, а мѣстный, т. е. существовало гдѣ-нибудь въ ростовской или новгородской области, но отнюдь не въ сферѣ культурнаго вліянія Кіева. Что касается позднѣйшаго двоевѣрія, то оно въ сознаніи народа давно утратило свой языческій смыслъ, и если гдѣ проявляется, то просто какъ черта бытовая, а не вѣроисповѣдная» (стр. 150).

Въ статьѣ: «Элементы западничества въ русской народной словесности» проф. Н. Барсовъ касается вновь открытыхъ, народныхъ заклинаній. По утвержденію автора, «этотъ видъ произведеній устной народной словесности нашей представляетъ доселѣ несомнѣнные признаки полной духовной русской народной самобытности». Онѣ, по буквальному выраженію автора, «вышли изъ самаго нутра русскаго народнаго духа», а потому «имѣютъ и наибольшую цѣнность, какъ матеріалъ для характеристики русскаго народнаго міровоззрѣнія въ его историческомъ развитіи» (стр. 219, 220). И что же? найденныя проф. Н. Барсовымъ въ одномъ судномъ дѣлѣ 1728 г. и относящіяся къ концу XVII вѣка народныя заклинанія, именно и характерны со стороны того, какъ глубоко проникало еще не такъ давно въ міровоззрѣніе русскаго человѣка то самое двоевѣріе, значеніе котораго ранѣе авторъ пытается ограничить. «Наиболѣе сильныя и энергическія заклинанія изъ найденныхъ мною,—пишетъ авторъ,—именно любовныя. Здѣсь заклинатель доходитъ до чисто фаустовскаго демонизма: «не благословясь и не перекрестясь»,—о чемъ нарочито заявляется въ началѣ заклинанія,—онъ идетъ молиться самому чорту, сидящему подъ толстыми оболоками въ глубокомъ омутѣ, о томъ, чтобы ему даны были въ желаемой мѣрѣ силы для одолѣнія любимой женщины. Въ остальныхъ заклинаніяхъ (напр., честолюбца, или мужа, просящаго о ненарушимости любви супружеской, и пр.) русскій человѣкъ остается вѣренъ самому себѣ, или, лучше сказать, своему исконному двоевѣрію: выходитъ въ чисто поле не иначе, какъ «благословясь и перекрестясь», хотя идетъ не за чѣмъ инымъ, какъ волховать, колдовать, т. е. завѣдомо нарушать заповѣдь своей вѣры» (стр. 223). Мало того, самый списокъ приведенныхъ заклинаній найденъ былъ у одного священника вологодскій епархіи, во время судопроизводства надъ нимъ по случаю неправильныхъ вѣнчаній. Виновный объяснилъ, что онъ списалъ эти заклинанія для своего зятя священника съ другой рукописи, обращавшейся издавна въ народѣ «Какъ глубоко проникало, значитъ, суевѣріе волхвованій въ XV вѣкѣ въ жизнь народа,—восклицаетъ авторъ,—если оно нашло себѣ адептовъ даже въ клерикальномъ мірѣ, между самими священниками!» (стр. 224).

Но, если вмѣстѣ съ авторомъ признать, что сказавшееся въ приведенныхъ заклинаніяхъ настроеніе, дѣйствительно, вышло «изъ самаго нутра русскаго народнаго духа», то мы затрудняемся, какъ примирить все это съ тѣмъ, что говорилъ онъ о характерѣ русскаго двоевѣрія, возражая К. Д. Кавелину.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

«Сборникъ общихъ юридическихъ знаній».

Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Выпускъ первый. Подъ редакціей профессора Ю. С. Гамбарова. Спб. 1899 г. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. III+192. Цѣна 1 рубль. «Сборникъ» есть «начало болѣе обширнаго изданія, задуманнаго нѣкоторыми изъ лицъ, принимавшими участіе въ составленіи

программъ московской «коммиссіи по организаціи домашняго чтенія». Составители желали восполнить недостатокъ въ русской литературѣ пособій, сколько-нибудь способныхъ удовлетворить нуждамъ читающей публики». Такимъ образомъ цѣль предлагаемаго изданія—популяризація соціологическихъ и, въ частности юридическихъ знаній. Поэтому, разбирая редактированный проф. Гамбаровымъ «Сборникъ», мы должны принимать во вниманіе не только, въ какой мѣрѣ вошедшія въ него статьи удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, но также и то, отвѣчаетъ ли ихъ содержаніе и изложеніе задачамъ «Сборника». Въ этомъ отношеніи мы можемъ сразу выдѣлить статьи гг. *Новгородцева и Горбунова*: «Право и нравственность» и «Развитіе государства въ Западной Европѣ». Это очень хорошія популярныя статьи, не имѣющія однако никакого самостоятельнаго научнаго значенія. Обѣ онѣ написаны весьма просто и понятно. Очеркъ г. Горбунова, кромѣ того, весьма содержателенъ, тогда какъ г. Новгородцевъ, по самому характеру своей темы, вынужденъ говорить общими мѣстами, которыя врядъ ли сильно подвинутъ впередъ даже самаго неподготовленнаго читателя. Въ статьѣ г. Горбунова насъ только поразила одна фраза: «Крѣпостная зависимость крестьянскаго населенія въ Германіи, обезземеленіе его въ Англіи и непомѣрное обремененіе его налогами и повинностями во Франціи, а равно чрезмѣрное покровительство крупной мануфактурной промышленности, оказывавшееся во всѣхъ этихъ странахъ,—все это отвлекало капиталъ и трудъ отъ земли и приводило сельское хозяйство въ состояніе полнаго застоя и отсталости» (стр. 183). О какомъ времени говоритъ авторъ? Какъ видно изъ контекста, о XVIII в. Но, въ такомъ случаѣ, его фраза о застоѣ и отсталости сельскаго хозяйства совершенно непримѣнима къ Англіи, XVIII-й вѣкъ въ которой характеризуется приливомъ капиталовъ къ земледѣлію и техническимъ прогрессомъ послѣдняго, и по отношенію къ Германіи тоже должна быть обставлена цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Германіи происходитъ обезземеленіе крестьянъ, вызываемое капиталистическимъ перерожденіемъ сельскаго хозяйства, и этотъ метаморфозъ былъ, конечно, тоже связанъ съ приливомъ капиталовъ къ землѣ и съ техническимъ прогрессомъ земледѣлія. Bauernlegen предшествовало въ Пруссіи крестьянской реформѣ и ее во всѣхъ отношеніяхъ подготовило. Авторъ, кажется, забылъ, говоря о *мнимомъ* отливѣ капитала и труда отъ земли въ Англіи XVIII в., что этотъ вѣкъ есть вѣкъ разцвѣта англійскаго *аграрнаго протекціонизма*. Г. Горбуновъ захотѣлъ охарактеризовать одной фразой экономическое положеніе Англіи, Германіи и Франціи въ XVIII в. и, благодаря этому, получилась самая грубая ошибка. Желательно, чтобы она была исправлена во 2-мъ изданіи «Сборника», которое несомнѣнно потребуется очень скоро. Въ общемъ, повторяемъ, статья г. Горбунова очень хороша.

Статья извѣстнаго историка учрежденій *г. Ковалевскаго*, которою открывается «Сборникъ» (стр. 1—29), совмѣщаетъ оригинальную научную цѣнность съ общедоступностью изложенія. Она посвящена вопросу о методахъ сравнительнаго изученія права и объ отношеніи сравнительно-историческаго правовѣдѣнія къ соціологіи.

Самая крупная по размѣрамъ статья «Сборника» принадлежитъ его редактору, *проф. Гамбарову*, и представляетъ сжатый очеркъ общей теоріи права («Право въ его основныхъ моментахъ», стр. 30—112). Изложеніе г. Гамбарова не вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ «Сборника»: оно слишкомъ трудно для того читателя, къ которому обращаются составители. Не всегда удачны и по существу разсужденія г. Гамбарова, напр., его полемика съ Іерингомъ на стр. 80—82. Непонятно, о какихъ «неокантіанцахъ» говоритъ г. Гамбаровъ, приписывая имъ представленіе о религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ, какъ о «врожденныхъ идеяхъ и абсолютныхъ требованіяхъ» (стр. 47). Авторъ почти совершенно игнорируетъ русскую литературу предмета, указанія на которую

были бы весьма полезны читателямъ и въ которой имѣется такой превосходный университетскій курсъ, какъ «Общая теорія права» Н. М. Коркунова. Какъ бы то ни было, очеркъ проф. Гамбарова можетъ быть съ пользой прочтенъ студентами юридическаго факультета, уже обладающими извѣстнымъ запасомъ юридическихъ знаній.

Наконецъ, статьѣ *г. Булгакова* «Хозяйство и право» совсѣмъ не мѣсто въ «Сборникѣ». Статья эта представляется намъ совершенно недоступной пониманію тѣхъ читателей, для которыхъ предназначаются подобныя изданія. Какъ научный трактатъ, она слишкомъ сжата (и въ то же время для научнаго трактата въ ней слишкомъ много мѣста удѣлено тому, что непосредственнаго отношенія къ предмету не имѣетъ), какъ популярный очеркъ, она непригодна, потому что опять-таки слишкомъ сжато трактуетъ о вещахъ, чрезвычайно трудныхъ и темныхъ. Авторъ желалъ выяснить основныя начала и границы соціологическаго познанія въ связи съ принципами теоріи познанія вообще. Къ сожалѣнію, это ему не удалось, и получилось чисто-механическое соединеніе общихъ гносеологическихъ разсужденій съ нѣкоторыми соображеніями о соотношеніи между хозяйствомъ и правомъ. Осталось невыясненнымъ самое главное: что же такое хозяйство и что такое право? Штамлеръ, напр., даетъ совершенно ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но у г. Булгакова мы такого отвѣта не находимъ. Кромѣ того, остается совершенно неяснымъ, почему тотъ *формальный монизмъ*, котораго придерживается г. Булгаковъ, долженъ вести за собой *матеріальный* монизмъ такъ-называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи. Эта неясность сама по себѣ, какъ намъ кажется, указываетъ на невыработанность гносеологическихъ воззрѣній автора, которая замѣчается и при обсужденіи другихъ вопросовъ. Такъ, авторъ *единственную соціологическую реальность* видитъ (стр. 166—167) въ соціальной жизни въ ея цѣломъ, и хозяйство и право разсматриваетъ, какъ простыя «абстракціи», «съ точки зрѣнія соціальнаго познанія». Но г. Булгаковъ нигдѣ не говоритъ, въ чемъ онъ видитъ критерій реальности, и почему части не могутъ быть такъ же «реальны», какъ цѣлое. Здѣсь авторъ самъ незамѣтно для себя подходитъ къ важнѣйшимъ проблемамъ теоріи познанія, но не только не рѣшаетъ, а даже и не ставитъ ихъ надлежащимъ образомъ, давая читателямъ какой-то суррогатъ рѣшенія... Несмотря на то, что статья г. Булгакова насъ совершенно не удовлетворяетъ, мы не можемъ не признать, что по огромному значенію темы и по ея постановкѣ (не принадлежащей, впрочемъ, г. Булгакову), изъ всѣхъ статей «Сборника» она представляетъ наибольшій интересъ. Умно написанная, она не можетъ пройти безслѣдно въ научной литературѣ соціологіи вообше и матеріалистическаго пониманія исторіи въ частности. Но для того круга читателей, который нуждается въ популярной литературѣ, эта статья будетъ почти безполезна.

Въ заключеніе мы можемъ только пожелать литературному предпріятію г. Гамбарова и его товарищей самаго широкаго распространенія. Всякій, прочитавшій «Сборникъ», если у него есть умственные запросы, вынесетъ изъ этого чтенія извѣстный запасъ знаній и духовнаго возбужденія.

СОЦІОЛОГІЯ.

Геркнеръ. «Рабочій трудъ». — *Сидней Веббъ.* «Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ». — *Т. Роджерсъ.* «Исторія труда въ Англіи».—*Э. Вурмъ.* «Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ».

Геркнеръ. Рабочій трудъ (?) въ Западной Европѣ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. Цѣна 3 р. 1899 г. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ переводъ сочиненія цюрихскаго

профессора Herkner'a «Die Arbeiterfrage». До сихъ поръ мы имѣли на русскомъ языкѣ изъ систематическихъ сочиненій по этому предмету только переводъ скучнаго и въ теоретическомъ отношеніи никуда негоднаго труда Шенберга «Положеніе труда въ промышленности». («Рабочій вопросъ» Ланге въ счетъ идти не можетъ, такъ какъ въ немъ не содержится систематическаго изслѣдованія всего предмета въ его цѣломъ, а лишь философское освѣщеніе нѣкоторыхъ его сторонъ). Въ виду этого, появившійся на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Геркнера представляетъ для русскаго читателя, незнакомаго съ иностранными языками, цѣнное пріобрѣтеніе. Геркнеръ, прежде всего, какъ всякій нѣмецъ, чрезвычайно обстоятельный человѣкъ; въ этомъ можно убѣдиться, заглянувъ въ оглавленіе книги: «профессіональные союзы рабочихъ», «страхованіе рабочихъ», «законодательство объ охранѣ рабочихъ», «потребительныя и производительныя товарищества», «рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ», «квартирный вопросъ», «движеніе въ пользу земельной реформы» — вотъ перечень главнѣйшихъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ Геркнеромъ; наряду съ этимъ цѣлый рядъ главъ посвященъ общему теоретическому изученію вопроса, а также исторіи соціальнаго движенія въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы. Но отъ обычныхъ обстоятельныхъ нѣмцевъ Геркнеръ отличается тѣмъ, что не ограничивается однимъ нагроможденіемъ фактовъ, а главное вниманіе обращаетъ на критическое изслѣдованіе своей темы. По своему міровоззрѣнію Геркнеръ—ученикъ Брентано—принадлежитъ къ наиболѣе передовому, лѣвому крылу соціально-политическаго направленія. Въ нѣмецкой литературѣ мы не могли бы назвать изъ группы такъ-называемыхъ соціалъ-политиковъ *) ни одного имени, которое равнялось бы Геркнеру по широтѣ и безпристрастію общественныхъ взглядовъ его носителя, за исключеніемъ развѣ Зомбарта, стоящаго въ этомъ отношеніи совершенно одиноко и врядъ ли даже подходящаго подъ указанную группу. Въ Германіи, въ настоящее время, вообще можно подмѣтить начинающійся процессъ сближенія между идеями политическихъ представителей рабочаго движенія, съ одной стороны, и академиковъ—соціалъ-политиковъ—съ другой стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ первые стали усматривать путь къ достиженію своего идеала въ соціальныхъ реформахъ на почвѣ существующаго строя, и съ тѣхъ поръ, какъ—съ другой стороны—вторые начали видѣть въ соціальной политикѣ не искусство класть отдѣльныя заплаты на прорѣхи современнаго общества, а средство мирнаго внесенія въ него совершенно новыхъ началъ,—съ этихъ поръ создалась реальная основа для сближенія обѣихъ направленій. Новѣйшее «Бернштейніанство» есть лишь одинъ изъ фазисовъ этого сближенія, причемъ, какъ это часто бываетъ, реакція противъ прежней отчужденности привела къ увлеченію противоположной крайностью. Во всякомъ случаѣ, однако, нѣкоторое духовное сродство между обѣими направленіями, сродство, обнаружившееся, напр., на цюрихскомъ конгрессѣ для охраны труда въ 1897 году,—могутъ отрицать только доктринеры того и другого лагеря. Для *полнаго* сліянія обѣихъ необходимо, прежде всего, чтобы соціалъ-политики внесли въ свою критику существующаго строя бо̀льшую принципіальность.

Такая принципіальность въ значительной мѣрѣ отсутствуетъ у лучшаго представителя соціалъ-политиковъ—Геркнера. Недостатки, или, какъ нѣсколько филистерски выражается Геркнеръ, «опасности» современнаго общественнаго строя намѣчены совершенно независимо другъ отъ друга; философское освѣщеніе всей темы въ ея цѣломъ, почти вполнѣ отсутствуетъ. Отсюда вытекаетъ также и нѣкоторый эклектизмъ (правда, гораздо меньшій, чѣмъ у другихъ

---

*) Которыхъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ соціалистами или соціалъ-демократами.

коллегъ Геркнера по направленію) въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ мѣропріятій и направленій въ разрѣшеніи рабочаго вопроса; читатель не видитъ той общей точки зрѣнія, изъ которой вытекаетъ благопріятное или неблагопріятное отношеніе автора къ этимъ мѣропріятіямъ и направленіямъ; въ лучшемъ случаѣ эту точку зрѣнія можно только индуктивно угадать. Если оставить въ сторонѣ этотъ главный недостатокъ книги Геркнера, то, въ остальныхъ отношеніяхъ, книга почти не оставляетъ желать ничего лучшаго по рѣдкому соединенію популярности и научности въ разработкѣ темы.

Въ виду вышесказаннаго, легко понять, что наименьшими недостатками страдаютъ тѣ части сочиненія Геркнера, которыя посвящены разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ излагаемаго имъ вопроса. Во всѣхъ перечисленныхъ выше отдѣлахъ книги, Геркнеръ серьезно, безпристрастно и интересно излагаетъ свою тему, причемъ большинство высказанныхъ на эту тему мнѣній различныхъ авторовъ и направленій подвергаются критической оцѣнкѣ. Было бы неумѣстно разсматривать взгляды Геркнера на каждый частный вопросъ его темы. Остановимся лучше на нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ общественнаго міровоззрѣнія автора. Прежде всего, при чтеніи его труда пріятно поражаетъ—какъ рѣдкое исключеніе—его взглядъ на соціальную политику. Задачи послѣдней Геркнеръ видитъ не въ частичной помощи «оскорбленнымъ и угнетеннымъ» вообще, а въ проведеніи въ общество болѣе совершенныхъ формъ общественнаго хозяйства. Въ виду этого, напр., Геркнеръ совершенно справедливо указываетъ на желательность вытѣсненія розничной торговли торговлей крупной. «Если подобный процессъ,—говоритъ онъ,—и можетъ, безъ сомнѣнія, быть очень печальнымъ для затронутыхъ имъ предпринимателей, то съ общественной точки зрѣнія противъ него ничего нельзя возразить. Вытѣсненіе мелкихъ предпріятій розничной торговли такими организаціями и предпріятіями, которыя выполняютъ свою функцію за низшее вознагражденіе, означаетъ экономическій прогрессъ» (стр. 75, ср. также стр. 161).

Изъ остальныхъ темъ, подвергнутыхъ Геркнеромъ обсужденію, остановимся прежде всего на его оцѣнкѣ кооперативнаго движенія. У насъ въ Россіи, кстати сказать, распространены весьма смутныя представленія о характерѣ и успѣхахъ кооперативнаго движенія на Западѣ; благодаря такой смутности представленій, возможны мнѣнія, основывающія на успѣхѣ артельнаго движенія на Западѣ,—увѣренность въ успѣхѣ артельнаго движенія въ Россіи. Ближайшее знакомство съ вопросомъ должно безпощадно разрушить эту иллюзію. Производительныя ассоціаціи, по типу нашихъ артелей, на которыя, въ частности, возлагали такія большія надежды христіанскіе соціалисты въ Англіи и разные французскіе соціалисты (Фурье, Бюше, Консидеранъ)—никогда не имѣли на Западѣ успѣха, а шансы ихъ на будущее еще слабѣе. Справедливо говоритъ Геркнеръ: «Рѣдко при какомъ-либо учрежденіи дѣйствительно достигнутые успѣхи такъ мало соотвѣтствовали возлагавшимся на него ожиданіямъ, какъ это случилось именно съ производительными ассоціаціями» (стр. 163).

Столь же справедливо и дальнѣйшее его мнѣніе, «что будущее не открываетъ никакихъ особено благопріятныхъ перспективъ производительнымъ ассоціаціямъ». Успѣхъ кооперативнаго движенія выразился главнымъ образомъ въ чрезвычайномъ ростѣ потребительныхъ обществъ, за которыми прежде признавали столь ничтожное положительное, а подчасъ и исключительно отрицательное значеніе. Если мы не ошибаемся, впервые вопросъ о значеніи различныхъ типовъ коопераціи и о причинахъ ихъ сравнительнаго успѣха былъ теоретически выясненъ въ превосходной книгѣ Беатрисы Поттеръ (нынѣ Веббъ), «Cooperative Movement in Great-Britain». Идеи, высказанныя въ этой книгѣ, кажется, не имѣли никакого вліянія на представителей рабочаго движенія на континентѣ, а также не нашли себѣ отголоска въ научныхъ сферахъ. Здѣсь не мѣсто

подробно излагать эти идеи. Сущность ихъ заключается въ томъ, что только потребительныя товарищества соотвѣтствуютъ современному экономическому развитію и вліяютъ на него въ дѣйствительно реформаторскомъ направленіи. Геркнеръ не подвергаетъ критической оцѣнкѣ эти взгляды англійской экономистки, но по существу, повидимому, соглашается съ ними. Въ его книгѣ читатель можетъ найти чрезвычайно интересную рѣчь одного швейцарскаго дѣятеля, въ общемъ воспроизводящаго взгляды Поттеръ и указывающаго на принципіальное значеніе потребительныхъ обществъ (с. 167—169) *).

Изъ другихъ частей книги Геркнера отмѣтимъ чрезвычайно безпристрастное изложеніе взглядовъ соціализма и коммунизма; критика этихъ взглядовъ довольно слаба: она опирается почти исключительно на новѣйшую Штаммлерову критику экономическаго матеріализма; какъ бы мы не относились къ послѣдней, во всякомъ случаѣ она носитъ чисто теоретическій характеръ и извлечь изъ нея какую бы то ни было оцѣнку практической стороны соціализма невозможно. Точно также и въ критикѣ анархизма Геркнеръ довольствуется повтореніемъ чисто абстрактной критики Штаммлера, основанной на ученіи послѣдняго о сущности права; отмѣтимъ также въ этой же главѣ грубую ошибку—смѣшеніе русскаго «нигилизма» съ анархизмомъ.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ (Sidney Webb, Labour in the Longest Reign, 1837—1897, Issued under the Auspices of the Fabian Society) Спб. 1899. Юбилеи королевы Викторіи—50-лѣтній въ 1887 и 60-лѣтній въ 1897 вызвали цѣлый рядъ сопоставленій положенія рабочихъ въ началѣ ея царствованія и въ настоящее время. Большая часть подобныхъ сопоставленій (напр. Progress of the Working classes during the last half-century Роберта Джиффена) страдаютъ понятнымъ въ юбилейныхъ изданіяхъ стремленіемъ подчеркнуть достигнутые результаты и замолчать обратную сторону медали. Небольшая статья Сиднея Вебба, извѣстнаго знатока экономической исторіи Англіи, не отрицая указанныхъ другими экономистами успѣховъ, достигнутыхъ рабочимъ движеніемъ въ теченіе «Вѣка Викторіи», въ тоже время указываетъ на преувеличеніе ихъ. Общіе выводы его заключаются въ томъ, что, конечно, положеніе рабочихъ классовъ существенно улучшилось. Заработная плата увеличилась и ея покупная сила возрасла; продолжительность рабочаго дня уменьшилась;—но этотъ прогрессъ не былъ всеобщимъ; «краснорѣчивыя таблицы Ч. Бутса показываютъ намъ, что 32% четырехмилліоннаго населенія Лондона относятся къ подраздѣленной имъ на четыре разряда бѣднотѣ, среди которой цѣлыя семейства зарабатываютъ не болѣе гинеи въ недѣлю... 300.000 лондонцевъ, которымъ не удается зарабатывать въ недѣлю даже 18 шил. на семейство въ недѣлю, и которые живутъ въ состояніи «хронической нужды», никогда не были бѣднѣе, чѣмъ теперь. Ихъ число не могло быть выше въ городѣ, бывшемъ гораздо меньше въ 1837 г. А когда мы примемъ въ разсчетъ трущобы другихъ большихъ городовъ и констатируемъ у насъ существованіе почти милліоннаго населенія (не говоря о томъ милліонѣ, который постоянно обращается къ помощи закона о бѣдныхъ), живущаго въ состояніи хронической нужды въ самомъ необходимомъ, то поймемъ, какимъ частичнымъ былъ, въ концѣ концевъ, нашъ прогрессъ». Точно также и пониженіе числа рабочихъ часовъ (на 20%, по мнѣнію Р. Джиффена) не коснулось нѣкоторыхъ многочисленныхъ разрядовъ рабочихъ. (Желѣзно-дорожныхъ и трамвайныхъ рабочихъ, приказчиковъ, прислуги въ ресторанахъ, сидѣлокъ, рабочихъ у доменныхъ печей, сталелитейщиковъ и пекарей).

---

*) Въ настоящее время, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извѣстной новой книги Бернштейна, вопросъ о принципіальномъ значеніи потребительныхъ обществъ поставленъ на очередь и среди политическихъ представителей нѣмецкихъ рабочихъ.

«Если въ 1897 г. мы и замѣчаемъ многосторонній прогрессъ по сравненію съ 1837 г., то все таки нельзя слишкомъ гордиться этимъ. Съ 1837 г. мы страшно немного поднялись, и было бы большей съ нашей стороны виной, если бы, при громадномъ ростѣ національнаго богатства, мы не сдѣлали за это время никакого успѣха». Объемъ брошюрки не позволяетъ автору обстоятельно доказывать свои положенія, а только иллюстрировать ихъ нѣсколькими яркими примѣрами,—но, благодаря этому, она дѣлается доступной для широкаго круга читателей.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. (Six centuries of work and wages). Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова, магистранта политической экономіи Спб. 1899. Ц. 3 р. «Если бы чартисты въ 1897 г. попробовали сопоставить свое время съ 1787 г. и составили бы себѣ ясное представленіе объ общественномъ положеніи средняго рабочаго, то по всѣмъ вѣроятіямъ, констатировали бы положительное пониженіе жизненныхъ потребностей большей части народонаселенія: Corresponding society, вѣроятно, отмѣтило бы подобное же явленіе, если бы сдѣлало въ 1787 г. соотвѣтствующее дѣйствительности сравненіе между упомянутымъ и 1737 годами». Эти слова Сиднея Вебба находятъ себѣ обстоятельное подтвержденіе, основанное на детальной разработкѣ громаднаго фактическаго матеріала, въ извѣстной книгѣ Торольда Роджерса, недавно появившейся въ русскомъ переводѣ.

Первыя главы книги посвящены древнѣйшей экономической исторіи Англіи, въ особенности описанію древняго англійскаго помѣстья (manor) съ его сложной структурой и съ различными классами подвластнаго лорду земледѣльческаго населенія, изъ котораго, мало-по-малу, путемъ освобожденія отъ личной зависимости съ замѣною барщины денежною платой, — выработался безземельный рабочій пролетаріатъ. Благодаря богатству англійскихъ архивовъ, Роджерсу не трудно было показать, что со времени древнѣйшихъ англійскихъ лѣтописей, почти въ теченіе трехъ столѣтій, англійскій рабочій жилъ въ избыткѣ и съ надеждой еще болѣе улучшить свое положеніе. Особенно благопріятное вліяніе на положеніе рабочаго класса оказали два важныхъ событія XIV вѣка: голодъ 1315—16 годовъ и чума 1349 г., сократившіе значительно численность рабочихъ и потому явившіеся причиною сильнаго повышенія (по Роджерсу, болѣе 50%) заработной платы. Вліяніе этихъ событій было такъ велико, что не могло быть парализовано въ теченіе цѣлаго столѣтія никакими законодательными попытками ограниченія высоты заработной платы, не смотря на суровыя наказанія, которымъ подвергались за нарушеніе «статута о рабочихъ» какъ рабочіе, такъ и работодатели. Громадные убытки, которые несло крупное землевладѣніе, побудило лордовъ сдѣлать попытку вернуться къ прежней системѣ—обработки полей барщиннымъ трудомъ,—что, по мнѣнію Роджерса, было причиной возстанія Уота Тайлера (1381 г.). Роджерсъ не приводитъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ этой гипотезы, и Эшли правъ, указывая, что это возстаніе могло имѣть и другія причины: настойчивое требованіе со стороны лордовъ выполненія тѣхъ натуральныхъ повинностей, которыя еще не были замѣнены денежною платой; злоупотребленія правомъ лордовъ налагать штрафы въ маноріальныхъ судахъ; существованіе нѣкоторыхъ унизительныхъ повинностей вилланковъ; наконецъ, распространеніе идей Виклефа. Возстаніе было подавлено самымъ жестокимъ образомъ и при помощи удивительной безразборчивости въ средствахъ, но цѣль его была все таки достигнута: попытки вернуть барщину прекратились и крѣпостные обратились въ арендаторовъ по обычаю (tenants by custom). Съ XVI в. начинается упадокъ благосостоянія рабочаго класса, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ: выпуска низкопробной монеты расточительнымъ Генрихомъ VIII (сдѣлавшимъ болѣе кого бы то ни было зла

рабочимъ классамъ и вообще промышленному развитію Англіи); конфискаціи гильдейскихъ имуществъ; огораживанія общинныхъ земель для развитія овцеводства; уничтоженія правъ крестьянъ на пастбища и топливо изъ лѣсовъ; таксаціи заработной платы мировыми судьями, которые всегда были крупными землевладѣльцами и устанавливали, въ интересахъ своего класса, такія нормы заработной платы, что ее постоянно приходилось пополнять изъ приходскихъ суммъ въ пользу бѣдныхъ; закона о приходской осѣдлости; хлѣбныхъ законовъ, которые покровительственными пошлинами доводили цѣны на хлѣбъ чуть ли не до «голодныхъ» цѣнъ; тяжелые налоги—слѣдствіе постоянныхъ войнъ; наконецъ, суровое преслѣдованіе рабочихъ организацій, на которые, путемъ софистическихъ толкованій, было распространено дѣйствіе законовъ о заговорахъ. Этотъ рядъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ рабочихъ, служитъ достаточнымъ основаніемъ для слѣдующаго заявленія Роджерса: «Я утверждаю, что съ 1563 (годъ изданія закона о таксаціи заработной платы мировыми судьями) по 1824 г. въ Англіи существовалъ заговоръ, названный закономъ и проведенный въ жизнь заинтересованными классами съ цѣлью отнять у рабочаго его заработокъ, приковать его къ землѣ, лишить всякой надежды и повергнуть въ неизлѣчимую бѣдность... Слишкомъ два съ половиной вѣка англійскіе законы и ихъ служители стремятся низвести рабочаго до полуголоднаго существованія, подавить въ зародышѣ всякое дѣйствіе и всякое выраженіе, указывающее на недовольство, и задавить его наказаніями, когда человѣкъ начинаетъ вспоминать о своихъ естественныхъ правахъ. Меня не могутъ ввести въ заблужденіе лицемѣрныя фразы, обыкновенно служащія введеніемъ въ законы: эти красивыя слова всегда стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ детальными постановленіями закона. Такъ, напр., въ законѣ Елисаветы заявляется, что «заработная плата слишкомъ низка и не соотвѣтствуетъ условіямъ времени»; далѣе говорится о «нуждѣ и обремененіи бѣднаго рабочаго и наемника»; между тѣмъ, этотъ то самый законъ и понизилъ заработную плату работника, увеличилъ его нужду и обремененіе, потому что онъ то и сдѣлалъ тѣхъ, которые заинтересованы въ томъ, чтобы держать работника въ бѣдности, судьями его заработной платы; онъ-то и далъ право требовать отъ рабочаго свидѣтельство, написанное его прежними работодателями, приходскими попечителями и надзирателями за бѣдными, когда рабочій хотѣлъ поступить на новое мѣсто, оставляя прежнее». Эпоха введенія машинъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря отсутствію законодательнаго огражденія дѣтскаго и женскаго труда и вообще интересовъ рабочаго класса, была временемъ величайшихъ страданій рабочихъ. Озлобленіе ихъ противъ машинъ, въ которыхъ они видѣли главнаго своего врага, дошло до того, что явилась потребность въ законѣ, угрожающемъ за разрушеніе машинъ смертною казнью... Раздраженіе и гнѣвъ рабочихъ классовъ возрасли, наконецъ, до крайности; страна покрылась тайными обществами и суровыя репрессіи противъ соціальныхъ волненій не достигли цѣли. Все это было причиною возникновенія въ 20-хъ годахъ фабричнаго законодательства: въ 1824 г. отмѣненъ законъ о коалиціяхъ; около того же времени проведенъ рядъ законовъ объ охранѣ дѣтей на фабрикахъ и т. д. Важнѣе всего была отмѣна законовъ о коалиціяхъ, благодаря которому сдѣлалось возможнымъ образованіе и развитіе трэдъ-юніоновъ, сослужившихъ громадную службу англійскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, XIX столѣтіе является вѣкомъ частичнаго прогресса рабочихъ классовъ, что, впрочемъ, не даетъ еще права слишкомъ торжествовать, потому что еще далеко до возвращенія «потеряннаго рая» рабочихъ, т. е. того уровня благосостоянія, на которомъ они находились въ XV в.

Книга Роджерса пользуется слишкомъ большой извѣстностью, чтобы нуждаться въ рекомендаціи; если она и не легко читается, благодаря множеству

отступленій и отсутствію стройнаго плана, то съ другой стороны она даетъ такую массу фактическихъ данныхъ, что является необходимымъ пособіемъ для всякаго. желающаго изучать экономическую исторію Англіи.

Э. Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. Ихъ питаніе, квартиры, доходы, косвенные налоги. болѣзни и смертность. Редакція Д. Протопопова. Пер. съ нѣмецкаго М. Мандельштама. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Изученіе рабочихъ бюджетовъ есть лучшее средство для оцѣнки положенія рабочей массы, и указанняя книжка Вурма представляетъ образцовое изслѣдованіе этого рода. 1-ая глава посвящена питанію рабочихъ, въ которомъ, по словамъ автора, главнымъ образомъ, выражается образъ жизни населенія, его standart of life. Опираясь на физіологическія данныя объ обмѣнѣ веществъ въ человѣческомъ организмѣ, онъ доказываетъ, что въ Германіи рабочая семья изъ трехъ взрослыхъ (или 2 взрослыхъ и 2—3 дѣтей), должна тратить, по крайней мѣрѣ, 360 рублей ежегодно, чтобы правильно питаться. По пути, онъ даетъ надлежащую оцѣнку лицемѣрнымъ попыткамъ союза фабрикантовъ «Благо рабочихъ» научить своихъ рабочихъ хозяйничать «хорошо» и «дешево». Книжка эта даетъ совѣты, какъ приготовить обѣдъ для взрослаго за 4,5 коп.! Вотъ меню этого обѣда для 4 взрослыхъ: 3 фунта кислой капусты, 5 фунт. картофеля и 1/4 фунта свѣжаго свиного сала. Понятно, что подобное питаніе должно вести къ быстрому истощенію организма и смерти.

Во II-й главѣ авторъ переходитъ «къ другому, часто недоступному въ достаточной мѣрѣ и слишкомъ дорогому для рабочаго класса средству питанія» — къ воздуху, т. е. къ квартирному вопросу. Минимальная физіологическая норма требуетъ въ жиломъ помѣщеніи 1,5 куб. сажени воздуха, и то при существованіи вентиляціи, рабочій же въ Германіи имѣетъ не болѣе 1 саж.

Въ III-й главѣ авторъ приводитъ немногіе детально разработанные рабочіе бюджеты, которые ему удалось найти въ нѣмецкой литературѣ и сопоставляетъ ихъ съ физіологическими нормами. Важное значеніе въ этой главѣ имѣютъ многочисленныя методологическія указанія и особенно вопросный листъ, рекомендуемый имъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Было бы полезно, чтобы подобные листы были приняты и русскими изслѣдователями рабочаго быта, потому что такимъ путемъ получились бы данныя, пригодныя для сравненія съ другими странами. Конечно, у насъ будутъ нужны нѣкоторыя измѣненія вопросныхъ пунктовъ: профессіональные и политическіе союзы, расходы на страхованіе и пр. Вопросный листъ Вурма, напр., не предусматриваетъ того, что на одну кровать въ рабочей квартирѣ можетъ приходиться отъ 2-хъ до 6-ти человѣкъ (въ среднемъ 2,8) (см. М. Покровская, «Петербургскіе рабочіе», *Вѣстн. Евр.* 1899, мартъ).

Далѣе, авторъ останавливается на обложеніи косвенными налогами. Оказывается, что чѣмъ менѣе доходъ, тѣмъ большій процентъ съ него идетъ на уплату такихъ налоговъ.

IV-я глава занимается вопросомъ о доходахъ рабочихъ. Основываясь, главнымъ образомъ, на податныхъ таблицахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что доходы свыше 900 р. имѣютъ только 10 % населенія. т. е., что только 10% населенія имѣютъ возможность выполнять требованія нормальнаго бюджета. Эти же податные списки показываютъ, что между 1879 и 1890 г. въ Германіи совершался процессъ обѣдпѣнія массъ въ то время, какъ отдѣльныя единицы богатѣютъ.

Въ послѣдней главѣ авторъ указываетъ на результатъ вынужденнаго пренебреженія требованіями физіологіи—чрезмѣрную болѣзненность и смертность рабочихъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Д. С. Милль. «Основаніе политической экономіи».—*Д. Н. Кейнсъ.* «Предметъ и методъ политической экономіи».—*Гингъ.* «Физіократы».

Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ подъ редакціей О. И. Остроградскаго. Изданіе Ф. А. Іогансена. 1899 г. Habent sua fata libelli! Быть можетъ, ни на одной книгѣ не отразилось значеніе этого изреченія въ большей степени, чѣмъ на судьбѣ «Политической Экономіи» Милля въ Россіи. Благодаря прекрасному переводу этого сочиненія въ «Современникѣ», а главнымъ образомъ, благодаря извѣстнымъ «примѣчаніямъ» переводчика, идеи Милля въ 60-хъ годахъ обратили на себя всеобщее вниманіе въ Россіи. Наряду съ Контомъ и Боклемъ, онъ былъ, вѣроятно, самымъ популярнымъ писателемъ у русской «читающей публики». «Примѣчанія къ Миллю», правда, мало затрагивали чисто-теоретическіе, абстрактные вопросы экономической науки, съ которыми имѣетъ дѣло Милль, и заключающаяся въ этихъ «примѣчаніяхъ» критика въ этомъ отношеніи внесла мало новаго. За то «примѣчанія» блестяще вскрывали общественно философское міросозерцаніе, лежащее въ основѣ системы Милля и воообще классической школы и подвергали это міросозерцаніе мастерской критикѣ, мѣстами граничащей съ геніальностью. Эта-то сторона ученія Милля и привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ знаменательную «эпоху 60-хъ годовъ», которую, впослѣдствіи, Салтыковъ мѣтко охарактеризовалъ, какъ «хорошее и свѣтлое, но не особенно умное время», былъ впервые выдвинутъ на первый планъ вопросъ о томъ, быть или не быть въ Россіи западно-европейскому экономическому строю. Въ эти, обильные чудесами, дни казалась очень правдоподобной мысль, что стоитъ только всѣмъ честнымъ и умнымъ людямъ столковаться между собой о томъ, какое общественное состояніе слѣдуетъ признать наилучшимъ,—и это состояніе будетъ водворено. Неудивительно, поэтому, что вопросъ о будущемъ экономическомъ развитіи Россіи сводился тогда просто къ вопросу, представляетъ ли западно-европейскій экономическій строй идеалъ, которому нужно подражать, или нѣтъ. Чернышевскій и взялся показать тѣ недостатки, которыми страдаетъ экономическая жизнь на западѣ и тѣмъ предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ слѣдованія по ошибочному пути. Система Милля служила ему средствомъ и для критики капиталистическаго строя, и для опроверженія обычныхъ фритредерскихъ предразсудковъ. Именно это общественное значеніе работъ Чернышевскаго доставило громкую популярность одновременно и Миллю, и его коментатору. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Для русскихъ публицистовъ уже прекратилась надобность самостоятельно обосновывать критику капиталистическаго строя съ тѣхъ поръ, какъ на западѣ отрицательное отношеніе къ нему стало общимъ мѣстомъ всѣхъ прогрессивныхъ направленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народническая критика капитализма, родоначальникомъ которой былъ Чернышевскій и которая въ своемъ послѣднемъ выводѣ ограничивалась лишь совѣтомъ не вводить этотъ капитализмъ, потеряла всякое значеніе, съ тѣмъ поръ какъ капитализмъ, не спрашиваясь ничьихъ совѣтовъ, прочно обосновался въ Россіи, и съ тѣхъ поръ какъ обнаружилась возможность совсѣмъ иной его критики. Мѣсто Милля занялъ Марксъ, Милля перестали читать, его взгляды не возбуждаютъ интереса и если его имя упоминается, то только для того, чтобы присоединить къ нему эпитетъ «буржуазный экономистъ».

Насколько основательно подобное всеобщее презрительное отношеніе къ Миллю? Конечно, отношеніе къ писателю не со стороны тѣхъ или иныхъ научныхъ круговъ, а со стороны всего общественнаго мнѣнія страны никогда не основано на простой ошибкѣ или случайности: «народы—говоритъ Гейне—

инстинктивно чувствуютъ, что имъ нужно для выполненія ихъ миссій». Самый фактъ равнодушнаго отношенія къ идеямъ Милля есть поэтому уже достаточное доказательство устарѣлости этихъ идей, ихъ несоотвѣтствія нуждамъ и запросамъ современности. И если мы подымаемъ вопросъ о современномъ значеніи Милля, то мы думаемъ не о той широкой массѣ читателей, которые ищутъ въ книгѣ только откровенія, и которые образуютъ «общественное мнѣніе», а лишь о тѣхъ читателяхъ, которые стремятся расширить свой кругозоръ путемъ внимательнаго и безпристрастнаго изученія разнообразныхъ теченій общественной науки. Для такихъ-то людей, по нашему мнѣнію, Милль не только можетъ, но и долженъ представлять еще и теперь серьезный интересъ.

Всякое крупное произведеніе въ области общественныхъ наукъ представляетъ двоякій интересъ, во-первыхъ, съ точки зрѣнія, лежащей въ его основѣ общественно-философской, публицистической мысли, и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія чисто-научной, съ точки зрѣнія того, что оно даетъ для теоретическаго изученія общественныхъ явленій». Милль интересенъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія, но въ различномъ отношеніи. Какъ публицистъ, онъ сохранилъ *по преимуществу* историческій интересъ. Борьба между двумя противоположными общественными теченіями, индивидуализмомъ и соціализмомъ, эта борьба, представляющая самое характерное и знаменательное явленіе умственной жизни нашего вѣка, составляетъ центральное мѣсто всѣхъ произведеній Милля и задаетъ тонъ всѣмъ его идеямъ. Съ этой точки зрѣнія личность Милля представляетъ выдающійся интересъ, въ виду совершенно исключительнаго положенія, въ которомъ онъ стоитъ по отношенію къ этой борьбѣ. Онъ стоитъ на перепутьи обоихъ міровоззрѣній. Воспитанный своимъ отцомъ, подъ вліяніемъ идей наиболѣе послѣдовательныхъ и радикальныхъ индивидуалистовъ—идей Бентама и французскихъ матеріалистовъ, онъ, впослѣдствіи, съ замѣчательной искренностью перешелъ въ противоположный лагерь. Однако, вполнѣ отрѣшиться отъ стараго онъ не смогъ; борьба обоихъ направленій во всю его жизнь осталась для него собственной душевной борьбой. Его симпатіи все болѣе склонялись на сторону новаго, но какъ теоретикъ онъ остался представителемъ стараго міровоззрѣнія. Все это ярко отразилось въ его «Политической экономіи». Теоретическая часть ея является весьма послѣдовательной, выработанной системой экономическаго индивидуализма; все, что Милль внесъ новаго въ науку, не выходитъ за предѣлы развитія старыхъ положеній и ничуть не противорѣчитъ идеямъ классической школы (за исключеніемъ развѣ отказа отъ теоріи фонда заработной платы, которой онъ былъ прежде ярымъ защитникамъ; но онъ не замѣтилъ даже, какую брешь въ старомъ зданіи теоріи проломила въ его взглядѣ на такой, повидимому, частный вопросъ). За то тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ его идеалахъ, о его взглядѣ на будущее, Милль становится рѣшительно на сторону новыхъ идей». Въ этомъ отношеніи особенно интересны знаменитыя главы «о неподвижномъ состояніи» и «о вѣроятномъ будущемъ рабочихъ классовъ». «Неподвижное состояніе» было вѣчнымъ пугаломъ для классической экономіи, которая съ ужасомъ предвидѣла неизбѣжное, по ея мнѣнію, прекращеніе накопленія капитала, что было для нея равносильно концу міра. Поэтому взгляды Милля на этотъ вопросъ должны были ей казаться не менѣе еретическими, чѣмъ тезисы Лютера—католической церкви. «Я не могу—говоритъ Милль—смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатство съ такимъ безусловнымъ отвращеніемъ, какое обыкновенно выказывали къ нему экономисты старой школы. Я склоненъ думать, что въ общемъ это положеніе было бы значительно лучше настоящаго. Сознаюсь, меня вовсе не прельщаетъ идеалъ жизни, который питаютъ люди, считающіе, что естественное состояніе человѣка есть борьба за существованіе; что положеніе, при которомъ каждый топчетъ, тѣснитъ, расталкиваетъ и преслѣдуетъ другихъ по пятамъ—представляющее современ-

ный типъ соціальной жизни—есть самая желательная участь человѣчества, а не печальный симптомъ одного изъ фазисовъ экономическаго развитія». Еще рѣзче разошелся Милль съ взглядами «старой школы» по вопросу о будущности рабочихъ классовъ. Дѣленіе общества на классы капиталистовъ и рабочихъ казалось «старой школѣ» столь естественнымъ и неизбѣжнымъ, что у нея даже и не возникалъ вопросъ объ измѣненіи этого состоянія. Милль, напротивъ, рѣшительно заявилъ, что «при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго прогресса, когда идеи равенства ежедневно все шире и шире распространяется въ бѣднѣйшихъ классахъ и уже не могутъ сдерживаться никакими мѣрами,... нельзя ожидать, чтобы могло на долго удержаться раздѣленіе человѣчества на два наслѣдственныхъ класса—работодателей и рабочихъ». Правда, путь къ такому измѣненію общественнаго строя былъ указанъ Миллемъ крайне поверхностно—онъ видѣлъ залогъ лучшаго будущаго только въ одномъ кооперативномъ движеніи, причемъ даже не замѣчалъ особаго различія въ этомъ отношеніи между производительными и потребительными союзами—но уже само указаніе на неизбѣжность паденія стараго порядка въ устахъ человѣка, который въ теоретическомъ отношеніи глядѣлъ глазами этого порядка, значило уже многое.

Съ другой стороны, Милль представляетъ интересъ, какъ теоретикъ-экономистъ. Его «Политическая экономія» есть наиболѣе послѣдовательное и систематическое изложеніе системы классической экономіи. Не отличаясь оригинальностью Смита и Рикардо, онъ превосходитъ ихъ систематичностью и живостью изложенія, и кто хочетъ познакомиться со взглядами классической школы, тотъ не можетъ обойтись безъ изученія Милля. Знакомство же это настоятельно необходимо не для однихъ лишь спеціалистовъ. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе обычнаго у насъ предразсудка, что знакомство съ одной системой Маркса можетъ дать удовлетворительное знаніе экономической науки. Это невѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, самого Маркса можно понять, только зная взгляды его предшественниковъ. Во-вторыхъ, очень многіе теоретическіе вопросы совсѣмъ не затронуты у Маркса, или затронуты лишь мимоходомъ. Укажемъ, напр., на теорію рыночныхъ цѣнъ, на ученіе о международной торговлѣ, на теорію кредита, наконецъ, на теорію рынковъ, о которой недавно такъ много говорили. Наконецъ, въ третьихъ, недоконченность труда Маркса и все болѣе ощущаемая потребность въ критической провѣркѣ его системы сами по себѣ требуютъ знакомства съ иными системами. Реакція въ пользу классической экономіи, давно уже смѣнившая на западѣ періодъ огульной ея критики, несомнѣнно наступитъ и у насъ, какъ только будетъ сознана вся недостаточность распространеннаго у насъ экономическаго образованія.

Въ теоретическомъ отношеніи Милль является представителемъ болѣе поздняго теченія классической экономіи. Благодаря тому, что его публицистическія идеи переросли его теоретическіе взгляды, эти послѣдніе лишены у него той внутренней стройности и той глубины, которыми они отличались отъ Рикардо и Смита. Въ его произведеніи мы не видимъ уже отголосковъ идей «естественнаго права», одушевлявшихъ раннихъ классиковъ и давшихъ имъ возможность отличить, хотя и не вполнѣ точно, внутреннюю сущность капиталистическаго строя отъ его внѣшнихъ чертъ. Милль не проникаетъ такъ глубоко, какъ его предшественники, въ изучаемыя ими явленія; его заслуга, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что онъ послѣдовательно развиваетъ чисто эмпирическіе законы экономической жизни. Такъ, вмѣсто труда, какъ основы мѣновой цѣнности, у него развито ученіе объ издержкахъ производства; это было послѣдовательно, такъ какъ уже Рикардо самъ указывалъ на непрочность избраннаго имъ мѣрила цѣнности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачивалось всякое соціологическое значеніе теоріи цѣнности, не говоря уже о томъ, что сведеніе цѣнности на издержки, т. е. на сумму другихъ цѣнностей, вовсе не есть разрѣшеніе вопроса. «Сред-

ная цѣна» называется у Милля уже не «естественной», какъ у Рикардо и Смита (что придавало оттѣнокъ желательности и разумности), а просто «необходимой цѣной». Самый взглядъ на мѣновую цѣнность у Милля также последовательно одностороненъ. Подъ мѣновой цѣнностью онъ подразумѣваетъ просто мѣновое отношеніе между товарами, и, за этимъ отношеніемъ, не видитъ въ цѣнности ничего бо̀льшаго. Отсюда его ученіе объ относительности понятія цѣнности, о невозможности общаго подъема цѣнъ и т. д. У Рикардо же, наоборотъ, наряду съ мѣновой цѣнностью имѣется еще «реальная цѣнность» (real value), нѣчто абсолютное, независимое отъ обмѣна и только обнаруживающееся въ немъ,—дѣленіе, впослѣдствіи развитое Марксомъ. Во всемъ этомъ обнаруживается слабая сторона системы Милля; но это же отсутствіе глубокаго философскаго базиса облегчило Миллю изслѣдованіе конкретнаго механизма экономическихъ явленій, тогда какъ у прежнихъ классиковъ эти обѣ стороны теоріи часто смѣшивались другъ съ другомъ къ обоюдной невыгодѣ (особенно у Смита). Отсюда у Милля подробное развитіе ученій о спросѣ и предложеніи и образованіи рыночныхъ цѣнъ, о денежномъ обращеніи, о кредитѣ, о международной торговлѣ. Большинство этихъ ученій до сихъ поръ еще представляютъ серьезный научный интересъ. Укажемъ, напр., на количественную теорію денегъ, которая далеко не можетъ считаться опровергнутой. Теорія международной торговли, со временъ Милля, не подвинулась почти ни на шагъ впередъ, за исключеніемъ немногихъ добавленій къ ней у Кэрнса и Сиджвика, и представляетъ изъ себя замѣчательно стройное ученіе, изъ котораго еще предстоитъ сдѣлать много выводовъ. Въ краткой рецензіи, разумѣется, нельзя дать изложеніе и критику всѣхъ этихъ ученій, и потому мы должны ограничиться простыми указаніями на нихъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ мы должны отнестись вполнѣ сочувственно къ новому переводу «Политической экономіи» Милля. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ мѣстами не вполнѣ удовлетворителенъ, а изданіе, подобно всѣмъ изданіямъ фирмы Іогансона, и совсѣмъ неудовлетворительно.

Джонъ Невиль Кейнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи. Переводъ съ англійскаго А. Гуковскаго. Съ предисловіемъ приватъ-доцента московскаго университета А. А. Мануилова («Научно-образовательная библіотека»). Москва 1899 г. Стр. IV + 278. Цѣна 50 коп. Мысль перевести книгу Кейнса на русскій языкъ нельзя не признать удачной. Правда, русская литература обладаетъ уже переводомъ извѣстнаго трактата Менгера о «методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ частности» и составленной по Менгеру приличной компилятивной диссертаціей г. Левицкаго. Кейнсъ менѣе оригиналенъ, чѣмъ Менгеръ, но его книга содержитъ болѣе разнообразный матеріалъ, очень хорошо приспособленный къ образовательному уровню такъ называемаго средняго читателя. Это не значитъ, чтобы книга Кейнса не отличалась и научными достоинствами. Ея авторъ—широко образованный философъ, хорошо знакомый, повидимому, съ *англійской* экономической литературой. Знакомство его съ нѣмецкой литературой по политической экономіи довольно поверхностно и почти исключительно ограничивается спеціально методологической литературой. Между тѣмъ, самые крупные нѣмецкіе экономисты-теоретики (Тюненъ, Родбертусъ, Марксъ) о методѣ политической экономіи ничего не писали. Даже съ австрійской школой Кейнсъ знакомъ очень недостаточно, что, конечно, неблагопріятно отражается на его изложеніи.

Авторъ занимаетъ посредствующее мѣсто между такъ называемой абстрактно-дедуктивной школой и исторической и въ общемъ высказываетъ вѣрные и философски правильно обоснованные методологическіе взгляды. У него, однако, недостаточно развито столь важное ученіе о «соціальныхъ предпосылкахъ» политической экономіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ ученія

о хозяйственныхъ явленіяхъ, происходящихъ на почвѣ современнаго общественнаго уклада, характеризующагося раздѣленіемъ труда внутри общества. Впрочемъ, и по этому вопросу, Кейнсъ высказываетъ правильные взгляды, но почему-то удѣляетъ имъ мѣсто не въ самомъ центрѣ изложенія, а въ дополненіяхъ (см. «Дополненія къ главѣ IX. A. О границахъ примѣнимости экономическихъ истинъ» стр. 221—235).

Очень полезна даже для спеціалистовъ гл. VIII «Символическій и начертательный методы въ политической экономіи», трактующая о примѣненіи математики къ проблемамъ политической экономіи. Кейнсъ справедливо указываетъ, что «политическая экономія имѣетъ существеннымъ своимъ предметомъ количественныя отношенія и слѣдовательно опирается на математическія понятія», но, съ другой стороны, «количественныя отношенія, въ концѣ концовъ, могутъ быть ясно выражены словами обыкновенной рѣчи и, слѣдовательно, можно признавать необходимость тщательнаго количественнаго анализа, не желая въ то же время прибѣгать къ помощи математическихъ знаковъ». Авторъ примыкаетъ къ совершенно вѣрному взгляду Курно и Эджеворта, формулированному послѣднимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Необходимо твердо установить, что математическій анализъ, вопреки обычному мнѣнію, примѣнимъ не только къ такимъ вопросамъ, въ которыхъ можно располагать числовыми данными. Гдѣ имѣются данныя, хотя и не *числовыя*, но все же *количественныя*,—напр., дано, что какая-либо величина *больше* или *меньше* другой, что она *возрастаетъ* или *убываетъ*, что она *положительная* или *отрицательная*, что она представляетъ *maximum* или *minimum*,—тамъ математическій анализъ возможенъ, а иногда и необходимъ. Возьмемъ простой примѣръ: a больше b, а b больше c,—слѣдовательно, a, больше c. Здѣсь математическое разсужденіе примѣнимо къ величинамъ, которыя могутъ и не поддаваться числовому опредѣленію» (Edgeworth, «Mathematikal Psychics», цит. у Кейнса, стр. 192, прим.). Добавленіе къ главѣ X, озаглавленное «О нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, необходимыхъ при пользованіи статистикой въ экономическихъ изслѣдованіяхъ» (стр. 264—278), собственно непосредственнаго отношенія къ методологіи политической экономіи не имѣетъ, но написано чрезвычайно вразумительно и прочтется съ пользою всякимъ лицомъ, приступающимъ къ изученію *методологіи статистическихъ изслѣдованій*. Указанія Кейнса могли бы пригодиться даже нѣкоторымъ русскимъ профессорамъ статистики, напр., г. Карышеву. Его вниманію мы особенно рекомендуемъ § 2 названнаго «добавленія», озаглавленный «истолкованіе первичныхъ статистическихъ данныхъ». Знакомство съ этимъ § могло бы избавить почтеннаго доктора политической экономіи и статистики отъ тѣхъ чисто ученическихъ промаховъ, на которыя ему указывали и въ литературѣ, и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ (см. пренія въ Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ по докладу Туганъ-Барановскаго «Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи»).

Въ заключеніе мы можемъ лишь самымъ настоятельнымъ образомъ рекомендовать книгу Кейнса всѣмъ лицамъ, приступающимъ къ изученію политической экономіи. Она не открываетъ новыхъ горизонтовъ, но сообщаетъ въ хорошемъ изложеніи уже выдержавшіе научное испытаніе методологическіе взгляды. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы мы лично считали методологію политической экономіи сказавшей свое послѣднее слово, которое оставалось бы только протоколировать. Наоборотъ, мы думаемъ, что она наканунѣ реформы на философскихъ основаніяхъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ тѣ, около которыхъ вертѣлся знаменитый споръ между сторонниками абстрактнаго метода и представителями «историзма». Но пока эта неизбѣжная реформа, толчокъ къ которой должна дать критическая теорія познанія, не произведена, книга Кейнса можетъ считаться очень хорошей и относительно самой полной сводной работой по методологіи политической экономіи.

Переводъ весьма хорошъ. Напрасно только авторъ «economical man» переводитъ «человѣкъ экономики», а не «экономическiй человѣкъ», и употребляетъ плеоназмъ «налоговое обложенiе». Никакого другого *обложенiя*, кромѣ того, которое заключается въ *налогахъ*, экономическая наука не знаетъ.

Гиггсъ. Физiократы. Переводъ подъ редакцiей П. Струве. Изданiе О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. (**«Образовательная библiотека», серiя 2-я № 6**). Ученiя экономической школы, извѣстной во Францiи XVIII вѣка подъ названiемъ школы физiократовъ или экономистовъ, за послѣднее десятилѣтiе начали снова интересовать спецiалистовъ. Физiократовъ начинаютъ усердно изучать, и изслѣдованiя Онкена, Шелля, Бауера, а также открытiе послѣднимъ оригинала «экономической таблицы» Кенэ, являются результатами этого изученiя. Пробужденiе интереса къ идеямъ физiократовъ объясняется отчасти эволюцiей экономической науки, отчасти же нѣкоторыми событiями дня. Физiократы впервые выработали систематическое ученiе о народномъ хозяйствѣ; они первые начали заниматься изученiемъ не извѣстныхъ практическихъ вопросовъ экономической политики—что составляло задачу писателей изъ группы меркантилистовъ—а всего народнаго хозяйства въ его цѣломъ, и притомъ не въ той или другой опредѣленной странѣ, а народнаго хозяйства, какъ таковаго. Заглавiе сочиненiя одного изъ предшественниковъ физiократовъ, Кантильона: «Théorie de commerce *en général*», какъ справедливо говоритъ Гиггсъ, ярко обнаруживаетъ переходъ политической экономiи изъ области искусства въ область науки. При современныхъ успѣхахъ экономической науки, и въ частности, при пробужденiи интереса къ чисто теоретическому изученiю науки, естественно, обратила на себя вниманiе первая школа теоретической экономiи, а любовь къ историко-литературнымъ изслѣдованiямъ (въ особенности у нѣмцевъ) была благодарной почвой для успѣха изученiя научныхъ предковъ современныхъ экономистовъ. Съ другой стороны, теперь снова выступилъ на очередь аграрный вопросъ, которому посвящена важнѣйшая часть трудовъ физiократовъ, и это, безъ сомнѣнiя, не осталось безъ влiянiя на отношенiе современной науки къ физiократамъ.

Къ сожалѣнiю, переведенная на русскiй языкъ книжка Гиггса о физiократахъ не принадлежитъ къ числу особенно удачныхъ работъ въ этой области. Гиггсъ, повидимому, весьма свѣдущiй человѣкъ, но онъ совершенно лишенъ дара обобщенiя, дара отдѣленiя существеннаго отъ второстепеннаго, что столь необходимо въ историко-литературныхъ работахъ. Поэтому его трудъ даетъ весьма обстоятельную *внѣшнюю* исторiю физiократической доктрины, т. е. исторiю физiократическихъ книгъ и писателей, но онъ совсѣмъ не даетъ ни *внутренней* исторiи идей, ни даже послѣдовательнаго ихъ изложенiя. Весьма поверхностна также оцѣнка Гипсомъ тѣхъ фактовъ современной физiократамъ экономической дѣйствительности, которые вызвало ихъ ученiе. Изъ ошибочныхъ по существу взглядовъ Гипса отмѣтимъ его пренебрежительное отношенiе къ Летрону (Le Trosne), котораго онъ называетъ «популяризаторомъ» и которому, въ качествѣ таковаго, посвящаетъ лишь нѣсколько строкъ. Въ дѣйствительности Летронъ, авторъ очень интереснаго сочиненiя «De l'interêt social», долженъ считаться, послѣ Тюрго и Кенэ, лучшимъ *теоретикомъ* физiократическаго ученiя. Его полемика съ Кондильякомъ по вопросу о теорiи цѣнности не потеряла своего значенiя и для нашего времени.

Въ общемъ, трудъ Гиггса можетъ служить удобной справочной книжкой, но никакъ не руководствомъ къ изученiю вопроса. Въ этомъ отношенiи тѣмъ не многимъ свѣдѣнiямъ о физiократахъ, которыя въ русской литературѣ содержатся въ I-мъ томѣ «Происхожденiя современной демократiи» Максима Ковалевскаго, а также въ статьѣ о физiократахъ г. Герценштейна, напечатанной въ началѣ 90-хъ годовъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», надо отдать безусловное предпочтенiе.

---

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го августа по 15-е сентября 1899 года.

В. Клей. Чахотка, какъ соціальное явленіе, пер. д-ра-мед. Яроцкаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Масай. Разсказы и очерки. Нижн.-Новг. 1899 г. Ц. 50 к.

В. Львовъ. Народная школа. Книга для чтенія. Старшій возрастъ. Ч. I (съ 212 рис.). Москва. Ц. 70 к.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1897 годъ. Изд. Мин. Фин. Спб. 1899 г.

Проф. I. Ранке. Человѣкъ. Пер. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе», вып. 7-й.

Шмидтъ и Палибинъ. Естественно-историческій атласъ. Вып. II. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 5 р. по подпискѣ.

Меньшиковъ. Дѣти. Вып. 9-й «Этико-художественной библіотеки». Москва. 1899 г. Ц. 20 к.

Проф. Кернеръ фонъ-Марилаунъ. Жизнь растеній. Пер. подъ ред. проф. Бородина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Ц. за 30 вып. 12 р. 80 к.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Томской губ. 1899 г.

Павлищевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

В. Зимницкій. Способы и пріемы обученія правописанію. Москва. 1899 г. Ц. 40 к.

Ежъ. На разсвѣтѣ. Повѣсть. Изд. Орѣхова «Новая библіотека». Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Короленко. Сонъ Макара. Святочный разсказъ. Изд. Дорошенко. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

П. Мериме. Матео Фальконе. Изд. Дорошенко. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.

Маминъ-Сибирякъ. Озорникъ. Изд. Орѣхова «Новая библіотека». Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

Э. Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 65 к.

Э. Демоленъ. Отчего зависитъ превосходство англо-саксонской расы. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р.

Творенія Платона. Пер. Влад. Соловьева. Т. I. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Серафимовъ. Стихотворенія. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

Альфредъ Деберль. Исторіи Южной Америки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Позняковъ. Соловьиный садъ и другіе разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Его же. «Было бы болото». Спб. 1899 г.

Б. Вейнбергъ. Работа и энергія. Четыре общедоступныхъ научныхъ бесѣды. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

В. Битнеръ. Вѣрить или не вѣрить? (съ 43 рис. въ текстѣ). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Ф. Павленкова (съ 224 политипажами). Ц. въ коленк. перепл. 3 р. Спб. 1899 г.

Гѣксли Розенталь. Основы физіологіи. Съ 118 рис. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

Ф. Заринъ. Стихотворенія. Спб. 1899 г.

Френе. Сборникъ задачъ по анализу безконечно малыхъ. Часть I-я. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ за 1897—1898 гг. Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ. Спб. 1899 г.

С. Красноженъ. Налогъ на спиртъ. Юрьевъ. 1899 г.

Его же. О разводѣ въ Россіи. Историч. очеркъ. Юрьевъ. 1899 г.

Его же. Сборникъ учено-литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Гиляровъ. Что такое философія. Кіевъ. 1899 г.

П. Казанскій. Н. Х. Палаузовъ (біографическая замѣтка). Спб. 1899.

А. Дымчевскій. Думки. Стихотворенія. Ростовъ-на-Дону. 1899 г. Ц. 70 к.

А. Готье. Алкалоиды жира тресковой печени. Спб. 1899 г. Изд. книжн. маг. Эриксонъ.

Зубаревъ. Человѣчество на пути къ истинѣ. XX вѣкъ. Варшава. 1899 г. Ц. 40 к.

Ганнушкинъ. Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. Москва. 1899 г.

Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Календарь земледѣльца на 1900 годъ. Спб. 1899 г. Ц. 6 к.

П. Астровъ. Дѣти подмостковъ. Спб. 1899 г.

Н. Павловъ. Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ. Ч. I 15 к. Ч. II 20 к. Казань. 1899 г.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Изд. Научно-образов. библіотеки. Москва. 1899 г. Вып. 6 и 7. Ц. 45 к.

Коммерческая энциклопедія. М. Ротшильда. Изд. Форселесса. Спб. 1899 г.

Пришлые сельско-хозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Докладъ земскаго санитарнаго врача Хижнякова. Херсонъ. 1899 г.

Отчетъ Борисоглѣбской публичной библіотеки за 1898 годъ. Борисогл. 1899 г.

И. И. Янжулъ. Сосѣдскія гильдіи. Изд. Этико-художественной библіотеки. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.

Киплингъ. Чудо Пуранъ Багата. Изданіе Этико-худож. библ. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.

И. Потапенко. Забытый пономарь. Повѣсть. Изд. Этико-художественной библіотеки. Москва. 1899 г. Ц. 25 к.

Д-ръ М. Флёри. Патологія души (съ 14 рис. въ текстѣ). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Georges Harley or the Life of a London Physician» by M-r Alex. Tweede (Scientific Press). (Джорждъ Гарлей или жизнь лондонскаго врача). Докторъ Гарлей много потрудился для науки и покрылъ неувядаемою славою свое имя, но извѣстенъ былъ среди своихъ современниковъ не только какъ ученый врачъ, но и какъ большой оригиналъ. Про него ходила масса всевозможныхъ анекдотовъ и разсказы о его выходкахъ переходили изъ устъ въ уста. Двадцати шести лѣтъ онъ былъ профессоромъ физiологiи въ Лондонѣ и первый поставилъ преподаванiе этой науки на должную высоту. Но, помимо своихъ научныхъ трудовъ, Гарлей прославился еще своимъ добрымъ сердцемъ столько же, сколько и своими странностями. Жизнь его очень интересна, такъ какъ полна всевозможныхъ приключенiй. Онъ даже былъ приговоренъ къ разстрѣлянiю, попавъ въ руки австралiйскому патрулю, принявшему его за шпiона, но спасся бѣгствомъ, преодолѣвъ массу препятствiй. (Daily News).

«A Study of Mary Wollstonecraft and the Rights of Woman» by Emma Rauschenbusch - Clough. (Longmans, Green and C°). (Мэри Уольстонкрафтъ и права женщины). Въ этой небольшой, прекрасно изданной книжкѣ, заключается бiографiя Мэри Уольстонкрафтъ, пiонерши женскаго движенiя и защитницы правъ женщины, выступившей въ литературѣ въ 1792 г. съ большимъ сочиненiемъ въ пользу эмансипацiи женщинъ. Въ этомъ первомъ трудѣ Мэри Уольстонкрафтъ находится все, что относится къ исторiи освобожденiя женщины и идеи равноправiя. Авторъ бiографическаго очерка знакомитъ читателей съ литературною и педагогическою дѣятельностью этой выдающейся женщины и въ заключительной главѣ говоритъ о тѣхъ радикальныхъ перемѣнахъ, которыя произошли съ тѣхъ поръ во взглядахъ общества на природу и положенiе женщины въ свѣтѣ и семьѣ и во взаимныхъ отношенiяхъ мужчинъ и женщинъ.

(Bookseller).

«Les transformations du pouvoir» par. M. Tarde. (Превращенiе власти). Изслѣдовавъ въ своихъ прекрасныхъ работахъ образованiе, развитiе и логическую эволюцiю различныхъ соцiальныхъ явленiй (религiя, языкъ, преступность, мода и т. д.). Тардъ примѣняетъ теперь свой методъ къ «превращенiямъ, которымъ подверглась власть». Въ началѣ онъ говоритъ о происхожденiи политической жизни, исходя изъ того принципа, что политическая власть занимаетъ такое же мѣсто въ нацiи, какъ сознательная воля въ мозгу человѣка, и высказываетъ мнѣнiе, что власть имѣетъ семейное происхожденiе, объясняя этимъ престижъ старости и силы—истинныхъ источниковъ власти Далѣе Тардъ говоритъ о семьяхъ, соединившихся вмѣстѣ для образованiя городовъ, и городахъ, которые вмѣстѣ составили нацiю. Очень интересны и краснорѣчивы главы, въ которыхъ авторъ объясняетъ роль подражанiя въ политической жизни и указываетъ, что политическое подражанiе болѣе заразительно, нежели экономическое. Онъ изслѣдуетъ законы, влiяющiе на зарожденiе и развитiе партiй, значенiе оппозицiи и роль печати и подробно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за различными превращенiями власти.

(Journal des Débats).

«Nel mondo dell' infanzia» Lino Ferriani. (Въ мiрѣ дѣтей). Авторъ не безъ основанiя находитъ, что современная педагогика недостаточно знакома съ дѣтскою психологiей и вслѣдствiе этого-то оружiе, которымъ она располагаетъ, часто обращается противъ нея. Феррiани указываетъ на вредъ, приносимый абсолютною и безконтрольною диктатурой «pater familias», на дурныя послѣдствiя слишкомъ ранней дрессировки ума, на замѣну воспитанiя обученiемъ. Чтобы заставить ребенка учиться, педагоги злоупотребляютъ могущественнымъ, но въ то же время и опаснымъ оружiемъ, возбуждая соревнованiе и развивая такимъ образомъ въ нѣжной душѣ ребенка сѣмена зависти и злобы.

(Revue des Revues).

«Funafutti; or three Mouths on a Coral Island». By M-r Edgeworth David. (*Murray*). (*Три мѣсяца на коралловомъ островѣ*). Авторъ называетъ свою занимательную книгу: «не научнымъ описаніемъ научной экспедиціи», которая была организована сиднейскимъ университетомъ для разрѣшенія спорнаго вопроса о происхожденіи коралловыхъ острововъ. Островъ Фунафути, на которомъ авторъ провелъ три мѣсяца, — одинъ изъ множества коралловыхъ острововъ, кольцомъ окружающихъ лощину, имѣющую тринадцать миль въ длину и одиннадцать въ ширину. Этотъ архипелагъ находится въ трехъ дняхъ пути отъ Самоа. Фунафути— маленькій островъ, имѣющій въ длину семь миль, а въ ширину полмили, но покрытый роскошною тропическою растительностью и представляетъ настоящій земной рай. Авторъ описываетъ жителей острова, ихъ нравы и образъ жизни и миссіонерскую дѣятельность, которая принесла уже хорошіе результаты, уничтоживъ многіе жестокіе обычаи и смягчивъ нравы. Интересна также исторія заселенія этого маленькаго острова.

(Athaeneum).

«Social England» edited by H. Traill. London. (*Cassell*). (*Соціальная Англія*). Вышелъ четвертый томъ этой интересной исторической энциклопедіи. Каждая глава обнимаетъ огромную часть столѣтія и въ отдѣльныхъ очеркахъ изображаетъ различныя стороны жизни націи: политику и дипломатію, войны и военное искусство, флотъ и колоніальныя предпріятія, воспитаніе, нравы, здоровье, сельское хозяйство, пауперизмъ, организацію труда, монетной системы и накопленіе богатствъ, литературу и прогрессъ идей, промышленность и изобрѣтенія. Всѣ отдѣльныя статьи написаны спеціалистами по данному вопросу. Четвертый томъ посвященъ XVII вѣку и въ немъ заключается чрезвычайно интересное описаніе соціальной жизни и эволюціи нравовъ республиканской Англіи отъ 1642 до 1660 годъ.

(Literary World).

«L'organisation de la Paix» par Emile Arnaud. (*Организація мира*). Авторъ, состоящій президентомъ международной лиги мира и свободы, излагаетъ въ этой брошюрѣ послѣдовательныя фазы развитія идеи мира и исторію пропаганды мира въ Европѣ.

(Revue internationale).

«M. Dooley in peace and war» by F. P. Dunne (*Richards*). (*Мистеръ Дулей во время войны и мира*). Чрезвычайно остроумная и ѣдкая сатира на испано-американскую войну, увлеченіе американцевъ военными успѣхами и т. п. Но въ этой сатирѣ одинаково достается и побѣдителямъ и побѣжденнымъ.

(Literary World).

«Reminiscences» by Justin Mc Carthy (*Chatto and Windus*). (*Воспоминанія*). Извѣстный ирландскій дѣятель Макъ-Кэрти въ своихъ воспоминаніяхъ, обнимающихъ почти полугодовой періодъ современной англійской исторіи, знакомитъ читателей съ чрезвычайно интересными страницами этой исторіи, съ ирландскимъ движеніемъ и различными англійскими политическими дѣятелями, съ которыми Макъ-Кэрти былъ связанъ многолѣтнею дружбой. Воспоминанія Макъ-Кэрти написаны въ отрывочной формѣ; онъ самъ говоритъ, что онъ писалъ ихъ такъ, какъ они возникали у него въ головѣ. Но отъ этого живость и занимательность разсказа не теряетъ нисколько. Онъ былъ знакомъ со всѣми выдающимися англійскими женщинами и мужчинами нашей эпохи к какъ журналистъ и издатель онъ зналъ многихъ дѣятелей еще раньше своего вступленія въ парламентъ. Воспоминанія его изобилуютъ интересными эпизодами и анекдотами изъ парламентской и общественной жизни Англіи, но, безспорно, самую интересную часть книги представляетъ та, въ которой авторъ разсказываетъ о Парнеллѣ, съ которымъ его связывала долговременная дружба, начавшаяся въ тѣ времена, когда они оба еще были неизвѣстными людьми. Дружба эта пережила расколъ парламентской партіи и даже избраніе Макъ-Кэрти на мѣсто Парнелля. Авторъ зналъ также Диккенса, Теккерея, Карлейля, Теннисона и др., а во время своей поѣздки въ Америку познакомился съ Эмерсономъ, Лонгфелло и др. Интересны также его воспоминанія о личныхъ сношеніяхъ съ Гладстономъ, Джономъ Брайтомъ, Чэрчилломъ и многими другими парламентскими дѣятелями.

(Athaeneum).

«The Martyrdom of an Empress» (*Harper and Brothers*). (*Мученичество одной императрицы*). Неизвѣстный авторъ этой книги, очевидно посвященный во всѣ тайны придворной жизни, разсказываетъ очень любопытную исторію жизни покойной австрійской императрицы и трагической смерти ея сына, кронпринца Рудольфа. Эта исторія въ первый разъ появляется въ печати въ такомъ видѣ и историческія подробности разсказа ясно указываютъ, что авторъ занималъ такое положеніе при австрійскомъ дворѣ, которое давало ему возможность все знать и видѣть, и находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣйствующими лицами этой драмы.

(Daily News).

«A Thousand days in the Arctis» by Frederik G. Jackson. (*Harper and Brothers*). (*Тысяча дней въ арктической области*). Прекрасно иллюстрированное, двухтомное изданіе, заключающее въ себѣ повѣствованіе Джексона о его трехлѣтнемъ пребываніи въ арктической области, представляетъ цѣн-

ный вкладъ въ литературу полюса. Экспедиція Джексона была организована въ видахъ изслѣдованія Земли Франца-Іосифа, которая считается обширнымъ материкомъ и лучшею дорогою къ полюсу. Изысканія, произведенныя Джексономъ, привели его однако къ заключенію, что этимъ путемъ невозможно приблизиться къ полюсу. Экспедиціи пришлось выносить страшно тяжелыя климатическія условія, но, благодаря ея пребыванію на Землѣ Франца-Іосифа, были спасены Нансенъ и его товарищъ Іогансенъ.

(Daily News).

«Théories sociales et politiciens» par Ernest Charles. (Fasquelle). (Соціальныя теоріи и политики). Авторъ съ величайшимъ безпристрастіемъ изучаетъ всѣ современные соціальные вопросы и современныхъ политическихъ дѣятелей Франціи, такъ что въ книгѣ его отражается вся соціальная исторія парламента со времени республики. Въ своей безпристрастной оцѣнкѣ авторъ не щадитъ не только мертвыхъ, но и живыхъ дѣятелей, и теперь еще подвизающихся на сценѣ французской политической жизни.

(Revue internationale).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ:** въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб. безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ, С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.